

2021

Ежегодник произведений
авторов Литры

litra.online

Стихи Проза Книги

СТИХИ

Николай Дик

Владислав Русанов

Магомед Мусаев

Елена Карелина

Александр Костерев

fibringlue

Наталия Тебелева

Николай Почтовалов

Насиба Кипке

Михаил Афонин

Яна Половинкина

Дмитрий Рахмилов

Татьяна Правило

Antonina

Альберт

Вадим Сергеев

Виктория Щепановская

Николай Дик

Ночь бессонная

Время к полночи, не спится.
Взгляд окно сверлит впустую.
Месяц дремлет в колеснице,
звёзды маются под сбрueй.
Скоро выдохнутся, знаю.
Разбредутся и погаснут.
Сотый раз поймут, что в стаю
собираются напрасно.

Утро выглянет из рая,
спрячет ночь на дне колодца,
и заря, лучом играя,
сонной птице улыбнётся.
Первый луч откроет окна,
сны умчатся в поднебесье,
от росы трава промокнет
в зачарованном полесье.
В синем небе, словно овцы,
соберутся тучи в грудy,
и распухнет под солнцем
новый день на радость людям.

Воспоминание о лете

Парило солнце, млела суша
от волн горячих и солёных.
А я сидел на ней и слушал,
как за спиной шептались клёны.
И мир казался невесомым,
волна морская – сновиденьем,
а сам себе – песчаным домом,
что растворится за мгновение.
Но не спешило чудо-время
размыть песчаный кров удачи,
и стрелки двигались по схеме,
по той, что отпуск им назначил.

Но всё кончается когда-то.
Счастливым август смыло в море,
и календарь осенней датой
волну горячую оспорил.
Лишь чудный миг волной не смыло.
Он в память врос и ежедневно
спасает душу от унылых
забот и мыслей повседневно.

Девятый вал

Горело солнце, бушевал
безумный ветер, тучи в клочья,
и пировал девятый вал
в кипящем море дикой ночью...
Взывают к милости святых
полуживые, но надежды
смывает с мачты, у живых
не остаётся сил мятежных.
И к небу тянется рука,
трепещет красная тряпица,
но смерть ужасная близка...
Что через миг ещё случится?

И маринист заколдовал –
на полотне, на удивленье,
остановил девятый вал,
вселив надежду на спасенье.

Слово

Вроде просто – только слово.
Но зачем и для кого?
Сколько вложено чужого
в нём, и сколько своего?
Вездесущее, и всё же:
скороспелое – сожжёт,
задушевное – поможет,
без ума – наоборот.
Улетает слово быстро.
Как его назад вернуть,
если вылетело искрой,
превращая мысли в муть?
Оправдания не стоят
ничего, коль виноват,
и не станешь летним зноем,
хоть гори в сто тысяч ватт.
Надо думать, за себя ли,
за других ли – всё равно,
чтоб слова не превращали
мысль в прокисшее вино.

Памяти Виктора Цоя

Кто пройдёт по моим следам?
Кто решится отправиться в путь?
И кому я себя отдам,
если руки меня подведут?
Что оставлю другим, сойдя
с перепутья причудливых мук?
Неужели печаль дождя
или чёрный навязчивый глюк?

А хотелось оставить стих,
хриплый крик несговорчивых нот,
чтобы голос уже не стих
тех, кто песни мои запоёт.
Чтоб горела в сердцах звезда
и ладонь не сжималась в кулак,
чтобы слышалось из гнезда
от кукушки охрипшей «Тик-так»...

Кто пройдёт по немым следам,
что останутся от чёрных шин,
тем судьбу свою передам
и оставлю ключи от вершин.

Провинциальные вокзалы

Вокзал из прошлого столетья
с невзрачной вывеской на входе
и обездоленным отрепьем,
что у дверей ночами бродит.
Здесь на перроне, как и прежде,
среди транзитников и ждущих
снутют наивные надежды
на что-то лучшее в грядущем.
И так же выставлен в киосках
давно прокисший «Буратино»
под занавесками в полоску
с привычной сетью паутинной.
И вездесущие старушки
с коньячно-водочной настойкой
в знакомых с юности чекушках
с довеском в пончик или слойку.

Провинциальные вокзалы...
Пяти минут здесь, как и прежде,
на расставанье слишком мало,
и слишком много для надежды.

Не покидай меня

Заледенелые слова
на грустный город...
Душа в груди полужива,
морозит холод.
Не обогреть, не пожалеть
никто не сможет.
По январю оставлен след,
но лишь проходим.
Для одиночества полёт
не пригодится –
кто за собою позовёт
больную птицу?
И замороженные сны,
как чёт и нечет –
воспоминания весны
уже не лечат.
Остаток дней покроем лёд,
замёрзнут окна;
душа в плаксивость попадёт
и в ней промокнет,
заледенелые мечты
упрутся в финиш...

Всё так и будет, если ты
меня покинешь.

Владислав Русанов

Обвиняйте меня, если можете...

Обвиняйте меня, если можете,
Что я не жил в те годы ни дня,
Что условностью будней стреноженный
Из проката седлаю коня,
Что пишу я баллады печальные
И кручу залихватски усы,
Этой темой сусально-скандальной
На гитаре терзаю басы.
Может, это пустые амбиции,
Грезы глупые, детские сны...
Не стоял же я с князем Голицыным
Перед дулам матросни.
И не мерил степи кубанские
Прохудившимся сапогом,
Не бросался в окопы германские
С беспощадно-холодным штыком.
И на свет опоздал народиться я,
Чтоб, погоном злаченным блестя,
С Чернецовым промчатся станицами
Шашкой острою ветер крестя.
Чтоб виски от досады ломило бы,
Чтобы пальцы сжимали эфес,
Чтоб идти с генералом Корниловым
За Отечество, Веру и Честь.
И упасть, изрешеченным пулями,
Под Лежанкой, Афипской, Шенджи,
Чтобы ветры задонские буйные
Васильки колыхали во ржи.
Чтоб не телом, душой измочаленный,
Словно конь, что лишен табуна,
Вместе с ротмистром старым Иваненко
Лечь на Сен-Женевьев-де-Буа.
Ну, и что ж, что сроки просрочены?
Что они проиграли игру?
Если сердце грызет червоточина,
Руки просятся сами к перу.
Мне дороже времен тех безумие,

Безысходность с надеждой в груди,
Переходы ночные безумные
И шрапнели горячей дожди.
Им, что шли добровольно в изгнание,
Боль неся изможденных сердец,
Им, гонимым, я поясно кланяюсь,
Им, принявшим терновый венец.
Вам, чьи кости и души разбросаны
На земле, и в Аду, и в Раю,
Вам, смиренным и неуспокоенным,
Вам «Спасибо»! за всех говорю.

1992

В который раз вы возвращаетесь с прогулки...

В который раз вы возвращаетесь с прогулки,
Шинель снимаете, садитесь у окна.
На подлокотники легли устало руки –
Опять один и боль у вас одна.

В пространство взор невидящий уставив,
С бессонницей своей наедине.
И седину виска буравит память –
Россия-Мать в бушующем огне.

Ни звездочки в безлунном черном небе,
Тоска подходит к кадыку комком...
Вы вспоминаете заснеженные степи
И посвист лавою идущих казаков.

Как бурка черная полощется крылами!
Морозный воздух распирает грудь.
Осколки памяти звенят колоколами
И строем лица с судьбами идут.

Сны наяву своей проходят чередою,
А ночи плавно переходят в дни...
Так хочется расправиться с судьбою
В ладони тяжесть шашки ощутив.

1991

В душных дебрях бельгийского Конго...

В душных дебрях бельгийского Конго
среди стволов, оплетенных лианой,
перезвоны бронзового гонга
угасают в пологе тумана...

Там, вдали от благ цивилизаций
проживала чернокожая жрица.
Танцевала танец урожая
под тягучие старейшин песнопенья.
Приносила жертвы ежегодно
Богу Проса, Богу Крокодила
и отдельно Богу Чёрной Хвори,
чтобы племя мужчин не теряло.
Танцевала танец урожая,
нежно пели бронзовые гонги
и звенели золотые кольца
на её эбеновых запястьях.
Как-то утром под высокий берег
принесло течение чужестранца.
Белокожий, золотоволосый,
был как будто из другого мира.
Только чудом или же случайно
не был он укушен чёрной мамбой,
не был он загрызен леопардом,
не был он утащен крокодиллом.
Воины недолго совещались —
принесли его в жилище жрицы:
«Может быть больной он и заразный?
Может сразу, от греха подальше,
голову отрезать и на палку?
Ну а тело выбросить собакам —
если передохнут, то не жалко...»
Жрица долго совещалась с ветром.
Жрица долго совещалась с небом.
Нежно пели бронзовые гонги
и звенели золотые кольца
на её эбеновых запястьях.
И решила, пусть живым побудет,
голову отрезать ведь недолго —
шея мягче дерева бонгосси,
шея мягче дерева азобе,

шея мягче рога носорога.
Чужестранец, как окреп немного,
светлой благодарностью проникся,
золотой, как собственная чёлка
и как кольца на запястьях жрицы.
Он ей пел про тисовые рощи
и про вереск на йоркширских холмах,
скалы меловые Альбиона
и свинцовую пучину океана.
Он ей пел про шпаги и мушкеты,
абордажи, штормы, ром ямайский...
Улыбалась удивлённо жрица,
хоть ни слова и не понимала.
Нежно пели бронзовые гонги
и звенели золотые кольца
на её эбеновых запястьях.
Лишь весной в ожидании разлива
принесли его торжественно в жертву.
Бог Реки страшнее Бога Чёрной Хвори,
и его задобрить очень важно.
Жрица долго вспоминала чужестранца
и глядела на нательный крестик,
что себе оставила на память.
Нежно пели бронзовые гонги
и звенели золотые кольца
на её эбеновых запястьях.

В сонных джунглях бельгийского Конго
среди стволов, опутанных лианой,
плач прощальный бронзового гонга
угасает в пелене тумана...

2021

Арабская ночь

Закатный луч коварен. Он скользит
вдоль площадей и стрелок шумных улиц,
вдоль голосов на хинди и фарси.
Ручной гепард за ним следит сощурысь.

Блеснёт на медных шлемах и броне
ленивой стражи, погружённой в негу,
и защемит пришедшее извне
предчувствие пиратского набега.

Зарозовеет в парусах фелук
и джонок – штрих на рисовой бумаге.
А в небесах, изогнутых как лук,
распустятся невиданные стяги.

И ночь падёт, сомнения поправ,
стремительна, как скорпионье жало.
Запретный месяц, знойный мухаррам,
коснётся лба горячим покрывалом.

2020

Импровиз

Звенит струна, поёт свирель,
Созвучья льнут к высоким сводам.
Творит великий менестрель,
Любим и знатю, и народом.

Раз-два, поклон и поворот,
Морская гладь в глазах прекрасных.
Пощёчина, скривлённый рот.
«Юнец, ты ищешь смерть напрасно!»

«Посланник? Сын? Какая дичь!
Нельзя довериться браккарцу.
Я уши на ходу остричь
Клянусь ему в финале фарса!»

Несмелый стук, неслышный шаг...
Щекою к тонкому запястью.
Пускай ты музыкант и маг,
Тебе не дать девице счастья.

Укол, рипост, танцует сталь,
Сменяет терцию секунда,
Пусть ничего теперь не жаль,
Топтать ногами гордость трудно.

К горячей шее скакуна
Припав, он мчит от горькой правды
И словно омуты без дна,
Горят в ночи глаза-смарагды.

2013

А жизнь всё движется к закату...

А жизнь всё движется к закату —
ни развернуться, ни свернуть.
Секундных стрелок пиццикато
проворно отмеряет путь

И с каждым днём тускнеют звёзды,
и с каждым днём длиннее тень.
Светилам тоже нужен роздых.
Не важно — ночь тут или день.

И с каждым днём линяют краски,
страдает, куксится бомонд,
унылым строем лица-маски
уходят прочь, за горизонт.

И что ни год длиннее зимы,
а радоваться всё трудней.
Война клинком неотразимым
вонзается в порядок дней.

Вновь во дворах ложатся мины,
опять декабрь, но мира нет.
И вновь не пишутся картины,
и вновь не ладится сонет.

И с каждым часом путь короче,
больней пульсирует висок,
занудны дни, бессонны ночи...
И разве из часов песок?

И с каждым разом горше вёсны
с неясным привкусом свинца.
Они как будто високосны,
они ведь тоже ждут конца.

Какая вычурная поза,
какой затрёпанный сюжет...
В окошке голая берёза
и террикона силуэт.

2019

Магомед Мусаев

Я Вас люблю

Я Вас люблю. Люблю столь тихо, скромно,
Сколь тих и скромн лунный блеск,
Сколь незаметны в крепости огромной
И шёпот, и каминный треск.

Я Вас люблю спокойной грустью горца,
Который дрогнувшей рукой,
Немедля подарил серебряные кольца,
Возможно, женщине не той.

Скиталец

Младой взволнованный скиталец,
Извечно бывший скуп и молчалив,
Надел на безымянный палец
Кольцо, дыханье затаив...

В тоске, заботах, шрамах рваных
Его уставший бледный вид
К невесте чистой, милой, равной
Желаньем пламенным обвит.

Доселе мрак владел приютом,
Доселе жизнь плыла пустой,
Теперь пришлец из Хасавюрта
Стоит степенный, гордый, с Той.

Младой взволнованный скиталец,
Извечно бывший скуп и молчалив,
Надел на безымянный палец
Кольцо, дыханье затаив...

06.08.2021

Букет

Подобен грозной рукояти
Недобрый миг:
Букет удушливых проклятий
Меня настиг;

Скомкал мне сердце, взял за горло,
Срубил с плеча.
Сейчас долой тащусь покорно,
Себя влача.

Любовью выкинут, освистан,
Плетусь с тоской.
Найду ли солнечную пристань
И в ней — покой?..

И сплетни пропуская мимо

И сплетни пропуская мимо,
И слыша: «Ведь готов не весь ты...»,
Я ждал, томясь улыбкой мнимой,
Согласья названной невесты.

И зная зависть, зная муки,
И всё же в скорый брак поверив,
Я ждал конца глухой разлуки,
Я ждал конца любим потерям...

И пропуская лето мимо,
И оставляя мёрзнуть завтрак,
Я ждал перед пустым камином,
Взахлёб читая Поля Сартра.

И ночи пропуская мимо,
И мутно слыша слухи, вести,
Я ждал, томясь улыбкой мнимой,
Согласья названной невесты.

Автобус

Я знаю:
автобус ползёт неустанно.
Ползёт
по дорожным
адатам.
О, кажется мне,
что из Дагестана
он пулей умчался
куда-то.

Проехал автобус четыре аула,
и несколько сёл,
и посёлков
десяток...
О, кажется мне,
что луна-то взглянула —
автобусу крикнуть:
«Мчаться
нельзя так!»

Но мчится автобус.
Ему не знакомы
ни лунная речь, ни горечь разлуки...
О, кажется мне,
что, дорогой влекомый,
оделся автобус в кольчуги.

Иначе зачем он ввалится прямо,
зачем
не желает стоянку?
О, хочется верить:
автобус упрямый,
случайно,
грустить
заставляет
горянку.

Я знаю:
автобус ползёт неустанно.
Ползёт
по дорожным
адатам.
О, кажется мне,
что из Дагестана
он пулей умчался
куда-то.

29.09.21

Елена Карелина

Не поклонялась никому

Не поклонялась никому,
Одной – Марине.
И долго верила всему,
Что говорили.

А речь, как реченька, лилась,
Как Волга в Каспий.
Рук и времён связь порвалась,
Дождём – на капли.

Налей-ка счастья мне в стакан,
Я выпью залпом
За то, что – здесь... А то, что – там,
Так это завтра...

За то, что сила мне дана
Кричать и плакать,
За то, что полная сума...
Да, бог с ним, хватит!

Глотну я горького вина
И станет сладко,
А то, что до сих пор одна...
Да, бог с ним, ладно...

Я распишу, как хохлому,
Как мёд по углям,
Всё то, о чём молчу ему
Под грохот буден.

И буду в бубен бить Луны,
Шаманить ночью,
Искать истоки у вины
И вам пророчить

О счастье том, что за окном –
Простой синицей,
О том, что вечно я потом
Вам буду сниться.

Ресницы дрогнут от звезды,
Упавшей оземь.
Лады далёко увезли
Златую осень.

Лишь только блеск по куполам
Сусальной сказкой.
Лишь только сердце пополам,
На жизнь – и праздник.

На жизнь мне жаловаться грех,
И что – сударки...
В морозы душу будут греть
Судьбы подарки.

Я распущу, как поясок,
Себя – на нитки,
Чтобы Тесей вернуться смог
Из лабиринта.

Мне, зла не пожелав другим,
Собой остаться,
В чередованье лет и зим,
Пока жива – вживаться,

Цветы улыбок вам дарить,
И жемчуг – слезы
Легко нанизывать на нить
Стихов и прозы.

Инвенция Баха

Э.3.

Наш липовый полдень истек молодым светлым медом,
Июльские пчелы затихли, предчувствуя август.
В угоду грядущим свинцово-пурпурным погодам
И ночью – прохлада, и днем – стопроцентная влажность.

Ну, что же, приступим, достану перо и чернила:
Привет, дорогая!
Пишу тебе строчку за строчкой.
Колосья налились земною тяжелою силой,
И яблоки падают нынче – и гулко, и сочно.
За окнами лето гремит-громыкает грозою,
Трамвай заполошный привычно катается в лужах.
Фасады от копоты ливень старательно моет,
Несутся потоки воды и кораблик мой кружат.
Кораблик бумажный – возможно, но он – настоящий,
Его паруса ловят ветер – вперед, к приключеньям!
Сегодня и завтра, и дальше – все чаще и чаще –
Ты видишь – вокруг золотое сечение.

Свеченье

Извечных небес предрассветных в инвенции Баха,
Спираль моллюсков, пентакли, число Фибоначчи.
Падение чашек под громкие охи и ахи,
И Таня, которая горько над мячиком плачет.
Все это – оно, золотое мгновение жизни.
Куда ни взгляни – всюду радуги рифма и гамма.
Так солнце росу превращает в алмазные брызги,
Так песни китов пробуждают моря-океаны.

К чему говорить, если надо принять априори
Кувшинки в пруду и стрекоз, замеревших над ними.
Сорок стрекотанье, котов на соседском заборе
И дали льняные под сводом отчаянно-синим.
Бери эти спелые миги малиной в лукошко,
В ладонях неси родниковой живую водую.
Вдохни, пропадая, цветущий душистый горошек,
Гвоздику и розу, герань и полынь с лебедюю.

Срезай георгины и астры, ставь в ведра букеты,
Пиши на пленэре – раздольно, роскошно и щедро.
Пей чай на веранде, читая любимого Фета.
Засни под шептанье в саду заплутавшего ветра.

...Проснуться.

В тумане тропу потеряв ненароком,
В разросшихся вишне и сливе бродить, и в смороде,
И вдруг углядеть – дом и ситчек веселый на окнах.
А ягоды – кислы, и скулы от кислого – сводит.
И слезы – не слезы, а просто соринка попала,
И хна выручает, закрасив ненужные веши.
И, сколько не меряй – всегда будет времени мало,
И, как не прикинь – никуда от себя не уехать.

Дождливо, но это ведь Питер – родной и привычный,
Где каждое утро волшебной музыкой встречает.
Мой голубь почтовый летит над домами, курлыча,
С почетным эскортом орущих сиренами чаек.

Петербургская тайнопись

Э.3.

Вновь пора наступила для писем и я
Торопливо царапаю острые строчки.
Старый парк.
Растопырила лапы скамья.
И таблички готовы и стилос – заточен.
Из античности долго бежали века,
Атлетически выпятив мощные груди.
Прочь Дедал улетал на косых парусах,
Пропадал муравей в перламутровом круге.
В молчаливую бездну несказанных слов
Так легко погрузиться и кануть до срока.
Календарные даты прошедших годов,
Заучив, тараторит шальная сорока.

Здравствуй, друг дорогой, дорогая моя!
Наше детство босое сбежало по лужам.
А рассветная юность под песнь соловья
До сих пор наши головы кружит.
И кружит
Грампластинки теперь исторический диск,
Чуть шурша.
Осыпаются мерзлые капли.
Не дрожит на стекле нарисованный лист
Пятилапою алой звездой пентакля.
Мы с тобою дождемся прихода весны.
Заплатив по счетам, зачастую – авансом,
Нахлебавшись – досыта, не зная вины,
Пропадая в вишнево-пронзительном вальсе.

Будет пахнуть смородина остро и зло,
От ночного мороза роняя бутоны.
Нынче утром настигнет, застанет врасплох
Долгожданное чувство, в котором утонем,
Позабыв, как дышать.
Нас потом предадут.
Впрочем, это неважно и помнить – не нужно.
Душ своих защищая последний редут,
Мы потери укроем броней из кружев.

Расплавля асфальт, расправля крыла,
Разлетится июль разноцветьем и зноем.
Лип медовых, горя золотым, купола
Полудневно-малиново сыплют стозвоны.

Грянет медь и пойдут затяжные дожди,
Заменя зелёное охрой и сажей.
На гризайлях заплещется пламя гвоздик
Неуемно-непонятой авторской блажью.
И хромая инверсия – лыком в строку,
Нарушая каноны бессмысленной фрондой.
Жернова изотрут, превращая в муку,
Неотправленных писем несметные орды.
Прочитай же, пока не упали снега,
Петербургскую тайнопись:
Белую ночью,
Словно нитью, сшивая листы – на века,
Позабудь в предложенье последнем о точке.

Дядя Миша

Дядя Миша парит над толпою.
Замрите –
Наши ангелы рядом.
Распахнутый Питер
От Невы до Невы.
В суете привокзалья
Голубиною стайей с перрона взлетает
То ли память, а то ли предчувствие встречи.
Город сшил из тумана защитные френчи
И пытается спрятать нас всех под зонтами.
Бессезонье.
Вневременье.
Знаете, тают
Эскимо и сосульки,
Да дело не в этом.
В голубом растекается клякса рассвета.
Желтоватый пергамент, расписанный бурым –
Письмена на фасадах.
Но арок купюры
Не дают прочитать от календ до сегодня.
Транспаранты рекламные пестрым исподним
Обещают исполнить, открыть и открыться.
Утром радостно чайник посвистывал рыльцем.
Этажей не считая, бежали ступени
И плескалась лилово сирень в исступленье.
Только это – ляссе в ежедневнике, точно.
С позабытого сделали слепок.
Подстрочник.
На скрижалях булыжных свои откровенья
Выбивали навеки.
Наивные!
Время
Мостовые сменило, как модница – шляпку.
Полдень.
Грохнула пушка.
Нам зыбко и зябко.
Дядя Миша, пожалуйста ...
Впрочем, неважно.
С голубями летает журавлик бумажный.

* Трубочка дядя Миша (Михаил Михайлович Тюменцев) – известный уличный музыкант Петербурга.

Шалая

Сад притих и как-то стал светлее:
Сбросил листья, ветви растопырив.

Осени в который раз поверю,
А она обманет, небо вылив
Голубою строчкой голубиной
На пергамент утренней прохлады,
Многоточья алые рябины
Высыпав на землю сквозь ограду.

Ветреная, ветер заморочив,
Шалая, укутав плечи шалью,
С каждым днем короче и короче,
И печальней с каждою печалью.

Потянулись птичьи стаи к югу.
Из-под шляпки локон цвета охры.
Восхищаюсь, все простив причуды,
Осенью растрепанной и мокрой.

Повзрослею – давно пора бы

на стихи Алексея Порошина

...Убегаю?..
У шифоньера
Из-под лака прожилками – нервы,
Ну, еще бы: ты любишь стерву.
Ты был первым моим...
Ты – первый...
Так ломают весною вербу
Под сердечные перестуки.
Впрочем, что до чужой доуки?
Говоришь всем о редкой суке.
Пусть меня белый свет осудит,
Пропадая, наверное, в блюде,
Растеряю себя в столицах –
И меня никогда не будет.
Прожигают мои ключицы
Золотыми перьями угли
Самых-самых сказочных сказок
Из почти позабытых книжек...
Мы в проблемах бредем и вязнем –
Не по горло, а много ниже.
...Я тебе не жена, не дочка,
Не любовница, так – услада.
От меня ничего не надо.
Я по вазам твои цветочки
Расставляю, черт возьми, устала.
Я зверею от ароматов,
Я тону в их девятом вале.
...А еще я ругаюсь матом
В телефон, что звонит ночами.
Безнадёжно и бесполезно.
Надрываются с горя чайки
Утром пурпурно-диатезным.
...Напилась бы я, да непруха –
Нет ни водки, ни валерьянки.
Из часов мне кукушка ухнет,
Подгорит, как всегда, овсянка
И сбежит – в непонятках – кофе,
Растекаясь в густую лужу.

В сотый раз повторяю: Мне по фиг.
Мне никто, даже ты, не нужен!
У тебя тыща дел, а как же,
Без тебя не идет работа...
Я киваю под эту лажу:
Вновь суббота канет в болото.
Я займусь чем-нибудь полезным,
Неприменно и с вождельем.
Можно все: прыгать с крыши в бездну
Или спать – не с тобой, а с ленью.
...Или, плюнув на все приметы,
Разметав к черту все препоны,
Не дождавшись тебя и лета –
Счастья мерного по талонам,
Закричать – чем я хуже чаек –
Отражаясь от неба эхом.
Разрывая свои печали,
Выгнув тело в припадке смеха
И отрезав косичкою нервы,
Повзрослею – давно пора бы.
Ты у суки был просто первым.
От тебя ничего не надо.
Всё.
Не буду отныне помнить
По кому я ночами выла.
Ты хотел и сбежал на волю.
Иногда слева вдруг уколёт:
Нам с тобой так прекрасно...
Было...

Александр Костерев

Троллейбус

Боже, куда запоздалый троллейбус
мчится?
Мелочь в кармане... Похожи на ребус
лица..
Бледная немощь дворовых колодцев
или
шпили, как иглы (да/нет/уколоться),
были...
В грязных разводах оконных проемов
тучи,
липкий туман, говорящий, а дома –
лучше...
Гоголь в шинели под аркою – скука,
зритель...
Хлюпик в очках и поношенных брюках –
Питер...
Может добавить в продвинутый смузи
вопли?
(Не романтично, слеза без иллюзий –
сопли).
Хлебную коркой прикрыты стаканы
в вечность,
встреча с тоской одинокой и пьяной,
лечит...
Город как город... И многие лица
– лица!
Только троллейбус куда-то все мчится,
мчится....

Лень

Я просыпаюсь еле-еле,
а лень уже в моей постели,
с утра, в обед, в течение дня
она преследует меня,
а вечером /ни дать ни взять/
твердит одно — давай в кровать...
Хотите, эту госпожу
вам безвозмездно одолжу?
Я оскорблял ее и гнал,
корил, не слушал, презирал,
и лень /капризна, как жена,
что на меня обижена/,
сложила вещи и ушла...
И тут же потекли дела,
без лени их невпроворот!
Иди, работай, идиот!
Я передумал, лень — люблю!
И сплю, и сплю, и сплю, и сплю...

107

Ликинским автобусом /сто седьмой маршрут/
до свиданья с юностью несколько минут,
вот оно Маринкино темное окно,
жаль, что годы лучшие кончились давно...

Мальчикам и девочкам было не до сна...
Улица зеленая, магазин «Весна»!
С бойкою Маринкою целовались тут...
Пять минут автобусом /сто седьмой маршрут/.

Зря ищу на глобусе твой забытый след,
ликинских автобусов в Петербурге нет....
В повзрослевшем городе все наоборот:
сто седьмой /живехонький/ в юность не идет...

Вертинскому

Отточен каждый жест
и чуть надтреснут голос,
в петлице фрака снег
китайских хризантем...
А Ваш далекий взгляд
так бесконечно молод,
певец святой любви,
прекрасен Ваш Эдем.

Ушедших лет не жаль,
пусть у висков метели,
не стоит ни гроша
словесная дуэль...
Кому "сушить хрусталь"?
Ведь шпаги заржавели,
И умерла душа,
Ma chere, mademoiselle ...

У церкви des Bois,
заплачут по старинке,
последнее прости,
далекая страна.
На Ваши, милый друг,
негромкие поминки,
корнеты всех времен
наденут ордена.

Увы, Ваш Божий дар
затопчут эскадроны,
меня баш на баш
Отчизну, имена...
Любовь не отменить,
сто крат поправ законы,
Вертинский, выход Ваш,
держитесь, старина.

Я держу тебя. Бог

Крепче держи меня, Боже:
скоро в полет,
крылья из ветхой рогожи
ветер порвет.

Там, где над птичьей стаей
вечный приют,
слышишь, давай полетаем
пару минут....

В складках шагреневой кожи
прежние дни...
Ты поддержи меня, Боже,
не урони.

Манит и мчится навстречу
сладкая высь!
Шире бескрылые плечи –
не обожгись...

В небо!
Но жалит и гложет
сердце клещом:
Сколько продержишься, Боже?
Сколько еще?

8 строчек о любви

Слушай, любовь моя, и не моя — не тронь...
Тесен дворцовый зал, в дырах потертый трон...

Я без тебя — дурак, рядом с тобой — король,
мне без тебя — никак, благодарю за боль...

Не опускай свою голову ниже плеч,
мог бы срубить — не враг, а гильотины меч...

Йорикам быть — не быть, смерть свою торопя:
плакать, ласкать, любить... Лишь бы забыть тебя...

В Питере снег...

Знаешь, в Питере снег...
Это необъяснимо,
ты умчалась, Бог весть,
к благодатным морям,
столь поспешный отъезд
спутал весны и зимы:
слишком холодно здесь,
слишком сладостно там.

Знаешь, в Питере снег,
а к приезду растает...
Он такой чистоты,
но прозрачен и бел...
Майский снег, майский снег,
это редко бывает:
ты еще не страдал,
ты еще не болел...

Знаешь, в Питере снег,
не привычно для мая,
он стучится в окно
на седьмом этаже.
Я еще попою,
может быть, полетаю,
только ты в этот мир
возвращайся уже...

Ты загадала дождь

Мы никогда не станем ближе...
Под мой опустошенный взгляд
ты загадала дождь в Париже,
как тридцать лет тому назад...

Он все стучал по старой крыше,
ночные мысли теребя...
Пока живой, еще услышу
я в наваждении тебя...

Приму твой вздох, и бархат кожи,
волос волнистых силуэт...
К несчастью ты куда моложе,
чем та... Всего на тридцать лет ...

И мы не ближе, ни на йоту...
Под рев моторов у земли
с гусарской смелостью пилоты
посадят самолет в Орли!

Не улетать, не возвращаться,
не верить в колдовство примет,
пусть дождь дочитывает стансы,
той девочке, которой нет...

Я не дождусь твоей улыбки,
с прищуром хитроватых глаз...
В Париже дождь, и счастье зыбко,
и ты еще не родилась...

fibringlue

Вуаль

Луна в вуали облаков
строга и девственно наивна.
Живёт в закромке у богов.
И полулико половинна.
Как облака, летят года,
срывая пепел с поселений.
Твоя холодная рука
сжимает крест ещё сильнее.
Ты молишься. И долгий путь
проложит Млечная дорога.
Но ты одна. И в этом суть.
Стоишь у чёрного порога
костлявой ночи в страшном сне.
Она смеётся ветром диким.
Смешно смеяться при луне.
И видеть мёртвые гвоздики.

Дождь

Дождь упал лицом о землю.
Кровь дождя течёт по камням.
И машины проезжают
по спине, а он молчит.
Он молчит, куда знает,
что луна венчалась в церкви.
И любовь уже не ранит.
Сердце больше не стучит.
Дождь упал. Не надо "скорой".
Он к нам больше не вернётся.
И метель уже собралась,
надевая сапоги.
Дождь, как свечка, угасает.
Жизнь пойдёт теперь по новой.
Без обиды и без ласки.
Без детей и без любви.

На палубе в садах Версаля

Допустим, ничего не случилось.
И веки устало опустим.
Ступая на берег пугливо,
вода удаляется с грустью.
Допустим, что море осталось
скучать, и, взбираясь на скалы,
старается не замечать
царапин и шрамов кровавых.
Ты скажешь: «Не больно».
Допустим. И вида с тобой не покажем,
лишь только по морю пустим
кораблик непрочный, бумажный.
Пусть он поплывет под луною,
и будет бороться с волнами
неслыханной простатою,
несломленный под ногами.

Огни и фонтаны вечерней Москвы

Был удивительный вечер.
Фонтаны из фейерверков
падали, разлетаясь.
Сбежавшие на поверку
литавры фонарей
глумились над черным асфальтом,
пересекая улицу
в неположенном месте.
Как-будто бы не было линий,
идущих по циферблату.
И перекресток синий,
пересчитав зарплату,
остановился в растерянности.
Уставшие светофоры
гуляли, меняя карты.
И жизнь текла над затоном,
воня гнилой плацкартой.
А вечер смеялся и плакал.
И ветер плевал с усмешкой.
Отравленный эскалатор
зажевывал неумерших.
А после блевал их обратно,
оторванных от иллюзий,
что завтра наступит завтра,
внезапно, как после контузии.

Белый город за широкой рекой...

Белый город
за широкой рекой
одинок,
как и мы с тобой.

Отступила мгла.
Где-то издалека
солнце не скажет «Привет»,
только молчит, пока.

Ветер поднимет стяг.
И горизонт точь-в-точь
лайнера на лопастях
небо таранит в ночь.

Это к тебе летят
сбитые мной мечты.
Словно зенитный ряд
падают с высоты.

И не уйти никак
ни от себя, от них.
Я поднимаю взгляд
в этот прощальный миг.

Кончено. И не спастись.
Это моя судьба.
Черным стал белый лист,
брошенный сквозь года.

Наталья Тебелева

Междоветие

Скелеты веток скоро скроет иней,
комками налипая мускулистыми.
Твоё тогда устанет ветер имя
нашёптывать мне высохшими листьями.

И прекратят мерещиться повсюду,
как тени, ароматы эти прелые.
Я поостыну, глупости забуду...
и следующих глупостей наделаю.

Отмечу то, что годы всё короче,
своё встречая лихо новолетие.
А ты... Что ты? Ты где-то между строчек
нет-нет да и проскочишь междоветием.

Ноябрь 2021

Очей очарованье

Нахохлилась продрогшей птицей ёлка,
безмолвием почти оглушена.
На мокрых крышах дачного посёлка
лежит лиловой тучей тишина.

По школам поразъехались послушно,
по офисам далёким разбрелись.
И сдулось лето шариком воздушным.
Испишет осень чистый жёлтый лист

прожилками раздумий и сомнений —
стихами о несбывшемся вчера.
Короче — дни, длиннее станут тени.
Держай уже, унылая — пора!

Сентябрь 2021

Болото

На небе сонмы облачных проплешин.
Закатный нимб мерцает позолотой.
Из путешествия во времени прошедшем
тяну себя за волосы — болото.

За руки трав цепляюсь безуспешно,
ладони режу листьями осота.
Июльский воздух плотный буен и помешан,
намешан из горячего чего-то.

По признакам и внутренним, и внешним —
сегодня мне пожить ещё охота.
Оно когда-нибудь да высохнет, конечно,
взасос пугающее теменью кромешной,
безвольно, безусловно, безутешно
мною разведённое во времени болото.

Июль 2021

Начало одной катастрофы

Это губы твои, или моя рука,
или наши мечты на лету задевают за веки.
Кто-то близкий волнуется издалика
и боится, что мы выйдем из-под опеки.

Ты Чеширским котом от улыбки ушёл
и бросаешь стихи в телефонную гулкую бездну.
Я скольжу по ладоням — медлительный шёлк,
отвернёшься — и я потихоньку исчезну.

Ты стремишься на зов, ты глотаешь огни,
ты умеешь читать по молчанию строки и строфы.
Ты меня отпусти, ты меня прогони.
Мы с тобою — начало одной катастрофы.

Начало 2000-х

Не хватает

Не хватает для полного счастья немного.
Беглой гласной, пробела и красной строки.
Двадцать пятого часа, глотка на дорогу.
Зорких глаз на затылке и третьей руки.

Не хватает внимания, скорости, силы.
И чуть-чуть антител не хватает в крови.
Столько лет, столько лет, где б тебя ни носило —
не хватает. Но главное: просто — живи.

Не хватает каникул, зарплаты, работы.
И терпения, чтоб не сорваться на крик.
Не хватает для счастья привычки всего-то
безусловно ценить каждый суетный миг.

Май 2021

Розы цвета красного вина

Розы цвета красного вина.
А шипы вонзаются в ладони.
И моя смертельная вина
всякого прощенья бездонней.

Я хочу любить тебя сейчас.
Знаю, можно больно уколоться.
Камнем страсть безудержная нас
тянет прямо в глубину колодца.

Я стою с пустым ведром — одна —
и хватаю пустоту губами.
Розы цвета красного вина.
Розы с распростёртыми шипами.

2003

Одиночка

Закольцевалось всё очень красиво.
Годы по росту построились в ряд.
Те, что покорны, и те, что спесивы.
Те, что заткнулись, и что — говорят.

Справа по борту — его я любила.
Слева по борту — его я люблю.
Так симметрично и так горделиво,
призрачно так, что стремится к нулю.

Где-то спираль превращается в точку.
Где-то, докуда рукою подать.
В рёбра закутался зверь-одиночка.
С пальца — кольцо. А с небес — благодать.

Конец 2000-х

Николай Почтовалов

Балкон

Балкон – как мостик капитана
над океаном городским,
в котором судьбы чьи-то канут...
Ну, как-то всё ж не по-людски...
Не так... А что поделать?.. Свыше
никто помочь и не спешит...
А над балконом только крыша.
А небо можно и зашить...
воображеньем... птиц оставить
под облаками... на лету' ...
А чаек мусорные стаи
оставить на своём посту...
Балкон мой, будто одиночка –
пространство выстраданных грёз.
С балкона вышел – жизни точка,
не вышел, – дел проблемных воз.
Стою – балконный обыватель:
не капитан и не матрос...
Нет в океане мутном гати...
Я в эту жизнь и влип, и врос.

Нет причин

Начну сначала. Голос вдалеке
зовёт, зовёт, не ведая предела.
А снег лежит так первозданно белый –
ни пятнышка. Перо дрожит в руке...
Безумный ветер всё стучит в окно,
как будто я не слышу. С белым светом
не нашептаться – у него секреты,
и солнышко и жёлто, и красно...
А всё же было... Нет ещё причин
скрывать и ждать чего-то. Рвусь на части...
И может быть не мой проходит кастинг,
но голос вдалеке пока в чести' ...

Тупик

В тупике совсем не тихо...
Не борьба пока, – возня.
Вход уж был. А где же выход?..
На замке. Под стражу взят.
Сторожа круты и лживы:
могут взять под козырёк,
могут торгануть и сливом...
Кто – делец, а кто – игрок...
А тупик молчит. В народе
ходит слух: ещё в пути.
Если ни на что не годен,
только Бог тебя простит...

Ниточка

Ниточка... А может быть, канат...
Память не измерить расстоянием.
Кто-то скажет: только встрече рад,
кто-то – только злобному прощанью.
Я держусь за ниточку – она
не порвётся: и канат не нужен.
Только бы не дрогнула страна
среди этой сверхдержавной стужи.
Не вчера – сегодня жизнь пуста.
И фальшивит старый запевала.
Эх, начать бы с чистого листа...
Родина от жадности устала.

Насиба Кипке

Когда прозреваешь

Мешает увидеть рутина,
Убогий душевный застой,
Как ласково льнёт паутина
К пахучей айве золотой,

Как солнцем несмелым подсвечен,
Срывается с ясеня лист.
Он, словно мечта, безупречен,
Как жертва бескровная, чист.

Когда прозреваешь случайно,
То видишь иные цвета
И знаешь, что очень печальна
Живущая здесь красота...

Невзгода

Ещё машу, жалея домочадцев,
Обугленными крыльями души.
Ей невдомёк, что я живу в глуши,
Откуда ни к кому не докричаться.

Нет, огонёк надежды не потух,
Но по ночам я думаю невольно,
Что птица счастья – жареный петух –
Как правило, клюётся очень больно!

Когда-нибудь наступит благодать,
И жизнь не будет пахнуть мелодрамой...
Ведь "надо только выучиться ждать",
И "нужно быть спокойной и упрямой".

Во владеньях жёлтой тишины

Знаешь,ничего на свете нет,
Кроме листьев,грусти и тумана.
Ведь отсюда через сотню лет
Не дойти пешком до океана.

Во владеньях желтой тишины
Лишь тебе недостает покоя-
Это искупление вины,
Это наказание такое.

Снова лист скользнул по волосам...
Из-под солнца мелочной опеки
вырвался,куда не знаешь сам.
Господи,хотя бы не навеки...

Там, где сердце

“Дом там, где сердце”, – молвил старший Плиний,
Свой гордый Рим в стихах боготворя...
Заботливо с перил стирает иней
Потёртая перчатка декабря.

Ну, здравствуй, дом! Никак твоя “богачка”
Сокровищ на земле не соберёт.
Коньком прыгучим белая собачка
Опять меня встречает у ворот.

Здесь безопасно. Сбрасываю маски
С усталого лица, с больной души,
И в предвечерней дремлющей тиши
Мир постепенно обретает краски...

А я смотрю, открыв печную дверцу,
Как в преисподней боль моя горит,
И слышу, как, притрагиваясь к сердцу.
О будущем надежда говорит.

Заклинание дождя

Стонет от безводья все живое.
С неба смотрит око огневое.
Ты закройся, солнце, синей тучей
И жарой-безводицей не мучай.

Сгинь, пропади,
Дождь впереди!

Наступило времечко лихое:
Давятся быки травой сухою,
А цветы поникли от печали
И тревожно шепчутся ночами.

Гром – конь гнедой,
Напои водой!

Посылает ворон вороненка:
“Полети в дождливую сторонку!
Ты поймай за крылья ветер, чадо,
Пусть пригонит облачное стадо.”

Ветер-пастух,
Мчи во весь дух!

Посылает пестрая кукушка
Ласточку, веселую подружку:
“Полети, касатка, над дорогой,
А небес ты крыльями не трогай!”

Полно бороду ливню стричь-
Дождик накличь!

Божья гроза,
Сверкни в глаза!

Жара, остынь!

Как стальная цепка,
Слово мое крепко.
Аминь.

Михаил Афонин

Этим утром не будет дождя

Этим утром не будет дождя,
Сны увядшей травы не сотрутся.
В тёмном небе рассветом распят
Томный блеск, как в глазах сластолюбца.

Быстрым шагом ленивые дни
Год за годом уносят минуты.
Шлюха-ночь зажигает огни,
Принимая судьбу за валюту.

И любовь не спасёт никого,
Если тот быть не хочет спасённым.
Это утро убьёт синевой
Свет костра, нами ночью зажжённый.

Символы и знаки

Полумрак в полуобъятых, недопитое вино.
Между звёздами и нами мы поставим знак "равно".
Полувдох, полуулыбка, скоро утро на часах.
Между будущим и прошлым нарисуем руну "страх".

Петь начнём хмельные песни, позабытые слова.
Легче стало этой ночью – разделили боль на два.
Мой бокал возьми, родная, я допью из твоего.
Полусчастье в полусемьях. Минус жизни в "итога".

Июльская ночь

Липким мажет июльская ночь,
Отражения пляшут на веках,
Хрупкий лёд, разбавляющий скотч,
Остаётся в стаканах для смеха.

Руки дай, я сегодня слепец,
И хочу в эту ночь не заметить
Белый след обручальных колец –
Безымянный круг десятилетий.

И уже никуда не спешит,
Тот, кто должен бежать не прощаясь –
Смысла нет, если оба грешны,
Замирать у запретного рая.

Новым снам подарить пару тел
Заставляет безумие танца.
Яркий плод до рассвета созрел,
Сладким соком стекая по пальцам.

Круги на воде

Свалка опыта – жизнь за гроши.
Кто поймёт, тот не скажет о главном.
Время может костёр затушить –
Будет хуже, печаль станет камнем.
Если ждать – не прольются дожди,
Солнце сны по утрам выжигает.
И уже облака подождли
Те, кто в шутку приблизились к краю.
Ты круги на воде береги.
Их рождали солёные капли.
Если что-то имел для двоих...
Вряд ли.

Яна Половинкина

Остановись. Из рубина четки...

Остановись. Из рубина четки
Низко висят на ветвях.
Небо глядит из лесной решетки,-
Так растворялось в цветах бесчисленных
Солнце на витражах.

Кажется, собственное дыхание,
Напоено слюдой.
В час наступающего молчания,
Помнишь невольное замирание
Воздуха над водой?

Вторгнись в сплетение ветвей рябины,
Спелую гроздь сорви.
Все мы почувствуем сердцевинкой:
Осень, прожитая до середины,
Кроется за дверьми.

Только душа ее отлетела,
Тише, чем рвется нить...
Плод отрывается переспелый,
И вся земля, как немое тело,
Брошенная, лежит.

Быль это все, а может небыль...

Быль это все, а может небыль?
О чем таком ещё спросить?
Растопленное в тигле время
Больным металлом моросит.
Вот так лежавшее подспудно
И растопили докрасна...
Когда в Тартаре слишком людно,
Из тех краев ребенком блудным
Приходит пленница весна...
На Прозерпинины красоты
Не раз ловился блудодей,
Но только время сводит счёты,
Не озираясь на людей.

У мозговых долей

У мозговых долей,
У средоточия чувств,
Каменную капель
Вытвержу наизусть.

Если не вор, не тать,
Если не мертв, не слаб-
Брошенное -поднять,
Соединить, сломав.

Выведи устья рек,
Заповедь и цветок
На мозговой коре...
На перепутьях строк.

В сердце и на костях-
Исповеди дорог.
А на людских следах
Произрастает мох.

Так говорили мне
Шедшие наравне...
Но наступает век,
Но подступает срок

Стиснутых челюстей,
Хрустнувших кулаков...
Поздно любить людей-
Надо жалеть волков.

Дмитрий Рахмилов

Вчерашняя осень, или эхо завтрашней зимы

Уж отмахал остатками листвы
Октябрь и отплакался дождями,
Печалью на обрывках бересты,
Слезами стыхлых луж простился с нами

Уже ноябрь у дверей стоит,
Гарцуя, с чинным видом на пороге,
И всех нас неуступчивый ковид,
Как прежде, держит в страхе и тревоге

Обочин придорожный серпантин
С вкраплениями неровной позолоты,
И знаки: то запрет, то карантин,
Как безысходность, мерзкая, до рвоты

Так делит жизнь на после или до
Безжалостного времени круженье,
Поднявшись ввысь, мы чётче видим дно,
И, уходя, вникаем в суть рожденья

Мы в вечном хороводе лет и зим
Блуждаем между прошлым и грядущим,
Все сетуем на случай, как один,
И молимся богам, животворящим

Завоют вскоре вьюжные ветра,
Земля примерит белоснежный бархат,
И отклики багряного "вчера"
Нас занесут в простуженное "завтра"

Где воздух от морозов свеж и пьян,
И время, властно, но без укоризны
Под снегом белым скроет, как изъян,
Очередной виток из нашей жизни...

Осень

Сойдёт на нет лучей палящих глянец,
Умолкнет лета дивная свирель,
Сезонов смена – вечная, как память,
Запущенная свыше карусель

Бродяга-ветер, озорной и свежий,
Помчит по небу колесницы туч,
И мир большой, что был теплом изнежен,
Впитает серость атмосферных круч

Поблекнут опоздавшие рассветы,
Остынет день, длиннее станет ночь,
И август, догоревший над планетой,
Поклон отвесив, унесётся прочь

Заступит осень по коврам, расшитым
В причудливый багряно-желтый тон,
А краски лета, что дождями смыты,
Отложит по-хозяйски
“на потом” ...

Реквием по ушедшей любви

Сорвался с ветки пожелтевший лист,
Графитно-сизым пеплом небо хмурится,
Пути-дороги наши разошлись,
Теперь пустынно и промозглы улицы

Разлука поселила в сердце боль,
От этого недуга не избавиться,
И в никуда уносится любовь,
Лишь след её навек рубцом останется

А осень всё же будет золотой,
За ней закружат вьюги белоснежные,
Припорошив досадой и тоской
Ушедших наших дней моменты нежные

Едва ли, строя замок из песка,
Добьёмся мы судьбы благословения,
Ведь всюду рядом счастье и тоска,
Ведь так похожи вечность и мгновение

И снова окунувшись в море бед,
Мы сгоряча доходим до отчаянья,
Ведь неразлучны истина и бред,
Ведь неизбежны встречи и прощания

Но не исполнят больше в унисон
Два сердца позабытую мелодию,
Не потревожит маршем Мендельсон
Уснувших под печальную рапсодию

Брусчатый дом

Здесь по весне играл лучами пруд,
И заводилась бархатная верба,
Коня страшал тут, задирая кнут,
Соседкий внук с глазами цвета неба

Здесь бегал к магазину по траве
Племяш мой Гришка, всеми обожаем,
Авоську подвязав на рукаве,
За спичками и свежим караваем

Здесь в поле мы, махнув через плетень,
С рассветом гнали технику по склону,
И каждую субботу (в банный день)
Прикладывались смачно к самогону

А после клуб, где танцы и табак,
Где я, напялив модную рубашку,
Переходил со Степа на Гопак,
Чтоб впечатлить строптивую Наташку

Здесь каждый вхож был в наш брусчатый дом,
Здесь сизый дым с печи клубился ватой,
И был здесь каждый пятый – агроном,
И каждый третий был – механизатор

По случаю всегда полно гостей,
Всё свежее и всё своё к обеду,
Гитарный звон и голоса друзей,
Одни на всех и праздники, и беды

Умчались эти годы в никуда,
Колхоз с Союзом вместе развалился,
Все подалИсь в большие города,
И дым над домом больше не клубился

Я вижу часто в мимолётных снах,
Как мать латает у окна скатёрку,
Как старый батя возится в сенах,
Раскуривая крепкую махорку

Там осень снова плачет за окном,
Листовою багровеет вся округа,
И снова всех нас ждёт брусчатый дом,
А время отрывает друг у друга

Мой Кавказ

Несётся время в колеснице,
И годы разлучают нас,
Но по ночам мне часто снится
Седой и гордый мой Кавказ

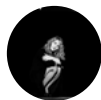
Там дружбой славятся народы,
И аксакалов свято чтут,
С высоких гор живую воду
Сулак и Терек вдаль несут

Горжусь косматыми хребтами,
Чредой просторов и полей,
Несокрушимыми плечами
Великой Родины своей

В вершинах горного Кавказа
В снегах купаются лучи,
А звёзды светятся, как стразы
На черном бархате ночи

Добры улыбчивые люди
И хороши без лишних фраз,
Кто тут бывал, тот не забудет
Неповторимый мой Кавказ

Навек я покорён тобою,
И где-то в дальней стороне,
Частичка гор, что взял с собою
Повсюду душу греет мне

Татьяна Правило

Лечение

Примечательно однако
Я с ума сходила ...
По привычным нашим знакам
Я тебя лепила ...
Из архива доставала
Новости – заметки
А в припадках принимала
Круглые таблетки ...
Те таблетки попадали
В оболочку тела
Время даром не теряли
И вперёд -за дело:
Чтобы не болело ,
То что разорвали
То что по компАсу
Звонко раскидали .
По углам ходила,
Ключья собирала ,
То что отыскала
Заново спаяла...
...
И теперь как новая
Дура бестолковая !

Ирония

Браво ! Игра бесподобная!
Выше наград и хвалебных песен
Истории много-пробные
Облеплены синей плесенью.

Скрипучие доски сцены
Стонили от неизбежности,
Взлетали с давлением цены
На покупные прилежности.

Красиво всходили под рампы
Кичась , что вокруг недоумки,
Чернилами швыркали штампы,
Смеясь бились стенками рюмки.

Чрезмерно уверенно топали,
Кричали чрезмерно горласто,
И те ,кто доверчиво хлопали
Определили : опасно !

В отрезке родной географии
Случится разоблачение,
Выскажет типография :
«Ваш вы!- скок терпел поражение»

Свидание

Телефонная будка красная
Нам кафе заменяет тихое...
Молчаливая ночь . Небо ясное .
Громко сердце под платьем тикает.

Провода ,словно струны гитарные,
Мне несут голос твой металлический,
Шили буквы те многоударные
Про любовь разговор классический.

Собирая волнительно-важное,
Умеща в шкатулку времени,
Боль счастливая и протяжная
Разливалась от пят до темени ...

Прячу в памяти музыку голоса,
Сокращая на миг расстояния,
Стали частыми взлетные полосы
Непрерывного расставания.

Приближают секунды ломкие
Моё бледное одиночество,
Суетливо прощание комкаю,
Обращаясь по имени отчеству.

Беспощадно гудки монотонные
Обрывают свидание зыбкое,
Упаду в тишину многослойную
С беспокойно- застывшей улыбкой ...

Любовь ...

Случайный прохожий смотрел на часы,
Случайная грусть в очертаниях весны
Укрылась среди чёрно- белых зонтов,
Среди безымянных, трафаретных домов.

Он был не таким как обычные мы,
Хранил первый снег и записывал сны,
Он в небо смотрел , провожал облака...
Он думал по – детски, что небо – большая река.

Она не любила поэзию лжи,
Она не читала открыток чужих,
Печально хранила свой маленький мир
В большом шумном городе с гирляндой квартир.

Песок по ладоням – колючий ручей
Он думал о разном , но думал о ней.
Он верил, что время умеет прощать,
Она точно знала , что люди умеют летать ...

Открыто окно в ночь такая перо ,
Под музыку сердца он пишет письмо,
Слова ,словно розы ,распустятся вновь...
Украдкой за ними давно наблюдает любовь ...

Antonina

Вырвусь я из городского плена

Вырвусь я из городского плена,
Разгуляюсь в роще до зари,
Где бушует зелень по колено,
И поют ночами соловьи.

Налюбуюсь заревом рассвета,
Воздухом хрустальным надышусь.
Вдоль реки пройду в обнимку с ветром,
Разгоню свою печаль и грусть.

Выйду на цветочную поляну,
Утону в просторе красоты.
Духом от чудес земных воспряну
Оторвусь от вечной суеты.

Травы шелковистые поглажу,
Умываясь чистой росой.
И поклоном Господа уважив,
Окрыленная вернусь домой.

Летний дождь

Дождь косой в окно стучится,
Нагоняя в сердце грусть.
Туча – серая волчица
Громыкает, ну, и пусть!

Всё равно проглянет солнце,
Ветер тучу унесёт.
Коромыслом за оконцем
Чудо – радуга взойдёт!

Воздух станет чистым, свежим.
В роще птицы запоют.
И в душе моей, как прежде,
Будет радость и уют!

Закат

Жара струилась над гладью зыбко.
Волна притихла, на солнце млея.
На горизонте небес улыбка
Чертой тянулась, закат лелея.

Таилась нега в лучистом взоре.
Багровым светом, лаская плечи.
Мечты витали в немом просторе...
Стоял чудесный июльский вечер.

Зарёй на лицах сияли взгляды,
Стучало сердце как пульс планеты.
И в ожиданьи ночной прохлады.
Шептало море любви сонеты.

Альберт

Мелодрама

Чужая ночь, мечты чужие,
Чужая женщина со мной,
Когда-то с нею мы дружили,
Но всё осталось в жизни той,

И платье рваное надежды,
И веры, плачущей, слеза,
И мы уже не те, что прежде,
Не верим больше в чудеса,

Смеётся осень вместе с нами,
И улыбаются дожди,
Сюжет знакомой мелодрамы,
Без лишних слов и суеты,

И, не прощаясь, попрощались
С красивой глупою мечтой,
И незаметно мы расстались,
Она чужая, я чужой.

Женщина-каприз

Рос серебряных капли,
Грозди алые рябин,
Небо в красках акварели,
Журавлей печали клин,

Полусонная берёза,
В брызгах золота листва,
И тоскующая роза,
Одиночества вдова,

Утра раннего прохлада,
Дуновенье ветра, бриз,
И идёт по променаду
Осень, женщина-каприз,

Улыбается природа
И не ждёт уже беды,
Но, увы, сегодня в моде
Не улыбки, а дожди.

Мотыльки

Как безропотно вянут цветы,
Беззаботная юность промчалась,
Постарели они и седы,
И пришла незаметно усталость,

Опадают красы лепестки,
Молчаливы печальные очи,
Не летят уже к ним мотыльки,
Беспокойные чёрные ночи,

Им цвести бы ещё и цвести,
Но сердца их уже подустали,
Видно время пришло им уйти,
А вчера ещё их целовали,

Будет утро, и будет рассвет,
Улыбнутся цветы молодые,
Только вспомнят они или нет,
Что цвели здесь когда-то другие?

Вадим Сергеев

Самолет

Росчерк линий самолета,
Белой краской синеву.
Потревожил небо кто-то,
Расчертив его канву.

Небо чистой акварелью
Пролилось в осколки луж,
Я скучаю от безделья,
Жду январских буйных стуж.

А декабрь смущает зиму,
Грязь то стынет, то течет...
Снега привези, родимый,
Мой далекий самолет!

Ютится ночь усталой кошкой

Ютится ночь усталой кошкой,
Свернувшись лапками в клубок.
Поспи, дружок, еще немножко,
Ведь твой еще не вышел срок.

Заря, восторженной собакой,
Ворвется в дверь, лизнув луну,
Взъерошит ночь, как перед дракой,
У солнца первый луч куснув.

И день начнется свежей сварой,
Перебудив зверей и птиц,
А мир, отекший, сонный, старый,
Разгонит вредных баловниц.

Виктория Щепановская

Манекен

Белое на синем,
Синее на белом
Небо
Туго затянуто
Полиэтиленом.
Яркое на белом,
Бледное на синем
Молча покрасили –
Не спросили.
Прахом рассыпется
Бренное
Тело
С явными признаками
Манекена.

Infinity

Всех книг,
Что прочитал
И фильмов,
Что посмотрел,
Он никогда
Не считал,
Чтоб не найти
Свой предел...

Какое-то октября...

Кипяток – течёт из крана.
Ты – разбросан по дивану.
Вроде бы и резко встанешь,
А плетёшься полупьяным.
Сны – что вечность,
Под копирку.
Боль и страх –
Сжимают плечи.
Занырнуть бы в бесконечность,
Не споткнувшись о бутылку!
Снова сон
Длиною в вечность,
Занырнёшь под одеяло
И не ищешь бесконечность,
Ограничившись диваном.
Полки, пол,
Ковры на стенах,
Кипяток течёт из крана...
И не ставят на колени –
ЧТО ЕЩЁ ДЛЯ СЧАСТЬЯ НАДО?

? – !

Обил пороги,
Поклонился в ноги.
Людей убогих
Возлюбят боги? –
Один, немногий,
ВетрА обгонит,
Другой – и стоя
Чего-то стОит!

[Стихи](#) [Проза](#) [Книги](#)

Проза

[Светлана Гончаренко \(Алкея\)](#)

[Ана Белх](#)

[Николай Дик](#)

[Валерй Цуркан](#)

[InkFox](#)

[Зеев Дровален](#)

[Dubrovsky](#)

[Александр Костерев](#)

[Владислав Русанов](#)

[Александр Ралот](#)

Светлана Гончаренко (Алкея)

Без пяти минут Золушка, или Один вечер из жизни несказочного героя

Стою на кухне, гремлю потихоньку посудой. На ужин сварганил курицу в духовке. Картохи по краям накидал, луковицу большую внутрь курицы сунул для сочности мяса. Эх, знатная курочка получилась! Семейство у меня не маленькое. Жена, сын-переросток, дочка с двумя детьми в гостях и тёща. Полный комплект.

Тёщенька у меня дородная, благородная, сидела за столом, сложа белы ручки, да распорядилась:

– Ты бы, зятёк, Машеньке вот этого белого мяса дал. Малышке кушать надо, она растёт. А мне окорочок, да побольше. Побольше, говорю!

Жена на этот раз промолчала. А то бы вдвоём мне мозг выносили своими капризами, как у них водится. Слава Богу, обошлось. Пока. Внуки, как всегда, раскидали куски и крошки по полу, похватали печенье и с криками в комнату «воевать» по-новой.

Сын поел молча и к себе поковылял. Даже спасибо никогда не скажет, вечно в телефон уткнувшийся сидит. Да никто мне спасибо не говорит. Будто так и надо. Работай, мужик, на двух работах, паши, а вечером ещё и накорми всех, и посуду убери. Да ещё ведь каждый день тёщенька приговаривает: «Мало ты времени на кухне проводишь. Второпях-то готовить – всю семью гробить. Давай не халтурь!». Эх...

Зарплата у меня маленькая, даром что чиновник. Что толку? Должностешка так себе, мелочь пузатая. Подработка курьером тоже не ахти какие деньги. Н-да... А пузо-то, кстати, почему-то всё равно растёт, хоть и не сижу в кабинете безвылазно. Вечно у всех на побегушках, что на работе, что дома. Поддай то, принеси это.

Когда ремонт доделаешь? Где мои сапоги? Где машина? Когда деньги будут? Золушку нашли, то же мне...

Мою посуду, а самого уже так и тянет подняться к себе в коморку, которую я под крышей оборудовал как библиотеку-кабинетик. У меня там и диванчик, и стол, и книги. Сейчас вот приберу всё, пол помою, а то детишки по нему ползают, ещё пыли наглотаются. Я всё приберу и закроюсь там наверху с ноутбуком. Интим.

А что мне остаётся? Жена – человек суровый, к ней не подступиться. Да ещё тёща всё время рядом. Так бы мы, может, с женой и пообщались по-человечески,

киношку бы глянули, лёжа на диванчике друг у друга под бочком. Могли бы и другим чем поинтереснее заняться. Да вот не судьба.

Тёща диван оккупировала, пультом от телека завладела – всё, полная капитуляция и расстрел провинившихся под прицелом маленьких пронирыливых её глазок. А виноват, конечно, я. Как иначе? Зять, он всегда всем должен. Что за чушь? Кто это придумал? Но у нас в семье такая политика.

Быстрее бы в квартире нашей маменьки ремонт доделался, да убрала бы она от нас персону свою необъятную, как наша великая родина. Но без моего участия, вряд ли там что-то доделается. Племянник жены нанял какого-то олуха и сам ему на подмогу, значит. Но они оба ничего не смыслят в ремонтах. Материалы вечно не те закупают: то у них штукатурка отсыреет, то обои не приклеиваются, потому что клей не тот взяли – атас полнейший! И виноват опять я.

– Когда уже мне ремонт заканчивать собираешься? Это же ты сказал, что надо мастера нанять. Вот, Вова и нанял, и работает с ним. Но они же оба молодые, а ты-то знающий, и руки из того места растут. Давай, покажи класс, зятек!

И так до бесконечности.

Руки-то у меня, откуда надо, растут. Только голова, похоже, уже не на месте. От такого количества обязанностей не трудно и умом тронуться. Потому баста! Я к себе. Наверх.

– Ты куда это собрался, голубь мой ненаглядный? – крик жены за спиной в миг весь настрой развеял.

– Что?

Плечусь в комнату. Телек орёт, дети по полу кубарем, дочка в телефон уткнулась, тёща возлежит на диване, а жена посреди комнаты стоит, руки в боки.

– Чего ещё? – недоумеваю в нетерпении.

– А с детьми кто поиграть обещал?

– Сама и поиграй.

Что я говорю? Кому? Боже...

– Ты что офонарел, старый? – взбеленилась моя кисонька.

Шерсть дыбом, хвост по ногам бьёт. Так и вижу этот устрашающий образ. Хона мне.

Подлетела, как молодая, и ка-а-ак заедет мне по башке. Ладонка у неё пухлая, но косточка крупная, потому удар всегда и сильный, и мягкий. Шлёп!

– Понял, понял, – прикрывая голову от новых оплеух, приседаю на корточках и изображаю коника, который ногой землю роет. – Дети! Кто на коне хотел прокатиться?

Маша и Саша навалились оба и давай меня в разные стороны тянуть. Рёву!

С горем пополам покатали их, потом поиграли в прятки, потом в поезд, потом в кубики, потом я подкидывал моих гавриков по очереди к потолку – столько

восторга. Наконец, дочка моя, встала и скомандовала:

– Детям спать пора. Помыть бы их не мешало.

И снова села и уткнулась в телефон. Жена уже в малую спальню уплелась, тоже там по телефону с кем-то на всю Ивановскую орёт.

Когда дочка у нас гостит, мы всегда ей свою спальню отдаём, там кровать больше и кресло разборное есть. Сгребая детей по одному, ташу в ванную, мою, они брыкаются, в спальне гвалт и бой подушками. Башка сейчас лопнет. Кое-как пою их молоком, подогревая его на ходу в микроволновке, укладываю спать.

– Каську, – жалобно просит Машенька.

– Сказку хочешь? – ласково спрашиваю я полусонное милейшее создание с румяными щёчками и растрёпанными кучерявыми волосёнками.

Дитё кивает. Сашенька на другой половине кровати тоже просит сказку про героя и дракона. Маша прячется под одеяло. Сочиняю историю из ниоткуда, вы-сасываю сказку из воздуха про то, как рубаха-парень чудо-юдо по имени Быт побеждает, дети сопят. Всё. Можно к себе. Наверх.

Тихо ступая, прикрываю дверь спальни, иду в кухню за чаем.

На часах без пяти двенадцать. Можно уже из Золушки в короля или хотя бы в принца превратиться и отдохнуть чуток, и помечтать о чём-то возвышенном и прекрасном, а?

Ана Белх

Таджик

Этот, казалось бы, рядовой случай произошёл около трёх лет назад. Но почему-то он всё отчётливее проявляется на пленке моих воспоминаний, и, чувствуя, пришло время приобрести ему форму рассказа.

Весной 2017 года мы с супругом возвращались из Башкирии. В поезд «Уфа-Москва» сели ночью, где-то часу во втором по башкирскому времени. Нам достались боковые места в плацкартном вагоне. Попутно познакомились с общительным мужчиной лет шестидесяти. Он пожаловался нам на древнего старика-мусульманина, видом похожего на божю, занявшего место напротив нас и рядом с ним. Нам также этот странный старик совсем не понравился. От него так сильно воняло, что мы стали думать, как же мы будем спать всю ночь, вдыхая весь этот «аромат»?

Амир, наш новый знакомый, крепкий, коренастый, чуть ниже среднего роста, молодой для своих лет мужчина, внешне совсем не похожий на башкира, голубоглазый и светлорусый, попросил у проводницы разрешения пересесть хотя бы на время на другое место, чтобы нормально выспаться перед приездом в Москву. Как рассказал Амир, сразу по приезде, он идёт на работу, а работа прораба ответственная. Мы ещё немного посетовали на старика, пожаловались проводнице, на что она ответила, что не имеет права высаживать пожилого человека с билетом и в трезвом состоянии.

Поезд тронулся, ускоряя ход, а мы, косясь и морщась в сторону старика, вполголоса втроём продолжали дорожную беседу. Минут через тридцать нас, то одного, то другого, стало клонить в сон.

Часов в семь утра меня разбудил резкий характерный стариковский запах, я открыла глаза.

– Дошка, а дошка... менэ в туалет нада... Правади пажалста... Меня стало немного подташнивать. Едва проснувшись, я не совсем поняла просьбу этого дряхлого субъекта и потянулась за бутылкой с водой.

– Сам одын.. нэ магу... ноги... пажалста... Тут я полностью осознала его просьбу и свою участь. Туалет оказался в другом конце вагона. Но, посмотрев в изрезанное морщинами смуглое старческое лицо, не смогла отказать.

Вагон спал. Поезд сбавил скорость. Видимо, какая-то станция... Некоторые готовились к выходу. Я мужественно, виновато улыбаясь проснувшимся пассажирам, провожала деда до места назначения и обратно, принимая все недовольные, недоумённые, сочувствующие и даже сердитые взгляды.

Наконец я довела деда до его места. Амир тихо посапывал на верхней полке в соседнем купе. Сгорбленный худощавый старик в затёртой тюбетейке сидел один. Все места около него были свободны. Бабай скрюченными узловатыми пальцами пытался что-то отыскать под изношенным, как и он сам, азиатским халатом.

С трудом он достал из-под халата кожаный, засаленный от времени неопределённого цвета кошелёк и, глядя в мою сторону, достал из него деньги.

– Дощка, пажалста, чай менэ купи, – протягивая мне сотню рублей, попросил старик.

Я прошла к проводнице и попросила её подойти к пассажиру. Проводница обслужила его.

Старик, причмокивая, потягивал чай с печеньем и глядел в окно. Я старалась не смотреть в его сторону, но навязчивые вопросы не давали покоя. Кто он? Почему в таком виде? И что заставило его больного в преклонном возрасте куда-то ехать?

– Доброе утро, – отвлёк меня от моих мыслей супруг, спускаясь с верхней полки.

– Кофе надо бы, взбодриться... Остановка скоро?

– Доброе утро, – поздоровался с нами Амир. – Как спалось?

– Нормально, – ответил супруг.

На боковых местах, в следующем за нами купе, спали молодые люди, то ли киргизы, то ли как и этот дед, той же национальности.

Муж посмотрел в сторону старика и спросил проходящую мимо проводницу:

– Скажите, когда следующая остановка и как долго будем стоять?

– Следующая будет через десять минут. Стоянка пять минут. – Ответила проводница.

Амир пил чай в соседнем купе и пригласил нас на освободившиеся места скоротать время, пообщаться. Мы пересели.

– Интересно, а до какой станции он едет? – спросил Амир, кивая на купе старика.

– Сколько ещё времени терпеть его вонь?

– Мы почти привыкли, – с иронией сказала я. Я даже успела послужить ему.

Мужчины удивлённо посмотрели на меня.

– Ну да! Не могла же я его оставить сделать его неотложные дела и гигиену прямо здесь? Он попросил помочь, вот...

Амир с сочувствием посмотрел на меня.

– А почему меня не разбудила? – с лёгким укором спросил меня супруг. – Я бы это... Это было бы правильной...

– Да ладно, Серёж, я сама ничего не поняла спросонья, – с улыбкой сказала

я.

Поезд заскрежетал тормозами. Люди скопились у выхода.

– Станция Нурлат! Стоянка пять минут! – объявила проводница.

– Наконец-то, хоть подышим свежим воздухом, – вздохнул Амир, проходя ближе к двери.

Прохладный утренний майский ветерок обнял нас до мурашек. Сонные молодые парни-азиаты тоже вышли просвежиться. Амир и супруг обсуждали новости и российскую политику.

Старик в окне вагона казался нарисованным. “Хоттабыч...”, – подумалось мне. Он поднял глаза вверх и закрыл лицо ладонями и тут же опустил их, шевеля губами.

Парни-азиаты закурили и тоже смотрели на “Хоттабыча”, общаясь между собой на своём языке.

– Стоянка заканчивается, заходим! – строго скомандовала проводница.

– Хоть бы кондиционер включили, запах как в туалете! – Возмутилась вошедшая высокая и полная пассажирка средних лет.

– Кондиционер работает, – обречённо ответил Амир.

Не обращая внимания на ответ, женщина прошла дальше, таща за собой увесистый чемодан. Поезд тронулся. Муж и Амир, расположившись на свободных местах в соседнем купе, разгадывали кроссворд. Молодые азиаты оживлённо беседовали, тыкая пальцами в свои смартфоны. Вагон ритмично покачивался, живописные весенние пейзажи за окном сменялись то поселковыми и деревенскими видами, то снова поля, леса, холмы и пригорки как будто бежали наперегонки с поездом. Я полистала интернет в телефоне, отметила забавные фото моих виртуальных друзей, попыталась почитать беллетристику. Глаза смыкались...

– Дощка, пажалста... правди менэ в туалет.

Я очнулась. На меня сквозь морщинистые щелки умоляюще смотрели глубокие стариковские глаза. Я взглянула на соседнее купе. Амир и супруг спали. Близилось время обеда. Парней-азиатов на месте не оказалось. По-видимому, они ушли в вагон-ресторан.

Вздохнув, я встала. Смуглая, натруженная, сухая рука, словно ветвь векового большого дерева, грузно оперлась на тонкую, сравнительно молодую и относительно сильную и упругую мою ладонь.

Вагон был почти пуст. Постепенно, с небольшими передышками, мы дошли до туалета и обратно. Чувство раздражения и брезгливости у меня необъяснимо сменилось сочувствием к этому истрёпанному долгой и трудной жизнью человеку.

После двухминутной остановки состав резко дёрнулся, разбудив Амира и супругу.

– Серёжа, может, пообедаем?

– Можно, – присев на своё место, ответил мне муж, глядя на старика.

– Скоро Ульяновск, там долго стоять будем, минут тридцать, – подходя к нам с брикетиком сухой лапши, сообщил Амир.

– Дошка... На, купи менэ такой, с водой сделай, – показывая на пачку лапши в руках Амира и протягивая мне 50 рублей, попросил старик.

– Бабай, откуда будешь? – спросил Амир.

– Таджикистон... Ленинабад... Худжанд стал. – ответил дед.

– Сколько вам лет? – с нескрываемым любопытством поинтересовался муж.

– Менэ ... девяносто три. Старый уже... – задумчиво произнёс старик.

Мы с удивлением переглянулись.

– Что же вы в таком почтенном возрасте без сопровождения, совсем один, ездите? – спросила я, поставив перед ним разбавленную кипятком лапшу быстрого приготовления.

– У менэ никого нэт.

Молодые парни-азиаты, сидящие на боковых местах соседнего купе, прислушались к нашему разговору.

– Совсем нет родственников? А жена, дети? – удивился Амир.

Старик молчал.

За окном вагона проносились кипенно-белые кудри цветущих садов. Майский день был солнечный. Безоблачное синее небо казалось настолько синим, что если смотреть в него долго – дух захватывало от этой глубокой синевы.

Один из парней задал вопрос старику на таджикском языке.

Тот ответил молодому человеку. Молодой таджик задал ему ещё пару вопросов.

– Нет у менэ никого. Жена зимой умерла. Два сына было. В Афганистане погибли... два... – сказал по-русски старик.

– А куда же ты едешь, бабай? – спросил Амир.

– Каждый год я приезжаю в Россию на День Победы. Встречаю этот балшой святой Праздник с друзьями однополчанами. У менэ друзей много здесь. Было...

Мы... Мир принесли... Это наша балшой страна... Советский союз. Родина. Я не понимаю, зачем так сделали... По-другому...

Старик отвернулся. Мы молчали.

Подошла проводница:

– Хадитула Рахмонович, через полчаса Ульяновск, ваша станция. Подготовьтесь к выходу.

– Еду в последний раз... К другу Николай. Коля... Он ждёт менэ... В последний раз... Я знаю.

Старик грустно улыбнулся, как будто вспомнил что-то давнее и доброе.

– Дошка, скоро выходить, менэ в туалет праведи...

– Сиди, – сказал мне Амир.

– Пойдём, отец, я провожу.

– Он – герой войны. Ветеран. Брест защищал, – с гордостью в голосе сказал молодой таджик.

Сейчас едет в Ульяновск, его там друг ждёт.

– Девяносто три года!.. – медленно по слогам произнёс супруг.

Я молчала, смотрела в окно и думала. Пыталась понять что-то важное, очень важное, но главная мысль как будто ускользала от меня.

Старик и Амир вернулись на место.

Поезд сбавил скорость и постепенно остановился.

– Щас выходить менэ нада. Дошка, помоги халат снять.

Под халатом у старого таджика оказался военный китель. На груди поблёскивали два ордена славы, медаль за отвагу и ещё несколько наград.

В вагон вошли двое молодых людей в праздничной военной форме.

– Здравия желаем, товарищ капитан! Разрешите помочь.

У входа нашего вагона стояло ещё несколько молодых солдат. Отдав честь по всей форме, они поприветствовали ветерана. Двое из них подкатили инвалидную коляску и заботливо усадили его.

Мы вышли на улицу.

– Прости нас, отец... если что ... –

с плохо скрываемым чувством вины сказал Амир. Мы... Я это ...не со зла, если что...

– Человек... как брат должен ... Не надо воевать. Мир вам... – посмотрел на нас с усталой улыбкой ветеран.

– Спасибо ... здоровья вам, – пробормотала я.

Ребята-таджики тепло попрощались с дедом.

Мы вернулись в вагон.

Вошла высокая стройная девушка лет двадцати пяти, испортившая свою природную красоту татуажными бровями, и села на место старика. За ней вошли ещё несколько человек и заняли остальные места.

– Фу-у, чем это так воняет? Как в коровнике, – брезгливо поморщилась светловолосая красавица.

– Человеком пахнет. Судьбой его, долгой и тяжёлой.

Неожиданно для себя вслух произнесла я, глядя в окно.

Николай Дик

Легенды о Танаисе

I.

Широкое поле медленно окутывали вечерние сумерки. Вокруг кибиток и небольших шатров загорались первые ночные костры кочевников. Люди тихонько переговаривались между собой и ждали вестей из шатра вождя племени Амора. Именно в эту ночь все ждали долгожданного первенца – у Амора и его жены Грены должен был родиться ребенок.

Кто родится – мальчик или девочка? Именно этот вопрос сейчас мучил сердца кочевников. От наследника зависела их дальнейшая судьба. Дело в том, что на широких просторах побережья Меотийского озера и низовьях глубокой реки в X – VII веках до нашей эры появились племена киммерийцев. В VI веке до нашей эры киммерийцы вытесняются скифами, а в конце IV века до нашей эры на этих землях появились они – различные племена сарматов. На рубеже IV – V веков до нашей эры мирные отношения между скифскими и сарматскими племенами стали портиться: сарматы, или как теперь стали называть несколько сарматских племен – савроматы, стремились завладеть большей территорией для выпаса своего скота. Начался период интенсивного проникновения сарматов на земли скифов. Восточные соседи скифов – сарматы или савроматы, близкие им по укладу жизни, постепенно овладевали землями скифов, вытесняя их в степи Крыма.

В воинствующих племенах савроматов женщины занимали равное положение с мужчинами. Они вели совместное хозяйство, наравне с мужчинами участвовали в боевых походах, свободно владели искусством рукопашного боя и были прекрасными наездницами. Вот почему мужчины, сидевшие возле костров, так ожидали новостей о рождении ребенка у своего вождя. Ведь они прекрасно понимали, что если родится наследник – сын, то мужские обычаи и традиции жизни савроматов укрепятся, но если родится дочь, то в ближайшие десятилетия этим племенем будут верховодить женщины.

– Богиня Луны! У вождя родилась дочь! – послышался, наконец, восторженный возглас из главного шатра племени.

Дочь! В одно мгновение все сомнения мужчин развеялись в ночной мгле этого дикого поля. Всем стало ясно – править племенем будет женщина...

В богато убранном шатре на искусно выделанных шкурах лежала счастливая мать и держала на руках своего первенца. Грозный Амор явно был недоволен

рождением дочери, но старался не подать вида перед своей женой и суетившимся возле неё слугами и рабами. Он нежно пожал руку Грены и молча вышел из шатра.

Девочку назвали Лисиппой, что означало на местном савроматском наречии «храбрая» или «бесстрашная». В языке савроматов перемешался скифский говор с говорами остатков киммерийских племен, поэтому своего языка они не имели. Но в данный момент савроматов это меньше беспокоило, главное для них было захват новых земель.

Мужчины, увлеченные постоянными набегами на скифов, не замечали, что женщины постепенно обретали все больше прав на наследство, на ведение хозяйства в доме, на окончательное принятие решений даже во многих военных вопросах.

Лисиппа росла красивой и здоровой девочкой. Она быстро пошла и первой игрушкой у неё стал старый отцовский меч.

– Это хороший знак, – проговорила как-то Грена, мать девочки. – Значит, она станет настоящим вождем – первым вождем-женщиной в нашем роду.

С раннего детства Лисиппа своим поведением оправдывала свое имя. Она была храбрым подростком, ничем не уступающим мальчишкам – ровесникам в охоте и кулачных боях, верховой езде и во владении оружием, а сообразительностью даже превосходила их. Мать старалась передать дочери все свои знания, даже навыки врачевания и магии заговоров. Юная Лисиппа уже к четырнадцати годам освоила савроматскую письменность и стала участвовать в боевых походах своего племени.

Время летело быстро и незаметно. Из шустрой девочки-подростка она незаметно превратилась в отважного воина, обладающего секретами местной магии и врачевания, боевых искусств и стратегии ведения боя. Проницательный ум и красивая внешность девушки возвышали её не только над мужчинами, но и женщинами своего племени. В шестнадцать лет, по решению старейшин, её провозгласили верховной жрицей нескольких племен савроматов.

Но дела жриц пока мало интересовали юную Лисиппу. Многие вопросы жизнедеятельности, а, особенно, военные вопросы в племени уже не решались без её участия. Однажды вечером отец, храбрый воин и вождь племени Амор, усадил её возле себя и медленно заговорил:

– Дочь моя, ты стала совсем взрослой. Воины чтят твой ум и храбрость, женщины полностью подчинены твоей власти. Я долго думал и решил передать тебе верховную власть в наших племенах. Не спеши с ответом, хорошо подумай.

– Я готова. Боги даровали мне знания, а опыт я приобрету в бою.

– Иного решения я и не ждал. Лисиппа, ты достойна имени вождя, – удовлетворенный ответом дочери, закончил свой разговор Амор.

На следующее утро перед всем племенем Лисиппа была провозглашена вождем. Первым её решением стало совершить поход в дальние страны, чтобы

разведать возможность заключить союз с другими племенами. Юная красавица снарядила небольшое войско из числа девушек-воительниц и отправилась в свой первый поход по берегам широкой реки.

На просторах полей и степей этого края издревле селились как кочевые племена скифов, так и племена сарматов. В одном из племен она впервые узнала, что эта широкая река носит название Амазон, что означало на неведомом ей наречии «Река женоуправляемого народа». Такое название молодой жрице и вождю племени очень приглянулось.

– А ведь действительно, мы – савроматские женщины и есть народ, управляемый мужчинами, – гордо заявила она одному из племен, живущих на берегах Амазона. – Название реки достойно только женщин-воинов и только мы должны владеть землей её побережья.

Весть о юной красавице, вожде и верховной жрице савроматов, моментально разнеслась по побережью Амазона. Многие мужчины были поражены её красотой, но осмелиться признаться в любви вождю никто даже и помыслить не мог. Да и она никому не подавала повода. Стройная девушка, в короткой тунике и сандалиях, завязанных кожаной бечевкой до колен и уложенными небольшой косичкой на затылке волосами, больше походила на юношу-красавца, чем на женщину – хранительницу домашнего очага. Возвратившись из своего первого похода в качестве вождя, дома её уже ждала слава первой сарматской царицы. Лисиппа не стала возражать против нового имени «царица», хотя таковой себя пока не считала. Думать долго над этим просто не было времени. Перед ней стояла задача совершить другой, более дальний поход с целью заключения договора с новыми племенами.

Спустя месяц Лисиппа с девяносто воинами, в основном состоящими из молодых девушек, небольшим караваном повозок, груженных предметами быта, кормом для лошадей и дорогими подарками, отправилась в неведомые земли верховья Амазона. Через несколько дней войско Лисиппы достигло земель, в которых проживали греки. Здесь она была принята верховными вождями и поразила их своим умом и искусством дипломатии. Но главное, чем были поражены греческие вожди, это внешний вид юной красавицы. Никто до этого не видел царицу, гордо восседающую на коне и умело владеющую коротким мечом. Из уст воинов, сопровождающих Лисиппу, греки узнали, что армия савроматов прибыла из берегов далекой Амазоны. Вот тогда и пошли первые легенды об амазонках, населяющих земли реки Амазон и побережье уже знакомого грекам Меотийского озера (в будущем – Азовского моря).

По греческим законам военный союз неизвестных племен должен подкрепляться браком знатных особ. Выходить замуж Лисиппа вовсе не собиралась, но среди вождей-воинов ей приглянулся один молодой красавец – прекрасно сложенный храбрый воин, жрец и философ Беросс. Долгие беседы наедине дали о себе знать: взаимные чувства молодых людей переросли в пылкую любовь. Но влюбленным не суждено было остаться вместе. И Беросс, и Лисиппа прекрасно

это понимали. Память о ночах, проведенных в объятиях друг друга, остались в их сердцах на всю оставшуюся жизнь. Судьба распорядилась по-своему: им больше так и не довелось встретиться, но легенды о плодах этой любви остались в веках в устах и греческих, и сарматских народов.

Союз нескольких племен был заключен, и Лисиппа со своим войском возвратилась на берега Амазона. Жизнь потекла своим чередом. Теперь уже никто не сомневался в царском происхождении Лисиппы. После смерти родителей, она стала полноправной владычицей нескольких савроматских племен, которые почитали её за свою царицу.

Через некоторое время у царицы родился сын. Эта новость во всех землях Савроматии воспринялась неоднозначно. Ведь теперь здесь установились обычаи поклонения женщинам – воинам, поэтому рождение сына у царицы некоторые восприняли как недоброе предзнаменование. Чтобы предать факту рождения сына у царицы особое значение, Лисиппе предложили назвать мальчика Танаисом, что на местном наречии одного из савроматских племен означало «рожденный от реки». Так в землях Савроматии появился Танаис – юный наследник царского престола савроматов.

Мальчик рос крепким и здоровым ребенком. С раннего детства его отличали молчаливость и трудолюбие, гордость и чувство собственного достоинства. К четырнадцати годам он полностью овладел военным искусством, метко стрелял из лука, обладал прекрасным телосложением, но при этом был излишне самоуверен, а порой и циничен. Женское воспитание, отсутствие отца, о котором никто никогда ему не рассказывал, сыграли свою роль – парень вырос самовлюбленным и высокомерным царевичем. Лисиппа не чаяла в сыне души и прощала ему многие недостатки. Одно оно не могла ему простить – излишнее кокетство перед девушками. Царица мечтала видеть в своем наследнике настоящего воина, и пророчила ему свой трон, хотя к тому времени у неё родилось еще две дочери.

Однажды, гуляя по берегу Амазона со своими слугами, Танаис увидел группу девушек – воительниц. Они чистили оружие и не обратили на него внимание. Танаис подошел к ним и спросил:

– Храбрые воины, почему вы держите меч клинком к себе?

– Даже при чистке оружия мы готовы отдать свою жизнь за свой народ, но не попасть врасплох в руки врага.

Такой достойный ответ одной из девушек понравился Танаису. Он присел к девушкам и попытался завести с ними разговор. Но одна из девушек, которая первая ответила ему на вопрос, вдруг резко остановила парня:

– Господин, тебе не к лицу разговаривать с обычными воинами, а нам не положено общаться с мужчинами.

Такая дерзость не понравилась Танаису, но смелость воительницы, её большие темные глаза поразили сердце юноши. Танаис отошел от девушек и отправился в свои покои. Всю ночь он думал о прекрасной девушке-воительнице. На

следующий день, втайне от матери, юноша отправился на поиски понравившейся ему девушки. Долго искал Танаис и, наконец, увидел её около походной кибитки.

Юноша поспешил к девушке-воительнице и восторженно заговорил:

– Красавица, ты поразила мое сердце. Скажи, кто ты?

– Не стоит тебе знать моего имени, господин. Я обычная девушка из бедной семьи и мне недозволено разговаривать с нашим царевичем.

– Но почему? Ты мне очень нравишься! Разве любить у нас запрещено?

– Неужели ты не знаешь, что в нашем племени только два летних месяца отводится на период связи с мужчинами? Мы не имеем права в другое время иметь никаких отношений с вами. А стать возлюбленной мужчины я могу только после того, как поражу не менее трех противников. На моем счету только один иноземец.

– Кто придумал такие законы? Почему мы не можем встречаться с тобой в любое время, когда нам не захочется? Ведь я царевич, мне позволено все!

– Не гневайся, господин. Эти законы установила великая Лисиппа. Никто не вправе их ослушаться.

– Но я ведь её сын и она обязательно сделает исключение для меня. Я просто в этом уверен!

– Не смею спорить, но об этом надо спросить её.

Возмущенный Танаис поспешил в покои своей матери. Сердце его пылало любовной страстью к обычной девушке-воительнице и, забыв обо всех обычаях, Танаис подбежал к ложе матери и гневно произнес:

– Великая царица, ты установила несправедливые законы в отношении мужчин. Я полюбил простую девушку и не имею права с ней встречаться? Отмени закон в отношении меня, позволь мне любить простую девушку!

– Что ты говоришь, Танаис? Ты посмел усомниться в справедливости наших законов? Они проверены жизнями сотен наших сограждан – савромат. Никто не смеет их отменять! Ты мужчина и должен подчиняться нашим законам!

– Но я люблю её! Как твой сын я согласен подчиняться твоим законам, но приказать своему сердцу я не смогу.

– Ах, так! Ты слишком дерзок со своей повелительницей. Из тебя вырос мягкотелый воин. Никогда не быть по-твоему. Царевич не достоин любви простолюдинки, он достоин только материнской любви, – гневно закричала Лисиппа и встала с ложе.

– Но такая любовь мне не нужна. Я хочу любить ту, которая вошла в мое сердце.

– Довольно! Ступай. Разговор на сегодня окончен, а завтра мы вернемся к этой теме. Я научу тебя любить свою мать.

Танаис опустил голову, молча повернулся и вышел из покоев царицы. Сердце юноши разрывалось на части. Он с детства привык достигать любой своей цели, перед ним никогда не было нерешенных проблем. А здесь его родная мать так грубо обошлась с его мужским и царским достоинством. Возмущению не было предела. Юноша метался по своему шатру и не знал, что делать. Эта ночь ему показалась самой длинной за всю свою жизнь. Ранним утром он заметил около шатра группу воинов из личной стражи царицы.

– Так она решила меня арестовать? Этому не бывать! Если я не могу свободно любить, то и жить мне на этом свете больше незачем.

Обезумевший от любви, униженный и оскорбленный самовлюбленный юноша выскочил через потайную дверь шатра во двор, оседлал своего любимого коня и быстро поскакал к обрывистому берегу Амазона. Через два часа конь вынес Танаиса на высокий обрывистый берег широкой реки. Юноша соскочил с коня, подошел к краю обрыва и последний раз посмотрел на восходящее солнце. Перед ним простиралась голубая дельта широкой реки, а к западу от нее у самого горизонта виднелись берега Меотийского озера, напоминающие по форме изогнутый лук. Широко разведя руки, вдохнув в себя последний глоток воздуха, юноша ступил в бездну...

...Лисиппа не спала всю ночь. Её терзали странные мысли: с одной стороны она безумно любила своего единственного сына, с другой стороны – она не смела нарушить законы савромат. Как поступить? Как найти выход из создавшейся безвыходной ситуации? Только к утру она решила отправить своих верных слуг из личной охраны к Танаису, чтобы пригласить сына на душевный разговор. Постоянные заботы о Савроматии, вечные военные походы, переговоры и сборы податей с порабощенных не позволяли ей лишний раз поговорить уже со взрослым любимым сыном.

– Мой сын уже вырос, я обязана прислушаться к его воле. Думаю, что можно найти выход, – в полузабытье проговорила царица и услышала топот лошадей. Лисиппа приподнялась с ночного ложе и велела воинам войти в свои покои.

– А где Танаис? Почему вы молчите? Где мой сын? – удивленно произнесла она, увидев вошедших без Танаиса грустных воинов.

– Великая царица, нашего Танаиса больше нет. Он покинул нас и пожелал отправиться к духам своих предков.

Материнское сердце все сразу поняло: гордый Танаис не смог перенести такого жесткого разговора с матерью и решил покончить с собой. Гнев за предательство единственного наследника, который смалодушничал и покончил с собой из-за любви к обычной простолюдинке; неопишуемая боль за потерю любимого сына, чувство ревности и смертельной душевной боли переполняли ее сердце. Лисиппа опустилась на ложе и жестом руки велела воинам удалиться. Воспитанная в строгих обычаях савроматских женщин, она не проронила ни одной слезинки, медленно поднялась, опустила руки и не спеша подошла к двери. Минуту постояв, она медленно переступила порог. Ноги отказывались передвигать

гаться, но сила воли заставила царицу со спокойным внешним видом пройти по залу царских покоев, где уже рыдали десятки слуг и воинов-охранников.

– Где это произошло? – строго спросила она у старшины охраны.

– На обрыве Амазоны, – сквозь слезы тихо ответил старшина.

– Мы немедленно отправляемся туда, – строго сказала царица и поспешила оседлать коня.

Через пару часов группа воинов во главе с царицей достигла крутого берега реки. Лисиппа медленно опустила на землю с коня и подошла к самому краю обрыва.

– О боги! Примите душу великого Танаиса... О волны Амазона, от ныне вы будите носить имя великого царевича Савроматии, – подняв голову к небу, произнесла царица.

Сопровождавшие царицу воину опустились на колени и опустили головы. А внизу обрыва медленно текли голубые воды широкой и глубокой реки теперь уже с новым названием Танаис...

После этих событий Лисиппа сильно изменилась. Свой дворец и постройки приближенных, расположенных в устье реки Танаис (современный Северский Донец или Мертвый Донец) в двух днях пути от Меотийского озера, она назвала, как и реку, Танаисом. Отсюда царица стала совершать частые военные набеги на соседние племена, перевооружила конную армию, ввела жесткую военную дисциплину. Со временем армия Лисиппы стала реже возвращаться в родные места. Дворец опустел и почти полностью разрушился. Уже пожилая женщина-жрица, которую так и продолжали почитать за царицу савроматов, перевела свои племена высоко в горы и оттуда совершала военные набеги на земли Танаиса. В одном из жестоких боев с противником Лисиппа погибла, а её дело продолжили её две дочери, сумевшие укрепить и преумножить славу женщин-воительниц.

II.

Шли годы. Слава о царице савроматов достигла берегов Греции и Рима. Но за десятки лет рассказы о предводительнице женщин – воительниц обросли новыми легендами и мифами.

В конце IV века до нашей эры греческие историки и философы увлеклись легендами о царице амазонок, как они называли незнакомые племена женщин-воительниц из земель Танаиса. Подлинными историческими фактами они не обладали, но и просто переносить в свои бессмертные творения легендарные рассказы о южных амазонках было как-то не с руки.

Первым, поведавшим миру о жизни легендарной Лисиппы, стал великий Гомер, описавший услышанный им рассказ о прекрасной амазонке в своей зна-

менитой «Илиаде». Описание во многом сходилось с легендами, доходившими до Греции из земель Танаиса. Так в народе и родился прекрасный, трогательный миф о Танаисе...

На крутых берегах Амазонии издревле среди древних скифов и сарматов проживало племя прекрасных женщин-воительниц. Они носили мужские туники, волосы туго сплетали в косы и укладывали их аккуратно на голове. С детства девушки учились верховой езде и охоте, а в юности в совершенстве овладевали военным искусством. Амазонки презирали мужчин и считали их грубым подобием настоящих воинов. Только самым могущественным амазонкам один раз в году позволялось найти себе избранника для продолжения рода. Если рождался мальчик, то его отдавали пленным воинам-мужчинам и отправляли на родину.

Царица амазонок прекрасная Лисиппа не только была самой ловкой наездницей и храбрым воином, но и поражала всех неописуемой красотой. Её стройный стан, пронизательный ум и светлые кудри не могли оставить равнодушным любого женоненавистника. Слава о мужестве и красоте Лисиппы разнеслась по всей округе и достигла божественного чертога. Боги были в замешательстве, ведь богине любви Афродите не было равных среди богов и смертных ни в красоте, ни в уме, ни в искусстве охоты.

Мудрый Океан решил сам убедиться в услышанном и развеять сомнения богов. Он спустился на Землю в облике прекрасного юноши, и отправился бродить вдоль побережья Амазонии в поисках прекрасной царицы амазонок. Однажды утром у высокого обрывистого берега реки он заметил несколько купающихся молодых девушек. Океан приблизился к берегу и поразился красотой одной из купающихся амазонок. Величавые движения рук, божественная фигура, длинные светлые кудри, прикрывающие пленительную женскую грудь, поразили юношу. Но как заговорить с прекрасной девушкой? Океан быстрым движением руки направил в сторону купающихся девушек высокую волну. Амазонки поспешили на берег, а Лисиппа осталась стоять в воде, презирая своим видом речную волну. Океан мгновенно превратился в следующую волну и обвил стан прекрасной девушки. Увлекая её за собой, Океан хитростью завлек Лисиппу на середину реки и вновь предстал перед ней в облике юноши. Божественная красота парня не отпугнула его от прекрасной амазонки. Напротив, стройный голубоглазый юноша сразу понравился царице, и они полностью отдались своим чувствам. Безумная любовь с первого взгляда, беспредельное счастье молодых людей не могли быть не замеченными Афродитой. Неописуемый гнев овладел богиней. Решение было принято мгновенно – отомстить смертной женщине за любовь к богу. Но в этот миг она не могла ничего сделать: божественная сила Океана была сильнее чар Афродиты.

Любви бога воды Океана и амазонки Лисиппы было отведено всего лишь несколько минут. Еще одно мгновение и прекрасный голубоглазый юноша превратился в волны Амазонии.

Прошел год и у Лисиппы родился мальчик. Царица назвала его Танаисом,

в честь воды и реки Амазонии, подарившим ей первенца. Мальчик рос не по годам, а по часам. Совсем скоро он превратился в голубоглазого стройного юношу. Золотокудрый Танаис воспитывался по законам амазонок: он с детства презирал смерть и поклонялся богу войны Аресу. Многие амазонки в тайне заглядывались на божественного парня, но Танаис избегал любых разговоров с девушками-воительницами. Сердце его не было подвластно любовным чувствам. Молодого человека интересовало только военное искусство.

Афродита помнила о своей мести царице амазонок. Она решила завлечь юношу в любовные сети и опустошить его душу. Превратившись в прекрасную амазонку, однажды утром она предстала перед Танаисом во всей своей божественной красе.

– О, прекрасный юноша! Кто научил тебя так умело владеть луком?

– Я Танаис, сын царицы Лисиппы, и мне нет равных среди смертных во владении мечом и луком.

– Но боги все равно сильнее всех смертных.

– Мне покровительствует сам бог Арес, а его сила превосходит все земные миролюбивые чувства.

Казалось бы, такой дерзкий ответ юноши должен был возмутить Афродиту, но его молодость и неземная красота наоборот понравились богине.

– Неужели тебе не ведомо чувство любви? – коварно спросила Афродита.

– Даже чары великой Афродиты для меня не страшны! Нет такой женщины, которую я бы поменял на боевое искусство, – гордо ответил царевич.

Но это было уже выше достоинства богини любви. Теперь дерзость смертного, который посмел насмеяться над ней – всемогущей Афродитой, окончательно разгневала богиню.

– Ты так уверен? – возмущенно спросила она Танаиса.

– Да, я уверен в себе, – гордо ответил юноша, не подозревая, что перед ним стоит сама Афродита.

– Посмотрим, – с насмешкой произнесла богиня, опустила голову и исчезла.

Удивленный моментальным исчезновением девушки, Танаис поспешил в чертог матери – царицы Лисиппы. Он спешил рассказать ей о случившемся, открыл дверь в опочивальню и... замер. Внезапно его ослепила красота собственной матери.

– О боги! Я никогда не замечал, что ты богиня! – прошептал Танаис.

Лисиппа не услышала слов сына, но заметила в его глазах незнакомый огонек любви и восторженности.

– Что с тобой, мой любимый? Что произошло с тобой? – удивленно спросила она.

– Не смей называть меня любимым, – смущенно ответил Танаис. – Арес не

велит настоящему воину рассуждать о любви.

Сын отвернулся от матери и вышел из её опочивальни. Оказывается, злопамятная Афродита напустила на него чары любви к своей матери, исполнив тем самым давний замысел отмщения Лисиппе. Богиня прекрасно понимала, что любовь мужчины к своей матери противоестественна среди землян и подобная месть станет самой жестокой для смертной амазонки.

С тех пор Танаис не мог найти себе места. Он метался по царскому чертогу, старался отвлечь себя каким-либо занятием, но неведомое чувство разрывало сердце прекрасного юноши.

– Что это? Неужели именно такая и есть любовь? Но ведь прекрасная Лисиппа моя мать и я не могу даже обнять её, – в слезах твердил себе некогда гордый и самовлюбленный воин. – О, Арес! Помоги мне! Что мне делать? Как мне совладать со своим сердцем?

– Любовь бессмертна, никто не подвластен её силе! И если она поселилась в твоём сердце, то никто, кроме тебя самого, не сумеет с ней совладать, – раздался вдруг громкий голос. Чей это был голос, Танаис не понял, но теперь ему стало ясно, что совладать с любовным чувством к своей матери он никогда не сможет.

– О горе мне, горе! Если богам так угодно, то я готов страдать всю жизнь, но только не такое душевное наказание! – закричал влюбленный юноша.

– Никто не подвластен силе любви, – повторил тот же незнакомый голос, и царские покои окутала таинственная тишина. Отчаянный Танаис, пораженный безумной любовью к собственной матери и не решившийся нарушить запрет богов о кровосмешении бросился к водам Амазонии.

Взобравшись на самый обрывистый берег реки, он простер руки к небу и закричал:

– О боги! Примите мою жертву! Пусть отныне любовь приносит людям только счастье!

С этими словами сын царицы амазонок бросился с обрыва и разбился о камни Амазонии. Горе Лисиппы было беспредельной. Она так и не поняла, что таким страшным образом была отомщена всемогущей Афродитой за любовь к великому богу Океану. С тех пор широкая река Амазония и стала носить имя Танаиса в память о запретной любви прекрасного юноши к своей матери – великой царице южных амазонок...

Так гласил древнегреческий миф, передаваемый из уст в уста десятками поколений греков и сармат, вавилонян и венецианцев. Древнегреческий историк Диодор Сицилийский, живший в 90 — 30-х годах до нашей эры на Сицилии, изложил свою версию мифа, согласно которой Танаис влюбился в красавицу мать – царицу амазонок Лисиппу, но, желая избежать грехопадения, бросился в реку и утонул. После его смерти Лисиппа повела своих дочерей в долину реки Фермодонт, построила огромный город Фемискид и покорила соседние народы до самого Танаиса. Совершив эти подвиги, она погибла в одном из кровопролит-

ных сражений. Ее дочь, став наследницей, превзошла свою мать и приумножила славу царства амазонок. Она первой ввела обучение девочек грамоте, физическому и духовному воспитанию, в том числе древним таинствам исцеления. Дочь Лисиппы покорила многие народы от Танаиса до Фракии.

Спустя столетия известный римский грамматик конца IV века нашей эры Мавр Сервий Гонорат изложил новую версию древнегреческого мифа. Согласно Сервию, Танаис – сын бога Океана и богини Тефиды, почитавший одного лишь Ареса. Юны красавец был так увлечен военными делами, что совсем не обращал внимание на девушек и презирал любовь. За это Афродита наказала его безумной страстью к собственной матери. Чтобы избежать позора кровосмешения и не совладал со своими чувствами, Танаис покончил с собой, кинувшись в реку, которая с тех пор и стала носить его имя.

Как было на самом деле – никому не известно. Только археологические исследования в Приазовье и на берегах Тихого Дона подтвердили факт существования в этих краях женщин-воительниц, живших в скифо-сарматскую эпоху истории Донского края.

Валерий Цуркан

Пятое поколение

— На далекой-далекой планете, где не ступала нога человека, жили необычные существа...

— Мам, а другой сказки у тебя нет? Ты эту рассказывала уже сто раз.

— Нет... завтра придумаю. А пока спи.

— Мам, а когда папа вернется?

Сердце чуть кольнуло.

— Скоро вернется.

— Ты всегда так говоришь.

— Спи!

Энни закрыла детскую и вышла в тесное помещение двухкомнатной семейной каюты. Где-то там, за десятками переборок, царил вселенский холод. А еще дальше, в сотнях, в тысячах парсеках, путешественников ждала та самая далекая-далекая планета, о которой каждый вечер она рассказывала Селене одну и ту же сказку. Цель, которой пытались достичь. Если вообще она существовала, эта планета. Может статься, что Земля — единственная пригодная для жизни во Вселенной.

Энни присела за столик у стены и ощутила легкую дрожь — это запустились маневровые двигатели. Возможно, навигатор обнаружил обитаемую звездную систему и теперь проводит корректировку курса. Как часто, почувствовав вибрацию корпуса, все думали, что вот, наконец, найден новый мир. Но всякий раз оказывалось, что «Странник» лишь уклонялся от астероидов. И все привыкли, и уже никто не ждал, да и не верил, что у этой дороги есть конец. Пятое поколение было взрослым, шестое подрастало, сто пятьдесят лет мрака и пустоты — и неизвестно, сколько впереди.

Однажды они сидели с Дэннисом в архиве и рассуждали о памяти. Несколько лет работали в паре — Энни архивариусом, а он техником и программистом, да и вообще парнем на все руки — и привыкли друг к другу.

— Если не рассказывать детям о бабушках и дедушках, то следующее поколение совершенно забудет о своих корнях, — сказала Энни, лениво листая заархивированные новости. — Я всегда стараюсь, чтобы память о предках те-

плилась в сердце дочери.

— Слишком пафосно, — Дэннис выключил кофемашину и поставил на стол два горячих стакана. — А я не люблю громких слов.

— Если этого не делать, то когда экспедиция достигнет цели, окажется, что все это зря. Ведь наши дети — продолжение прадедов, а кем они станут без памяти?

— И опять красивые слова. Память сама по себе — ничто, если ее не использовать. Детей воспитывать нужно, да на личном примере, а не просто рассказывать, какими хорошими были их предки. Иначе это не работает.

Энни подумала, что ведь тоже пытается воспитать дочь на собственном примере, учит честности, а сама вот уже год обманывает. Но когда-нибудь откроет ей правду.

* * *

Утром Энни отправилась в архив, в котором пропадала целыми днями, лишь изредка связываясь с Селеной по телекому.

Дэннис уже сидел на месте, распаивал схему и пил кофе. Увидев напарницу, молча кивнул и снова погрузился в работу.

Кому-то эта работа показалась бы скучной и нудной, но ни Энни, ни Дэннис так не считали. Поддерживать в рабочем состоянии архив было несложно, и оставалось много свободного времени. Которое оба тратили на изучение материалов. И, кроме этого, старались вбрасывать в инфосеть «Странника» показавшуюся важной информацию.

— Так можно создавать историю, — заметил однажды Дэннис. — Люди во все поверят, они такие доверчивые.

— Да, но зачем это делать? — спросила Энни. — Правду от людей скрывать нельзя.

Заварила стакан синтетического кофе, запустила центральный блок и включила монитор. Так... сегодня собиралась полистать новости сто сорокалетней давности. В то время представители первого поколения еще были молоды. Интересно иногда заглядывать в дневники, читать воспоминания о Земле. И, разумеется, самое-самое она вбрасывала в сеть в виде блогов или в новостной ленте. Люди должны знать, как жили и чем дышали их предки.

«Жанна Ф.

А ведь я даже не мечтала, что попаду в экипаж «Странника». Три года тренировалась, старалась стать лучшей. Ну, добилась своего — и что? Ради чего? Чтобы сидеть и смотреть в пустоту? Ох, какая же я дура! Сейчас бы у меня уже была семья, детям было бы лет по десять. Работала бы, а по выходным с мужем и детьми (были бы мальчик и девочка) гуляли бы в парке. Нет, меня потянуло на романтику. А где она, эта романтика? Нет ее!..»

Дальше шел большой массив текста, в котором Жанна занималась самокопанием. Энни такое чтение не интересовало, убрала страницу с глаз долой.

«Инна С.

Мне очень понравился этот проект. Конечно, я больше никогда не увижу Землю, но она в моем сердце, и я ее никогда не забуду. Но кем бы я была там, на Земле? Чего бы могла добиться? Я сужу строго — ничего. Работала бы в институте. Ну... смогла бы дослужиться до начальника отдела. И все?

А здесь я занята любимым делом, в моем распоряжении две лаборатории. Я познакомилась с прекрасным человеком и скоро у нас будет ребенок. Да, никто не знает, что ждет впереди «Странника», найдут ли люди планету, на которой можно жить, или нет. Но я уже нашла все, что мне нужно, и я счастлива».

Энни подумала, что обе эти записи отлично дополняют друг друга на контрасте, можно сделать хороший материал. Быстро наметала небольшую статью, процитировала тексты из блогов. Сделала заголовок — «Первопроходцы Жанна и Инна: два разных взгляда на жизнь» — и запустила в сеть. Почти сразу пошел отклик — люди начали комментировать. Читателям понравилось.

Энни подозвала Дэнниса и показала страницу. Тот оторвался от микросхем.

— Интересная история, — заметил он. — А ведь люди жили в одинаковых условиях. И вот одной все понравилось, она счастлива, верит в будущее, а вторая потерялась и тоскует о прошлом.

— Да, но все же надеюсь, что Жанна нашла себя.

— Можно посмотреть, что она писала дальше.

— Не хочу. А если так и прожила всю жизнь в тоске? А мне от этого будет грустно.

Вот так Энни и знакомила современников с историей экспедиции «Странник».

Закрыв блоги, стала глядеть новости тех лет. Ничего особого не попадалось — ну что случится в звездолете, который вот уже лет десять летит в космическом пространстве.

Прокрутила новости на тридцать лет вперед. Ничего увлекательного не попадалось. Звездолет летел себе и летел, люди привыкли к новым условиям. Никаких происшествий — полет нормальный.

На сорок пятом году полета случилась авария — взорвался маршевый двигатель. Пожар удалось локализовать, и дальше «Странник» шел на восьми движках вместо девяти. Никто не пострадал, и вскоре об инциденте забыли. Энни сделала еще одну запись для инфосети. Года три назад она уже писала об этом, но не грех и повторить.

Она продолжала мониторить новости. Лаборатория провела эксперименты

по выращиванию питательной биомассы, ускорив процесс роста белков — ну так это научились делать еще на Земле, когда начался голод, ничего особенного. Ученые разработали новый тип двигателя, но чтобы завершить работу, нужны редкоземельные металлы. В итоге движок так и оставался в проекте.

— Что думаешь по поводу аварии?

— Ничего особого тогда не случилось. Звездолет уже вышел на маршевую скорость и потеря одного движка не мешала.

Этот период Энни уже просматривала, но каждый раз всплывало что-нибудь новое. Очень большой объем информации, чтобы охватить все за один раз. Приходилось рандомным способом выбирать информационные базы разных секторов. А еще огромное количество личных блогов, которые тоже помогали узнавать, что творилось в это время на корабле.

На шестом десятилетии полета показалось, что новости резко изменились. Вот вчера писали об одном, и — сразу о другом. Энни пробежалась по заголовкам.

«Фабрика синтпищи продолжает наращивать объемы».

«Ученые протестировали компьютерную модель гипердвигателя».

«Обнаружена звездная система с землеподобной планетой».

Но после о находке ни разу не написали — хотя, казалось бы, это должно взорвать общественность, ведь ради этого и летели, чтобы найти новый мир. Почему такая важная новость никого не заинтересовала?

Ползла в блоги. Один, второй, третий. Десять блогов, и ни в одном не было информации об обнаруженной планете. Обратила внимание, что все эти блоги были созданы в апреле пятьдесят четвертого года.

Вернулась к ранним записям. Все блоги обрывались в середине марта. Если бы это был один или два, то можно подумать, что человек умер или стало лень вести записи. Но все сразу? Что случилось в это время? Как это объяснить?

— Смотри, тут странное. Я раньше не обращала на это внимание.

Дэннис подошел и заглянул в монитор через плечо.

— Что ты тут нашла?

— Все блоги обрываются в один день. А через месяц созданы новые. М-м-м-м, будто вырезали кусок новостей.

— Да, действительно странно.

Энни еще покрутила новости туда-сюда, но так и не поняла, что все это значило. Зато заметила скрытую папку с маркировкой «Для служебного пользования». Попыталась открыть, но папка оказалась запароленной, а обычный служебный пароль не подходил. Кто-то спрятал в нее часть новостей и зашифровал. После нескольких попыток Энни сдалась и попросила помощи у Дэнниса.

Он занял ее место и принялся колдовать над клавиатурой. На мониторе за-

мельтешили стройные ряды цифр. Код долго не поддавался, но цифровая крепость все же пала и на экране появилась надпись: «Эта информация была удалена из общего доступа. Вы действительно собираетесь открыть папку?».

— И правда странно. — Дэннис продолжал щелкать клавиатурой. — Что это за информация такая секретная?

Папка открылась. Здесь тоже были новости. Другие, страшные. Энни не сразу догадалась, почему информация оказалась в этой зашифрованной папке. Но открытие оглушило ее. Много лет назад кто-то из архивариусов решил, что людям не нужно этого знать, и удалил целый пласт истории, создав ряд фальшивых новостей и блогов, чтобы замаскировать склейку.

— Ого! — сказал Дэннис, прокручивая новостную ленту.

На самом деле звездолет находился в пути не сто тридцать лет, а намного дольше. Пробежавшись по заголовкам, Энни прикинула, что выброшено около пятисот лет. Полтысячелетия истории вычеркнуто из людской памяти. Двести лет из этого времени цивилизованного общества вовсе не существовало, — сообщения писал бот, документируя все, что происходило на корабле.

В марте пятьдесят четвертого «Странник» столкнулся с большим астероидом, который пробил широкую брешь в корпусе, практически разделив его на две половины. При этом погибло много народу — все, кто жил в центральном секторе. Передняя и хвостовая части успели автоматически загерметизироваться, но люди лишились пищевой фабрики и оранжерей, которые находились в середине корпуса. К счастью, уцелели кислородные генераторы, и хотя бы от удушья никто не страдал.

В первые двадцать лет население сократилось еще вдвое, люди начали мародерничать, убивать за еду и воду. Энни с ужасом разглядывала снимки с камер видеонаблюдения, на которых были изображены груды мертвых тел.

Через две сотни лет удалось восстановить фабрики синтпищи. К этому времени оставалось не больше десяти процентов жителей. Еще через сто лет население немного увеличилось, инженеры наладили переходники между двумя половинами рассеченного надвое звездолета. И даже частично восстановили среднюю часть, разбитую астероидом. Сейчас она восстановлена почти полностью — а оставшиеся три-четыре пробоины играли роль пирсов для ракет технического сопровождения.

Но что делали люди на протяжении двухсот лет — было ужасно. Убивали друг друга, чтобы выжить, не жалели даже детей. Но самое страшное — это инкубаторы-резервации, где растили тех, кому предназначалось умереть, став пищей для других.

И тот, кто переписал историю, был прав. Не нужно этого знать людям. Сейчас, когда все верят в светлое будущее, будет лучше, если они останутся в неведении.

— Убери это! Спрячь! — сказала Энни. — И никому, никому никогда не рассказывай.

Дэннис долго сидел, уставившись в экран, а потом снова запаролил папку.

— Да. Не стоит этого показывать людям. Пусть думают, что мы — пятое поколение.

— Знаешь, это страшно... Ты представь, что мы потомки вот этих вот, которые... которые. Язык не поворачивается называть их людьми.... — Энни зарыдала, уткнувшись в плечо Дэнниса. — И мы — их потомки?

— Да. Но даже не знаю, какими бы стали мы на их месте.

— Нет! Не такими.

— Но им все же удалось выжить и даже починить звездолет. Если бы не они, не было и нас.

— Но каких жертв это стоило. Пусть не наше поколение узнает об этом. Мы еще не готовы.

— Об этом будем знать только я и ты.

Вечером Энни вернулась домой и поняла, что больше не может врать. Селена должна знать правду. Рассказала все без утайки, как ее отец работал в лаборатории, как взорвался генератор силового поля и от Ингвара ничего не осталось. Вот уже год говорила дочке, что папа отправился в длительную командировку, обманывала, врала. Какая командировка может быть на звездолете? А главное — куда?

Они долго сидели, обнявшись, и плакали. А перед сном рассказала новую сказку, которую выдумывала на ходу. В ней люди добрались до планеты, высадились и начали строить дома и жить-поживать да добра наживать.

— И все были счастливы, — закончила Энни.

Одинокий пассажир

Джо проснулся, дрожа от промозглого холода. Птицы еще не начали своих утренних песен, молча несла темные мутные воды Гранта, лишь предрассветный ветер лениво качал заросли камыша. Джо съежился, пытаясь продлить сон, но заетя оказалась провальной; мальчик сел, хмуро оглядываясь. Мост, под которым он нашел в эту ночь пристанище, защитил его от дождя. От мутной реки пахло тиной и мусором. Изредка слышалось плескание рыб. Джо пригладил руками свои спутанные льняные кудри и нахлобучил на них потрепанное кепи. Утро неизбежно наступало, и нужно идти дальше. В кармане пальто, что было ему великовато, звякнула пара медяков. Хватит на один рейс, а большего Джо и не требовалось. Лишь бы убраться с этой неприятной планеты, отсталой и совершенно негостеприимной.

Рывком встав на ноги, Джо сунул руки в карманы брюк, не прикрывавших тощие щиколотки, и побрел в сторону Маширата. Там он найдет космопорт и навсегда покинет это место. За свою короткую бродячую жизнь Джо облетел половину галактики, но столь ужасной планеты еще не встречал. Не удивительно, что Труг сделали местом ссылки. Что ж, время его ссылки истекло. Джо поправил шарф крупной вязки и в очередной раз решил быть осторожнее. Но разве может малолетний вор тягаться с новомодными средствами защиты? В прошлый раз он попался на сумочке с автораспознавателем владельца. Пока Джо мучился с системой безопасности, мерзкая сумка надела на него магнитный браслет и вызвала полицию. К слову, ничего ценного в ней не оказалось, от чего было еще обиднее. Но свою двухнедельную ссылку на Труг он получил. На планету его доставил межгалактический крейсер отряда по проблемам безопасности, а вот забирать никто не желал.

Быстро шагая по разбитой дороге, Джо вспоминал знакомых, к которым можно на время пристроиться. Ближе всех жил долговязый Кален. До его нового места обитания всего два часа через искривленное пространство. К тому же маленькая Гарида считалась благословленной планетой и являлась торговым портом. Вору есть, где развернуться и улучшить свои навыки, а Кален его обязательно научит. Вспоминая о друге, Джо немного повеселел и начал насвистывать. Слов песни он не знал, но мелодия намертво засела в голове и не желала забываться.

Вскоре мальчик прошел мимо большой таблички у дороги. Наверно на ней было название города, но Джо не был в этом уверен. Он не научился читать даже на общем языке. Мальчик шел вперед, а мир вокруг приветствовал утро; просыпались птицы, мимо проезжали повозки и машины, иногда пролетали над головой грузные шумные самолеты. На развитых планетах такими уже не пользовались. Над горизонтом поднялась Дневная Звезда, и Джо перестал трястись от холода.

От теплых лучей Звезды растаял туман, скрывавший кучье придорожные кусты и горы отходов за ними. Казалось, что жителей Труга совершенно не волнует вопрос экологии. За эти скверные две недели Джо так и не смог привыкнуть к вездесущим кучам мусора, а некоторые из них угрожающе дымились и булькали, выделяя фиолетовые газы.

До города Джо добрался к полудню. Машират был немногочисленным местом и почти не имел постоянного населения. Полудикие местные боялись кораблей, а привезенным в ссылку запрещалось селиться в черте города, поэтому тут жили только работники космопорта и отчаявшиеся торгаши. Джо искренне верил, что ни одно разумное существо, находясь в здравом уме, не придет добровольно на Труг. В чем-то он был прав. Космопорт мальчик отыскал быстро, но в нем стоял всего один пассажирский корабль, а на посадку выстроилась длинная очередь.

Джо с трудом протиснулся к будке надзирателя и протянул ему ссылочный лист. Надзиратель, желтое жукообразное существо, недовольно пошевелил длинными усами и внимательно прочел лист.

– Сколько полных лет? – пробасил жук, меряя Джо презрительным взором двух пар выпученных глаз.

– 14, – буркнул мальчик. – Решением Межгалактического Сената от 7382 года я имею право на путешествия без сопровождения взрослых лиц.

Надзиратель дернул усами и стал выписывать разрешение на отправку.

– Больше не появляйтесь на нашей планете, – грозно изрек он, опуская разрешение в ящик выдачи.

– С удовольствием, – честно ответил Джо, забрал бумаги и двинул к кассе, у которой творилась невообразимая давка.

Джо понимал людей, да и не людей тоже, что желали скорее улететь отсюда. У кого-то есть дом, у кого-то друзья или работа. А даже если ничего нет, то любая другая планета лучше, чем Труг. Стараясь удержаться в очереди и не быть смятым, мальчик все же получил пару сильных тычков и ударов, один раз его чуть не сбили с ног. Наконец адская кутерьма осталась позади – он шагнул за линию кассы под внимательный взгляд охранного робота. Тот должен арестовывать всех, что пытаются незаконно покинуть планету, но у Джо все бумаги в порядке.

Полная синекочая женщина в фиолетовой форме проверила его разрешение и ссылочный лист и рявкнула в микрофон:

– Корабль проследует до планеты Гариды системы Астера. Талон пассажира четвертого класса стоит четыре грона.

Джо с облегчением отсчитал нужную сумму и получил желанный талон. Еще одной радостью была отдельная дорожка для пассажиров, ведущая вдоль кассы к посадочной платформе и позволяющая не возвращаться в суету страждущих и дерущихся за шанс улететь.

Этот день был определенно удачным. Проверяющий билеты даже не взглянул на тощего подростка в изношенной одежде, его интересовала лишь подлинность

талона. Но с ней все было в порядке, и Джо проследовал на борт МСР-238, маленького межпланетного судна, что летали на короткие расстояния. Вообще, суда этого типа выходили из употребления из-за высокой аварийности и слабых двигателей, но кто считает преступников. Джо прошел в каюту четвертого класса, выбирая место. Это было большое общее помещение, начисто лишённое мебели или каких-либо других предметов. Лишь пустая коробка из стенок отсека и входной люк. Мальчик сел на пол, прислонившись спиной к стенке, от чего кепи съехало на глаза. Джо не стал его поправлять, в ближайшие два часа не на что будет смотреть. Кювета быстро заполнилась разномастными существами, такими же нищими преступниками, желающими улететь с Труга и не видеть его даже на снимках. Рядом с Джо уверенно расположился сизый осьминог с чемоданом, в котором что-то шуршало и прыгало. Может он увозит с Труга тех забавных шустрых мышей, что умеют высоко прыгать и драться? Эти зверьки хорошо продаются для крысиных бегов, а их вывоз еще не запрещен и облагается ничтожными пошлинами. Возможно осьминог не ссыльный, а просто жадный торговец. От сизого соседа было тепло, Джо пригрелся и задремал. Все две недели у него не получалось выспаться. Местное население Труга опасалось прилетевших преступников и не имело с ними дел, а ссыльных опасался сам Джо, поэтому все время он прятался и спал, где придется. Чаще всего под открытым пасмурным небом.

Назойливый писк диктора и оживление пассажиров разбудили мальчика. Наконец-то он прилетел на Гарида. Пройдя через таможенный контроль и покинув пределы космопорта, Джо оказался в объятиях суматошного торгового города, покрывшего всю крошечную планету. Этот город-планета никогда не спал и не замедлял своего ритма. Вновь прибывали и отбывали торговые и пассажирские суда. Гарида находилась на пересечении десятков путей, через нее проходила вся почта для отдаленных планет и колоний. Джо на мгновение затерялся в мешанине улиц, но быстро сообразил, куда следует идти. Приют Калена находился недалеко от космопорта, и мальчик бодро зашагал в нужном направлении. Тротуары были сплошь утыканы небольшими лавчонками, хозяева которых призывали взглянуть на их товары, расписывая их примечательность и достоинства. Давно голодный Джо не удержался и купил горячий пирог с какой-то местной рыбой. Пирог оказался безвкусным, но мальчик съел его так быстро, что не заметил этого. На Гариде было еще раннее утро, но понять это сложно. В этом громадном городе вообще трудно следить за временем. В гаридских сутках всего 18 часов, поэтому многие спят только одну ночь их двух, предпочитая во вторую торговать и развлекаться. Система ночного освещения справляется со своей задачей не хуже Звезды Алого Дракона днем, поэтому первое время Джо не понимал, когда приходит ночь и когда день.

Когда рыбный пирог оказался в желудке, мальчик уже стоял на знакомом крыльце с выцветшей табличкой. Кален говорил, что на ней написано «Здесь проживает мастер воровского дела. Обращаться в случае затруднений». Кален умный, он умеет читать и писать на трех языках, а также может складывать числа. Джо пытался постигнуть эти премудрости, но прока не вышло. Хотя мальчик смог

запомнить числа и их последовательность, чтобы разбираться в деньгах. Крупных денег у Джо никогда не было, что избавляло его от надобности арифметики.

Мальчик постучал в дверь, ожидая торопливых шуршащих шагов – Кален всегда передвигался как напуганная крыса. Но за дверью было тихо. Джо нерешительно тронул ручку двери – открыто. Странно, Кален всегда запирался на два замка. Даже камеру видеонаблюдения у двери поставил. Впрочем, камера была на месте, уставившись на визитера разбитым глазом. Джо постарался успокоиться и толкнул дверь. В коридоре было темно и пыльно. Мальчик вошел в дом, внимательно озираясь. Все вещи были на своих местах, нет следов борьбы или ограбления, нет и крови, но ощущение чего-то скверного висело в воздухе. Джо обошел весь дом, но не нашел ни хозяина, ни подсказок. Из вещей пропали лишь документы и немного одежды. Казалось, что Кален бежал от кого-то. Но от кого? И куда? Джо сел на краешек скрипнувшего стула и вздохнул. У него больше не осталось денег, чтобы улететь на другую планету или жить на этой. На Гариде он знал только Калена. К кому обратиться за помощью? Торговцы ничего не скажут бесплатно, а полицейские и надзиратели могут что-то заподозрить. Джо еще раз вздохнул и наклонил голову. Грязные белые пряди упали на лицо. Когда он последний раз мылся? Наверно, еще до ареста. Кален всегда говорил, что грязь выдает преступников, и поэтому тщательно следил за собой. У него даже было настоящее мыло. Джо медленно осмотрел комнату, вспоминая о Каленском тайнике. О нем знали всего трое, причем третий уже мертв. Мальчик отсчитал восьмую половицу от окна и подковырнул ее складным ножом. Тайник был нетронутым: обмылок, бережно завернутый в кусок полиэтилена, немного денег, два поддельных удостоверения личности и пистолет – все лежало, как и две недели назад, только обмылок стал тоньше, а пуль меньше. Почему Кален бежал, не взяв свои сокровища? Джо задумчиво потрогал серый кусок мыла – Кален купил его полгода назад и сэкономил, как мог. Он бы не бросил мыло тут, если бы не собирался вернуться. Нужно остаться и подождать его. Денег хватит, чтобы скромно питаться еще неделю, а в сложной ситуации можно продать удостоверение. Кален научил находить покупателей.

Вся неделя прошла в ожидании. Джо целыми сутками слонялся по городу, пытаясь узнать хоть что-нибудь о пропавшем друге. Но все воры и контрабандисты, знавшие Калена, лишь разводили руками, говоря, что видели его давно и в последние дни ничего о нем не слышали. Отчаявшийся Джо обратился в отдел пропавших, но там о Калене не было ни слова. Отдел по контролю пассажиров в космопорте утверждал, что Кален Крондан не покидал Гариду. Но дни шли, деньги кончались, удостоверения и пистолет были проданы, а Кален по-прежнему отсутствовал.

На десятый день своего визита на Гариду Джо вымылся с мылом, собрал оставшиеся монеты и купил талон в один конец до Тарисак, военной планеты системы Астера. В этой галактике у Джо больше не было друзей, а полет дальше стоил больших денег. Впрочем, служба в армии – хорошее решение. Джо всегда будет сыт и одет и когда-нибудь сможет получить работу или стать наемником. Добровольцам прощаются все преступления, кроме убийств и политических действий

против Сената.

До Тарисак отправлялось маленькое грузовое судно с припасами для военных. Мальчика согласились взять на борт, отведя ему место в десантном отсеке. Джо оказался в крошечном помещении с круглым прозрачным люком, из которого было видно небо. После погрузки и проблем со взлетом, старенькое судно все же стартовало. Небо в люке сменило белые облака на синюю гладь с вкраплениями холодных звезд. Джо обошел отсек по кругу и устроился на полу, глядя во тьму космоса через люк. Вид за бортом очаровывал и пугал своей необъятностью, мальчик чувствовал себя крошечной молекулой в этом безбрежном океане звездной пыли и тьмы. Говорят, что Вселенная может сжиматься и расширяться. Какой бред! Вселенная – это бесконечное море, где можно встретить и потерять кого угодно, и никто не заметит твоей потери. Никто не заметит и тебя. От этих мыслей Джо поежился. До Тарисак лететь приблизительно шесть часов, быстрее это корыто не сможет. Да за это время дурацкий люк с бесконечным темным миром сведет его с ума!

От тревожных мыслей Джо отвлекли шум и аварийный сигнал.

– Неполадки в топливном отсеке!- сообщил бортовой компьютер.

Джо поднялся на ноги, глядя на красную мигающую лампу. Как страшно сидеть тут, отдельно от остальных, не зная, что произошло. Корабль несильно трянуло, лампа погасла, но быстро вспыхнула вновь.

– Недостаток топлива! Отсоедините балласт!- посоветовал компьютер.

Джо тревожно скомкал шарф. Что на этом судне является балластом? Что случилось в топливном отсеке? Хватит ли им энергии до Тарисак? Хватит, если уменьшить ее расход, отцепив от корабля лишнее. Капитанский мостик, топливный, технический и грузовой отсеки долетят. Вот только десантный им не нужен. Словно в подтверждение его мыслей бортовой компьютер произнес:

– Отсоединяю грузовой отсек Е. Отсоединяю запасные каюты нижней палубы. Отсоединяю десантный отсек.

Больше Джо не слышал голос. Аварийная лампа погасла. Десантный отсек качнулся и отправился в свободное плавание. Его выбросили. И Джо тоже. Они лишние на этом судне, везущем еду и форму военным. Припасы нужны армии, армия нужна Астере, а маленькая коробочка с нищим вором им не к чему. На отцепленный отсек больше не действовало гравитационное поле корабля, и Джо свободно плавал в воздухе, нелепо взмахивая руками. Мальчик подлетел к люку – он и давящий космос остались один на один. Надежды, что кто-то подберет дрейфующий отсек, почти нет. У него нет никакой связи с внешним миром. Нет запасов еды и воздуха. У него нет ничего. Лишь равнодушная тьма за бортом, которую он будет видеть, пока не умрет. Сколько часов? Джо никогда не думал о своей смерти. Да и кто думает о ней всерьез? Даже осужденные на казнь на что-то надеются. А у него нет такой надежды. Джо съежился, стараясь не смотреть в люк, откуда за ним наблюдали смерть и тьма. Было очень холодно. И одиноко.

Зеев Дровален

Шатун

«Кто бы мог подумать, что люди будут впадать в зимнюю спячку как медведи? Мы считали, что нашли долгожданную вакцину от смертельного вируса, но на деле, получили нечто другое. Конечно, всеобщая вакцинация под эгидой ООН спасла население Земли от вымирания, но теперь мы столкнулись с другой, не менее важной проблемой. И эта проблема совсем не «спящие», а те, кто по какой-то причине не подвергся вакцинации и выжил. Теперь они бродят по зимним обезлюдившим городам представляя собой опасность, как для «спящих», так и для самих себя. Мы называем их «шатуны»»

(Из доклада Шведского представителя в Совете Безопасности ООН.

10 июня 2018 года)

Николай, Николай, сиди дома не гуляй!

(народная колыбельная)

Две пули, одна за другой впились в перекладину деревянного забора над головой Николая. На лицо посыпалась снежная пыль. Послышались крики:

- Он здесь! Здесь!
- Заходи слева! Уйдет!
- Вот он! Вот!

Но Николай не шевелился. Едва ли они что-то видели. В белом охотничьем маскхалате его было сложно различить на снегу. Да еще и в пасмурную погоду в стремительно надвигающихся сумерках. Словно подтверждая его мысли снова раздались выстрелы. Но теперь стреляли совсем в другую сторону. И опять крики:

- Вот он! Вот!
- Ну все! Попался!
- Кранты тебе...

«Дебилы», — подумал Николай, совершенно беззлобно. Ловцы вели себя, как всегда, формально и предсказуемо. Что не удивительно, если учитывать из кого формировались эти команды. Первое время, услышав погоню и крики, Ни-

колай в ужасе замирал в ожидании, что его вот-вот схватят. Но потом привык.

Ловцы еще какое-то время постреляли, пошумели, затем затарахтел двигатель вездехода, и через минуту все стихло. Николай приподнял голову и осторожно заглянул в щель между досками облезлого забора, за которым прятался. Он увидел едва припорошенную снегом дорогу, изъезженную гусеницами армейского вездехода. Другой транспорт с наступлением сезона спячки был редкостью. Тучи не по-зимнему низко ползли по небу и, казалось, едва ли не задевали верхушки огромных градирен городской ТЭЦ справа от дороги. Градирни, разумеется, не работали. Слева в надвигающихся сумерках угадывались какие-то сарайчики среди брошенных как попало железобетонных блоков и плит. ТЭЦ была огорожена забором с колючей проволокой. Забор был в нескольких местах проломлен. Проломы были свежими. Рядом с ближайшим кто-то размашисто написал черной краской из баллончика «Мы не спим! Мы уже рядом!» Чуть дальше пролома стоял рекламный щит. Баннер уже наполовину оторвался и трепыхался в воздухе под порывами ветра, не давая разглядеть изображенной на нем рекламы. Но Николай и так знал, что там. Такие щиты стояли по всему городу. На них изображался человек в военной форме. У него было волевое и мужественное лицо, в руках он сжимал АК-74, а широкой спиной прикрывал женщину с малышом, которые сладко спали, свернувшись калачиком под невероятно толстым одеялом. На лицах у спящих, были почему-то идиотски счастливые улыбки, словно им снилось что-то невероятно приятное. Хотя доподлинно известно, что в «спячке» сны не снятся. Говорят, это как медленное погружение в ледяную прорубь, когда засыпаешь, а потом медленный подъем, когда просыпаешься. Внизу баннера шла крупная надпись: «Ты не спишь? Защити наше будущее!» А еще ниже уже более мелко: «Вступай в ряды Защитников!»

Под щитом, тревожно нюхая снег, пробежала собака. Остановилась на секунду, прислушалась, втянула ноздрями воздух и, опасливо посмотрев в сторону Николая, скрылась в проеме. Подумалось, хорошо, что у этих «защитников» нет собак. Не помог бы ему тогда с таким трудом добытый маскхалат.

Сумерки на двигались очень быстро. В воздухе закружились редкие снежинки. Вот и хорошо. Снег спрячет его следы. Николай осторожно поднялся и выглянул поверх забора. Ночью передвигаться было сложно. С наступлением сезона спячки электростанции останавливались, и все огни гасли. Города вымирали, а поселки и деревни тем более. Правда и в городах, и в поселках оставались считанные единицы «неспящих», а где-то в глуши, говорят, есть целые деревни. Ходили слухи, что там собирались все «шатуны» и строили планы нападения на беззащитные города. По другим слухам у «шатунов» были подпольные убежища-квартиры в самих городах, откуда они пересылали тайные сообщения с информацией, когда и куда лучше всего нападать. Мало того, некоторые поговаривали, что «шатуны» скоро установят свой диктаторский режим и все спящие будут у них рабами. Глупо, конечно. Кому нужны рабы, проводящие в спячке шесть или семь месяцев в году. И что это за слово такое, «шатун». Шатун – это злой и голодный медведь. А «неспящие» в целом несчастные загнанные люди,

которые просто хотят, чтобы их оставили в покое. Наверняка, этот термин родился где-нибудь в кабинетах управления «ловцами». То есть «защитниками». Впрочем... Николай еще раз посмотрел на теперь уже почти невидимую в темноте надпись «Мы не спим! Мы уже рядом!» Впрочем, может быть какие-то основания у слухов и были. Если, конечно, эту угрожающую надпись не сделали сами ловцы.

Где-то далеко за ТЭЦ в небо взмыла оранжевая осветительная ракета. Понеслись автоматные очереди, затем что-то бухнуло и полыхнуло. Затем опять очередь, и все стихло. Это не было похоже на обычную бесцельную стрельбу. Неужели кто-то из «неспящих» попался? И что это был за взрыв... «Ловцы» потому так и назывались, что должны были отлавливать голодных и замерзших «шагунов» живыми. Да и сами они, в принципе, были такими же «неспящими».

Ракета медленно опускалась на дальний лес, но, не достигнув верхушек деревьев, пару раз мигнула и погасла. Ночь на заснеженной окраине снова стала темной. И если раньше Николай сомневался, стоит ли ему идти в темноте, то теперь сомнений не оставалось. Нужно переждать. «Ловцы» редко охотились в одном месте подолгу. Завтра утром их скорее всего уже здесь не будет. Николай поднял с земли большой белый с серыми маскировочными пятнами рюкзак. И такую же белую обмотанную маскировочной тканью винтовку. Таиться уже не было смысла. В наступивший тьме он стал невидимкой. Еще раз промелькнула безнадежная мысль, плюнуть на все и пойти напрямик через захламленное бетонными плитами поле прямо к лесу. Но идти бы пришлось в сторону «ловцов». А на ловца и зверь бежит, не так ли? Нет. Он не такой зверь. Однако ночевать на снегу не хотелось, а сарайчики на свалке могли вполне подойти для этой цели.

Стараясь ступать как можно тише, (заметить его сложно, а вот услышать проще простого) Николай пересек дорогу. Обогнул сваленные друг на друга железобетонные плиты и оказался на краю большой свалки. То, что он принял за ровное поле, оказалось большой низиной куда, судя по всему, долгие годы сваливали все подряд, от строительного мусора до вышедшей из строя техники. Во всяком случае, один проржавленный экскаватор, беспомощно вытянувший свою клешню из-под снега, Николай заметил точно. А вот то, что он принял за сарайчики, сарайчиками вовсе не являлось. Это были сгруженные как попало металлические гаражи с остроконечными крышами. Не успел еще Николай как следует разочароваться, как вдруг почувствовал запах дыма. Слабый, но тем не менее отчетливый. Запах пришел с дуновением ветра откуда-то слева. Николай замер, поднял голову и несколько раз втянул носом воздух. Совсем как та собака у рекламного щита. Но дыма больше не чувствовалось.

Ступая как можно мягче, Николай двинулся влево. Там проступали из сумрака горы уложенных штабелями железобетонных плит. Плиты выглядели очень старыми. Местами бетон искрошился и из него торчали темные ребра арматуры. Николай прошел по узкому ущелью между двумя штабелями и оказался на небольшой открытой площадке. Плиты окружали ее почти со всех сторон, создавая искусственную защиту от ветра. Снег здесь не впиался в лицо, а падал

с неба плавными хлопьями. Почти все свободное место занимал покосившиеся домик, сколоченный из досок. Видимо, когда-то это была будка сторожа, а потом ее просто завалили плитами и забыли. Хотя, что тут можно было сторожить на этой свалке? Ну, разве что, металлолом.

Снег валил уже плотной белой стеной, и Николай решил подойти ближе. Если кто и проходил здесь, то следов уже было не разобрать. Впрочем, наверняка проходил. И этот кто-то сейчас внутри сторожки. И едва ли это «ловцы». Николай все же снял винтовку сплеча. Встреча с «неспящими» тоже могла оказаться не очень приятной. К удивлению, дверь оказалась плотно закрытой и даже забитой гвоздями. Снег у порога успел утрамбоваться под собственной тяжестью настолько, что не было никаких сомнений, ее никто не открывал очень давно. Минимум, сначала осени, максимум несколько лет. Николай поднатужился и рванул на себя доску, что прибивала дверь к косяку. Не с первого раза, но доска поддавалась, и дверь открылась. Правда, перед этим пришлось еще руками расчистить слежавшийся снег, мешающий двери открыться. Николай наконец-то решил включить фонарик. Синеватый лучик света выхватил из темных внутренностей сторожки небольшие «сенцы», или как там называется тамбур между первой и второй дверью? Заиндевшие стены из фанеры, какой-то мусор и смятый коврик на полу. Дверь из «сенец» в дом оказалась не заколоченной и открылась относительно легко. Николай осветил фонариком. Железная печь, стол, опять какие-то тряпки на полу, два стула и что-то на вроде дивана. Все промерзшее и ничего напоминающего о присутствии человека. Что ж. Это все-таки лучше, чем сарай. Николай плотно закрыл внешнюю дверь и даже задвинул засов, обнаружившийся с внутренней стороны. Инстинктивно вытер ноги скотканый половичок и вошел внутрь. Несомненно, запах дыма был. Едва заметный, но был. Николай направил фонарь на печь. Она была небольшой, железной, грубо сваренной. Сверху стоял заиндевший чайник и две помятые алюминиевые кружки. На ощупь печь оказалось холодной, такой же, как и все вокруг. Николай еще раз огляделся. У стены стоял диван завалены ворохом то ли одеял, то ли тонких матрацев. Над ним на стене выцветший календарь за 1998 год с поблекший красоткой в бикини. Николай подошел ближе и направил луч фонарика на одеяла. Чего здесь только не было. Помимо самих одеял, там оказался жуткого вида матрас, а сверху еще и коврик с пола. Все было уложено слоями и не оставляло ни капли сомнений. «Гнездо». Николай стволом винтовки подцепил край одеяла из самого нижнего слоя и приподнял. Из глубины «гнезда» на него смотрели мутными остекленевшими глазами два желто-зеленых лица. Затянутые темной непрозрачной пленкой зрачки чуть светились в луче фонарика. То, что было кожей, теперь стало плотной ороговевшей тканью, которая искрилось от налета инея. Ртов и носов не было, они натянулись и едва угадывались. Одним из спящих, видимо, была женщина. Сейчас это можно было определить только по волосам. Волосы никак не изменялись. А второй, судя по размерам, ребенок, девочка. Как мало они походили на рекламный плакат, где мать и дочь спали с блаженными улыбками на счастливых лицах под охраной «защитника».

Сзади послышался металлический щелчок и холодный ствол уперся Николаю в затылок.

– Отойди от них, – сказал шепотом женский голос. – И брось ружье.

– Не могу, – также шепотом ответил Николай. – Ремень на руку намотан.

– Так размотай.

– Сейчас... – сказал Николай и сделал вид, что что-то разматывает. На винтовке не было никакого ремня.

– Сейчас, зацепилось тут... Только не стреляй!

Николай чуть присел, чтобы холодный ствол не упирался в голову и, резко развернувшись, перехватил свободной рукой направленный на него револьвер.

Это была девушка. Худая, если не сказать изможденная. Большие темные глаза испуганно смотрели из-под натянутой до бровей вязаной шапки с помпоном.

Они секунду смотрели друг на друга.

– Отпусти. Мне больно, – наконец сказала девушка.

– Отпусти револьвер, – возразил Николай. Он перехватил ее кисть своей правой рукой и теперь крепко сжимал, направив револьвер стволом вниз. Это был тяжелый Кольт «Миротворец».

– Не отпускай, – сказала девушка и попробовала вырвать руку. Николай сжал сильнее, и девушка «ойкнула».

– Отпусти!

В ее глазах появились слезы

– Хорошо. – согласился Николай. – Только убери курок со взвода.

Девушка шмыгнула носом и свободной рукой вернула курок в исходное положение.

– Хорошо. Теперь, давай спокойно поговорим, – и Николай отпустил ее руку.

– Давай, – согласилась девушка и направив револьвер на Николая, нажала на спусковой крючок. И даже зажмурилась инстинктивно. Выстрел из «Миротворца» может оглушить кого угодно. Но ничего не произошло. Револьвер не выстрелил. Девушка испуганно открыла глаза.

– Я правильно понимаю, что у тебя кольт «Миротворец» образца тысяча восемьсот семьдесят третьего года? – спросил Николай и осторожно забрал у растерявшейся девушки револьвер.

– Не знаю... Наверное, – ошеломленно ответила она, отдавая оружие, уже без прикосновения.

– Да, это точно он, – подтвердил Николай, осмотрев револьвер и убедившись в присутствии патронов в барабане.

– Прекрасный экземпляр. Шестизарядный, длина ствола пять с половиной дюймов, калибр 357 магнум, спусковой механизм одинарного действия.

Девушка смотрела на него молча. Ошеломление прошло, и теперь в ее глазах читались упрямство и злость.

– Если бы не спусковой механизм одинарного действия, ты могла бы меня убить, – как можно спокойнее сказал Николай.

– Что?

– Здесь нужно перед выстрелом каждый раз возводить курок.

– Понятно...

Девушка смотрела на него изучающе.

– Ты что, спец по оружию?

– Нет. Просто в нашем клубе спортивной стрельбы был как раз похожий. Патронов много к нему?

Девушка кивнула.

– Пять упаковок.

– Ого! Ты ограбила оружейный магазин?

– Нет, нас было двое сначала... Его застрелили.

– Застрелили? Как же так вышло?! Ловцы обычно берут нас живыми. Какой от мертвых прок?

Девушка чуть заметно выдохнула.

– Так ты не из них?

Николай развел руками.

– Очевидно нет. И где ты видела «ловцов» в маскхалатах? Они обычно в солдатских бушлатах.

– Те, кто убил Сергея, выглядели как ты.

Девушка нервно поправила сползшую на брови шапку. Ее рука дрожала. Нервы, подумал сначала Николай. Но тут же до него дошло, что это от холода. Девушка была одета в так называемый утепленный лыжный костюм, который хорош что бы пару часов покрасоваться на свежем воздухе со сноубордом.

– Тебе нужно согреться, – сказал Николай.

– Я не смогла зажечь огонь, – ответила девушка.

– Нет-нет. Печь зажигать нельзя. Думаешь, как я тебя нашел? Николай достал из рюкзака мини горелку, работающую на сухом топливе. Зажег, отрегулировал пламя, и комната осветилась теплым мерцающим светом. По стенам заплясали расплывчатый тени. Из недр рюкзака Николай извлек плоский охотничий котелок и вышел из домика, чтобы набрать снега. Благо он был свежим и валил не переставая. Заодно проверил, не видно ли света от горелки снаружи. Окно было прикрыто хорошо, огня не видно. Николай аккуратно наполнил котелок снегом, утрамбовывая его как можно плотней. Открыл входную дверь и хотел было уже вернуться в дом, как вдруг замер. Дверь! Она была забита гвоздями и занесена снегом...

Николай снова вернулся к окну. Внимательно смотрел его, подсвечивая фонариком. Худенькая девушка вполне могла пролезть. Как и женщина с ребенком. Николай вернулся к двери. Немного подумал, достал кольт «Миротворец» и положил его в сених в угол перед самым выходом. Накрыл скомканной затвердевшей на холоде тряпкой, оценил естественность композиции. Закрыл дверь и вернулся в сторожку.

Девушка сидела у горелки и грела о крохотный огонек руки.

– Давай сделаем чаю – сказал Николай и поставил котелок со снегом на огонь.

– Сейчас будет теплее...

Николай достал из рюкзака плоскую термическую грелку, надавил на капсулу внутри, и протянул девушке.

– Положи под куртку.

Девушка послушно засунула грелку за пазуху.

– Давно ты здесь?

– Нет. Днем, как услышала вездеходы, хотела спрятаться на свалке, а тут... дом.

– В окно влезла?

– Да. Если бы вошла в дверь, то сразу было бы видно, ну, если бы они начали искать.

Умная девочка, подумал Николай, доставая из рюкзака сухари и кусок сала.

– Извините, я не ем сало, – сказала девушка.

– Я тоже не ем, – ответил он. – Но, чтобы выжить на холоде, придется.

Ему подумалось, что много сейчас приходится делать того, что пару лет назад было немыслимо.

Девушка молча смотрела, как он нарезает тонкими ломтиками сало и накрывает ими засушенные кусочки хлеба. Она уже перестала дрожать. Сидела, облокотившись на руку и, видимо, о чем-то задумалась. Неровный огонек горелки отражался в ее глазах двумя мерцающими точками. Закипела вода в котелке. Николай достал пакетики с чаем и вопросительно посмотрел на девушку.

– У тебя кружка есть?

– Что? – она словно очнулась от глубокого сна. – Кружка? Ах да... Покопалась в синеи, по цвет костюма для лыжных прогулок, спортивной сумке и достала кружку из темного пластика. Николай положил в нее чайный пакет и залил кипятком. Потом налил в свою новенькую металлическую термо-кружку «Арктика». Протянул девушке двойной бутерброд из кусков сухарей и пластинок сала.

– Приятного аппетита.

– Спасибо, – машинально сказала девушка и улыбнулась. – Вы меня простите, я тут чуть с ума не сошла за весь день.

Некоторое время они молча ели. Мерцал огонек горелки, создавая хрупкое ощущение тепла и уюта. За стенами в ущельях между плитами завывал ветер, и наверняка шел снег. Приятно было хоть на недолгое время ощутить себя в безопасности. Возможно ощущение это ложное, да и скорее всего ложное, но оно было. Девушка уже совсем согрелась. Она съела свой бутерброд и теперь держа кружку с чаем двумя руками, смотрела как поднимается кверху горячий белый пар.

– Кто бы мог подумать... – вдруг сказала она. – Еще пару лет назад, кто бы мог подумать, что все перевернется.

– Да... – согласился Николай. – Удивительно. Сколько было версий грядущего апокалипсиса: ядерная зима, радиация, мутации, зомби всякие. Все вышло по-другому...

– Ну так это и не апокалипсис, – возразила девушка. – На юге, где нет зимы, там же все по-прежнему. Все как обычно.

– Да. Но мы-то живем не на юге.

Они еще немного по молчали. Почему-то было приятно сидеть вот так молча, смотреть на огонек горелки, пить чай и не ощущалось никакой неловкости в этом затянувшимся молчании. Ветер в ущелье из плит снова протяжно завывал. Непогода снаружи разыгралась не на шутку.

– А ты кем был, до того, как все началось? – неожиданно спросила девушка.

Кем он был? Кажется, что все это было много лет назад и с кем-то другим.

Планерки, отчеты, продажи. Николаю было жаль катящийся в пропасть мир, но своей прошлой жизни ему жалко не было. Кем он был, когда все началось? Теперь можно честно признаться – никем. К своим тридцати четырем, он так ничего и не добился. Руководитель отдела продаж сотовой компании «Белл». Конечно, «Белл» была федеральным оператором связи, и работать в ней многие считали удачей, особенно после глобального мирового кризиса две тысячи четырнадцатого. Тогда многие обанкротились, многие разорились, многие потеряли работу. Наверное, кризис четырнадцатого года был предвестником надвигающейся катастрофы. А может быть и не предвестником, а катализатором. Уже в пятнадцатом появился этот непонятный птичий грипп. Где-то в Китае уничтожали и сжигали дотла целые фермы. Но никто, сначала, не обратил особого внимания. Грипп и грипп. Много их всяких было птичий, свиной... Но затем, из Китая пришли тревожные новости. Оказывается, этот новый штамм передается человеку. Но когда это выяснилось, было уж поздно. Инфекция расползлась по всему миру. Болезнь была скоротечной и страшной. Человек сгорал за несколько дней. Почти во всех странах объявили карантин. Но куда там! К шестнадцатому году уже умер каждый пятый.

Спасение пришло из маленькой Швеции. Уникальный препарат, который настраивал иммунную систему человека на борьбу с вирусом. К семнадцатому году были привиты почти все оставшиеся в живых. Ну, может быть, за исключени-

ем каких-нибудь религиозных и прочих фанатиков, да тех, кто жил в труднодоступных местах. Каких-нибудь пигмеев на Амазонке. Мир вздохнул с облегчением. Пока не наступила зима...

— Да, ни кем я особо не был, — сказал Николай вслух. — Так, менеджер средней руки.

— Я думала ты военный. В смысле, ты разбираешься в оружии.

— Не особо. Если ты про кольт, то у нас спортивном тире был один такой. Немецкого производства. Из него почти не стреляли. Он служил чем-то на вроде красивой редкой вещицы в витрине.

— А... Понятно.

В голосе девушке послышалось разочарование. А может быть Николаю это показалось. Но его задело. Он хотел было сказать, что он был лучшим стрелком, и что... В завывание ветра вкрался едва заметный посторонний звук.

Николай замер. Или ему почудилось? Девушка, заметив его тревогу, тоже испуганно затаила дыхание.

— Что? — беззвучно, одними губами спросила она.

Николай хотел было сказать, что, наверное, послышалось, как оглушительно громыхнуло, ударило по ушам, и швырнуло на пол...

Николай сидел на стуле со скованными за спиной руками. В ушах звенело, голова раскалывалась, перед глазами плавали круги. Перед ним стояли пятеро в таких же как у него пятнистых маскахалатах.

Девушка лежала у стены в неестественно вывернутой позе. Вырванная взрывной волной дверь видимо ударила прямо в нее.

— Привитый? — спросил один из пятерых и присел перед Николаем на корточки. Над глазом у него был небольшой шрам.

— Ты же привитый? Почему не спишь как эти? — и человек со шрамом указал в сторону дивана.

Действительно почему? Николай и сам много раз задавал себе этот вопрос, когда с приближением зимы все вокруг начинали готовиться к спячке. К «зимнему отпуску» — как сказал знакомый. Кто мог, тот уехал на юг, где зимы не было, но большинство не смогли уехать.

Первая зима, конечно, напугала всех. Но потом привыкли. Ко всему можно привыкнуть. Даже устраивали перед наступлением холодов большие праздничные застолья, чтобы «нагулять жир» перед спячкой, как шутил тот же знакомый. И Николай «нагуливал жирок» вместе со всеми, делая вид, что как все готовится к спячке, но на самом деле незаметно для всех набивал квартиру продуктами...

— Ты заснул что ли? — сидящий перед Николаем на корточках человек шлепнул его ладонью по щеке. — Раньше нужно было спать!

У дверного проема хохотнули. Человек встал с корточек.

– Так! – сказал он кому-то. – Сообщи, что мы его взяли. Скоро будем.

– А с этой что? – спросили от двери.

– Несите вездеход. Возьмем с собой. И езжайте с первой группой. Мы со второй чуть задержимся, побеседуем с нашим шатуном.

Двое подхватили тело девушки и потащили к выходу. Николаю показалось, что она застонала. Или ему просто хотелось, что б это было так.

– Так, значит ты привитый, – задумчиво сказал человек со шрамом и, подняв второй табурет с пола, уселся на напротив Николая

– Ну, давай проверим.

Он подал знак. Один из оставшихся «ловцов» (а «ловцы» ли это?) подошел к Николаю и отомкнул наручники сковывающие руки.

– Покажи.

Николай не слушающимися пальцами расстегнул липучки маскхалата, под которым был зимний комбинезон «полярник». Расстегнул сначала внешнюю молнию, потом внутреннюю и, оголив плечо, показал шрам виде звездочки. Такие шрамы оставались у всех после вакцинации.

Снаружи затарахтел двигатель вездехода. Сейчас, когда двери отсутствовали, он слышался отчетливо.

– Что со мной будет? – спросил Николай, прислушиваясь к удаляющиеся звуку мотора.

Ловец со шрамом пожал плечами.

– В обычный лагерь для «шатунов» ты, конечно, не попадешь. Твою подружку в Центре препарируют сразу же. Ну, а тебя чуть позже. У наших «очкариков» руки чешутся, чтобы разобрать тебя по органам.

– Она мне не подружка, – сказал Николай.

Ему вдруг вспомнился огонек горелки. И как они сидели и молчали, и в этом молчании не было неловкости, в нем было что-то другое, что-то теплое... А ведь даже имени у нее не спросил.

– Как вы меня выследили? – спросил Николай.

– Приборы ночного видения и собаки, – ответил человек со шрамом, – Проще простого.

– Проще простого... – повторил за ним Николай.

– А ты думал, что самый умный? Давай, вставай. Пора.

Николай поднялся и застегнул комбинезон. Двое у дверей не то, чтобы напряглись, но было видно, что готовы ко всему. Стволы автоматов смотрели ему в грудь. Николай сделал шаг и покачнулся. Кажется, еще чуть-чуть и упал бы.

– Голова... – слабым голосом сказал он.

– Ничего, скоро пройдет, – хмыкнул человек шрамом. – Двигай.

Еле удерживая равновесие, Николай подошел к проему, где раньше была дверь в сенцы. Наружной двери тоже не было. Ее разорвало в клочья. Часть сенец слева обвалилась. Один из конвоиров был уже снаружи и внимательно следил за Николаем.

– Давай, давай! Шагай! – подтолкнули сзади.

Николай сделал неуверенный шаг вперед. Но нога зацепилась за невысокий порожек, и он рухнул во весь рост в разбитые взрывом сенцы.

– Да еж твою медь!– крикнули сзади – Встал! Быстро!

– Сейчас... Сейчас... – бормотал Николай, хаотично шаря руками по полу и словно бы пытаюсь подняться. – Голова кружится! Сейчас... Встаю!

«Миротворец» был там, где он его оставил. Только обломок доски прикрыл его сверху.

В спортивной секции действительно из «Миротворца» стреляли мало. А если и стреляли, то ради возможности поддержать в руках оружие легенду. Поэтому Николай имел возможность стрелять из него сколько угодно – знай оплачивай патроны и приводи после стрельбы в порядок. Тренер его страсти не одобрял, но и не мешал. За свои деньги каждый развлекается как может. Но как-то раз, понаблюдав за стрельбой Николая, позвал его к себе в кабинет и показал видео на ютубе, где знаменитый стрелок Джерри Микелек выпускал из револьвера шесть пуль за одну секунду. Причем из такого же «Миротворца». Это было поразительно. За одну секунду стрелок шесть раз левой рукой возводил курок, а правый нажимал на спуск! И все пули ложились точно в цель.

– Слабо повторить? – спросил тренер.

– Увидим, – ответил тогда Николай.

Это была весна две тысячи шестнадцатого.

Теперь, четыре года спустя Николай стоял на четвереньках в полуразрушенных сенцах промерзшей насквозь сторожки и онемевшими пальцами нащупывал знакомую рукоятку револьвера.

– Хватит ползать, – прикрикнули сзади. И нога в тяжелом ботинке дала Николаю хорошего пинка. Слово бы от этого удара он упал набок и поднял револьвер.

Николай так и не смог повторить рекорд знаменитого стрелка. Он сумел достичь только пяти выстрелов в секунду. Три выстрела он сделал за две третьих секунды...

Метель по-прежнему не унималась. Но это к лучшему. Теперь его не найдут даже с собаками и приборами ночного видения. А наугад им придется прочесывать больше тысячи домов. Но он лишился своего рюкзака с припасами и винтовки. Оставался лишь револьвер с тремя патронами. В доме, куда он влез на этот раз, оказались небольшие запасы еды и трое «спящих» в большом покое на кокон «гнезде». Что ж, они пока не мешают друг другу, а что будет завтра...

Николай посмотрел на старомодный отрывной календарь на стене. Все-таки он должен добраться до своей цели. Той, что за лесом. Тогда многое для него изменится. Николай подошел к календарю и оторвал почти все листки. Остался последний.

Заканчивался день тридцать первого декабря две тысячи двадцатого. Что ж, следующий год будет лучше.

Dybrovsky

Вы будете довольны результатом!

Сегодня, вернувшись домой после работы раньше, чем положено, мистер Т, не снимая обувь, прошел на кухню, где супруга готовила ужин. Мужчина ничего не ответил на приветствие и вопрос жены о работе. Его внимание привлек молоточек для отбивания мяса, лежавший на обеденном столе.

На прошлый День благодарения сестра миссис Т подарила им кухонный набор, куда входил этот славный молоточек из прочной стали. «Лучший выбор хозяйки» гласила надпись на коробке.

«...изготовлен из особого сплава, что делает его прочным и безупречным в работе. Ручка прибора оснащена бугорками, которые препятствуют выскальзыванию инструмента из рук...»

Блестящий, с широкими зубчиками с одной стороны и более мелкими и острыми с другой, он выглядел почти как новый. Миссис Т предпочитала готовить овощи и выпечку. Отбивные были редким гостем на столе в этом доме.

Миссис Т еще раз позвала мужа по имени, попутно снимая передник. Она заметила, что супруг прошел на кухню в уличной обуви и шляпе. Мужчина стоял возле обеденного стола и всматривался в свое отражение в молоточке. Миссис Т приблизилась к мужу на полшага. Ее насторожило такое поведение. Где-то внутри зарождалось тревожное чувство. Дыхание стало более глубоким, сердце застучало чаще. Он вернулся на два часа раньше, не снял обувь, не заговорил с ней. Почему вдруг стало так тихо?

С улицы, в открытое окно, не доносилось ни звука. Радио перестало петь, только большие настенные часы нарушали тишину тиканьем. Она подошла совсем близко, медленно протянула руку, коснулась плеча и позвала его еще раз.

Мистер Т обернулся. Резко, не произнеся ни слова, он ударил жену молоточком для отбивания мяса по лицу. Удар пришелся на переносицу. Миссис Т вскрикнула, в испуге отшатнулась назад. Кровь хлынула из носа. Дикая боль и страх поразили ее.

Они прожили в законном браке десять лет. До свадьбы встречались более двух лет. И ни разу мистер Т не поднял руку на свою любимую. Он даже не повышал на неё голос. Они были самой примерной парой. До сегодняшнего дня...

Мистер Т стоял возле стола сжимая в руке чудный молоточек, который как и обещала надпись на коробке оказался безупречным в работе.

«...Вы будете довольны результатом!..»

Его лицо не выражало никаких эмоций. Ничего. Казалось, что он смотрит

сквозь свою жену.

Миссис Т трясло от страха, ее бросило в жар. Женщина прижала передник к носу, пытаясь остановить кровь. Слезы текли из глаз, она не могла выговорить ни слова. Не могла спросить, что тут, черт возьми, происходит?!

Муж по-прежнему стоял молча и неподвижно. Миссис Т бросила взгляд на дверной проем. Путь свободен, она сможет проскочить мимо мужа. Что на него нашло, разберутся позже, в присутствии шерифа. Главное сейчас это покинуть дом. Бежать, бежать без оглядки. Хотя бы до соседей. Они должны быть дома. Осторожно, не торопясь, миссис Т двинула ногу в сторону, медленно пододвинула вторую. Посмотрела на мужа, потом на дверной проем. Три, два, один...

Стоп!

Мистер Т поймал жену за ворот халата, когда она была почти за пределами кухни. Женщина громко завизжала. Она содрала ноготь, пытаясь ухватиться за косяк. Но боль ушла на второй план, остался только дикий страх. Он делал ее слабой, и она это чувствовала.

Мистер Т уронил жену на пол и сел на нее сверху. Женщина пыталась отбиться, громко кричала. Где же соседи?! Почему они ее не слышат?! Окно открыто. Они же всегда в это время работают в саду. Силы покидали ее. Когда вся эта возня надоела мистеру Т, он схватил со стола нож.

Конечно, нож был не из того подарочного набора, они купили его на ярмарке. Но по качеству он не уступал прекрасному молоточку, который пока надо было отложить в сторону. Как и обещал продавец, нож был острый и крепкий. И сейчас он вошел точно в середину кисти миссис Т, тем самым пригвоздив ее правую руку к полу. Хорошо, что они не положили на пол плитку, как хотели прошлой осенью.

Женщина издала дикий крик и сорвала голос. Она лежала и беззвучно открывала и закрывала рот. Сил сражаться больше не было. Казалось, что боль пронзила тело полностью. Миссис Т инстинктивно попыталась дотянуться до ножа, чтобы вытащить его. Но к сожалению Мистер Т уже вернулся, он отлучался еще за одним ножом. Обычно им чистили овощи.

Мужчина стоял и смотрел сверху вниз на свою жену. Её веки и нос распухли, щеки были красные, из правой ноздри слабой струйкой текла кровь. Прическа растрепалась, любимый голубой халат с белыми облаками в некоторых местах был разорван и запачкан кровью, пара пуговиц отлетела от него. Ей было трудно дышать носом, она судорожно ловила воздух ртом или же пыталась что-то сказать.

Мистер Т снова сел на жену сверху, отвел в сторону ее левую руку и одним движением вонзил нож в кисть по самую рукоятку. Лицо миссис Т исказила гримаса боли, женщине удалось выдать из себя последний сиплый стон, прежде чем она закрыла глаза. А Мистер Т уже взял в руки так полюбившийся ему молоточек, еще раз посмотрел на его блестящую поверхность и принялся за дело.

«...Готовьте изумительные мясные блюда всей семьей!..»

Удар за ударом он разрушал прекрасное лицо миссис Т. Ее нежную кожу, аккуратный нос, который уже успел пострадать, пухленькие губки, милую улыбку. К тиканью часов присоединился противный чавкающий звук. Кусочки мышц и капли крови отлетали от лица на пол, стены, одежду, мебель, что была поблизости.

Когда мистер Т и его славный помощник раздробили кости, мужчина остановился. Поднялся с пола, аккуратно положил молоточек на стол. Он был уже не таким блестящим, но все же таким необходимым. Мистер Т снял ботинки, шляпа слетела с него, когда жена пыталась отбиться от ополоумевшего мужа. Затем он снял пиджак, рубашку, брюки. Он оставил всю одежду на полу, рядом с телом жены.

Мистер Т потянулся за молоточком, на сей раз его внимание привлек кусок мяса, который должен был стать отбивной. Внезапно заиграло радио, ведущий приятным голосом объявил, что технические неполадки исправлены и в качестве извинения, поставил какой-то супер популярный хит сезона.

После мистер Т расположился в кресле перед телевизором. Он включил первый попавшийся канал. Антенна перестала ловить сигнал еще с утра, мастер обещал прийти завтра. Но это мало беспокоило мистера Т, он очень внимательно смотрел на серую рябь, тщательно пережевывая принесенный с кухни кусок мяса. Лучший выбор хозяйки лежал рядом.

Когда на часах было без четверти шесть, входная дверь открылась. Мистер Т вернулся с работы в прекрасном настроении, неся цветы в подарок жене. У него была просто отличная новость. Начальник отдела выбрал его сотрудником месяца, а это значит, что премия будет выше, чем обычно, и они наконец-то купят новую стиральную машину или заменят деревянный пол на кухне. Мистер Т торопливо снял ботинки, шляпу, пиджак.

— Дорогая! — громко позвал он. В ответ тишина, только звуки радио доносились с кухни. Улыбка медленно исчезала с его лица. — Я дома. Милая?

Он решил пойти на кухню. Там его ожидал сюрприз. Никогда мистер Т не кричал так громко. За всю свою жизнь он не произнес «О, Боже!» столько раз, сколько сейчас. Он не знал что делать, с чего начать, чем помочь. Он не знал. Не знал...

Не знал, что есть другой мистер Т. Тот, что услышал, как открылась дверь, как мистер Т позвал жену. Тот, что уже стоит позади него, сжав в руке молоточек. Тот, что вернулся с работы на два часа раньше.

Александр Костерев

Достоевский или как три посредственных стиха спасли великую русскую литературу

Достоевский. Поэзия у трона или заметки о том, как три посредственных стиха спасли великую русскую литературу.

Фёдор Михайлович Достоевский — прославленный русский писатель, мыслитель, философ, публицист, признанный классик мировой литературы, и по данным ЮНЕСКО, один из самых читаемых писателей в мире. Его творчество не только духовно обогатило многих писателей — лауреатов Нобелевской премии по литературе, философов Фридриха Ницше и Жана-Поль Сартра, но и оказало воздействие на всю мировую литературу и философию, способствовало становлению целых философских течений —экзистенциализма и фрейдизма.

Уже ранние произведения писателя, в частности повесть «Записки из Мёртвого дома», написанная в остроге, способствовали возникновению жанра психологической прозы. Персонализм в России — как экзистенциально-теистическое направление, признающее личность первичной творческой реальностью и высшей духовной ценностью, а весь мир — проявлением творческой активности — Бога, начинается с Ф. М. Достоевского.

К наиболее значительным произведениям писателя, несомненно, относится проза, и, в первую очередь, романы так называемого «великого пятикнижия».

Безусловно, в год 200 летнего юбилея великого писателя будет немало написано и сказано о не проходящем значении его творчества. Однако в исследовательской литературе, посвященной творчеству писателя, скромное место уделяется его поэтическому творчеству. Известно несколько стихотворений Достоевского, который обращался к поэзии в чрезвычайных ситуациях, используя ее в качестве спасительной соломинки, за которую хватается утопающий.

Мне хотелось бы остановиться на коротком эпизоде творческой биографии писателя — сочинении трех, так называемых верноподданнических стихотворений, в период 1854-1856 годов. В качестве психологического тренинга попытаемся ответить на вопрос — что подвигло Достоевского к сочинению этих стихов, после стольких лет мытарств, изнуряющего следствия по делу петрашевцев, каторжных работ, последующих тягот службы рядовым.

13 ноября 1849 года Военно-судная комиссия приговорила Ф. М. Достоевского — члена антиправительственного кружка петрашевцев — к лишению всех прав состояния и «смертной казни расстрелянием». 19 ноября смертный приговор Достоевскому был отменён «ввиду несоответствия его вине осужденного» с

осуждением к восьмилетнему сроку каторги. В конце ноября император Николай I при утверждении приговора заменил восьмилетний срок каторги Достоевскому четырёхлетним с последующей военной службой рядовым.

После 4 лет каторги в Омске в конце февраля 1854 года Достоевский был отправлен рядовым в 7-й Сибирский батальон в городок Семиполатинск.

Политический, как и исторический фон этого времени хорошо известен: Крымская война, целый ряд сложных внутри- и внешнеполитических проблем (крестьянская, восточный и польский вопросы), государственные финансы, расстроенные войной, в ходе которой Запад в очередной раз пытался безуспешно изолировать Россию, но не смог.

Стихотворения 1854-1856 гг. Достоевский писал в невыносимо тяжелой для него психологической обстановке казармы, находясь в положении политического ссыльного, не имевшего права на возвращение в литературу, но предпринимавшего отчаянные попытки к возвращению. Поэтому в оценке лиц, событий, стилистике стихов он старался строго придерживаться официальных формул и клише русской периодики времен Крымской войны, отражавшей правительственные взгляды.

Так как Достоевский был связан при работе над всеми тремя своими стихотворениями положением бывшего петрашевца и, создавая их, преследовал прежде всего цель убедить правительственные сферы в своей «благонадежности», чтобы вновь открыть себе дорогу в жизнь и в литературу, мы не можем с полной определенностью судить по ним о личных настроениях автора в это время. Однако несомненно, что Достоевский, как видно из его писем к А. Н. Майкову 1856 году, был в значительной степени захвачен общим патриотическим воодушевлением, которое переживали широкие слои русского общества.

Напрашивается также достаточно обоснованное предположение, что именно в это время сложилось его убеждение об особой роли России в борьбе за освобождение славянских народов от турецкого владычества, которое в 1876-1877 годах, получило свое выражение на страницах «Дневника писателя». Нет оснований полагать, что стихотворения 1854-1856 гг. означали отказ Достоевского от ряда центральных идей петрашевцев и, в особенности, от отрицательной оценки политического режима Николая I. Как показали последующие работы Достоевского начала 1860-х годов, писатель вернулся из Сибири по-прежнему убежденным в необходимости уничтожения крепостного права, проведения ряда других коренных политических и общественно-экономических преобразований, хотя развитие его взглядов на пути их проведения получило иное направление в период выработки его «почвеннической» платформы, сформулированной позднее в журналах «Время» и «Эпоха».

Стихотворение «На европейские события в 1854 году» было написано в апреле 1854 года, а впервые напечатано в «Литературном приложении», к журналу №1 «Гражданин» за 1883 год (по тексту, приложенному к отношению штаба отдельного Сибирского корпуса управляющему III Отделением от 26 июня

1854 года, подшитому к делу «Об инженер-поручике Федоре Достоевском»). Стихотворение послано Достоевским через его батальонного командира Велихова начальнику штаба отдельного Сибирского корпуса генерал-лейтенанту Яковлеву, откуда в официальном порядке было отправлено в Петербург начальнику III Отделения Л. В. Дубельту с просьбой поместить его в «Санкт-Петербургских ведомостях». Но Дубельт не дал своего согласия на печатание стихотворения.

Достоевский перенес в стихотворение ряд образов, общих для патриотической поэзии 1854 года, широко представленной в тогдашних газетах. Вспомним стихотворения Ф. Глинки «Ура», Н. Арбузова «Врагам России», Н. Левашова «Святая брань» и др.

Стихотворение написано в связи с обострившимся конфликтом между Россией, с одной стороны, Англией и Францией — с другой, после того как эти державы объявили России войну. Официальной причиной объявления войны было заступничество двух крупнейших европейских христианских держав за Турцию и нежелание их поддержать Россию в споре с Турцией о «святых местах» (Палестине). В «Санкт-Петербургских ведомостях» в 1854 г. регулярно печатались сообщения под рубрикой «Восстания христиан на Востоке» и статьи, сообщавшие о религиозных преследованиях христиан мусульманами в Турции. В стихотворении Достоевский вспоминает политическую ситуацию в Европе в 1831-1832 годах (русско-польский конфликт), о которой писал и Пушкин («Клеветникам России»). Мысли о славянском единстве, гордость при воспоминаниях о событиях 1812 года, раздумья, омраченные чувством горечи от военных неудач России: для Пушкина – под Варшавой в 1831 году, для Достоевского – в Крымской войне), незримо сближают оба эти произведения. Желание Достоевского подражать оде «Клеветникам России» становится особенно очевидным во второй половине стихотворения. Обращаясь, по примеру Пушкина, к западным дипломатам и журналистам, он отвечает на обвинения, вызванные восточной политикой тогдашней России («Писали вы, что начал ссору русской...»). Наряду с поэтическими формулами и фразеологическими оборотами, восходящими к оде «Клеветникам России» («Тянуться ль вам в одно с богатырями...») — сравним у Пушкина: «Иль старый богатырь, покойный на постеле...»), в стихотворениях использованы другие реминисценции из Пушкина («Полководец», 1835) и Лермонтова («Валерик», 1840):

Уж лучше бы в покое дома жить
Да справиться с домашними делами!
Ведь, кажется, нам нечего делить
И места много всем под небесами.
К тому ж и то, коль всё уж поминать:
Смешно французом русского пугать!

Спасемся мы в годину наваждений,
Спасут нас крест, святыня, вера, трон!
У нас в душе сложился сей закон,
Как знаменье побед и избавлений!

В России началась широкая антизападная, патриотическая пропаганда, которая поддерживалась как заявлениями официальных чинов, так и спонтанными выступлениями патриотически настроенной части общества. Фактически впервые со времён Отечественной войны 1812 года Россия противопоставила себя крупной коалиции европейских стран, являя свою особенную русскую статью.

Как писал в это время философ и поэт Ф. И. Тютчев: «Давно уже можно было предугадывать, что эта бешеная ненависть, которая с каждым годом всё сильнее и сильнее разжигалась на Западе против России, сорвётся когда-нибудь с цепи. Этот миг и настал... Это весь Запад пришёл выказать своё отрицание России и преградить ей путь в будущее».

В то же время, некоторые чересчур антизападные патриотические выступления николаевской цензурой не допускались к печати, что произошло, например, в 1854 г. со стихотворением Ф. И. Тютчева «Теперь тебе не до стихов»). Формула «Теперь тебе не до стихов» четко определяет и соответствует духу того времени:

Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!
Созрела жатва, жнец готов,
Настало время неземное...
Ложь воплотилась в булат;
Каким-то божьим попущеньем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем
О, в этом испытанье строгом,
В последней, в роковой борьбе,
Не измени же ты себе
И оправдайся перед богом...

Однако при жизни Николая I попытка Достоевского привлечь внимание высочайших кругов к трагически безвыходному положению ссыльного литератора осталась безрезультатной.

После смерти 18 февраля 1855 года императора Николая I, Достоевский на-

шел в себе внутренние силы написать еще одно сочувственное, но вместе с тем глубоко патриотическое стихотворение, словами истинно верующего человека, посвященное его вдове, императрице Александре Фёдоровне, приурочив стихи к 1 июля — дню рождения императрицы.

Тем более, что манифестом 27 марта 1855 года в ознаменование начала царствования Александром II были дарованы льготы и милости ряду осуждённых преступников.

Второе стихотворение Достоевского — «На первое июля 1855 года» — известное по тексту писарской копии, приложенной к рапорту командира отдельного Сибирского корпуса генерала Г. Х. Гасфорта военному министру от 3 сентября 1855 года, впервые напечатано в советское время в издании «Литературное наследство» Академии наук СССР в тома 22-24.

Генерал Гасфорт, препровождая в Петербург военному министру стихотворение «На первое июля 1855 года», настоятельно просил присвоить Достоевскому унтер-офицерский чин, в связи с чем 20 ноября 1855 года был подписан Приказ о производстве Достоевского в унтер-офицеры, и последовало некоторое облегчение участи Достоевского, однако, как мы понимаем, писателю важнее всего было добиться разрешения печататься.

Стихотворение «На первое июля 1855 года» написано в традиционном жанре философских од и элегий. Достоевскому могли служить образцами оды Г. Р. Державина «На смерть графини Румянцевой (1791)», «На кончину графа Орлова» (1796), элегия В. А. Жуковского «На кончину её величества королевы Виртембергской» (1819).

В стихотворении «На первое июля 1855 года» очевиден акцент на личные события, переживаемые Достоевским, осторожное напоминание императрице о себе, призыв к прощению подобных ему «отверженцев» перед лицом постигших ее и всю Русь трагических испытаний.

Как гаснет ввечеру денница в синем море,
От мира отошел супруг великий твой.
Но веровала Русь, и в час тоски и горя
Блеснул ей новый луч надежды золотой...
Прости, прости меня, прости мои желанья;
Прости, что смею я с тобою говорить.
Прости, что смел питать безумное мечтанье
Утешить грусть твою, страданье облегчить.
Но боже! нам судья от века и вовек!
Ты суд мне ниспослал в тревожный час сомненья,
И сердцем я познал, что слезы — искупленье,

Что снова русской я и — снова человек!
Живи, живи еще! Великий нам пример,
Ты приняла свой крест безропотно и кротко...
Живи ж участницей грядущих славных дел,
Великая душой и сердцем патриотка!
О, будь и впредь для нас как ангел провиденья!
Храни того, кто нам ниспослан на спасенье!
Для счастья его и нашего живи
И землю русскую, как мать, благослови.

Очевидно, что Достоевский, как и большинство его современников, ожидал после смерти Николая I изменений в правительственной политике и связывал со вступлением на престол Александра II определенные политические надежды.

Первым из важных шагов императора было заключение Парижского мира в марте 1856 года — на условиях, которые в создавшейся ситуации были, в целом, неплохими для России и отражали реальный расклад сил.

Весной 1856 года Александр II посетил Гельсингфорс (Великое княжество Финляндское), где выступил в университете и сенате, затем Варшаву, где общался с местной знатью, а потом Берлин, где имел весьма результативную встречу с прусским королём Фридрихом Вильгельмом IV (брат его матери), с которым тайно скрепил «двойственный союз», прорвав таким образом внешнеполитическую блокаду России. В общественно-политической жизни страны наступила «оттепель». По случаю коронации, состоявшейся в Успенском соборе Кремля 26 августа (7 сентября) 1856 года, император Высочайшим манифестом даровал льготы и послабления ряду категорий подданных, в частности, декабристам, участникам польского восстания 1830—1831 годов; объявлено прощение бывшим петрашевцам; приостанавливались на 3 года рекрутские наборы; с 1857 году ликвидировались военные поселения.

Надеясь на помилование нового императора Александра II, Фёдор Михайлович обратился в письме к своему давнему знакомому, герою Севастопольской обороны генерал-адъютанту Эдуарду Ивановичу Тотлебену, с просьбой ходатайствовать о нём перед императором. Это письмо доставил в Петербург друг писателя барон Александр Егорович Врангель, опубликовавший свои воспоминания после смерти Достоевского. Э. И. Тотлебен на личной аудиенции у императора добился определённого помилования.

Об этом свидетельствуют письма к А. Е. Врангелю от 23 марта, 13 апреля и 23 мая 1856 года «Посылаю стихи на коронацию и заключение мира, — писал Достоевский 23 мая 1856 года — Хороши ли, дурны ли, но я послал здесь по начальству с просьбою позволить напечатать. Просить же официально (прошением) позволения печатать, не представив в то же время сочинения, по-моему,

неловко. Потому я начал со стихотворения. Прочтите его, перепишите и поставьте, чтобы оно дошло к монарху».

Стихотворение «На коронацию и заключение мира», сопровождаемое просьбой корпусного командира о предоставлении Достоевскому права печататься, было переслано в Петербург. Но, как следует из доклада Военного министерства от 17 сентября 1856 года, «... его величество, согласившись на производство Достоевского в прапорщики, приказал учредить за ним секретное наблюдение впредь до совершенного удостоверения в его благонадежности и затем уже ходатайствовать о дозволении ему печатать свои литературные труды».

Производство Достоевского в прапорщики состоялось в октябре 1856 года, однако разрешение печататься получено не было.

Стихотворение «На коронацию и заключение мира» — известное по тексту писарской копии, приложенной к письму генерала-от-инфантерии Г. Х. Гасфорта к Н. О. Сухозанету от 2 июня 1856 года, впервые было также напечатано в «Литературном наследстве» Академии наук СССР в томах 22-24.

В стихотворении отчетливо угадываются мотивы и приемы ломоносовской оды «На день восшествия на престол Елисаветы Петровны» (1746). В соответствии с канонами жанра, восхваляя Россию, он прославлял ее будущее, которое связывал с предстоящими политическими переменами. Нового царя, по сложившейся традиции, автор называл преемником Петра, — «гиганта самодержавного», тем самым побуждая его (хотя и робко) действовать в духе великого реформатора. В качестве высшего примера для Александра II здесь выдвигается образ Христа, великодушно простившего на кресте своих мучителей и оставивший человечеству вечный завет всепрощения и любви:

Умолкла грозная война!
Конец борьбе ожесточенной!..
На вызов дерзкой и надменной,
В святыне чувств оскорблена,
Восстала Русь, дрожа от гнева,
На бой с отчаянным врагом
И плод кровавого посева
Пожала доблестным мечом.
Утучнив кровию святою
В честном бою свои поля,
С Европой мир, добытый с боя,
Встречает русская земля.
Не русской тот, кто, путь неправый

В сей час торжественный избрав,
Как раб ленивый и лукавый,
Пойдет, святыни не поняв.
К тебе, наш царь в венце терновом,
Кто за убийц своих молил
И на кресте, последним словом,
Благословил, любил, простил!

Если в стихотворении «На европейские события в 1854 году» при всем обилии в нем официальных и общепринятых формул ощущается искреннее авторское воодушевление, то патетические строки обоих позднейших стихотворений производят холодное и вымученное впечатление с элементами внутреннего разочарования.

О несовершенстве стихотворений Достоевского можно прочесть в его переписке с братом М. М. Достоевским, который откровенно написал:

— Читал твои стихи и нашел их очень плохими. Стихи — не твоя специальность.

Слухи о том, что Достоевский написал верноподданнические стихи, быстро распространились среди петербургских литераторов, вызвали непонимание, возмущение, откровенные насмешки в передовых кругах. В конце 1855 года в «Современнике» был опубликован фельетон И. И. Панаева «Литературные кумиры, дилетанты и прочая», где Достоевский был обрисован в желчных карикатурных тонах. Спустя почти три десятилетия на публикацию в 1883 г. стихотворения «На европейские события в 1854 году» крайне резко и по сути своей несправедливо отозвался товарищ Достоевского по заключению в омском остроге Шимон Токаржевский.

Помилование Достоевскому (то есть полная амнистия и разрешение публиковаться) было объявлено высочайшим императорским указом от 17 апреля 1857 года, согласно которому права дворянства возвращались как декабристам, так и всем петрашевцам.

30 июня 1859 года Достоевскому был выдан временный билет, разрешающий выезд в Тверь, а 2 июля писатель покинул Семипалатинск. В декабре 1859 года Достоевский вернулся в Петербург, но негласное наблюдение за писателем не прекращалось до середины 1870-х годов. Достоевский был освобождён от надзора полиции 9 июля 1875 года.

Первым опубликованным произведением Достоевского после каторги и амнистии был рассказ «Маленький герой», написанный в Алексеевском равелине Петропавловской крепости в 1849 году.

Однако поистине ошеломляющим дебютом Достоевского после возвращения стала публикация «Записок из Мёртвого дома» (впервые полностью в журнале

«Время», 1861—1862). Новаторское сочинение, точное определение жанра которого до сих пор не удаётся литературоведам, потрясло читателей России. Для современников «Записки» оказались откровением. Одного этого произведения было достаточно для того, чтобы писатель — русский Данте — занял достойное место как в русской, так и в мировой литературе.

Все три на первый взгляд «верноподданнические» стихотворения Достоевского, о которых было сказано выше, не были напечатаны при жизни писателя. Однако они приоткрывают нам еще одно удивительное качество характера Федора Михайловича — христианское умение прощать, ставить превыше всего гуманизм, веру в человеческую доброту и ценность каждой отдельной личности.

Трудно ответить на вопрос как бы сложилась судьба великого писателя Ф.М. Достоевского не будь в его жизни этих трех посредственных стихотворений, написанных вопреки его идеалам в забытом людьми, но не Богом, Омском остроге.

Владислав Русанов

Сотник

История эта началась в тот день, когда Пегаш, возвращаясь по обыкновению далеко за полночь из «Развесёлого рудокопа» свалился в собственный шурф и сломал шею. Обнаружилась его смерть лишь на утро ближайшими соседями — мною и Карапузом. Гробовая тишина в доме, встречавшем каждый рассвет отборной бранью и богохульствами, заставила нас насторожиться.

Пока Карапуз бегал за нашим выборным головой, я стер ржавые глиняные разводы со лба и щек погибшего. Пегаш лежал на отвале непривычно тихий и умиротворенный. Его облепившие голову мокрые черно-белые пряди вызвали у меня чувство похожее на жалость. Чувство, которое мы давно разучились испытывать.

Голова Желвак долго ворчал, потирал кулаком пористый нос, озабоченный не столь внезапной смертью одного из своих сотоварищей, сколько неотвратимой грядущей расплатой со сборщиками подати за бездействующий участок.

В это время появился он. Невысокий, сухопарый, с длинным вещмешком, прихваченным, кроме обычных лямок, ремешком через лоб, как делают это носильщики-горцы на юге, он прошел сквозь скопившихся к тому времени зевак и остановился рядом с телом. Желвак, прожженная каменная крыса, хоть и любит притвориться эдаким растяпой-лопушком, сразу понял что к чему. По-быстрому назначив похоронную команду, он увлек пришельца в перекошенную халупу Пегаша и, загрызи меня стуканец, если не содрал с него на пяток корон больше, чем участок стоил.

Ребята прозвали моего нового соседа Сотником. Пролаза и баламут Трехпалый даже выдумал душешипательную историю, которой, впрочем, никто не поверил, о романтической любви и коварных интригах, вынудивших бравого вояку искать забвения в разношерстой толпе старателей на отрогах Облачного кряжа. Все это было сущей ерундой, но на новое имя Сотник откликался.

Дни сменялись днями, складывались в месяцы. Заалели гроздья рябин на южных склонах. Сотник не участвовал в шумных попойках в «Развесёлом рудокопе», предпочитая закупать провизию в отдаленном от центра копей, тихом «Бочонке и окороке». При встречах на приветствия отвечал, но кратко. Зачастую — односложно. В беседы не ввязывался.

Меня парни кличут Молчуном и, должен заметить, не без оснований. Но по сравнению с Сотником я выглядел странствующим проповедником. На правах соседа я заглядывал к нему несколько раз и даже поделился опытом, как удоб-

нее и безопаснее крепить рассечки, надежнее и быстрее промывать породу, выискивая дымчатые топазы и золотистые гелиодоры, голубоватые аквамарины и зеленые бериллы. За пять с лишком веков интенсивной разработки прииск обднел настолько, что некоторым уже начинало казаться выгоднее перелопачивать старые отвалы, чем копать в дырявых, как йольский сыр, холмах.

Со временем наше с Сотником общение переросло в нечто вроде молчаливой дружбы. Ведь не худо посидеть с трубочкой, набитой соцветиями тютюнника, провожая взглядом прячущееся за зубчатую гряду близких гор дневное светило.

Как всегда с первыми заморозками стайки алогрудых зензиверов облепили рябины, а вслед за ними с полудня прибыл отряд сборщиков подати. Убогость породы не умерила алчности высокородного ярла Мак Кехта. Вообще, проклятые остроухие терпят нас на своей земле только потому, что сами не хотят рыться в ней, как луговые собачки. И снисходят до общения со смертными лишь два раза в год. Осенью, когда легкий морозец скует раскисшие от проливных дождей дороги, и весной вместе с первой травкой, после того, как спадут вспученные мутной талой водой горные ручьи. Уже много лет прошло с той поры, когда отбираемая ими доля была действительно десятиной. Но разве станет перворожденный сид обращать внимания на такую безделицу? Особенно, когда речь идет о его достатке.

Они медленно ехали между участками с жалкими покосившимися лачугами, отмечавшими устья шурфов. Из ноздрей длинноногих, прядящих ушами скакунов вырывались клубы пара. Под точеными копытами звонко хрустел молодой ледок.

А жалкие насекомые, люди, угрюмо тянулись к истоптанному выгону перед «Развесёлым рудокопом». Это место мы гордо именовали площадью. Каждый нес бережно завернутый в тряпицу драгоценный груз — кровью и потом добытые самоцветы. О том, чтобы припрятать камешек-другой или самому скрыться и пересидеть в холмах, не возникало и мысли. Возглавлявший отряд сборщиков Лох Белых отличался суровым нравом и спуска не давал никому.

Под пристальным взглядом его холодных глаз сыпались в кожаные прошнурованные мешки черные шерлы и фиолетовые аметисты, голубые и розовые топазы, сияющие горным солнцем жаргоны и гиацинты, напоминавшие окрасом запекшуюся кровь. Кто-то отдавал четверть накопленных за полгода камней, а кто и половину. Голова с мрачным видом стоял подле сидов, сверяя списки старых должников. Не сумевших расплатиться вовремя и сполна на первый раз ждала порка, на второй изгнание куда глаза глядят. В преддверии студеной зимы это было равнозначно смертному приговору.

Я спокойно ждал своей очереди. Найденный в конце лета смарагд величиной с полногтя мизинца стоил доброй пригоршни ежедневно намываемой мелочи. Прозрачный травянисто-зеленый камешек давал возможность не только выплатить налог нынешний, но и расплатиться по прошлому долгу, при воспоминании о котором зачесались с трудом залеченные рубцы между лопаток.

Время тянулось медленно, как капля меда по крутому боку кувшина. Поволокли к козлам, срывая на ходу рубаху, Трехпалого. Наш записной весельчак затаил скабресную песенку, но потом был вынужден прикусить губу... А к Лох Белых бочком подвалил Карапуз, сыпанул темно-зеленых турмалинов и пару обломков горного хрусталя.

Следующим Желвак подозвал Сотника. Что он мог дать, работая всего-то с начала осени? Десяток кристаллов шпата, несколько шерлов, еще что-нибудь по мелочи. Большого он накопить не мог.

— Ещё один лодырь, — процедил сквозь стиснутые надменно губы Лох Белых. — Наглость людская превзошла меру моего понимания...

— Он просто не... — попытался вступиться голова, но сид лениво взмахнул плеткой.

Удар пришелся наискось через губы. Брызнула вишневая кровь. Бедолага Желвак согнулся, прижимая ладони к лицу. А поделом. Не перебивай перворожденного.

— На правёж, — кивнул своим подручным Лох Белых.

Те двинулись было к Сотнику, но замялись, натолкнувшись на цепкий взгляд чуть прищуренных серых глаз. Один вдруг решил проверить, крепко ли затянута пряжка перевязи, другой вовсе наклонился, соскребая ногтем несуществующую грязь с сапога. Не знаю, что прочитали они во взгляде моего соседа, но сиды страшатся смерти гораздо больше, чем мы, люди. Я бы тоже боялся небытия, будучи бессмертным по рождению.

Заинтересовавшись Лох Белых шагнул вперед, намереваясь повторно замахнуться плеткой. Но рука его замерла на полпути. Их взоры скрестились, как клинки опытных и бывалых мечников. Исхудалый, гордо расправивший плечи, немолодой человек в латанной не раз одежке и перворожденный сид в изысканной посеребренной броне, прячущий растерянность под маской высокомерия.

Внезапно я перестал слышать людской гомон. Взамен ему с ближайшего холма донеслась дробная россыпь черного дятла. Скрипнула под налетевшим ветром старая липа, подпиравшая хлев, а стук собственного сердца отозвался в ушах подобно набату. словно помимо воли пальцы начали сами складываться в Знак Огня. Вряд ли выйдет после стольких лет, но...

Томительная тишина разрядилась резким хлопком плети по овчинному кожушку съевшегося Желвака. Лох Белых, тщательно выговаривая слова ненавистой ему речи, произнес.

— Запишешь в долг до весны.

Сотник перестал его интересоваться.

Толпа выдохнула как один человек. Странно, оказывается, я тоже затаил дух, сам того не замечая.

К сидам, как всегда чуть приплясывающей походкой направлялся Пупок. Моя

очередь была сразу за ним. Сотник постоял немного, а затем развернулся и медленно пошел к своему участку. Только напряженная спина выдавала ожидание бельта в затылок. Сразу видно человека с дальнего юга. Сид способен запытать до смерти пленника, но стрелять в спину...

Сборщики уехали, увозя с собой во въюках пузатенькие, плотно набитые самоцветами мешки. Основу благополучия и могущества своего королевства.

На прииск опустилась суровая, многоснежная зима. Бураны да морозы, нападения ошалевших от голода волков и вышедших из летней спячки стуканцов. Но когда накануне весеннего равноденствия, первый полуденный ветерок тронул теплым дыханием верхушки холмов, а снег стал сырым и пористым, как плохо попеченный хлеб, покрываясь на ночь ледяной коркой наста, мы снова увидели Лох Белаха.

Однажды сырые влажные сумерки березозола нарушил дробный топот копыт, доносящийся с нижней дороги. Гулкое эхо подхватило его и понесло между холмами. Под конец зимы начинаешь лезть на стену от однообразия приисковой жизни. Посему любой повод увильнуть от повседневных забот воспринимается, как редкостное счастье. Когда я выбежал на дорогу с наспех зажженной еловой веткой, свободных мест в балагане не было. У сломанной осины призывно размахивал руками Карапуз. Чтобы пробраться к нему пришлось основательно поработать локтями.

Цокот копыт приближался, силится и вот, наконец, в освещенный кольцом факелов круг вырвался всадник на исходящем паром коне. Великие силы! Я и помыслить не мог, чтобы сид довел до такого состояния благородное животное. До кости иссеченные безжалостным настом тонкие ноги скакуна разъехали, едва наездник осадил его перед лицом посуровевшей толпы. Конь захрипел, скосил налитый багрянцем глаз и рухнул на бок. Прискакавший сид успел выдернуть ноги из стремян и стоял, слегка пошатываясь и поддерживая левой рукой свисающую плетью правую.

Запекшаяся кровавая маска на лице настолько искажала знакомые черты, что я с трудом узнал Лох Белаха. Куда девалось его хваленое высокомерие перворожденного? Может неровный свет факелов был тому виной, но мне почудился ужас затравленного зверя во взгляде, брошенном им на опустевшую дорогу. Что же гнало его к нам, не имевшим ни малейшего повода для сострадания жалким тварям, людям?

Первым общее настроение уловил Трехпалый. Юрким горностаем вывернулся он из-за широких спин застывших в нерешительности парней и с размаху саданул сиду в ухо. Воин гибким движением корпуса угнулся от кулака, но затекшие от долгой скачки ноги подвели его. Сид рухнул на одно колено.

— Не надо! — между Трехпалым и Лох Белахом выросла коренастая фигура головы. — Так нельзя! Неправильно!

Он попытался схватить рассвирепевшего старателя поперек туловища, но тот вывернулся из неловких объятий и, хрипло хекнув, врезал грубым башмаком в

лицо припавшего к земле сида.

Двое закадычных приятелей Трёхпалого — Юбка и Воробей — выскочили из толпы, на бегу засучивая рукава. Пока Воробей тумачами отгонял в сторону Желвака, Юбка запустил пятерню в рассыпавшиеся по оплечьям серебристо-пепельные волосы перворожденного.

— Ах, ты курвин сын, остроухий!

Его похожий на капустный кочан кулак врезался Лох Белаху под ложечку.

— Помнишь, как меня порол? Дурноглазый! — приплясывающий от нетерпения Трёхпалый снова ударил ногой. Метя на сей раз в пах.

Вначале нерешительно, а потом все веселей и веселей, на подмогу троице потянулись старатели из угрюмо молчащей толпы. Вскоре сида не стало видно за сплошной завесой ритмично двигающихся ног.

Карапуз всхлипнул по-бабьи и прижался лбом к шершавой холодной коре. Я тоже отвернулся и вдруг увидел Сотника, стоящего чуть в стороне. Губы его кривила презрительная гримаса, пальцы сжались на рукоятке заступа. Поймав мой взгляд, он тряхнул головой, как отгоняющая слепней лошадь и пробрел прочь чертя лопатой сиреневую дорожку по плотному снегу.

Появление двух десятков всадников на взмыленных конях застало всех врасплох. Топот копыт снежной лавиной ударил по ушам топчущихся вокруг распостертого тела старателей. Кто-то охнул, кто взвизгнул жалобно. На мгновение над площадью, сразу ставшей тесной, повисла тишина, а потом все порскнули в разные стороны, как стайка чернохвостых сусликов.

Пригибаясь, побежали и мы с Карапузом. Ворвавшись в свою лачугу, даже не пытаясь унять бешено колотящееся сердце, я принялся беспорядочно сваливать пожитки в вещмешок. Пристегнул к поясу телогрейки широкий нож, которым все равно не смог бы воспользоваться в драке. Непрошенная мысль: «Куда ты пойдёшь зимой, пешком, в одиночку?» — обожгла сознание, подломила враз обесилившие колени.

Сколько я просидел, сжав голову руками в выстуженной хижине, не знаю. Потом снаружи донеслись голоса. Я узнал Юбку.

— Эй, Молчун! Слышишь, что ли? Выходи на площадь. Сбор!

Что за сбор? Почему Юбка жив, здоров и, судя по довольноному голосу, уверен в безнаказанности? Не слишком торопясь, я шагнул за жалобно скрипнувшую дверь. Полной грудью втянул морозный воздух. Народ опасливо тянулся к «Развесёлому рудокопу», где плясали багровые отблески кострищ и глухо гудела многоголосая толпа.

На половине пути меня окликнул Карапуз:

— Глади — Сотник!

Мы нагнали нашего молчаливого соседа и на площадь вышли втроем.

Жаркое пламя трех костров жадно пожирало смолистые поленья, коража и

раскалывая их. Тогда в черное небо устремлялись облачные фейерверки алых искр. Лошади, привязанные возле хлева, шумно отфыркивались и трясли головами. А на стволе липы, прибитое ржавыми костылями, висело тело Лох Белаха. Вниз головой. Длинные локоны и усы смерзлись кровавыми сосульками. Открытые глаза невидяще уставились в толпу.

Карапуз пребольно ткнул меня локтем под ребра, но мой взгляд приковали закатившиеся бельма некогда гордого и заносчивого перворожденного. Грозы неудачливых старателей. И вдруг веко заплывшего черным кровоподтеком глаза дрогнуло. Раз, другой...

— Да он же живой! — осипшим от потрясения голосом попытался выкрикнуть я, но вторичный тычок и быстрый шёпот Карапуза: «Заткнись, дурак!» — заставили слова замереть в горле.

— Вольные старатели! — неожиданно зычно выкрикнул невысокий вооруженный человек, взбираясь при поддержке Трехпалого на выкаченную из «Рудокопа» бочку. — Свободные люди приисков! С остроухой заразой покончено! Довольно им пить вашу кровь и пот, наживать богатство за людской счет! Будет портить скот и посевы богомерзкой ворожкой, насылать порчу на простых поселян!

Говорящий окинул взором по прежнему нестройно гомонящую толпу. Пихнул высоким сапогом в плечо Желвака, который сорвался с места и, потирая разбитую в кровь скулу, побежал, призывая людей к вниманию.

— Свершились все наши вековые надежды и чаянья! Славные короли Витгольд, Эхард и Властомир повели дружины на косоглазых тварей! Горят по всему северу проклятые замки, летят с плеч остроухие головы, кричат их поганые ведьмы! Вы заживете свободно под защитой дружины капитана Эвана! Ни одна нелюдская тварь не осмелится запустить жадную лапу в ваши карманы!

Последняя фраза произвела впечатление. Что-то похожее на гул одобрения прокатилось по площади. Капитан Эван важно наклонил голову.

— Но борьба не окончена! Она будет кровавой, жестокой и беспощадной. Не дадим жалости к врагам рода человеческого, — кивок в сторону распятого Лох Белаха, — и их подпевалам, — ещё один кивок, указывающий на скорчившегося у стены человека, в коем я по одежде узнал хозяина «Рудокопа» — толстяка Харда, — остановить наш праведный гнев! Выжжем заразу каленым железом.

На этот раз толпа отозвалась повеселее. Видно выжигать показалось интереснее, чем добывать самоцветы. Юбка и Трехпалый взмахнули прихваченными кайлами.

— Борьба потребует от вас всех сил. И средств. Повстанцам нужны крепкие копыя и острые мечи, справные кольчуги и бойкие самострелы. Предлагаю пожертвовать на богоугодное дело, кто сколько может.

А вот это парням уже не могло понравиться. Ропот прошел по скопищу людей подобно расходящимся от брошенного камня кругам. Кто-то протестующе

выкрикнул.

— Вижу, здесь есть ещё пособники остроухих, — горестно покачал головой человек на бочке. — И это очень плохо.

По его знаку к недовольным бросились вооруженные пришельцы, а с ними и Юбка с Трехпалым. Желвак, привычно извлекая из-за пазухи подушные списки, семенил позади.

— По-моему, пора смываться, — прошептал Карапуз.

Он был прав. Но каким образом можно уйти незамеченными?

Толпа забурлила, разбиваясь то здесь, то там на небольшие островки. Кого-то сбили с ног и потащили, немилосердно пиная, к бочке. Голова, надсаживая глотку, призывал сохранять спокойствие.

Из черноты провала между хлевом и углом «Развесёлого рудокопа» вывалилась широкоплечая фигура в кольчуге и круглом шлеме.левой рукой вояка сжимал пузатую бутылку, на ходу прикладывая горлышко к заячьей губе, а правой волочил за косу младшую дочку Харда — четырнадцатилетнюю Гелку.

— В сене зарылась, изменничье семя! Думала — не найдём!

За ним, путаясь в изодранной юбке, ползла по снегу хардова хозяйка. Она выла на одной ноте, утробно и страшно. Совершенно безумные глаза белели на покрытом кровоподтеками лице.

— Заткни пасть! — выскочивший сбоку Воробей ударом отбросил ее в сторону, подбежал, хрястнул, громко выдыхая, башмаком в живот. Потом еще и еще раз.

— Бежать, бежать, — как молитву повторял Карапуз и я готов был ему вторить.

— Поздно, — раздался вдруг негромкий, глуховатый голос Сотника.

Легонько отпихнув меня в сторону, упругими шагами он направился к бочке. Зычноголосый капитан заметил его приближение и присел вначале на корточки, не покидая своего пьедестала, а потом уместился, скрестив ноги.

— Ты? — полувопросительно обратился он к Сотнику.

— Я, — отозвался тот, останавливаясь в паре шагов.

— Не ожидал.

— Я тоже.

— Что скажешь?

— Останови их.

— С чего бы это?

— Я прошу тебя.

— И что с того?

— Я прошу тебя, — с нажимом повторил мой сосед.

— Нет.

— Тогда я остановлю их.

— Что ж. Попробуй, — Эван демонстративно сложил руки на груди.

Сотник не шагнул, а перетек в сторону, не затратив ни единого движения на пролетевшего у него за спиной и ухнувшего в сугроб Воробья.

Карапуз намеревался дернуть меня за рукав, поторапливая, но застыл, завожженный происходящим. Да и мое желание дать деру, хоть и не исчезло вовсе, но, вытесненное любопытством, спряталось в самый далекий уголок сознания.

Насильник, волочивший Гелку, попытался схватиться за меч. Сотник, схватив за рукав добротного полушубка, отправил его в снег вслед за Воробьем. Девка подхватила на ноги и с выпученными глазами бросилась куда глаза глядят, но поскользнулась и ткнулась лбом в колени Карапуза, который накинул ей на плечи поспешно сброшенный кожаный плащ.

А схватка продолжалась. Трехпалого, с размаху опускающего кайло, Сотник пропустил мимо себя, сильно ткнув кулаком в затылок. Раздался отвратительный хруст. Старатель замер, распластавшись, на снегу. Капитан Эван наблюдал за происходящим с нескрываемым интересом, поигрывая тонкими пальцами на рукоятке меча.

Смерть Трехпалого заставила врагов воспринимать моего соседа всерьез. Следующий дружинник попытался достать его мечом. Сотник уклонился от удара, а потом быстрым движением зажал клинок ладонями. Голыми ладонями! Приплясывающий шаг влево-назад, поворот корпуса... Меч вдруг оказался в его руках.

И началась бойня! Сотник шел, описывая полукруг в своре дружинников и примкнувших к ним старателей. Он не тратил время, парируя удары, он успевал дотянуться до атакующего раньше. Такого мастерства мне не доводилось видеть никогда ранее. И такой холодной расчетливой жестокости. Я закрыл на мгновение глаза, а когда открыл их, то увидел, как Эван мчится звериными прыжками, заноса в последнем сжатый двумя руками меч.

— Сзади!!! — не узнавая свой голос заорал я и, не осознавая что делаю, ударил Знаком Огня.

Недоучка бесталанный. Струя пламени, вместо того, чтобы испепелить дружинника, вяло пшикнула, лизнув сапоги его сапог. Крик помог больше. Услышав мой голос, Сотник вывернулся как камышовый кот, пронзенный стрелой, и ударил наискось сверху вниз. Клинок распластал капитана от плеча до грудины и застрял в кости.

Громогласный крик вырвался из глоток не успевших покинуть площадь старателей и парни кинулись со всех сторон на пришельцев. Голыми руками, привычными более к изнурительному труду, вырывая мечи и кинжалы. И убивая... Волна человеческих тел прокатилась по утопанному снегу загона и схлынула, оставляя изломанные недвижные тела.

Я бегом бросился к Сотнику, упавшему вслед за последним ударом на колени

и продолжающему стоять над телом поверженного врага. Еще на бегу я разглядел потемневший рассеченный рукав сермяги и растекающееся черное пятно у левого колена.

Приблизившись, я тронул его за плечо:

— Позволь помочь тебе, когда-то меня учили врачевать раны...

Сотник долго молчал. Трещали прогоревшие поленья в остатках костров. В воздухе стоял острый запах гари и свежепролитой крови. А потом он, не отводя взора от мертвого тела, произнес самую длинную фразу за время нашего знакомства. И его пропитанный горечью хриплый голос стоит у меня в ушах и сейчас, по прошествии многих лет:

— Врачеушь ли ты раны души, Молчун? Сегодня я убил родного брата.

Александр Ралот

Результат положительный

Глава первая

Южноморск 1990 год. Июнь

С того самого момента, как Александрос¹ Акулов сошёл с электрички — Краснодольск-Южноморск, злился на всех: на препода политеха, вкатившего на вчерашнем экзамене по «Элеваторам и складам» пару, на родителей-музыкантов, наградивших его непонятным греческим именем, (и как только в ЗАГСе это безобразие узаконили в свидетельстве о рождении?), на Натаху, отказавшуюся смотреть с ним на море и поддержать потенциального мужа в трудную минуту. Но прежде всего, если честно, злился на себя. Надо же удумал спорить с Горынычем, заведующим кафедрой. Ну, покаялся бы, в конце концов рассказал правду, мол, с девушкой общался, вместо подготовки к экзамену. Профессор, наверняка, вошёл бы в положение, нарисовал в зачётке заветный трояк или отпустил, с Богом, на пару дней, для самоподготовки. Мужик он понятливый и будущих руководителей производства не гнобил, по пустякам не придирился. А теперь-то что? Стипуха прощай. Она, конечно, мизерная, но всё же... И ходи с «хвостом» до следующего семестра.

* * *

«Предки спали и видели сыночка, то бишь, меня,» — вспоминал незадачливый студент, шагая к морю, — «стоящим в лучах света на сцене и утопающим в букетах. Однако их любимое чадо поступило по-своему. Окончив с медалью школу я взял да и заявил: «Династии не будет». И вместо консерватории подал документы на факультет «Технологии хлебопродуктов», ибо железяки и химия привлекали меня много больше, чем фуги Баха и «Второй концерт Чайковского».

Помню как на первом курсе познакомился с бойкой девчонкой Наташей, приехавшей в город из станицы. Та, нисколько не смущаясь, однажды вечером приехала ко мне домой и потребовала, да именно так, потребовала помощи в постижении основ неорганической химии. Потом появилась нужда в изучении сопромата, в курсовом проекте по машинам и механизмам. В общем нам вдвоём было хорошо. Расписаться решили сразу после вручения дипломов, благо распределение на работу уже отменили, и проблему с трудоустройством выпускников государство с себя сняло.

* * *

Александрос не заметил, как оказался на морском берегу. Начал раздевать-

ся, чтобы броситься в воду и доплыть до стоящего на рейде корабля, но передумал. И неожиданно для себя решил погадать. Отыскал пару плоских камней: если один из них коснётся воды три раза, то всё будет хорошо, а если нет, так и суда нет, бросит учёбу и уйдёт в армию. Не выйдет инженера, получился ресторанный топёр.

Ни первая галька, ни вторая результата не принесли. Натыкались на волну и исчезали.

Вдруг Алекс увидел, что подобным гаданием занимается не он один. Стоящая неподалёку загорелая девушка кидала камешки вслед за ним. Однако у неё это получалось лучше. Её «блинчики»З летели дальше и касались воды раза четыре или даже пять.

— Хочешь научу — обратилась она к парню, — тут всё дело в замахе, ну, и ещё в татухе.

— В чём, не понял? — он подошёл к незнакомке и увидел, что её предплечье украшает изображение дракона, держащего в пасти иероглиф.

— Я Агнесса, что означает чистота и непорочность, — девушка протянула ладошку.

— Алекс, то есть Александрос, что значит..

— Знаю, — перебила девушка и рассмеялась, — защитник человечества. Предки тоже сдвинуты на древней Греции? Наверное, они у тебя археологи.

— Не, музыканты.

— На блинчиках гадаешь? С любимой поцапался. Я угадала?

— И с ней тоже, — неожиданно для себя разоткровенничался Алекс, — я экзамен завалил. Какая-то непруха началась.

— Это потому что не защищает «дзы»!

— Кто? Не понял?

Агнесса указала на иероглиф

— Видишь, его верхняя часть называется «ши». Что значит «просветление», а нижняя — «коу», читается, как «мудрое слово». Православные носят крестики, а там на Востоке...

— Я его не ношу, и вообще, если честно, то всё ещё комсомолец, и ни в какие «дзы» не верю. Чуть это.

— А в «блинчики» выходит веришь? — новая знакомая подошла к Алексу и, поднявшись на цыпочки, прошептала, — хочешь такого дракончика?

Алекс молчал, потом вдруг кивнул, соглашаясь:

— Но ведь это больно и опасно. Чернила под кожу!

Агнеса улыбнулась:

— Трусишь! Защитник всего человечества. Во-первых, иглы разовые, импортные. Сам понимаешь, порт, контрабанда и всё такое. А во-вторых...

— А во вторых у меня нет денег, — перебил её парень.

— Набьём небольшую татуху, я с братом договорюсь. Смотри сюда, — девушка задрала майку. На её животике уютно расположился котёнок, — тушь «Колибри» и «Медовая» акварель. Машинка скоростная, заморская. Кроме щекотки, ничего и не почувствуешь. Знаешь, сколько Адрастос местным властям отвалил, чтобы легальный салон открыть?

— Адрастос твой брат, — догадался Алекс, — и ты хочешь с моей помощью побыстрее отбить вложения?

Девушка фыркнула и, высвободив руку, побежала вперёд.

— Да постой же, я пошутил, в этом городе шуток совсем не понимают?

— Алекс бросился вдогонку, на ходу размышляя, сколько же будет стоить это самый «дзы»?

Вечер того дня. Вокзал

Последнюю электричку отправляющуюся областной центр, челноки брали штурмом. Огромные баулы, набитые турецким барахлом, летали над головами бывших научных сотрудников, медработников и даже секретарей партийных ячеек.

Алекс с трудом отвоевал себе уголок, в дальнем углу вагона.

Наколотый на руке китайский дракон распух и кровоточил. Именно его наличие позволило проникнуть в набитое до отказа транспортное средство, завладеть квадратным полуметром, дающим возможность время от времени менять положение из стоячего в сидящее на корточках.

Час ночи следующего дня

Измученные поисками хоть какой-либо работы, родители крепко спали в своей комнате, оставив в прихожей две записки:

«Звонил Горыныч, просил срочно прибыть в деканат!»

«Тебя ждут две котлеты. В холодильнике. Пожалуйста, постарайся не шуметь. Нам рано вставать, едем в колхоз. Будем выступать на празднике по случаю начала уборочной страды. Обещали оплатить Шопена и Мендельсона чем-нибудь, по бартеру.»

— Почему завкафедрой вызывает в деканат, а не к себе на ковёр? — размышлял Алекс, жуя котлету. — За одну пару из института не выгоняют, тем более старшекурсника. Странно. Впрочем, всё происходящее в Союзе странно. Моя Наташа угробила стипендию на ядовито зелёные леггинцы и щеголяет в них по политеху. Да за такой прикид её пару лет назад из комсомола бы попёрли и из

института исключили. А теперь можно, потому как демократия и гласность....

Додумать до конца эту мысль помешала татуировка. Дракон занял так, что его носитель, не доев поздний ужин, поспешил в ванную смыть сочившуюся кровь и заклеить лейкопластырем ненавистное пресмыкающееся.

Утро следующего дня. Вестибюль главного здания политехнического института

— Акулов! Явился не запылится, ступай за мной! — секретарь деканата, получившая много лет назад прозвище «Грымза обыкновенная» схватила

Александроса за рукав и, расталкивая толпу студентов, увлекла за собой.

В маленькой каморке деканата женщина, порывшись в куче бумаг, вытащила и торжественно протянула листок бумаги с перечёркнутой крест накрест красной полосой.

— Ведь это последний шанс — дрожащим голосом произнёс студент, беря в руки разрешение на пересдачу экзамена — всего за одну двойку такое?

— Чудак, ей Богу. Ты соображаешь в какое время живёшь? Ну, нет денег новые разрешения в типографии заказывать! Даём те, что в наличии остались, скоро и они закончатся. Вот тогда попляшите, двоечники несчастные! Убирайся с глаз долой.

Кафедра спецпредметов

Горыныч, увидев незадачливого студента приветливо кивнул, и указал на стул, стоящий возле старинного дубового стола.

Акулов открыл рот, чтобы произнести заранее продуманный монолог, но профессор начал разговор первым.

— У меня две новости, и обе хорошие. Первая. Посылаем тебя за границу. На целый семестр. В Германию. Будешь стажироваться в университете города Ульм.

— Но у меня же хвост! — вскакивая с места выкрикнул Акулов и, вообще, я английский учу и ...

— Не перебивай старших, это крайне невежливо, имей терпение дослушать до конца. Экзамен будешь пересдавать не мне, а всей кафедре. Сегодня! Через пару часов. Когда коллеги подтянутся. Это раз. А два заключается в том, что Германские государства объединяются, и в качестве благодарности делают Советскому Союзу маленькие приятности. Студентов к себе приглашают. Мы тут посоветовались, и я решил, что поедешь к бывшим врагам именно ты.

И в-третьих, вопросы не принимаются, а принимаются только ответы, и исключительно, по теме «Элеваторы и склады». Ступай готовиться. Мне ещё кучу бумаг

надо на твою персону готовить: виза, денежное содержание, межузовский контракт и прочее. Знаешь, за скольких сынков хлопотали, но я отбился. Впрочем, эта информация, уж точно, не для твоих ушей. Жду в одиннадцать. Не опаздывай.

Вузовская библиотека

Алекс смотрел в учебник, но видел ни текст, а китайского дракона с иероглифом в зубах, сумевшего за сутки изменить полярность его бытия с отрицательного на положительный. Выходит, права Агнессы на сто процентов. Татуха хоть ещё и болит, но работает. Рассказать бы всё Наташке, но та, выпросив трояк, сессию сдала, и тут же умчалась в провинцию. И выберется из глуши только осенью. Выходит, мы с ней не увидимся до Нового года! В Германии, наверное хорошо. Нет никаких талонов на масло и сахар, а на шнапс тем более. Буду родителям посылать «вражеский» дефицит. Но язык! Как его за два месяца выучить? Дракоша выручай!

Экзамен походил на тренировку теннисиста с машиной, подающей мячи. В течение часа на Алекса сыпались вопросы со всех сторон, но странное дело, Акулов отвечал на них легко и даже задорно, поглаживая то место на рубашке, под которой давал о себе знать дракон.

Наконец, Горыныч торжественно поднял руку и произнёс:

— Надеюсь, коллеги, никто не сомневается в правильности принятого мною решения. Парень достоин. Но, чтобы не зазнавался и нос не задирал, ставлю четвёрку, ибо на этой бумаге, — он показал направление на пересдачу с ярко-красной полосой, — за всю историю института более высокой оценки никто не ставил! Все свободны, а ты, Александрос иди пообедай и возвращайся, будем с тобой думку думать, как Чапай с Петькой.

Час спустя

— Так. Ты должен предоставить следующие бумаги: выписку из ЖЭКа о составе семьи. Восемнадцать исполнилось? Тогда согласие родителей на выезд за рубеж не требуется. Но вот документ об их доходах обязателен. Да, ещё вот что, справка из поликлиники о состоянии здоровья. Формальность, конечно, но немцы, есть немцы. У них Ordnung5 – самое главное!

Глава вторая

Родители были на седьмом небе от счастья. Их чадо едет в Европу и не в краткосрочные гастроли, а на полгода. А по сему пропустили мимо ушей сообще-

ние о том, что сын сделал себе татуировку. Посчитали, теперь так надо. Всем же известно, нынче иностранцы поголовно расписаны, как туземцы, и чтобы не отличаться от местных, на такую жертву пойти стоило. Проблема возникла с получением справки о доходах, ибо их не было. В филармонии зарплату имели два человека: директор и главный бухгалтер. Музыканты перебивались исключительно «халтурой», но папа обещал эту бумагу раздобыть и цифру там «нарисовать» правильную.

Неделю спустя. Поликлиника

Терапевт Вера Марковна, знавшая Александра с самого детства, не спешила выписывать справку «О здоровье». Раз за разом вчитывалась в результаты анализов, наконец тихо произнесла:

— Понимаешь, Саша, здесь оборудование старое, и ошибка вполне вероятна. Выпишу тебе направление в специальную клинику, пусть они ещё раз всё хорошенько перепроверят. Если не подтвердится анализ, милости прошу. Справку дам. За мной задержки не будет, — она встала и, чуть помедлив, вручила листок.

Алекс взял направление, и дракон укусил так, что парень чуть не потерял сознание от боли.

* * *

На знавшем лучшие времена здании «красовалась» облупившаяся по краям надпись:

*«Государственное бюджетное учреждение здравоохранения
Клинический центр профилактики и борьбы со СПИД»*

Алекс с досадой взглянул на неё, погладил татуировку и толкнул дверь.

В отличие от районной поликлиники в коридоре не было никого.

Сонная бабулька за стойкой регистрации молча взяла у него направление, куда-то позвонила и буркнула:

— Тринадцать.

— Не понял? Что?

— Кабинет тринадцать. Там и доктор и анализы берут. Поспеши, а то на обед уйдут. Тогда только завтра тобой займутся. Это уж как пить дать.

Десять дней спустя

Доктор в давно не стиранном халате был сама любезность.

— Запомни, перво -наперво: тут всё анонимно. Никому, ну кроме компетентных органов, мы информацию не даём, а в институт тем более. Но источник приобретения выяснить обязаны, так что рассказывай, с девкой незнакомой на вечеринке в общаге было?

— Нет, конечно, — возмутился Алекс, у меня же невеста есть, почти жена.

И тут его шандарахнуло, словно мешком из-под муки. Натаху же проверять статут. И зачем сболтнул.

— Это замечательно. Завтра приведёшь её сюда, будем обследовать.

— Не мо-гу, — по слогам, давя комок в горле, вымолвил Акулов, — она сейчас у родителей, в станице.

— В какой?

— А вот и не скажу. Не имеете право.

— Болван! А ещё студент. У нас прав, генералы завидуют. Ты хочешь, чтобы мы МВД подключили? Так это запросто. Но в таком случае, извини, врачебная тайна отменяется. Официальный запрос в Политех, расспрос друзей, подружек и всё такое. Следствие по полной программе!

— От неё я точно не мог — горячился парень, а в голове одна шальная мысль догоняла другую. А вдруг Натаха не только со мной? Готовила запасной вариант или имела богатого «папика» для извлечения нетрудовых доходов, — он их прогнал от себя эти мысли и, быстро закатив рукав рубашки, выкрикнул:

— Это всё он — указал на татуированного дракона, — говорили, что иглы разовые, выходит, врал.

Хозяин кабинета налил воды в стакан, протянул Алексу:

— И салон тоже проверим. Никуда он не денется. Бери, пиши. Имя, фамилия, своей юнгфрауб, место жительства. И моли бога, чтобы у них в деревенском медпункте были нужные реактивы для нашего анализа. Тогда ей не придётся в город приезжать. Село, оно сам понимаешь, тайны хранить не умеет.

— Станица, — машинально поправил Алекс.

— Точно, — согласился с ним врач, крутя диск старенького телефона.

Август 1990 года

Мать молча протянула сыну длинную телеграмму и вытирая краем платка слезы вышла из комнаты.

«Ты самая настоящая св...чь. Можешь радоваться! У меня результат отрицательный и окончательный! И не смей показываться на глаза! Осенью перевожусь на другой факультет, потому что тебя га.а больше видеть не могу. Сам подцепил, сам выкарабкивайся, а лучше покончи с жизнью, чтобы ещё кого-нибудь, не заризил! Твоя бывшая Н.»

* * *

Алекс не спал всю ночь. Причиной тому была не только телеграмма от уже бывшей, но и строчки из медицинских справочников, основательно проштудированных в библиотеке.

ВИЧ – это вирус, приводящий к дефициту иммунитета у человека! С вирусом носитель может полноценно жить, правда, только в периоды между стадиями обострения, но рано или поздно организм не сможет справиться с банальной инфекцией, поражающей лёгкие, почки, печень и т. д. В зависимости от интенсивности лечения больному отпускается от нескольких месяцев до пятнадцати лет. Вылечить человека пока не удалось ни в одной стране. В Советском Союзе эффективные лекарства в дефиците и стоят баснословных денег, ибо доставляются из-за рубежа. Первый случай ВИЧ на территории СССР зарегистрирован пять лет назад у гражданина ЮАР, обучающегося в Москве. Пролечен во второй инфекционной больнице, однако несмотря на интенсивное лечение, пациент скончался через два месяца.

Ну и зачем тогда жить? Какая разница, как умереть. Завтра — быстро и, наверное, без боли или пару месяцев, или лет спустя, но на больничной койке в страшных муках, разорив родителей, израсходовавших скудные накопления на контрабандные, мало эффективные лекарства. Перед глазами Александра предстала картинка городского моста самоубийц.

* * *

(Эта красивая ажурная конструкция была местной достопримечательностью, с которой шагнул в бездну не один десяток доведённых до отчаяния людей. В позапрошлом году над перилами даже соорудили заградительную сетку, но любители халявного металлолома нынешней зимой её срезали, облегчив путь в никуда, таким как Александрос.)

* * *

Родителей, конечно, жалко. Но пока они ещё относительно молоды и смогут перенести его уход легче, чем ... — Сон победил окончательно, и Акулов-младший провалился в царство морфея, успев подумать, что это последняя ночь в мягкой и родной кровати.

Глава третья.

Раннее утро. Мост через реку Каваль. Мост самоубийц

Алекс не удивился! Обомлел! Место, выбранное для перехода в мир иной, было занято! На перилах, свесив ноги над бездной, сидела хрупкая девушка.

Её намерения не вызвали двоякого толкования, даже если она мастер спорта по прыжкам в воду. Итог однозначен.

« Ну, уж нет! Ей я этого совершить не дам. Правда, до той поры, пока сам не сигану», — Алекс рванулся вперёд и, схватив девушку, отбросил назад.

— Ты? Удивилась кандидатка в самоубийцы, — и у тебя тоже?

На парня не мигая смотрела Агнесса.

— Где брат? Почему он..

— Нет Адростоса, — по щекам девушки потекли слёзы, — бандиты убили, за то что не захотел салон на них переписывать, и Виктор Цой разбился, и у меня спид. Иностранцы моряки завезли. Но мы — то тут причём? Иглы спиртом протирали, каждый раз, но.. — и она разревелась в голос.

— Выходит ни дракоша, ни иероглиф не помог? — разолился Алекс, — обоим жизнь испортил. Что врачи сказали, какая стадия?

— Я за этим в твой город и приезжала. В ВИЧ-центр. Утверждали, что пока начальная, но это только пока. Надо постоянно лекарства принимать, дорогие. Их ещё доставать надо, а денег нет. Даже на панель не пойдёшь, теперь это нельзя, — глотая слёзы и всхлипывая, выкрикнула девушка, — давай вместе сиганём. Вдвоём не страшно. Сам в такую рань, сюда за смертью явился?

— У меня дома есть компьютер! Не новый, правда, зато сингапурский. Предкам в качестве гонорара за гастрольный тур дали. Знаешь сколько стоит?

Агнесса покачала головой, вытирая ладошкой слёзы.

— Тыщ сорок, не меньше. Я его мигом загоню и стану тебе лекарства доставать. Будешь пить, будешь жить.

Реакция девушки оказалась неожиданной. Она порывисто бросилась парню на шею и выкрикнула:

— Продавай. И немедленно. Но на эти деньги мы не лекарства купим, а уедем далеко-далеко, в Бурятию. Рассказывали, что там есть место, где живут такие, как мы. Колонией. Помогают друг другу. Поддерживают. Будем жить как муж и жена! Согласен?

Октябрь. Бурятская Советская Социалистическая Республика. Курмарский аймак. Дацан

— Значит в нашу общину прибыли за помощью, — монах, облачённый в длинный халат, с огромным вышитым драконом, придирчиво осматривал парня с девушкой, — есть желание изучать Дхарму8, стать просветлёнными или убежали от долгов да бандитов?

— У нас спид, — ответил за двоих Алекс. Говорят, здесь есть поселение таких, как мы. Это правда?

— Имеется. Но предупреждаю сразу: В нём люди живут ровно столько, сколько им отмерил наш Будда, или ваш Бог, или Аллах. Кто сильно в них верит, ежедневно творит добрые дела, помогает соседям, тот пребывает на этой земле много, а кто.. я понятно сказал? Вот ты кто по профессии? — монах ткнул пальцем в грудь Александра.

— Мельник. Учился на него, институт закончил, почти.

— А я художница, и ещё декоративную посуду могу делать, — вступила в беседу девушка.

— Декоративная здесь не нужна, а простой надо много, и зерно молоть некому. Водяная мельница стоит не берегу заброшенная. Восстановишь? — монах кивнул в сторону реки.

Краснодольск. Декабрь 1991 года

Акулов-старший, поседевший и осунувшийся, вертел в руках письмо, не решаясь открыть.

— Странное дело, Союз распался, а почта всё ещё работает – подумал он, а вслух произнёс:

— Надюша, иди скорее сюда, смотри, что в почтовом ящике обнаружил.

Разорвал конверт, и на пол упала фотография. Там были запечатлены трое: их исчезнувший год назад сын, улыбающаяся девушка и младенец, облачённый в жёлтый халатик с дракончиками.

Надпись на обратной стороне гласила — «Дорогие мои! Теперь вы бабушка и дедушка, и это ваш внук Олзо, что по-бурятски означает — находка. Сегодня он сдал анализ на ВИЧ. РЕЗУЛЬТАТ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ!»

1— мужчина, защитник (Древнегреч.)

2 — (фр. *tapere* от *terer*, буквально — хлопать, стучать) — музыкант, сопровождавший своим исполнением танцы на вечерах. Название профессии произошло от манеры исполнения, буквально стуча по клавишам.

3— Блинчики, или лягушки, — развлечение, заключающееся в бросании плоских камней в воду таким образом, чтобы камень несколько раз подпрыгнул.

4— своеобразное связующее звено между обычными лосинами и классическими брюками.

5— Порядок(нем)

6— букв. — молодая женщина

7— Буддийский монастырь, который, помимо храмов, включает в себя также университет

8— Праведный путь, предназначенный для разумных людей, стремящихся избавиться от страданий.

[Стихи](#) [Проза](#) [Книги](#)

Книга

[Михаил Небрицкий](#)

[Андрей Дудин](#)

[Андрей Телепнёв](#)

Михаил Небрицкий

Когда садится солнце

По статистике каждый пятый сталкивается с паранормальными явлениями, но лишь некоторые решаются поведать свою историю окружающим.

Короткое предисловие

Истории, повествуемые на протяжении сотен лет, говорят о том, что помимо этого мира существует мир и потусторонний, с проявлениями которого человечество за свою жизнь неоднократно сталкивалось. Доказательство присутствия параллельного мира фиксировал и ряд учёных, предоставляя общественности доказательства.

Верить или не верить в изложенные ниже истории – выбор каждого, однако отрицать наличие невидимой материи весьма нецелесообразно.

Мария 22 года

Это случилось зимой 2015ого года.

За полгода до этого умер мой отец. Сказать, что я тогда сильно расстроилась, будет слишком лицемерно, так как за свою жизнь он успел помотать нам с матерью нервы.

Его пристрастие к алкоголю длилось столько, сколько себя помню. И если другие злоупотребив спиртным обычно стараются прийти домой и лечь скорее спать, то с моим отцом всё было совершенно по-другому.

Каждый вечер... Точнее даже – каждую ночь всё развивалось примерно по одному и тому же сценарию. Глубоко за полночь хорошо накотив он возвращался домой. Доставал ключи и тщетно пытался попасть ими в замочную скважину, но после нескольких неудачных попыток в итоге стучал кулаком в дверь так громко, чтоб мы с мамой обязательно проснулись и впустили его. Как правило, мама сразу бежала открывать дверь, дабы громкие стуки не разбудили соседей.

После этого, глава семьи подогретый спиртным и всплывшими в бухой голове доводами старался спровоцировать скандал. Высказывал моей маме подозрения в неверности, упрекал в том, что не ценит его. Периодически билась посуда, иногда и матери доставалось, но в итоге все расходились молча спать, а на утро делали вид, будто ничего и не было, в целях избегания эскалации конфликта.

Всё это длилось до тех пор, пока изрядно залив шары он не потерял равнове-

сие и не упал под трамвай прямо на остановке. Похороны прошли относительно незаметно. Нам даже никто не сочувствовал. И после этого все быстро привыкли к тихой спокойной жизни.

Однако ту ночь я запомню на всю жизнь.

Примерно в час ночи я проснулась от того, что сквозь полную тишину было слышно, как кто-то ковыряет замочную скважину. В квартире тогда я была совершенно одна, т.к. мама в ту ночь была на смене. Первая мысль что у меня возникла – это что к нам в квартиру пытаются вломиться грабители. Вместо того, чтоб взять телефон и вызвать полицию (поскольку никогда в жизни этого не делала, даже когда однажды папа угрожал маме кухонным ножом), я решила подойти к глазку и взглянуть хотя бы количество злоумышленников.

Тихонько подкравшись, я прислонила глаз к щёлке, но не смотря на то, что в подъезде было светло, я никого там не увидела. Возможно вор присел на корточки и ковыряет замок, но как только я об этом подумала – скрежет по скважине прекратился. Словно тот, кто там находился почувал как я подошла и притаился.

Но тут же через секунду я услышала сильный удар в дверь, от которого меня словно откинуло и я упала на попу. За ним последовала ещё череда таких же сильных ударов, при том все они были в верхней трети двери.

Снова и снова удар за ударом. Жар, пронёсшийся по моим дрожащим рукам, словно пропитал меня всю мерзкими горячими колючками. Я не могла нормально дышать. Тошнота, смешанная с болью внизу живота вызывала желание поскорее умереть. Я никогда не испытывала такого дикого животного страха. Уже не помню, сколько длилось это громкое настойчивое громохание, поскольку примерно через... вечность после падения я отключилась.

На утро меня нашла в прихожей мама, вернувшаяся. Она не сразу поняла, что со мной случилось, но жутко испугалась, найдя дочь на коврике в одной ночной сорочке. После того, как я ей всё рассказала, единственным её ответом было: «Хорошо, что ты не открыла».

Игорь 25 лет

Началось всё с моего Дня рождения. Точнее – с прихода туда моей бывшей. Мы расстались не так давно. Скажу сразу, что инициатором расставания стал я. Дело в том, что отношения с ней меня уже, откровенно говоря, тяготили, и к тому же я уже встретил Наташу. С ней мне более спокойно, да и такое ощущение, будто мы созданы друг для друга, ведь у нас с ней намного больше общего, чем с Викторией (так зовут бывшую).

Период расставания прошёл относительно тихо. Не было ни скандалов, ни

спор. Мы даже после разрыва не созванивались...

И вот наступил мой День рождения. Особо отмечать его не планировалось – разве только дома в кругу близких друзей. В тот вечер ближе к полуночи, когда все уже были изрядно поддаты и вели тихие (чтоб не мешать соседям) разговоры о прошлом, в дверь раздался звонок.

Я уж было испугался, что заявились соседи, которым каким-то образом всё же надоели наши посиделки, но нет. Открыв дверь, я увидел на пороге Вику. Она улыбалась, очень сильно извинялась, что так поздно и что просто не могла забыть о том, что у меня сегодня «днюха», потому всё же и зашла поздравить и подарить мне красивую позолоченную зажигалку (я тогда ещё курил). Настроение у меня было относительно приподнятое, да ещё и под градусом, и я даже каким-то образом пригласил её пройти, но она вежливо отказала, аргументировав тем, что уже поздно, и вообще не хотела б портить нам вечер (чтоб не встречаться с Наташей, судя по всему). Распрощались мы тогда довольно-таки любезно. Я даже на пьяную голову немного допустил, что жалею о нашем расставании. Когда вернулся на кухню – гости и Наташа даже не заметили, что я отходил...

Зажигалка оказалась и правда очень симпатичной и на вид довольно дорогой. Я решил сразу не показывать её своей нынешней девушке, чтоб избежать лишних вопросов. Да и пользоваться ею желательно лишь дома, чтоб не дай Бог не потерять. И на следующий вечер, сидя у окна и рассматривая подарок, я всё же взял сигарету и подкурил, положив презент на подоконник.

Незаметно на кухню зашла Наташа и взгляд её сразу упал на «побрякушку». «Ух ты, какая красивая! Я такой у тебя раньше не видела» – и сразу взяла в руку зажигалочку, чтоб рассмотреть. Я уже стал гадать в голове варианты историй о том, где я её взял, но мои раздумья прервал резкий и громкий крик любимой. Сказать, что я испугался – это ничего не сказать. Ната схватилась за живот обеими руками и упала на пол, жутко корчась от боли. Её лицо мгновенно покраснело, а на лбу выступили капли пота. Я в этот момент застыл в ступоре, не понимая, что происходит, но по её надрывающемуся крику было понятно одно – нужно вызывать скорую и как можно скорее.

Чтоб упустить подробности того вечера, когда приехали врачи и что было дальше скажу, что Наташе уже намного лучше. Но по её словам, ощущения у неё были, будто её кто-то режет ножом в живот. Да-да. Именно режет или колет острым предметом, пронизывая все внутренности насквозь (хотя врачи никаких повреждений ни на коже, ни в органах не обнаружили, списав всё на какой-то спазм).

Рассказав об этой истории своей маме, я услышал от неё совет обратиться к её знакомой ведунье. Поскольку обычным совпадением это назвать трудно. Гадалка же в свою очередь провела какой-то обряд, нарисовав на листе бумаги какие-то крестики, кружочки и в итоге сожгла его, а в конце сказала, что тот, что

навёл эту порчу обязательно придёт ко мне и что-то попросит дать ему.

И на удивление так и случилось. Через три дня в дверь позвонила Вика. Дверь я открыл лично, поскольку сказал Наташе никому не открывать. Гостя спустила почти полгода после того, как была у меня в последний раз (не считая того визита на День рождения) вдруг вспомнила, что забыла у меня свою зубную щётку. После моего отказа попыталась «проломиться» ко мне в квартиру, практически устроив скандал на пороге, чтоб слышали соседи, а в конце ещё и начала кричать, чтоб я дал ей денег на новую щётку, но в итоге ушла ни с чем...

* * *

Харитон 43 года

Бабушка рассказывала, что в доме, где они жили после войны, никогда не было спокойно. То сосед в квартире напротив повесился. То у женщины с первого этажа младшего сына грузовик задавил насмерть.

Во время оккупации в данном трёхэтажном доме располагался штаб Гестапо, где сидело командование, и куда привозили пленных для допросов и пыток. В подвале дома, где в бабушкином детстве хранились банки с соленьями, немцы держали узников, некоторые из которых, попав туда, больше никогда не видели свет.

Город освободили, нацистов прогнали, а здание отдали под квартиры жителям. И сама бабушка не раз замечала странные вещи, например, кран в ванной сам открывался, пуская струю воды. А иногда кто-то подолгу стучал в дверь их квартиры. Когда её родители смотрели в глазок или открывали дверь – никого не видели, но через минуту после того, как дверь закрывалась, стук возобновлялся.

Но больше всего ей было страшно, когда среди ночи в коридоре она слышала отчётливый детский плачь...

* * *

Андрей 23 года

Около четырёх лет назад я встречался с одной девушкой. Если честно – это была моя первая любовь. Встречались мы около пяти лет, а потом, по окончании школы поступили в разные университеты. Там-то она и встретила другого. Я заметил, что на первом курсе мы стали реже видеться, да и встречала она меня уже без эмоций, словно делая мне одолжение. Разумеется, списывала всё на усталость от напряжённой учёбы, но в итоге всё оказалось ясно. Он – парень из обеспеченной семьи, часто одарял её подарками. Да и, наверное, помимо этого что-то в нём нашло. Не знаю...

Но дело в том, что отношение её тогда ко мне изменилось кардинально. Я, разумеется, достаточно болезненно пережил расставание, но мешать им не стал. Потом быстро затянулся в учёбу, пятое-десятое, сессии да и, если честно, учебный процесс в университете в то время был построен так, что тосковать особо не приходилось.

И вот недавно, в начале июня, после сдачи экзаменов в магистратуру, мы с друзьями попив на лавке в парке вечером пива, разошлись по домам. Дома уже, завалившись на диван, я услышал, как звонит в прихожей стационарный телефон. Нехотя поднявшись, я взял трубку и услышал в ней голос Насти (той самой, с которой расстались несколько лет назад). Её было плохо слышно, словно она находится где-то в другом городе. Звонок от неё меня изрядно удивил, при том ещё не на мобильный, а на городской. Но потом я вспомнил, что я сменил номер, после того, как у меня украли на пляже мою старую Нокию, и всё встало на свои места.

-Настя?

-Андрей! (тихо сквозь помехи в сети слышен её голос)

-Привет... (не зная, что ответить выдал из себя я)

-Андрей, слышишь?

-Да.

-Прости...(или что-то подобное неразборчиво произнёс голос в трубке)

И короткие гудки. Судя по всему, она каким-то образом набрала мой номер по ошибке и извинилась за беспокойство. Ну, ничего... Бывает. Я наконец открыл окно, чтоб в комнате было не так жарко и завалился спать, забыв о том случае.

Спустя некоторое время, примерно недели две, я скупался в маркете и случайно встретил Настину маму. Женщина была в чёрном платке, без косметики и такое ощущение, будто изрядно сбросила в весе. Кто-то из родственников, походу умер. И тут же я связал с этим недавний звонок её дочери. Встретившись лицом к лицу я даже не знал что мне делать. И вроде как не виделись давно, и не поздороваться тоже не вежливо, и в итоге я всё же кивнул головой.

-Привет, Андрюшенька – как-то необычно приветливо, даже по-матерински поприветствовала меня.

-Что-то случилось? – не понятно зачем решил спросить.

-Настеньку вон похоронила уже 2 месяца как.

И тут я впал в ступор. Все мысли куда-то вдруг улетели, а по спине пробежал неприятный холодный колючий пот.

-Какую Настю? – всё же решил переспросить, надеясь, что я что-то не правильно понял.

-Ту самую Настю, доченьку мою.

-А к-к-когда?

-Да вот в середине апреля где-то.

-А что случилось-то? – немного даже повысил голос.

-Да этот же жених её, Эльдар, ой не нравился он мне с самого начала. Не такой он. Не любил он Настеньку. У него ж семейка-то уголовники, никогда в жизни честно не работали. И этот их сыночек постоянно девок-то менял одну на вторую. Я Настеньке-то говорила, что зря она тебя обидела так, зря променяла на проходимца этого, а ей как горохом... Да мало того что шлялся он по клубам всяким и девочку мою таскал, так ещё и руку на неё поднимал часто.

-Бил?

-Да, бил. Не выпускал никуда. Она ж из-за него и институт-то бросила. Дома сидела, или выходила только с ним. И вот это месяца 2 назад они поехали на шашлыки с друзьями его. Что они там делали – я не знаю. В милиции сказал он, что она сама якобы напилась и упала, головой о бревно ударившись. Но не верю я. Она не пила никогда, и плюс перед похоронном заметила я синяки у неё по всему телу, а на руках ногти прямо обломанные...

Странно это всё получается. Кто ж тогда мне звонил? Ей я об этом случае не рассказывал, но теперь периодически боюсь оставаться дома один.

* * *

Лиза 28лет

Верите ли вы в призраки животных?

Верить или нет – это уже ваше дело, но я расскажу одну историю, что произошла со мной в 2010ом. Тогда у меня была большая немецкая овчарка по кличке Граф. Обычная себе собака, но была у него любимая игрушка – резиновый Дональд Дак. Такая себе фигурка в виде мультяшного персонажа в матросской рубашке и бескозырке, в которую встроен свисток. И если на неё нажать или сдавить – она издаёт характерный писк. Эту игрушку я ему купила, когда он был ещё щенком. Он постоянно возился с ней по всему дому, и раньше даже брал на улицу, но потом я отбирала её у него и оставляла дома, поскольку на улице она собирает на себя всю грязь, которая потом попадает ему в пасть.

Хранил он её на своей лежанке в коридоре у двери. И обычно после обеда и даже ночь любил ею играть, чем неоднократно будил всю семью.

В том году прямо во дворе какой-то придурок сбил Графа на своей машине. Все тогда были в шоке, а мамы после того даже боялись отпускать детей на улицу, поскольку водитель даже не притормозил, а сразу скрылся с места.

Через неделю после происшествия и начала я замечать странные вещи. Сперва в одно воскресное утро я проснулась, обнаружив возле своей кровати ту самую игрушку, хотя точно помню, что когда ложилась – её там не было. Я выбросила эту игрушку, поскольку играть ею больше было некому. Потом мама говорила, что слышала ночью стуки, словно кто-то ходит в прихожей у двери. При том звук такой, словно этот кто-то при ходьбе стучит когтями по паркету. После этого долгое время ничего не происходило.

Но одной сентябрьской ночью я проснулась от того, что чётко слышала в прихожей шаги. При том, как и говорила мама – звук и правда был похож на царапанье когтями паркета при ходьбе. Я спала тогда лицом к стенке, и когда проснулась – просто замерла и вслушивалась в звук, который доносился через открытую дверь. Внезапно, эти шаги стали направляться в мою комнату и это что-то зашло ко мне. Цокот по поверхности паркета сменился на шаги по паласу в моей комнате и это что-то, не доходя до моей кровати пару метров, просто встало. Шаги прекратились. Я не могу описать словами то что я тогда чувствовала и что пронеслось в моей голове. Поскольку я лежала к «нему» спиной – то я не видела что там. Я тогда просто лежала и боялась: Боялась пошевелиться, боялась, что это что-то бросится на меня или просто притронется ко мне. И мне тогда жутко хотелось закричать и позвать родителей, что спали в соседней комнате. Но я всё же решилась повернуться и взглянуть в комнату. И когда я это сделала – комната оказалась пустой.

С тех пор я никаких звуков больше не слышала. Может зря я всё-таки выбросила ту игрушку...

Юлия 31 год

В этой квартире на первом этаже мы живём давно. Но, когда моему сыну было 10 лет – он прибежал по ночам и плакал, что в его комнате кто-то стоит и смотрит на него. Какой-то высокий худой дядька с чёрными глазами постоянно стоял возле его кровати. Муж вёл его за руку в его комнату и убеждался, что там никого нет, потому говорил Максиму, чтоб тот не выдумывал глупостей и ложился спать.

Это продолжалось около месяца, пока коммунальщики, чинившие в подвале водопровод, не обнаружили там труп наркомана – высокого, худого, умершего с открытыми глазами, зрачки которых были сильно расширены...

Кирилл 24

Лет 10 назад, когда мне было 14, мы с другом любили целыми днями лазить по всему городу в поисках приключений. И если они нам не встречались – мы сами их себе создавали: обследовали стройки, старые здания, подвалы. Словом, таким как мы обычно старшие говорили: «Лучше б чем-то полезным занялись!».

И вот однажды, не помню кому из нас двоих, в голову взбрела идея – пойти после захода солнца на кладбище. Просто так, ради любопытства. Ведь до этого мы ни разу не были на кладбище в тёмное время суток. И нам почему-то было интересно, каково это. Идти глубоко за полночь мы не могли, т.к. Гришу (моего друга) родители так поздно на улицу в то время не выпускали, потому решено

было пойти туда вечером.

Это были осенние каникулы и темнело в то время уже достаточно рано, потому часов в 5 вечера мы уже находились там.. К сожалению, ничего интересного на тот момент нам не привиделось. Одинокие кресты, усыпанные жёлтой листвой могилы. Уже прохладный ветер. Мы посидели там около получаса за одним из столиков. Я даже тогда взял пол-литровую бутылку пива на двоих, которую мы выпили ещё по пути на кладбище. В итоге мы замёрзли и пошли домой.

В квартире у меня в тот вечер никого не было, родители ещё не вернулись с работы, и я решил принять душ, по привычке закрыв дверь в ванную на щеколду (как оказалось – не зря). Тут как раз всё и началось.

Пока я стоял под душем, мне постоянно сквозь шум воды слышалось, будто по квартире кто-то ходит, но как только я уменьшал или перекрывал напор – шум прекращался, и за дверью была тишина. И так было несколько раз. Тогда списал на скрипучие полы у соседей. Но как только стал намыливаться – в коридоре, прямо за дверью, упала вешалка. Этот звук я уже точно ни с каким другим не перепутал и доносился он точно из этой квартиры.

Я в тот момент замер в ужасе и в следующую секунду раздался громкий удар в дверь ванной комнаты. Полагаю, мне не стоит вам расписывать, что я тогда чувствовал. Этот дикий убийственный страх от беспомощности в той ситуации, смешанный с тошнотой и паникой. От последующих нескольких ударов я стал громко кричать на всю ванную. Я уже не помню что я орал, но такое ощущение, будто того, кто был по ту сторону, это ещё больше злило, и он лупил ещё сильнее.

Внезапно всё утихло, но я всё равно не выходил до прихода родителей. И когда они вернулись – я ещё и получил нагоняй за опрокинутую вешалку, и за то, что все иконы с полки каким-то образом оказались разбросанными по полу.

Николай 26 лет

На перекрёстке у моего дома часто происходят аварии. При том, обстоятельства их самые разные, порой – даже необъяснимые. В прошлом году водитель джипа, который врезался в легковую машину, говорит, что перед столкновением в салоне появилась какая-то женщина, сидящая рядом с ним. Из-за этого он якобы не увидел сворачивающий транспорт.

А весной выезжающий справа Хюндай заглох перед несущимся по главной дороге автобусом. Он в принципе успевал проскочить, но встал прямо на полосу. Водитель затормозить уже не успевал, как и тот не смог бы вовремя спастись.

И вот буквально позавчера женщина, стоявшая на пешеходном переходе перед красным сигналом светофора, ни с того ни с сего вышла на дорогу под интенсивное движение. В итоге её сбила Mazda. Очевидцы говорят, что она просто

смотрела вперёд, двигаясь целенаправленно и никого не слушая.

Говорят, что на территории данной части города раньше находилось село. А там где расположен перекрёсток – было сельское кладбище.

* * *

Алёна 19 лет

Я буду винить себя в случившемся до конца жизни.

Это произошло, когда мне было 13. Тогда мы с мамой каждое лето ездили к бабушке с дедушкой в деревню. Тогда сельская местность ассоциировалась у меня с природой, чистым воздухом и свежими фруктами, которые можно рвать прямо с дерева.

И вот однажды, одним таким летним вечером возвращаясь домой с сельского магазина я увидела на перекрёстке офигенное золотое кольцо с узором на подобии лепестка орхидеи. Оно просто лежало в пыли на грунтовой дороге и отражало лучи заката. Разумеется, я его подобрала. В юности родители меня никогда не баловали дорогими подарками, в виде украшений, да и косметикой я никогда не пользуюсь. Но это кольцо мне очень понравилось, к тому же, когда я попыталась его примерить – оно мне подошло как влитое. Тогда мне казалось, что это самый счастливый вечер в моей жизни, и я вся на радостях побрела с покупками домой.

Однако той ночью начались странные вещи. Бабушкина кошка – Лиза, прямо посреди ночи начала злобно шипеть на весь дом. Мама говорила, что когда проснулась и пошла посмотреть, в чём дело – увидела как животное встало на дыбы, и уставилось на входную дверь. Она где-то минут пять просто стояла и шипела, не обращая внимания даже на стоящую в двух метрах от неё маму, а потом стала махать когтями, будто от кого-то защищаясь.

Самое странное, что на утро Лиза исчезла, и её больше никто не видел.

Потом к вечеру того же дня стало плохо деду. Он жаловался на жар и постоянно хотел воды. Все тогда списали на отравление, но на следующий день ему стало только хуже. Они сильно заболел, а через пару дней вообще не мог встать с кровати. Здоровый, сильный, а главное – непьющий (что для сельской местности уже достаточно необычно) мужчина меньше чем за неделю слёг. Врач выписывал ему лекарства, но из них лишь немного помогали жаропонижающие.

И в той суматохе мама случайным образом заметила моё колечко. На вопрос, где я его взяла – я ответила всё как было, и лицо мамы изменилось. Она тут же рассказала всё бабушке, а та не задумываясь, послала нас к своей знакомой местной ведьме.

Оказывается, на это кольцо кто-то навёл порчу и выбросил на перекрёстке специально. А я, поскольку не знала, что так делают – подобрала и оставила себе. И порча эта начала распространяться на весь дом.

Баба Галя (ведьма) забрала у меня мою находку и прочла над ней какие-то слова, а потом завернула в платок и отдала маме, сказав пойти ночью на тот же перекрёсток, оставить его там и возвращаться домой ни с кем не разговаривая по дороге. Но главное, что она тогда отметила – ни за что не оборачиваться, даже если будет кто-то звать.

Мы с мамой той ночью так и сделали. Около полуночи выбросили свёрток на том перекрёстке, развернулись и стали уходить. Но как только мы отошли метров десять от перекрёстка – я помню, как отчётливо услышала за спиной своё имя. Меня звал какой-то женский голос. Я уже было хотела обернуться, но мама резко дёрнула меня за руку и потащила вперёд, настаивая на ускорении шага. И тогда, до сих пор вспоминаю, чем дальше мы отходили – тем громче голос звал меня, уже надрывался, когда мы практически дошли до конца улицы. В конце он же был совсем неразборчивый, а скорее похож на крики женщины, попавшей в беду. И всё же, подавив тогда своё любопытство – я так ни разу и не обернулась.

После этого мы вернулись домой и надеялись на лучшее, но оказалось поздно. Организм деда был уже достаточно истощён и в итоге он всё равно через два дня умер, в чём я виню себя по сей день. С тех пор я ничего не подбираю на перекрёстках, даже если это мне очень понравится...

Сергей 34 года

Мой отец служил в Афганистане в 1985ом году, недалеко от границы с Пакистаном. Когда он с другими солдатами прибыл в место дислокации своей части, то услышал среди старослужащих слухи о каком-то мальчике Абдуле. Долго не вникал в суть, пока однажды, находясь в карауле, не увидел в бинокль стоящего вдалеке маленького мальчика, лет 10ти. В разорванной мешковатой одежде, из-под которой виднелись худощавые руки.

Он тогда сразу сообщил по рации о гражданском в поле зрения, и после того как описал его, услышал: «Это не к добру».

К вечеру того же дня их блокпост обстреляли боевики местных бандформирований. Погиб его друг, с которым он вместе призывался. После этого отец стал расспрашивать у сослуживцев об этом Абдуле. Оказывается, этого мальчика уже давно как нет в живых. Он погиб ещё в 1982м при обстреле позиций противника советской артиллерией. С тех пор, на этом месте располагается их часть, а мальчишка этот периодически является им. Поначалу его пытались задержать,

но как только кто-то приближался к нему – он исчезал. Бывало наоборот – он сам являлся перед кем-то и смотрел на него.

Обычно, его появление не предвещало ничего доброго. Тот, кому он являлся лично, вскоре погибал. А если караул засекал его, глядящим на расположение издали – значит советских солдат вскоре атакуют. Но, со временем, военные стали воспринимать его появление, как некое предупреждение, надвигающейся беды, когда нужно держать ухо востро. Возможно, благодаря этому удалось избежать многих жертв...

* * *

Тамара 40 лет

Возможно, эта история многим покажется нестрашной, но что-то странное и непонятное в ней точно есть. В крайнем случае, попытайтесь поставить себя на моё место и представить, каково это.

Началось всё около года назад. Тогда на моём мобильном раздался звонок с неизвестного номера. Номер такой себе обычный, нет там никаких чисел на подобии 666 или многократно повторяющегося 13. Но когда я подняла трубку – там было молчание. Даже после того, как я несколько раз произнесла «Алло!». Слышно было лишь шелест листвы на деревьях от ветра (это была середина лета). Я подождала несколько секунд и положила трубку. После этого начали происходить странные вещи, в том числе и с моим телефоном. Примерно раз в несколько дней в течение месяца мне приходил вызов с этого же номера, и когда я поднимала трубку – всё тот же звук на том конце, будто просто кто-то оставил телефон на улице и микрофон улавливал все окружающие звуки. Несколько раз я даже вслушивалась в звуки на протяжении минут пяти-десяти, в надежде услышать какие-то звуки кроме шелеста листвы, к примеру: чьи-то голоса, или звуки автомобилей. Ведь если телефон просто на улице – кто-то должен в течение дня пройти мимо него, но нет.

Иногда я просто сбрасывала, когда была занята, или просто надоело это «баловство».

Но несколько раз я просыпалась утром и замечала, что на моём телефоне уже идёт соединение с тем абонентом (хотя на вызов я не отвечала). В динамике всё тот же звук. Вот тогда я уже серьёзно испугалась. Не знала к кому обратиться и доходило до того, что я просто могла выключить телефон на несколько дней.

Через месяц эти звонки прекратились и я решила, что на том кем-то забытом на улице телефоне, который каким-то образом периодически делал мне вызов(ещё раз повторю – номер мне неизвестен), попросту села батарея. Однако зимой, где-то после Рождества снова раздался звонок. Т.к. я уже забыла ту историю, а номер не вносила в телефонную книгу – я ответила и теперь уже услыша-

ла свист сильных порывов зимнего ветра. И снова никого. Я опять решила послушать около десяти минут на случай, если в этот раз «шутник» выдаст себя хотя бы как-то, но снова ничего. Только ветер, пронизывающий голые ветви деревьев.

Яна 32 года

Эту историю мне рассказывала бабушка. В детстве у неё была старшая сестра Мария, однако во время послевоенного Голодомора, когда бабушке было 14, её сестра заболела и умерла.

Спустя 12 лет, когда ситуация значительно улучшилась, у бабушки уже была семья: муж и двое сыновей. Но вот однажды ей приснился сон, где сестра её гуляет за руку с её младшим сыном. Они гуляли по городскому парку, Маша держала мальчишку за руку и просто вела по аллее. Затем, со слов бабушки, её сестра вдруг повернулась к ней, и говорит: «Мы с Лёшей(так звали мальчика) ко мне пойдём. У меня там хорошо, ему понравится». И они ушли в какой-то деревянный дом из добротных брёвен.

Через полтора месяца после этого, её младший сын пошёл с друзьями купаться на реку и утонул. Остался у неё лишь старший сын (мой папа).

Затем, спустя ещё около 30ти лет, ей снова снится сон, где снова присутствует её сестра Мария. На этот раз они сидели за каким-то праздничным столом, и как ей казалось – это был день рождения её мужа(моего деда). Собрались гости, в том числе и Маша. И вдруг внезапно она встаёт из-за стола и берёт деда за руку, настаивая пойти с ним. Тот поднимается, а бабушка говорит: «Куда вы с Гришей собрались?», на что Маша ей отвечает «Да, скучно у вас здесь, мы лучше ко мне пойдём». Они встают и начинают вместе танцевать. И через полгода, за 2 дня до дня рождения дедушки, его забирают в больницу с инфарктом, где спустя двое суток – ровно на свой день рождения он и умер».

И вот недавно, она рассказала, что ей снова появлялась её покойная сестра и приглашала к себе. При том, было это уже несколько раз. Каждый раз бабушка отказывалась, находя всё новые отговорки: то ей якобы на работу нужно, то что папа из командировки вернётся – нужно приготовить что-то. Но в последний раз сестра ей сказала, что даст ей ещё немного времени, но при следующем её визите они обязательно пойдут к ней в гости.

Людмила 44 года

Историю мне рассказала одна попутчица в поезде. Далее повествую с её

слов.

Как-то раз ехала я на автобусе дальнего следования из Львова в Киев. По дороге мне сильно захотелось в туалет и я попросила водителя остановить (благо в это время как раз проезжали мимо посадки).

Автобус остановился, я вышла и увидела то, от чего кровь в жилах застынет у каждого. На дереве висел повешенный на ремне мальчик лет пяти. Висел он ещё живой и пытался выбраться, хватаясь руками за пряжку и стараясь расстегнуть. Я мигом бросилась к автобусу и позвала на помощь. Слава Богу, двое молодых парней успели вынуть ребёнка из петли, далее усадили в автобус и поехали.

Недалеко отъехав, видим на дороге молодую пару, которые шли по обочине и ловили попутку. Водитель снова остановился, подобрал их, и как только они зашли в салон, мальчик им: “Папа, ты обещал, что будет не больно” ...

* * *

Александра 27 лет

Эту историю рассказал мне один мой родственник, отбывавший в своё время наказание в местах лишения свободы. Верить или не верить в неё, решайте сами, но я её всё-таки изложу.

В камеру к ним посадили человека, приговорённого к тюрьме за убийство. Следствие нашло ряд улик, которые и способствовали обвинительному приговору. Внимание арестантов к сокамернику сразу привлекла его набожность. Дело, в принципе, привычное, ибо большинство узников после свершения преступления раскаиваются и, что говорится «ударяются в веру». Так тогда решил и мой родственник.

Их новый «сожитель» каждый вечер перед сном зажигал свечи и читал молитвы, при том, связаны они, в основном были не с просьбой простить его за злодеяния, а наоборот – уберечь его от зла.

Казалось бы, от какого зла нужно беречь того, кто сам зло и совершил. Но спустя время, администрация исправительного учреждения сочла необходимым отнять у арестанта свечи, поскольку, как они сказали, это подвергает риску пожарную безопасность. Заодно зачем-то забрали у него и Молитвенник. В тот момент он так этому сопротивлялся, что чуть было не напал на надзирателя, чтоб отбить у него оккультные атрибуты, потому охранникам пришлось применить силу, дабы усмирить его.

Весь вечер после этого он сидел на одном месте, ничего не ел, а лишь, словно свихнувшийся, бормотал себе под нос какие-то молитвы. Сокामерники успокоили его, потому как мешал спать, однако ночью, мой дядя проснулся от того, что услышал как кто-то задыхается. Повернувшись, он не поверил своим глазам. На том самом человеке сидела чёрная фигура, руки которой были сведены на его шею. Он не шевелился, а лишь пытался жадно глотнуть воздуха. Единственное,

что мой родственник смог услышать, это какое-то имя «Наташа». Он стал будить друзей, чтоб они это тоже увидели, но когда те бросились к телу – узник был уже мёртв.

После проводилось расследование, которое, как обычно, замялось по-тихому. Одно из немногих, что мой родич тогда узнал – сидел этот человек за убийство своей жены, которую звали Наташа.

* * *

Елена 28 лет

В детстве мы часто игрались, вызывая разного рода потусторонних духов, на подобии Пиковой дамы. Вспоминая сейчас те моменты, у меня мурашки пробегают по спине. Но, помню, как-то после одного такого ритуала на Рождество, у нас в доме периодически стали двигаться со своих мест вещи. Мама изначально ругалась на меня, думая, что я разбрасываю повсюду предметы. В особенности, ей не нравилось время от времени находить иконы, лежащие лицом вниз.

Но вот однажды ночью я проснулась от крика из родительской комнаты. Отец тогда был на работе, и мама была там одна. Потом в коридоре загорелся свет. Мама стала бегать по квартире, звонить папе. А потом резко оделась, набросила на меня пальто и за руку вывела во двор. Мы тогда несколько часов сидели на лавке. Мама всё это время плакала, пока не приехал отец.

Она рассказала ему, что проснулась от того, что кто-то стоял у кровати и громко дышал. Когда она открыла глаза, то увидела чёрную фигуру под два метра ростом, худощавую с длинными тонкими руками. Силуэт стал протягивать руки к ней, от чего она и закричала. Включив свет, обнаружила, что в комнате совсем одна. Тогда-то она и засобиралась прочь из квартиры.

Потом они вызывали священника, ходили к бабкам, но я так и не рассказала, из-за чего в нашем доме поселился гость, опасаясь, что мама будет очень сильно ругаться.

* * *

Валентина 51 год

Люди порой люди настолько верят в то, что им навязывают, что иногда готовы навредить даже собственным детям.

Мои родители всегда были идейными коммунистами. Они свято следовали заповедям прогрессивного материализма, а теории о потусторонних мирах и тем более религиозные учения пресекали на корню. Меня они также старались воспитывать в подобном духе, и возможно, это у них бы получилось, если б не одна история, которую я помню смутно, потому повествую её, опираясь на вос-

поминания бабушки.

Когда мне было пять лет, родители принесли мне куклу. Мне она сразу понравилась: яркий наряд, густые кудрявые волосы. Такая большая красивая игрушка, не похожая на те, что продавались в тогдашних Культмагах. И неудивительно, ведь её привезли из ГДР.

Я целыми днями игралась с новой игрушкой, всюду таскала её за собой, и даже спать укладывалась с ней, однако спустя некоторое время, родители стали замечать, как я «чахну».

Я ничего не ела, постоянно капризничала и плакала. Я стала худеть, под глазами начали появляться круги. Доктор осмотрел меня и прописал употреблять больше витаминов, однако это не помогало. Со временем, помню, на кухне произошёл скандал между отцом и бабушкой. Оказалось, что куклу эту папа взял у сотрудника, дочка которого накануне скончалась от рака. Девочка тоже очень привязалась к игрушке и не отпускала её до конца. И даже в момент смерти она крепко обняла родительский подарок.

Разумеется, сознательные материалисты не увидели ничего постыдного в том, чтоб подарить вещь, принадлежавшую покойнику своей дочери. Ведь кукла дефицитная, зарубежная, не выбрасывать же её, в самом деле.

А мне тем временем становилось только хуже. Я падала в обмороки, у меня поднималась температура, но я всё равно таскала эту куклу всюду за собой. К тому же, у меня начались галлюцинации. Я стала слышать голоса, которые приходили ко мне по ночам, и в особенности чей-то смех. Такой детский звонкий смех.

Бабушка коммунисткой не была. У неё в шкафу всегда была спрятана икона Николая Чудотворца, а также молитвенник. В тот вечер, помню, она попросила меня молчать и забрала мою новую подружку. Я тогда очень хотела пойти и забрать её, поскольку я понимала, что бабушка мне её больше никогда не вернёт. Она закрылась в своей комнате, зажгла свечи и что-то всю ночь читала.

Куклу я, разумеется, больше не увидела, но на утро мне уже стало заметно легче. За неделю я полностью встала на ноги и выздоровела. Вот только бабушка через неделю умерла...

Павел 49 лет

В 1999ом, сразу по окончании Медучилища я работал санитаром в морге. Во всякие байки про мистичность подобных мест я, само собой, не верил, ибо взрослый человек и понимаю, что бояться нужно живых. В целом, так оно и было,

однако один случай я всё же объяснить никак не могу.

После обеда к нам привезли тело шестилетнего ребёнка. Оказалось, мальчик уже несколько недель считался без вести пропавшим, и лишь спустя время местные бомжи нашли его труп на заброшенной стройке. Как он там оказался, следствию до сих пор неизвестно, но в итоге эксперт следов насильственной смерти не обнаружил.

Я тогда дежурил ночную смену, и всё было, как обычно, тихо и спокойно. Вот только в секционной, где были холодильники, время от времени слышался какой-то шум, похожий на беготню. Я тогда взял ключ и пошёл посмотреть, что там. Открыл, посмотрел – никого, ну, и пошёл назад. Затем звуки прекратились. А спустя два часа кто-то начал стучать в дверь секционной. Частый такой стук, словно кто-то отбивает мелодию. Разумеется, я тогда испугался и не решился туда идти. Более того, сделал радио громче, чтоб не слышать этих звуков. Я быстро себя успокоил, будучи уверенным, что это сознание начинает играть со мной злую шутку, и под звуки тогдашних хитов так и уснул.

На утро всё-таки проверил комнату, ничего необычного не заметил. Стали понемногу подтягиваться коллеги. Приехали родственники мальчика, забрать тело для похорон. Тело им выдавал я. Грустные лица родителей и какой-то старушки – судя по всему бабушки мальчика. Когда всё закончилось, эта бабуля подошла ко мне, взяла за руку и произнесла: «Не обижайся на него, он просто поиграть любит».

Маргарита 23 года

В позапрошлом году мой брат купил автомобиль. Слегка подержанная модель Honda Civic по весьма низкой цене – владельцу срочно нужны были деньги. Конечно, машина нуждалась в небольшом ремонте, но, поскольку, мой брат механик – для него эти проблемы были пустяками.

Странные вещи начали твориться спустя месяц. Сперва, брат зашёл утром в гараж и заметил, что двигатель запущен и работает, хотя вечером он точно помнит, что глушил его. Да и как можно забыть заглушить двигатель. Проверил проводку – всё в порядке.

Затем ни с того ни с сего посреди ночи в закрытом гараже стала срабатывать сигнализация. А поскольку мы живём на первом этаже, то сразу слышали её. Брату приходилось искать брелок и выключать её. Он даже стал класть ключи возле кровати для таких вот случаев.

После этого, однажды днём, он оставил автомобиль заведённым, и вышел на секунду, чтоб сложить в багажник сумки, поскольку мы ехали к маме на вы-

ходные, но когда он вышел и открыл заднюю крышку – машина внезапно стала двигаться вперёд. Сделала пару рывков и заглохла. Брат говорит, что передача сама каким-то образом переключилась с нейтральной на первую. Повезло ещё, что впереди Хонды никто не находился.

Но самое страшное произошло тогда, когда Валера сбил человека. Тот остался жив, хоть и с переломом ноги и повреждением таза. Брат говорит, что руль сам стал вырываться из рук и повёл колёса на обочину, где и настиг цель. Сразу приехала полиция, брата задержали. В ходе оформления ДТП выяснилось, что Сивик раньше принадлежал человеку, отбывавшему срок за убийство своей семьи. На этой машине он вывез тела в лес и спрятал их. Через пару лет после ареста, убийца сам скончался в тюрьме, а машину эту продали с аукциона предыдущему владельцу.

* * *

Вячеслав 33 года

Никогда не тревожьте мёртвых. Никогда.

В мае 2009го мы с друзьями отправились на дачу пожарить шашлыков, развлечься и достойно провести праздники. Дача моя расположена в селе и до того как она стала дачей – там жила моя бабушка. В 2005ом она умерла, и дом стал носить статус загородной фазенды.

Я со своими друзьями Лёхой, Витей, его девушкой Лизой и её подружкой Катей приехали в село и сразу стали обживать на последующие несколько дней. Развели мангал, налили по бокалу вина и стали отмечать удачную вылазку поближе к природе. Так и прошёл первый день. На второй день мы решили прогуляться по селу. Мы ходили на речку, в лес. Нам так понравилось бродить по лесу, что мы и не заметили, как стало темнеть, и мы начали искать дорогу домой. В тот момент мы даже немного заблудились, потому чисто интуитивно пошли в ту сторону, с которой пришли. По дороге стемнело, и мы уж было испугались, что сегодня не найдём дорогу назад, как вдруг наткнулись на старое деревенское кладбище, граничащее с лесом. Как попасть с кладбища в село я уже помнил, и предложил обойти его, чтоб прийти к дороге, но Лёха с Витей настояли на том, чтоб пройти через него. Мол, уже стемнело, и хочется пощекотать нервы как в фильмах ужасов.

Мы стали идти по рядам, между оградками. Девчонки хотели побыстрее вернуться на дачу, а парням, наоборот, нравилась романтика среди надгробий и крестов. Внезапно, Витёк заметил на одной из могил горсть конфет. Это не удивительно, поскольку недавно были Проводы, и родственники оставляли на надгробьях разные сладости. Мой друг открыл калитку, зашёл за оградку и за-

брал конфеты. Он даже поделился с Лёшей. Предлагал и мне, но я отказался. И тут на парней напал спортивный интерес: кто больше насобирает угощений с могил. Я сразу сказал, что это глупая затея, но Лёха поддержал его и принял пари. Я твёрдо решил, что иду домой, и девочки, что говорится «упали мне на хвост». Оставляя друзей на погосте, я пальцем указал дорогу до села и пожелал им удачно «поохотиться», только пусть не задерживаются, а то комары здесь кровожадные.

Мы с девочками благополучно добрались, приняли ванную (не все вместе, разумеется), переоделись и сели ужинать. К этому времени как раз подтянулись Алексей и Виктор. Касательно наживы, ребята были весьма разочарованы, поскольку за 1.5 часа брожения между надгробьями, они нашли лишь 2 конфеты, 3 печенюшки и пару стаканчиков с домашним вином, но пить их не стали.

Мы все поужинали и улеглись спать.

Самое страшное началось ночью. Меня разбудила Катя, говоря о том, что в дверь кто-то стучит. Дом построен так, что под углом в 90 градусов к зданию пристроена веранда. И если глядеть в окно с кухни, то можно свободно видеть входную дверь на веранду, и таким образом того, кто в неё входит и выходит.

Но когда я взглянул в окно – меня ошарашило то, что возле двери никого нет, но при этом, в этот же момент я отчётливо слышал стук в дверь. Стук становился сильнее и наглее, но я всё равно не видел, кто стучит, хотя и смотрел в это время на вход. Я включил в кухне свет, и стук прекратился. Но тогда я еще не понимал, какую ошибку совершил. Через секунду раздался стук в окно. При том, такой силы, что казалось, будто стекло вот-вот треснет и вылетит из рамы. Девочки закричали и побежали к парням, а я остался один наблюдать, как кто-то ломится в окно. Через секунду послышался ещё один стук, параллельный этому, но звучал он уже из другого окна – того, что в моей комнате, дверь в которую я оставил открытой. В этот момент я не знал что делать. Сердце билось так, что я ощущал его пульсацию в горле. Дыхание перехватывало и меня бросало в жар. Чисто машинально я крикнул на весь дом: «Уходите!» – и стук прекратился.

Ещё несколько минут я стоял посреди кухни и вслушивался в тишину. Присмотревшись, я даже заметил следы от пальцев на стекле, оставленные снаружи, от чего стало ещё страшнее.

После этого я понял, что нельзя тревожить покой мёртвых, дабы они не тревожили ваш.

Дмитрий 29 лет

Этот случай я запомнил на всю жизнь. В то утро я опаздывал, потому вылетел из подъезда как угорелый. Позади себя я услышал стук, будто кто-то бьёт пальцами по стеклу. Первая мысль, что пришла в голову – моя сожительница.

Вероятно, я что-то забыл впопыхах, и она зовёт меня, дабы я вернулся. Но, когда обернулся и взглянул на своё окно – там никого не было. Однако в этот же момент снова раздался стук, который и привлёк мой взгляд. Этажом ниже в окне стояла баба Полина – моя соседка. Она махала мне рукой, подзывая. Поскольку я тогда торопился, то решил проигнорировать данный жест. Подумал, что у старухи не может быть ничего важного этим утром, по крайней мере для меня.

После рабочего дня я возвращался домой, но и в этот раз услышал тот самый стук. Сразу посмотрел на то же окно и опять увидел соседку. Я удивился, ведь неужели она весь день ждала меня у окна? И почему именно меня, а не позвала кого-то другого? Зайдя в подъезд я поднялся и стал звонить в дверь, но, не смотря на это никто не открывал. Затем я стучал, но эффект тот же. На стук вышла баба Валя – её соседка. Я ей рассказал, что баба Полина меня позвала в окне, а сейчас не открывает. Возможно, у неё что-то случилось, и она не может подойти к двери. Баба Валя позвонила её сыну, и когда тот приехал и открыл дверь, то увидел, что соседка лежит в кровати мёртвая уже, как минимум, дней пять...

Владимир 54 года

В 90-х годах, помимо разгула бандитизма и рэкета, словно грибы после дождя стали появляться разного рода секты. Одна из таких была в пригороде, куда и выехала наша следственно-оперативная группа при поддержке ОМОНа, поскольку соседи неоднократно жаловались на присутствие в данной секте несовершеннолетних.

Когда мы приехали и ребята зачистили территорию, уложив всех на пол, мы стали проводить осмотр. Командир спецназа сразу обнаружил труп в одной из комнат с признаками насильственной смерти, а точнее – следом от удара ножом в сердце. Судя по ссадинам от верёвки на запястьях, убийство носило оккультный характер.

Лидер общины позже на допросе пояснил, что это тело мученика, которого Христос воскресил бы во время второго своего пришествия. Это была не первая жертва сектантов. Позже, ряд прихожан указали на место, где были захоронены останки таких же, ждущих второго пришествия. Самому младшему мученику было 3 года...

Станислав 44 года

В 50-е годы прошлого столетия мой дедушка был врачом в областном психо-

неврологическом диспансере. Он рассказал мне, как в 1954м году к ним в больницу поступил пациент, на которого соседи пожаловались, будто он, находясь сам в квартире, постоянно кричит и просит кого-то оставить его в покое. Мужчина был фронтовиком, попадал в плен, откуда вернулся после войны. Потому, первой версией было психическое расстройство на фоне заключения.

Находясь в психушке, он также несколько раз посреди ночи кричал, чтоб кто-то уходил и оставил его в покое. Когда мой дед спрашивал, кого он видел – тот молчал. Тогдашние обследования результатов не давали, а тем временем пациенту становилось хуже. Он не спал по ночам, стал падать в обмороки и жаловаться на боли в груди.

А спустя некоторое время он позвал моего деда и сказал ему, что на самом деле он не тот, за кого себя выдаёт. В прошлом он был солдатом, выступающим на стороне немецко-фашистских захватчиков, и охранял лагеря военнопленных, где собственными руками неоднократно казнил не только советских солдат, но иногда и гражданское население, попадавшее в плен. Когда советская армия наступала, а немцы сдавали позиции – он не придумал ничего лучше, как забрать документы одного из солдат, которого он лично в своё время казнил. Как лицо, освобождённое непосредственно из плена, он прошёл ряд проверок, которые и оправдали его.

И теперь ему являются души тех самых замученных им жертв и пытаются забрать его с собой. Солдаты, женщины, дети, их окровавленные лица мерещатся ему всюду, протягивая свои тощие руки к нему. Сперва они являлись ему во сне, а потом он стал видеть их и наяву. И чем чаще они являются – тем, как он полагал, скорее наступит его смерть.

Когда стали повторно выяснять его личность, то подтвердилось, что действительно он служил надзирателем в лагере для военнопленных, однако до военного трибунала он так и не дожил...

Валентин 40 лет

Когда мы были детьми – это воспринималось как должное и в этом не виделось ничего страшного. Лишь сейчас, когда вспоминается то время, внутри всё невольно сжимается. Тогда мы часто любили вызывать домового. Для этого мы рассыпали на столе муку, чертили на ней круг, который делили на четыре части, и на пересечении линий клали либо конфетку, либо печенюшку, словом, что-то сладкое.

После этого говорили заклинание, чтоб домовый пришёл и угостился, и уходили в соседнюю комнату, поскольку на глаза он никогда не появлялся. Когда возвращались, спустя полчаса, то угощение лежало на прежнем месте, а на муке

были отчётливые следы кошачьих лап. При том, никаких животных в нашем доме никогда не было...

* * *

Александр 26 лет

Я никогда не любил наш чердак. Всё началось с детства, когда я постоянно слышал, будто там кто-то ходит. И слышал это не только я, а и некоторые гости нашего дома. Родители почему-то ничего не замечали.

Затем, когда отец полез туда складывать старый хлам, то неожиданно упал с лестницы, прямо с верхней ступеньки и сломал руку. При том, долго рассказывал, будто почувствовал, как его оттуда кто-то толкнул. Тогда я ещё больше невзлюбил это место.

Со временем мы переехали в городскую квартиру, а домик этот оставили как дачу. Я до сих пор не понимаю, почему предки не хотели его продавать.

И вот, в позапрошлом году мы с друзьями решили на майские поехать туда отдохнуть и пожарить шашлык. Собрались: я, мой лучший друг Валера и ещё один друг Стас со своей девушкой Ирой.

Приехали после полудня. Пока разожгли костёр, пожарили мясо и выпили – уже стемнело. Мы с Валерой решили остаться у догорающих углей и ещё немного выпить и поболтать, потому как редко видимся, а Стас, поскольку за рулём – не пил (это важно!), поэтому, взяв подругу, ушёл в дом.

Далее о правдивости его слов судите сами.

Расположившись с Ириной на диване, без понятия, с какой целью, он услышал шаги наверху. Похоже, те самые шаги, что я слышал в детстве. Далее послышался громкий звук, будто что-то упало. Он вышел на улицу, поскольку лестница на чердак и вход расположены с заднего двора – стороны, противоположной той, где в это время сидели мы с Валерой. Подойдя к ступенькам, он увидел, что дверь на чердак открыта, и он громко спросил, что там случилось. Далее, когда он произнёс это – у меня волосы встали дыбом.

Он сказал, что услышал там мой голос, зовущий его по имени, хотя, как вы уже поняли, я в это время находился с другой стороны дома.

Поднявшись, он никого не увидел, но опять услышал своё имя, сказанное моим голосом. Войдя в темноту, он стал рыскать фонариком телефона по всем углам. И тут внезапно, дверь позади него захлопнулась, а старый чемодан стал двигаться по полу так, будто его кто-то тянет. Вокруг послышался звон старого фарфора, который папа сложил туда ещё 15 лет назад, затем ящик с рыболовными снастями просто упал Стасу под ноги, едва не придавив их. Он быстро метнулся к выходу, и, чуть не свалившись по пути с лестницы, прибежал к нам,

где и рассказал сию историю.

Из-за того, что мы тогда были изрядно поддатые, и в крови играла смелость, то пошли все вместе проверить чердак, ничего не говоря Ире. Но когда поднялись – там всё было спокойно, и лишь ящик со снастями лежал на полу опрокинутым...

Евгения 35 лет

В 2014ом году на Востоке Украины вспыхнул вооружённый конфликт. Сына нашей соседки сразу призвали, как военнообязанного и отправили на фронт.

Я крайне уважительно отношусь к защитникам, но касательно данного персонажа стоит отметить, что особой нравственностью он никогда не отличался. Рос без отца, часто злоупотреблял спиртным, был частым гостем у нашего участкового. Да и сама соседка была далеко не святой.

Спустя несколько месяцев стала она, практически каждый день, получать посылки от сына. Касательно характера их содержимого она и не скрывала, что это вещи, добытые в ходе мародёрств военнослужащих на разгромленных территориях, в которых и принимало участие её чадо. Золото, украшения, техника – всё это она предлагала соседям скупать у неё фактически за копейки, дабы ей было чем рассчитываться с долгами.

Но однажды, стала она по секрету рассказывать моей матери о том, что начала являться ей во сне некая женщина, которая просто стоит и смотрит на неё, ничего не говоря. Видела она её каждую ночь, и даже стала наблюдать её наяву в отражении гладких поверхностей. Худая пожилая женщина, никак не реагирующая на вопросы и не вступающая в контакт.

Соседка даже начала в церковь ходить, каяться, замаливая грехи сына и свои собственные, но не помогало. Гостя всё также являлась к ней по ночам, глядя на неё осуждающе.

И вот однажды, она всё-таки промовила: «А Димку (так звали соседа, ушедшего на фронт) я заберу с собой».

После этого, не то, что посылки – ни одного звонка от сына мамаша так и не получала, а в штабе отчитываются, что военнослужащий пропал без вести...

Дмитрий 24 года

Вот уже пять лет как не стало моей бабушки. Добрая женщина, никогда не желавшая никому плохого. Мало кто в данном возрасте, не смотря на старческие болячки, сохраняет подобное добродушие, однако я всегда помнил её именно такой.

И вот на прошлой неделе снится мне сон, где является ко мне бабушка Ира и говорит, чтоб я никуда не летел.

На утро у меня был запланирован вылет, по поводу которого я долго нервничал, потому как лететь я должен был на собеседование, устраиваться на должность, о которой так давно мечтал. Я воспринимал её как вполне живого человека, забыв о том, что она уже давно умерла. Ответил ей, что я должен лететь, что это мой шанс и я чётко настроен его испробовать, поскольку другого такого может и не выпасть. На это старушка лишь улыбнулась и сказала, что я всё равно никуда не полечу.

Когда проснулся – списал это на волнение перед рейсом. Но как только я начал собираться – заметил, что никак не могу найти свой паспорт, без которого меня, понятное дело, не пустят на борт. Я точно помнил, что вчера положил его на стол, специально, чтоб не забыть. Больше на столе, кроме монитора и смартфона ничего не было.

Я стал рыскать по всем шкафам, карманам и сумкам в надежде найти этот злополучный документ. Сейчас я не могу передать, как я тогда был зол и раздражителен. Уже приблизилось время выезжать, а паспорта всё нет. Спустя некоторое время я понял, что окончательно опоздал и просто сел в ступоре.

Мысль о потусторонних факторах тогда казалась бредовой, а самое главное, что я даже не знал, на кого злиться. Позвонить и сообщить о том, что меня не будет на собеседовании, я решил позже, уже на ясную голову, поэтому не придумал ничего лучше, чем снова уснуть.

Проснувшись через час, я был шокирован, увидев на столе документ, который всё это время искал. Он лежал там, где я оставил его вечером. А ещё через час мне позвонила мама, и в слезах стала спрашивать где я. Тому что я пропущу собеседование она даже обрадовалась, поскольку, как оказалось, самолёт на котором я должен был лететь, загорелся и был вынужден совершить аварийную посадку, а на борту его заживо сгорело много людей...

Виктор 63 года

В 90-е годы некоторые из резонансных уголовных дел советской поры были рассекречены и опубликованы в СМИ, однако ещё много из них так и остались храниться в архивах под тайным грифом.

Одним из них было дело о серийном маньяке-людоеде из нашего города – Николае К. Следствие насчитало 13 доказанных случаев убийства и последующего поедания преступником частей тел своих жертв. Выйти на него получилось проще, чем мы думали.

Оказалось, каждую из жертв до исчезновения видели в компании некого высокого юноши с чёрными волосами, овальным лицом и острым носом с горбинкой.

Объявили в розыск и нашли. На допросе свою вину не отрицал. Рассказал, что знакомился с девушками, предлагал встречаться. Старался не появляться с жертвами на глазах публики, однако всё же их видели вместе. Спустя месяц отношений заманивал в гараж своего деда, там их убивал, расчленял, после этого готовил и ел. Говорил, что ничто не сравнится по вкусу с человеческим мясом. Пытался заменять его свиной или говяжьей, но всё равно тянуло к любимому лакомству.

Когда ему задали логичный вопрос о том, почему он сперва встречался со своими жертвами, а потом их убивал, вместо того, чтоб просто внезапно напасть и убить первую попавшуюся, он ответил, что с первыми жертвами так и поступал. Однако потом прочёл в литературе, что на мясокомбинатах перед забоем скот не должен испытывать стресс, поскольку вкусовые качества мяса при этом заметно снижаются, мясо темнеет и быстро ужаривается при готовке. Поэтому, старался, чтоб жертва ему доверяла и ничего не понимала до самого конца...

Семён 34 года

В 2011 ом, когда я лежал в инфекционке с пневмонией, ко мне положили парня с таким же диагнозом. Поначалу он молчал и не разговаривал, а на повседневные вопросы отвечал коротко и обрывисто. Но в первую же ночь разбудил меня криком на всю палату. Спавшая в коридоре дежурная медсестра мгновенно прибежала и обнаружила, что у него жар. Попыталась сбить температуру, но ничего не помогало и так он промучился до утра, чудом не сгорев.

Наутро пришёл врач, они о чём-то разговаривали и ему выписали направление на УЗИ, однако, поскольку был выходной, провести его должны были лишь на следующий день.

Той же ночью он снова стал истошно кричать и корчиться, словно его кто-то режет. Также он умолял кого-то прекратить и оставить его в покое, но данные мольбы я списал на снова поднимающуюся температуру. Сестра дала ему парацетамол и ближе к рассвету он уснул. А на утро сказал мне, что, похоже, он скоро покинет нас.

Я тогда ещё пошутил, что выпишут его ещё нескоро, но в ответ он рассказал мне о своём прошлом.

Оказывается, раньше он состоял в группке каких-то сатанистов. Они ходили по ночам на кладбища, творили там ужасные вещи. Оскверняли могилы и проводили свои ритуалы. Но, в последнее время по ночам стали к нему являться, то ли демоны, то ли какие-то злые духи, и истязать его. Поначалу он ощущал боль лишь во сне, при том, такую отчётливую, но потом стал чувствовать её и наяву. Боль во внутренних органах становилась сильнее, а его гости с каждым приходом всё злее и злее. И хоть он уже давно покинул ту секту, данные явления никуда не делись.

В итоге, ему стало трудно дышать и он обратился в больницу. Но и здесь они не оставляют его в покое. Самое интересное, что снаружи никаких следов на нём не видно.

После обеда он вернулся с УЗИ и сказал, что доктор был крайне удивлён, увидев в каком состоянии его внутренние органы...

* * *

Евгений 21 года

В нашем селе живёт один мужик. Сейчас ему за 60, и по его словам он уже лет 10 как не пьёт. Рассказывает, что до этого «бухал» по-чёрному. В 90-х местный колхоз развалили и продали в частные руки. Тогда потерял работу, жена ушла, ну и пустился во все тяжкие. Классический случай.

Пил, спал в канавах. К участковому часто попадал за драки. А потом, после очередной попойки, проснулся в своём доме от чьего-то смеха. Открывает глаза, а перед ним сидит чёрт. И говорит ему, что завтра придёт по его душу.

После этого он ни капли в рот не берёт, и работает, не смотря на возраст.

* * *

Григорий 22 года

В лесу близ моего села существует место, именуемое в народе как «чёртова поляна». Это место обходят стороной местные грибники, охотники, и, поговаривают, даже дикие звери стараются не ступить на сию землю. Бытует мнение, что пару сотен лет назад на этом месте собирались на шабаш ведьмы со всей округи, и водили там пляски с нечистой силой. Я в эти байки не особо верил, хотя тоже данное место не посещал. По крайней мере, до прошлого лета.

Тогда я только закончил третий курс. В начале каникул после сессии предложил ребятам, жившим со мной в общежитии, поехать ко мне домой, отпраздновать окончание ещё одного учебного года. Вован с Пашей, после моих рассказов о том, что родители зарежут свинью, а у отца в погребе хранится вкусное домашнее вино, не долго думая, согласились. Приехали мы 5го июня. Пока второе-пятое-десятое. Обсмалили тушу, вскрыли бочку. Так и день прошёл.

На следующее утро я предложил друзьям прогуляться по деревне. Сходить к реке. Даже удочки взяли, правда, ничего толком не поймали. Тогда-то я и обмолвился о легенде про «чёртову поляну».

Ближе к вечеру, сидя во дворе в изрядно поддатом состоянии, Паша стал расспрашивать о том проклятом месте. Что за легенды ходят? Кто что видел? Он из тех, кто интересуется всяким мистицизмом: вечно книги свои читал про демонов и фильмы ужасов, которые иногда не давали мне спать до поздней ночи.

Я ответил, что толком ничего сказать не могу, и тогда он стал просить показать ему то место. Вова подхватил его пьяный задор, да и мне, признаться честно, тоже захотелось каких-то мистических приключений.

Через 15 минут мы уже шагали в сторону леса. Солнце фактически село за горизонт, но это нас вовсе не смущало. Наоборот, тёмный лес ещё больше привлекал своей мистичностью, тем более, что нас было трое.

Мы заходили всё глубже и глубже, а небо становилось всё темнее. И вот спустя полчаса ходьбы алкоголь стал понемногу отпускать нас. Внезапно стало холодать и поднялся сильный ветер, гнувший кроны деревьев.

Я понял, что затея выдалась бессмысленной, и предложил возвращаться. Вот только найти обратный путь выдалось не так-то просто. Расхождения во мнениях привели к тому, что мы заблудились. Однако, через неопределённое время скитаний Вован вдруг заметил посреди деревьев костёр.

То, что мы увидели, когда приблизились, я не забуду никогда. Голые старухи медленно ходящие и что-то поющие вокруг костра. Они что-то монотонно выли, двигаясь по кругу, а затем остановились и подняли руки. И в этот момент костёр ни с того ни с сего погас. Над головами послышалось пищание и хлопанье крыльев, и мы со всех ног бросились оттуда прочь. За спиной мне, а как оказалось потом, и парням, слышался топот копыт, гонящийся за нами.

Как мы добрались до села, я помню обрывками. Наверное, сам Бог спас нас от нечистой силы. Но с тех пор над кроватью Вовы в общежитии висит икона...

Ангелина 32 года

Я уже больше 10ти лет работаю со своей сотрудницей и подругой Кристиной.

К слову, это очень симпатичная и умная женщина, однако, не смотря на это, она до сих пор совершенно одна.

Нет, мужчины оказывают ей знаки внимания, но реагирует она на них хотя и вежливо, но весьма холодно. Я много раз говорила ей, что время идёт, и того самого принца на белом коне так можно и не встретить, на что она лишь отшучивалась, что путь из Тридесятого царства весьма не близкий, а принц уже в пути.

Но однажды, во время совместной посиделки, я всё-таки загнала её в угол и она, не выдержав, поведала мне историю.

Оказывается, когда ей было 18, встретила она парня. Весьма порядочный молодой человек после армии, строил серьёзные планы. Мужчина даже сделал ей предложение, подарив кольцо, и дело шло к свадьбе, если б не один случай.

Поздно вечером Максим – так звали её жениха, возвращался домой по тротуару. В этот момент пьяный водитель вылетел с дороги, и насмерть сбил парня. Об этой трагедии тогда шумел весь город.

После похорон Кристина долго горевала, но годы шли, и тоска постепенно забывалась. После университета она познакомилась с другим молодым человеком. Весьма состоятельным бизнесменом, который души в ней не чаял. Понятное дело, от бывлой любви и след простыл, ведь новый ухажёр возил её по ресторанам, делал дорогие подарки, однако в одну из ночей того периода стал ей сниться Максим.

Он сперва упрекал её в том, что она его забыла. Что так легко переключилась на другого и дарит свою любовь теперь ему. Кристина не рассказывала своему новому кавалеру о бывшем, и что с ним стало. Но тот стал являться во сне всё чаще, а после того, как бизнесмен сделал ей предложение, он появился лишь раз, но при этом сказал только: «Я тебя никому не отдам».

И за два дня до свадьбы нового жениха убивает током в собственной ванной. Тогда-то она и поняла, что это был не просто сон. И с тех пор не рискует сблизиться с кем-либо, дабы не злить дух покойного...

Валерий 47 лет

Со мной два раза в жизни случались необъяснимые вещи, и оба раза они не предвещали ничего хорошего.

Первый раз произошёл, когда мне было 17. Я тогда гостил у бабушки в деревне. Жила она в добротном русском доме из деревянных брёвен. На дворе была летняя ночь. Я тогда засиделся за книгой, и бабушка как раз вышла в гостиную, чтоб отправить меня в кровать. И в этот момент в угол дома будто бы

что-то врезалось. Послышался сильный удар, да такой, что аж деревянная стена затрещала. Я испугался, а бабушка в тот же момент вышла на улицу взглянуть, кто бы это мог быть. Однако там ничего и никого не было. А следующим вечером умер от сердечного приступа дед.

Второй момент был связан с моей свадьбой. Зоя от меня забеременела, и я, как порядочный парень, сделал ей предложение. Мы никому не говорили о её положении, тем более что срок был весьма маленький. Однако на второй день гуляний заявила к нам женщина, одетая во всё чёрное. Рядом из гостей тогда были лишь мой брат, который тоже не знал о беременности, и его тогдашняя сожительница. Женщина подошла к моей супруге, посмотрела на неё и промолвила: «Жаль ребёночка. Не виноват он, что мама у него такая», затем взяла со стола несколько конфет, положила в карман и ушла.

Я тогда спросил у жены, не её ли это родственница, но в ответ услышал, что впервые её видит. А на четвёртом месяце у неё случился выкидыш...

* * *

Владислав 41 год

Этот дом я купил буквально за копейки. Не смотря на то, что располагался он почти на окраине села, всё равно, земля на которой он построен, стоит намного дороже, чем мне достался дом.

Тот год выдался весьма прибыльным, и я решил приобрести недвижимость в виде дачи. Много на это тратить не хотелось, ибо не так уж много я и заработал, однако чисто случайно присмотрел объявление о нём. Я даже сперва не поверил данному предложению, но не суть...

Что касается самого домика – на первый взгляд, обычная сельская хата с печкой. Старая, правда, но с мебелью и санузлом. Только без горячей воды. И, тем не менее, с самого первого дня в ней проявлялись какие-то необъяснимые вещи.

Часть потолка посреди комнаты постоянно трескала, хотя я из раза в раз подмазывал её грунтовкой и белил. Затем предметы стали переставляться сами по себе – находил их не там, где оставлял. Еда в холодильнике начала и вовсе пропадать.

На третий день пребывания заметил, как из трещин в потолке капает какая-то мутная вонючая вода. Я даже поднялся на чердак, в надежде найти источник жидкости, но ничего не обнаружил.

Шпаклевать сочащиеся трещины не имело смысла. На пятый день в коридоре отчётливо слышались шаги. Я тогда подумал, что по ночам в дом кто-то пробирается, но когда решил поймать злоумышленника – никого не обнаружил.

Оставаться в доме было уже крайне беспокояно и я решил вернуться на следующее утро домой. Боялся, что преступники могут ночью меня «прихлопнуть», но лучше бы это были они, чем то, что я видел.

Проснулся я от странного давления на шею. Когда открыл глаза – не мог пошевелиться, но при этом видел, как надо мной склонилась какая-то старуха, и худыми костлявыми руками пытается сорвать с меня цепочку с крестиком, шепча словно змея: «Сними!».

Моё тело налилось свинцом. Я не мог пошевелиться, а лишь кричал. Точнее даже выл. Спустя несколько секунд, а может и минут, старуха исчезла, и я вскочил с кровати.

До этого мне не приходило в голову пообщаться с соседями, но когда я стал расспрашивать, кто раньше здесь жил, то узнал, что это бывший дом ведьмы. Та умерла в нём, долго мучаясь, пока селяне не прорубили дырку в потолке, на месте которой теперь и образовывается мокрая трещина...

* * *

Виталий 19 лет

В университете один из преподавателей рассказывал нам, как сам ещё будучи студентом проходил практику в психиатрической больнице. Там ему запомнилась одна пациентка, которую признали невменяемой и поместили в лечебницу. До этого она была воспитательницей в детском саду, где взяла с кухни нож и перерезала горло маленькому мальчику.

Чтоб не будоражить общественность, дело, как и полагалось в те времена, засекретили и скрыли, а на допросе она настойчиво утверждала, что это был не ребёнок, а воплощение нечистой силы, и что она спасла весь мир, убив её.

Разумеется, её сочли помешанной и поместили туда. Однако, в одну из смен, наш преподаватель дежурил в отделении, и услышал шаги, пробежавшие по коридору. Говорит, мол готов поклясться, что они были частые и короткие, как у детей. А спустя секунду услышал крик, который, казалось, разбудит всю больницу. Доносился он из палаты той самой женщины.

Дверь в палату оказалась заперта табуретом, а когда её взломали, то обнаружили, что пациентка разбила стекло в окне и осколком перерезала себе горло. Однако, как потом указал в отчёте эксперт, перед суицидом она вырезала у тебя на животе крест, верхний луч которого был длиннее других...

* * *

Олег 20 лет

Старый глиняный дом на окраине нашего села местные обходят стороной. По словам старожиллов, некогда живущую там ведьму до сих пор можно увидеть в этих стенах, если зайти туда ночью. Говорят, она, как и все ведьмы, перед смертью очень мучилась. Никто из местных не захотел прорубить в потолке дыру, чтоб она отошла, и после смерти её дух так и остался здесь на земле.

Мои друзья: Вова и Виталик, любители приключений, сразу проглотили эту байку, как карась червя. Они буквально загорелись и не отстали бы от меня, если б я не показал им тот дом.

На выходных, так и быть, мы поехали к моим родителям. Им я сказал, что ребята просто захотели отдохнуть в сельской местности на природе, поскольку, если б я рассказал об истинных мотивах путешественников, то все бы имели что слушать.

Днём мы прогулялись по деревне, и я показал то место. Вова даже сфоткал дом на смартфон. Когда мы вернулись ближе к ночи, я сказал, что внутрь с ними не пойду, после чего выслушал ряд насмешек в свой адрес.

Ребята двинулись на территорию, оглядываясь по сторонам, дабы никто не увидел, а я остался ждать их у обветшавшего забора. Ночь тогда была светлая. Луна пусть и не полная, но достаточно яркая.

Спустя пять минут я заметил, как по двору, перескочив через забор, целенаправленно пробежала чёрная кошка. Она запрыгнула в окно и скрылась. В эту же минуту я услышал крик и звук, будто что-то упало.

Виталик, вылетевший из дома, весь трясся и не мог связать двух слов. На вопрос, где Володя, он лишь показывал пальцем на развалину и, заикаясь, пытался что-то сказать. Недолго думая я всё же вошёл внутрь и обнаружил друга, лежащего на полу и хрипящего от нехватки воздуха. Он совсем не двигался, а лишь пытался жадно захватить хотя бы глоток кислорода.

Интуитивно догадываясь, что происходит, я очень быстро прочёл первую пришедшую на ум молитву, и мучения друга прекратились.

Как выяснилось позже, в стенах домика они наткнулись на висящую в воздухе бабку. Пусть метлы и ступы у неё не было, но резко переместившись по коридору с вытянутыми вперёд худощавыми руками, она напала на Вована и повалила его на пол. Виталик растерявшись побежал ко мне, ну а что дальше было – понятно.

Ещё интересным моментом является фотография, сделанная на Вовин телефон, где если присмотреться, в окне можно заметить размытый силуэт со старым злым женским лицом...

Анна 24 года

Кто ищет, тот всегда найдёт. К сожалению...

Лет 8 назад, когда мы с подругой были подростками и фанатели от мистицизма, нам в голову взбрела мысль сфотографировать призрака. В сети много фоток, где имеется размытый силуэт, части тела и другие изображения паранормальных явлений, и потому, нам жутко хотелось захватить в кадр что-то подобное.

К сожалению домов с призраками в нашем селе не было, но мы тогда решили выйти из ситуации, пойдя на местное кладбище ночью. Была осень, и мы, вооружившись телефонами с камерой, пришли на ночной погост. Как только не фотографировали могилы: и со вспышкой, и без, но ничего в итоге на фотках не было видно. Тем более, что качество изображения на тогдашних камерах оставляло желать лучшего.

После этого с нами и нашими семьями стала происходить какая-то чертовщина. Аня – моя подруга, рассказала, что в следующий вечер услышала стук в дверь, а когда открыла – никого не обнаружила. Затем её собака, живущая во дворе, куда-то пропала. А что касается меня, то моя бабушка через пару дней очень сильно заболела, а спустя неделю умерла от пневмонии...

Анастасия 23 года

Той ночью я была дома совсем одна. Мама часто работала в ночную смену, потому в данной ситуации я оказывалась не первый раз, однако ночь с 23 на 24 июля 2016 года я запомнила на всю жизнь.

Засидевшись за компьютером, я уже собиралась спать, и решила сходить в туалет. Пройдя мимо открытой в кухню двери, я оторопела. На балконе, за стеклом стоял чёрный худощавый силуэт под 2 метра ростом с длинными, худыми, как верёвки, руками. Я просто застыла, вглядываясь в увиденное и не веря своим глазам.

В глубине души я надеялась, что это не то, что мне кажется, однако мои надежды разрушились, как только оно начало двигаться.

От проведённой по стеклу ладони я чётко услышала скрип. Ноги наполнились иголками, меня бросило в холодный пот, а сердце билось так, что отдавало на горло. И тут это существо с размаху ударило своей ладонью по стеклу. Удар был не настолько сильный, чтоб его разбить, но достаточным, чтоб создать звук. Затем ещё один, и снова. Создалось впечатление, будто он изо всех сил пытается пробиться внутрь, однако, что-то его сдерживало. Возможно – это икона, висящая над входом в балкон.

Он бил, казалось, долго и настойчиво, а затем остановился.

После этого, поглядев на меня пару секунд, резко ушёл вниз, как бы провалившись под пол...

* * *

Ирина 28 лет

Умеют ли мёртвые прощать? За пять лет до смерти отца я высказала ему всё, что думала на тот момент. Большинство фраз было сказано на эмоциях, и только сейчас понимаю, как сильно я тогда обидела его. Но, в то время я не была столь объективной и мне казалось, что причина всех моих бед – он.

Затем, мы не разговаривали до самой смерти. Он пытался несколько раз позвонить на мой день рождения, но первый раз я ответила весьма сухо, а на второй просто не взяла трубку. Когда он заболел, мне было всё равно. И, мне стыдно признаться, но я даже обрадовалась, желая, чтоб он помучался, потому как считала, что сама достаточно настрадалась из-за него.

Но прошло время, и я встретила молодого человека. Он показался мне весьма привлекательным и образованным. Иногда я замечала какие-то нестыковки в его рассказах, но быстро находила этому оправдание. И вот, спустя примерно 3 недели после знакомства, он предложил мне на выходных поехать с ним в лес. Пожарить мяса, немного выпить, словом – устроить небольшой пикник. Я, конечно же, согласилась. Однако в ночь перед субботой снится мне отец и говорит, чтоб я ни в коем случае никуда не ехала. Он, как в детстве, настойчиво командовал, чтоб я сидела дома и никуда не выходила.

Когда проснулась, то вздохнула с облегчением от того, что это лишь сон. Постепенно начала собираться, и в этот момент у меня жутко разболелась голова. Я выпила несколько таблеток, но ничего не помогло. В поликлинику обращаться в выходной день не имело смысла, и я просто легла на диван. Тем временем приехал Серёжа.

Когда я сказала, что плохо себя чувствую и не могу никуда с ним поехать – он мгновенно изменился в лице. Его будто подменили. Стал ярко нервничать и чуть ли не силой тащить меня с собой. Сперва уговаривал, что на природе мне станет легче, что пока доедем – пройдёт, а потом и вовсе стал тянуть меня за руки и громко кричать на меня, будто я сделала ему что-то плохое.

В ответ на отказ посыпались оскорбления и проклятия в адрес всего женского пола. Он стал крушить мебель. Испугавшись, я взяла телефон и спряталась в ванной, вызывая полицию. Услышав это, он мгновенно удалился.

Прибывшим правоохранителям я объяснила ситуацию и написала заявление. Во время разговора они показали мне фотографию маньяка, находившегося в розыске за похищение и убийство нескольких женщин. В нём я узнала Сергея...

* * *

Арсений 25 лет

Когда пропала моя сестра – я не находил себе места. Бегал каждый день в полицию, узнавая, нет ли новостей. Пытался сам найти её, но всё без толку. Мы были очень близки, и кроме неё у меня никого не было. Со временем я устал от поисков и смирился.

И вот спустя время, на её день рождения снится мне сон, будто мы все сидим за столом. Старая компания друзей, и среди них Лиза – моя пропавшая сестра. Все пьют, веселятся, а она постоянно говорит, что воды ей много льют. Так и говорит: «Много воды у меня».

Спустя семь месяцев рыбаки выловили в лимане её тело...

* * *

Пётр 38 лет

Однажды перебирая старый дедов хлам, я наткнулся на очень древний кожаный плащ. Дед аккуратно хранил его в ящике. Тяжёлая вещица, массой около 10ти килограммов с довольно любопытным узором на спине. Рельефный рисунок в форме цветка, нанесённый непонятным образом.

Я тогда спросил у деда о том, как раньше делали такие вещи, и он поведал мне одну историю.

Когда-то давно, ещё при царе, в нашем городке жил скорняк по фамилии Тодоров. Он делал на заказ разные изделия из кожи: сапоги, седла для верховой езды, плащи, перчатки. И был у него брат – большой на то время помещик с весьма завидным скотным двором. Он-то и поставлял родственнику кожное сырьё для его продукции.

Но как-то одно время пришла скорняку ужасающая идея, которую сразу подхватил его брат. Придумали они кожу ещё живому скоту обрабатывать раскалённым железом, рисуя на нём разные узоры. Корову, или коня, привязывали в стойле, и иссекали ему кожу, нанося глубокие раны. Изувечивали до тех пор, пока не получалась какая-то картинка: цветок, птица, или ещё что-то. Наркоз на то время и для людей не часто применялся, а для животных и подавно. Потому, можно представить, через что проходила живность. Ведь некоторые из «художеств» наносились по несколько часов, а то и дней.

Далее животное оставляли, чтоб раны затянулись, а потом, когда кожа зарубцовывалась, и получался желаемый рисунок – его забивали с последующим свеживанием и дублением кожи.

Так изделия Тодорова становились не просто одеждой, а произведением искусства. И что самое интересное – большинство знатных сословий с удовольствием приобретало его галантерею.

Мария 27 лет

В 2012ом я со своим тогда 4-хлетним сыном приехала к своей матери. У неё и раньше были проблемы с сердцем, однако за день до этого она чувствовала себя вполне-таки хорошо. На утро я нашла её в своей кровати без признаков жизни. Начались звонки, беготня.

Пока ждала врачей, сын подошёл и сказал, что видел, как бабушка ночью куда-то ушла с «белым дядей».

Артём 24 года

Прошлым летом я возвращался поздно домой. Сразу хочу заметить, что был я абсолютно трезв, а фонари на моей улице светят достаточно ярко. Издалека я увидел, как в сотне метров от меня на перекрёстке, прямо по центру, стоит некая фигура во всём белом. Лица я не видел, и вообще у меня сложилось впечатление, что его там просто не было.

В частном секторе ночью обычно тихо и безлюдно, даже машины почти не ездят, потому, присутствие данной особи я сразу счёл весьма любопытным.

Я замедлил шаг, и, дойдя к дереву, остановился, чтоб понаблюдать. То, что я увидел дальше, я никак объяснить не могу.

Фигура стала метаться по перекрёстку, поворачиваясь то к одной, то другой дороге. При том, за долю секунды она перемещалась с одного места в другое. Человек так быстро двигаться не может. Она не делала шагов. Более того, я не видел её ног. Похоже, будто она парила над землёй. Сперва она начала плыть по улице влево, затем резко переместилась по направлению ко мне. Я тогда не на шутку испугался и уже было хотел бежать, но через секунду она снова появилась в центре перекрёстка, повёрнутая вправо.

Такое впечатление, будто она никак не могла выбрать путь, по которому идти.

Затем при свете фар проезжающей мимо машины она исчезла и больше не появлялась. Но я на всякий случай, решил всё-таки пройти пару лишних кварталов, лишь бы обойти то место.

Нина 29 лет

Моя сотрудница, не самых высоких моральных принципов, имела привычку заводить романы с женатыми мужчинами. Она знала об их супружестве, но её это вовсе не смущало, а даже наоборот.

Однако в последнее время она изменилась до неузнаваемости. Вечно одевающаяся как можно более откровенно и вызывающе, стала она наряжаться подобно монашке. Волосы собраны в косу, юбка до щиколоток. Также стала она часто приходить в косынке, а рабочее место обставила парой-тройкой икон. Говорят, даже в церковь стала часто захаживать.

По поводу того, что с ней произошло, её близкие подруги рассказывают, что повстречала она мужчину. На вид очередной женатик, даже сказал, что дети есть. Сам жутко богатый, на дорогой машине, повёл её в ресторан, затем отвёз домой, а у дома, взяв за руку, стал глядеть ей в глаза и говорить, что давно за ней охотится. Что душа её давно уже ему принадлежит и что путь у неё лишь один. И будто вскоре случится с ней то, что наконец прекратит её блудное существование и окажется её душа там, где должна быть.

И говорит – в глаза ему смотрит, а они огнём наполнены. А самое главное – взгляд отвести не может, будто прикованный. А затем и вовсе сознание потепляла. Очнулась дома на своей кровати в одежде, в которой на свидание ходила.

Зинаида 23 года

В позапрошлом году летней ночью я проснулась, чтоб сходить в туалет. Проходя мимо входной двери, я услышала, будто в подъезде кто-то плачет. Взглянув в глазок, я увидела стоящую на лестнице белую полупрозрачную фигуру. Если быть точнее – она даже не стояла, а парила в воздухе. Перекошенное лицо молодой девушки смотрело прямо на мою дверь, и она плыла в мою сторону.

Я отскочила назад и стала молиться так, как никогда в жизни не молилась. Меня бросало то в жар то в холод, руки наполнялись иголками. Такой беспомощной я тебя не чувствовала никогда. Спустя около минуты плач прекратился.

Я так и не смогла уснуть до рассвета, находясь в шоке, а на утро во двор заехали машина полиции и скорой. Кто-то из соседей обнаружил в подъезде тело девушки, которую, судя по всему, ограбили, а после перерезали горло...

Константин 35 лет

Прохладным осенним вечером 2010го я возвращался домой. Под ногами уже шуршали сухие листья, а небо озарялось красным светом дождевых туч. За-

Идя во двор и направившись в сторону парадной, я заметил, как какая-то тёмная фигура движется вдоль дома к скамейке. Подойдя, она остановилась, и спустя несколько секунд, будто бы ногами взобралась на лавочку и уселась.

Я тогда решил, что это очередной невоспитанный гопник залез своими грязными ботами на поверхность, где люди садятся в брюках. И поскольку находился сам в состоянии не совсем трезвом, решил повоспитывать молодёжь.

В 15ти метрах от него я громко произнёс несколько нелестных выражений с примесью мата, а через секунду обомлел.

Фигура будто провалилась сквозь землю, мгновенно исчезнув. Я застыл на месте, а когда всё же решил подойти и осмотреть то место, включив на телефоне фонарик – то обнаружил лишь лежащую старую болоньевую куртку советского образца с поржавевшими пуговицами-заклёпками...

Юлия 21 год

Отец ушёл из семьи, когда мне было 7. Он часто пил, а после развода родителей не покинул эту привычку, и спустя три года умер от цирроза.

Когда мне было 13 – я встречалась с парнем, старшим меня на 5 лет. В итоге мы расстались из-за того, что он встретил другую. В том возрасте это воспринималось особенно болезненно, потому меня стали посещать глупые мысли, за которые теперь жутко стыдно.

Я решила, что всем будет лучше, если меня не станет. Сперва я хотела наглотаться таблеток, но до этого где-то читала, что от них можно отделаться простым отравлением и диареей, потому выбрала более радикальный способ.

Соорудив петлю, я взобралась на табурет и просунула в неё голову. Когда я закрыла глаза и уже готовилась спрыгнуть – внезапно чётко услышала: «Не смей!».

От испуга я открыла глаза и обомлела. Передо мной стоял спокойный отец. Если быть точнее – он парил в воздухе, но с сердитым видом смотрел на меня несколько секунд, а затем, покачав головой, исчез.

Сейчас мне 21, у меня муж и двое замечательных деток, и при этом я уверена, что папа по сей день оберегает меня.

Степан 33 года

Говорят, что из дома, в котором произошло убийство, уходит домовая. Однако никто не говорит, кто приходит на его место...

На эту «двушку» мы с супругой копили достаточно долго. Жильё по приемлемой цене почти возле метро. Продавцы и не скрывали, что в этой квартире произошла поножовщина. Пьяный муж в порыве ревности зарезал жену – их родственницу. В итоге, пока он отбывает наказание в местах лишения свободы, они решили продать данные апартаменты, а покупателями оказались мы.

Довольно свободная «хрущёвка» с ремонтом конца 90-х – ничего необычного. Стали понемногу обживать, однако спустя 3 дня после поселения начали происходить странные вещи. Посреди ночи туалетный бачёк каким-то образом сам спустил воду, что изрядно напугало, потому как никого кроме нас в квартире не было. Затем свет на кухне начал ни с того ни с сего мерцать третий вечер подряд. И казалось бы: ничего необычного, но мерцание начиналось ровно в 17:40 и прекращалось спустя 5 минут. Почему именно в это время – так нам выяснить и не удалось.

Потом жена просыпалась от того, что по её словам – кто-то на неё смотрит из дверного проёма в спальню. Я включал свет и никого не обнаруживал. Но самый пик был после того, как на утро все водяные – и на кухне и в ванной, краны были открыты.

После того, как пригласили священника и освятили жилище – странные явления вроде бы прекратились, однако кошки у нас по-прежнему не приживаются – сбегают.

* * *

Игорь 18 лет

Мой дед полжизни прослужил в церкви. Рассказывает, что разные люди приходили к нему: кто покаяться, кто обвенчаться, кто креститься. Всё что говорят ему на исповеди он, как правило, хранит в тайне, однако одну историю всё же поведал.

Как-то раз в 2005ом пришёл к нему на исповедь один мужчина. По внешнему виду и характеру нанесённых татуировок было понятно, что господин часто бывал в местах не столь отдалённых.

Поведал он ему, что последний срок отбывал за убийство в пьяной драке. В баре разбил парню голову бутылкой, и тот не дожидаясь скорой. И если до этого он сидел в основном по таким статьям как: кража и разбой, то после того, как лишил человека жизни, последняя у самого серьёзно изменилась. Стали являться к нему существа, коих до этого ни разу не видел. Чёрные силуэты с грубыми голосами сперва являлись к нему во сне и мучили его, избивая и выкручивая кости, а со временем начал видеть их и наяву. При том боль от истязаний была вполне-таки реалистичной. На теле даже оставались ссадины.

Говорил, что пока они над ним измываются, то очень громко и ехидно смеются, а в воздухе ощущается вонь гниющей плоти.

Примерно два раза в месяц гости приходят и развлекаются таким образом около часа, который кажется мужчине вечностью.

А в последнее время они стали говорить ему, что скоро заберут его с собой и будут измываться над ним каждый день.

Дед в тот раз выслушал его и сказал, что пока не может отпустить ему столь серьёзный грех как убийство, но дал ему Молитвенник и сказал поработать над собой...

* * *

Алексей 25 лет

В 2015ом я учился на пятом курсе Политеха. Весной незадолго до защиты диплома я пошёл встречать свою девушку с поезда. Надел свою синюю куртку и поехал на вокзал. На месте, после того как объявили о скором прибытии, я встал под часами, поскольку договорились, что я буду ждать её там. Поезд уже медленно приближался к платформе, и тут внезапно ко мне подбежала женщина.

Поздоровавшись, она начала рассказывать, что её сына полгода назад мобилизовали на фронт и сейчас он где-то в Луганской области. Я сперва подумал, что она сейчас будет просить денег, но вместо этого она неожиданно задавала вопрос о том, что с ним там будет.

Меня это тогда порядком удивило, и я чисто машинально ответил, что всё с ним будет нормально.

-А он вернётся?

-Ну, конечно вернётся.

Услышав это она меня даже обняла. Я после этого проверил содержимое карманов, не потянула ли она у меня чего, но всё было на месте.

А после этого она и вовсе попросила мой номер телефона. Тут как раз и девушка моя подошла, потому я, чтоб тётка побыстрее отстала, сказал ей свой телефон.

Спустя шесть месяцев раздался звонок. Я не сразу понял кто это, когда голос в трубке сказал, что Дима вернулся. Потом после разъяснения я всё же спросил, что это было тогда?

Женщина ответила, что до этого ходила к гадалке, чтоб узнать судьбу сына, на что та посоветовала, чтоб она шла к парню в синей куртке под вокзальными часами, и он ей всё расскажет...

Андрей Дудин

Молли

Кто в детстве не зачитывался приключениями Элли, Железного Дровосека и Страшили? Что-то вновь произошло в Волшебной стране, что-то такое, что изменило маленький мирок и его обитателей до неузнаваемости. Похоже, местным жителям опять нужна помощь из Большого мира. Оставит ли повзрослевшая Элли семью ради спасения старых друзей? Ей и не потребуется, теперь у нее есть Молли, которая только и грезит повторить путь мамы!

ПРОЛОГ

В ПОИСКАХ ВОЛШЕБСТВА

– Мама-а, а сколько Тотошке лет?

Пес дремал на коленях маленькой хозяйки, в тишине дома его сиплое дыхание слышно было даже на кухне. Девочка разглаживала жесткую черную шерсть с такой силой, что бедняге приходилось хвататься лапами за ногу, дабы не сползти.

– Не знаю, – донесся из соседней комнаты голос мамы, – вообще-то собаки столько не живут, наш Тотошка долгожитель. Видимо, сказывается...

Мама умолкла. Молли запустила пальцы в шерсть и принялась усердно скрести за треугольниками ушей.

– Что сказывается?

Пес жалобно заскулил, вяло шевельнул хвостом.

– Ну, хорошее здоровье, свежий воздух...

– Да где же, – воскликнула Молли весело, – везде пыль! И жарко!

– Ну тогда не знаю, – повторила Элли. – Я пошла белье развешивать. И встань с пола, застудишься!

– Откуда ты знаешь, ты же в другой комнате? Я не могу, на мне Тотошка.

Песик снова двинул хвостом, не то одобрительно, не то обреченно.

– А я говорю встань! – донеслось строже.

– Ла-адно...

Хлопнула входная дверь. Питомец неверяще смотрел, как его сгружают на пол, на дрожащих лапах поплелся в свой угол. В последнее время он стал совсем плох, исхудал, мало двигался, миска с утра до вечера стояла почти не тронутой. Задорный лай в доме не слышался с тех пор, как Молли стукнуло десять. То есть, два года назад. Она бы вообще решила, что пес онемел, если бы не слышала, как он поскуливает, бывает, по ночам. Совсем тихонько, словно боялся разбудить.

В порыве сочувствия Молли подхватила пса обеими руками под пузо, пово-

локла в дальний угол к одеялу с вышивкой «Тотошка». Бедолаге пришлось стремительно перебирать лапами, чтобы не кувырнуться. На одеяльце он рухнул ошеломленный, обессиленный.

Снаружи полуденное солнце жгло сухую степь, ветер гонял желтую пыль, болтал бельевую веревку.

– Что-то ветер разыгрался, – пробормотала Элли, рассеянно глядя вдаль. Она опустила таз с бельем, встряхнула брюки мужа, веревка металась, уворачивалась, но вскоре провисла под мокрыми тряпками.

Окно приземистого домика распахнулось с таким стуком, что задребезжали стекла. В проеме возникла круглая, пышущая здоровьем мордашка дочери. Элли возвела глаза к небу.

– Ну неужели нельзя аккуратней, весь дом от тебя ходуном ходит!

– Мама-а, – позвала та вместо ответа, – а Тотошка скоро умрет, да?

Элли всплеснула руками.

– Что за мысли лезут в твою голову, выбрось их немедленно.

Молли смотрела выжидающе, но мать не добавила ни слова. Тогда она попыталась снова:

– Умрет, да?

Элли покачала головой, вздохнула.

– Все когда-нибудь умирают, дочка, и наш Тотошка не исключение.

– А я знаю, как его спасти!

– Вот и здорово, тогда нам не о чем беспокоиться.

– Значит, можно?

– Что можно?

– Можно я спасу Тотошку?

– Ой, да спасай хоть всех окрестных собак.

– Ура!

Окно с грохотом захлопнулось.

Наслаждаться тишиной довелось недолго, едва перестали дребезжать стекла в раме, бухнула входная дверь.

– Я погуляю, ладно? – крикнула Молли. Ответ мамы как будто не сильно ее заботил, красные сандалии уже резво месили дорожную пыль. Элли проводила взглядом подозрительно сосредоточенную физиономию дочери.

– Только недолго!

– Хорошо!..

Велика степь, необъятна. Говорят, бессмысленно искать что-то в степи, если не знаешь хотя бы направления. Но Молли не оставляла попыток. А сегодняшний день и вовсе особенный, решающий. Девочка со стиснутыми кулачками шагала к горизонту, вид у нее был одновременно решительный и взволнованный.

Мимо проползали соседские фермы. За короткую жизнь Молли тут поселилось много новых семей, большинство из них не знали друг друга даже по именам. Судя по рассказам взрослых, раньше было не так, раньше интересы семьи

не ограничивались пределами фермы, а взаимовыручка была в порядке вещей. Все меняется, меняются люди, меняются дома. Не менялся только старый Рольф.

Он как родился на ферме «Кукурузный рай», так по сей день и выращивал там кукурузу. Все считали старика сумасшедшим. В молодости он был милым веселым человеком, часто ходил по гостям, мастерил детишкам ветряные мельницы и кучу других игрушек из дерева. С годами старик совсем одичал, никуда больше не ходил, ни с кем не общался. Его перестало интересовать в мире все, кроме кукурузы.

Видя в поле почерневшее, вросшее в землю строение, можно было принять его за брошенный сарай. И немудрено: крыша просела, местами виднелись голые ребра стропил, стены покосились настолько, что раздавили стекла в окнах, дверь болталась на одной петле. Непонятно, как внутри может кто-то жить и как ураганы до сих пор не растаскали гнилой дом по степи.

Такое запустение при живом хозяине Молли объясняла так: у дома нет ничего общего с кукурузой, а значит, нет ничего общего с хозяином. Хозяин к нему полностью равнодушен. Старик Рольф жил среди кукурузы, ночевал среди кукурузы и питался наверняка одной кукурузой. «Помешался на кукурузе», – говорили взрослые.

Каждый фермер хотя бы раз задавался вопросом, что старик делает с обранным урожаем. Все видели, как он ходил с тачанкой среди рядов – старик не мог допустить, чтобы какой-нибудь промасленный комбайн прикоснулся к его Кукурузе, – видели, как постепенно пустело поле. Но никто никогда не видел, чтобы хоть один початок покинул пределы фермы. Оставалось подозревать, что целые горы кукурузы просто гниют в подвале.

Помешанный старик не пугал Молли, скорее даже нравился. Стоило издали увидеть широкоплечую фигуру с маленькой, как у новорожденного, головой, губы сами растягивались в улыбку. Его коричневое от солнца сморщенное лицо и лысая голова создавали ощущение, будто на костлявые плечи насадили печеное яблоко. Невозможно было сохранять серьезность, видя, как он беззубым ртом сосредоточенно жует кукурузное семечко. В такие моменты окружающий мир для старого Рольфа переставал существовать.

Нужно было обладать незаурядной силой воли, чтобы удерживаться от обзавна и не подшучивать над стариком. За годы соседства Молли не единожды убедилась, она таковой не обладает.

Вот и сейчас, едва по бокам потянулись кукурузные стебли, Молли поняла, что не сможет просто так пройти мимо. Против воли шаг ее замедлился. Возле вкопанной на обочине бочки девочка остановилась. Воровато оглядевшись, вскарабкалась на ржавый бок, окинула взором золотое поле. Не обязательно было видеть смуглую макушку, чтобы знать, старик где-то здесь.

– Дядя Рольф! – звонко крикнула девочка.

Была у старика еще одна особенность: стоило позвать его по имени, его это изумляло так, будто заговорила сама кукуруза. В тридцати шагах от дороги над колосьями внезапно выросла крошечная голова. Старик ошеломленно заози-

рался.

– Ктой-то там меня кличет? – спросил почти с испугом.

Молли чуть не прыснула, зажала рот обеими ладошками.

– Это я, Молли!

– А, Молли... – старик сразу потерял интерес к разговору. И неясно было, понял ли, кто такая Молли, узнал ли.

– Дядя Рольф, а кто это у вас кукурузу оборвал?

Старик отшатнулся так, будто ударился лбом о невидимое стекло, кровь ментально схлынула с лица. Молли услышала, как брякнули инструменты о железо тачанки. С неожиданной прытью голова понеслась сквозь заросли.

Звонкий детский смех огласил округу. Молли бросилась бежать. Старик выскочил на середину дороги, принялся вертеться на месте, как загнанный в угол волк.

– Дядя Рольф, я вас обманула! – сквозь смех крикнула Молли.

Старик мгновенье недоверчиво смотрел ей вслед. Потом весь затрясся, зло погрозил кулаком:

– Вот я маме твоей расскажу!

– А кукурузу, что ли, без присмотра оставите? – донеслось в ответ, и снова зазвенел удаляющийся смех.

Когда ферма Рольфа осталась далеко позади, Молли посерьезнела, глубоко задумалась. Мамину книгу «Приключения Элли и ее друзей» она перечитывала много раз. Каждое прочтение оканчивалось одним и тем же диалогом:

– Мама-а, а когда я попаду в Волшебный мир, в этом году или в следующем? Ты была младше меня, когда попала туда?

– Я тебе тысячу раз говорила, никуда я не попадала, Волшебного мира не существует.

– Как же не существует, если ты там была?

– Да нет же, – втолковывала мать, – просто я в детстве, как и ты, мечтала о чудесах, о волшебниках. Вот и решила написать такую книжку для детей.

– Неправда! Тототшка там тоже есть. Тототшка тоже мечтал о волшебниках?

– Я с Тототшкой все детство провела, куда я без него. Конечно и его вписала. Это просто сказка. Мы с папой тебе много сказок читали, ты же во все остальные не веришь!..

Молли была убеждена, что только Волшебный мир может спасти Тототшку, но мама почему-то не хотела помогать. Придется все делать самой.

Она вытасила из кармана платья свернутый клочок бумаги, аккуратно развернула. В верхней строчке неровными печатными буквами было выведено: «ПЛАН. КАК НАЙТИ ВОЛШЕБНЫЙ МИР». Следующая строчка была зачеркнута. Этот пункт себя не оправдал. Под жирной синей линией можно было прочесть:

«Пункт 1: Все люди в волшебном мире маленькие, как восьмилетние девочки».

Каково же было ее ликование, когда однажды на дороге ей встретилась крохотная, как синица, старушка. Молли увязалась за ней до самого дома, кружила вокруг нее и шептала на ухо: «Я все знаю, мне можете рассказать...» Старушка упрямо не хотела сознаваться, из мигунов она или из жевунов, как перенестись в Волшебный мир, как поживают жители Изумрудного города. В тот день не удалось добиться от нее ни слова.

Молли сдаваться не собиралась. На целую неделю она прилипла к старушке, как репей. Уже через день та боялась выйти на улицу, подолгу наблюдала из окон, прежде чем ступить на крыльцо. А завидев вдалеке худенькую, шагающую вприпрыжку фигурку, спешно семенила в дом. Однажды потеряв бдительность, старушка подпустила девчонку чересчур близко и была вынуждена сорваться на бег. К счастью для нее, сумасшедшая девчонка споткнулась, и бабушка успела захлопнуть дверь перед самым носом мучительницы.

Молли не сомневалась, что вот-вот дождет скрытную старушку. Но в один прекрасный день в дверь ее дома постучал шериф. Молли поставили в угол на весь день. С первым пунктом пришлось распрощаться.

Второй пункт Плана гласил: «Звери и птицы в волшебном мире умеют разговаривать».

Выбор становится очевидным для того, кто хоть раз наблюдал за воронами. Постоянно сбиваются в стайки, как члены тайного общества, ходят, кивают друг другу, словно здороваясь, настороженно зыркают по сторонам. А при появлении человека срываются с места или отбегают подальше. Подозрительно? Еще как.

Молли устроила засаду. Если долго оставаться в стае незамеченной, кто-нибудь да проговорится. С раннего утра она отправилась в поле, устроилась на одном из облюбованных воронами мест, замаскировалась травой и стала ждать.

Пунктуальные вороны слетелись как по расписанию. Молли лежала неподвижно и слушала птичье копошение. Возле уха коготки царапали землю, тут и там хлопали крылья, раздавалось пронзительное гортанное карканье. Но среди будничного вороньего шума не прозвучало ни единого человеческого слова.

Долгим терпением Молли похвастать не могла. Не прошло и часа, как девчонка решила пойти на хитрость. Если тихонько поздороваться, подумалось ей, птицы решат, что здороваются кто-то из своих. Вежливость не позволит промолчать в ответ.

– Здравствуйте, – негромко произнесла она.

Рядом с головой крылья захлопали с такой силой, что с лица сдуло маскировку. На этом все кончилось. Ворона перелетела на другое место и продолжила вышагивать, с подозрением косясь на странный холмик. Вторая попытка привела к аналогичному результату.

Оставалось пойти на крайние меры. Ничто не выведет ворон на чистую воду лучше внезапного испуга. Одним прыжком Молли вскочила на ноги и взревела во весь голос:

– Каррр!

Воздух вокруг взорвался, от ударов крыльев траву прибило к земле. Черные

тела на миг закрыли небо, гомон поднялся такой, что Молли сама перепугалась. И все же среди пронзительного гвалта она отчетливо слышала:

– Господи Боже!

Девочка завизжала от восторга – кто-то из птиц проговорился, – развернулась на голос и осеклась. На дороге, пригнувшись, стояли фермер с женой. Имен Молли не знала, но часто встречала эту пару. Бледные, они прикрывали головы руками, черная стая пронеслась над ними на высоте вытянутой руки.

Мигая от испуга, семья ошеломленно оглядела опустевшее поле. Взгляды их наткнулись на фигурку девочки.

– Молли? – изумленно произнесла женщина.

Напуганная не меньше пары, Молли бросилась бежать.

– Маленькая баламутка! – преследовал в спину разъяренный мужской голос.

– Это тебе даром не пройдет!..

В отличие от старого Рольфа, фермер угрозу выполнил. Родители узнали, что дочь натравила на чету стаю ворон, и Молли снова наказали.

– Не дочь, а наказание, – грустно сокрушалась мама. – В кого ты у нас такая непоседа?..

– А хватит терпеть ее выходки, – веско отрезал отец, – вот пусть-ка постоит сегодня в углу без ужина!..

Этому углу даже название дали: «Угол Молли».

Но подобные неудачи в прошлом, сегодня все пройдет гладко и без последствий. Одна-единственная мышь точно никому не причинит вреда.

Полевые мыши занимали важное место в маминой книге. И они уж наверняка глупее ворон. На днях Молли украла с кухни кусочек сыра, нашла в погребе старую мышеловку, вытряхнула из нее останки и отнесла ржавый механизм в поле. Туда, где в земле виднелось множество норок. Конечно, поймать королеву она не рассчитывала, сойдет самая обычная мышь. Пришло время проверить западню.

Место было отмечено воткнутой палкой. Когда до отметки осталось несколько шагов, сердце девочки радостно заколотилось. На деревянной подставке мышеловки угадывался крошечный серый комок с черной полосой вдоль спины. С ликующим криком Молли бросилась к пленнице, схватила ее в кулак, ржавая пружина с трудом подалась, освобождая хвост.

Девочка с восторгом разглядывала торчащий в кулаке розовый подвижный носик. Чувствовалось, как в ладони трепещется напуганное сердце. На царапанье коготков она не обращала внимания.

Молли поздоровалась со зверьком. Тот молчал. Молли вежливо представилась и попросила зверька назвать свое имя. Мышь молчала. Молли пообещала тут же выпустить его, если он скажет хоть слово. Зверек, похоже, на волю не хотел. Раздосадованная, Молли уговаривала, умоляла, то поглаживала ласково кончик носа, то переходила на угрозы. Мышь в ответ пыталась поймать зубами ее палец. После долгих и бесплодных уговоров разгневанная Молли начала трясти упрямого грызуна, орала на него. Тот извивался, верещал, в конце концов су-

мел вывернуться, цапнул острыми, как иголки, зубами подушечку пальца. Молли вскрикнула, разжала ладонь. Серая искорка мелькнула и скрылась в траве.

От боли и обиды на глаза навернулись слезы. Девочка шмыгнула носом, посидела немного, обиженно глядя вслед исчезнувшему хвосту. Потом поднялась и поплелась к дороге. Второй пункт можно было вычеркивать. А третьего в плане еще не было.

К дому она шла угрюмая, подавленная. Мысль, что Тотошка может умереть раньше, чем она найдет Волшебный мир, приводила в отчаяние, заставляла глаза снова наполняться влагой. И виновата во всем эта мышь, одно ее слово осчастливило бы Молли и спасло Тотошку. Но она не захотела сделать и такой малости.

Девочка призывала все свое мужество, чтобы не расплакаться. Она в очередной раз утерла запястьем покрасневшие глаза, когда услышала позади жуткий рев. По дороге с грохотом приближалось огромное ржавое корыто. Молли сошла на обочину, пропуская машину. Но та не спешила обгонять, замедлилась. Молли обернулась. Оглушительно грохоча, за ней крался старый фургон с облезшей краской. Сквозь лобовое стекло девочка с удивлением узнала улыбающееся лицо отца, его пыльную серую кепку. С еще большим изумлением она скользнула взглядом по ржавым крыльям, по выпученным, как жабы глаза, фарам. Неужели это тот самый, ее любимый, лучший на свете фургон? Как же она не замечала, какой он старый и ржавый? А этот рев... Чем ее так радовал этот звук, от него же оглохнуть можно!..

Фургон поравнялся с Молли. Пассажирская дверь раскрылась с пронзительным скрежетом. Изнутри, перекрикивая рык мотора, веселый голос отца позвал:

– Запрыгивай, доча, подброшу!

Молли отмахнулась, крикнула в ответ:

– Не хочу, сама дойду!

– Уверена? Ну смотри, к ужину не опаздывай!

Дверь захлопнулась. Мотор взревел громче, но, видимо, притормаживать было ошибкой, машина трижды пыхнула, выстрелила и затихла.

– Проклятая посудина! – донеслась приглушенная кабиной ругань.

Молли была слишком расстроена, чтобы остаться с отцом и слушать разговоры за починкой. Она потопала дальше по дороге.

Уже через пару сотен шагов рев опять начал нагонять. На сей раз дверь не открывалась, приспустилось пассажирское стекло.

– Не передумала? – Голос отца вновь звучал весело. Молли помотала головой. – Ну как знаешь.

Фургон унесся вперед, брэнча неуклюжим задом, как пустыми флягами. За ним, словно гигантская змея, вдаль утягивалось облако пыли.

На кукурузном поле Молли вдруг стала как вкопанная. Ее осенило. Она треснула себя по лбу и счастливо засмеялась. Какая же глупая! Ведь в маминой книге ясно было сказано, что за пределами Волшебного мира звери теряют волшебные свойства! Как же они могли заговорить с ней здесь, в степи Канзаса? Не-

сколько раз она прочитывала книгу, но словно не замечала этого места. Столько сил и времени потрачено впустую!

Словно камень упал с хрупких девичьих плеч. Кто на ее месте жалел бы о потраченных усилиях – ничтожная потеря, когда на другой чаше весов возродившаяся надежда! Надо взяться за ум, перечитать книгу и составить более продуманный план.

Окрыленная, девочка вприпрыжку ринулась в сторону дома. Книга будет открыта сегодня же.

Не успела она проскакать и несколько шагов, как услышала суховатый кашель. Трудно по кашлю узнать голос человека, но ей почему-то показалось, принадлежит он не старому Рольфу. Подозревая, что совершает ошибку, Молли замедлилась, а потом остановилась, неуверенно огляделась. Если все же рядом притаился Рольф, уши надерет обязательно.

Однако голос больше себя не обнаруживал, колосья кукурузы по обочинам не шевелились. Чуть подождав, Молли решила, что послышалось, и только собралась продолжить путь, как вдруг в трех шагах от нее кто-то произнес отчетливо:

– Привет.

Молли обернулась на звук, но никого не разглядела сквозь частокол колосьев.

– Это вы мне? – уточнила она неуверенно.

– Тебе.

Голос показался смутно знакомым, но принадлежал точно не старику Рольфу.

– Здравствуйте, – вежливо отозвалась Молли.

– Привет, – повторил голос.

Повисла пауза. Молли переступила с ноги на ногу, выжидая. Зачем взрослому заговаривать с ней, да еще прятаться? Невозможность увидеть собеседника начинала жечь, как уголек в ладони. Любая тайна действовала на Молли как приоткрытая дверца шифоньера на кошку. Любая тайна должна быть раскрыта здесь и сейчас, иначе не видать ей покоя.

– Вам, наверное, нужна помощь? – наконец догадалась она.

Незримый собеседник снова кашлянул, словно собираясь с духом, спросил вместо ответа:

– Скажи, девочка, ты не очень торопишься?

– Ну... у меня было кое-какое дело. Но если вам нужна помощь...

– А хочешь, поболтаем?

Молли помолчала, чувствуя, что уголек любопытства разжигается, потом глянула в оба конца дороги.

– Хочу.

Мама схватилась бы за сердце, узнай она о подобном диалоге. Но это только потому, что она не слышала его голоса. А Голос этот разоружал любые подозрения, он лучился круглым благодушием и кроме улыбки других эмоций не вызывал.

– Я подумываю прикупить неподалеку ферму, – сообщил незнакомец небрежно, – хожу вот, присматриваюсь, знакомлюсь с будущими соседями. Ты где-то рядом живешь?

– Да вон там, – Молли махнула в сторону дома, гадая, видел ли жест собеседник.

– Наверное, всех в округе знаешь?

– Нет, только старого Рольфа.

– И больше никого? А с другими детьми не играешь?

– Другие далеко. У нас школа за две мили отсюда. Но мама иногда разрешает мне съездить к кому-нибудь из одноклассников.

– А! Значит, у тебя есть мама?

Вопрос насмешил Молли.

– Конечно, у всех есть мама!

– А как ее зовут?

– Элли.

В кустах раздался радостный вскрик, который тут же пресекся. После короткой паузы собеседник переспросил нарочито равнодушным тоном:

– Как ты говоришь, Вилли?

– Вилли – мужское имя, – со смехом поправила Молли. – Мою маму зовут Элли! Она учительница.

– Так-так-так-так... Стало быть, учительница... Наверное, хорошая?

– Очень, только двойки мне часто ставит.

– Ничего не поделаешь, – мудро изрек невидимка, – таков гранит науки. А чем еще занимается твоя мама?

– Всем! – отрезала Молли. – Готовит, стирает, убирает, ухаживает за Тотошкой...

Кукуруза вновь огласилась радостным возгласом. Возглас мгновенно сменился сухим покашливанием. Молли тщетно силилась вспомнить, где же слышала этот голос. Его и голосом-то назвать было трудно, звук больше напоминал не то скрип веток по стене дома, не то шелест сухого сена. Шелест, который дышал теплом, как нагретое солнцем пшеничное поле.

– Кто такой этот Тотошка, твой брат? – предположил собеседник.

Молли хихикнула над наивностью взрослого человека.

– Разве могут человека звать Тотошкой? Это наш пес. Он уже старенький, мама говорит, он скоро умрет.

– Как умрет?! – вскричали в зарослях.

Молли помедлила, удивляясь такой реакции.

– Все собаки умирают, – медленно повторила она слова мамы. – Наш Тотошка не исключение.

– Ай-яй-яй, – взвыл незнакомец, наверняка схватившись за голову. – Бедный Тотошка, что же теперь делать?

Молли молчала в замешательстве, не часто встретишь взрослого, который так переживает о чужих собаках.

– Я тоже очень расстроилась, – призналась она. – И мама. Только она не подает виду. А я уж подумала, вы знаете Тотошку.

–Я... Что? Нет-нет, конечно нет, просто... – И закончил с неподдельной горечью: – Это всегда так грустно, когда твой любимец уходит из жизни.

Молли понимающе кивнула.

– А почему вы прячетесь?

– Прячусь? – вздрогнул незнакомец. – Почему прячусь? Я не прячусь. Я просто... Я спал! Полежу немного и пойду дальше по своим делам.

– Спали в кукурузе? Если дядя Рольф увидит, он может бросить в вас что-нибудь тяжелое.

– Неужели бросит? – заволновался собеседник.

– Дядя Джон, говорят, больше не ходит этой дорогой.

Кусты зашевелились. Молли вглядывалась в мимолетные просветы, таинственный незнакомец оставался незримым. Когда возня прекратилась, взволнованный голос продолжил:

– Если увидишь его, предупредишь меня?

Молли кивнула, тут ее не нужно было уговаривать.

– Если подойдет, мне тоже достанется. Он меня не любит.

– А расскажи немного о себе, как твои дела, чем сейчас занимаешься?

– Пытаюсь спасти Тотошку, – раскрыла карты Молли.

Неизвестный заметно оживился:

– Вот как? И что же, ты знаешь как?

Произнесено это было с таким искренним участием, что девочка сразу ощутила в нем сообщника. Недолго она размышляла, говорить ли все начистоту, что-то подсказывало, ей встретился наверное единственный взрослый, который не станет смеяться и называть ее маленькой фантазеркой.

Молли чуть приблизилась и сказала шепотом:

– Надо вернуть его в Волшебный мир.

– И только-то? – обрадовался незнакомец.

Девочка ожидала какой угодно реакции, но не такого явного облегчения. Она облизнула вмиг пересохшие губы.

– Значит... Вы тоже верите в Волшебный мир?

– Я-то? – весело воскликнул тот. – Да я верю вообще во все волшебное!

– Во все – во все?

– Абсолютно!

– Везет! А в то, что птицы умеют говорить, верите?

– Иные болтают так, что уши хочется заткнуть!

– И мыши?

– Без умолку!

– А собака может полететь?

– Не хуже любого а-э-ро-пла-на!

– И вон та ржавая бочка может пуститься в пляс?

– Только скрип будет стоять!

Молли звонко рассмеялась. Незнакомец издал хриловатый смешок.

– Значит, вы мне поможете? – спросила она в радостном предвкушении.

– Ну конечно! Вот только...

– Что?

Незнакомец замялся. Потом стебли зашевелились, его голос приблизился, перешел в доверительный шепот:

– Должен признаться, я раньше виделся с твоей мамой.

– Правда? Когда? А как вас зовут, может я слышала?

– Видишь ли, это было так давно, она уж, наверное, меня и не помнит. – Он вздохнул. – Но если совсем откровенно, я бы не прочь снова встретиться. Ну, знаешь, вспомнить старое, обсудить новое...

– Так идемте! Я покажу дорогу.

– Сейчас? – испугался незнакомец. – Нет, сейчас я не готов. А мои дела?..

Нет, это слишком быстро. Вот дней через десять было бы в самый раз.

– Через три! – предложила Молли.

– Через восемь!

– Три!

– Пять!

– Три!

– Решено! Через три дня я приду, и тогда мы представимся друг другу уже о-фи-ци-аль-но, идет?

– Идет!

– Какой это получается день, суббота? Тогда передай маме, что в субботу вечером...

– Утром! – отрезала Молли.

– ...в субботу утром придет ее самый остроумный друг!

– Передам!

Повеселевшая, Молли попрощалась и вприпрыжку умчалась по дороге. Весь путь до дома она не оставляла попыток вспомнить, откуда знает голос таинственного незнакомца.

Прозрение наступило, когда вдали показался родной дом. Прозрение внезапное и ослепляющее, как вспышка. Молли даже остановилась.

Случай произошел несколько лет назад. Родители тем вечером уже уснули, Тотошка тихо посапывал в углу, а у Молли сквозь одеяло просвечивал луч фонарика. Ей подарили новую красочную азбуку, и теперь в тишине комнат шелестел ее шепот: «О», «Пэ», «Эр».

На букве «Т» она притихла, вслушиваясь, быстро потушила фонарик. Шорох, который ей послышался, повторился. Ладно, если Тотошка во сне ворочается, а вдруг встал кто-то из родителей? Тогда ей точно несдобровать. Молли закрыла глаза и застыла в позе мумии. Из спальни родителей не доносилось ни звука, тишину нарушало лишь ровное дыхание Тотошки.

Немного повременив для надежности, Молли нащупала выключатель на фонарике. И в этот момент до нее отчетливо донесся шелест травы. В ночной тиши

звук шагов в высокой траве невозможно спутать ни с чем. К шелесту добавилось странное поскрипывание, как будто кто-то за окном монотонно покачивал ручку оцинкованного ведра.

Одеяло медленно поползло с головы. Молли прислушалась. Звуки точно доносились не из дома, а снаружи. И судя по всему, приближались. Скоро сквозь шелест и скрип можно было различить шепот голосов. Кто-то явно шел к дому, и шел не один. Если это не какой-нибудь сумасшедший, беседующий сам с собой.

Молли подняла глаза и похолодела. В лунном свете видна была темная щель в оконной раме. Мама с вечера наказывала закрыть, а она забыла! Стараясь не дышать, Молли потянулась к окну и так и замерла с вытянутой рукой. В пугающей близости она услышала чьи-то слова:

– Ну вот, мы и на месте... Все это так волнительно, не знаю, выдержу ли я...

Дрожа от страха, Молли медленно убрала руку, натянула одеяло по самые глаза.

– Надо держаться, ты же знаешь, тебе нельзя...

– Знаю, знаю, прости, я буду стараться.

Голос говорившего напоминал гул, отдающийся эхом в трубе. Гул глубокий, чувственный, словно человек с мягким бархатным баритоном разговаривал на дне железного бака. Голос второго очень походил на голос незнакомца в кукурузе.

– Давай посмотрим сперва здесь, – предложил добродушный голос. – Подсади-ка. Ум долог, да ноги коротки.

– Да-да, конечно, сейчас.

Молли подскочила испуганно. Стена у ее локтя неожиданно вздрогнула от сильного удара.

– Тихе, весь дом перебудим. Ты в порядке?

– О, не переживай, что мне будет, – успокоил гулкоголосый и зачем-то постукал по железу. – Но знаешь, если откровенно, может оно было бы и к лучшему, если бы перебудили... Это просто невыносимо... после стольких лет... не иметь возможности даже...

Молли с изумлением поняла, что вот этот вот басовитый, в котором росту, наверное, под самый потолок, начал гулко шмыгать носом. Таких странных воров свет еще не видывал.

– Нет-нет, что ты делаешь, – встревожился второй, – перестань. Вот, возьми платок.

– Как предусмотрительно, благодарю.

– Давай попробуем еще разок.

Снаружи едва слышно заскрипело, что-то прошуршало по стене. За стеклом выросла огромная тень, заслонившая свет луны. Молли со страху вжалась в кровать, в голове пронеслась мысль, что если вор сейчас полезет в окно, он свалится прямо на нее.

– Не заперто, – с удивлением заметил воришка. Голос прозвучал так близко, будто его обладатель уже был в комнате.

– Очень легкомысленно, – осуждающе сказал второй, – а вдруг воры? Ну что, что-нибудь видишь?

– Только стену, – раздалось над головой Молли. От звуков чужого голосаavorочался, тьякнул во сне Тототшка. Как ни странно, собака не напугала воров. Тот, что заслонял окно, как будто даже обрадовался: – Слышал?

– Думаешь, он? – взволнованно спросил гулкоголосый и сам же ответил: – Он, наверняка он! Дай-ка и мне взглянуть.

– Осторожней, осторожней!

Тень исчезла, будто ее сдуло, лунный свет вновь ворвался в комнату. Молли ожидала услышать звук падающего тела, но услышала всего лишь легкое тряпичное шуршание.

– Ох, прости, дружище, я не успел подумать. Ты же знаешь, мне иногда трудно сдерживать сердечные порывы. Ты не сильно пострадал?

После недолгой паузы первый заговорил сосредоточенно:

– Понять не могу, я на голове стою или на ногах? Ты не посмотришь? Что-то я совсем запутался.

В тишине снова зашелестела трава. Гулкоголосый грабитель будто нарочно постоянно поскрипывал чем-то железным.

– О нет, это все моя вина...

– Что, что такое?

– Да у тебя затылок к груди прижат.

– А! Что ж, это многое объясняет. Не сможешь?

– Конечно, конечно, – виновато засуетился товарищ.

– Ага! Вот так гораздо лучше. Левую руку плохо чувствую, что там с ней?

– Подмышка опять порвалась, – вздохнул тот.

– Эк меня угораздило... Не беда, дома заштопаю.

У Молли голова пошла кругом. Сколько там, должно быть, кровящи натекло!

– Прости меня, дружище, я как всегда ужасно неловок.

– Да брось ты, было бы о чем переживать.

– Не понимаю, почему мы должны прятаться, – уныло гнул собеседник. – Все были бы только рады.

– У нее теперь своя жизнь, свои дети, мы больше не имеем права взваливать на нее еще и наши проблемы.

– Своя жизнь, свои дети, – уныло повторил гулкоголосый, – а ты еще удивляешься, что я не могу держать себя в руках. – Он снова шмыгнул, закончил с грустью: – Хоть одним глазком взгляну.

Скрип приблизился к окну, длинная узкая тень перерезала комнату. В ту же секунду ночную тишину огласил звон бьющегося стекла, осколки посыпались на кровать Молли. Она с визгами отшвырнула одеяло и бросилась в спальню родителей. Тототшка зашелся яростным лаем.

Когда разбуженный отец выбежал на улицу, под окном никого не было. В тот день родители решили, что окно случайно разбила Молли, а про воров придумала, чтобы не наказали.

Со временем она все реже вспоминала тот случай, он стал казаться далеким смутным сном. Но теперь вновь ожил и заиграл всеми красками. Хоть грабители и общались почти шепотом, сомнений не осталось, голос был один и тот же. В голове девочки шевельнулась беспокойная мысль, уж не обманули ли ее, пытаясь вызнать, когда в доме не будет хозяев. С другой стороны, разве бывают воры такими добродушными? И какой вор станет предупреждать о своем приходе? Что-то здесь нечисто, а что именно, станет ясно лишь через три дня.

Дома Молли направилась напрямик в свою комнату, где на полке стояла мамина книга. На ходу бросила, не оборачиваясь:

– Мама, в субботу утром придет твой друг. Он очень остроумный и скорее всего вор!

Мать проводила дочь изумленным взглядом, пока за той не закрылась дверь.

Субботним утром в доме царил кавардак, семья собиралась в гости к Уилсонам. С улицы доносились проклятия отца в адрес машины. Прodelать предстояло двадцать миль в одну сторону, старенькому фургону, похоже, эта затея не нравилась. Отец носился с инструментами по дому, вокруг дома. То врывался в комнаты, как порыв душного промасленного ветра, то, прихватив с кухни горячий пирожок, исчезал, оставив после себя запах выхлопных газов.

– Кто на кухонном столе оставляет грязные инструменты? – кричала мама вслед.

Сама Элли тоже без дела не сидела. Одновременно вертелась у плиты, готовя гостинцы, красилась перед зеркалом, перебирала платье в шкафу. За последние полчаса она переделалась трижды. При этом успевала прибираться в доме, возвращать на место вещи, которые со скуки Молли бросала где попало. Да и саму Молли надо было готовить.

– Молли, ты надела новое платье?

– Почти!

– Что значит почти?

– Ладно, сейчас надену.

– И выходи сразу сюда, я тебя заплету.

– Иду.

Молли вышла из комнаты с насупленным видом, неохотно оправляя складки серебряного кружевного платья.

– Дурацкое платье, мне в нем как будто десять.

– Не говори ерунды, очень красивое платье. Нет, ну посмотри, ты уже юбку измяла! Иди сюда, горе луковое.

Мать притянула Молли к зеркалу, расправила скомканную юбку. Деревянный гребешок вгрызся в спутанные волосы. Открыв рот, девочка прижала подбородок к груди, пытаясь удерживать голову на месте. У них с мамой сразу бросалось в глаза сильное сходство: обе худенькие, стройные, с пшеничного цвета волосами, у обеих в глазах прятались кусочки ясного неба. Под детской округлостью лица формировались мамины черты.

– Я, когда вырасту, буду такой же красивой, как и ты? – Молли пальцами пощупала пухлые щеки, потом подняла руку и схватила мамыны.

– Ты уже красивая, – ответила Элли голосом, искаженным зажатыми щеками.

– У меня щеки больше, – разочарованно констатировала Молли.

– А ты ешь поменьше сладкого – будут как у меня.

– А я люблю сладкое.

– Много сладкого вредно.

– Ну и пусть.

– Ну и не жалуйся потом.

– Ну и не буду.

После минуты тишины, в которую слышалась возня отца под капотом, Молли позвала так, будто мать находилась в соседней комнате:

– Мама-а...

– Перестань, сколько раз говорить.

Последнее «а» Молли могла смаковать бесконечно, особенно когда ее не слушали.

– Если мы уедем, – продолжила та, будто не слыша, – как же тогда твой друг?

– Какой еще друг?

– Остроумный! Он, наверное, вот-вот придет.

– Ой, хватит, – поморщилась мать, – как вобьет в голову какую-нибудь ерунду.

С улицы раздался рык отца, похожий на рев раненого зверя, зазвенели брошенные ключи. Через мгновение Боб ворвался в прихожую.

– Все, накатались! Никуда мы не едем! Ни сегодня, ни завтра, ни через неделю!

– Что случилось, машина не заводится? – спросила Элли огорченно.

– Не напоминай мне про это корыто! – взревел муж и снова исчез за дверью.

Еще немного погрелся инструментами, он крикнул в открытое окно:

– Набери Билли, скажи, что нужен буксир до сервиса.

– Хорошо, сейчас наберу, – вздохнула Элли. Бросив взгляд в зеркало, она отложила гребень, пригладила ладонями расчесанные волосы дочери: – Вот и съездили в гости. Иди, можешь снять платье, я уберу его в шкаф.

– Ура! – просияла Молли и умчалась к себе в комнату. Поездки к Уилсонам она ненавидела. Мало что у них нет детей, не с кем играть, так еще собственные родители в том доме менялись, как по волшебству, становились какими-то чопорными, особенно строго принуждали дочь соблюдать приличия. За любую провинность зыркали так, что Молли делалось неловко. Уилсоны как будто были уверены, что хороший ребенок должен сидеть, молчать и по возможности не шевелиться, не напоминать о своем присутствии. Наверное, эту заразу источали стены их дома, раз ее сразу подхватывали родители.

Через час громадных размеров пикап уволок папину машину. В доме осталась только женская часть семьи. Элли переоделась в домашний халат, высыпала в большую миску последнюю партию пирожков.

– Пойдем хоть чай пить, что ли, – позвала она дочь.

На кухне царил духота. Молли распахнула окно, вскарабкалась на подоконник.

– Куда ты залезла, – осадил мать, – а табурет на что? Спускайся. Двенадцать лет, а все как маленькая себя ведешь.

Элли подошла к окну, протянула руки, чтобы помочь дочери спуститься и вдруг замерла. Молли проследила за ее взглядом, обернулась.

К дому через поле неуклюже шагал смешной пухлый человечек. Лицо его скрывала зеленая широкополая шляпа, ноги были так коротки, что из пшеницы выглядывал только круглый живот, рука сжимала элегантную трость. Одежда на нем тоже была зеленой, в цвет шляпы.

Чем ближе путник подходил к дому, тем заметней нервничал. Свободная рука то и дело хваталась за шляпу, тут же отдергивалась, часто он замедлялся, оглядывался, словно раздумывал, не повернуть ли. Вскоре стало ясно, что на нем не зеленая рубаха, а какой-то старомодный кафтан. Пуговицы стягивали туловище так туго, что поперек груди и живота образовались ямки, как если бы мешок, набитый ватой, стянули веревками.

У края поля низенький человек совсем разнервничался, остановился, перебирая трость обеими руками. Потом сунул трость под мышку, стянул с головы шляпу, начал с волнением заламывать поля. Желтые, до плеч, волосы издали напоминали соломенную крышу избышки.

Наконец взяв себя в руки, путник нахлобучил шляпу, решительно ринулся в сторону крыльца. Когда до дома ему осталось шагов тридцать, Молли молча отодвинула локтем послушную, как кукла, мать, сползла с подоконника. В прихожей бесшумно открылась дверь и так же бесшумно закрылась.

Сойдя с крыльца, Молли отыскивала взглядом гостя, тронулась навстречу. Тот заметил ее, робко улыбнулся, потом на ходу приветливо помахал шляпой. Они остановились друг напротив друга, улыбка на рисованной физиономии теперь сияла, как начищенная монета на солнце. Сняв шляпу, гость отвесил церемонный поклон.

– Явился как и обещал, – услышала Молли знакомый голос с хрипотцой, – надеюсь, я не опоздал?

Глаза у Молли полыхали так, что могли бы подпалить легко воспламеняющегося гостя. Он смотрел в ответ с дружелюбным любопытством, огромные, как блюдца, глаза хлопали длинными ресницами.

Ни слова не говоря, Молли медленно пошла вокруг него, пощупала грязно-желтые волосы, ткнула пальцем в мягкую спину. Тот хихикнул, хрюкнул, принялся вертеть вертел головой, пытаясь не упустить из виду лица девочки. Ростом гость был не выше ее.

– Как живой, – прошептала Молли восхищенно.

Вблизи выяснилась причина странной походки, вместо зеленых ботфорт пухлые ноги были втиснуты в серебряные башмачки, о которых говорилось в маминой книге. Выглядело это так, будто угол подушки утрамбовали в маленькую

чашку.

– Позвольте представиться о-фи-ци-аль-но, – снова заговорил гость. – Страшила, в прошлом Трижды Премудрый, в прошлом правитель Изумрудного города.

– Я знала!!! – Вопль прозвучал так внезапно, что соломенный гость подскочил, инкнул.

Девочка замерла перед ним с горящим взглядом, вложила руку в протянутую желтую перчатку.

– Молли, – выдохнула в ответ. И вдруг с силой сжала невесомую ладонь, а потом с восторгом смотрела, как та расправляется, принимая исходную форму.

Страшила с той же дружелюбной улыбкой наблюдал за ее реакцией.

– А что твоя мама, дома сего... – Он прервался на полуслове, пальцы девочки вцепились в тряпичную щеку и тихонько потянули. Гость издал короткий смешок.

Вместо кожи Молли нащупала грубую мешковину, причем изрядно запыленную. Видно было, что за бывшим правителем давно никто не ухаживал.

– Из Волшебного мира? – без обиняков спросила Молли, захлебываясь от бушующей внутри бури.

– Прибыл четыре дня назад.

Сзади скрипнула дверь. На крыльце показалась высокая стройная фигура Элли. Пошатываясь, как опьяневшая, она спустилась поступенькам крыльца. С робкой улыбкой Страшила шагнул навстречу. Когда Элли подошла ближе, на лице его мелькнула растерянность. Хоть у мамы Молли и угадывались знакомые с давних лет черты, он, видимо, не до конца осознавал, что увидит взрослую женщину вместо девочки Элли.

– А вот и наша... миссис... – пробормотал он.

Элли упала в его объятия словно споткнулась.

– Какая же я тебе миссис, миленький, – шепнула она в соломенное ухо.

Казалось, на целую вечность они застыли в такой позе, не произнося ни слова. Страшила безмятежно улыбался, а Молли мельтешила сзади, пытаясь выдернуть из головы соломенный волосок. В доказательство на будущее, что это было наяву. Мама словно подслушала ее мысли.

– С годами я сама начала верить, что это было лишь сном, – покаялась она.

– Да притупятся мои мозги, если это был не лучший сон в моей жизни.

– Ты никогда не спишь, – ласково разоблачила Элли, поглаживая соломенную голову.

Когда они наконец отстранились, Страшила вдруг швырнул шляпу в воздух, подпрыгнул, насколько позволяли короткие ноги:

– Ура!

– Ура! – тут же подхватила Молли.

– Я снова, снова, снова с Элли! – закончил счастливо.

Услышав знакомую с детства кричалку, Элли не сдержалась, расплакалась. В этот момент из дома донесся отчаянный лай. Элли с дочерью давно отвыкли от этого звука, обе удивленно посмотрели на раскрытые окна. Лай звучал так

громко и пронзительно, что дребезжали стекла в рамах. Пес как будто все силы собрал для последнего, самого важного в своей жизни крика.

– А вот и наш старый добрый Тотошка, – радостно воскликнул Страшила.

Все трое поспешно отправились в дом, жалея силы бедного старого питомца. Пес стоял посреди комнаты на дрожащих лапах и неотрывно смотрел на дверь. Даже когда в проеме показался Страшила, пес не умолк, смотрел на гостя и продолжал заливаться, оглушая всех присутствующих. Ослабевшие лапы, похоже, не позволяли ему приблизиться еще хоть на шаг.

Страшила кинулся в комнату, подхватил на руки черный комок и пустился с ним в какой-то диковато-ритуальный пляс. Песик сухим языком принялся лизать гостю лицо. Зная, чем это кончится, Элли убежала за акварельными красками. Молли видела, как трясется от слабости и волнения голова Тотошки, силы на глазах покидали его. Пес обессилел и затих на груди старого друга еще раньше, чем Элли вернулась с красками.

Чуть позже, когда все собрались в кухне, Молли хохотала как оглашенная, глядя на размазанную половину лица Страшилы. Он улыбался ей уцелевшим уголком рта. Элли водила кисточкой с любовью, с особым тщанием, как человек, принимающий каждую черточку близко к сердцу. Едва глаз был закончен, Страшила подмигнул смеющейся Молли.

– Прекрати! – строго велела Элли. – Дай краске высохнуть. – Она еще раз промокнула глаз кисточкой и заметила: – Да у тебя вся шея мокрая. И грудь тоже! Где ты умудрился вымокнуть? Давай мы тебя просушим. – И взялась за верхнюю пуговицу кафтана.

– Нет-нет, что ты, – встревожился Страшила, – мне теперь нельзя сушиться!

Элли пробормотала в замешательстве:

– Ну хорошо, как скажешь... Однако, я не понимаю, как? Как ты здесь оказался?

– Очень просто.

Стараясь не потревожить уснувшего на коленях Тотошку, Страшила вытянул ноги, с торжествующим видом продемонстрировал серебряные башмачки. На мгновение забывшись, Элли радостно захлопала в ладоши:

– Ты нашел их! Я думала, они бесследно исчезли.

– По правде говоря, я их всего лишь выкупил. А нашел один из искателей.

– Искателей?

– Долгая история. Все началось с того...

Элли закрыла нарисованный рот ладонью, скосила взгляд на сгусток любопытства у края стола.

– Ну... позже, позже расскажешь. Давайте пить чай.

Она расставила на столе три чашки. Гость посмотрел на свою с таким смущением, что хозяйка покраснела, спохватившись. Одна чашка исчезла.

За чаем они предавались долгим воспоминаниям о своих похождениях в Волшебном мире. Молли слушала разинув рот, замороженный взор ее перебегал с одного рассказчика на другого. Оказывается, мамина книга не вместила и пятой

части пережитого. Они перебирали случай за случаем, Молли сбилась со счета, сколько раз с обеих сторон прозвучало заклинание «А помнишь?». Тототшка вяло двигал ушами, часто слыша свое имя.

Такой маму Молли еще не видела, в ней словно воскресла девочка Элли. Она ожила, раскраснелась, заливисто и много смеялась, глаза подернулись дымкой воспоминаний. Два часа пролетели как миг не только для старых друзей, но и для самой девочки.

А когда окно громко хлопнуло на ветру, возвращая путешественников в этот мир, повисла пауза. Элли посмотрела на окно почти с обидой и грустью.

– Чай давно остыл, – наконец заметила она рассеянно.

Чашки с холодным чаем отправились в раковину.

– Были времена, – вздохнул Страшила мечтательно.

Пока мама гремела посудой, дочь приблизилась к гостю, шепнула на ухо:

– Возьмешь меня в Волшебный мир?

Страшила виновато развел руками:

– Боюсь, там сейчас опасно даже для взрослых. Волшебный мир уже не тот, что раньше.

– Кто там куда собрался? – строго одернула мать.

Молли ретировалась по своим следам обратно на табурет.

А еще через несколько часов Тототшка перестал дышать. Старый пес словно специально все эти годы держался из последних сил, чтобы успеть встретиться, в последний раз пережить приключения молодости в кругу друзей. Элли весь вечер проплакала, Страшила сокрушался, хватаясь за голову, ходил по комнате кругами, подвывая и раскачиваясь, как душевнобольной. Молли до вечера молча сидела в углу с красными глазами. Самое обидное, что до Волшебного мира оставалось рукой подать, хватило бы суток, и бедный пес был бы спасен. Она по-прежнему не представляла, как бы выглядело спасение, но уж в Волшебном мире наверняка бы подсказали. Теперь поздно.

Когда за окном начало темнеть, в прихожей затрезвонил телефон. Даже из соседней комнаты было слышно, как голос отца в трубке перекрикивал визг шлифовальных станков. Он сообщил, что переночует у Билли и завтра весь день вновь проведет в сервисе.

– Тототшка умер, – тихо сообщила Элли.

В трубке смолкло.

– Хочешь, я приеду?

– Нет, оставайся, если надо. Мы его похороним. За домом.

– Уверена?

– Да, не волнуйся...

В этот момент Молли впервые ощутила отчужденность к отцу. Он никогда особо не обращал внимания на Тототшку, не сообщи Элли, он бы и через месяц не обнаружил пропажи. Короткий разговор яркое тому доказательство. Судя по голосу, известие его не тронуло, и нужды попрощаться с питомцем он не испы-

тывал.

Бездыханное тело отнесли за дом уже в темноте и в траурном молчании. Страшила отказался с кем-либо делить лопату, копал как одержимый. Для маленького пса не требовалась глубокая яма, но сколько Элли ни увещевала его остановиться, лопата мелькала в воздухе, пока соломенный гость не ушел в землю по грудь.

Завернутое в одеяло, тельце с почестями опустили на дно. Страшила нарочно расположил его так, чтобы вышитая надпись «Тотошка» смотрела вверх.

– Добрый, добрый, добрый Тотошка, – горестно произнес Страшила. – Наш, старый, старый, добрый друг. Мы будем помнить тебя вечно, весь Волшебный мир будет помнить тебя вечно. Обещаю, если я когда-нибудь вернусь в Изумрудный дворец, я велю воздвигнуть в твою честь памятник, чтобы о твоих подвигах узнало как можно больше людей!

Он бросил в яму ком земли, отступил на шаг, не переставая мять поля шляпы. Элли с тоской устремила взгляд на узкую полоску заката.

– Вот и закончилось мое путешествие, – обронила она. – Ты знаешь, Страшила, а ведь я, когда он слег, часто по ночам прокрадывалась в угол, ложилась рядом, гладила и шептала на ухо, чтобы держался, чтобы потерпел еще немного. Как чувствовала... Тотошенька, милый, надеюсь, там ты снова станешь молод и весел, и тебе больше не придется скучать.

Она тоже бросила щепотку земли и расплакалась на плече у Страшилы. Молли с хмурым видом подошла к краю ямы и, не говоря ни слова, полезла вниз. На дне уселась рядом со свертком, сложила руки на груди с таким видом, мол, закапывайте тогда и меня тоже. Насилу ее вытянули оттуда в четыре руки. Элли обняла дочь, макушка у той быстро промокла от маминых слез. Сама Молли упрямо не давала слезам выход, ее переполняли злость и обида. Так нельзя, так не должно быть, это несправедливо, когда до цели оставалось рукой подать. Ее вина, она не успела. Надо было не слушать никого и сразу действовать.

Когда на месте ямы вырос холмик, они втроем установили самодельный крест из двух палок. Элли пообещала дочери, что закажет потом полноценную мраморную плиту с фотографией.

– Хорошо, что Железный Дровосек этого не видел, – сказал Страшила на обратном пути, – его бедное сердце точно бы не выдержало.

– Как он живет, за ним ухаживают? – вздохнула Элли.

Страшила, казалось, поник еще больше, даже поля шляпы словно отяжелели.

– Я не видел его уже очень давно и понятия не имею, где он, жив ли.

Элли с тревогой посмотрела на понуро плетущегося друга, но смолчала.

В прихожей все трое сняли грязную обувь, Молли искоса проследила, куда встали серебряные башмачки. Неожиданно для всех Страшила выудил из кармана штанов фляжку, отвинтил крышку и сделал маленький глоток.

– Ты что? – поразилась Элли. – Зачем?

– Что? – потерянно переспросил Страшила. – Ах это. Это волшебная вода.

Все, к чему прибавлялось слово «волшебный», действовало на Молли как

магнитное поле на стрелку. Даже сейчас, несмотря на горе, глаза ее чуть задержались на обычной с виду фляге.

– Так это она позволяет тебе... ходить здесь? – догадалась Элли.

Страшила также потерянно кивнул, добавил загадочно:

– Теперь и не только здесь.

– Но как? Почему она сама тут действует?

Гость пожал плечами:

– Несколько лет назад мне сказали, что она поможет. Мы с Дровосеком надежды уже проверили, так что я знал, получится и в этот раз.

Они прошли в кухню. Не успела Молли безмолвно, как тень, вскарабкаться на табурет, мама сообщила, что время позднее, после стольких тревог дочке лучше отправиться в кровать.

Впервые на памяти Элли дочь не возразила ни слова, с равнодушным видом сползла на пол, юбка ее повседневного платья напоследок прошуршала по открытой двери. Все понятно, сейчас будут шушукаться про новости из Волшебного мира.

У себя в комнате Молли, не раздеваясь, забралась под одеяло, укрылась по шею и стала ждать. Мама всегда ошибочно верила, что десять минут дочери более чем достаточно, чтобы крепко уснуть. Через десять минут тихо и протяжно скрипнула дверь. Молли закрыла глаза. В мягких домашних тапочках шагов мамы было не слышать. Сухие теплые губы едва коснулись лба, чужие руки подоткнули одеяло.

Когда язычок замка со щелчком встал на место, Молли приподняла голову, потянула с себя одеяло. Самое трудное в таких случаях – открыть дверь бесшумно, у мамы слух как у летучей мыши, пока не уснет, любой шорох из комнаты Молли не остается незамеченным.

Она подкралась к замочной скважине. Из-под закрытой двери кухни лилась тусклая полоска света. Приложившись к замочной скважине ухом, девочка различила приглушенное мычание голосов. Надо действовать, пока в разговоре не возникла случайная пауза.

Закусив от напряжения губу, миллиметр за миллиметром Молли потянула дверь на себя. Едва в проем смогла поместиться голова, она отпустила ручку и осторожно протиснулась. К счастью, у мамы вчера не дошли руки снять ковер в гостиной, босые ступни прокрались по мягкому настилу без единого звука. Перед кухонной дверью она опустилась на колени, прильнула ухом к щели между дверью и полом, чувствуя, как оттуда потянуло сквозняком.

– ... уже давно нет возможности передавать сообщения с птицами, – негромко рассказывал Страшила. – Они перестали нас понимать, забыли человеческую речь. Забыли даже, что совсем недавно жили с нами бок о бок. Теперь это самые обыкновенные птицы, которые пугаются приближения человека.

– Неужели все птицы?

– Не только птицы, все звери одичали. С недавних пор хищники в нашем лесу не менее опасны, чем в вашем.

– И наш Лев? – с неподдельной тревогой спросила Элли.

– Будь я набит не сеном, а мясом и костями, я бы не решился приблизиться к нему и на полмили. Мне горько это говорить, но вряд ли он помнит нас с тобой. Не лучше дело обстоит и с волшебными растениями. Сегодня мы вспоминали маковое поле, которое усыпляет любое живое существо. Не так давно один мой хороший знакомый рассказывал, что благополучно пересек поле. Всю дорогу зевал, пошатывался, но не уснул. А как только поле осталось позади, сразу взбодрился, пошел веселей, будто ничего и не было.

– Ничего не понимаю. Как такое возможно, ты узнал, что происходит?

– Я думаю... – Страшил вздохнул с хрипловатым свистом. – Я думаю, волшебство покидает Волшебный мир.

– Покидает Волшебный мир? – тупо переспросила Элли.

– Думаю, да. В Голубой стране дела обстоят пока лучше, уж не знаю почему. Но уверен, это ненадолго. Последний раз около полугода назад со мной пыталась заговорить полевая мышь. Кажется, она не понимала, что вместо слов я слышу мышиный писк. А когда умолкла, то встала на задние лапы и смотрела на меня. Ждала ответа, наверное. Но стоило мне заговорить, она вдруг вздрогнула, как будто впервые услышала человеческий голос, и убежала.

По мере рассказа Элли все больше погружалась в задумчивость. Как только он договорил, она произнесла медленно:

– Но подожди... Птицы, звери, растения... А как же... волшебные существа? Как же ты, Дровосек?..

Страшила помолчал, поерзал на табурете, то ли боясь произнести вслух, то ли не желая пугать подругу.

– Я давно потерял связь с Дровосеком. Я не знаю, где он и что с ним.

– А ты? – не отступала Элли.

– А мне что, – мужественно ответил гость, – у меня есть вода.

– Одна фляжка? – бросила Элли чуть не со злостью. – А когда она закончится?

С видом провинившегося Страшила пожал плечами:

– Вернусь в Голубую страну, пока там дела не так плохи. А дальше... А дальше видно будет.

На сей раз кухня надолго погрузилась в молчание.

– Рассказывай все с самого начала, – наконец потребовала Элли.

А Молли услышала уже больше, чем нужно. Единственный на всем белом свете островок, окруженный горами, эта цитадель волшебства и всего того хорошего, о чем она читала в маминной книге, в опасности. В такой опасности, какая с ним никогда не приключалась. Молли надеялась найти в той цитадели спасение, а оказывается, спасение нужно ей самой. И чем скорее, тем лучше. Сегодня девочка получила жестокий урок, вот к чему приводит неоправданное промедление. Таких ошибок больше нельзя совершать. Настал ее черед подхватить знамя, отложенное и забытое мамой. Это последнее, что она может сделать для Тотошки.

Молли поднялась с колен, бесшумно проскользнула в прихожую.

На кухне Страшила долго медлил, собираясь с мыслями, затем глубоко вздохнул и заговорил:

– Все началось много лет назад, когда меня свергли с поста правителя Изумрудного города...

В прихожей раздался громкий хлопок. Оба повернулись на звук.

– Что это было? – испуганно спросил Страшила.

– Наверное, вешалка упала. Схожу посмотрю.

Элли вышла с кухни, Страшила потянулся за ней. Рука хозяйки привычным жестом нащупала выключатель. Загорелся свет. Соломенный гость вздрогнул, внезапно наткнувшись на свое отражение в зеркале. Элли огляделась, пожалала плечами:

– Странно. Все в порядке.

– Туфельки... пропали... – обронил Страшила растерянно.

ГЛАВА 1 ПРЕМ КОКУС

На одной из улочек города Гилара издали бросался в глаза необычный дом. Все соседские строения походили друг на друга как две капли воды: круглые, приземистые, с крышами, которые можно было принять за островерхие шляпы великанов. Но этот дом возвышался над остальными и напоминал памятник архитектуры, возведенный на пригорке. Несмотря на облупленные стены и покосившиеся башенки, дом сохранял остатки былого величия. Каждому становилось ясно, что когда-то здесь либо вершились государственные дела, либо жил важный государственный человек. А может быть, и то и другое.

Перед домом с утра крутилось много детишек в голубых кафтанах. Прокатился слух, что старик Прем Кокус показался на крыльце. Старик редко выходил из дома, соседи, бывало, не видели его по две-три недели. Дети старались не пропускать каждый его выход на солнце, у старика в запасе всегда было множество историй из прошлой жизни жевунов и Волшебного мира. Хоть местные мальчишки и девчонки выучили все истории наизусть, всякий раз от желающих послушать не было отбоя. Дело в том, что самые терпеливые слушатели в конце щедро вознаграждались сладостями.

Вот и сейчас группа детишек стеснилась вокруг крыльца величественного здания. Старик сидел на излюбленном пенечке, оглаживал длинную, до пупа, бороду. Подслеповато щурясь, он поднял голову на вновь прибывшую кроху.

– Кто это там у нас подошел, не вижу? – спросил он скрипучим, как несмазанная телега, голосом.

– Фиона, – отозвалась девочка, вынув палец изо рта.

– Фиона? Разве твои родители не на ярмарке?

– Они еще собираются.

– А, ну подходи, подходи. – Старик снова огладил белую бороду, задумчиво пожевал скомканным ртом. – На чем я остановился, запомывал?

– Как жевуны меняли продукты с подземными рудокопами, – подсказал тонкий голосок.

Старик закивал часто:

– Было и такое, было. Вы уж и не поверите, а ведь не так давно изумруды в Волшебном мире не стоили ничего, они буквально лежали под ногами. Ими украшали мостовые, стены, крыши домов Изумрудного города. Мы относились к ним, как к просто красивым камням, и это было правильно. Раньше среди жевунов не было ни богатых, ни бедных, мы занимались сельским хозяйством, все, чего нам не хватало, выменивали у соседей на продукты... – Он глубоко задумался, причмокивая жующим ртом. – Да, хорошо было, хорошо...

– А что случилось потом? – напомнили о себе дети.

– Потом? Ну что потом, потом все пошло наперекосяк... Они думают, старый Прем Кокус ничего не понял, думают, он вконец выжил из ума, но Прем Кокус все видит, все понимает. Всему виной наша с вами общая слабость. Кто знает, в чем главная слабость жевунов?

– Цветы? – хором предположили те, кто неоднократно слышали историю.

– Верно, – похвалил старик, – цветы. Ваши папы с мамой любят свои цветочные сады?

Дети с серьезным видом кивнули. И действительно, в любом городе Голубой страны все улочки выглядят одинаково: вдоль дороги тянутся резные голубые изгороди, а за изгородями на всеобщее обозрение выставлены клумбы с цветами.

– Так-то вот, – продолжил старик, – нашлись люди, которые этой любовью воспользовались. Знакомы вам такие имена как Барент Хол, Лин Гилар?

– Как наш город, – заметил один мальчик.

– Как наш город, правильно, да. Как бы мы с вами ни относились к этим двоим, а нельзя не признать, это великие цветочники, настоящие таланты. Какой это был успех, какой популярностью пользовались выведенные ими гибриды. Да и сейчас пользуются. Чего стоила одна Гилария многодушная, которая способна была менять аромат по дням недели! Уж конечно каждому жевуну хотелось завладеть такой. А вот теперь скажите мне, разве случайно эти двое вдруг решили начать продавать свои творения исключительно за изумруды? Разве случайно отказывались они продавать семена? Ведь получается как, через три-четыре недели цветы вянут, и жевуны идут за новым букетом! Многие пытались хитрить, высаживали черенки, но ни один из них не укоренялся. Небось и это случайно?.. В общем, чтобы разжиться букетом из новых сортов, жевунам оставалось раздобыть изумруды. И вот тут они столкнулись с неожиданным препятствием: шахты оказались перекрыты новым правителем Изумрудного города. Кто догадается, что произошло дальше?

– Лин Гилар предложил работать на него! – вскинув руку, выкрикнул курносый мальчик.

– Молодец, очень хорошо! Из тебя вышел бы дальновидный правитель! Жевуны стали не только ухаживать за их цветами в теплицах, они стали делать для них все: строили здания, мельницы, паромы через реку, нанимались носильщи-

ками, выгуливали их экзотических питомцев, в конце концов! Но самое главное, – старик выдержал многозначительную паузу, – самое главное, они стали засеивать для них поля! – Прем Кокус обвел детей таким взглядом, будто тех известие должно было потрясти. – А я им говорил, я предупреждал, но никто больше не хотел слушать старого ворчуна Кокуса, все хотели слушать блестящих цветочников. Они и название себе придумали такое же блестящее: «Лига Цветочников». Никто больше не хотел работать на общих полях, когда цветочники за ту же работу обещали платить изумрудами. Никто не пришел на прокладку новой дороги, которую я задумывал давно, ведь «цветочники» везде и всюду открывали свои стройки. И не помогли никакие заверения в важности дороги для будущего страны. Куда уж там против заверений Лина Гилара, что каждый жевун сам себе хозяин, и как будет выглядеть его палисадник, зависит только от него. А однажды утром, через какое-то время после сбора урожая, вот здесь вот, где мы с вами сидим, со всего города собрались растерянные, напуганные жевуны. Продукты на прилавках вдруг стали платными. «А что нам остается, – говорили на это представители «Лиги», – за работы в поле было уплачено, было уплачено и пекарям, у нас теперь нет возможности раздавать хлеб задаром!..» Вот так вот! Все, конечно, сразу бросились расхватывать наши продукты, с наших полей. Они-то оставались бесплатными. А я знай себе за голову хватался, когда мне докладывали, сколько зерна осталось в амбарах. Что было делать, пришлось идти и занимать денег у «Лиги», людей-то нужно было возвращать к работам. И что вы думаете, дали они?

Дети молчали, многие начинали откровенно позевывать. Они уже перестали понимать суть рассуждений старика. А тот, казалось, забыл, что перед ним все-навсего дети. Не дождавшись ответа, он сам заключил:

– Дали, а как же. Только взамен, потребовали выплачивать им часть с будущих продаж. Понимаете, что это значит? Это значит, что жевуны навсегда обрекались на платные продукты. Нужно было срочно наполнить казну, чтобы перестать зависеть от ухватистых дельцов. И вот тут я совершил свою главную ошибку – ошибку, которую все последующие годы я мечтал исправить. И сейчас мечтаю. Я сделал платными и наши продукты!..

Старик надолго умолк, глядя поверх голов куда-то в далекое прошлое. От стайки детей начали отделяться первые крупичицы. Сегодня Прем Кокус рассказывал на редкость скучно, даже награда в виде сладостей стремительно теряла убедительность.

– Что тут началось, вы даже не представляете, – неторопливо проговорил старик. – Уже на следующий день глашатаи на каждом углу с пеной у рта обвиняли меня в несусветных вещах. Они говорили, что я решил нажиться на бесплатном труде подданных, называли меня алчным, спятившим от жадности стариком. Один глашатай стоял прямо передо мной и городил одну ложь на другую, даже не краснея! Знаете, что я тогда сделал?

– Плюнули ему под ноги! – заявил тот же курносый мальчишка.

– Да еще как плюнул! – оживился старик. – Мое имя не Прем Кокус, если

мерзавец не запомнил этот плевок на всю жизнь! В тот день я даже не посчитал нужным оправдываться. Каждый жевун знает, что Прем Кокус готов жизнь отдать за своих подданных, каждый знает, что Прем Кокус все сознательные годы посвятил служению стране! Неужели, думал я, после стольких лет непорочной службы кто-то поверит в эту смехотворную ложь? Да не тут-то вышло... На следующее утро со мной перестали здороваться. Даже старые друзья, знавшие меня десятки лет, при встрече отводили глаза и делали вид, что не заметили меня. Это был настоящий удар, врагу такого не пожелаешь. Жевуны в знак протеста стали покупать только продукты «Лиги», хоть те и стоили дороже, а наши оставались гнить на прилавках. С тех пор каждое мое действие, каждая попытка наполнить казну нагло перевиралась и высмеивалась. Последний раз я еще пытался сопротивляться, когда изумруды в быту заменили вот на это... – Старик порылся в кармане, продемонстрировал детям граненый камушек размером едва ли с полноготка на мизинце. Камень тоже был зеленым, но куда бледнее изумруда. Он скорее походил на чуть подкрашенное стекло. – Кто скажет, что это такое?

– Четвертак.

– Правильно, это четверть стеклянной меры. Нам тогда пытались объяснить, что это вынужденный шаг и что это удобно для мелких покупок, ведь одна изумрудная мера равняется нескольким десяткам стеклянных. Удобно-то может и удобно, но я и тут заподозрил обман. Почему же шаг этот вынужденный, если больше года вполне себе справлялись и так? Разве в Волшебном мире вдруг стало меньше изумрудов? Испарились они, что ли? – Старик вздохнул, убрал камень. – Мнение старого Кокуса было уже никому не интересно. Меня только еще больше подняли на смех. На площадях появились плакаты, на которых старик с бородой – то есть, я – сидит на горе изумрудов и никого к ней не подпускает. С тех пор я уж и не пытался вмешиваться в жизнь города и совсем отошел от дел. Дал слабину, чего уж скрывать. Вы вот что запомните: мужчина способен вынести почти все, а вот чего он вынести не в силах, так это презрения собственного народа. Так-то вот...

Прем Кокус посидел, глядя в землю, потом хлопнул руками по тощим коленкам.

– Ну что, утомил я вас своей стариковской болтовней? – После чего добавил с хитрым прищуром: – Вы тут постойте, мне нужно кое-что проверить в доме. Сейчас вернусь...

ГЛАВА 2

САД ГУФФАЛО БИНГА

На улицах города Гилар царило редкое оживление. На целый день встала работа в полях, садах и огородах. По дорогам сновали невысокие люди в голубых кафтанах и островерхих шляпах. То и дело в обрывках фраз можно было уловить слова «ярмарка», «искатели».

Каждый сегодня подсчитывал свои сбережения и надеялся разжиться на ярмарке чем-нибудь исключительным. Ну и парочкой букетов, разумеется. Писком

моды сезона считались последние выводы Гуффало Бинга – цветы, которые не увядали месяцами, и при дыхании наполняли помещение запахом моря.

Улица Лепестковая, необычайно многолюдная сегодня, отличалась от соседних улиц одним домом. Среди маленьких одинаковых строений он выделялся как упитанный жук, проникший в стан муравьев. Это был двухэтажный голубой особняк с балкончиком на чердаке. Изящная голубая изгородь занимала площадь, на которой уместилось бы пять обычных домов с садами и огородами. Прохожие с завистью разглядывали плодовые сады, пруд с водой настолько прозрачной, что тайная жизнь рыбного царства была как на витрине. Уютные беседки и веранда были украшены цветущими лианами, из лиан на фруктовых деревьях были сплетены качели для ребенка. Все в этом саду блистало и радовало взор, плетеная изгородь казалась границей между пыльным миром жевунов и миром бирюзовой мечты, где место обыденного, практичного огорода занимал пруд с искусственным водопадом.

Но в настоящий трепет любого жевуна приводил палисадник перед домом. Даже соседи, которые видели его каждый день, нередко после рабочего дня замирали перед изгородью на добрые полчаса.

Забыв о цели путешествия, двое прохожих стояли и замороженно изучали пестрое цветастое море перед домом.

– Почему мне не повезло родиться гениальным цветочником? – завистливо вздохнул один. – А вон те желтые, видишь, рядом с Гуффалией морской? Я таких раньше не встречал, что это?

– Новый сорт, – с видом знатока разъяснил второй. – Гуффалия детская, он ее сегодня будет презентовать. Говорят, с наступлением темноты она начинает издавать звуки, похожие на мотив колыбельной. Эти звуки меньше чем в пять минут усыпят любого ребенка. Представляешь, как удобно, если у тебя непослушная дочурка? Говорят, ее можно обучить разным мелодиям. Вот только повянет уже через месяц.

Первый с досадой пощупал полупустой мешочек на поясе.

– Вот бы мне парочку семян...

– Это уж не по нашему карману.

– А тут что? Вон, клумба с такими пышными красными... Глянь, глянь, ты только посмотри, они как будто шепчутся между собой!

– А насчет этих, – собеседник понизил голос, словно боясь посторонних ушей, – насчет этих никто ничего не знает. Господин Бинг держит их в секрете. Мы их прозвали Шептунами. Знал бы ты, сколько журналистов тут побывало, сколько художников запечатлело эту клумбу. А недавно мне, – он огляделся, еще понизил голос, – недавно один цветочник заплатил мне немалую сумму, чтобы я пустил его пожить на моем чердаке.

– Богач заплатил, чтобы пожить на твоём чердаке? Он что, сошел с ума?

– А ты посмотри, вон мое окошко. Оттуда отличный вид на палисадник господина Бинга. Лучше места не придумаешь, чтобы тайно наблюдать за повадками новых цветов. У цветочников это теперь называется конкуренция.

Первый озадаченно покачал головой, хотел было что-то сказать, но внезапно в клумбе с теми самыми красными цветами раздался громкий хлопок. Цветы зашелестели потревоженно. Сосед господина Бинга испуганно потянул товарища за рукав, оба поспешно засеменили от дома. Не избежать беды, если хозяин работал в палисаднике и слышал разговор.

Когда их спины скрылись за поворотом, среди красных цветков показалась довольно крупная по меркам жевунов голова. Две золотистые косички завертелись в воздухе.

– Получилось, – донесся из палисадника ошеломленный шепот.

Раньше, чем нарушительница спокойствия поднялась с колен, она заподозрила нечто странное в переполохе среди цветов. Клумба, в которую она приземлилась, шелестела и бурлила, как разбуженный улей. Перед лицом маячил цветок размером с голову ребенка. Бархатные лепестки мелко трепыхались, как крылья бабочки, издавая звук, напоминающий рассерженный шепот.

Девочка почувствовала, что под ней что-то шевелится, извивается. Испугавшись, не раздавила ли какого зверька, она отодвинулась. Придавленным к земле оказался не зверек, а стебель цветка. Едва избавился от груза, стебель распрямился. А дальше Молли с изумлением наблюдала, как один за другим цветок выудил из земли белые червячки корней, будто на паучьих лапках перебежал на них к другому краю клумбы, плюхнулся там. Корни вновь медленно погрузились в рыхлую землю.

Девочка глядела на невиданное зрелище с отвисшей челюстью, потом медленно поднялась, приблизилась к убежавшему цветку, тихонько ткнула пальцем в стебелек. Цветок опасливо отстранился, выждал немного, потом вернулся в исходное положение. Девочка снова тихонько ткнула. Тот отмахнулся лепестком на стебле, как от назойливой мухи, но пока не спешил покидать выбранное место. Тогда она поймала стебель одной рукой, несильно потянула кверху. Цветок заупирался и только глубже вгрызся корнями в землю. Молли схватилась второй рукой и потянула сильнее. Цветок извивался, яростно шелестел, но сила была не на его стороне, белые корешки начали выползать на поверхность.

И тут произошло невероятное. Несколько соседних цветов встрепенулись, повылазили с насиженных мест, белые червячки прошуршали мимо ног Молли. Зелеными лепестками на стеблях цветы вцепились в несчастного собрата и потянули на себя. Началось самое странное в жизни Молли перетягивание.

– Не-е-ет! – взорвался где-то наверху душераздирающий вопль. Дверь балкона с грохотом распахнулась. Едва не кувыркнувшись через перила, наружу выскочил круглый, как надувной мяч, жевун. – Не-е-ет! – снова пронзительно взвыл он. – Что ты делаешь?! Что ты делаешь?! Вон! Вон из моего сада, маленькая дрянь!

Молли так перепугалась, что не могла шелохнуться. Она продолжала держаться за стебель и испуганно смотрела, как беснуется на балконе хозяин дома.

– Стража! – верещал толстяк, потрясенный такой наглостью. – Стража! Поймать! Сто плетей! А потом двести!

На призыв хозяина из-за угла дома выскочили двое крепких жевунов с дубинами наперевес. Сам хозяин скрылся в дверях балкона. Слышно было, как под его тяжестью стонут полы и ступеньки в доме. Через мгновение толстяк выкатился на крыльцо, ринулся вслед за стражами к месту преступления.

Молли наконец пришла в себя и бросилась наутек. Благо, все изгороди в Голубой стране не выше пояса, она перемахнула преграду одним прыжком, припустила по дороге. За спиной успела услышать переменявшийся голос толстяка:

– Гуффилинушки-пуффилинушки, бесценные мои, что эта паршивка с вами сделала? Маленькая мерзавка! – визгливо крикнул он вдогонку. – Ты слышишь? Это тебе даром не пройдет! Это тебе даром не пройдет!..

От его криков улица очистилась моментально. Никто не хотел быть заподозренным в причастности к преступлению. Прохожие с удивлением оглядывались – какой сумасшедший рискнул проникнуть в сад Гуффало Бинга?

Пока стражники возились с калиткой, Молли сиганула через одну из соседних изгородей, залегла в палисаднике куда скромнее и бесцветнее предыдущего. Помахивая на бегу дубинами, стражи промчались мимо. Девочка была потрясена и обескуражена. В маминой книге жевуны так себя не вели с маленькими девочками. Какие-то это неправильные жевуны.

Она не высовывалась до тех пор, пока не слышала, как парочка возвращается. От их грозного вида не осталось и следа. Каждый растерянно пожевывал уголком рта, дубинки бессильно волочились по земле.

– Кажется, теперь нам несдобровать, – пришел к выводу один.

– А я как раз пообещал девочкам купить на ярмарке зеркальце, меняющее отражения. Не видать нам премии.

– Какая тут премия, сами бы не остались должны.

Похоже, его опасения были не напрасны. Молли слышала, как Гуффало Бинг в ярости топает ногами и распекает нерадивых служащих. За халатность он наложил на обоих такой штраф, что пообещавший зеркальце жевун расплакался.

Когда шум по соседству стих, Молли, озираясь, выбралась из укрытия. Хоть эти двое и собирались всыпать ей триста плетей, в груди шевельнулась жалость. Не повезло им с работой, шли бы лучше работать в поля с остальными жевунами. Как в маминой книге.

ГЛАВА 3 НА ЯРМАРКУ

Нужно было решить, что теперь делать, каковы ее первые шаги. У мамы в первое путешествие все сложилось само собой, она сразу встретила волшебницу Виллину в окружении жевунов, и та подсказала, куда идти. Уже по пути мама одного за другим встретила будущих друзей. Значит и ей, Молли, необходимо довериться случаю.

А случай представился как нельзя более удачный, на главной улице все жевуны двигались в одном направлении. Недолго думая, Молли пристроилась за шумным семейством. Двое детей скакали вокруг отца, третий запрыгнул ему

на спину и кричал «Но!». Четвертого, с красными от слез глазами строго мать волокла за ухо и отчитывала, не стесняясь посторонних. Молли заметила такую странность: дети жевунов вырастали очень быстро, а потом в течение жизни постепенно добирали недостающие несколько сантиметров. Ровесники Молли были всего на полголовы ниже ее и вполне могли сойти за одноклассников из большого мира.

– Па-астаранись! – услышала она оклик. – С дороги!.. С дороги, остолоп, ты что, не видишь, кого я везу?

Молли обернулась. Расталкивая прохожих, по середине дороги бежал человек без шляпы. Он тащил огромную повозку на двух колесах. Сверху на мягком кресле восседала почтенная дама неопределенного возраста. Она ни на кого не смотрела, взгляд и поза выражали бесконечную усталость. Наверное, от этих коротышек, вечно копошащихся под колесами. Пухлая белая рука лениво поманивала голубым веером.

– Мадам Бомшток, – восхищенно прошептала женщина, только что отчитывавшая сына.

Дама в экипаже покровительственно скосила глаза на шептавшую. Но, увидев ораву детишек и зареванное лицо одного из них, чуть скривила губы и отвернулась. Мать покраснела, отчего-то зло толкнула мужа.

Когда повозка укатила вперед, Молли приблизилась к семье, спросила у женщины:

– Кто такая эта мадам Бомшток?

Женщина повернула все еще пристыженное лицо, в замешательстве оглядела одежду девочки.

– Ты не знаешь, кто такая мадам Бомшток? – Молли покачала головой. – Супруга господина Бомштока, разумеется. Они запросто ходят на чай к самой чете Гиларов.

– А кто такая чета Гиларов?

Женщина окинула девочку уже подозрительным взглядом, вместо ответа схватила за руки двоих детей, ускорила шаг. Муж поспешил за ней. Молли пожалала плечами, нарочно приотстала.

Всю дорогу она улыбалась, оглядывая забавных невысоких человечков, здоровалась с каждым. Она не сомневалась, вот-вот прохожие поймут, что за гостью занесло в Голубую страну, бросятся к ней, счастливые, начнут рассыпаться в благодарностях, уверять, какая это честь, познакомиться с дочкой самой Элли-Из-заГор. Именно так происходило в маминой книге.

Но время шло, а никто не обращал на нее внимания. Самые вежливые в ответ на моллино «здравствуйте» коротко кивали и снова погружались в свои мысли. Большинство же поспешно отводило глаза и совсем как та женщина ускоряли шаг. Уж больно странно выглядела эта девчонка с ее нарядом и широченной улыбкой на лице. Нормальные люди так себя не ведут.

После множества таких приветствий Молли начала растерянно озираться, а через полчаса вовсе остановилась. Полчаса хватило, чтобы убедиться оконча-

тельно: никому до нее нет дела. Гостью из другого мира замечали только когда она крупной фигурой загоразивала дорогу. А вместо радости и ликования на лицах жевунов девочка встречала опаску или глухое раздражение. Что-то не так, пока она совсем не узнавала страну, описанную в книге. В душе как снежный ком разрасталось чувство тревоги, какое испытала бы любая маленькая девочка, вдруг обнаружившая себя в чужом городе с чужими людьми.

Облизнув пересохшие губы, Молли беспомощно огляделась. План довериться случаю, пустить все на самотек начинал казаться все менее надежным. Но делать нечего, она поплелась по обочине, уже не решаясь выходить на дорогу и вливаться в поток. В какой-то момент на краю сознания робко шевельнулась мысль о серебряных башмачках. А ну как не дождется своей волшебницы с волшебной книгой? Ведь ничего страшного не произойдет, если она попытается в другой раз, когда лучше подготовится? А как быть с ночлегом уже сегодня? Под напором этих и многих других вопросов решимость девочки таяла на глазах, но она упорно отгоняла их – вот смеху-то будет, спасительница!

От невеселых дум ее отвлекло странное происшествие.

На обочине дороги зашуршали кусты. Высокая трава раздвинулась, оттуда высунулась маленькая, как у куклы голова, с такими же мелкими кукольными чертами лица. Хозяин головы был так низок ростом, что красный колпак едва дотягивал Молли до пояса, а макушка была вровень с коленками ее отца. Несмотря на белую бороду, подметающую землю, существо не выглядело стариком. В своем племени оно, наверное, считалось мужчиной средних лет.

Похожий на игрушечного человечек двумя руками запахнул ворот голубого кафтана, воровато зыркнул по сторонам. Взгляд серых глаз остановился на изумленной Молли, смерил ее с головы до ног.

– Эй, девочка, – позвал он тонким, как жужжание комара, голосом и поманил кукольным пальцем. Заинтригованная, Молли шагнула к забавному существу.

– Вы гном, да?

Человечек снова огляделся из-под белых бровей, долгим подозрительным взглядом проводил взрослого жевуна, оглянувшегося на необычную пару.

– Гном. Скажи, девочка, ты на ярмарку идешь?

Молли пожала плечами:

– Куда все идут, туда и я.

– А знаешь ли ты, что больше всего любят продавцы на ярмарке?

– Что?

– Изумруды. – Он подался ближе. – Ты видела когда-нибудь настоящий изумруд?

– Нет, не видела.

Гном повернулся боком, пряча что-то от чужих глаз, принялся шарить за пазухой. Когда он вытянул руку, на ладони лежала горстка ярко-зеленых камней.

– Ты слышала, что Изумрудный банк за одну изумрудную меру берет двадцать стеклянных?

Молли снова пожала плечами, затем неуверенно кивнула, не хотелось ка-

заться совсем глупой.

– Тогда ты оценишь мою щедрость, когда получишь ее всего за пятнадцать! Сколько у тебя есть мер?

– У меня нет никаких мер.

– Что, вообще? – удивился человек. Молли покачала головой. – А у твоих родителей? Ты можешь попросить у них, я подожду.

– У них тоже нет.

Карлик помолчал, изучая лицо девочки.

– Тебе повезло, сегодня особенный день, смотри, – он выловил с ладони самый маленький камень, продемонстрировал его в двух пальцах, – я готов за умрудный четвертак взять с тебя только две меры.

И сразу спрятал камень от любопытных прохожих.

– И четвертаков у меня тоже нет, – сообщила Молли.

Молчание затянулось. Гном с досадой убрал камни обратно за пазуху, на ладони его Молли заметила следы зеленой краски.

– С дороги! – послышался за спиной грозный окрик. – Эй ты, ты что, оглох? Я тебе устрою веселый месяц в башне, прижмись к обочине!

Сквозь людской поток продиралась группа невысоких, похожих на чемоданы жевунов. Вместо кафтанов на них были голубые мундиры, вместо шляп – фуражки. За широкими спинами возвышался голубой с позолотой экипаж. Крепыши расталкивали прохожих, освобождая экипажу дорогу.

Завидев мундиры, гном с тревогой запахнул кафтан, попятился в траву. Молли чуть посторонилась. Один из крепышей в фуражке выхватил взглядом Молли, с подозрением стал рассматривать необычную одежду. Но тут под ноги ему попался нерасторопный малыш. Страж порядка побагровел от гнева, как клещ вцепился ребенку в ухо, орал что-то про башню, пока тот ревел, как блажной. На дорогу выскочила мать ребенка, бросилась умолять простить неразумного детеныша. Тот отвесил ему легкого пинка, продолжил путь, пожеывая с наглым удовлетворением и выискивая взглядом новую жертву.

Экипаж несли на плечах шестеро чистых, но изможденных с виду жевунов. Когда занавешенное окно поравнялось с Молли, из-за шторы по локоть высунулась рука настолько толстая и короткая, что была похожа на снеговика, сложенного из двух комков разного размера. Рука сделала знак носильщикам остановиться, экипаж замер напротив девочки. Шторка съехала набок, в проеме показалось круглое розовощекое лицо с нелепо тонкой полоской усиков.

Лицо подалось из темноты, и Молли похолодела. На нее пристально смотрел Гуффало Бинг.

Объятая ужасом, девочка отступила на шаг, повертела головой, выискивая пути отступления. Вот, похоже, приключение и подошло к концу, придется воспользоваться башмачками. Здесь, в открытом поле, от крепышей не укрыться.

– Эй ты, как тебя, – обратился к ней толстяк, – девочка! Сколько в тебе росту?

Станный вопрос привел Молли в еще большее смятение. Она помолчала, потом сглотнула пересохшим ртом, пробормотала слабо:

– Не знаю, метр сорок, наверное...

Гуффало кивнул удовлетворенно:

– Великолепно!.. Хочешь заработать пару четвертаков?

Молли в замешательстве похлопала глазами. Неужели толстяк ее не узнал, как такое возможно? Неужели для него все дети настолько одинаковые?

– Хочу, – уронила она, сама не веря, что произнесла это.

– Забирайся на крышу, потом скажу, что нужно делать.

Шторка рывком задернулась. Носильщики дружно присели на одно колено. С недоверием и опаской косясь на шторку, Молли по оглоблям вскарабкалась на крышу, уселась сверху на ровную площадку. В голове пульсировала тревожная мысль, не загоняет ли сама себя в западню.

Носильщики с трудом поднялись с колен. Под весом нового пассажира и без того сгорбленные спины согнулись еще ниже. Процессия тронулась. Молли с удивлением отметила, что многие прохожие теперь поглядывают на нее с завистью. Можно подумать, для них предел мечтаний посидеть на голых досках у Гуффало Бинга.

ГЛАВА 4 ГИЛАРСКАЯ ЯРМАРКА

От шума толпы и криков торговцев закладывало уши. Внизу разливались реки шляп – реки, у которых не было единого течения, голубые капли двигались хаотично, каждая в свою сторону. Молли с интересом наблюдала, как киль из пяти человек в фуражках разрезает толпу, и экипаж беспрепятственно входит в открывающуюся брешь.

Всюду, куда ни падал взгляд, тянулись ряды лотков, сотни торговцев перекривали друг друга, зазывая покупателей. От рядов с продуктами тянуло ароматом пряностей и свежей выпечки, тяжелое облако испражнений застыло в рядах с домашними питомцами. Запах новенькой бумаги от книжных лавок сменялся сладким запахом древесины, запах железа и смазки – освежающим запахом овощей и фруктов. Голова могла пойти кругом от обилия ароматов и зрелищ. Молли озиралась с неподдельным удивлением, даже в ее мире такого рынка не сыскать. Тут можно было купить все: от детской игрушки до рыбацкой лодки, от каких-нибудь письменных принадлежностей, до инструментов подземных рудопроходчиков.

При виде переносного экипажа торговцы униженно кланялись, растекались плащаво:

– Господин Гуффало Бинг, специально для вас, настоящий шелк, только вчера прибыл из страны болтунов. Извольте потрогать, в нежности он уступит разве что коже вашей супруги.

Продавец с поклоном протянул отрезок ткани. Из окна экипажа высунулись пухлые пальцы, сплошь унизанные перстнями с изумрудами, пощупали ткань, отшвырнули.

– У меня есть что предложить и для вашей юной спутницы, – не сдавался тор-

говец и, вскочив на прилавок, продемонстрировал кусок нежно-голубой материи, – пожалуйста, маленькая мисс, потрогайте. Эта ткань очень подойдет вашим прелестным глазкам.

Молли потянулась к товару, но толстые пальцы опять вылезли из-за шторы и шлепнули по ее руке.

Так продолжалось всю дорогу. Похоже, хозяина сада знали в городе все.

– Господин Бинг, – со скорбной физиономией обратился один из торговцев, – весть о происшествии в саду уже дошла до наших ушей, это просто ужасно. Могу предложить вам первоклассного сторожевого питомца, рудокопы называют его запросто, клыкастиком. Несмотря на малые размеры, он скорее умрет, чем пустит в дом чужака. А зубы у их породы, говорят, так остры, что в два счета перекусят ногу любого вора.

Шторка экипажа отодвинулась. Молли тоже выглянула из-за крыши, гадая, как это весть могла дойти так быстро. Видимо, кто-то из случайных свидетелей поспешил разнести слух по всей ярмарке.

Продавец держал в руке клетку со стальными прутьями. Внутри сидело нечто, похожее на мохнатого головастика: широкая, как блин, морда была насажена на крошечное тельце с лапками, как у котенка. Огромные и невинные глаза с любопытством смотрели на покупателя, из нижней челюсти торчали клыки длиной с палец. Острия клыков почти касались глаз.

– Такой кроха – и ногу? – недоверчиво спросил Гуффало.

Продавец молча взял обрубок палки, сунул его между прутьев. Кроха среагировал моментально, зубы лягнули с такой силой, что в торговца полетели щепки. Палка укоротилась на добрых пять сантиметров. Поняв, что откусил нечто несъедобное, клыкастик закашлялся, изо рта вывалилась пережеванная каша.

Шторка экипажа опустилась на место.

– Сколько? – через мгновение донеслось изнутри капризным тоном. По этому тону всякий должен был понять, что после произошедшего загибать цену просто бесчеловечно.

– Всего пятьсот мер, – с поклоном ответил торговец.

– Сколько?! – взвизгнул Гуффало.

Торговец предостерегающе покачал пальцем, любезно улыбнулся:

– Так я обычно отвечаю всем покупателем. Но у вас сегодня особый случай.

– Это правда, – подтвердил толстяк, устало откинувшись на спинку сиденья.

– Поэтому для вас, в убыток себе, я отдам его за четыреста. Цена просто смешная за такого редкого и крайне полезного зверя.

Шторка на сей раз откинулась окончательно, огромная голова высунулась наружу.

– Что это? – спросил он, прищурясь. – Что у него с ухом? Порвано? А что за проплешины в шерсти? Да его как будто изрядно потрепали?

– У бедняги тяжелая судьба, – вынужден был признать торговец, – это только закалило его характер. Но вы правы, товарный вид в нашем деле играет не по-

следнюю роль. Еще пятьдесят я выложу из своего кармана, чтобы вы могли взять его за триста пятьдесят. В тяжелые времена жевуны должны помогать друг другу.

Молли смотрела на необычную зверушку не отрываясь, а та с интересом смотрела на Молли. Когда девочка приветливо помахала рукой, зверушка вскочила на лапы, издала нечто вроде рыка, захлебнувшегося в радости. Короткая пружинка хвостика бешено замелькала в воздухе.

– Вы только посмотрите, как он радуется, – пришел в восторг торговец. – Он уже признал в вас хозяина.

Гуффало Бинг швырнул из окна три голубых мешочка.

– Вот тебе триста мер, доставь его в мой особняк.

Продавец застыл в земном поклоне, всем видом показывая, что чувство восхищения и признательности лишило его дара речи. Экипаж двинулся в сторону центральной площади. Молли и клыкастик продолжали с любопытством смотреть друг на друга, пока клетка не затерялась среди шляп.

Площадь была заполнена народом до отказа. Карапузов сажали на плечи, дети постарше проворно карабкались на крыши лотков, уворачиваясь от разъяренных продавцов. В синем море шляп изредка попадались островки открытых или закрытых, как у Гуффало Бинга, экипажей. Взгляды толпы были обращены к возвышению, напоминавшему концертную площадку. Там выступал бойкий говорливый человек. Он кривлялся, размахивал руками, подшучивал над кем-то из первых рядов. Когда в толпу врубился буравчик из пятерых стражей порядка, человек на помосте возвестил торжественно:

– А вот и наш дражайший господин Гуффало Бинг! Разве не обещал я вам, что торги сегодня будут жаркими?

Носильщики развернули экипаж окошком к сцене, опустили на землю. Молли услышала под собой трехкратный стук.

– Эй ты, как тебя, девочка!

Она выглянула за край. Из окна кареты уже торчало круглое румяное лицо.

– Я буду стучать и подавать тебе таблички, а ты поднимай их как можно выше, поняла?

Девочка молча кивнула.

ГЛАВА 5 ИСКАТЕЛИ

– А к нам уже присоединился первый продавец, – громогласно вещал оратор. – Его имя, конечно, не нуждается в представлении. Мэтр Бланх, прошу вас. Какой сюрприз вы приготовили нам сегодня? Какие еще чудеса скрывают недра Волшебного мира?

На помост поднялся худой, как жердина, человек с бородой на груди. Судя по запыленному кафтану, он не успел даже переодеться с дороги. В руках человек нес громоздкий деревянный стул.

– Если вы устали, мэтр, – ухмыльнулся оратор, – не нужно было тащить на себе эту громадину, мы бы нашли вам табурет.

По первым рядам прокатились смешки. Мэтр Бланх снисходительно улыбнулся, поставил стул в центре помоста.

– Боюсь, дорогой господин Морах, этот стул показался бы мне жестковатым. Дамы и господа, я потратил больше месяца на поиски этой вещи. Среди вас вряд ли найдется человек, который не слышал имя самого известного столяра Волшебного мира – Урфина Джюса. Перед вами его ранняя работа. Работа тех времен, когда на всю Голубую страну столяр был известен прескверным характером. И сейчас вы поймете, почему большое значение имеет характер создателя. Есть среди вас доброволец?

Жевуны переглядывались, подталкивали друг друга. Наконец, на лесенку робко ступил молодой человек, едва достигший совершеннолетия. Искатель подбадривающе улыбнулся, указал на стул. Тот приблизился, пощупал спинку руками, надавил на сиденье, осторожно присел на краешек. Толпа затаила дыхание. Посидев немного, молодой жевун попрыгал на стуле, откинулся на спинку, покачался на двух ножках – ничего не происходило. На его лице уже заиграла улыбка, когда господин Бланх вдруг подошел и тихонько пнул по ножке.

Оскорбленный, стул ударил ножками об пол так, что Молли услышала, как лязгнули зубы седока. Жевун побледнел, вцепился в дерево обеими руками, а стул принялся скакать, как разъяренный бык, над площадью понесся частый стук дерева о дерево. Публика хохотала. Едва не вылетев, жевун умудрился извернуться, схватился за спинку. Упорство наездника словно вконец взбесило стул, он накренился вперед и размашистым пинком швырнул наглеца в толпу. Только тогда, отомстив, затих, удовлетворенный.

– Вот так так, – со смехом прокомментировал оратор Морах. – Господин Бланх нашел отличный способ навеки отвадить от дома нежеланного гостя! Умоляю, кто-нибудь, посмотрите, в сознании ли наш бедняга подопытный. Итак, мэтр, какую начальную цену вы хотите запросить за это чудо столярного мастерства?

Глядя на реакцию толпы, искатель улыбался торжествующе, поднял два пальца и сказал громко:

– Две тысячи мер!

– Две тысячи! – продублировал оратор. – Кто согласен, что цена слишком скромна за столь любопытный лот, кто откроет наши торги? Мадам Плюманш, ну конечно, сам не понимаю, зачем я спрашивал! Пожалуйста, встаньте, покажите всему городу, какого цветка на полдня лишился ваш чудесный сад!

На одной из открытых колясок приподнялась пожилая дама. Жеманно улыбаясь, она махнула на говорящего, мол, скажешь тоже, дурак. На мгновенье застыла перед толпой в позе природной скромности, которая просто требовала руки художника. Оратор отвесил элегантный поклон, а когда дама села на место, снова оглядел толпу.

– Кто больше? Госпожа Арно, что скажете? Я слышал, на будущей неделе ваша достопочтенная тетушка собирается к вам погостить, не желаете? Нет? Ну как хотите. Неужели больше нет желающих? В таком случае, продано госпоже Плюманш за две тысячи мер!

В толпе раздались громкие аплодисменты. Молли успела заметить досаду на лице искателя. Похоже, на деле он рассчитывал выручить значительно больше.

После господина Бланха на помост друг за другом выходили люди с разными волшебными предметами. Кто-то демонстрировал факел, который загорается под взглядом владельца, кто-то настенные часы, которые при переводе стрелок поворачивали события на помосте вспять. Искатель вдруг оказывался в зеленой шляпе, переодетой пять минут назад, а оратор с удивлением понимал, что его рот повторяет сказанное раньше.

Карандаш, умеющий копировать почерк всех, кто хоть раз им писал, яблоко, которое само заращивало откушенную часть, если его не съесть целиком. Самый большой ажиотаж произвела ступа, умеющая подниматься в воздух. Двигалась она рывками, с помощью взмахов метлы. Тут не обошлось без происшествий. Искатель облетел площадь над головами, жевуны прыгали, пытаясь прикоснуться к чудесному аппарату, а какой-то мальчишка на крыше лотка умудрился ухватиться за край. Ступа перевернулась, вдвоем они проломили крышу и рухнули вниз, переломав продавцу большую часть букетов.

Каждой из показанных вещей Молли мечтала бы завладеть немедленно и не понимала, почему богач Гуффало Бинг до сих пор молчит. Жевуны смотрели на эти чудеса не менее заворуженно, но не могли себе позволить таких покупок. Они собрались ради зрелища.

– Наконец дошла очередь и до вас, мэтр Фрост, – сообщил господин Морах.
– Мы возлагаем на вас большие надежды, удивите публику!

На помост взошел крепкий, вытянутый в струнку старик с седой бородой до пупа.

– Непросто удивить такую искушенную публику, – произнес старик невозмутимо, – но я попробую.

– Молим вас.

– Раздобыл тут в дальних краях перчатку на правую руку, – продолжил искатель так же невозмутимо, натягивая потертую перчатку из коричневой кожи.

– Что ж, нам очень жаль вашу левую руку, – сочувственно произнес оратор,
– Могу посоветовать вам хорошего перчаточника.

Разогретая умелым ведущим толпа к тому времени уже с готовностью отзывалась смехом на любую шутку. Старик покивал с улыбкой, подошел к оратору вплотную.

– Простите, могу я позаимствовать этот огрызок карандаша с вашего стола?

И, не дожидаясь, пока господин Морах посторонится, направил руку прямо ему в живот. Жевуны пораскрывали рты, по толпе разнесся взволнованный шелест. Коричневая перчатка беспрепятственно вошла в кругленький живот оратора и вылезла из спины. Там она пошарила по столешнице, пальцы нащупали карандаш, сжали его в кулаке. Рука вновь скрылась в спине Мораха. Через мгновение старик показал карандаш на раскрытой ладони остолбеневшему оратору.

– Благодарю вас, можете забрать, он мне больше без надобности, – с улыбки

кой сказал старик и обернулся к притихшей толпе: – Для этой перчатки не имеет значения, из какого материала сделано препятствие, сейчас я вам это докажу. Роланд, мальчик мой, ты нашел что-нибудь подходящее?

На зов, волнуясь и краснея, вышел мальчишка с кирпичом в руках. Старик ободряюще похлопал его по плечу.

– Как раз то, что нужно, спасибо. Ступай.

Мальчишка сразу убежал. Карандаш вернулся на стол, старик Фрост вытянул кирпич в левой руке, начал погружать в него пальцы правой. Пальцы показались с другой стороны и продолжали выдвигаться. Когда внутри кирпича осталось только запястье, он пошевелил освобожденной ладонью.

– Господин Морах, можете пожать мне руку, чтобы убедиться в отсутствии уловок.

На глазах у притихшей толпы оратор медленно поднял руку, сжал кожаную перчатку. Старик быстрым движением сдвинул кирпич. Как только внутри оказалась рука Мораха, он разжал пальцы. Внезапно отяжелевшая ладонь упала, ударив того кирпичом по бедру.

Оратор согнул руку в локте, с удивлением посмотрел на торчащие из кирпича кончики пальцев.

– Вот это лот! – восхищенно взревел он, вытянув кирпич в сторону толпы. – Мне самому не помешала бы в хозяйстве такая штука! Ваша цена, мэтр Фрост?

– Пятнадцать тысяч! – громко отчеканил старик.

– Пятнадцать тысяч! Понимаю, вы решили начать с мелких сумм, чтобы подогреть наш интерес. Нам остается следить, как эта цифра взлетит до небес! Кто больше?

Крыша под Молли задрожала от ударов снизу. Девочка нагнулась к окну. Следящий за происходящим Гуффало не поднимая головы сунул ей в лицо табличку с крупными цифрами «1000».

Оставаясь на коленях, девочка робко подняла табличку над головой.

– А! – воскликнули со сцены. – Господин Гуффало Бинг наконец-то решил вспомнить о себе! Женщин, стариков и слабонервных прошу удалиться с площади, сейчас начнется настоящая схватка. Господин Бинг дает шестнадцать тысяч!

Молли захотелось съежиться и провалиться сквозь землю. Сотни и сотни глаз одновременно оборотились к ней и теперь с удивлением разглядывали странную девочку.

– Что скажут другие уважаемые господа? – вопрошал Морах, скользя взглядом от экипажа к экипажу. – Господин Клест, что же вы засомневались? Я видел, вы собирались повысить ставку, что скажете? Отлично! Семнадцать тысяч от господина Фрилана Клеста!

Крыша под Молли снова задрожала, толстяк указал на табличку в ее руках. Табличка поднялась.

Оратор развел руками:

– Очаровательная представительница Гуффало Бинга не хочет мириться с вашей наглостью, господин Клест. Восемнадцать тысяч от именитого цветочни-

ка! – Не успел он договорить, над толпой взвилась другая табличка. – О, мадам Бомшток, рад видеть, что ваш аппетит еще не утолен. Сегодня определенно ваш день, мэтр Фрост. Сразу двадцать тысяч от известной супруги известного человека!

В крышу застучали злее. Толстяк подал табличку с цифрой «2000». Уже смелее Молли вытянула руку.

– Простите, мадам Бомшток, господин Бинг считает, что вы не сумели по достоинству оценить товар. Двадцать две тысячи от Гуффало... Я так и думал. Мадам Бомшток в прошлый раз просто перепутала табличку, она считает, что цена товару двадцать пять тысяч мер! Что думает об этом маленькая мисс?

– Ты никак не уймешься, старая ведьма, – услышала Молли шипение внизу.

В крышу постучали так, что Молли начала съезжать к краю. Новая табличка едва не ударила ее в лоб.

– А маленькая мисс не согласна, – покачал головой оратор. – Она уверена, что цена товару двадцать восемь тысяч!

Жевуны поворачивали головы то к Молли, то к госпоже Бомшток. Они уже готовились переключить внимание обратно на Молли, но тучная женщина вдруг приподнялась, чуть поклонилась Гуффало Бингу, признавая поражение, и усеялась на место, насупившись, едва толпа отвернулась.

– Что ж, это была достойная схватка, – утешил ее Морах. – А сей непревзойденный лот всего за двадцать восемь тысяч переходит...

– Право, я не могу больше молчать, – вдруг перебил его полный насмешки голос. На помост вальяжной походкой поднялся еще один старик, ростом пониже Фроста и, в отличие от него, гладко выбритый. На старике была фиолетовая одежда мигунов, и сам он часто подмигивал, словно заговорщицки намекал толпе на их общую тайну. Еще по голосу мэтр Фрост сразу узнал своего извечного соперника по ремеслу Джона Феннинга.

Джон не спеша проследовал к краю помоста, по пути бросил скептический взгляд на коричневую перчатку. Мэтр Фрост следил за ним настороженно. Так самоуверенно ведет себя только человек, у которого в рукаве бесприкрытый козырь. А он уже видел себя гвоздем сегодняшней ярмарки. Победа на ежегодном сборе искателей – это не только репутация, это еще и цена будущих товаров.

Джон Феннинг заговорил, обращаясь не к сопернику, а к толпе:

– Неужели достопочтенный господин Фрост полагает, что этой безделушкой может заинтересовать кого-то всерьез? Все эти проникновения, исчезновения – все это так же старо, как сам Волшебный мир. Несколько лет назад попалась мне в руки исчезательная шкатулка, в которую можно было положить предмет, и он оказывался там, где пожелаешь. Но уже тогда я отказался от нее, я сказал себе: «Серьезный искатель не имеет права явиться на ярмарку с такой банальной вещью!» Кстати, не ту ли шкатулку презентовал господин Фрост в позапрошлом году? – Среди жевунов послышались одиночные смешки. – Но я решил помочь господину Фросту, я решил на личном примере показать, как должен работать

искатель, задать ориентир, так сказать.

Сложив руки на груди, господин Фрост хмуро смотрел на соперника, а оратор в предвкушении потер руки:

– После такого заявления, мэтр Феннинг, не боитесь ли вы разочаровать наших многоопытных зрителей?

Искатель ухмыльнулся уголком рта, достал из-за пазухи нелепого вида очки с квадратными желтыми линзами, натянул их на нос.

– Скажите, господин Морах, – обратился он к оратору, глядя на него сквозь желтые линзы, – владеете ли вы искусством танца?

– Вот уж чего нет того нет, – весело ответил тот, – не завидую я несчастному, которому пришлось бы наслаждаться этим зрелищем!

– Так может вы продемонстрируете свои навыки нам?

Морах пожал плечами:

– Да пожалуйста.

Он вышел на середину сцены, закрыл глаза, словно настраиваясь на нужный лад. Потом вдруг раскинул руки, как лебедка крылья, поднял их над головой, одна ступня подтянулась к колену. Немного постояв так, он принялся крутиться в классическом танце. Толпа вволю посмеялась, глядя на неуклюжие па и пируэты, круглый животик то и дело угрожал танцору потерей равновесия. Старик с бородой недоуменно переводил взгляд с танцующего на искателя. Наконец, на лице его мелькнуло облегчение, он даже улыбнулся, рука начала степенно оглаживать бороду.

– Боюсь вас разочаровать, дорогой коллега, – произнес он, – но вряд ли вы кого-то удивите очками, которые преобразуют в ваших глазах чужие танцы.

– А что же вы, господин Фрост, – словно не слыша обратился к нему мэтр Джон, – не хотите ли присоединиться? Неужели господин Морах так и останется одинок в своем порыве?

Рука старика остановилась на бороде, он растерянно огляделся:

– А действительно, что это я...

Недолго думая, почтенный старец отшвырнул шляпу, закатал рукава по локоть и вдруг пустился лихо выбрасывать коленца, выписывая обеими руками такие движения, будто возит бельем по стиральной доске.

Тут вся площадь схватилась за животы. Даже толстяк в экипаже повизгивал, как поросенок, а над ним послышался звонкий детский смех. Старик пустился плясать по малому кругу, редкие седины плескались на лице в такт движениям. Вокруг него по большому кругу взлетал в затажных прыжках Морах.

– Что, мэтр Фрост, не устали вы? – весело спросил Джон Феннинг.

– Эх, мне бы музыку, – прокричал тот запыханно.

Толпа хохотала и прихлопывала в такт безумному танцу. Мэтр Джон присоединился к хлопкам, подмигивая людям внизу. Тучный оратор хрипел и обливался потом, однако энтузиазм его не иссякал. Казалось, он настолько вошел в кураж, что уже не сможет остановиться, пока не рухнет на пол без чувств.

Наконец мэтр Джон поднял руку, призывая к тишине.

– Поблагодарим почтенных господ за яркое выступление. Хватит, пожалуй.

Оба танцующих обессиленно шлепнулись на доски. Грудь старика тяжело вздымалась и опускалась. Ошеломленно повертев головой, он подполз к брошенной шляпе, нахлобучил ее на голову. Морах, сидя на полу, озадаченно скреб затылок:

– Вот так так... Это что же вы с нами проделали, мэтр Джон? Не припомню, когда бы я вел себя так глупо.

Джон Феннинг снял очки, неторопливо, зная, что народ ловит каждый жест, протер линзы тряпочкой.

– Перед вами крайне любопытный образец, – громко заявил искатель. – К сожалению, мне так и не удалось найти мастера, создавшего это чудо. Думаю, многие уже догадались, какими свойствами обладают очки. Любой, на кого я посмотрю через них, будет делать все, что я пожелаю. Они подчиняют волю человека. Правда с одной большой оговоркой: их власть длится всего десять минут и не действует дважды на одного и того же человека. Но только представьте, что можно успеть наворотить за эти десять минут. Я могу любому из вас велеть ударить в ухо соседа, а соседу велеть подставить второе ухо, я могу велеть птице камнем упасть наземь, могу заставить господина Мораха подойти и пырнуть ножом господина Фроста. И он будет уверен, что сам принял такое решение!

Мэтр выдержал выразительную паузу. На площади повисла гробовая тишина. Молли почувствовала, как экипаж накренился. Гуффало Бинг высунулся из окна почти наполовину, его алчный взор не отрывался от помоста. Сама Молли его энтузиазма не разделяла, это был первый волшебный предмет, который по-настоящему ее напугал. Как и жевуны вокруг, девочка притихла.

– Теперь вы понимаете, – продолжал мэтр в тишине, – насколько огромны возможности этого предмета. Он обладает властью, которая не должна бы попасть в руки человека... меньше, чем за сорок пять тысяч!

– Сорок пять тысяч! – вскричал Морах возбужденно.

– И ни четвертаком меньше! – отрезал искатель. – Просить всего лишь втрое против проникающей перчатки – сущая благотворительность с моей стороны!

Перчатка мэтра Фроста приземлилась на столик, старик отвернулся, с гордо поднятой головой удалился с помоста.

– Ну что, дамы и господа, во сколько вы оцените неограниченную власть? Очень хорошо, господин Блюм, сорок пять тысяч. Мадам Стронг, вам очень к лицу готовность идти до последнего. О, госпожа Бомшток, рад, что вы не опустили руки...

По потолку экипажа взволнованно постучали тростью, Молли по наитию схватила тысячную табличку.

– Ха! – воскликнул оратор. – Дамы и господа, похоже, у вас не осталось шансов, маленькая мисс Бинг снова взялась за дело! Сорок восемь тысяч от Гуффало Бинга!

На сей раз схватка разыгралась не на шутку. Таблички взлетали друг за другом, оратор едва успевал называть имена. Прозвучала цифра шестьдесят, семь-

десять. Мэтр Джон с ликующей улыбкой наблюдал за соревнованием. Молли и носильщики слышали, как толстяк внутри буквально сошел с ума, он то рычал, как раненый лев, проклиная каждую названную фамилию, то в бешенстве потрясал в окно кулаками, то вдруг падал на колени и начинал рыдать в ладони.

Процесс захватил Молли, скоро она сама азартно вскидывала таблички, не обращая внимания, был ли условный стук. Да и толстяк, казалось, забыл про трость, он только бесновался внизу и бился головой о стены. Молли даже перестала замечать, поднимаются ли другие таблички. Едва оратор успевал озвучить ее цену, руки девочки снова взлетали.

– Вы только посмотрите на этого дьяволенка! – ревел Морах. – Если она проиграет, эта табличка точно окажется разбитой о мою голову!

Жевуны с интересом оглядывались на готовую к очередному броску девочку. Ее большие, горящие азартом глаза не могли не вызвать улыбок взрослых.

Когда после имени Гуффало Бинга была названа цифра девяносто тысяч, из глубин экипажа раздался вопль, от которого у носильщиков кровь в жилах зазеленела. Вопль закончился громкими рыданиями. А цена между тем медленней, но продолжала расти. После девяноста четырех рыдания внизу вдруг оборвались. Трость застучала по потолку с неожиданной решимостью. Из окна вылезла новая табличка, полностью зеленая, без каких-либо цифр.

Еще не понимая, что это значит, Молли догадалась, грядет нечто необычное. Она схватила табличку и, не дав оратору договорить очередное имя, вскочила на ноги, с победным видом вздернула табличку над головой обеими руками.

– Сто тысяч изумрудами! – вскричал оратор потрясенно. Казалось, эта фраза высосала из него последние силы, он застыл в молчании, слегка покачиваясь от изнеможения. По площади разнесся изумленный шепот. Мэтр Джон Феннинг прикрыл глаза, его подбородок едва заметно трясся. Такого исхода не ожидал и он сам.

– Готов ли... – оратор откашлялся. Благо в тишине и негромкий голос был слышен во всех уголках площади. – Готов ли кто-нибудь перейти на изумрудные ставки и предложить больше?

Ни одна рука не поднялась. Молли продолжала стоять, наслаждаясь произведенным эффектом. Как будто это была ее личная победа. Первая победа в Волшебном мире. Вот, наверное, как чувствовала себя мама под взглядами сотен жевунов.

– В таком случае, – закончил оратор набирающим силу голосом, – нам остается выразить восхищение господину Гуффало Бингу. Он совершил сделку, о которой будут говорить все! Сделку, которой не было равных в Волшебном мире! Он навеки вписал свое имя в историю ежегодных ярмарок! А заодно и имя мэтра Джона Феннинга! – господин Морах уже вовсю бурно жестикулировал. – Вот это завершение, вот это поворот! Знаете, что отныне люди будут говорить о подобных поступках? Поступить, как Гуффало Бинг! Вы сделали то, чего никто от вас не ждал? Вы поступили как Гуффало Бинг! Так будут говорить! Господин Гуффало, вы можете забрать покупки немедленно, тем более что вас заждались на

цветочной площади. Вы и там обещали сегодня всех удивить.

В крышу раздался размеренный, чуть усталый стук.

– Эй ты, как тебя, – тяжело дыша позвал Гуффало. – Сбегай и принеси обе вещицы. Да смотри побережней!

Молли сползла на землю, с улыбкой пошагала к помосту. Толпа расступалась, она шла, размахивая руками, и улыбалась всем. Но, вопреки ожиданиям, никто не чувствовал ее, как маму, никто не тянул рук, чтобы прикоснуться к спасительнице из большого мира. Жевуны явно не догадывались, кто она и откуда, они лишь с любопытством разглядывали наряд в красный горошек и отворачивались, как только девочка проходила. Вот в чем дело, осенило Молли, они просто не знают, не поняли! А теперь появилась возможность рассказать о себе всему городу. Это и есть ее Случай. С легкой усмешкой девочка напомнила себе, как всего пару часов назад едва не опустила рук. В следующий раз надо быть сильнее.

Оратор Морах встретил «маленькую мисс» поклоном, галантно поцеловал руку мясистыми губами. Молли украдкой вытерла оставленное на пальцах мокрое пятно. Мэтр Джон Феннинг торжественно вручил очки в футляре, сам Морах с поклоном протянул волшебную перчатку. Когда девочка рассовала предметы по карманам, Морах поднял ее руку.

– Поприветствуем нашу неутомимую воительницу!

Толпа разразилась аплодисментами. Молли с улыбкой помахала морю голубых шляп, набрала в грудь побольше воздуха, чтобы каждый жевун не упустил ни слова. Но тут оратор, не стирая с лица улыбку, мягко подтолкнул к лесенкам.

– Подождите, – доверительно прошептала Молли, – мне нужно кое-что сказать жевунам.

– Ступай, девочка, ступай, – велел Морах уголком рта, а сам продолжал улыбаться публике.

– Вы не понимаете, я пришла от мамы, ее все знают...

От фальшивой улыбочки повеяло холодом. Морах подтолкнул девочку настоящей, а когда та заупрямилась, почти силой сдвинул к ступенькам.

Разочарованная, Молли спустилась под гром рукоплесканий, перед ней вновь образовался коридор. Возвращалась она в глубокой задумчивости и не заметила, как от толпы отделилась крошечная фигурка. Какой-то мальчишка примерно ее возраста не глядел по сторонам и на полном ходу врезался головой в грудь Молли. Он был почти на голову ниже, худенький, тщедушный, нервными повадками и всклокоченными волосами он походил на ошипанного воробья. Мальчишка вскинул на препятствие испуганное лицо:

– Ой, п-простите...

– Ничего, мне не больно, – заверила Молли. – Как тебя зовут?

Вместо ответа мальчишка метнулся вбок и растворился в толпе.

Дверь экипажа распахнулась навстречу девочке, оттуда высунулись две толстые, дрожащие от нетерпения руки.

– Давай, давай сюда.

Молли остановилась перед дверцей, сунула руки в карманы и обомлела. В карманах было пусто.

С помертвевшим лицом она отступила на шаг, потом еще.

– Ну? – нетерпеливо завозился толстяк.

– Наверное, по дороге выпали, – пробормотала она, пятась от экипажа.

Мелкие щелки глаз хлопнули, как створки дырокола.

– Как ты сказала? – медленно, по слогам, произнес он.

– Мальчик! – вспомнила Молли, продолжая пятиться. – В меня врезался мальчик. Это он украл!

На мгновение в свиных глазках мелькнуло безумие, он долго, не отрываясь, изучал лицо девочки. И вдруг в блеклых зрачках мелькнули искорки узнавания:

– Ты?! – Толстяк подался наружу, экипаж начал заваливаться. Носильщики с другой стороны бросились его выравнивать. Молли вжала голову в плечи и боком уже раздвигала стену жевунов. – Это же ты, – повторил тот, не веря в собственную глупость. Молли с ужасом наблюдала, как заколыхались круглые щеки. – Это что же получается, это ты решила... Стража! – вдруг заверещал он так, что ближайшие жевуны в ужасе шарахнулись. – Стража!.. Воровка!.. Обокрали! Поймать!.. Найти!.. Тысяча плетей! Плетями насмерть!..

Краем глаза Молли увидела, что крепыши в фуражках еще до крика заподозрили неладное и потихоньку протискивались к экипажу. После крика они ломанулись, сбивая с ног незадачливых зевак. Чуть не плача от страха, Молли юркнула между кафтанами и понеслась, не разбирая направления.

ГЛАВА 6 СООБЩНИКИ

Площадь осталась далеко позади, но еще слышны были вопли Гуффало Бинга. В спину подстегивала ругать преследователей, грубо распахивающих толпу. Молли загляделась на них и с разбегу налетела на крупную женщину, головы которой не было видно под огромным букетом. Привычная к толкучке, женщина и бровью не повела.

– Два четвертака за Гуффалию обыкновенную! – громко возмущалась она. – Совсем с ума посходили!

Благодаря этой заминке Молли вдруг заметила мелькнувшую среди кафтанов взъерошенную шевелюру, похожую на пух сердитого воробья. Только теперь ей пришлось в голову, насколько яркую мишень представляют собственные золотистые косы между одинаковыми шляпами. Пригнувшись, девочка бросилась наперерез мальчишке. Сзади послышался крик женщины с букетом. Молли оглянулась через плечо. Крупная женщина лежала на мостовой, вокруг были разбросаны переломанные цветы, а стражи в форме как ни в чем не бывало перескакивали через нее, доламывая цветки ботинками. Женщина оказалась не из робких, ухватила замыкающего за щиколотки, тот шлепнулся, как подрубленный. С воинственным кличем дамочка вскарабкалась ему на спину и обеими руками вцепилась в коротко стриженные волосы. Еще одному стражу пришлось

вмешаться в потасовку, чтобы выручить собрата. Преследователей осталось трое.

Молли не решалась поднимать голову. За мальчишкой гналась наугад, выбирая направление по всего раз мелькнувшему затылку. Звуки погони постепенно отдалялись, стражи все чаще останавливались, безуспешно выглядывали в людском потоке пшеничные косы. Девочка рискнула распрямиться только когда оказалась на полупустой площади. Прохожие тут сновали так редко, что прятаться было бессмысленно. Посреди площади возвышалось пустующее недостроенное здание будущей торговой ряд под крышей. Молли быстро огляделась. Как и следовало ожидать, мальчишка пропал. Зато она заметила, что стеклянные дверцы здания слабо покачиваются, явно потревоженные. На левой дверце висела табличка: «Мы откроемся в конце месяца». Девочка прошмыгнула между колоннами, потянула ручку.

Внутри шум и крики с улицы стали призрачными, далекими. Шорохи серебряных башмачков отдавались от стен эхом. Девочка притаилась за одной из колонн просторного зала, стала наблюдать за входом. Если кто-нибудь из крепышей заметил, куда она свернула – тогда все кончено, бежать отсюда некуда.

Возмущенные возгласы в толпе двигались справа налево. То и дело из виду пропадали какие-нибудь островерхие шляпы, на их месте показывались фуражки. Стражи двигались параллельно площади, ни один не свернул к пустому зданию. Похоже, им и в голову не пришло, что жертва осмелится выйти на открытое пространство. Когда колебания в толпе переместились за грань видимости, Молли выдохнула, устало сползла к основанию колонны. Что же это за приключения, где от страха не успеваешь опомниться? Не о таком она мечтала.

Не дали ей опомниться и в этот раз. Девочка насторожилась, услышав какой-то шорох.

– Стойте!... Это она! – вдруг послышался возбужденный шепот. Молли затаила дыхание, повертела головой, взгляд остановился на вентиляционной трубе. Незакрепленная, она пустым нутром кренилась к полу. Звук явно шел оттуда.

– Она что тебя видела? – спросила труба другим голосом.

– Конечно, я же в нее врезался.

– Да нет, дурья башка, она видела, куда ты убежал?

– Не знаю, я не оглядывался.

– Дубина! Хочешь, чтобы мы все в башню загремели?

Молли бесшумно подкралась к трубе, приложила ухо.

– Что она делает? – спросил голос, которым девочка заочно наделила мелкого воришку. – Она хочет в трубу залезть? Думаешь, она из лигашей?

По его вопросам Молли поняла, что они прекрасно ее видят. Из трубы донесся стук, похожий на тот, с каким костяшками стучат по голове.

– Эй!.. – возмутился воришка.

– Головой-то думай, она же девчонка. Много ты видел среди лигашей маленьких девчонок?

– Ниче се маленькая, – проворчал тот. – А чего она тогда так вырядилась?

- Я откуда знаю, иди да спроси. Заодно проверишь, нет ли хвоста.
- Куда, к ней? Я не пойду! Почему я?
- А кто должен, Сопля?
- Э-э, – полуобиженно-полуиспуганно протянул третий голос, – нет, я не пойду.

– Давай, сам привел, сам и расхлебывай.

Началась шумная возня и пыхтение. Через мгновение из-за угловой колонны вывалился обокравший Молли мальчишка. Он пробежал несколько шагов, удерживая равновесие, выровнялся и застыл в настороженной позе.

– Эй ты, – крикнул он, не рискуя приблизиться, – чего тебе здесь надо? Ты что, следила за мной?

– Это ты украл! – крикнула в ответ Молли. Неожиданно для самой себя на глаза начали наворачиваться слезы. – Из-за тебя подумали на меня, и теперь меня ищут!

– А мне какое дело? Ты докажи! – сказал он с вызовом, став еще больше похожим на растрепанного воробья.

– Не буду я ничего доказывать! Покажи карманы.

– Еще чего! Уходи отсюда, пока я тебя не вздул!

Молли двинулась к нему.

– Отдай! Или пошли со мной, сам все расскажешь. Тогда меня перестанут ловить.

Мальчишка попятился, с тревогой поглядывая за угол.

– Вот еще! Сама иди, куда тебе вздумается, если не терпится загромоздить в башню!

– Он прав, – спокойно произнес ломающийся голос, в котором угадывались первые мужские нотки. Из-за угла вышел мальчик на несколько лет старше воришки. Для жевунов он был довольно высок, уж точно не ниже Молли. За ним плелся еще один мальчик, с виду совсем кроха, но вряд ли младше воришки и Молли, иначе бы не попал в эту компанию.

Долговязая фигура неторопливо, с показной леностью, поравнялась с товарищем, окинула Молли изучающим взглядом. Рук он не вынимал из карманов. Привычка жевунов на его лице выглядела какой-то расчетливо-небрежной, как у хулигана-старшеклассника, вечно жующего жвачку. Молли остановилась.

– Думаешь, лигаши станут разбираться кто прав, кто виноват? – пояснил жующий «хулиган». – Упекут обоих в самую зтхлую камеру и забудут на веки вечные.

– Вот именно, – поддакнул воришка.

– Кто такие лигаши? – поинтересовалась Молли.

Высокий мальчик удивленно переглянулся с воришкой, еще раз оглядел ее придирчиво.

– Не знаешь кто такие лигаши? Ты что, не местная?

Девочка покачала головой.

– Так мы называем стражей, нанятых Лигой Цветочников. Их развелось види-

мо-невидимо по всей Голубой стране, охраняют порядок.

– Якобы, – ввернул воришка явно не своими словами.

– Вот именно, – кивнул на этот раз высокий.

Самый маленький мальчик остановился за спиной у старшего товарища и почему-то продолжал стоять боком, словно обнаружил на колонне что-то интересное. Видимо хорошо зная товарища, долговязый не оборачиваясь протянул руку за спину, нащупал белобрысую макушку, развернул и вывел мальчишку вперед. В этом жесте чувствовалась некая не нуждающаяся в словах связь, что-то такое, что пробудило в Молли острую тоску и потребность в друзьях. Особенно в теперешнем положении.

Когда крошечный мальчик повернулся лицом, глазам Молли открылось расшее соплями существо. Зеленая капля вытекала из-под носа, он шмыгал, водил по ней языком, размазывая по верхней губе. Рот его, похоже, никогда не закрывался, не позволял заложенный нос. Всего на миг взгляд мальчишки сфокусировался на странной девочке, кончик языка замер, а потом вновь рассеянно заскользил по губе, взгляд продолжил блуждать по колоннам зала.

– И что мне тогда делать? – с отчаянием спросила Молли.

Долговязый пожал плечами:

– Возвращайся домой и надейся, что твои портреты развесят только в нашем городе. Ты из какого приюта?

– Я не из приюта.

– Тогда где твоя шляпа? Только детям из приюта не положены шляпы, чтобы лигаши могли их опознавать. Родители у тебя есть? – Молли кивнула. – Вот и возвращайся к ним. И советую больше никогда в этот город не соваться.

Молли шмыгнула носом.

– Это все из-за тебя, – бросила она воришке. Тот фыркнул, отвернулся. – Ты вор! Зачем ты их украл?

– Не твое дело, – огрызнулся воришка. – Ничего я не крал.

– Это было нужно не ему, а нам всем, – вступился долговязый. – Уходи туда, а мы – через другой выход. Лучше тут долго не задерживаться.

Он и правда хотел было развернуться, но Молли не сдавалась:

– Это несправедливо! Украл он, а прятаться теперь мне. А я даже ничего тут не знаю!

Долговязый остановился, почесал в затылке.

– Вообще-то да, нехорошо вышло.

– Только я ничего не крал, – упрямо бубнил воришка и тут же перешел в атаку: – А что ты вообще делала с Гуффало Бингом?

– Он предложил заработать пару четвертаков, и я согласилась.

В это ребята легко могли поверить. С чуть виноватым видом долговязый посмотрел сперва на одного товарища, потом на сопливого, который этого даже не заметил.

– Сходи проверь, как там снаружи, – обратился он к растрепанному другу. Тот буркнул что-то, обошел незнакомку по кругу, будто ящик с динамитом, голо-

ва его высунулась за стеклянную дверцу. – Ладно, выбраться из города мы тебе поможем, а там сама доберешься до дома. Ты далеко живешь?

– Зачем вам воровать такие дорогие вещи у всех на виду? – словно не слыша спросила Молли.

– Этого я не могу сказать.

– Снаружи все спокойно, – сообщил за спиной воришка. Он тем же маршрутом вернулся на свое место. Молли поспешно заверила:

– Я никому не скажу, я умею хранить секреты.

– А если лигаша тебя схватят и начнут пытаться?

– Да она сразу расколется, – пренебрежительно скривился воришка.

– Я им ни слова не скажу, честно.

Долговязый подвигал челюстями, словно лениво раздумывая.

– У нас тоже есть родители.

– Это они заставляют вас воровать? – неверяще спросила Молли.

– Их отправили работать на рудники за долги. Лин Гилар отправил. Поэтому мы живем в приюте. Мы хотим их спасти. А заодно спасти город от Лина Гилара. А потом и всю Голубую страну от таких богачей, как Лин Гилар.

– Вы хотите спасти Голубую страну? – Молли ощутила, как радостно кольнуло сердце. – Так ведь и я хочу того же, для этого я здесь!

Воришка скептически оглядел девочку с головы до ног.

– Ты?

– Ну да! Я пришла, чтобы спасти Голубую страну, Желтую страну, весь Волшебный мир! Только не знаю, с чего начать.

– А что ты умеешь?

– Не знаю. А что нужно? Я быстро учусь.

– Ничего она не умеет, – подытожил воришка. – Это занятие не для девчонок.

– Моя мама тоже была девчонкой, а Волшебный мир спасла. И не раз!

Тут даже долговязый насмешливо улыбнулся, но промолчал.

– Ты же понимаешь, что мы не можем просто взять и довериться первому встречному. Мы должны тебя проверить.

– Как?

– Пока не знаю, потом придумаем.

– Значит, вы меня берете? – обрадовалась Молли.

– На испытательный срок. Посмотрим, на что ты способна. Это Воробей, это Сопля, а меня все зовут Верзила. Настоящее имя Ник.

– Молли.

Воришка-Воробей носом не повел, игнорируя знакомство, а Сопля смотрел на Верзилу, не понимая, почему его позвали. Долговязый Ник поманил пальцем Воробья:

– Ладно, показывай, что там.

– При ней? – ахнул тот.

Верзила подумал, отмахнулся:

– Заодно проверим, умеет ли она держать язык за зубами.

Воробей неохотно сунул руку в карман, с подозрением покосился на девчонку, встал боком, пряча содержимое кармана. Молли все равно заметила потрепанные пальцы волшебной перчатки.

– Ты же говорил, что ничего не крал, – не удержалась она от укола. Всклоченный мальчишка повернулся спиной, давая понять, что девчонка для него перестала существовать окончательно.

– Проникает через что угодно, – негромко пробурчал он. – Можно засунуть руку в любую... – он умолк, снова покосился на новенькую. Закончил почти шепотом: – Никто и не заметит.

Верзила молча взял волшебный предмет. По прищуренным серым глазам Молли видела, как заработала его мысль, словно взвешивая будущие перспективы. Он натянул перчатку, осторожно прикоснулся к животу. Пальцы погрузились как в бесплотное облако.

– Вот это вещь! – сказал восхищенно. Он оттопырил указательный палец и дважды погрузил в ухо Сопле. Тот и не почувствовал, пока не заметил, что все смотрят на него.

– Э-э, – снова протянул он, – хватит, вдруг он застрянет.

Ник достал из-за пазухи пыльный сверток, упаковал перчатку. Воробей протянул знакомый футляр с очками.

– Еще? – удивился Ник. – Что могло заставить толстого скрягу так раскошиться?

Он с любопытством повертел в руках очки с квадратными желтыми линзами, напялил на нос.

– Надо посмотреть на человека, и десять минут он будет выполнять любые твои приказы, – объяснил Воробей.

Верзила покрутил головой, привыкая к миру в желтом свете. Взгляд остановился на товарище:

– Эй, Сопля, ну-ка поцелуй даме ручку!

Молли отскочила как ужаленная.

– У него же сопля!

– Что есть то есть, – вынужден был признать Ник. – Ладно, Сопля, стой на месте и ничего не делай.

Очки скрылись вслед за перчаткой.

– Пора идти, а то опоздаем.

– Куда опоздаем? – спросила Молли.

– Сегодня урок истории, нельзя опаздывать, если не хотим все дружно загреметь в карцер.

Слово карцер не испугало девочку, потому что по всему выходило, ее уже сейчас берут с собой. На всякий случай она уточнила:

– А мне что делать?

– Пойдешь с нами, что-нибудь придумаю. Только веди себя тихо и ни с кем не разговаривай. Слушайся во всем меня, поняла? – Молли с волнением кивнула.

– Тогда в путь.

Верзила развернулся на каблуках, пошагал в дальний конец зала. Воробей схватил Соплю за плечо, по пути бросил с хмурым злорадством:

– Ей у нас не понравится.

И едва ли это была пустая угроза. Судя по изношенной одежде и грязным худым лицам, жизнь в приюте несладкая.

ГЛАВА 7

ПРИЮТ «ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА»

Знакомство с новой подругой принесло первые неприятные плоды, время поджимало, последние полквартила ребята неслись бегом. В неудобных башмачках Молли при своем росте едва поспевала за остальными.

– Вон наш приют, – на бегу указал Ник.

За низкими домиками жевунов издалека виднелось длинное трехэтажное здание. Молли залюбовалась праздничным фасадом. С аккуратных балконов свисали разноцветные ленты, на перилах и на подоконниках стояли вазы с цветами, над входом красовалась большая, читаемая с конца улицы вывеска «Добро пожаловать». К крыше тут и там были пристроены круглые, как домики жевунов, башни, в которых, как узнала позже, проживали воспитатели и сотрудники приюта. Невозможно было представить, чтобы в таком заведении кому-то жилось плохо.

На крыльце Верзила сделал знак остановиться. Дверь приоткрылась со скрипом пружины, он сунул голову внутрь, остальные выжидающе смотрели на склоненную спину. Наконец тот поманил рукой. Дети друг за другом прошмыгнули внутрь. По темному коридору двигались быстро, но крадучись, это создавало ощущение, будто они совершают какое-то преступление. Когда до лестничного пролета оставалось шагов двадцать, Ник вдруг замер, трижды вздрогнул от налетевших сзади друзей. Молли глянула через его плечо и сразу поняла, в чем дело. Из-за угла вынырнуло нечто массивное и внушительное настолько, что в узком коридоре вызывало трепет. Человек двинулся им навстречу, еще не видя застывших фигурок. Оттого непоказной шаг его выглядел еще великолепней, значительней. Он плыл по коридору как отколовшийся айсберг, как крейсер, курсирующий вдоль берега своей вотчины. Глыба носа медленно перемещалась из стороны в сторону, словно локатор, улавливающий присутствие нарушителей. Громоздкие руки были заложены за спину.

– Набегались, – тоскливо пробормотал Воробей.

– Инспектор Билль, – успел шепнуть Ник, – он следит за порядком в приюте. Не высовывайся, я с ним разберусь.

Ребята оттеснили девочку за спины, Ник надавил ей на плечо, велел присесть.

– Николас Баркер и его команда, – пропел грудной голос такой мощи, что на окнах завибрировали горшки с цветами. – Чутье ни разу меня не подводило.

На удивление, в этом голосе не слышалось и тени злости или угрозы. Напротив, массивные черты лица выражали крайнее удовлетворение, чуть ли не довольствие. Инспектор подплыл к детям так близко, что внушающий дрожь живот

почти уперся в пуговицы на кафтане Верзилы.

– Знаете ли вы, какой сегодня день, господин Баркер? – сладким голосом спросил он, оправляя кончиками пальцев воротник Ника.

– День истории, господин инспектор? – предположил тот.

– Верно, все правильно. Единственный день в неделю, когда вот сюда, – он постучал указательным пальцем по лбу Ника, – пытаются вложить хоть какие-то знания о своей стране. Как вы считаете, господин Коул, – инспектор повернулся к Сопле, – должен ли человек знать историю своей страны?

Сопля растерянно моргнул, мгновение изучал испуганными глазами пещеры под носом инспектора, и вдруг рот его перекосялся. Молли с изумлением поняла, что мальчишка собирается зареветь.

Инспектор Билль поморщился:

– Сделайте что-нибудь, Баркер.

Ник отвесил Сопле подзатыльник, перекошенный рот мигом вернулся в нормальное положение, словно щелкнули выключателем.

– Я только что проходил мимо учебного кабинета, – невозмутимо продолжил инспектор, – все дети уже там. Ну что ж, давайте взглянем на часы.

Он с величественной неспешностью вытащил из нагрудного кармана голубые часы, украшенные по ободку изумрудами.

– Мы как раз успеваем, инспектор, – заверил Ник.

– Вот как? Вы успеваете? Странно, а мои часы показывают, что до урока осталось две минуты.

– Нам хватило бы и одной, инспектор. – Молли интуитивно уловила в его тоне задушенную дерзость, мальчика явно так и подмывало добавить что-то вроде «Если бы ты не встал посреди дороги!». Уловил эту недосказанность и инспектор, мясистые, как котлеты, губы расплзлись в улыбке, словно подбадривая к продолжению.

– Любопытная теория, – оценил он. – Когда вы ее придумывали, вам не пришло в голову, что если кто-то из воспитателей остановит и сделает заслуженное замечание, то ваши тонкие расчеты дадут сбой? Можете не отвечать, я вижу, в вашу голову вообще мало что приходит. Придется преподать вам урок пунктуальности. Для этого я здесь. Давайте посмотрим, остался ли в моем блокноте день, напротив которого еще не стоит ваше имя.

Все с той же неторопливостью он вытащил на свет кожаный блокнот, посплывавший палец, пожелтелые страницы с издевательской медлительностью поползли одна за другой.

– Так... завтра вы не сможете, на завтра вам обеспечен карцер от господина Фриза за опоздание. Так... здесь вы уже записаны... Надо же, и тут тоже... – Он перелистнул еще несколько страниц, и тут в поле зрения попала красная юбка в белый горошек. Наряд настолько не вписывался в устав приюта, что палец замер на странице, потом медленно потянулся к плечу Ника, загородившему нарушительницу, несильно надавил. Мальчика как буксиром поволокло к стене.

У Молли душа ухнула в пятки. Ник уперся в палец всем весом, рука инспек-

тора этого даже не почувствовала. Не видя другого выхода, Ник вдруг сказал такое, отчего у девочки волосы встали дыбом:

– Закрой свой блокнот, Билль. И перестань молоть чепуху, мы уходим.

Инспектор остолбенел. Верзила воспользовался заминкой, схватил Молли за руку, Соплю – за шиворот, они нырнули Биллю под руку и что было сил пустились по коридору. Инспектор остался стоять, разевая рот, как рыба в аквариуме. Уже на лестничной площадке второго этажа дети услышали рев, от которого задрезжали стены приюта:

– Директор Хигг!.. Директор Хигг!..

– Зачем ты так, – с отчаянием зашептала Молли. – Что теперь будет?

– Что и всегда, – хмыкнул Ник, – неприятности. Не бойся, вряд ли он нажалуется директору. Специально кричит, чтобы мы слышали.

– Что-то непохоже.

– Цену себе набивает, – буркнул Воробей. Ник кивнул.

– Этот не лишит себя удовольствия наказать самолично. Ничего страшного, у нас есть план.

Молли не поверила, скорее всего, ее просто хотели успокоить.

В коридоре второго этажа они сразу наткнулись на новое препятствие. В одной из глубоких ниш открылась дверь. Молли догадалась, что дверь ведет в башню, а значит, им не повезло встретиться еще с кем-то из сотрудников. Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щель могло проскользнуть тощее, как пивка, существо. Как будто внутри что-то мешало двери открыться шире.

Существо закрыло дверь, постояло перед ней, потирая руки так, будто моет их под краном. Локти при этом постоянно елозили по бокам, придавая туловищу еще большее сходство с вьющейся пивкой. Существо явно улыбалось и от удовольствия мурлыкало незнакомый мотивчик, который в его исполнении казался окружающим неразборчивым шипением.

– Завхоз, – шепнул Ник, – его можешь не бояться.

Продолжая потирать руки, человек тронулся в их сторону. Сильная сутулость делала его ростом с Воробья. Когда Молли хорошенько разглядела лицо завхоза, она испытала приступ такого же отвращения, с каким берут в руки нечто липкое и копошащееся. Лицо было вытянуто клином, сильно сужалось к носу, выпученные, как у жабы, глаза располагались по бокам черепа, под выпуклыми змеиными бровями. Создавалось ощущение, что он сунул лицо в очередную щель, и его так сильно прищемили дверью.

При виде детей губы завхоза расплылись в длинной жабьей улыбке:

– А, Николас Баркер, заждалиссс, заждалиссс. – Молли поехала от этого вкрадчивого шипения. Казалось, в коридор проползла змея, а из-за гулкого эха невозможно было определить, откуда исходит угроза. – Как обстоят наши дела-с?

– Не сейчас, Милс, – отмахнулся Ник.

– Понимаю, понимаю, – еще шире заулыбался завхоз. – Гранит науки. Похвально-с, похвально-с.

Он остановился перед детьми, глядя на всех снизу, руки его продолжали умываться в собственной слизи.

– У нас очаровательная гостья, – заметил он с масляной улыбочкой.

– Не твоё дело, – отрубил Ник.

– Конечно, конечно не моё. Я все понимаю, дело молодое, а? – Он подмигнул, дважды заговорщицки пихнул Ника локтем в живот, потом снова подмигнул, снова пихнул. – Перед таким прелестным созданием трудно устоять. Как зовут нашу очаровательную гостью?

Он бесшумно скользнул ближе к Молли, протянул длинную и бледную, как червяк, руку. Содрогаясь от омерзения, Молли вложила свою. Ладонь его оказалась настолько ледяной и липкой, что у девочки по телу рассыпались мурашки.

– Молли, – выдавила она. С трудом девочка удержалась, чтобы не отдернуть руку. Благо, ладонь завхоза уже сама выскользнула, как змея из дупла.

– Прелестно, – с той же масляной улыбкой промурлыкал, как ему казалось, завхоз. Длинный и тонкий, как соломинка, палец его легонько мазнул девочку по кончику носа. С ужасом Молли ощутила, что на носу осталось холодное мокрое пятно. Больше всего на свете сейчас хотелось чем-нибудь пятно вытереть. А глаза завхоза из-под полуопущенных век всего на миг скользнули по наряду девочки, по башмачкам.

– Пропусти нас Миллс, – потребовал Ник, – мы опаздываем.

– Конечно, конечно, – встрепелась застывшая было пиявка. – Но есть ли у нашей гостьи сменная обувь?

– Сменная обувь? – не понял Ник. – О чем ты? Никто никогда не носил сменную обувь.

– Новые правила, – развел руками завхоз. – Прелестная гостья как будто из чужих краев?

Даже Молли заподозрила здесь некий намек на шантаж.

– Ладно, – шепнул ей на ухо Ник. – Отдай ему туфли, а то потом прилипнет, прибежит на урок.

Молли испуганно замотала головой, шепнула Нику на ухо:

– Я не могу, только не башмачки...

– Не бойся, ничего с твоими башмачками не случится, – так же тихо ответил мальчик. – Знаю я, чего он хочет. Отдай, после урока заберем.

Завхоз наблюдал за детьми, продолжая улыбаться, с невинным видом щелкал створками век. Молли почему-то была уверена, что он прекрасно слышит каждое слово.

Девочка неохотно потянулась к серебряным башмачкам.

– О, нет-нет, что вы делаете? – заволновался завхоз. – Я не позволю, чтобы эти ножки стояли босиком на каменном полу, я принесу тапочки.

Он вернулся к двери, проскользнул в узкий проем. Через мгновение вынырнул, сдувая и отряхивая пыль с тапочек. К ужасу Молли, он решил все проделать сам: опустился перед ней на корточки, липкие пальцы обвилились вокруг лодыжки.

– Прошу вас одну ножку-с, – приговаривал он, с величайшей бережностью

вдевая ногу в тапок, – прошу вас вторую ножку-с. Удобно ли вам? Рад, что угодил такому чудному цветку. Правила соблюдены, не смею больше задерживать. – И добавил загадочно: – Господин Баркер, рад буду видеть вас сегодня моим гостем.

Ник зло отмахнулся от него. Завхоз расплылся в своей жабьей улыбке, удалился, как-то особенно яростно натирая тыльную сторону ладони, сжимавшей башмачки. Едва дверь за ним закрылась, Ник схватил Молли за руку:

– Быстрее, бежим!..

ГЛАВА 8 УРОК ИСТОРИИ

Перед дверью кабинета они лицом к лицу столкнулись с высоким и стройным, как сосуля, человеком. Несмотря на молодость, в жидкой растительности на голове появились первые проплешины. Сохранившаяся часть волос была такой белой, словно и голову, и брови посыпали снегом. В бесцветных глазах было выстужено всякое человеческое тепло, строгие и холодные черты лица заставили Молли поежиться, как от порыва северного ветра. В этот раз Ник не успел сообщить, кто перед ними, но Молли сама догадалась, это и есть учитель.

Учитель нес под мышкой тонкую папку, он уже взялся за ручку двери, когда услышал топот. Группу детей встретил промозглый могильный взгляд, исключаящий всякую надежду на прощение. Ребята замерли перед ним, не смея дышать, Ник в отчаянии пожевывал губу, гадая, успели-не успели.

Не говоря ни слова, учитель за цепочку выудил из кармана часы. Молли невольно отметила, что сотрудники приюта не бедствуют, часы учителя тоже украшены изумрудами. Он бесконечно долго разглядывал циферблат, наконец, захлопнул крышечку, часы нырнули обратно в карман. По-прежнему молча он толкнул дверь, скрылся внутри. Бесшумной струйкой дети потекли следом.

Внутри Молли обнаружила огромную аудиторию. Ряды парт убегали вверх, за партами сидело не меньше двух сотен жевунов-подростков. Челюсти у всех замерли, когда дети увидели, как компания Ника Баркера входит после учителя. Ник поспешно отыскал глазами свободное место в одном из рядов, под шепот одноклассников они взлетели по ступенькам. Молли услышала голос одной из девочек:

– Фу, Сопля сюда садится. Кто-нибудь поменяйтесь со мной.

Пока Молли усаживалась рядом с Ником, за спиной разгорелась бурная дискуссия. Дети кивали на незнакомку, шепотом искали друг у друга ответов. Особое волнение вызвал наряд Молли.

– Кто это, новенькая?

– Такая большая...

– Почему она так вырядилась?

– Инспектор Билль ее убьет.

Учитель Фриз сел за стол, прямой, как струна, положил папку на угол, пальцами поправил корешки, чтобы они были ровень со столешницей. И поднял

взгляд. В аудитории наступила гробовая тишина. Повелительный, полный льда и презрения взгляд медленно пополз по рядам. Он задерживался на каждом без исключения, словно хотел удостовериться, каждый ли в достаточной мере осознал, насколько он глуп, бездарен и безнадёжен.

Молли заметила, как мгновенно остекленели глаза всей аудитории. Похоже, подобные молчаливые истязания были ученикам не в новинку. Острый, как ледяная игла, взор учителя не достигал цели, каждый рассеянно смотрел в свою точку и даже не замечал, что иглы уже воткнулись в него.

Как и ожидалось, дольше всего взгляд задержался на опоздавших. Если друзья Молли перенесли его безболезненно, то самой девочке было в новинку чувствовать себя облитой ледяным презрением. Она начала ерзать, краснеть, не знала, куда спрятать глаза. Видя, что жертва поддается, учитель даже как будто с удовлетворением чуть откинулся на спинку стула и теперь смотрел на одну Молли.

– Если вы думаете, – наконец заговорил он таким же ледяным тоном, – что мне нравится каждую неделю тратить на вас свое личное время, то вы ошибаетесь. Вы не хуже меня знаете, насколько бессмысленны попытки вложить в ваши головы хоть какие-нибудь знания. В этих головах, – он обвел пальцем аудиторию и остановил его на Молли, – не способна обосноваться даже самая элементарная мысль. Если вы думаете, – продолжил он с нажимом, как будто кто-то пытался его перебить, – что после всего этого имеете право относиться с неуважением к учителю и заявляться на урок в последнюю секунду, то и мое отношение к вам будет соответствующим. Неделя внеурочных работ всем опоздавшим!

– Легко отделались, – шепнул Воробей, с облегчением взъерошив волосы. Ник шикнул на него.

– А чтобы проверить, насколько обоснована ваша наглость и самоуверенность, опрос мы начнем тоже с опоздавших. Господин Коул, выйдите к доске, порадуйте нас своими знаниями.

Сопля растерянно заморгал, Ник вытолкал его с лавки. Под робкие смешки аудитории крохотная одинокая фигурка спустилась к учительскому столу. Учитель указал ему место возле своего стула, развернул страдальца лицом к аудитории, а сам поднялся и начал неспешно расхаживать вдоль первого ряда.

– Итак, господин Коул, – с холодной любезностью заговорил Фриз. – Вы, разумеется, помните, что этот месяц мы посвятили истории Фиолетовой страны. Скажите нам, хорошо ли вы усвоили материал?

Сопля потер кулаком над верхней губой, хотел было отрицательно помотать головой, но тут взгляд его отыскал за партой Ника. Товарищ усиленно подавал сигналы, кивал так глубоко, что подбородок касался груди. Сопля послушно кивнул.

Губы учителя растянулись в ледяную полоску:

– Отлично. А какой народ населяет Фиолетовую страну, не напомните нам? Может быть, Марраны?

Сопля машинально повторил кивок, но заметил, как Верзила отчаянно мота-

ет головой. Он замотал в ответ так же энергично.

– Замечательно. Кто же тогда? Может быть, Мигуны?

Верзила кивнул, Сопля повторил движение.

– Великолепно. А кто сейчас правит страной Мигунов, вы знаете? И это знаете? Что ж, похвально. Кто же?

Сопля по привычке воззрится на Ника, но на сей раз тот опустил глаза, с неловкостью скреб затылок. Воробей тоже запустил руку в растрепанную шевелюру и смотрел в стену. Тогда Сопля с надеждой пробежал взглядом по рядам. Помощи ждать было неоткуда.

– Что же вы растерялись? – притворно удивился учитель. – Так уверенно начали. Мы вас слушаем.

Повисшая тишина и требовательный взгляд учителя сделали свое дело. Второй раз Молли наблюдала, как рот мальчишки вдруг перекосялся. Только теперь Ника рядом не было, некому было пресечь неизбежное. Аудиторию огласил нарастающий, как вой сирены, рев.

– Такой придурок, – услышала Молли девчонок за спиной.

– А еще говорят, Съю его в щеку поцеловала.

– Я бы лучше повесилась.

Учитель сложил руки на груди и молча ждал, когда пройдет приступ. Сопля явно был сбит с толку тем, что никто его не останавливает, не уговаривает перестать, довольно быстро плач сам собой сошел на нет. Он умолк, снова вытер кулаком под носом.

– У вас все, господин Коул? – холодно полюбопытствовал учитель.

Ник за партой обреченно кивнул, Сопля скопировал кивок.

– Ну что ж, вы и ваш усердно кивающий друг честно заработали себе еще по неделе работ.

Сопля воспринял новость с облегчением – ему позволили вернуться на место, – а Ник обреченно рухнул лбом на парту. Учитель вновь пустился рассказывать перед столом.

– Кто хочет дополнить ответ господина Коула? Есть среди вас человек, который слушал меня на прошлом занятии?

Все в аудитории, включая Молли, не сомневались, что следующим будет «усердно кивающий друг». Но тут в дальнем ряду робко приподнялась одна рука. Пухлый мальчик в круглых очках испуганно огляделся, не нашел других рук, шустро спрятал свою. Но было поздно.

– Слушаем вас, господин Кюхель.

Побледневший, ученик неловко поднялся.

– Ларс Купер, – одними губами произнес он.

– Что – Ларс Купер?

– Правит страной мигунов Ларс Купер.

Учитель замедлил шаг, поднял внимательный взгляд на дрожащего коротышку.

– Где вы это подсмотрели? – спросил с подозрением.

– Нигде, – испуганно пробормотал мальчик, – вы в прошлый раз говорили, я запомнил.

– Допустим. Допустим, что-то и правда могло случайно осесть в вашей голове. Тогда скажите нам, господин всезнайка, кто был правителем до него?

– Горацио Милт.

Учитель Фриз остановился. От его взгляда дохнуло арктическим льдом.

– Что вы хотели сказать этим заявлением? – спросил он с презрением.

– Что хотел сказать?.. Я... я не понимаю, господин учитель, – пролепетал ставший блее мела ученик.

– Вы хотели выделиться? Хотели показать, что вы лучше и умнее всех остальных своих товарищей?

Кюхель уже дрожал, как осиновый лист.

– Нет, ничего такого, господин Фриз...

– Тогда, быть может, вы хотели показать, что знаете предмет не хуже учителя?

– Я... что?.. Нет, вовсе нет...

– Может быть, втайне вы считаете, что вам по плечу обязанности учителя?

Предлагаете уступить вам этот стол?

На мальчишку жалко было смотреть, он хотел что-то пробормотать, но губы не слушались.

– Это фиаско, господин Кюхель. Вы переусердствовали. Думаю, неделя внеурочных работ научит вас держать в узде ваше высокомерие.

Чуть не плача, мальчишка опустил на место.

– А как же Железный Дровосек? – вдруг раздался в тишине голос Молли.

У Ника и Воробья отпали челюсти. Мгновенье учитель остолбенело продолжал смотреть на Кюхеля, потом медленно переспросил, не поворачивая головы:

– Я не ослышался? Кто-то заговорил, не подняв руку?

Ник принялся яростно оттапывать ей ноги, щипать за руку, призывая к молчанию. Молли поморщилась, сильно пихнула локтем в ответ. Вопрос был слишком важен, чтобы бояться презрительных взглядов учителя. Она послушно вскинула руку:

– Железный Дровосек очень долго правил страной мигунов. Когда он перестал быть правителем?

– Кто такой Железный Дровосек? – услышала она шепот за партами.

– Сумасшедшая какая-то...

– Железный Дровосек, надо же...

Молли резко обернулась к шепчущимся, отчеканила громко:

– Железный Дровосек – это лучший правитель, который когда-либо был у мигунов. Моя мама его лично знала!

Ник уже лежал на парте, обвив голову руками – словно в норку спрятался.

– Я же просил молчать, что бы ни случилось – молчать, – причитал он шепотом. Воробей юркнул под парту, прополз там и вынырнул через несколько человек от них. Только Сопля смотрел на происходящее с отстраненным любопытством. Свое он уже получил и чувствовал себя превосходно. Молния не бьет

дважды в одно место.

Учитель подошел к столу, ни на кого не глядя, взял папку, пальцем проверил, не выбиваются ли где бумаги.

– Поздравляю, – произнес он хладнокровно, – вы добились своего, урок сорван. Всем оставаться на местах, я за директором.

Красная как рак, Молли уселась на место. Спинай она чувствовала сотни осуждающих, удивленных глаз.

– Что ты наделала, – сокрушался Ник и добавил сочувственно: – Ну теперь держись.

Теперь Молли и сама поняла, что переборщила. Благоразумней было бы дожидаться конца урока и расспросить учителя наедине. Закусив губу, она сидела и гадала, чем разрешится дело.

ГЛАВА 9 В КАБИНЕТЕ ДИРЕКТОРА

Дверь аудитории распахнулась грозно и внушительно. Внутрь походкой сытого льва вошел человек, габаритами не уступавший инспектору Биллю. Его появление придавило детей, как бетонная плита. От громоздкой фигуры волнами исходило ощущение власти, властные движения и пронизывающий взгляд не оставляли сомнений, кто в этих стенах царь и Бог.

Учитель Фриз рядом с директором разительно переменялся. От ледяного выскомерия не осталось и призрака, с учениками холодный и прямой, как шест, тут он превратился в нечто бесформенное, семенил за плечом директора, прижимая папку к груди обеими руками. Заискивающе поглядывал на повелительный профиль, многословно и суетливо шептал что-то на ухо.

Директор остановился перед учительским столом, подвигал внушительными, толщиной с девичье запястье, усами.

– Кто? – громыхнул он так, что дети вжали головы в плечи.

Учитель угодливо вытянул руку в сторону испуганной Молли.

– Вон та, в четвертом ряду.

– Встать! – рявкнул директор.

Девочка выпрямилась на непослушных ногах.

– Вы только посмотрите, как она вырядилась, господин директор, – суетился над ухом Фриз. – Она же явно с самого начала планировала сорвать урок.

– Это правда? – уточнил тот, приподняв роскошную бровь.

– Неправда, – обиженно сказала Молли. – Ничего я не планировала.

Директор приподнял бровь еще выше.

– Хочешь сказать, твой учитель лжет?

– Я же вам говорил, – приободрился учитель, – подобной дерзости еще не бывало в нашем приюте.

– Я просто спросила про правителя мигунов, – сказала Молли, в которой возмущение боролось с желанием расплакаться.

– А это самое главное, господин директор, она спросила про... – Фриз при-

близился, шепнул что-то директору на ухо.

– Вот как? – удивился директор. С минуту он буравил девочку глазами, раздумчиво пожевывая губу. Наконец бросил веско: – Ко мне в кабинет. Немедленно!

Словно только и ждали приказа, из-за двери показались двое жевунов в мундирах лигашей. Они взлетели по ступенькам, потянули девочку вниз. Молли сопротивлялась, уперлась ногами в пол. Тогда жевуны схватили ее под мышки и понесли на себе.

– Пусти, мне больно, – вырывалась Молли.

– Эй ты, – крикнул Ник, – поаккуратней, она же девочка!

У Фриза глаза округлились:

– Ты как разговариваешь при директоре? – зашипел он и тут же наклонился к громадному плечу: – Прикажете подготовить наглецу одиночную камеру?

– Одиночную камеру? – снова удивился директор. – Зачем? Разве мы не стремимся воспитывать из подопечных настоящих мужчин?

– Для этого мы здесь, – с легким поклоном подтвердил учитель.

– Юноша не задумываясь бросился защищать даму сердца. Поступок, достойный поощрения! У этого юноши есть наказания?

Учитель исподлобья смерил Верзилу ледяным взглядом.

– У этого молодого человека наказания расписаны на полгода вперед.

– Минус одна неделя! – прогремел директор, подняв вверх указательный палец. – Пусть все знают, что директор Хигг тоже человек и не останется глух к проявлению высоких качеств!

На этой торжественной ноте, директор развернулся и вышел, крайне довольный собой.

Охранники приюта изрядно вспотели и запыхались, пока доставляли девочку на третий этаж. Ноша оказалась непривычно тяжела, а Молли и не думала им помогать, нарочно подтягивала ноги, чтобы тапки не касались пола. Ее поднесли к двери с табличкой «Директор Хигг», с облегчением опустили на пол. Позади уже слышалась величавая поступь.

– Вы свободны, – раздался не терпящий возражений голос.

Охранники удалились, утирая пот со лба. Директор толкнул дверь.

– Проходи.

Молли робко вошла внутрь, ее тапочки сразу утонули в мягком голубом ковре. Кабинет директора был просторным, светлым, окна располагались вкруговую. Она догадалась, что кабинет расположен в самой верхней башне здания. Стол, за которым могло бы уместиться пять учеников, стоял напротив входа, между окон в стены были встроены шкафы. Над шкафами висели портреты. Только один человек на портрете, черноволосый, показался Молли смутно знакомым, остальных она видела впервые.

Замешкавшуюся на пороге, внутрь ее протолкнул живот директора. Когда Молли прошла мимо одного из шкафов, внутри что-то зашевелилось и через мгновение принялось отчаянно стучать в дверцы. Девочка побледнела, неужели

он там запирает детей? Директор, проходя мимо, ударил кулаком по дверце так, что весь шкаф задребезжал. Внутри сразу смолкло.

– Садись, – как ни в чем не бывало указал директор на стул. Сам он обошел стол, уселся напротив. Не отрывая взгляда от шкафа, Молли села на краешек стула. Наступило томительное молчание. Директор Хигг достал из ящика стола гребешок, зеркальце и начал расчесывать усы. Сразу было видно, за этим занятием он мог проводить сколько угодно времени, про наказанную ученицу директор, казалось, напрочь забыл.

– Кто у вас в шкафу? – не выдержала Молли.

– Это шкаф для сапог, – коротко отчеканил директор, видимо полагая, что этим все прояснил.

У Молли уже в ушах начало звенеть от тишины, когда директор все же решил-ся расстаться с гребнем. Глядя в зеркальце, он мизинцем разгладил выбившиеся волоски, отложил зеркальце и, наконец, поднял глаза на провинившуюся. К своему удивлению Молли поняла, что он пытается скорчить дружелюбную гримасу.

– Как твое имя, девочка?

– Молли.

– Прекрасное имя, – одобрительно кивнул директор. – Хочешь чаю, Молли? Ты, наверное, устала, перенервничала, давай я налью тебе кружечку?

От такой заботы Молли стало еще больше не по себе, она покачала головой.

– Не хочешь? Ну дело твое. Ты прости, что я был с тобой резок там, в учебном кабинете. Нам, бывшим солдафонам, не всегда удается найти общий язык с молоденькими красавицами, понимаешь, да?

Он как-то сдержанно, неестественно рассмеялся, отчего огромный живот заходил ходуном. Но, увидев, что девочка веселья не разделяет, умолк.

– Скажи, Молли, откуда ты узнала про... сама знаешь кого? Тебе рассказал о нем кто-нибудь в приюте?

– О ком? – не поняла Молли.

– Ну, ты знаешь, о том самом, о... железном?..

– Дровосеке?

Директор поперхнулся, зыркнул по сторонам, словно кто-то мог подслушать.

– Тише, не нужно так кричать. Да-да, о том самом. Детям незнакомо это имя, где ты его услышала?

– Незнакомо? – с удивлением повторила Молли. – Я думала, в Волшебном мире про Железного Дровосека знают все...

Усы директора пришли в движение, он явно начинал терять терпение, но сдвинул над собой усилие, продолжил покладисто:

– Молли, дорогая, не нужно постоянно повторять это имя. Ты не права, его знают далеко не все. Так откуда узнала ты?

– От своей мамы.

– А, значит, у тебя есть мама. Вот видишь, это совсем несложно. Скажи, где отбывает срок твоя мама, мы с ней свяжемся и постараемся вернуть тебя к ней поскорее. Ты же хочешь пораньше вернуться к маме?

При воспоминании о маме у Молли защипало в глазах.

– Вы не сможете, моя мама далеко.

– Хочешь сказать, ее нет в стране?

Молли покачала головой, смахнув кулаком выступившую слезу.

– Где же она? Ну да, конечно. Наверное, на рудниках в Фиолетовой стране?

Или сбежала в страну Марранов? Пойми, я на твоей стороне, мне можно довериться. Твоя мама в стране Марранов?

Молли на всякий случай пожала плечами, не рассказывать же правду.

– Ну хорошо, не будем об этом. В конце концов, ты же не можешь отвечать за поступки родителей, верно? – Он издал кривой смешок, затем неловко кашлянул, поняв, что прокололся. – А скажи, твоя мама не упоминала, случайно, где сейчас находится... ты знаешь кто?

Молли помотала головой.

– Что, ни разу ни словом не обмолвилась?

Девочка повторила жест.

– Как ты думаешь, а сама она знает, где... Он сейчас? Он тоже прячется в стране Марранов?

– Она не знает.

– Почему ты так уверена, если она ни разу об этом не упоминала?

Наступило молчание. После короткой паузы Молли растерянно пожала плечами. Директор облокотился одной рукой о стол, подался вперед, стол застонал под его весом. Темные провалы глаз намертво вгрызлись в лицо девочки. Молли чуть отодвинулась, подавленная огромностью бровей и усов.

– А знаешь, что я думаю? – проговорил он, вмиг расставшись с маской дружелюбия. – Я думаю, ты мне лжешь. Я думаю, ты знаешь намного больше, чем говоришь. Советую сейчас же во всем сознаться, если не хочешь попасть на аудиенцию к начальнику городской стражи. Я могу устроить такую встречу хоть сегодня, даже не сомневайся. Что скажешь?

– Я ничего не знаю, – упрямо повторила Молли.

– Лжешь! – внезапно рявкнул Директор. Молли подскочила от испуга. – Где он?

– Я не знаю!

– Твоя мама знает?

– Не знает!

– А кто знает? – рявкнул директор еще громче.

– Никто не знает!

Директор громыхнул кулаком по столу так, что чернильница едва не опрокинулась.

– Кто знает?! Отвечай, дрянная девчонка!

– Никто не знает! – крикнула Молли, размазывая слезы по щекам. – Даже Страшила не знает!

Директор потрясенно откинулся на спинку кресла. Какое-то время в кабине-те слышались только всхлипывания девочки и тяжелое дыхание Хигга. Наконец

заскрипело кресло, директор снова наклонился к столу.

– Твоя мама называла тебе и это имя?

– Я сама с ним разговаривала! – с вызовом бросила ему в лицо Молли.

Снова наступила тишина. Директор каким-то новым, изучающим взглядом окинул девочку с ног до головы. Потом с устрашающим спокойствием подвинул лист бумаги, макнул перо в чернильницу. Крупные черные строчки побежали друг за другом с удивительной быстротой.

– Где? Когда? – не поднимая головы спокойно спросил он.

– Не скажу! – всхлипнув, огрызнулась девочка. – Он уже почти придумал, как вас всех проучить, готовьтесь!

Директор оторвал глаза от бумаги, отложил перо.

– Ах вот как. Ну что ж, эти симптомы нам знакомы. Два дня в темном подвале наедине с мышами остудят ваш пыл, юная гордочка, и вы сами с удовольствием все обстоятельно выложите. – Он встал с кресла, обогнул стол. – Прошу вас следовать за мной добровольно, леди из Большого мира, иначе мне придется у всех на глазах тащить вас за шиворот.

Настала очередь Молли потрясенно умолкнуть. Он обо всем догадался... Притихшая, она поднялась со стула, вытерла запястьями глаза и последовала за фигурой, полностью занявшей дверной проем.

ГЛАВА 10 КАРЦЕР

В коридоре первого этажа у Молли мелькнула мысль о побеге. Едва ли неповоротливый директор угонится за шустрой девчонкой. Останавливало только отсутствие башмачков. Она достаточно повидала в этом мире, чтобы добровольно лишиться себя запасного пути отступления. Да и директор, как только поравнялся с парадным выходом, протянул руку за спину и положил два пальца на плечо заключенной. Со стороны жест мог показаться примирительным, утешающим, но Молли чувствовала, как пальцы тяжелели и напрягались, стоило сделать малейший шаг в сторону.

Когда выход остался позади, из-за угла вынырнул огромный айсберг и поплыл им навстречу. В этих появлениях инспектора начинало чудиться нечто сверхъестественное. Сигнализация у него, что ли, установлена в коридоре? Директор и инспектор остановились, едва не соприкоснувшись одинаково внушительными животами.

– Директор Хигг! – гулко пробасил инспектор.

– Инспектор Билль! – громыхнул в ответ директор.

Они постояли, глядя друг на друга. Потом, не сговариваясь, одновременно двинулись бочком, продолжая глядеть один на другого. Спины обоих собрали со стен широкие полосы пыли.

– Как сегодня дела в приюте, инспектор?

– Ничуть не хуже, но и ничуть не лучше, чем обычно, директор.

– Рад слышать. Если что, вы знаете, где меня искать, инспектор.

– Разумеется, директор.

Они разминулись и, будто встречи не было, разошлись в разные стороны. Молли незамеченной прошмыгнула за директором.

Возле спуска в подвал Хигг передал девочку двум охранникам.

– Ровно двое суток! – приказным тоном сказал он. – Потом сразу ведите в мой кабинет. И найдите ей нормальную одежду.

Директор удалился, не оборачиваясь. Охранники взяли заключенную под локти, повели по деревянным ступенькам. Внизу девочке стало не по себе от запаха сырости, затхлости. Узкий коридор подвала освещался тусклыми лампами на стенах. Молли испуганно вертела головой. По бокам через каждые несколько шагов тянулись массивные двери с зарешеченными окошками. За некоторыми слышалась возня, простуженные шмыганья. На звук их шагов к одной из решеток прильнуло перепачканное лицо мальчишки.

– Эй, – позвал он умоляюще, – я видел в окошко, солнце садится, меня уже должны выпустить. Откройте!

Жалоба не произвела должного впечатления. Охранники равнодушно прошагали мимо двери мальчика, остановились перед следующей. Раздался протяжный скрежет, который разнесся по подвалу устрашающим эхом. Будто открылась дверь в доме с привидениями.

– Номер девять, – безразлично сообщил один из охранников.

Молли попятилась, глядя в черноту проема. Оттуда тянуло сыростью и холодом.

– Я не хочу, – пробормотала она.

Такая реакция была не в новинку охранникам. Без лишних слов они втокнули девочку внутрь, дверь с ржавым зевом захлопнулась. Снаружи лязгнула задвижка. Послышались удаляющиеся шаги, мальчишка в соседней камере снова громко умолял его выпустить.

Молли стояла на пороге и не знала, что делать. Со страхом и отчаянием она оглядывала черноту комнаты. Окошко, о котором говорил сосед, оказалось щелкой под самым потолком, куда едва пролезла бы рука. Даже сквозь отверстие в двери света лилось больше. Молли боялась сделать хоть шаг, чтобы в темноте не споткнуться обо что-нибудь.

Когда глаза чуть пообвыклись, она смогла различить небольшую каморку, в которой не было ничего, кроме лавки с ветхим одеяльцем и ведра в углу. От ведра шел отвратительный резкий запах.

Вскоре выяснилось, что долго сидеть на лавке без движения не представлялось возможным. Холод начинал пробираться под кожу, заставлял стучать зубами. Молли обняла локти, принялась ходить кругами по центру камеры.

Много всего передумалось ей в этот вечер. Все чаще посещали мысли о башмачках. Теперь она по-настоящему прочувствовала, насколько беспомощна без них, насколько важное значение отныне имеет каждое ее слово, каждое действие. И неизвестно, к чему приведет новая беседа с директором, ну как и ее отправят на рудники? Не видать тогда больше ни башмачков, ни родного Канзаса.

С тоской и чувством вины Молли вспоминала о маме. Как та восприняла бегство дочери, как чувствует себя сейчас? Наверняка места себе не находит, переживает, плачет. Почему Молли сразу о ней не подумала? А Страшила?

Внезапная догадка заставила девочку остановиться. Он же теперь не сможет вернуться, а чудесной воды осталась неполная фляжка. Что с ним случится там, в ее мире?

Молли закусила губу. В который раз за день в глазах начали закипать слезы. Она всех подставила, всем навредила. Как она могла вести себя так легкомысленно, так необдуманно?

Ночь прошла ужасно. Молли свернулась калачиком под тонким, пропахшим чужим потом одеялом, дрожала от холода. Глаза ее покраснелись и опухли, она плакала при каждом воспоминании о доме, о маме, о Страшиле. Под лавкой всю ночь слышалось настойчивое шебуршание. Мышей девочка не боялась, но их возня исключала всякую возможность задремать. Лишь к рассвету ее наконец одолел беспокойный сон. А уже через секунду, как показалось, сон разогнали звуки голосов.

Молли откинула одеяло, села на лавке, прислушавшись. Голоса показались знакомыми, но шли определенно не со стороны двери. Она приблизилась к окошку. Щель располагалась так высоко, что даже подросток из большого мира едва дотягивался до края кончиками пальцев. Но слова девочка разобрала:

– Я же говорил, он за нами потянется.

Ему в ответ раздался раздраженный голос:

– Да что ж такое... Тебе было сказано за углом караулить!

– Я не хочу там стоять, вдруг меня тоже схватят.

– За что? За то, что на углу стоишь? Что ты за человек, Сопля, тебе нельзя доверить самое элементарное дело!

Сердце Молли радостно екнуло, она встала перед окошком на цыпочки. Голоса снаружи на секунду умолкли, потом она услышала где-то поблизости:

– Молли?

Не успела девочка открыть рот, на зов откликнулся приглушенный голос соседа по камере.

– Верзила! – радостно воскликнул он. – Верзила, выручай! Кажется, обо мне забыли! Меня еще вчера должны были выпустить.

– Гусеница, ты, что ли? Тьфу ты! Ладно, вечером напомним о тебе инспектору.

– Вечером? Мне что, еще день тут сидеть?

Ответа он не получил. Какая-то тень заслонила окошко девочки.

– Молли! – позвал Ник совсем близко.

– Я здесь, – радостно отозвалась девочка.

– Она здесь! – сообщил Ник.

– Она здесь! – взволнованно подхватил Воробей.

– Кто? – спросил Сопля.

– Молли, как ты там?

– Нормально, – соврала девочка.

– Ночью мы подслушивали за комнатой охранников и знаем, что произошло. Плохой знак, очень плохой! Никто и никогда не вызывался к директору после карцера. Тебе нельзя с ним встречаться. Сегодня вечером мы тебя вытащим!

– Но как? – И вдруг ее осенило: – Очки! У тебя же есть очки! Ты просто наденешь их и попросишь охрану меня выпустить! Отличный план!

Снаружи произошла заминка.

– Эмм... Вообще-то мы подумывали о снотворном.

– Снотворном? – не поняла Молли.

– Ну да, для надзирателей. Пару раз мы так делали друг для друга, чтобы отоспаться в тепле.

– Тогда у вас не было очков, разве теперь не проще использовать их?

– Эм... – повторил Ник. – Не переживай, все получится.

– Ладно, а что потом? Утром они заметят, что я пропала.

– Не заметят, – громко зашептал Ник. Потом настала пауза, он, видимо, огляделся по сторонам, не идет ли кто, прильнул ближе к щели: – Не заметят, завтрак надзиратели подают через окошко двери и не проверяют камеры. Я все продумал, ночь и утро ты проведешь с нами. Главное, не попасться на глаза директору.

– А послезавтра, когда меня должны будут отвести к нему?

– Нас тут уже не будет. Недавно я узнал у Милса, что прибыл наряд на отправку десяти детей в страну мигунов. На двухнедельное обучение к мастеру по ремонту часов. Нас постоянно куда-нибудь отправляют. На построении ты назовешься Лорой Флеминг и попросишься добровольцем. И мы вместе с тобой. Ребятам я постараюсь предупредить. Не бойся, план беспроблемный.

– Кто такая Лора Флеминг?

– Не имеет значения. Завтра она еще не выйдет из карцера. Список будет составлять наш воспитатель, никого из девочек он не знает. Кстати, мы тут принесли... – В щель пролезла рука Ника с бумажным свертком. – Кормят в карцере чудовищно, скоро сама увидишь, мы с Воробьем решили отдать тебе свои кексы.

Воробей у него за спиной громко фыркнул. Молли дотянулась до свертка.

– Спасибо. А сами вы что-нибудь ели?

– Конечно, как раз из столовой. И вот еще, – голос его вдруг стал смущенным, – сам я тысячу раз был в карцере, знаю, каково там. Мы постоянно помогаем друг другу. Вот, возьми мое одеяло, хоть поспишь немного.

В щель пролез уголок толстого серого покрывала. С двух сторон они протолкнули одеяло внутрь.

– Спасибо, – повторила Молли.

– Нам пора, днем еще заглянем, чтобы тебе было не так скучно.

– Хорошо.

После их ухода, приободренная и успокоенная, Молли закуталась в одеяло, отогреваясь после бессонной ночи.

Через полчаса в коридоре началась шумная возня, лязгали замки, гремели кастрюли, поварешки. Скоро откинулась и ее решетка. Охранник даже не заглянул в проем, просунул внутрь поднос с блюдцем, решетка закрылась. По дну

блюдца была размазана какая-то водянистая каша, которая выглядела так, будто уже была отторгнута по меньшей мере одним желудком. Рядом с тарелкой лежал бесформенный уголек, отдаленно напоминающий кусочек хлеба. Насчет завтрака Ник не обманул.

Молли не притронулась к подносу, под теплым одеялом ее быстро сморил сон. Но и в этот раз выспаться не удалось, неожиданно лязгнула задвижка камеры. Пленница поспешно скомкала одеяло, спрятала за спину. Раздался знакомый протяжный скрежет, потом звон опрокинувшегося подноса с блюдцем. Кто-то коротко выругался, наступив в растекшуюся кашу. Молли закрылась рукой от ослепительного, как ей показалось, света. В камеру вошли двое незнакомых надзирателей. На лавку упало скомканное голубое платье, какое носят девушки Голубой страны.

– Переодевайся, – коротко велел один. – Твое платье нам приказано сжечь.

Молли покосилась на изрядно потрепанную юбку.

– Его уже кто-то носил, – заметила она.

– Тут тебе не урок истории, – угрожающе произнес тот же охранник, – тут рассуждать не надо, тут надо выполнять. Переодевайся!

Молли пяткой оттолкнула платье.

– Не буду.

– Послушай, девочка, – произнес второй охранник мягче. – У нас приказ. Если ты не переоденешься, нам придется сделать это силой. Я бы этого очень не хотел. Мы подождем снаружи, ладно?

Он увел напарника за дверь.

– Две минуты! – хмуро бросил тот через решетку.

Сгорая от стыда и унижения, Молли переоделась в голубое. Платье оказалось тесноватым, но движений не сковывало. Наверное, немалых трудов стоило найти нужный размер.

Ровно через две минуты дверь открылась. Охранники нашли девочку в новом платье, она сидела на лавке и с угрюмым видом прижимала свое, красное, к груди. Это платье сшила ей мама, девочка не хотела расставаться с единственной вещью, в которой еще теплился очаг родного дома.

Первый охранник решительным шагом пересек комнату, вцепился в платье.

– Давай сюда.

Молли не отпустила. Охранник потянул сильнее, схватился обеими руками. После короткой борьбы Молли со злостью отпихнула охранника в грудь. Тот вместе с платьем перебежал задом через всю комнату, врезался затылком в стену. С удивлением девочка отметила, что сил у нее не меньше, чем у взрослого жевуна.

– Ах так! – уязвленно вскричал охранник. Рука его выхватила с пояса дубинку, он кинулся к лавке. Молли испуганно взвизгнула, закрылась руками. Второй охранник, с фонарем, перехватил напарника под мышки, выволок за дверь, громынула задвижка.

– С ума сошел? – слышался голос защитника. – Да что с тобой, у тебя же

дочка ее ровесница!

После секунды тишины обидчик отозвался каким-то смущенным тоном:

– Кажется, шишка будет. – Затем подумал, добавил неловко: – Иди, я сейчас.

Открылась решетка, там показалось лицо обидчика:

– Эй, девочка... Слышишь? – произнес он на удивление робко, виновато. – Ты в порядке? Извини, сам не знаю, что на меня нашло. Просто... не знаю... Извини, ладно?

В какой-то момент в голосе и в лице его промелькнуло нечто такое... Нечто, в чем она моментально узнала жевунов из маминой книги. Это узнавание обезоружило настолько, что девочка пробормотала тихо:

– Ладно, ничего.

Жевун мгновение смотрел на нее, потом кивнул сокрушенно, решетка медленно закрылась.

Слушая удаляющиеся шаги, Молли удивительно живо вообразила, как обидчик с поникшим видом снимает шляпу и прижимает ее к груди, чтобы звон бубенчиков не мешал его горю. Только никто здесь больше не носит бубенчиков.

Минуту она сидела без движения. Сердце колотилось уже не от страха, а от мимолетного ощущения прикосновения к тому волшебству, которое она жаждала здесь встретить. В голове девочки снова ожили картины, как целые деревни жевунов приветливо машут ей шляпами, в воздухе стоит разноголосый непрерывный звон, все радостны, веселы, облиты ласковым солнцем...

В одеяло она закуталась с сонной улыбкой и с затаившимся в груди угольком надежды.

Как и обещали, после обеда пришли Верзила и Воробей. Ник развлекал ее свежими новостями, рассказывал, как инспектор Билль застал под лестницей целующихся Лану и Роберта, как Сопля в мастерской гвоздем насквозь пробил сапог воспитателя. Поэтому не смог прийти. Как оставшиеся вдвоем друзья подбросили в девчоночью спальню мужской сапог так, чтобы воспитатель девочек сразу на него наткнулся. Крику поднялось на весь приют. А потом выяснилось, что сапог принадлежит самому воспитателю. Он поведал еще много историй из жизни приюта, прошлой и настоящей, и в конце концов сумел развеселить подругу.

Даже Воробей неохотно и немногословно рассказал, как подложил учителю в папку червяка, а подумали на Мозгляка и заставили его мыть коридоры на всех этажах. Когда и после его истории из окна полился звонкий девичий смех, Воробей покраснел, отвернулся.

Молли задала самый волнующий ее вопрос: как обстоят дела с башмачками. Верзила виновато признался, что за текущими делами напрочь о них забыл, и пообещал, что после побега первым делом завернут к Милсу.

Остаток дня девочка провела в волнении перед грядущим бегством. Глаза так привыкли к темноте, что без труда различали копошащихся мышей. Она расстелила на полу местное одеяло, легла поближе к белым комочкам. Мыши

быстро смирились с присутствием сокамерницы, даже как будто привязались к ней. Молли позволяла им беспрепятственно бегать по рукам, шепталась с ними. Совсем тихонько, чтобы не спугнуть.

У одной мыши на затылке красовалась опухшая ранка. Девочка посадила ее на ладонь.

– Бедненькая, – прошептала она, – шею повредила.

Однако стоило поднести ладонь к глазам, Молли увидела, что это вовсе не ранка. К шее был привязан крошечный кожаный сверток, весь перемазанный в земле, с растрепанными набухшими краями.

Сердце девочки забилось учащенно. Это наверняка какое-нибудь недоставленное сообщение. Еще с тех времен, когда мыши могли общаться с человеком. Аккуратно, стараясь не спугнуть, она подпилила ногтем полуистлевшую ниточку. Сверток был размером с фалангу мизинца. Молли пересадила всех мышей на пол, бережно расправила кожу. Догадка оправдалась, внутри свертка белела тончайшая полоска бумаги, намокшая и подгнившая по краям.

Чувствуя, как в груди затрепетало от волнения, Молли вскочила, бросилась к окошку. Взяв кончик бумаги губами, она в прыжке ухватилась пальцами за край каменной щели, но подтянуться сил не хватило. Тогда она метнулась к решетке на двери, просунула сквозь прутья расправленную полоску. В отблесках далекой лампы стали различимы мельчайшие буквы. Когда от напряжения начали слезиться глаза, она наконец расшифровала все три строчки:

«Страшиле Трижды Премудрому. Все инструменты взбесились и сбежали, покалечив рабочих. Шахту затопило. Работы в Западной пещере прекращаем. Гл. Инженер Руггеус».

ГЛАВА 11 ПОБЕГ

Молли была разочарована. Это просто старое хозяйственное донесение. Про взбесившиеся инструменты еще интересно, но не более того. Она-то понадеялась, что внутри дожидались своего часа важные сведения о зле, обрушившемся на Волшебный мир.

Девочка упаковала бумагу обратно в сверток, убрала в карман платья. Может быть, когда-нибудь удастся передать донесение адресату.

Чем ближе время подходило к ночи, тем с большим волнением и нетерпением она кружила по камере. Ни о каком сне теперь не могло быть речи. На улице давно стемнело, даже привыкшие к темноте глаза не могли отыскать щель под потолком. Вскоре она услышала, как мимо камеры, переговариваясь, неторопливо прошли охранники. Ночные обходы представляли из себя путь до конца коридора и обратно. Иногда к выборочной решетке на мгновение приближалось лицо охранника, затем шаги продолжали отдаваться гулким эхом.

Охранники возвращались от дальней стены, когда вдруг раздался оклик одного из них:

– Эй, вы, двое, кто вам разрешил сюда спускаться?

У Молли сердце екнуло. Кажется, началось. На вмиг ослабевших ногах она подлетела к двери, прижалась к решетке ухом. В напряженном голосе ответчика она с трудом узнала голос Ника:

– Нас послала тетушка Кларк.

– Неужели? – недоверчиво вставил второй охранник. – После отбоя?

– Нас наказали, – сокрушенным тоном признался Ник. – Вместо отбоя мы сегодня всю ночь убираемся в столовой.

«В это они легко поверят», – подумалось Молли.

– Мы сами можем подняться, зачем ей посылать вас?

– У тетушки приболела маленькая племянница, – еще более сокрушенным тоном объяснил Ник. – Она уехала домой. Столовая до утра будет закрыта.

– Закрыта до утра? – встревожился охранник. После короткой паузы второй охранник сказал: – Ладно, показывай, что у вас там.

– Вот, тут пирожки с мясом, картошкой и капустой. А здесь горячий чай.

– Разве это не любимый термос тетушки Кларк? – с пробудившимся подозрением заметил охранник.

– Она велела не доверять его никому, кроме вас.

Молли почти воочию увидела, как охранники многозначительно переглянулись.

– Можете идти, – снисходительно отпустил один.

– Утром мы проверим, как убрано в столовой, – крикнул вдогонку второй.

Потянулось долгое томительное ожидание. Когда ее вели по деревянной лестнице, Молли видела внизу маленький столик. Сейчас оттуда доносились чавканье, прихлебывания, исковерканные набитым ртом слова. Шли минуты. Чавканье становилось все реже, прихлебывания все ленивей. Вот послышался один зевок, второй, кто-то из охранников начал сонно бормотать какую-то нелепицу, бормотание сменилось первыми всхрапами. Немного погодя от нестройного храпа сотрясались стены подвала.

– Готовы! – услышала Молли возбужденный шепот Воробья с лестницы.

– Термос заberi.

К окошку Молли приближался свет лампы. Девочка отступила на шаг, прищурилась, после суток в карцере и свет от зажженной спички способен был ослепить.

– Молли, не спишь? – раздался за дверь голос Ника.

– Я вас ждала.

– Сейчас приглушу свет.

За решеткой чуть потемнело, заскрипела отодвигаемая задвижка. Молли бросилась к лавке, свернула одолженное одеяло. В ночи скрежет двери показался таким громким, что оставалось удивляться, почему не оборвался храп охранников. Ник вытянул руку с почти потушенной лампой, распахнутыми глазами оглядел черноту камеры.

– Я готова, – сказала из черноты Молли. Ник повернулся на звук:

– Тогда пошли.

Оба охранника лежали лбами на столе. Воробей с пакетом стоял рядом и поспешно пережевывал пирог. При виде девочки челюсти его на мгновение замерли.

– Ее переодели? – спросил он с набитым ртом.

Ник обернулся, окинул подругу с ног до головы. Молли успела заметить, как на скулах его заалели два пятнышка. Он тут же отвернулся, буркнул:

– Все сожрал?

– Там оставался-то один недоеденный!

– Ладно, уходим.

За их спинами раздался негромкий стук. Все трое замерли в испуге.

– Верзила! – Молли сразу узнала голос соседа по камере. – Выпусти и меня тоже, никто не заметит!

Тот выдохнул облегченно.

– Ничего не выйдет, Гусеница. Я говорил с инспектором, он решил поддержать тебя еще пару дней.

Из камеры донесся стон.

– Что он сделал? – шепнула Молли уже на ступеньках.

– Разбил окно в башне инспектора любимой вазой инспектора.

– Он что, сумасшедший? – спросила Молли недоверчиво.

– Не специально. Они передвигали мебель в кабинете Билля, ваза соскользнула с полки – и в окно. Ваза, как ты понимаешь, тоже разбилась. Вторая неделя пошла, как он тут.

– Это несправедливо, – возмутилась Молли. – Он же не хотел.

Ник отмахнулся:

– Этот разиня вечно что-нибудь ломает.

В коридоре первого этажа темнота не уступала камерам подвала. Детям под страхом карцера запрещено бродить по коридорам после отбоя, поэтому вечером все лампы тушились. Они шли чуть не на ощупь, Ник прибавил света, чтобы не врезаться в какой-нибудь угол.

– Спальни на втором этаже, – сказал он девочке. – Займешь кровать Гусеницы. А утром встанем пораньше остальных, чтобы тебя никто не заметил.

– Я буду спать в спальне мальчиков? – от этой мысли Молли даже остановилась. Ник смущенно промямлил:

– Другого варианта нет.

Ответить Молли не успела, она заметила опасность раньше мальчишек. У выхода, где коридор расширялся в просторный холл, прохаживалась темная фигура. По размерам и по очертанию живота без сомнений угадывался инспектор или директор. Молли остановилась в ужасе, а друзья, ничего не подозревая, продолжали шагать навстречу смерти.

Не смея вымолвить ни слова, Молли подскочила и схватила Ника за руку с такой силой, что тот ойкнул. Удивленный, он поднял фонарь к испуганному лицу девочки.

– Ты чего?

Она бешено тыкала пальцем ему за спину, жестами изображала огромное пузо, наконец шепнула на ухо:

– Там кто-то ходит!

Ник обернулся.

– А, ты же еще не знаешь. Это Каменный Билль.

Воробей заметил, что идет в одиночестве, тоже остановился.

– Что это с ней? – спросил он. Голос его отозвался эхом в стенах коридора, отчего у Молли волосы на затылке встали дыбом.

– Испугалась Каменного Билля, – пояснил Ник.

Воробей фыркнул, мол, что еще ждать от девчонок, с демонстративным равнодушием тронулся дальше. А темная фигура словно не слышала разговора в нескольких шагах от себя, все так же вышагивала от двери до противоположной стены и обратно.

– Каменная копия инспектора, – объяснил Ник. – Сделана каким-то известным скульптором. Она тут каждую ночь караулит, чтобы мы не шлялись по коридорам. Только все давно догадались, что эта каменная башка ничего не видит. Да и слышит туговато. – В подтверждение слов он вдруг повысил голос: – Эй, Билль, не скучно одному?

Статуя замерла, резко обернулась на звук.

– Кто здесь? – воскликнула она. Молли против воли похолодела, голос ее был неотличим от голоса инспектора.

Не получив ответа, статуя вдруг сорвалась с места. Девочка подумала было, что каменное существо собирается с разбегу выбить головой дверь, но перед самым выходом оно остановилось, развернулось и как ни в чем не бывало пошало к стене. Воробей проскользнул у нее перед самым животом. На другой стороне мальчишка в несколько глотков вобрал в себя воздух и чихнул.

– Кто здесь? – мгновенно развернулась статуя.

– Директор Хигг с инспекцией, – издевательски бросил Воробей. Статуя снова пробежала до двери, помедлила и пошла обратно. Массивные мягкие тапочки почти полностью заглушали удары каменных пяток.

– Почему он тебя не наказал? – шепотом спросила Молли, когда они прошмыгнули за спиной каменного стража. – Инспектор Билль? После того, что ты ему сказал днем? Я думала, в лучшем случае, ты получишь неделю карцера.

– Вообще-то наказал, – признался Ник. – Дал два месяца работ.

– Но директору не пожаловался?

– Как я и говорил.

Перед лестничной площадкой отряд разделился. Воробей отправился в столовую, нужно было незаметно вернуть термос.

На втором этаже оставшиеся вдвоем Ник и Молли вели себя тише, тут начинались башни сотрудников. Перед комнатой охраны Ник полностью потушил лампу. Из-за двери слышались приглушенные голоса, смех. Какое-то время они молча шли в темноте.

– А что с моими башмачками? – шепотом напомнила Молли.

– Сейчас и заберем. Дам ему четвертак за твои сменные тапочки. Только этого он и добивался.

– Он разве не спит?

– Кто, Милс? – скептически усмехнулся Ник. – За всю свою историю в приюте я ни разу не видел, чтобы этот червяк когда-нибудь спал. Мы часто делаем... ночные вылазки в столовую и почти всегда сталкиваемся с ним в коридорах. Он вечно копошится в нишах в своей дурацкой пижаме и колпаке, прилипает то к дверям начальников, то сторожей, иногда даже видим его перед нашими спальнями. Отвратительный тип, если ты заметила.

– И он вас ни разу не сдал?

– Не в его интересах, – снова усмехнулся Верзила. – Нам тоже есть что о нем рассказать.

Перед знакомой уже дверью в нише они остановились. Ник зажег лампу, кончиком пальца даже не постучался, а тихонько поскреб дверной косяк. Не успел он убрать палец, дверь моментально приоткрылась, словно хозяин с той стороны держался за ручку и только ждал условного сигнала. В узкую щель пролез красный колпак с нелепой горошиной на конце, под тяжестью которой верхушка пригибалась ко лбу. При виде посетителя трещина на месте губ растянулась от уха до уха.

– А, Николасс Баркер... А, наша гостыя... – Улыбка его снова стала масляной: – Бессонная ночка, а? Понимаю, понимаю, дело молодое. – Выпученные глазенки его перетекали с Молли на Ника и обратно: – Ходят странные слухи, будто вас заперли в карцере, а вы – вот она, собственной прелесстной персоной.

– Где ты слышал такое? – недовольно спросил Ник.

Не стирая улыбочки с лица, завхоз сказал неопределенно:

– Тут поговаривают, там поговаривают... У стен есть уши.

– Твои уши, Милс?

Шутка, видимо, показалась завхозу крайне удачной, он зашелся беззвучным смехом, дрыгая конечностями, как лягушка в агонии. Капля слюны изо рта попала Молли на шею. Вдоволь отсмеявшись, он шагнул внутрь, скрывшись из глаз. В открытую щель прошипело, как из логова змеи:

– Прошшу васс. В мою скромную обитель.

Ник уверенно толкнул дверь. Они с Молли вошли внутрь. Сутулая фигурка завхоза обогнула стол, поставила лампу. Как и говорил Ник, на нем была мятая серая пижама с темными полосками. Эти полоски придавали туловищу сходство с кольцами червя. Красный колпак с такой пижамой выглядел дико и неуместно.

В крошечной камерке троим было тесно. Из мебели тут стояли только стол со стулом да громадный шкаф. На дверцах шкафа висел тяжеленный амбарный замок. Ржавый ключ от него болтался на шее Милса. Сколько девочка ни вертела головой, она не нашла какое-нибудь подобие кровати или хотя бы лавки. В шкафу он спит, что ли? Или вправду никогда не спит?

– По делу, или решили навестить старого друга? – осведомился Милс, устраниваясь на стуле.

– Хочу купить у тебя эти тапочки, – без обиняков начал Ник.

– А, сделка, – оживился завхоз. Освободившиеся конечности его вмиг вернулись к привычному умыванию: – Слушаю-с, слушаю-с.

– Четвертак, – отрубил мальчик.

Милс встал со стула, отвернулся к маленькому окошку. Тощие локти по привычке пустились тереться о бока. Решение, похоже, оказалось непростым, раздумья затянулись. Когда Нику надоело наблюдать за возней пиявки, он бросил на стол стеклянный четвертак. Камень прокатился по дубовым доскам, на другом конце столешницы его без единого звука прихлопнула белая, не видевшая солнца рука. Бледная полоска губ завхоза растянулась, он поднял камень на уровень глаз. Молли упустила момент, когда камень загадочным образом исчез. Завхоз протянул руку, Ник в ответ протянул свою.

– Сделка состояласс, – заключил завхоз. – Пути назад нет.

От этих слов Молли стало не по себе, хоть речь и шла всего лишь о четвертаке. Ник сделал вид, будто собрался уходить и тут словно вспомнил:

– Да, Милс, ты не мог бы вернуть башмачки Молли, чтобы нам не беспокоить тебя с утра?

– Конечно, конечно, – услужливо засуетился завхоз. – Польщены-с такой заботой. – Он опустил перед шкафом на колени, приговаривая: – У нашей очаровательной гостьи теперь своя сменная обувь, услуги Милса ей больше ни к чему.

Завхоз потянул за кольцо нижнего отсека шкафа, на котором не было замка. Глазам открылись две запыленные полки для обуви. Он посторонился:

– Прошу васс, в первозданном виде.

Молли нагнулась к полкам, оглядела обе. От скверного предчувствия желудок скрутило в узел. Внутри стояла всего одна пара обуви – грязная, запыленная, как и сами полки. В ней с трудом можно было распознать миниатюрные девичьи сандалии, потерявшие от времени цвет. Ноги у здешних девочек были такие маленькие, что в их обувь у Молли не влез бы и носок.

– Тут их нет, – сообщила девочка.

– Неужели не видите? – поразился завхоз. – Весьма странно-с. При ваших-то молоденьких зорких глазках. Вот же, смотрите-с. – Он сунул руку в полку, вытащил одну сандалию с протертой почти до дыр подошвой. – Пожалуйста, на одну ножку. – Он снова запустил руку. – Пожалуйста, на вторую ножку...

Молли смотрела на сандалию как на большущую жабу, прыгнувшую ей в постель.

– Что это за ерунда, Милс? – возмутился Верзила. – Что за цирк ты устроил?

– Цирк? – изумленно переспросил завхоз.

– Это не мои, – сказала Молли, отодвигая сандалию ребром стопы.

– Не ваши? – еще больше изумился тот. – Вы говорите, не ваши? Как же такое возможно, когда других у меня и не было? Вы уверены? Не взглянете еще разок?

– Да на что тут глядеть? – раздраженно оборвал его Ник. – Мы по-твоему слепые? За дураков нас держишь? Отдавай башмачки, и мы пошли.

У завхоза взволнованно забегали глазки, ладони начали обвиваться одна вокруг другой, как клубок змей.

– Как же-с, – пробормотал он непонимающе, – как же-с верну, когда вот они.

Молли упрямо поджала губы, отодвинула сандалии еще дальше.

– Не ваши? – спросил он с новой порцией изумления, будто девочка впервые намекнула об ошибке. – Вы уверены?

Выпученные глазенки его перебежали с одного лица на другое, пока не остановились на двери. Словно о чем-то догадавшись, он вдруг схватился за громадный ключ на груди.

– Обокрали, – пробормотал Милс одними губами. – Надругались над моим гнездышком, проникли и обокрали...

– Что ты лопочешь, – поморщился Ник. – Кроме меня к тебе сроду никто не заходил.

– Обокрали! – неожиданно взвизгнул он. Ребята подскочили в испуге, таким криком запросто можно было разбудить пол-этажа. А завхоз проскользнул между локтями Ника и Молли, ринулся к двери, шептывая торопливо: – Охрану, немедленно охрану, подумать только!..

Верзила едва успел извернуться, поймал Милса за воротник и дернул назад. Однако, не рассчитав силы. Завхоз с разбегу врезался спиной в массивный стол, красный колпак съехал на затылок, обнажив редкие сплпшиевые пряди. На какую-то секунду Молли показалось, что она увидела наконец истинное лицо завхоза. Всего на миг он застыл, чуть покачиваясь, как змея, гипнотизирующая жертву, глаза сверкнули злобой.

– Рукоприкладство изволите-ссс? – прошипел он негромко.

Ник немного смутился, такого эффекта сам не ожидал.

– Уверен, что ты действительно хочешь поднимать шум, Милс? – спросил он с нажимом на слово «действительно», как-то особо выразительно глядя на завхоза. – Ты правда этого хочешь? Может лучше сами убедимся, что башмачков нет за этим замком, и разойдемся подобру-поздорову?

На этот раз завхоз вцепился в ключ от замка обеими руками и, словно не слыша, закричал громче прежнего:

– Охрана!.. Сюда!.. Обокрали! Воры в приюте!..

– Ладно, Милс, я все понял, – зло процедил Ник. – Мы уходим.

Услышав это, завхоз сразу примолк, а Верзила добавил угрожающе:

– Учти, я этого не забуду.

Молли поняла, что дело проиграно окончательно и бесповоротно.

– Это ты украл! – крикнула она в отчаянии. – Ты и есть самый настоящий вор!

– Прискорбно слышать такие грубости из столь прелесстных уст, – с траурным видом заключил Милс. Ник потащил Молли за руку к выходу. На пороге она обернулась, бросила с отвращением:

– Вор и червяк!

– Весьма, весьма прискорбно, – кивал тот, тоже подбираясь к выходу.

Едва они перешагнули порог, дверь за спиной захлопнулась, дважды повер-

нулся ключ. Ребята потоптались на месте, растерянные и сбитые с толку. Ник жестом велел девочке молчать, он так и не услышал удаляющихся от двери шагов. Только когда оказались на безопасном расстоянии, он пробормотал сконфуженно:

– Ничего не понимаю, зачем ему так подставляться и ссориться со мной из-за каких-то башмачков?

– Каких-то? – набросилась на него Молли. – А волшебных не хочешь? Это были волшебные башмачки!

Ник остановился как вкопанный.

– Что ты сказала?

– Волшебные! Их еще моя мама использовала.

Ник вдруг схватился за голову и совсем как Воробей принялся яростно начесывать темечко.

– Что же ты мне сразу не сказала? – простонал он. – Теперь все понятно. Да безопасней было оставить их без присмотра на ярмарке, чем доверить Милсу! Знаешь, что у него хранится на одной из полок в этом шкафу? Здоровенная книга! Такая здоровенная, какой ты в жизни не видела. А знаешь, что в этой книге? Каталог всех известных искателям волшебных предметов. Этот червяк изучил книгу вдоль и поперек, конечно он сразу узнал твои туфельки!

Ник принялся яростно жевать губу, Молли подавленно молчала. Какое-то время они слушали шарканье собственных шагов по каменному полу. Ник чуть прибавил света, приблизил лампу к лицу Молли. Лишь тогда она заметила на лице мальчика неуместную сияющую улыбку.

– Выше нос, подруга, – прошептал он переменившимся тоном. – Через три недели башмачки снова будут на твоих ногах.

– Ты что-то придумал?

– Я знаю, куда он их денет. Когда вернемся из поездки, мы найдем их. Считай, что башмачки у нас в кармане! Позже объясню, доверься мне.

Молли вглядывалась в сияющую физиономию с недоверием и надеждой. Мальчишка говорил так убежденно, не похоже было, что врал ради утешения. Не дожидаясь ответа, Ник схватил подругу за руку и с удвоенной скоростью потянул в конец коридора.

В спальню вошли не сразу. Перед дверью туалета Ник потушил лампу, попросил подождать и скрылся за дверью. Молли стыдливо отошла на несколько шагов. Вышел мальчишка уже с пустыми руками.

– Наша секретная лампа, – пояснил он. – Прячем ее в одной из кабинок.

Спальня представляла из себя два ряда кроватей, убегающих вдоль противоположных стен. В проходе торчали голые пятки, слышалось разноголосое сипение, похрапыванье, кто-то жалобно бормотал во сне тоненьким голоском. Молли сразу почувствовала себя неловко, уж лучше бы ей постелили в коридоре, пусть даже на подоконнике.

Воробей был уже здесь. Его хрупкая фигурка в одних трусах копошилась возле койки, развешивала на спинку верхнюю одежду. При появлении девчонки

он поспешно шлепнулся на матрас, укрылся одеялом по пояс.

– Почему так долго? – спросил шепотом.

– Утром расскажу. – Ник указал девочке на пустую койку напротив койки Воробья. – Отбой, спать осталось часа четыре.

Молли вернула ему одеяло, не раздеваясь улеглась на кровать Гусеницы, укрылась с головой, гадая, часто ли здесь стирают белье. Ни секунды она не сомневалась, что не сможет сомкнуть глаз, когда рядом не меньше трех десятков кроватей с мальчишками.

– Спокойной ночи, – прошептал Ник.

– Спокойной, – неловко отозвалась Молли. Воробей бросил что-то вроде «угу».

Целый час, наверное, она пролежала с закрытыми глазами. Мальчишки должны бы давно уснуть, но не тут-то было, через час она услышала шепот Воробья, в котором не было и капли сна:

– Что с тобой?

– Ее запах остался, – так же тихо отозвался Ник.

Немного помолчав, Воробей сказал как можно равнодушной:

– Ладно, если хочешь, можем поменяться.

– Спи давай.

Красная как помидор, Молли перевернулась на другой бок. Услышав скрип кровати, оба друга ошеломленно замолкли.

ГЛАВА 12

ДОБРОВОЛЬЦЫ

Площадь за зданием приюта была еще пуста, когда из-за угла вывернули три фигуры подростков. Чуть позже к ним, отчаянно зевая и утирая кулаком сопли, присоединилась четвертая, самая маленькая. Сопля только что освободился от ночного бдения в мастерской. Компания заранее заняла места в самом центре, перед очерченным мелом прямоугольником. Так здесь было выделено место для преподавателей. Пока площадь не наполнилась народом, девочку от греха подалше спрятали в кустах. Билль имел привычку обходить по утрам не только внутренние, но и наружные владения.

И действительно, не успела Молли присесть на трухлявый пенек, над площадью прокатился мелодичный басок:

– Николас Баркер!

Как крейсер, сорвавшийся с якоря, инспектор Билль плыл все дальше от стен родного приюта, все ближе к сгрудившимся мальчишкам. Как всегда, живот остановился там, где внушал наибольший трепет – перед самым носом подопечных.

– Я вижу, вчерашний день научил вас пунктуальности?

– Я не спал всю ночь, инспектор, – благочестивым тоном признался Ник, – из головы не выходили мысли, что я могу опоздать на построение. Несколько раз я вставал и подходил в темноте к стене, чтобы взглянуть на часы.

Инспектор всмотрелся в усталую невыспавшуюся физиономию, кивнул удив-

летворенно. Затем кончиками пальцев расправил плечики кафтана Ника, поддернул воротник.

– Поздравляю, это ваш первый шаг на пути к пониманию, что такое ответственность.

– Ответственность, – пробормотал Ник одними губами, словно пораженный точностью диагноза. – Еще раз насчет вчерашних моих слов, инспектор...

– Я слушаю, – пропел инспектор, вернув руки за спину.

– Сам не знаю, что на меня нашло, это было какое-то временное помешательство. Я считаю, что за такой проступок два месяца работ – это слишком мягкое наказание. И я решил... – Тут голос подвел мальчика. Он устремил вдаль взор, полный благородного самопожертвования. В этот момент он даже стал красив: – Я решил добровольно добавить к этому сроку еще две недели наказания у часового мастера в стране мигунов!

Молли в кустах зажала рот, чтобы не прыснуть. Темные глазки инспектора на мгновение словно потеряли ориентир, забежали. Он кашлянул в кулак:

– Что ж, – пробормотал он и умолк. Молли с изумлением поняла, что инспектор, похоже, не просто растерян, он растроган. И чувство это ему в новинку. – Что ж, – повторил он, – может быть, вы и правы... Может быть. – Он постоял, не зная, что добавить, потом заложил руки за спину и пошел. На краю площади полуобернулся, снова повторил: – Что ж... – И ушел окончательно.

– Пилотаж, – уважительно присвистнул Воробей. Из кустов донеслось девичье хихиканье.

– Можешь выходить, Молли, – крикнул Ник, – сейчас народ будет стягиваться.

Все подопечные приюта выстроились с трех сторон от прямоугольника. Друзья расположились в первом ряду, Молли Ник поставил позади себя и велел чуть подгибать колени, чтобы не выделяться ростом. Первым к собравшимся вышел директор. Он объявил, что перед приютом стоит беспрецедентный вызов, что счастливым, которых выберет воспитатель мальчиков, выпадет честь привнести в Голубую страну новую науку, войти в историю ремесел. В случае успеха экспедиции всем ее участникам он пообещал особые привилегии в приюте.

– А в случае неудачи – порка и два месяца карцера, – негромко ухмыльнулся Ник.

Когда директор покинул площадь, в прямоугольник поспешным шагом вошел пухлый человек в очках. На лбу его, казалось, никогда не высыхали капли пота, лицо выглядело распаренным, словно изнывало от жары. Человек часто доставал платок, промокал лоб, тем же платком обтирал вечно запотевающие очки. Эти привычки придавали пухлой фигуре ощущение мелкой суетливости.

Воспитатель остановился в центре прямоугольника, раскрыл папку. В руке тут же возник платок. С первого взгляда он производил впечатление человека рассеянного, неискушенного. Наверняка большая часть шалостей мальчишек остается незамеченной. Вытерев пот со лба, воспитатель заговорил мягким невыразительным голосом:

– Наряд на обучение сборке, разборке и замене неисправных деталей в механических часах. Как обычно, должен спросить, нет ли добровольцев обучиться новому ремеслу? – И, даже не взглянув на ряды детей, закончил: – Тогда я озвучу составленный список...

Ник посторонился, пропустил вперед Молли. Воспитатель поднял на девочку сощуренные от едкого пота глаза:

– Что случилось? Хотите отпроситься из строя? Но ведь мы не успели даже начать. Ну хорошо, идите, если недолго.

Молли с волнением огляделась. На площади собралось точно больше сотни детей, все смотрели на нее с любопытством. При мысли, что на глазах у стольких людей придется назваться чужим именем, она чувствовала себя закоренелой преступницей. Остается надеяться, что Ник успел всех предупредить, как обещал.

– Я хочу ехать, – решившись, произнесла она.

Воспитатель растерянно пробежался взглядом по лицам, словно ища поддержки.

– Девушка? – уточнил он непонятно для чего. – Ну... хорошо, как ваше имя?

Молли вдохнула поглубже, выпалила:

– Лора Флеминг! – И перестала дышать, чувствуя, как краска заливает уши, и боясь смотреть по сторонам.

– Похвально, мисс Флеминг, – удивленно пробормотал воспитатель. – Ночью я потратил три часа на составление списка, но раз вы хотите, мы составим новый.

Он выудил из папки чистый лист, положил его поверх остальных.

– Может быть, есть еще желающие?

Один мальчишка справа от Ника переводил изумленный взгляд с воспитателя на странную девчонку, назвавшуюся Лорой. Он не мог понять, почему все молчат.

– Господин воспитатель, – наконец не выдержал он, – это не...

Верзила отвесил ему такой подзатыльник, что бедняга выпал из строя.

– Похвально, господин Ривз, похвально. Записываю вас вторым номером.

Уязвленный, мальчишка обернулся к обидчику, хотел было открыть рот, но Ник сунул ему кулак под нос. Мальчик проглотил обиду, отвернулся. Воробей вдруг начал яростно пихать друга в бок. Ник проследил за его взглядом. Из-за угла к площади приближался инспектор Билль.

Друзья переглянулись, Ник кивнул. Они одновременно шагнули вперед, закрыв спинами Молли.

– Мы тоже хотим, господин Купер! – гордо, на всю площадь, провозгласил Ник.

Воспитатель выглядел вконец обескураженным:

– Что, сразу оба?

Не оборачиваясь, Ник запустил руку назад, нащупал за спиной у Воробья плечо Сопли, вытолкнул его.

– Трое!

Воспитатель достал платок, нервно вытер лоб. Краем глаза Ник видел, что инспектор остановился чуть в сторонке и наблюдает. Похоже, хотел удостовериться, не обманули ли его.

– Что ж, если правда хотите, – как-то неуверенно проговорил воспитатель. – Господин Коул, по поводу сегодняшней ночи... Вы же понимаете, что не оставили мне выбора?

– Он понимает, – ответил за Соплю Ник. – На самом деле, мы с друзьями удивились, как легко он отделался.

– Легко?

– Я слышал, ваши сапоги работы самого сапожника Олафа.

– Да, так и есть...

– Все знают, как высоко в нашей стране ценятся его изделия. Мы с друзьями были уверены, что Соп... господин Коул среди первых в вашем списке на поездку.

– Вообще-то нет, но, если вы думаете, что он справится... – Воспитатель поправил очки, с сомнением оглядев крошечную фигурку Сопли.

– Мы будем ему помогать.

Молли заметила, что Ник пользуется популярностью у девочек. Они понятия не имели, какую новую выходку тот задумал, но поглядывали заинтересованно, хихикали между собой.

– Хорошо, – согласился воспитатель, – записываю вас троих.

– Это еще не все, господин Купер! – добавил Ник торжественней прежнего.

Рука воспитателя с платком замерла в воздухе, он посмотрел на Ника чуть не с опаской:

– У вас что-то еще, господин Баркер?

– Совершенно верно. Я прошу также назначить меня старостой группы!

По рядам прошелестел недоуменный шепоток. Рука с платком наконец дотянулась до лба, сам воспитатель заговорил не раньше, чем платок исчез в кармане.

– Назначить старостой? Вы уверены? Вы знаете, что староста отвечает за малейшую провинность или неудачу любого из членов группы? Вы знаете, что для старосты и наказания следуют втрое суровей?

– Это называется ответственность, господин воспитатель, – ответил Ник и повторил взор вдаль, отработанный на инспекторе.

– Псих, – негромко присвистнул кто-то.

Ник делал вид, что не замечает инспектора, но знал, тот следит за ним неотрывно.

– Отрадно слышать, – взволнованно засуетился воспитатель, – вы даже не представляете насколько. Это значит, что годы трудов не прошли даром. Я записываю вас. Больше нет желающих в группу? В таком случае, оставшихся пятерых я назначу из своего списка.

Боковым зрением Ник увидел, что крейсер развернулся и двинулся в сторону родной гавани. Мальчик за спиной оттопырил пятерню, Воробей шлепнул по ней

своей.

ГЛАВА 13 В СТРАНУ МИГУНОВ

В столовую, где обычно собирается весь преподавательский состав, Молли не пошла. Мальчики опять прихватили для нее кексы и кусочек сыра. После завтрака к крыльцу приюта подъехала длинная повозка с двумя лавками вдоль бортов. Впереди у повозки торчали две оглобли, за них держался худой, до странности угловатый человек в фиолетовом плаще. Он не обращал внимания на возню за спиной, переминался с ноги на ногу, словно так и рвался пуститься в путь.

– Почему у него плащ фиолетовый? – спросила Молли.

Ник равнодушно пожал плечами.

По бокам у повозки торчало еще четыре коротких перекладки. Всего Молли насчитала пятерых носильщиков. Или бегунов, как их окрестила девочка. Судя по лицам остальных четверых, у них поездка не вызвала такого энтузиазма, как у ведущего в плаще.

К счастью для друзей, провожать их вышел только воспитатель.

– Вас поселят в одной из деревень, – говорил он, пока дети рассаживались по лавкам, – с местными все оговорено. Расселитесь в двух домах, на месте сами поделитесь на две группы. Господин Гойль все покажет и познакомит вас с мастером Лестлером. – Воспитатель положил руку на плечо высокому бегуну с овальной головой. Тот кивнул, коротко пожеывая. – Сделайте все возможное и невозможное, чтобы оправдать вложенные в вас надежды. И средства, конечно.

Напутствие, наверное, призвано было подбодрить детей, но большинству только напомнило о предстоящих наказаниях. На унылых лицах не наблюдалось веры в свои ремесленные таланты.

– Почему они посылают на такие задания детей? – спросила Молли, как только повозка тронулась. – Разве нельзя обучить сперва взрослых? Они бы потом сами научили кого угодно.

Ник снова пожал плечами:

– Наверное, потому что бесплатно. Мы в приюте не работаем, а отбываем наказания.

Носильщики двигались чуть ускоренным шагом. Бег с таким грузом продлился бы недолго. Только передний жевун в плаще подпрыгивал от нетерпения, как молодой жеребец. Гойль даже прикрикивал на него, призывая умерить пыл. Повозка направилась к центру города, откуда Молли с ребятами недавно удирала от лигашей. Эти воспоминания вернули ее к мыслям о Гуффало Бинге, а потом и о директоре, который единственный догадался, что за гостя перед ним.

– Что мы будем делать потом, когда обучение закончится? – озабоченно спросила Молли. – Мне нельзя возвращаться к директору. А вы? Вдруг они догадуются, куда я делась из подвала?

Ник отмахнулся:

– Может догадуются, а может и не догадуются. Наш воспитатель к комнатам

девочек на пушечный выстрел не подходит, никому, скорее всего, и не покажется странным, что Лора свободно разгуливает по приюту. Никому в голову не придет сверяться со списком до нашего возвращения.

– А если придет?

Верзила пожал плечами.

– Ну накажут. Нам не привыкать. А тебе вообще бояться нечего, тебе в любом случае дорога в приют закрыта. Потом думать будем, вон сколько времени впереди. – Немного помолчав, он спросил изменившимся тоном: – Помнишь, на уроке, ты говорила про какого-то правителя мигунов. Он правда был другом твоей мамы?

– Железный Дровосек? – спросила Молли затаив дыхание. – Да, почему ты спрашиваешь?

Ник помялся.

– А давно он был правителем? Я имею в виду... он еще жив? Сколько ему лет?

Молли рассмеялась. Ребята напротив посмотрели на нее удивленно.

– Это вообще неважно, он ведь... – она осеклась, чуть не добавив «из железа». – Уверена, что жив.

А у самой в голове шевельнулось неприятное воспоминание о Страшиле и фляжке с водой.

– Как думаешь, – продолжил Ник, ощупью подбираясь к сути дела, – если бы мы к нему обратились, он мог бы, скажем, приютить тебя, ну или... помочь в других наших делах?

– Каких делах?

– Ну например... помочь освободить наших родителей?

– Освободить... – Молли внимательно всмотрелась в мальчика. Как же она раньше не задумалась, что не обязательно отправляться на обучение в другую страну, чтобы освободить ее из карцера. Разумеется, ребята преследовали свою цель. – Ваши родители, – тихо произнесла она, – их держат в стране мигунов?

Верзила долго молчал, как будто взвешивая, пришло ли время довериться новой подруге. Молли не торопила.

– Несколько лет назад, – наконец заговорил он, – в Восточных горах нашли небольшое месторождение изумрудов. Мы с Воробьем выяснили, что их переправили туда. У нас есть кое-какой план, но помощь бы не помешала. А такой могущественный человек, как бывший правитель мигунов, мог бы быть полезен и в нашем Главном деле. Ты его хорошо знаешь, он не такой, как все нынешние правители?

– Конечно нет, – горячо заверила Молли. – Если во всем Волшебном мире кто-то и захочет нам помочь, то только он. Но я не знаю, где искать. Его уже пытались найти и не смогли.

Ник загадочно улыбнулся.

– У тех, кто пытался, не было того, что есть у нас. Предоставь это мне.

Молли с надеждой повернулась к нему:

– Думаешь, он все еще в стране мигунов?

– Будь я хорошим правителем, я бы на его месте притаился где-нибудь поблизости, чтобы присматривать за подданными, помогать, чем могу.

Мысль показалась Молли очень убедительной, очень точно укладывалась в ее представления о Железном Дровосеке. Девочка надолго погрузилась в размышления, полные возродившихся надежд.

Центральная площадь сегодня была пуста, редкие прохожие сновали туда-сюда, с любопытством оглядывались на экипаж с надписью «Последняя надежда» на бортах. Дети начинали клевать носами. Сопля после бессонной ночи уснул сразу, Воробей то и дело рассерженно стряхивал его голову с плеча.

Возле афишной тумбы на площади Ник вдруг не говоря ни слова перемахнул за борт и бросился наутек.

– Куда?! – с тревогой рявкнул Гойль, старший среди носильщиков.

– На секунду! – откликнулся Ник.

Все пассажиры с удивлением смотрели, как он сорвал с тумбы какое-то объявление. Быстро глянув по сторонам и скомкав бумагу в кулаке, Ник с разбега запрыгнул обратно.

– Поехали.

Гойль смерил нарушителя хмурым взглядом.

– Больше фокусов не будет?

– Слово!

Притормозившая из-за него повозка вновь тронулась. Верзила выглядел взволнованным. Все дети, включая Воробья, вытягивали шеи, стараясь рассмотреть, что у него в кулаке.

– Покажи, – зашептал Воробей. Ник одернул его локтем.

Когда площадь осталась позади, Верзила развернул бумагу перед Молли. Она прочитала большой красный заголовок: «ВНИМАНИЕ! РОЗЫСК!» Под заголовком на девочку смотрело собственное отражение в карандаше. С одним лишь отличием: губы на рисунке были растянуты в зловещем оскале. Под рисунком шел текст: «Будьте осторожны, по улицам города разгуливает опасная рецидивистка, ограбившая господина Гуффало Бинга. Любому, кто окажет преступнице содействие, грозит заключение в башне сроком от десяти лет. Умалчивание о ее местонахождении приравнивается к содействию. Вознаграждение за помощь в поимке 5000 мер».

– Ух ты, – чуть не с восхищением протянул Воробей. – Мы бы стали богачами.

– Когда вышли бы из башни стариками, – умерил его пыл Ник.

Мальчик Ривз, который поехал из-за подзатыльника Ника, привстал с лавки, напоминая позой жирафа:

– Что это у вас?

– Не твое дело, – огрызнулся Воробей, прикрывая листок от любопытных глаз.

– Ну и секретничайте, – обиделся тот, – очень надо.

Молли впервые испытала на себе, как страшно и унижительно видеть собственное отражение на подобном объявлении.

– Что же теперь делать? – со стыдом спросила она.

– Сидеть и не поднимать головы. – Ник забрал бумагу, затолкал в карман. – Будем надеяться, страже на воротах не придет в голову нас досматривать.

На выезде из города Молли сделала вид, что дремлет. Бегун Гойль сунул одному из стражников какую-то бумагу. Тот беглым взглядом пересчитал головы в повозке, вернул пропуск. Второй стражник взмахом велел проезжать.

Время от времени Молли до сих пор ловила на себе недоуменные взгляды мальчиков, им так и не объяснили, кто она и что здесь делает. Ривз пялился на незнакомку с откровенным подозрением. Девочка понимала, что этот просто так не отстанет. Скоро опасения оправдались.

– Ты кто такая? – наконец не выдержал он. – Почему ты назвалась Лорой?

– Это наша подруга, понял? – осадил его Ник. – Остальное не твоего ума дело.

– Тебе больше всех надо? – поддакнул Воробей. – Вечно лезешь, куда не просят.

– Не нравятся мне эти ваши секретки.

– А если тебя хорошенько отлупить, тебе понравится? – взъерепенился Воробей.

– Очень страшно, – буркнул Ривз и отвернулся к горизонту.

За весь день Молли так и не увидела дороги, вымощенной желтым кирпичом. Носильщики словно нарочно выбирали самые безлюдные, самые разбитые грунтовки. Изредка в отдалении попадались деревушки, но ни к одной повозка не приближалась. На жестких лавках дети могли пересчитать каждую кочку под колесами. На очередном ухабе Верзила крикнул зло:

– Эй, деревяшка, нельзя поаккуратней? Ты не своих сородичей везешь!

Бегун в фиолетовом плаще на ходу обернулся, и Молли обомлела. Из-под фиолетовой фуражки на детей взглянул кусок дерева, в котором было вырезано добродушное лицо. Вместо носа над широкой улыбкой торчал длинный сучок.

– Виноват! – бодро отчеканил бегун трескучим голосом. – Забылся! Исправлюсь!

– Уж постарайся, – проворчал Ник.

После этих слов не изменилось ничего. Бегун все так же приплясывал от нетерпения, все так же остальным бегунам приходилось его сдерживать.

– Это же тот самый деревянный солдат! – прошептала Молли заворуженно. – Я читала о них. А другие еще остались?

– Все никак не развалятся от старости, – снова проворчал Ник.

До опушки леса Молли не отрывала глаз от угловатых плеч под плащом, боясь упустить момент, когда бывший солдат вновь решит обернуться.

Солнце стояло высоко, а под кронами леса уже сгущался полумрак. Здесь дорога сужалась настолько, что ветви деревьев тесно переплетались над головами, солнечный свет сквозь них почти не пробивался. Дети не спали, но в тишине леса разговоры стихли сами собой. Деревянные колеса то и дело ударялись о торчащие корни. Ребята хватались за лавки, чтобы не вылететь за борт, боязливо

озирались, ежились от лесной прохлады.

– Тигровый лес, – негромко произнес кто-то.

Дальше дорога стала напоминать тропинку, бегунам по бокам некуда было спрятаться от лезущих в лицо веток.

– Э-э, там кто-то смотрит, – пожаловался Сопля, словно обиженный на то, что его пугают.

Вся повозка мигом развернулась туда, куда указывал палец. Дети долго и неотрывно смотрели в темноту под кронами. Первым пришел в себя Ник:

– Хватит выдумывать, Сопля!

Остальные с облегчением и смущенными смешками развернулись на местах – действительно, нашли кого слушать.

Дважды тропинку перерезали овраги, больше похожие на трещины в земле. Хлипкие мостики скрипели и стонали под тяжестью повозки. Дети испуганно жались друг к другу, побелевшими пальцами вцеплялись в лавки. Только Ник с Воробьем смело свешивались за борт, гулко «укали» вниз.

– Ты дно видишь?

– Кажется, там копошится что-то гигантское.

– Перестаньте! – одергивал Ривз, пряча страх в голосе. – Мы из-за вас перевернемся!

– Оно ползет сюда! – в притворном ужасе вскричал Воробей. Самые доверчивые с белыми лицами глянули вниз и тут же отдернулись, потрясенные головокружительной высотой. На каждом мосту бегуну Гойлю приходилось призывать к порядку расшалившуюся парочку, пока те и правда не выпали за борт.

До позднего вечера путешественники двигались в мрачной тени леса. Всего раз Гойль велел остановиться, при свете факелов дети вместе с носильщиками поужинали законсервированной перловкой. С аппетитом у большинства ребят не ладилось, стоянка действовала угнетающе. Из темноты доносилось хлопанье крыльев, громко ухал филин, с разных сторон слышалось не то ворчание, не то предостерегающий рык, похожий на тот, с каким собака встречает чужака. Молли сама ерзала и озиралась, припоминая рассказ Страшилы о диком зверье.

Сопля вытянул руку за спину Гойля:

– Оно опять смотрит.

На сей раз все увидели два желтых глаза в дупле низкорослого раскидистого дерева. Стараясь не выказывать волнения, Ник подцепил ложкой кусок каши и как с катапульты зарядил им в дупло. Глаза моргнули, в ночной тиши крылья захлопали так громко, что вздрогнули все, кроме деревянного человека.

– Мы не опоздаем? – нервно поинтересовался Ривз. – Наверное, пора ехать дальше?

Остаток пути дети факелами освещали дорогу носильщикам. Деревянному человеку впереди свет был не нужен, вырезанные глаза видели в темноте не хуже, чем днем. Деревья постепенно расступались, сквозь кроны то выглядывал, то вновь прятался диск луны. Тропинка расширялась, бегуны могли наконец не беспокоиться о бьющих в лицо ветках.

Пассажиры одолевали сон. Молли была уверена, за опушкой Гойль распрядется устроить привал. Уж если седоки вымотались донельзя, что говорить о носильщиках. Но повозка шла и шла. Вскоре в воздухе потянуло свежестью, речной прохладой. Одна из немногих бодрствующих, Молли первой заметила неладное.

В свете луны видно было, что спина в фиолетовом плаще шаг за шагом приближалась к повозке, руки деревянного человека соскальзывали по оглоблям. Девочка с удивлением поняла, что неутомимый бегун начинает отставать и пошатываться, будто от переутомления. Чем ближе становился запах реки, тем заметней заплетались деревянные ноги, тело с каждым шагом все больше раскачивалось от одной оглобли к другой, как у пьяного.

Молли встревоженно тронула за плечо ближнего носильщика:

– Что-то не так. Кажется, деревянный человек устал.

– Что вы, мисс, – вежливо возразил бегун, – эти никогда не устают.

Однако когда девочка снова обернулась к оглоблям, фиолетовая фуражка уже скрылась за бортом, деревянное тело безвольно висело на перекладинах. Через мгновение руки бегуна соскользнули, Молли ощутила, как передняя ось приподнялась, застонала, повозка с натугой продвинулась еще на шаг и замерла. Встряска разбудила пассажиров, они потревоженно завертели головами:

– Пожалуйста, инспектор, – спросонья взмолился Ривз.

– Что? Уже приехали?

Гойль обошел повозку, задумчиво изучил препятствие.

– Сдавай назад!

Носильщики дружно взялись за перекладины. Молли проскользнула между двумя рядами коленок, заглянула под колеса. Остальные, ничего не понимая, столпились позади нее. Фиолетовая фуражка валялась в пыли, ноги бегуна остались под повозкой, сам он, раскинув руки, лежал без движения, как обыкновенный мертвец.

Оттолкнув повозку, носильщики обступили поверженного.

– Уже? – проговорил один с недоумением.

Гойль присел на колено, приподнял лысую, в форме полена голову.

– Похоже на то... Быстро, предыдущий до деревни дотянул.

Вчетвером они подняли деревянного бегуна и на глазах у испуганных пассажиров погрузили в повозку. Возбужденно перешептываясь, дети расселись по местам, убрали ноги под лавки, стараясь не касаться безжизненного тела.

Деревянный гонец так больше и не шевельнулся. Губы его по-прежнему были растянуты в улыбке, но теперь это была улыбка деревянной куклы, глаза ничего не видели. Молли украдкой опустила руку, сжала покрытые лаком пальцы. Те тоже не шелохнулись, просто гладкое твердое дерево, каким оно и должно быть. «Вот то, о чем говорил Страшила, – подумалось Молли со странной пустотой в груди. – Вот так выглядит смерть волшебного существа в Волшебном мире».

Происшествие взволновало детей ненадолго. Едва повозка тронулась, чуть ли не сразу многие потянулись носами к груди, кто-то удобно устроился на плече

соседа, кто-то, забывшись, закинул ноги на лежащее бревно в мундире. Только Молли в темноте продолжала смотреть на копнувший земли кончик носа. Ей не давала покоя мысль, от которой веяло холодом и пустотой: что, если Ник прав и Дровосек остался в стране мигунов? Что, если с ним все-таки случилось то же самое? Сможет ли он стать прежним, если перевезти его в Голубую страну? И как, спрашивается, несколько слабых детей незаметно переправят железного здоровяка в другую страну? Все сводилось к тому, что на мамино друга едва ли стоит надеяться. Молли ощутила укол вины, когда поймала себя на мысли, что пока не хочет делиться опасениями с друзьями. Ведь тогда они откажутся от поисков.

Плеск волн в темноте звучал устрашающе, кажущаяся черной вода разбивалась о борт корабля, бессильно откатывалась. У причала путешественников поджидала самая настоящая двухмачтовая шхуна. В бледном свете луны с трудом можно было различить, что борта ее окрашены в фиолетовый. Похоже, в стране мигунов, ко всему прочему, появились корабельные умельцы.

Энтузиазм мальчишек приугас, когда на палубе их встретил коротконогий капитан. Угрюмый и нелюдимый на вид, он перекидывал хмурый взгляд, как лассо, с одного подростка на другого, возложенная на него задача ему явно не нравилась. Чуть дольше капитан задержал взгляд на безжизненном теле в нарисованном мундире, но и тут не произнес ни слова.

Цепочкой, как заключенных, детей молча повели по палубе. Мальчики во все глаза пялились на массивные конструкции, на уложенный такелаж.

– Вот это да, – неосторожно проронил Воробей.

– А-атставить разговорчики! – сухо и неожиданно оглушающе скомандовал капитан.

Воробей втянул голову в плечи, нырнул под защиту друга. Один из моряков проводил их в кубрик, молча указал на подвесные койки вдоль стен. Дверь закрылась, оставив детей одних в полутемной комнате. Слышно было, как моряк повозился снаружи, видимо, подпирая чем-то дверь. Ребята растерянно топтались на месте. Все с сожалением осознали, что не видать им вольного ветра, наполняющего паруса, их удел – это темное душное помещение. Один Ник с удовольствием потянулся, зевнул.

– Не знаю как кто, а я всегда мечтал поваляться в такой кровати! – И плюхнулся в первую же койку так, что ноги оказались выше головы. Воробей тут же последовал примеру, улегся в соседнюю, задрав ноги еще выше, на подвесной крюк.

– Жить можно, – согласился лениво.

– Всем спать, – распорядился Ник. – Завтра день тяжелый, чтобы все высыпались! – И добавил, уже сонно причмокивая: – Или я не староста?

– Староста, – так же сонно промурлыкал Воробей...

ГЛАВА 14

ДЕРЕВНЯ «ЧАСОВАЯ-ТРИ»

Утром ребят разбудила наступившая тишина. Корпус судна почти перестал

скрипеть и раскачиваться.

– Похоже, прибыли, – сказал Ник, сползая с гамака.

Однако никто за ними не пришел. Ни через час, ни через пять часов. Судно весь день простояло на якоре. Томительное ожидание дважды нарушал незнакомый матрос, приносил кашу из запасов Гойля. На все расспросы он как дрессированный твердил: «Обращайтесь к капитану». И запирали дверь снаружи.

Невесть сколько времени прошло, когда в кубрик наконец спустился бегун с овальной, словно обтесанной ветрами, головой.

– Планы изменились, – сообщил Гойль вполголоса. – Мы не будем вас сопровождать. В деревню вас доставят мигуны.

– А что случилось? – спросил Ник.

– Ничего, – поспешно заверил Гойль. – Такое было принято решение. Не я принимаю решения.

И так же поспешно вышел. Дверь осталась открытой. Ник осторожно выглянул наружу. Узкий проход был пуст.

– Наверное, можно выходить? – предположил он неуверенно.

Воробей первым рискнул последовать за другом, потом Молли. За ней гуськом повыползали остальные.

По палубе блуждал мягкий свет луны. Стало быть, внизу они пробыли ровно сутки. Корабль стоял на якоре в двухстах метрах от берега. Капитан в фиолетовом кителе как изваяние возвышался у левого борта и, заложив руки за спину, оглядывал берег.

– Смотрите, что это? – вдруг громко спросил Воробей.

Капитан резко обернулся, уже набрал воздуха, чтобы рявкнуть на нарушителя тишины, но метнул взор туда, куда указывал мальчишка и осекся. Часть луны загородила странной формы тень. Первой мыслью у Молли было, уж не парит ли в небе аэроплан. Тень зависла в воздухе, не то приближаясь к кораблю, не то удаляясь навстречу луне. А через мгновение на глазах у изумленных детей крылья аэроплана провалились вниз, едва не коснувшись друг друга, потом еще раз.

– Проклятье! – прорычал капитан и бросил на детей такой взгляд, будто они виноваты во всех мыслимых бедах. – Факелы мне! – крикнул он одному из матросов. Тот поспешно умчался к корме.

Тень стремительно росла. Дети ахнули, поняв наконец, каких гигантских размеров летун к ним приближается. Небольшой бугорок на спине оказался человеком. С трудом верилось, что эта маленькая фигурка способна управлять такой громадиной. В два взмаха крыльев существо подлетело к кораблю на расстояние двухсот метров, принялось нарезать вокруг него большие круги, с каждым кругом сужая кольцо. Желтая чешуя на брюхе заблестела под лунным светом.

– Дракон! – возбужденно зашептались дети.

Ник пихнул Воробья локтем:

– Помнишь, однажды такой пролетал над приютом?

– Я читала о них, – призналась Молли, с бьющимся сердцем разглядывая длинное, как у змеи, тело, вихляющий в полутьме хвост. В длину чудище не усту-

пало длине корабля. Дракон изредка мотал широкой оскаленной пастью, словно не желая покоряться приказам крохи, засевшего между крыльев. После нескольких кругов он снизился настолько, что ветер от взмахов крыльев разгонял волны по воде, трепал кафтаны на детях.

Капитан забрал у матроса два горящих факела и начал ими изображать какие-то фигуры. Видно было, как человек свесился со спины дракона и пристально следит за движением огоньков. Когда капитан опустил руки, дракон сделал еще два круга, наездник внимательно осмотрел каждого на палубе и наконец повернул дракона к берегу. Темнота быстро спрятала летуна, но воображение детей еще долго хранило в небе призрак хвоста.

За бортом раздался громкий всплеск.

– В шлюпку! – скомандовал капитан.

Под скрип весел в уключинах и плеск воды дети негромко обсуждали происшествие. Верзила чуть наклонился к Молли, произнес так, чтобы не слышали гребцы:

– Похоже, мы здесь тайно.

– И что это значит? – не поняла Молли.

– Ничего хорошего для нас. Не удивлюсь, если опять какие-то игры богачей между собой.

Вскоре Молли получила возможность убедиться в правоте догадки.

На берегу ждала уже привычная с виду повозка. Приюты в Волшебном мире были оборудованы подозрительно одинаково. Возле повозки поджидали пятеро мигунов в фиолетовых кафтанах. Деревянного человека среди них, конечно, не было. При свете факелов Молли различила на борту фиолетовые буквы: «Новая жизнь».

Не отдавая себе отчета, дети расселись в том же порядке, что и до плавания. Повозка тронулась по местным ухабам. В этот раз в сон никого не тянуло, сутки на корабле дали отоспаться вволю. Мальчишки вертели головами, разглядывая в темноте редкие заросли. По любопытным лицам видно было, в стране мигунов они впервые.

Почти одновременно все заметили, как у Сопли приоткрылся рот, и палец потянулся вперед, на дорогу.

– Там что-то светится, – уведомил он.

Даже носильщиков его слова заставили вздернуть головы. Из-за редких зарослей на дорогу вышло нечто, по форме напоминающее гигантского бегемота. От существа исходил мягкий зеленоватый свет, как от светлячка. Носильщики поспешно оттеснили повозку к обочине. Существо развернулось и двинулось навстречу ночным путешественникам.

– Шестилапый, – первой догадалась Молли.

– Да ладно, – недоверчиво пробормотал кто-то.

Чем ближе подходило существо, тем ощутимей вздрагивала земля под тяжелой поступью. На спине его, как у какого-нибудь боевого слона, возвышалась башня, из которой по пояс торчали двое мигунов в фиолетовых мундирах. В уг-

лах башни плескались огоньки двух факелов.

– Стойте где стоите! – велел один.

Носильщики быстро переглянулись, повозка замерла. Шестилапое чудище не спеша, вперевалочку приблизилось к повозке. У детей вырвался единодушный вздох. Шарообразное туловище, размером со слона, держалось на шести коротких лапах. Круглые белые глаза, привыкшие к темноте, смотрели на съевшихся человечков равнодушно. Толстая морда по форме напоминала морду бегемота. Свет испускала серебряная шерсть животного, поблизости от нее лавка с ребятами засияла в зеленом ореоле. Бледные взволнованные лица тоже стали казаться зелеными.

Люди в башне с подозрением оглядели процессию.

– Что вы забыли на дороге в такой час? – спросил один повелительным тоном. – Это вас видели на корабле?

Вперед выступил один из носильщиков, снял фуражку, поклонился.

– Не нас, детей. – Он указал на повозку. – Сироты сбежали из приюта в Голубой стране, капитан Фарелл выловил их в реке на плоту. Нам велено доставить беглецов в ближайший приют, откуда они будут переправлены обратно.

Один мальчишка, испугавшись наказания, открыл рот:

– Мы не сбе...

Верзила с силой наступил ему на ногу, тот охнул, умолк.

– Откуда вы узнали, что капитан везет детей? – справедливо заметил второй в башне.

– Он сам предупредил, отправил вперед весть с рыбацкой лодкой. У нас и послание его сохранилось.

Носильщик достал из-за пазухи клочок бумаги, расправил. Человек в башне нагнулся, взял бумагу, приблизил к факелу.

Молли неотрывно наблюдала, как большие черные ноздри обнюхивают затылки ближайших детей. Те опасливо отодвигались, уворачивались от шевелящихся усов. Один затылок особо заинтересовал животное, оно даже замерло на мгновение, еще раз двинуло ноздрями. Потом приоткрыло пасть, квадратные, как черенки лопат зубы сомкнулись на воротнике и принялись пожевывать.

Мальчик завопил в ужасе, замахал руками. От его крика испугалось и животное, поворотило голову, отчего мальчишка выволокло за борт. Соседи вскочили с мест, за руки потянули товарища обратно.

Один из наездников схватил кнут, хлестнул по широкому светящемуся лбу. Животное взревело от боли, замотало головой. Мальчик шлепнулся на землю, тут же вскочил, понесся, пригибаясь, к дальнему краю повозки.

– Ладно, проезжайте, – поторопил наездник и вернул бумагу.

Носильщик снова поклонился, впятером мигуны взялись за оглобли. Пострадавший подросток вскарабкался на повозку, но сесть на место не решался, пока чудище не осталось позади.

– Видела? – хмыкнул Ник. – Удобно устроились. Наши патрули пешком ходят.

– Разве шестилапые живут не только у рудокопов? – поинтересовалась Мол-

ли. Ник пожал плечами.

Деревни мигунов внешне отличались от деревень Голубой страны. Крайне редко за изгородами можно было обнаружить хоть какие-то цветники. Да и изгороди встречались не у каждого дома. Огородами местные жители почти не занимались и не видели смысла возводить какие-либо заграждения.

Испокон веков мигуны славилась склонностью к разного рода ремеслам, поэтому многие семьи владели двумя домиками: один жилой, другой отводился под мастерскую. Сами дома разве что можно было спутать с домами жевунов – такие же круглые, приземистые, с конусовидными крышами. Только вместо голубого стены были выкрашены в фиолетовый цвет.

Впереди над дорогой нависала железная арка, отполированная так добросовестно, что, казалось, блики от света факела могли обжечь роговицу. Надпись большими буквами над аркой возвещала: «Часовая-три». Буквы также беспощадно сияли позолотой. Уже на въезде любому становилась очевидна любовь мигунов ко всему блестящему.

– Это что, такое название? – удивился Ник. – Кто станет называть деревню «Часовая-три»? – Он наклонился к одному из носильщиков. – Почему у деревни такое странное название?

– У нас много деревень, где в основном занимаются часами, – неохотно ответил тот. – Эта – третья по счету.

– Небогатая у вас фантазия, – констатировал Ник. – Кажется, я вам придумал новое название: «Гончарная-двадцать пять»!

– Гончарных у нас двадцать три.

Ник пробормотал в замешательстве:

– Ну... скоро пригодится.

После железной арки название деревни было еще и наглядно проиллюстрировано. За поворотом показалась арка еще массивней, мраморная. В нее было вмонтировано три циферблата. В центре – самый большой, диаметром с колесо телеги, по краям – два поменьше. Стрелки на всех были отрегулированы секунда в секунду и показывали пять минут второго.

– Расточительно, – признал Ник с невольным уважением. – Особенно для какой-нибудь «Часовой-тридцать»!

Когда вторая арка осталась позади, Молли оглянулась, чтобы узнать, нет ли циферблатов и с другой стороны. Циферблатов не было, зато она увидела, как от арки отделился какой-то мальчик. Он сразу напомнил ей мальчиков из приюта, такой же оборванный, неухоженный, в латаном-перелатанном кафтане, давно потерявшем цвет.

Настороженно косясь на носильщиков, мальчик побрел за повозкой. Молли ткнула локтем Верзилу.

– За нами кто-то идет.

Ник повернулся и сразу изменился в лице, посерьезнел.

– Ты его знаешь? Кто это?

– Понятия не имею, впервые вижу. – А сам соскользнул с лавки и, пригибаясь,

незаметно от взрослых пробрался в конец повозки.

– Ты ку... – хотел было спросить Ривз, но Ник опять сунул ему кулак под нос. Остальные молча, с любопытством разглядывали преследователя.

Ник бесшумно сполз на землю, трусцой подбежал к незнакомцу. Они не произнесли друг другу ни слова, Молли заметила, как из грязной руки в руку Ника перекочевал клочок бумаги. Мальчик указал на арку за спиной, Ник кивнул, и они разошлись.

В повозке Верзила проигнорировал все шепотки и вопросы. А на вопросительные взгляды Молли и Воробья произнес одними губами:

– Потом.

ГЛАВА 15 СОБРАНИЕ

Деревня спала. Фиолетовые домики стояли теснее, чем дома жевунов с их большими огородами. Располагались они геометрически правильно, почти по линейке. У кого были мастерские, они всегда стояли позади жилого дома, а размерами часто превосходили его. Если на жилой дом смотреть спереди, он казался пристройкой к мастерской.

Повозка неторопливо двигалась по главной улице. Возле единственного окна, в котором горел свет, ведущий носильщик сделал знак остановиться, обернулся к ребятам.

– Вам нужно разделиться. Половина остановится здесь, другую половину мы отвезем вон туда. – Он указал в конец улицы. Там вдалеке виднелась еще одна желтая точка. – Особняк мастера Лестлера дальше по улице, на холме. Не ошибетесь. Он ждет вас всех завтра в восемь утра. Не опаздывайте. Кто сходит здесь?

Ник поднялся со скамьи.

– Значит, здесь остаемся: я, Воробей, Сопля и Мо... и Лора. Остальные едут дальше.

– Это нечестно! – возмутился Ривз. – Вас получается четверо, а нас – шестеро!

– У вас дом больше, – не растерялся Ник.

– Откуда ты знаешь, его отсюда даже не видно!

Верзила постучал пальцем по значку старосты на лацкане:

– Зато вот это видно очень хорошо!

Ривз фыркнул, буркнул что-то вроде: «Посмотрим, как ты через две недели заговоришь».

Четверо друзей сошли с повозки. Им навстречу тут же открылась низенькая дверь дома. На дорогу вышли два маленьких человечка, хозяин и хозяйка. На лицах их читалось дружелюбие, искренняя радость и волнение. Несмотря на позднее время, они оставались в дневной одежде, даже шляпы не сняли из уважения к гостям.

– Здравствуйте, – тонким голосом поприветствовал хозяин.

– Здравствуйте, – пропищала хозяйка.

– Добро пожаловать, – закончили они хором.

Ребята вежливо поздоровались в ответ. Повозка за их спинами тронулась с места. Хозяин чуть посторонился, указал на умывальник, подвешенный к стене.

– В нашей стране есть традиция, все гости умываются перед входом в дом. Если вам не трудно, прошу вас.

– Интересная традиция, – сказал Ник, направляясь к умывальнику, – с чем она связана?

– Когда-то давно вода освободила нашу страну от власти злой колдуньи.

– Теперь у нас особое отношение к чистоте, – закончила хозяйка.

Пока ребята друг за другом подходили к крыльцу, Молли во все глаза смотрела на маленьких человечков. Те с любопытством смотрели в ответ, добродушно улыбались, часто моргали. Когда гляделки затянулись, хозяин произнес снова:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – тут же подхватила хозяйка.

– Вы – настоящие мигуны, – наконец выдохнула Молли.

Хозяева переглянулись.

– Мы мигуны, – кивнул муж. – А вы?.. – Они окинули девочку с ног до головы быстрыми взглядами. Насколько возможно быстрыми, чтобы не показаться бестактными. Взгляды замерли на неподвижном подбородке. Потом с каким-то новым выражением еще раз пробежались по фигуре, отметив незаурядный для девочек рост. Молли с замиранием наблюдала, как озадаченность на лицах сменилась крайним изумлением. Муж с женой испуганно переглянулись.

– Извините нас, – проговорил хозяин.

– Мы сейчас вернемся, – добавила жена.

Торопливо перебирая ножками, супруги отошли к углу дома, наклонились друг к другу, почти соприкоснувшись лбами. До ребят донесся шепот, похожий на мышинный писк. Молли стояла как оглушенная. После сцены в кабинете директора она не ждала ничего хорошего от подобной реакции на свою персону. Когда шепот оборвался, мигуны еще раз оглянулись на девочку, муж взял жену за руку, потянул обратно. Глаза их были распахнуты так, что перестали мигать.

Остановившись перед гостьей, хозяин повертел головой, не горит ли свет у кого из соседей, потом поманил Молли пальцем. Девочка приблизилась.

– Мы все поняли, – шепнул хозяин взволнованно.

– Мы никому не скажем, – заверила хозяйка.

– Теперь нельзя никому говорить, – закончил муж. Он кивнул на долговязую фигуру Ника: – Этот господин, он... тоже?..

Молли медленно сглотнула. Раз уж на то пошло, по сравнению с директором эта пара вызвала куда больше доверия. Немного подумав, девочка осторожно помотала головой.

Отфыркиваясь и стряхивая с рук воду, Ник спросил без обиняков:

– Сколько вам заплатили за наше пребывание?

Хозяин поспешно отступил от Молли, будто его застучали на месте престу-

пленя, испуганно замахал руками:

- Что вы, мы не брали платы.
- Не брали, – подтвердила хозяйка. И заверили хором: – Мы рады гостям!
- Почему-то я не удивлен, – констатировал Ник.

Внутри дом оказался таким крошечным, что Ник озадаченно почесал затылок. Кроме жилой комнаты длиной в четыре шага тут была только кухня, на которой и вдвоем развернуться непросто.

- А мы вас не потесним? – с сомнением спросил он.
- Нет, что вы!..
- Не беспокойтесь.
- Мы проживем в мастерской.
- Мы и так почти все время проводим там.
- Изготавливаем пружины для часов мастера Лестлера, – завершил общую тираду хозяин.

– Устраивайтесь на свое усмотрение. Соседи принесли матрасов даже больше, чем нужно. Мальчики могут постелить себе в комнате, а мисс из Большого... – хозяйка осеклась, замерев на секунду, потом пальцами шлепнула себя по губам. Они с мужем посмотрели друг на друга испуганно, и женщина вдруг заплакала, досадуя на собственную нерасторопность. Муж обнял ее, погладил по спине.

- Моя жена хотела сказать, что мисс... э-э...
- Молли, – подсказала девочка.
- Что мисс Молли может спать отдельно, в кухне. Если ей так будет удобней. Наскоро показав, где что находится, хозяин увел расстроенную супругу.
- Какие добрые хозяева, – сказал Ник, глядя в окошко, как они в обнимку сворачивают за угол.

– И какие странные, – добавил Воробей.

Ребята ринулись распределять матрасы, каждый выбрал себе место на полу. А Молли от волнения не знала, чем себя занять. Похоже, свершилось, вот они, люди, о которых писала мама. Никаких доказательств их благонадежности не было, но девочку уже обжигало желание поведать кто она, и какое отношение имеет к Фее Спасительной Воды. Вот бы они обрадовались!

– Общее собрание на кухне! – громко провозгласил Ник.

Воробей без лишних слов вырuling из комнаты. Сопля, сонно пошатываясь и зевая, поплелся следом, ударился плечом о косяк.

- Ладно, Сопля, можешь ложиться, – смилостивился Ник.
- Я тоже хочу послушать, – воспротивился тот.

Вчетвером ребята кое-как разместились на лавках вокруг стола. Ник задернул шторку на окне, встал и заговорил официальным тоном:

– Итак, первое заседание Гиларского филиала Сети в стране мигунов объявляю открытым. Пришло время рассказать Молли некоторые детали о нашем... э-э... братстве. Кто за? – В воздух взлетела рука Ника.

– Разве что некоторые, – нехотя согласился Воробей и даже не поднял, а чуть

оторвал кончики пальцев от стола. Сопля уже дремал головой на подоконнике.

– Единогласно, – подытожил Ник. – Слово предоставляется Председателю Собрания, Верзиле. То есть, мне! – Он плюхнулся на лавку, разом сбросив официоз, и начал загибать пальцы: – В Голубой стране пятнадцать приютов, в Розовой стране – восемь, в Зеленой – шесть, у рудокопов – четыре, в Фиолетовой стране – двенадцать. Насчет Желтой страны и страны Марранов мне ничего не известно, но в предыдущих пяти я могу перечислить названия всех приютов. Понимаешь, куда клоню?

– У многих детей отняли родителей? – предположила Молли.

– Мы поддерживаем связь между собой. Раньше, говорят, по всему Волшебному миру сообщения передавались по птичьей эстафете. У нас налажена своя эстафета. Своих гонцов мы так и называем, «пернатые». Беспризорников в любой стране намного больше, чем вмещают приюты, когда нужно, мы задействуем их. Никто не заметит, если даже все беспризорники разом покинут город. Стоит в самом дальнем уголке Фиолетовой страны произойти чему-то, что может нас заинтересовать, новость разлетается по всем приютам Волшебного мира. Моя личная придумка, – с гордостью добавил он. – За это мы подкармливаем беспризорников объедками из столовой или приплачиваем им. В нашем городе всеми пернатыми заведует Воробей. Разбуди его среди ночи, он тебе с легкостью назовет имена всех беспризорников, не попавших в приют!

Воробей с деланой невозмутимостью ковырял пальцем столешницу, как будто речь шла не о нем.

– Так вот что за мальчик передал тебе записку, – поняла Молли.

Ник кивнул, снова встал, откашлялся:

– Раз все присутствующие на собрании теперь посвящены в детали, предлагаю, собственно, и перейти к посланию, адресованному Гиларскому филиалу Сети. – Он с торжественным видом вытащил из кармана скомканную бумажку, расправил и начал зачитывать: – «Рады приветствовать в наших краях Верзилу, правую руку Слизлонда...» Так, ну это дежурные приветствия, тут и Воробей упоминается, и Сопля... Так, ага, вот: «... приглашаем в любой удобный день на внеочередное собрание в честь наших гиларских коллег. Мы подозреваем, что прибытие сюда самого Организатора не является случайным и предлагаем свою помощь в любом задуманном предприятии. Ворона будет ждать ответа в условленном месте. С уважением, Глист, Кочерга и Колибри». Грамотно состряпали, – отметил Ник одобрительно, снова забыв про свой официальный статус, – небось, долго корпели.

Он аккуратно свернул бумагу, сунул в карман и поднял на Молли торжествующий взгляд:

– Ну, теперь ты поняла, о чем я говорил? Одно дело, когда друга твоей мамы искали один или несколько человек, совсем другое, когда во все стороны расползутся сотни, а то и тысячи беспризорников. За неделю они обшарят каждый куст в этой стране! Найдем твоего Дровосека!

– Кого найдем? – не понял Воробей.

– Бывшего правителя страны мигунов. Он нам поможет.

– Да ладно, – не поверил тот.

Молли поерзала на скамье. На ум опять пришел лежащий в повозке деревянный человек. Теперь, когда друзья посвятили ее в свою тайну, будет просто бесчестно зря обнадеживать и использовать их.

– Кстати о правителе, – произнесла она осторожно. – Тут еще вот какое дело... Дело в том, что его не просто так зовут Железный Дровосек. Он... он и правда железный.

Ник моргнул.

– То есть? Хочешь сказать, он из железа? Он не человек?

– Человек, – робко возразила Молли, – но только из железа. Когда-то в молодости кузнец заменил ему все части тела на железные.

– Здорово! – восхитился Воробей. – С таким правителем мы от любого рудника камня на камне не оставим!

Ник под столом наступил ему на ногу, тот прикусил язык.

– Хорошая новость, – согласился Ник. – Это нам только на руку.

Молли опустила глаза, пояснила негромко:

– Здесь, в стране мигунов, с ним могут возникнуть трудности.

Верзила открыл рот и закрыл, поняв, куда подруга клонит. Он нахмурился, облокотился о стол. Молли затаив дыхание ждала ответа.

– Да, это проблема, – наконец произнес он.

– Да в чем проблема-то? – спросил Воробей недоуменно. – Лучше не придумаешь!

– А ты вспомни деревянного гонца у реки.

– А, точно, – моментально скис мальчик.

Ник побарабанил пальцами по столу, размышляя, махнул рукой:

– Ладно, что тут думать, не найдешь – не узнаешь. Завтра накарябаем Кочерге ответ. Нужно будет описание, приметы. Наверняка местные беспризорники тоже знать не знают, кто такой Железный Дровосек.

За дверью раздался грохот посуды. Друзья испуганно переглянулись. Ник и Воробей вскочили из-за стола, бросились к выходу. За порогом, держась за руки, стояли хозяйева. Они выглядели еще испуганней гостей, под ногами у них валялась кастрюля. Рядом с кастрюлей расплывалась лужа, над которой клубился пар.

– Мы не хотели подслушивать, – испуганно пискнул муж.

– Не думали даже, – побожилась жена.

– Мы вам суп принесли.

– Не надо супа, – кисло отозвался Ник. – Мы ужинали. И как раз собирались ложиться.

– Хорошо, – покорно кивнула хозяйка. – Я вернусь только чтобы прибраться.

Она подхватила с земли кастрюлю и крышку, оба торопливо скрылись за углом.

– Думаешь, они много слышали? – спросил Ник, захлопнув дверь.

– Они бы не стали долго стоять, – отрезала Молли тоном, не терпящим обсуждений.

– Хотелось бы верить, иначе нам всем несдобровать. И не только нам.

Сплюю разбудить не получилось никакими силами, ребята перенесли его в комнату на себе. Девочке постелили на кухне.

Получив новый повод для тревоги, друзья долго не могли уснуть. Дольше всех ворочалась Молли. Из комнаты уже доносился дружный храп, когда она тихонько вылезла из-под одеяла, в темноте на цыпочках пробралась к двери. Что-то ей подсказывало, хозяева еще не спят. И интуиция не подвела. При свете луны видно было, как на углу дома нервно нарезает круги невысокая фигурка. Заслышав скрип двери, фигурка остановилась. Молли тоже встала на крыльце и молча ждала.

– Мисс Молли? – наконец неуверенно промолвила фигурка.

– Да, это я.

Обладатель голоса тронулся к крыльцу. Луна высветила лицо хозяина, глаза которого от волнения мигали без перерыва. Он остановился напротив квартирантки, помялся, не решаясь заговорить.

– Не спится вам? – начал хозяин издали. Молли помотала головой. Мигун с тревогой оглядел пустую улицу, скользнул взглядом по окну своего дома с гостями. – Я хочу поговорить, – шепнул одними губами. И добавил чуть громче: – Не хотите прогуляться перед сном?

Молли по-прежнему молча кивнула. Они двинулись по залитой призрачным светом дороге. Одна из боковых улочек выкатывала тропинку в поле, там тропинка терялась в темноте уже через десяток шагов. Хозяин заговорил, только когда последние дома остались позади.

– Мы стараемся не обсуждать ничего важного в деревне, – объяснил он.

– Почему?

– Это может быть опасно. Несколько лет назад в деревню приезжали городские полицейские и вывезли две семьи вместе с детьми. Наш староста сказал, за то, что распространяли ложь. Но на самом деле, – он глянул за спину, словно и там могли прятаться чужие уши, – на самом деле, Пиппин и Гун просто сказали, что при... другом правителе мигунам жилось гораздо лучше и что отстранение... другого правителя было незаконным. Их дома до сих пор пустуют, никто не знает, когда семьи вернутся и вернутся ли. Мы с соседями по очереди там прибираемся, чтобы дома не пришли в запустение.

Молли ни на секунду не усомнилась в его словах. Она сразу поняла, что речь о Железном Дровосеке, и хорошо помнила, как сама угодила в карцер за одно его имя. Еще неизвестно, что бы с ней было дальше.

– Но почему никому нельзя упоминать Желез... – Хозяин подскочил в испуге, завертел головой. Смущенная, Молли поправилась: – Другого правителя?

– Думаю, новые власти его боятся, – сказал мигун с едва заметной тенью удовлетворения. – «Наш другой правитель» был самым сильным и самым смелым из когда-либо существовавших правителей.

– Тогда почему он позволил другим занять свое место?

Мигун вздохнул, пожал плечами.

– Одно время поговаривали, он ушел добровольно. А почему – никто не знает. Примерно в то же время кто-то стал распространять грязные слухи, будто «другой правитель» был жестоким и лживым тираном, каждый его поступок, каждое решение, принятое за годы правления, было перевернуто и обернуто против него. А любой, кто решался опровергать обвинения, объявлялся его пособником и жестоко наказывался. Но не думайте, что все мигуны забыли, как обстояли дела на самом деле. Мы с женой Розой были детьми, когда мигуны построили на площади в Фиолетовом городе фонтан высотой до башен дворца. Фонтан был в форме сердца, его расположили так, чтобы любой въезжающий в город видел его одновременно с башнями дворца. Мой отец говорил, постройку возвели в благодарность за доброту «другого правителя». Разве кто-нибудь стал бы добровольно делать такое для жестокого тирана? А еще отец рассказывал, подарок так растрогал правителя, что после открытия подданные целый день ходили за ним с масленками, никак не могли остановить слезы.

– Это на него похоже, – авторитетно подтвердила Молли.

Хозяин еще раз быстро огляделся.

– Мне было лет шесть, когда я в первый и последний раз видел Его. Правитель шел через нашу деревню с большим молотом, проверял состояние дорог. Мы с друзьями провожали Его несколько верст, каждый из нас дважды успел прокатиться на железных плечах. Жестокие тираны не относятся к детям с такой добротой, таким вниманием. И уж тем более не ремонтируют дороги своими руками! Вот каким я запомнил «другого правителя»: добрым, отзывчивым, любящим. Именно поэтому долгие годы я не верил в подлые наветы. И моя жена не верила.

Мигун замолчал. В ночной тишине слышны были стрекот сверчков и шорохи шагов по каменистой почве. Молли подозревала, что самое главное еще не сказано, терпеливо ждала.

Обнаружив, как далеко осталась деревня, хозяин жестом предложил Молли повернуть обратно. Через несколько шагов он наконец робко кашлянул.

– Мы слышали последние слова вашего друга, высокого господина. Вы приехали, чтобы найти Его. Мы с Розой хотим вам помочь. Мы хотим, чтобы у нас, мигунов, все стало как прежде. Хотим снова работать сообща, дружить, ходить друг к другу в гости. Однажды мы с женой навещали старых друзей и случайно услышали, как те подсчитывают, на сколько мы уже поели, как вспоминают, какое варенье стоило дешевле, чтобы поставить на стол его. С тех пор мы не ходим по гостям. Конечно, ни я, ни Роза не сможем отправиться с вами на поиски, но, быть может, наши знания облегчат вам работу.

– Вы знаете, где его искать? – с надеждой спросила Молли.

– Нет, но я знаю то, чего не знал новый правитель, когда отправлял на поиски своих полицейских. Помните, я говорил про злую колдунью, когда-то правившую нашей страной? Другая девочка из большого мира растворила ее в воде...

– Это была моя мама, – скромно призналась Молли.

Мигун остановился как вкопанный, уставился на Молли, хлопая округлившимися глазами.

– Ваша мама – Фея Спасительной Воды?

Молли так же скромно кивнула. Хозяин с минуту рассматривал ее, потом вдруг задрожал, начал часто-часто мигать. Из кармана его появился носовой платок, хозяин промокнул глаза.

– Она не забыла нас, – прошептал он, тихонько шмыгая. – Теперь мы спасены. Это огромная честь принимать в доме дочь самой Феи Спасительной Воды. Представляю, как обрадуется Роза!

Молли смущенно молчала, а мигун так разнервничался, что долго не мог вспомнить предмет разговора. Девочке самой пришлось заговорить о растворившейся колдунье. Хозяин закивал энергично:

– Принято считать, что вода растворила ее целиком. На самом деле это не так. Через несколько дней после исчезновения колдуньи во дворце под лавкой был найден глаз. Дочь Феи Спасительной Воды не может не знать, что у Бастинды был единственный глаз, и тот волшебный. Он позволял ей видеть любой уголок Фиолетовой страны. Если наш «другой правитель» не покинул страну, Глаз помог бы его отыскать.

– С таким Глазом мы бы сразу его нашли, – подтвердила Молли. – Но для этого пришлось бы вернуться в Голубую страну, ведь здесь волшебство больше не работает.

– Вы не знаете? – удивился мигун. – Волшебство ушло, да, но богачи продолжают как ни в чем не бывало использовать волшебные предметы.

Молли остановилась как вкопанная.

– Продолжают?

– Искатели на ярмарках по-прежнему каждый год демонстрируют свои находки. Недавно мимо нашей деревни проезжал один богач, я своими глазами видел в действии Кругосветное колесо. Это такой волшебный предмет, который сам себя катит. Колесо было впряжено в экипаж вместо носильщиков, богач на огромной скорости пронесся по главной улице к дому мастера Лестлера.

– Но как такое возможно?

Мигун пожал плечами.

– Наверное, тут скрыт какой-то секрет мастеров, изготавливающих волшебные предметы.

Молли помолчала, взволнованная.

– А где сейчас Глаз Бастинды, вы знаете?

Мигун развел руками.

– У кого-нибудь из богачей, я думаю. Все волшебные предметы скупаются теми, у кого есть меры. Хотел бы я еще чем-то помочь, но я рассказал все, что знаю.

– Вы помогли, – с жаром заверила Молли. – Вы очень помогли. Этот Глаз именно то, что нам нужно!

Хозяин счастливо улыбнулся:

- Правда?
- Конечно, спасибо вам!..

Дома Молли пробралась в комнату мальчиков, отыскала глазами очертания самой длинной фигуры, присела у изголовья.

- Ник, – позвала тихонько. – Верзила!

Мальчик не отзывался, тихонько посапывал во сне. Молли подергала его за пучок волос на макушке, тот вяло отмахнулся, перевернулся на бок. Раздосадованная, Молли дернула пучок с силой. Мальчик вскрикнул, резко сел, завертел головой, ничего не понимая спросонья.

Молли в двух словах рассказала о беседе. Когда Ник понял, о чем ему толкуют, он задумался, потом сказал решительно:

- Жди меня за дверью, я оденусь и выйду.

На улице Ник быстрым шагом отправился в сторону арки с часами. Несмотря на одинаковый рост, Молли едва поспевала за длинноногим другом.

- Куда мы идем? – спросила она.
- К Вороне, – коротко бросил Ник.

Молли сразу все поняла. Поиски волшебного предмета наверняка покажутся членам Сети куда проще поисков по всей стране неизвестно кого.

- Этот мальчик, он что, на улице спит? – только сейчас сообразила Молли.

Ник ухмыльнулся.

– Не переживай, беспризорник сумеет позаботиться о ночлеге. Не удивлюсь, если он устроился удобней нашего!

В какой-то степени так и оказалось. Когда путники приблизились к мраморной арке, под центральными часами скрипнул люк, оттуда свесились две худые ноги. Мальчик сполз, хватаясь за щели между плит, отряхнулся, пошагал навстречу.

– Увидел в щель, как вы вышли на дорогу, – сказал он угрюмым невзрачным голосом.

– Хорошее зрение, – похвалил Ник, остановившись перед Вороной. – Не хуже, чем у Глаза Бастинды!

Ворона на мгновение замер, переваривая услышанное, потом развернулся и пошагал в обратную сторону, постепенно ускоряя шаг. Дополнительных слов не требовалось.

ГЛАВА 16

МАСТЕР ЛЕСТЛЕР

Утром Молли проснулась от громкого крика:

- Опоздали!

В комнате мальчиков как молотки дробно стучали пятки, слышалась возня, беготня.

- Что ты там копошишься, Сопля, двигайся! Молли, просыпайся, нам конец!

Жизнь в деревне кипела и клубилась. Людей на улице почти не было, но жизнь в деревне мигунов меряется не числом праздных гуляк, а признаками работы. Из

труб мастерских валил дым, с разных сторон весело перекликались звонкие удары молотков, шорохи наждачных бумаг, напильников. Все окна были распластаны настежь. В одной мастерской работа шла так ожесточенно, что раскрытое окно попухивало паром, как курильщик трубкой.

Ник громко подгонял друзей, на его крики из некоторых окон с любопытством выглядывали женские лица, долгими взглядами провожали бегущих. У крыльца дома, в котором поселили вторую часть отряда, стояла толстая женщина. Дети издали заметили на ее плече пышную рыжую косу. Уперев кулаки в бока, женщина наблюдала за приближением опоздавших, не то сочувственно, не то с неодобрением покачивала головой.

– Ваши друзья уже ушли, – крикнула она голосом, привыкшим перекрывать базарный шум.

– Давно? – на бегу откликнулся Ник.

– Да уж вам бы поспешить.

– Вот спасибо, – проворчал Воробей себе под нос. – Сами бы не разобрались.

Как и предсказывал носильщик, мимо жилища мастера на холме пройти было невозможно. Сам жилой дом не отличался от остальных строений в деревне, а вот мастерская за ним размерами могла поспорить с особняком того же Гуффало Бинга. В высоту она не ограничивалась двумя этажами, от второго к небу устремлялось несколько башен. На каждой башне виднелся циферблат таких размеров, чтобы и полуслепой мог рассмотреть снизу все три стрелки.

Самый большой циферблат располагался в башне над балкончиком. Мולי не сразу поняла, что это не башня вовсе, а гигантские часы с кукушкой. Под двускатной крышей виднелась дверца, куда без труда пролез бы взрослый мигун. Часы показывали половину девятого. Девочка даже испытала сожаление от того, что не увидит, как из дверцы покажется кукушка и отсчитает девять часов.

– На целых полчаса, – убито констатировал Верзила.

Крыльцо тоже недвусмысленно давало понять, чем занимается хозяин мастерской. Поручни покоились на перилах, растущих из одной точки, как спицы в колесе. Только вместо спиц совершенно точно угадывались вычурной формы стрелки. Наружная дверь представляла собой стальную решетку из скрепленных окружностей. Каждую окружность заполняли стрелки разной толщины. Все они были отполированы до зеркального блеска, на детей уставились сотни отражений в виде искривленных кусочков лиц.

На стук в решетку никто не отозвался. Ник нажал на ручку. Видно было, как с той стороны из паза поднялась задвижка в форме стрелки.

– Совсем свихнулись на своих часах, – не удержался от комментария Воробей.

За решеткой путь преградила вторая дверь, деревянная, Ник повернул ручку в форме карманных часов. Дверь тоже оказалась не заперта. В открывшемся проеме пахло лаком для дерева, свежей краской. Внутри глазам открылось невиданное зрелище: стены от пола до потолка были увешаны часами разной

формы и размеров. Внушительные сооружения с кукушкой переमेжались то своими уменьшенными копиями, похожими на скворечники, то причудливых форм конструкциями с гириями, то самыми обыкновенными кругляшами. Часы стояли на столах, под столами, висели на потолке, загромаждали единственную стремянку, с помощью которой можно было до потолка добраться. И все показывали одно и то же время, на всех секундная стрелка двигалась синхронно, как заколдованная. Тиканье сливалось в один мощный чеканный шаг. Просторная прихожая явно служила временным складом готовых изделий.

Для гостей в этом хаосе был оставлен узкий проход. Если старательно втягивать живот, существовала вероятность ничего по пути не повредить. Друзья по одному влились в змейку прохода. Воробей потрогал секундную стрелку на одной из конструкций, локтем пихнул Соплю в живот.

– Видел когда-нибудь столько часов?

Следуя его примеру, Сопля пощупал стрелку, какое-то время с удивлением смотрел на руку, потом показал руку товарищу. Воробей тупо посмотрел на секундную стрелку, оставшуюся в его пальцах, взял за кончик, протянул Нику. Ник так же тупо посмотрел на стрелку, повертел ее с разных сторон и, не говоря ни слова, затолкал под днище настольных часов.

Из-за угла в конце комнаты показалась чья-то фигура. Молли узнала белокурого мальчика, которого стащил с повозки шестипалый.

– Наконец-то, – сказал он с укором, – мы уж думали, вы сбежали.

– Эй, – вполголоса позвал Ник, – он строгий?

– Да ну вас, – отмахнулся мальчик и вышел.

Опоздавшие попали в помещение, где и происходила сборка часов. Вдоль стен тянулись стеллажи с шестеренками, пружинами, лакированными дощечками. Четыре стола были сдвинуты в два ряда в центре комнаты. Столы тоже были завалены деталями, ученики, занявшие первый ряд, боялись пошевелиться, чтобы не уронить что-нибудь, не перепутать. Самые отчаянные осмелились расчистить место под локти и теперь сидели напряженные, неподвижные, как деревянные столбы.

За пятым столом лицом к детям сидел пугающего вида старик. Он как будто забыл, что не один в комнате, склонился над каким-то механизмом, колупая в нем отверткой, и то цокал языком, то начинал неразборчиво бормотать. Молли не могла оторвать взор от лица старика. Оно, похоже, навеки застыло в перекошенном виде. Один глаз его превратился в щелку настолько узкую, что уже не видно было, как он мигает. От этого глаза к виску рассыпались тысячи морщин, уголок рта во время работы тянулся к глазу, добавляя глубоких складок и на щеке.

Вторая половина лица в противовес первой была сильно растянута. В отличие от правого, левый глаз был широко раскрыт и не мигал вообще. В глазу сидел монокуляр размером и толщиной с добрую лупу. Если на этой стороне и были морщины, под натянутой, как парусина, кожей их было не различить. Казалось, с годами все лицо его деформировалось, подстроилось под этот монокуляр. На за-

тылке старика еще сохранился ободок белого пуха.

Четверка друзей столпилась на пороге, шестеро за столами зашевелились, оглядываясь на них. А старик с головой ушел в любимое занятие, ничего не слышал и не видел. Когда он отложил отвертку и начал шарить рукой по столу, Ник воспользовался моментом, громко кашлянул.

Старик поднял голову, и Молли сразу поняла, что устрашающего в старике только внешность. Сухие, похожие на мятый пергамент губы растянулись в добродушной улыбке, отчего редкие складки разрезали и левую щеку. Он кивнул вошедшим, как долгожданым гостям.

– Проходите, присаживайтесь, – прошамкал старик, указывая на пустой ряд.
– Только вас и ждем.

Ник и Воробей с облегчением переглянулись.

Пока опоздавшие рассаживались, старик достал из кафтана тряпочку, снял монокль, что никак не повлияло на форму глаза. Сперва он протер тряпкой стекло, потом долго промокал слезящийся глаз. Молли готова была поклясться, что глаз при этом ни на секунду не прикрылся.

– Теперь все в сборе? – уточнил старик, возвращая монокль на место.

Усевшийся было Ник вскочил, отрапортовал бойко:

– Группа учеников из Голубой страны в полном составе к занятию готова!

Старик замахал на него:

– Садитесь, садитесь, не нужно этого.

Ник плюхнулся на стул, аккуратно расчистил стол перед собой. Старик нащупал на спинке стула трость, выбрался, прихрамывая, на середину помещения.

– Все называют меня попросту, мастер Лестлер, – представился он на ходу.
– И вы можете называть так же.

У мастера и туловище словно повторяло изъяны лица: хромал он на правую ногу, одно плечо было ниже другого и как будто даже короче, одна рука суше и короче другой. Своим видом он напоминал скрученную и потемневшую от времени корягу. Не иначе та половина тела, которая не имела отношения к моноклю, за ненадобностью скукожилась и ссохлась раньше времени.

– Ему, наверное, лет тыща, – восхищенно прошептал Воробей.

– Это если округлить, – добродушно кивнул мастер, – а если быть точным – сто семь.

Воробей с неловкостью почесал темечко, кто бы заподозрил такой слух в сто семь лет. Остальные молчали, замороженные цифрой. Мастер остановился перед учениками, оперся на трость так, что костлявые плечи выровнялись в одну полосу. Глядя в потолок, он пожевал раздумчиво беззубым ртом.

– Если вы спросите меня, – заговорил он, по-прежнему ни на кого не глядя, – можно ли за две недели научить новичка ладить с часовым механизмом, то я вам отвечу: нет, нет и еще раз нет!

– Тогда мы точно покойники, – успел вернуть Ник.

– А если вы спросите, – продолжал старик, – зачем же я, в таком случае, согласился на эту авантюру, то я вам отвечу: я не мог поступить иначе. Так завещал

наш великий соотечественник, мастер Лестар. Мастер Лестар – это тот человек, которого я считаю олицетворением настоящего мигуна. Это человек, на которого мы должны равняться и в моральном, и в профессиональном качествах! Инженер, какого свет не видывал ни до, ни после, он не раздумывал ни секунды, когда жевунам нужна была помощь. Так же и я отринул всякие сомнения, когда ко мне обратились ваши попечители. Не знаю, почему нужно все делать в такой спешке, видимо, на то есть причины. В любом случае, я пообещал в этот короткий срок сделать все возможное. А сам при этом, – старик хитро улыбнулся, – сам при этом постараюсь сделать немного больше!.. Я решил разделить наше обучение на две части. Первую неделю мы целиком посвятим теории, вторую, собственно, практике. К концу второй недели каждый из вас соберет и разберет по две пары своих первых часов, или я перестану зваться мастером Лестлером!

При слове «теория» у детей вытянулись лица. Воодушевленный грандиозностью замыслов, старик не замечал их смятения. Собственная речь и предстоящие трудности явно подогрели его энтузиазм, пальцы с раздутыми суставами дрожали от нетерпения, просились в бой.

– Если вопросов нет, можем приступать! – торжественно закончил мастер. Через монокль он внушительно оглядел два ряда учеников, те переглядывались подавленно. Вопросов ни у кого не было. – Ну что ж, тогда открываем тетради и записываем за мной каждое слово. Вы слышите? Каждое слово! Поскольку времени закрепить знания у нас нет, эти записи будут служить вам единственными помощниками долгие и долгие годы!

В воздух взлетела рука Ника.

– А если у нас нет тетрадей? Мы не знали, что будет теория.

Старик глазом отыскал говорящего, задумался, потом ткнул клюкой в Ривза:

– Вы, молодой человек, сбегайте на второй этаж, там на письменном столе найдете стопку бумаг. Принесите ее и раздайте каждому по двадцать листов. Надеюсь, на сегодня этого хватит. – Оба ряда не сумели сдержать стон. Клюка переместилась на соседа Ривза: – А вы – ступайте за ним, в шкафу со стеклянными дверцами возьмите все, какие найдете, чернильницы. Там же увидите катушку с моей коллекцией перьев. – Трость поползла дальше и остановилась на белокуром любимце шестилапого: – А вы – помогите.

Посланцы умчались наверх по винтовой лестнице. Слышно было, как по толку стучат их пятки. Не прошло и пяти минут, бумаги были розданы, чернильниц набралось по одной на два-три человека.

– Итак, – произнес старик тоном, дающим понять, что пора макнуть перо в чернильницу, – классификация часов. По назначению я делю часы на две категории: личные и общественные. Под личными мы с вами будем подразумевать исключительно часы карманные, – не трогаясь с места, мастер тростью подцепил с верстака цепочку, продемонстрировал часы с блестящей желтой крышкой. – Под общественными – будильники, часы настольные, настенные, напольные. – Он последовательно указывал тростью на полуразобранные модели на своем столе и у стены. – Некоторые мастера из тщеславных побуждений выделяют

третью категорию, переходную, куда то добавляют, то опять исключают будильники и разного рода настольные часы. А один мастер в поисках оригинальности зашел еще дальше, предложил оставить две категории: личную и переходную. Но у нас с вами нет времени на обсуждение всяких сомнительных теорий, не так ли? – Он с заговорщицкой улыбкой оглядел учеников. Те оказались глухи к доверительной иронии. Наткнувшись всего на одну кривую улыбку, мастер продолжил: – Личные часы изготавливаются с пружинным двигателем, в то время, как общественные подразделяются на два типа: с пружинным и с гиревым двигателями. В свою очередь, часы с пружинным двигателем мы будем делить на часы с балансовым и с маятниковым регулятором...

– Мы никогда не вернемся в приют, – констатировал Воробей.

– Все кончено, – подвел черту Ник.

Мастер Лестлер словно подслушал их мысли:

– Пусть вас не пугают незнакомые термины, за неделю мы все разберем подробнейшим образом. Первым делом своим ученикам я всегда даю схему. Надеюсь, вы любите и умеете рисовать, этот навык сейчас пригодится вам как никогда.

Старик развернулся к письменной доске. Розовым мелом на ней были изображены две сцепленные шестеренки.

– Ну, это даже Сопля осилит, – с облегчением улыбнулся Ник.

Мастер потянулся тростью к кольцу, болтающемуся под потолком, дернул вниз. Доска скрылась под здоровенным, шириной в три шага, ватманом. Помещение огласилось мученическим стоном. Мастер одел кольцо на гвоздик, торчащий под доской, отошел к краю, чтобы не загоразживать вид.

– Перед вами настоящее сокровище, – с гордостью известил он. – На схеме вы найдете все, что может встретиться в часовом механизме. Стоит тщательно изучить ее, и любое изделие – будь то хоть декоративные часики для детей, хоть сооружение размером с городскую башню – станет вам таким же близким и знакомым, как коридоры родного приюта!

Ученикам заявление показалось сомнительным. Белый лист площадью с небольшую прихожую был сплошь усеян рисунками мельчайших деталей, какие-то спирали, пружины, шестеренки и валики наползали друг на друга, путались в глазах, каждая деталь была подписана и пронумерована, цифры и буквы хоть и были вынесены за пределы рисунков, между собой сливались в нечитаемые нагромождения.

– Это все надо нарисовать? – потрясенно спросил Ривз.

– Сегодня нашей темой будет «принципиальная схема часов личного назначения». Поэтому на сегодня можно ограничиться шестью основными узлами балансовых часов, – мастер обвел тростью центр листа. – Приступайте, кто закончит – поднимаем руки.

Прихрамывая, он вернулся на рабочее место, взял отвертку и опять с головой погрузился в работу, от которой отвлекли опоздавшие. Ученики поглядели друг на друга растерянно. Первый ряд зашевелился, один за другим ученики осторожно освободили место для письма, взялись за перья и с несчастным видом

принялись что-то царапать. Верзила не стал даже пытаться. Воробей запустил обе руки в растрепанные волосы и бессмысленно пялился на стопку листов между локтей, словно пытался наколдовать рисунок. Сопля так и не понял, чего от него хотят, смотрел, не отрываясь, на устрашающий глаз за моноклем и громко шмыгал в тишине. Молли сразу почувствовала себя как на нелюбимых уроках. Поначалу еще пыталась что-то изобразить, но быстро сдалась, облокотилась о стол и рассеянно уставилась в окно. Возможно там, во дворах, сейчас резвятся дети мигунов. Интересно, у мигунов есть школы или дети предоставлены себе – делай что хочешь и играй сколько влезет?..

Глаз за моноклем оторвался от работы, пробежался по рядам.

– Все ли рисуют? – спросил мастер таким тоном, словно сам счел свои подзрения нелепыми.

Ник тут же встрепенулся.

– А что там написано под цифрой четыре?

– Под цифрой четыре у нас штифты градусника, – даже не взглянув на рисунок, пояснил мастер.

– А, штифты, теперь понятно... – Ник взял перо и не выпускал до тех пор, пока мастер вновь не утонул в работе.

В девять часов на башне мелодичным голосом пропела кукушка, и одновременно в соседней комнате грянул чудовищный оркестр. Сотни часов били, куковали, гремели, как барабанщик тарелками. Мастер продолжал ковыряться в деталях, не обращая внимания на переполох среди учеников. Когда оглушающий шум стих, Воробей выразительно посмотрел на друга, постучал пальцем по виску, напоминая свой вывод о деревне и ее любви к часам. Такой концерт соседняя комната устраивала каждый час.

Первый учебный день прошел тяжело и безрезультатно. Разбирали по схеме принцип работы механизма, от раскручивания заводной пружины до передачи вращения на часовую стрелку, от вращения заводной головки до накручивания заводной пружины на вал. Добросовестный мастер Лестлер взялся за дело так основательно, что ученики вышли из мастерской только когда солнце склонилось к горизонту. Если бы хозяева сами не принесли постояльцам обед, старик по рассеянности уморил бы бедолаг голодом.

Все чувствовали себя уставшими и подавленными. Все, кроме Верзилы. Смирившись с мыслью, что теория ему неподвластна, он, как ни странно, приободрился, повеселел.

– Ерунда эта ваша теория, – рассуждал он по дороге к дому.

– Ерунда? – с надеждой спросил Воробей.

– Конечно! Это как с кладкой в прошлом году, помнишь? Два дня нам головы морочили, морочили, всякие там перевязки, сжатия, изломы, полкирпича, полтора кирпича. А что оказалось? Знай себе клади поровнее да раствором мажь, были бы руки на месте. До сих пор как-то справляемся без всяких там теорий!

– Точно! – возликовал Воробей.

– Разберемся, – с видом сытого кота успокоил всех Ник. А вдохновенная

мысль Воробья пошла дальше:

– Тем более он такой старый!.. Представь, мы приходим на урок, а он уже мертвый! Тогда вообще ничего учить не придется, мы разве виноваты, что без учителя остались?

Ник постучал ему костяшками пальцев по макушке.

– Думай, что говоришь!

– Эй! – отмахнулся Воробей.

Хозяева не вышли из мастерской встречать постояльцев, но на кухонном столе исходила паром кастрюля с пловом. В этот вечер хозяйка Роза появилась всего раз, чтобы забрать пустую посуду.

Чуть позже, помня предупреждение Молли о чужих ушах, Ник в темноте обошел вокруг дома, убедился, что в соседских окнах свет погас, и лишь после этого шепотом рассказал непосвященным о ночных похождениях. Воробей обиделся, что такое важное дело провернули без него, и отказался ложиться спать раньше других. Сопля хотел было присоединиться к бойкоту, но уснул почти сразу. Молли усомнилась, есть ли смысл ждать Ворону или другого посланца сегодня, разве можно отыскать Глаз за сутки?

– Как раз волшебный предмет-то найти немудрено, если его кто-то купил, конечно. До ближайшего приюта отсюда часа четыре ходьбы. Должны были успеть и найти, и вернуться.

К мраморной арке сегодня отправились втроем. На сей раз люк не открылся им навстречу. Дети потоптались под часами, вполголоса покричали Ворону. Никто не отзывался.

– Ну, значит не сегодня, – сказал Верзила. – Придем завтра в это же время.

На окраине деревни один из домов привлек внимание Ника, мальчик оставившись.

– Вы ничего не видели?

– Где?

– Как будто огонек в окне мелькнул...

Все трое посмотрели на указанное окно.

– Ничего нет, – наконец сказала Молли.

– Ладно, засыпаю на ходу, идемте...

ГЛАВА 17 ЗАПИСКА

Глядя на мастера Лестлера, можно было подумать, что с момента расставания прошла всего минута. Он сидел за работой в той же позе, с отверткой в одной руке и с миниатюрным пинцетом в другой. Но столы сегодня были расчищены от деталей, перед каждым учеником лежал альбом для рисования, на всех обложках красовались карманные часы с оголенными внутренностями. Так и осталось загадкой, где он умудрился разжиться ими за ночь.

Едва ученики расселись, ножки его стула скрежетнули по доскам, трость за кольцо расправила схему, и мастер продолжил без предисловий:

– Мы подробно рассмотрели механизм завода пружины и перевода стрелок, который называется?.. – трость ткнулась в Ривза. Тот побледнел, кинулся лихорадочно перелистывать вчерашние записи.

– Ремонт? – ответил он вопросительно, с испугом следя за реакцией учителя. Мастер с мягкой укоризной покачал головой:

– Вам следует научиться правильно сокращать слова. Который называется ремонтур. Сегодня мы начнем с устройства пружинного двигателя. Вы узнаете, каким образом и по каким законам изгибающий момент пружины преобразуется в крутящий момент для механизма, узнаете способы крепления заводных пружин. Под конец темы я расскажу о недостатках пружинного двигателя. Беремся за перья, сейчас нас интересует левый верхний угол схемы. Тут у меня подписано: «Пружинный двигатель», всем видно? Хорошо, приступаем.

Сегодняшний рисунок показался значительно проще вчерашнего. Ник лихо закрутил спираль на полстраницы, долженствующую означать разжатую пружину в двигателе, и расположил альбом так, чтобы мастеру видно было, что лист не пустой.

Когда оглушающий концерт в прихожей отыграл десять часов, мальчик в первом ряду отложил перо, вскинул руку. Этот мальчик уже сейчас со спины походил на неприметного, погрязшего в нищете профессора. Ник громко зашипел на него, но был проигнорирован. Мальчик произнес отвратительно-прилежным, без чванливости тоном:

– А мы сегодня еще что-то рисовать будем? Я уже закончил.

Мастер кивнул одобрительно.

– Хорошо, очень хорошо. Честно признаться, я сомневался, успеем ли мы сегодня закончить оставшиеся четыре узла. Вы вселили в меня надежду. Прошу остальных поскорее подтягиваться за товарищем.

Ученики зароптали. Выскочка в первом ряду и вчера весь день проявлял престоупное рвение.

– Пожалуйста, похвалите меня, мастер, – плаксивым голосом протянул Воробей.

Ник оторвал уголок страницы, скатал шарик и запустил в бесцветный затылок. Мальчик нашарил упавший на стул шарик и, не оборачиваясь, швырнул обратно.

– Вы можете сразу приступить к следующему рисунку, – предложил мастер, – чуть левее, там, где подписано «ангренаж».

В обед вчерашняя история повторилась. Рыжеволосая толстуха и маленькая Роза внесли в помещение горячую кастрюлю и стопку тарелок. Без них, похоже, мастер так никогда бы и не вспомнил, что любому ребенку нужно питаться. Верзила жевал кусок хлеба и размышлял, а сам-то мастер когда-нибудь ест? Он что, нарочно дожидается, когда останется один?

– Мастер Лестлер, – заговорил Ник, прожевавшись, – тут еще осталось, вы не голодны?

– О, нет, благодарю, – с приятной скрипучестью рассмеялся старик, – мой

желудок уже не способен воспринимать ничего, кроме кукурузы. Да-да, вы не ослышались, именно кукурузы. Мой добрый друг из страны жевунов не забывает старика, регулярно присылает ящик-другой. Но даже ее я не могу употреблять чаще раза в два дня. Годы, что поделаешь. Впрочем, вот время как раз и подходит, если вы не против, я тоже воспользуюсь перерывом.

Ученики разом перестали чавкать, всем было интересно, как старик собирается грызть кукурузу беззубым ртом. Не замечая любопытных взглядов, мастер достал из ящика стола бумажный сверток, неторопливо развернул. Внутри лежал всего один початок, наполовину обгрызенный. Он снова нагнулся над столом, долго шарил в нижнем ящике. А когда распрямился, в руке его дети увидели вставные челюсти. Ящики стола явно требовали уборки, к нижнему ряду зубов налип толстый слой паутины. Мастер либо не заметил грязи, либо не придавал такой мелочи значения. Ученики с ужасом смотрели, как паутина устраивается во рту. Молли с трудом сдержала рвотный позыв, когда из-за верхних резцов показались две черные паучьи лапки.

Аппетит отбило у всех. Ривз скрылся под партой и издавал там тошнотные звуки, его соседи тоже зажимали рты руками, но уже не могли оторвать глаз от жующих челюстей.

- Мастер Лестлер... – медленно проговорил Ник.
- Что у вас? – спросил учитель, не переставая жевать.
- Э-э... Приятного аппетита, мастер.

Старик кивнул благодушно:

- И вам, и вам.
- Я больше никогда не смогу есть, – признался Воробей и вылил остатки супа в кастрюлю. Остальные последовали его примеру. До конца учебного дня дети просидели полуголодные. Вечером, перед тем как распустить учеников, мастер подошел к схеме, сдернул кольцо с гвоздика. Лист ватмана с шумом свернулся в рулон.

– Ну что ж, сегодня поработали неплохо, весьма неплохо. Завтра не опаздываем, завтра мы пошагово рассмотрим порядок действий при ремонте часов, начиная с разборки и заканчивая сборкой и смазкой.

– Уже не терпится послушать, мастер, – заверил Ник, метко швырнув перо в чернильницу.

– Я смотрю, вам палец в рот не клади, – с хитрой усмешкой отметил старик. – Вы можете закрыть свою очаровательную спираль. Уверен, ваш товарищ поделится своими скрупулезными записями и к концу недели весь второй ряд успеет переписать пропущенные темы.

Трость мастера указала на маленького профессора в первом ряду. Тот чуть покраснел от удовольствия. Ник плюхнулся на место, захлопнул альбом и с особым усердием занялся выбившейся из ботинка штаниной. Молли густо покраснелась, приводя в порядок листы в альбоме.

– А я думал, он такой древний, что ничего кроме своего моногля не видит, – вздохнул Воробей на улице.

– Индюк тоже думал, – буркнул Ник.

Наступления темноты ждали с нетерпением, уж сегодня посланец из приюта точно должен был вернуться. Воробей сам вызвался наблюдать за окнами соседей, чтобы не уснуть от безделья. После того как свет погас в последнем, они вчерашним составом вышли на дорогу. Сопля опять не дождался, растянулся на лавке.

Деревня спала. Если что и нравилось детям в местных, так это строгий распорядок. Мигуны – народ работающий, ко сну отходят вовремя, встают с рассветом, бездельников на улице не встретишь.

Не успели они отдалиться и на два дома, позади хлопнула дверь. На крыльцо, отчаянно зевая и натирая глаза, вышел Сопля.

– Выспался, – проворчал Воробей.

– Ему ведь тоже интересно, – встала на защиту Молли.

Возле дома на окраине Ник снова остановился.

– Или я схожу с ума, или там опять огонек.

Друзья вслед за ним остановились и на сей раз пристальней всматривались в окно.

– Показалось, наверное, – предположила Молли. – Ты просто думал о нем, вот и привиделось.

– Может, постучим? – предложил Воробей. Верзила без лишних слов подтолкнул его к дому:

– Скажешь, что дверью ошибся.

– Что? Я? – перепугался тот. – Я не пойду!

– Тогда зачем всякую ерунду предлагаешь?

Под аркой друзей снова никто не ждал. Они топтались, кружили на месте, тихо звали Ворону – безрезультатно.

– Странно, – пробормотал Ник, – очень странно.

– И все-таки я не понимаю, – сказала Молли, – почему ты уверен, что волшебный предмет найти легко?

– Да проще простого. Нелегко найти тот предмет, который никому не известен, который не прошел через руки искателей. А если о Глазе знают здесь, значит были торги. Достаточно разговорить любого продавца на рынке, да и сами беспризорники вечно трутся на ярмарках, кто-то видел лично, кто-то помнит рассказы других. Дай нам с Воробьем полчаса на рынке, мы бы узнали о Глазе все!

Еще чуть потоптавшись, Воробей предложил слазить наверх, в люк, вдруг посланец просто-напросто крепко спит. Ник подсадил его. Цепляясь за щели, мальчик подтянулся к люку, головой затолкал его внутрь. Пятки со стертymi подошвами скрылись в темноте.

Внизу слышно было, как он там возится, чихает от поднятой пыли.

– Эй, тут что-то есть, – донесся изнутри приглушенный голос.

Из люка высунулась рука с закатанным по локоть рукавом. Шагнув ближе, Молли различила в руке скомканный лист бумаги. Ник опередил ее, взял наход-

ку.

– Мать-то зачем было?

Вслед за рукой показалась физиономия Воробья.

– Ничего я не мял, она такая и была.

Верзила расправил листок, приблизил к глазам.

– Ничего не видно, – наконец сообщил он, убирая находку в карман. – Дома прочитаем. Похоже, что-то его спугнуло.

– И не обязательно сегодня, – прокряхтел Воробей, сползая вниз.

– А может просто часовщики намусорили? – предположила Молли.

– Может быть, скоро узнаем.

Дома они плотно задернули все занавески, проверили здание снаружи. Общий сбор вновь состоялся на кухне. Воробей поставил на стол лампу, Ник в тишине развернул листок. Его глаза всего на миг прикоснулись к содержимому листа, и бумажка перекечевала к Воробью. Молли успела заметить на лице Верзилы тень улыбки. Воробей так же быстро передал находку Сопле, они с Ником понимающе переглянулись. Сопля уткнулся в бумагу надолго. Трудно было сказать, пытается он что-то прочесть или просто бессмысленно пялится на строчки. Ник первым не выдержал, вырвал у него листок и передал Молли. Девочка прочла неуклюжие печатные буквы:

«п. Кирпичный, ул. Фабричная, д. 1. Г.К.К.»

– Г.К.К.? – вскинула брови Молли.

– Глист, Кочерга и Колибри. Готовьтесь, завтра вечером отправляемся за Глазом.

– Он в этом доме? А как быть с занятиями?

– Вечером предупредим наших, что мы не сбегает, а отлучаемся по делам.

Соврут мастеру что-нибудь. Вернемся в худшем случае через неделю. Этого хватит, чтобы и Глаз найти с Железным Дровосеком, и посетить рудник.

– Мы его украдем? Глаз Бастинды? Как... как тогда со мной? – Молли быстро скользнула взглядом по Воробью. Тот с кирпичной невозмутимостью смотрел на кухонный шкаф, но мочки ушей чуть заалели. Ник кашлянул смущенно:

– Если хочешь, мы передадим местным беспризорникам, чтобы потом вернули. Нам же только для дела.

– Ты не взял с собой волшебные очки? Зачем воровать, мы просто попросим, и хозяин сам даст.

Ник, казалось, смутился еще больше.

– Мало ли что могло случиться в пути, я не стал брать такую ценность с собой.

Молли смотрела на друга со смесью удивления и подозрения. Ребята планировали поездку в чужую страну, чтобы найти Железного Дровосека, найти и выручить родителей. Может быть, это еще не все, что известно Молли о поездке. Трудно придумать случай, когда бы такая вещь, как волшебные очки, оказалась нужнее.

– Тем более, они действуют десять минут, – поспешно добавил Воробей. – Как потом возвращать Глаз? Здравствуйте, это нам вы сами не знаете почему

отдали глаз, вот, в целости и сохранности!

Записка вернулась к Верзиле, он рассеянно пробежал глазами по строчке:

– Я думаю, кто-то из местных спугнул Ворону. Заметили, небось, как он в люк ползет. Тот огонек в крайнем доме, не удивлюсь, если караулили малолетнего вандала. Не понимаю только, почему он не вернулся и не пробрался прямо к нашему дому.

– Других поручений куча, – со знанием дела предположил Воробей, – а тут в одну сторону четыре часа.

– Да, наверное.

Ночью, когда Молли думала, что все давно спят, она вдруг услышала голоса из комнаты:

– Эй, Ник... Верзила! Не спишь?

– Ну?

– Бумажка-то скомкана была...

– Знаю, – донеслось после паузы.

– Все плохо, да?

– Спи, там видно будет.

ГЛАВА 18

АРЕСТ

По дороге к дому мастера Лестлера Молли, насупившись, молчала. Ребята с ней по-прежнему не до конца откровенны, много недоговаривают, что значит, до сих пор не доверяют. После услышанного ночью разговора девочку не покидало чувство тоскливого одиночества.

– Что с тобой? – заметил состояние подруги Ник. Девочка молча покачала головой.

Время перевалило за восемь. Узнав поближе мастера Лестлера, ребята не сильно переживали за возможное опоздание, беззаботно болтали, растянувшись шеренгой от обочины до обочины. Слушая болтовню Воробья, Верзила вдруг начал отставать и озабоченно вертеть головой.

– Странно, – наконец пробормотал он.

– Почему странно? – продолжал вещать Воробей, не оборачиваясь. – Это же кружка такая, любой напиток превращает в воду. А он сидит и понять не может, водит языком во рту, нюхает то кружку, то графин. Я всегда говорил, что у нашего с Соплей сапожника в графине не просто вода!..

– Да подожди ты, – поморщился Ник. – Прислушайтесь.

– Как тихо... – сообразила Молли.

В это время в мастерских обычно вовсю шла работа, а сейчас над деревянной действительно висела гробовая тишина.

– Видимо, у них тоже бывают выходные, – выдвинул версию Воробей.

– Мастер Лестлер ведь работает. Да нет, дома я сам слышал, как работает пила у соседа. А теперь – ни звука.

Продолжая идти, друзья обнаружили еще одну странность: несмотря на

теплое солнечное утро, все окна в домах были заперты и занавешены. Видно было, как то в одном окне, то в другом показывались кусочки лиц хозяев, но при появлении на дороге детей сразу отдергивались.

– Вот те раз, – проговорил Ник встревоженно.

Настороженные и испуганные, ребята добрались до небольшой возвышенности. Отсюда открывался вид на оба конца главной улицы, можно было различить вдалеке и холм мастера Лестлера. На вершине возвышенности ребята замерли как вкопанные.

– Вот те два! – обомлело присвистнул Воробей.

Молли ощутила, как испуганно кольнуло в груди. Шагах в трехстах впереди двигался необычный караван. Возглавляли его два белых чудища с башнями на спине. Пузатые бока шестипалых неспешно переваливались на ходу, фиолетовые человечки в башнях покачивались в такт движениям животных. За шестипалыми пять носильщиков катили повозку. В отличие от приютской, эта повозка была целиком, вместе с крышей, окружена решеткой. Замыкали шествие шестеро мигунов в фуражках и фиолетовых мундирах. Караван двигался к дому мастера Лестлера.

– Быстро, за мной! – коротко скомандовал Ник.

Ребята нырнули в боковую улочку, понеслись бегом. Из-за дрожи в ногах Молли едва попевала за остальными. Они с Воробьем одновременно сообразили, что окольными путями Ник продолжает приближаться к дому часовщика, а значит, и к каравану.

– Ты что, хочешь встретиться с этими? – ошалело крикнул Воробей.

– Надо посмотреть! – пространно объяснил Верзила.

К мастерской Лестлера они подобрались с заднего двора, друг за другом перескочили низенькую изгородь. Огород мастера напоминал кладбище часовых механизмов, вместо урожая на грядках обильно взошли ржавые шестеренки, почерневшие и разбухшие от дождей корпуса часов. Нет-нет да какая-нибудь стрелка или зубья шестеренки впивались в подошву не хуже гвоздей. Ступать приходилось осторожно, как по минному полю.

У стены ребята разделились, чтобы найти нужное окно. Молли сразу наткнулась взглядом на сотни морщин возле правого глаза мастера. Он сидел боком к окну и пальцами вращал одну из шестеренок в настольных часах. Девочка жестом поманила друзей. Не успели они подойти, с другой стороны здания раздался громкий требовательный стук в железную решетку и голос ему под стать:

– Мастер Лестлер, фиолетовая полиция! Именем закона, открывайте!

Мастер за окном поднял голову. Он не выглядел встревоженным, похоже, внутри слышали только стук.

– Неужели кто-то запер дверь? – послышался его приглушенный голос. Сосхшаяся правая рука мастера нащупала на спинке стула трость, как указку направила ее на Ривза: – Вы, молодой человек, сходите откройте вашим друзьям.

Ривз вылез из-за стола, исчез в слепой зоне. Сам мастер прохромал к доске, привычным движением развернул план. Едва он закрепил кольцо ватмана, от

ворот долетел новый крик:

– Эй, пустите! Кто вы такие?..

Этот крик услышали теперь и внутри. Дети завертелись, взволнованно оборачивались к выходу. В помещение вошли четверо крепких широкоплечих мигунов, поразительно одинаковые и внешне, и в движениях. Даже мигали одновременно, будто чеканили шаг. От их присутствия в просторной сборочной стало тесно, а судя по звукам из прихожей, по пути они опрокинули и расколотили немало готовых к отправке часов.

– Что здесь происходит? – недоуменно спросил мастер. – Почему вы вламываетесь в мою мастерскую?

– Мастер Лестлер, – протокольным тоном произнес полицейский, у которого через плечо тянулась широкая белая лента, – вы обвиняетесь в преступном сговоре и в незаконной передаче технологий. Собирайтесь, вы и ваши сообщники должны пройти с нами.

– Сообщники? – растерялся старик. – Незаконная передача? О чем вы говорите?

– У вас не было разрешения обучать нашим технологиям представителей других народов. Собирайтесь, вы проедете с нами в Фиолетовый город.

Мастер мгновенье удивленно изучал непроницаемое лицо полицейского, потом шагнул ближе, наставил на него трость, еще больше прищурил свой малый глаз.

– Кажется, вы, молодой человек, кое-что не знаете о мастере Лестлере. Я не собираюсь куда-то ехать и перед кем-то извиняться только за то, что решил помочь жевунам! Так поступил бы на моем месте любой достойный мастер!

– Никто не требует от вас извинений, – холодно уведомил представитель закона, – для предателей народа у нас предусмотрены другие наказания.

Мастер отшатнулся так, будто у него перед лицом махнули горящим факелом. Монокль выпал из глаза, прокатился по полу и замер среди подошв полицейских.

– Предателей народа? – тенью отозвался старик.

– Предателей народа, – твердо повторил полицейский. – Если вы хотите взять с собой какие-то вещи, скажите, где они лежат, и наши люди...

Остальные полицейские не успели среагировать, трость мастера вдруг взлетела и с неожиданной силой хрястнула обвинителя по голове. Тот охнул, отскочил на несколько шагов. Старик, хромая, ринулся за ним, подбородок его трясся от гнева. Трость взлетела для следующего удара.

– Предателей народа? – гремел мастер. – Да ты хоть знаешь, кто такой настоящий мигун, чтобы так говорить? Твоих бабушки и дедушки еще на свете не было, когда мои часы уже стояли в каждом втором доме Фиолетовой страны! Сам мастер Лестар предлагал внести мое имя в список самых выдающихся мастеров, сам Железный Дровосек писал мне письма с благодарностью за верную службу! А теперь ты, только потому, что надел фуражку...

– Взять его! – рявкнул полицейский, заслоняясь от следующего удара.

При упоминании Железного Дровосека Молли переглянулась с Ником, с досадой закусила губу. Почему же ей раньше не пришло в голову поговорить с мастером Лестлером? Старику сто семь лет, страшно представить, сколько всего он видел и знает о Волшебном мире. Наверняка удалось бы выяснить много интересного и полезного, в том числе о Железном Дровосеке.

Тем временем полицейские перехватили руки мастера. В суматохе слышно было, как под каблуком хрустнуло стекло моногля. Ученики, видя схваченного мастера, с криками бросились к выходу. Свободные полицейские отправились вдогонку. На помощь подросли еще двое в мундирах. Они плечами закрыли проход, в одну секунду пятерых детей сгребли в охапку – будто обруч накинули – и, кого за уши, кого за руки повели к выходу.

– Обыскать дом! – крикнул командир в спины тем, кто выводил старика. – Вы двое проверьте снаружи!

Ник потянул друзей от окна. Поспешно петляя между запчастей, они вернулись к изгороди, кинулись в обратную сторону по тем же улицам.

– Быстрее, быстрее! – подгонял Ник. – Надо предупредить Виффино с Розой!

Только сейчас до Молли дошло, что такое же обвинение грозит и хозяевам дома.

Мастерская Виффино и Розы была, наверное, единственной на главной улице, откуда доносился задорный перестук молотков. Хозяева не подозревали о надвигающейся беде. Ник заколотил в дверь так, будто хотел разбудить мертвеца внутри. Хозяин возник на пороге с округлившимися глазами, из-за его плеча испуганно выглядывала жена. Верзила скомкано пересказал произошедшее. Роза перепугалась так, что упала без сил на руки мужа.

С помощью мальчиков ее перенесли в дом. Ник с Воробьем как сумасшедшие бросились кружить по комнате, расставляя все по местам, зачем-то начали сворачивать матрасы, которые лень было заправить утром. Бледный трясущийся хозяин не отходил от бесчувственной жены, гладил ее по руке.

– Что теперь делать? – причитал он. – Мы не хотим остаток жизни прятаться. Нам даже некуда идти.

Ник остановился перед ним.

– Не нужно никуда идти. Вы скажете, что ничего не знали, что вас попросили приютить на две недели сирот. Попросили, но ничего не объяснили, а вы не стали спрашивать, потому что вам неплохо заплатили! Ясно?

– Мы должны будем соврать? – поднял испуганные глаза Виффино.

– Вы должны будете врать так, как никогда в своей жизни не врали, вы должны будете врать так, чтобы жена поверила, что вы припрятали камешки, и на всю жизнь перестала с вами разговаривать! В доме есть деньги?

– Наберется что-то около четырнадцати мер.

Ник пустил руку в карман, бросил на стол три стеклянных камня.

– Вот еще три четвертака, отдайте им все! Скажите, раз дети оказались преступниками, вам не нужны эти деньги, пусть лучше эти деньги пойдут в казну. Вам ясно? Это самое важное, чтобы вы отдали деньги! Кивните, если поняли.

Хозяин часто закивал. Ник обернулся к друзьям.

– Все собрали? Уходим! – На пороге он еще раз обернулся к дрожащему от страха хозяину: – Сделайте в точности, как я сказал, и скорее всего вам ничего не сделают. Уж мы этот народец знаем.

– Спасибо, – бледными губами прошептал Виффино.

– Вот нас точно не за что благодарить, – покачал головой Ник, и дверь захлопнулась.

ГЛАВА 19

ГОРОД «ЮВЕЛИР-1»

– Кто-то из деревенских нас сдал.

– Но зачем? – недоумевала Молли.

– Ясно зачем. С нашими лигашами в Голубой стране тоже очень выгодно дружить. А враждовать, как ты понимаешь, очень невыгодно. Сейчас всей деревне доступно разъясят эту мысль. Ворону наверняка сцапали те, кто пришли разведать обстановку. Уверен, они прятались в том доме на окраине. Вот откуда огонек в окне.

– Нас тоже могли сцапать ночью! – осенило Воробья.

– Наверное, побоялись, что в темноте разбежимся в разные стороны и предудим остальных.

Друзья сидели в лесу под дубом. Дерево было настолько низкорослым, что о нижние ветви можно было удариться лбом. Обхватить узловатый ствол не получилось бы и вчетвером. Отсюда хорошо просматривалась мощеная дорога, сами дети оставались невидимыми за выступами корней.

Караван с арестантами пока не показывался. По предположениям Ника, обыск деревни займет в лучшем случае несколько часов. И он оказался прав, ребята прождали под деревом до сумерек. За это время над лесом на высоте птичьего полета дважды пронеслось желтое брюхо, спящее бликами, как россыпь золотых монет.

– Думаешь, за нами? – задрал голову, поинтересовался Воробей.

– Кто его знает, не высовывайся.

Нередко по дороге проходили носильщики с экипажами, похожими на панкинны. Молли успела тесно познакомиться с такими в стране жевунов. Однажды мимо прошагала колонна мигунов с косами на плечах, за ними грузно плелся шестилапый с наездником на спине. У наездника за поясом торчал кнут. Точь-в-точь как какой-нибудь надсмотрщик с каторжниками.

– Они что, рабы? – шепнула Молли.

– Долги отработывают, скорее всего.

Когда среди деревьев начала сгущаться темнота, дети увидели наконец двух шестилапых. Они чуть не терлись боками, белая шерсть в сумерках только-только начинала источать неземной зеленоватый ореол. За шестилапыми ползла повозка, по бокам и сзади от которой распределились шесть полицейских.

Друзья в засаде подались вперед. Сквозь прутья виднелись спины всех ше-

стерых членов группы, все расселись на одной лавке. На противоположной лега растянулся мастер Лестлер. После такого потрясения силы, похоже, изменили старику. Затылок с редкой порослью устроился на коленях рыжеволосой толстухи.

– Вот идиот, – с раскаянием покачал головой Ник, – про нее-то я забыл, ее-то некому было предупредить...

Зато ребята удостоверились в том, ради чего просидели в лесу полдня: Виффино и Розы в клетке не было. Расчет Ника оправдался, полицейские легко поверили в меркантильные интересы семьи и оценили жест с возвратом денег. Которые едва ли дойдут до казны. Виффино справился с задачей и наверняка отделался лишь строжайшим предупреждением.

– Что будем делать дальше? – спросила Молли, когда хвост колонны скрылся из вида.

– Что и планировали, – со вздохом сказал Ник. Он поднялся, отряхнул колени. – Адрес ведь знаем.

– А как же остальные? – Молли кивнула на исчезнувшую повозку. Ник пожал плечами.

– Поселят их временно в ближайший приют, потом отправят домой. А может и не отправят.

– Их хоть кормить будут, – ворчливо буркнул Воробей.

– В общем, план такой, – произнес Верзила тоном военачальника, дающего офицерам вводную, – пока не стемнело, на дорогу не выходим, идем по лесу или за кустами. Если нет ни того ни другого, посылаем вперед одного. Если путь свободен, через сто шагов он подает знак следующему. Кто останется последним, забирает с собой Соплю. Насколько я знаю, до ближайшего города ведет одна дорога, не ошибемся, там уже разузнаем, как добраться до нужного поселка. Идти будем без остановок и без сна, в город надо попасть ночью, с нашей одеждой лучше не светиться. Вопросов нет? Тогда в путь!

Молли слушала друга серьезно, с тем чувством, когда чужой авторитет признается интуитивно, не подлежит сомнению. Только что схватили их друзей, сами дети остались одни в чужой стране, без взрослых, без еды, без воды, без ночлега, разыскиваемые полицией, а в его словах ни тени отчаяния, ведет себя так, будто события разворачиваются по его плану. В такие моменты Молли была бессильна заглянуть под эту морщинку на лбу. Наверное, нужно многое повидать и многое пережить, чтобы так держаться. Глядя на него, с трудом верилось, что мальчик старше ее всего на несколько лет.

До наступления темноты перемещались по намеченной схеме. Движение на этой дороге и днем было редким, а ночью вовсе стало казаться, что дорога ведет в мертвый город. Всего раз темнеющая фигура Ника впереди вдруг исчезла, словно провалилась в колодезь. Остальные присели за кустом, переждали, пока мимо пройдет экипаж с двумя детьми, бегающими вокруг носильщиков. Видимо, родители внутри спали, раз позволили детям резвиться среди ночи. Шествие продолжилось.

Скоро друзья со всей остротой припомнили слова Воробья о кормежке. Тактичность Розы и Виффино не позволила утром внести завтрак, пока дети спали, к мастеру опоздавшие отправились на пустой желудок. Теперь животы безжалостно расплачивались с хозяевами за это упущение. Ник предупредил, что перекусить удастся в лучшем случае утром, в городе. Молли восприняла новость мужественно, жалко было Соплю. Трудно сказать, понимал ли он, что это вынужденная голодовка, что друзья не сговаривались помучить его. С Соплей в этом плане вообще было непросто, временами, когда Молли готова была поверить, что он не осознает вокруг ничего, тот вдруг обронит короткую фразу или слово, намекающее на вовлеченность. Вот и сейчас Сопля как обычно молча брел, куда ведут, спотыкался и утирал соплю тыльной стороной ладони.

Когда луна скрылась за тучами, друзья вышли на дорогу и не сворачивали с нее, пока в темноте не обозначились темные пятна строений. Это и была окраина города. Петля между домишками, Ник и Воробей высматривали те из них, к которым были пристроены мастерские.

– Что вы задумали? – шепотом спросила Молли, когда ребята начали кружить вокруг одной мастерской и заглядывать в окна.

– Нужно раздобыть одежду мигунов, – разъярил Ник. Молли с укоризной покачала головой:

– Опять украдем?

– Если она там будет. – И добавил туманно: – Потом заплатим.

Местные мигуны точно не привыкли к такому явлению, как пронирливые беспризорники, многие окна оказались незапертыми. Ребята облазили по пути три мастерских. Удалившись на квартал от ограбленных домов, Ник вывалил перед друзьями улов: два кафтана, три шляпы и прохудившийся рюкзак, куда Воробей и Сопля сложили свою одежду. На Ника с Молли подходящих размеров не нашлось, за неимением лучшего прихватили два фиолетовых халата. В стране мигунов рабочая одежда вызовет куда меньше вопросов, чем кафтаны жевунов.

С рассветом на одной из улиц города Ювелир-1 ранний горожанин встретил странную четверку мигунов. Двое из них, похоже, заработались до утра, только что вышли из мастерской, один даже забыл надеть шляпу. Трое старательно стискивали челюсти, и все четверо как-то неестественно, словно в глаз попала мошка, мигали.

Город оживал. Чем ближе к центру, тем чаще попадались навстречу экипажи, зевающие пешеходы. Как ни странно, в отличие от жевунов, даже в городе местные жители умудрились сберечь черты тех, маминых, мигунов. Спросонья они выглядели забавными и беззащитными.

Многие горожане с одного взгляда распознавали в подростках чужаков, но приставать с расспросами не решались, снимали шляпы, кланялись и уверяли, что рады видеть гостей в своем городе.

– Кажется, нас раскусили, – недоумевал Ник.

Дома здесь жались теснее, чем в деревне, нередко попадались двухэтажные. Для экономии места мастерские переносились на второй этаж. Молли не вери-

лось, что в городе может быть столько ювелиров и прочих мастеров. Скорее всего, для обеспеченных мигунов мастерская была чем-то вроде предмета декора, как какой-нибудь камин в гостиной.

В желудках урчало все настойчивей. Друзья бесцельно слонялись по людным улицам, дожидаясь открытия рынка. Ориентируясь на людской поток, к десяти часам они вышли к зарешеченным воротам. Арка вокруг ворот напоминала вкопанное в землю гигантское кольцо. На вершине ее, дополняя сходство, располагался изумруд размером с голову шестилапого. По цвету камня мальчишки наметанным глазом распознали фальшивку. В блистающем золотом ободке тоже легко угадывалась латунь.

Золотистые решетки внутри кольца были распахнуты, они втягивали людской поток как насос воду. Местный рынок ни размерами, ни ассортиментом не шел в сравнение с Гиларской ярмаркой. Да и продавцы были не такими шумливыми, скромно стояли за прилавками, сами не навязывались, покупателям отвечали просто и по делу. Складывалось ощущение, что каждого из них просто попросили покараулить чужой товар, они послушно заняли место продавца и надеялись, что за время его отсутствия покупатель не подойдет. Похоже, новомодные нравы еще не укоренились в провинциальном городке, хотя и тут то и дело попадались экипажи, нагло расталкивающие пешеходов.

Залплен рынок был в основном всевозможными изделиями, от бытовых до узко-специализированных. Чаще всего взгляд наткнулся на ювелирные магазинчики с золотистыми решетками на окнах. Над дверями таких всегда красовалась вывеска с именем мастера. Но ювелирные изделия сейчас меньше всего заботили ребят, продуктовый ряд они нашли по запаху свежей выпечки, от которого Молли проглотила слюну, а Сопля поднял голову и начал озираться.

– Ну что, готов? – спросил Ник, пропуская женщину с двумя детьми. Воробей промолчал, словно счел вопрос чуть ли не оскорбительным, и вдруг в один миг изменился до неузнаваемости. Он отвернулся, сунул руки в карманы, плечи ссутулились, укоротив и без того невысокий рост. Быстрым цепким взглядом мальчик шоркнул по скоплению мигунов и скрылся среди фиолетовых кафтанов. Все, что осталось от прежнего Воробья, – взлохмаченная макушка. Молли живо вспомнила, как эта макушка совсем недавно так же мелькала в толпе, скрываясь от нее самой. Ник жестом велел остальным подтягиваться.

– Следи за работой мастера, – с гордостью шепнул он, продираясь сквозь толчею. И Молли следила неотрывно. Она видела, как рука мальчишки вылезла из кармана, лапнула с прилавка бублик, передала за спину. Ник уже держал рюкзак наготове, бублик опустился на дно. Туда же отправились батон хлеба, большой пряник, горсть леденцов на палочке. Какой-то наглый мигун перегородил экипажем полдороги. Со стороны могло показаться, что нечесаный мальчишка загляделся на сладости на прилавках и не заметил, как врезался в толстого хозяина экипажа.

– Эй, ты что, не видишь, куда идешь? – побагровел толстяк. По бокам от него тут же возникли двое носильщиков, готовые по команде надрать уши неуклюже-

му мальчишке.

- П-простите, – испуганно съежился Воробей, – этого больше не повторится.
- Конечно не повторится, ты же не хочешь угодить в лапы полицейских?

Воробей поспешно замотал головой. Толстяк махнул рукой так, будто велел открыть дверь. Один из носильщиков оттеснил мальчика в сторону.

Когда экипаж остался позади, Воробей протянул руку за спину, на ладони лежали целых две полумеры. У Молли мелькнуло подозрение, уж не учат ли подопечных в приюте еще и этому ремеслу?

Сорвав такой куш, воришка стал избирательней, оглядывал прилавки придирчиво. Выбор пал на ящик, доверху полный батонами с изюмом. От батонов исходил такой аромат, будто их только-только вынули из печи, а теплая корочка начинала хрустеть под одной тяжестью взгляда. Воробей привычным жестом потянулся к ящику, как вдруг покупатель, отвлекающий продавца, отвернулся и пошел. Молли смотрела на продавца, а продавец растерянно смотрел, как рука мальчика умыкнула из ящика батон, передала за спину, там его приняла другая рука и опустила в рюкзак.

Молли замерла в страхе, ожидая, что продавец сейчас поднимет шум. Но тот вдруг отвернулся, покраснел, словно самому стало стыдно, что его обокрали. Потом снял шляпу, приложил полями к груди. Видно было, каких усилий ему стоит не расплакаться. Девочку пронзила жалость к маленькому беззащитному человечку, она нагнала Ника, шепнула просяще:

- Хватит, больше не надо, я совсем чуть-чуть поем.

Ник пожал плечами, тронул пальцем лопатку друга. Тот расценил жест правильно, начал выбирать из продуктового ряда.

- Кажется, у нас гости по левому борту, – проговорил Ник, не оборачиваясь.
- Только не смотри туда, спугнешь.

Молли не удержалась и посмотрела. Параллельно с ними в потоке фиолетовых кафтанов мелькало чумазое, испачканное в саже, лицо. Немытый мальчишка не отрывал подозрительных глаз от четверки друзей. Стоило ему всего на мгновение встретиться взглядом с Молли, чумазое лицо исчезло и больше не показывалось.

Друзья покинули рынок через другие ворота. Они точно так же копировали полувкопанное в землю кольцо. Чувствуя себя виноватой, Молли вертела головой в поисках мальчишки мигуна и гадала, хорошо это или плохо, что спугнула.

Первым делом нужно было найти укромное место, чтобы пообедать наворованным. Воробей кивнул на глухой тупичок, с трех сторон окруженный двухэтажными мастерскими. Друзья расположились вокруг рюкзака, разделили каждую добычу на четыре части. К обеду приступили молча и жадно. Только Молли подумала, что в жизни не ела ничего вкуснее свежего хлеба, как приятные мысли испарились без остатка. Глаза ее наткнулись на чумазое лицо с рынка. Мальчик вышел из-за угла мастерской и остановился посередине дороги, оперев руки в бока. К нему с обеих сторон гурьбой потянулись другие беспризорники, такие же грязные, неухоженные, в рваной одежде, на которой некому было залатать

дыры.

Друзья как по команде перестали жевать, отложили ломти. Линия беспризорников полностью перекрыла выход из тупичка. Молли насчитала двенадцать человек. Они выглядели взволнованными, испуганными, но смотрели с вызовом, готовые защищать свою территорию.

Чумазый мальчишка указал на остатки пира:

– Собирайте это и давайте сюда. Мы все видели. Кто вы такие и кто разрешил вам работать на нашем рынке?

Молли испуганно притихла. Воробей смотрел на чумазого исподлобья. Сопля, приоткрыв рот, водил глазами по пришельцам. Судя по выражению лица, его интуиция пробудилась и подсказывала, что дело запахло жареным.

Ник поднялся, отряхнул руки.

– Мы вас ждали. Кто тут старший?

Чумазый с опаской оглядел рост соперника, решимости в его глазах поубавилось.

– А твое какое дело? – упрямо спросил чумазый.

– Разговор есть. Нам нужна помощь.

Мигуны-беспризорники начали недоуменно переглядываться.

– Мы чужакам не помогаем, – ответил за всех чумазый.

– Мы с ними по-другому поступаем, если по-хорошему не понимают, – добавил его сосед, нахмурив лоб, похожий на наковальню.

– Даже если за них попросит Колибри?

Не обращая внимания на возникшее смятение, Ник достал из кармана первое письмо Вороны. Молли с удивлением наблюдала, как при его приближении вся линия невольно подалась назад. Ник протянул бумагу. Чумазый с опаской взял ее, перевернул вверх ногами и обратно, протянул соседу. Тот даже не взглянув передал следующему. Очередь остановилась на мальчике с кроличьей мордашкой. Он медленно пополз глазами по строчкам, закусив от напряжения губу. Его щель в передних зубах потрясала и завораживала взгляд не хуже оврага в Тигровом лесу.

– Ты Верзила? – спросил мальчик удивленно.

Получив утвердительный кивок, мальчик продолжил чтение. Прозвище Ника по цепочке передалось от одного мигуна к другому, каждому было знакомо это имя.

– Это от Глиста, Кочерги и Колибри, – наконец поднял голову чтец. – Они предлагают свою помощь.

Мигуны сбились в кучку, шепотом посовещались. Чумазый коротышка выступил вперед.

– Ладно, мы поможем. Что вам нужно?

Ник одними глазами показал на остальных мигунов.

– Не хотелось бы посвящать в дело лишние уши. Для их же безопасности.

Помявшись, чумазый нехотя распустил товарищей. Те расползли в разные стороны, оглядываясь разочарованно и с любопытством. Верзила отвел беспри-

зорника в сторонку, долго что-то рассказывал. Чумазый в ответ что-то объяснял, размахивал руками, совершал какие-то странные жесты. Когда оба умолкли, Ник пожал коротышке руку. Возвращаясь к друзьям, он обернулся, спросил вдогонку:

– Да, кстати, когда вы в последний раз видели Ворону?

Чумазый пожал плечами:

– Он не из нашего квартала. Говорят, прячется сейчас от полицейских.

Ник кивнул удовлетворенно. Значит, беспризорник сумел удрасть.

– Я все узнал, – сказал он друзьям, – быстро доедаем, Косой проводит нас на брошенную ферму. Там немного поспим – и в дорогу. Сегодня ночью Глаз будет у нас.

ГЛАВА 20

ГАЛЕРЕЯ ГОДРИГА ФЛЕТЧА

– Кое-что выяснилось про Глаз Бастинды, – нехотя признался Ник. Остальные подтянулись ближе, чтобы не упустить ни слова. – Некто Годриг Флетч купил его на том самом рынке за сто мер. Сущие копейки даже для бесполезной заухудалой волшебной вещи. А тут вещь легендарная, с историей...

– Умеет торговаться, – уважительно кивнул Воробей.

– Да нет, дело в другом... Похоже, Глаз испорчен.

– Испорчен? – выдохнула Молли.

– Тот беспризорник, старший по кварталу, видел все собственными глазами, Колибри от него получил адрес. Торги проходили несколько лет назад. Кто бы ни взял в руки Глаз, тот начинал дико вращаться и не мог ни на чем остановиться. Лишь один богач, Годриг Флетч, согласился купить предмет. Просто так, для коллекции.

У Молли вытянулось лицо.

– Значит, все бессмысленно? Зачем же мы туда идем?

Верзила развел руками:

– Что нам остается? Поселок все равно по пути в Фиолетовый город. Если с глазом не выгорит, пойдем в столицу, свяжемся с тамошним приютом и будем действовать по старому плану.

Друзья уныло примолкли.

Вдали от города и в одежде мигунов можно было больше не прятаться от прохожих. Следовало избегать разве что фиолетовых мундиров. Беспризорники раздобыли пришельцам четвертую шляпу и кафтан на Верзилу. С женским платьем обстояло труднее. Молли по-прежнему щеголяла в рабочем халате и то и дело ловила недоуменные взгляды прохожих. Если в городе легко было сослаться на близость мастерских, тут, в стороне от населенных пунктов, странность оставалась необъяснимой.

Поселок начинался квадратной аркой, выложенной из фиолетового кирпича. Ночь была безлунной, только вблизи дети обнаружили, что арка представляет из себя всего лишь букву «П» в слове «КИРПИЧНЫЙ». Цифра у названия поселка

отсутствовала, что значит, других фабрик по производству кирпичей в стране нет.

Как и следовало ожидать, все без исключений постройки в поселке были из кирпича. Сразу за аркой справа от дороги начиналась приземистая стена, ограждавшая территорию фабрики. За стеной тянулась темная цепь одноэтажных цехов. Толстые трубы придавали им сходство с построившимися в боевую линию пароходами.

Приученные к цинизму, Ник и Воробей не сомневались, что дом хозяина завода окажется самым дальним от дымных труб и производственного шума. И не ошиблись, на первом встреченном жилом доме была выведена цифра «76». Им требовался дом «1». Сам поселок мало чем отличался от деревни – те же круглые домишки, выровненные по линейке, та же опустевшая с темнотой улица. Бросалось в глаза отсутствие мастерских, все местные трудились на фабрике.

Пройдя поселок насквозь, друзья увидели даже не особняк, а целый дворец. Молли с удивлением отметила, что Гуффало Бингу есть куда стремиться. В отличие от соседей, которым нечего было опасаться, хозяин окружил жилище глухой кирпичной стеной высотой в два роста. Перед неожиданной преградой ребята остановились, задрав головы.

– Да тут целая крепость, – пробормотал Ник, придерживая шляпу.

– Есть что прятать, – оптимистично заметил Воробей.

Щели между кирпичей оказались узкими даже для миниатюрных пальцев Воробья. Надежда вскарабкаться по решеткам ворот тоже рухнула, створки были собраны из плотно подогнанных досок, не зацепиться. Долговязый Ник кое-как, ставя ноги на петли ворот и на кольца, залез на кирпичную балку, оттуда подал руку следующему. Молли пропустила мальчиков вперед, помня, что под халатом у нее платье с юбкой.

Стена и в толщину не уступала крепостной, на ее верхушке можно было приступить в пляс, не боясь в темноте навернуться. Хозяин будто и вправду готовился выдерживать осаду. Как и во всем поселке, окна в доме были погашены. Когда Молли вскарабкалась на балку, Ник уже спускал Воробья на ту сторону. Мальчишка ботфортами нащупал задвижку ворот, пополз носками ниже. Остальные наверху услышали с его стороны какой-то звериный, как будто даже радостный рык.

– Ты чего? – недоуменно спросил Ник.

Вместо ответа Воробей вдруг испуганно взвизгнул:

– Поднимай, поднимай!..

Ник поспешно затащил друга на балку. Вид у того был ошалелый.

– Что там? Что случилось?

Воробей не отвечал, дико вращал глазами. Потом вдруг схватил правую ногу, задрал подошвой кверху. Половина пятки на ней была начисто срезана, там осталось углубление по форме похожее на длинный зуб.

– Клыкастик! – сообразила Молли. – Я видела такого на ярмарке.

Ник присвистнул.

– Вот это влипли... Повезло, что нога при тебе осталась.

Друзья высунули головы, в тени ворот мрак был непроглядным. Только слышно было, как что-то ворчит и скребется.

– Что будем делать? – спросила Молли.

– Попробуем открыть ворота, – предложил Ник. – Надо дотянуться до засова. Если выскочит – быстро захлопнем.

– Без меня, – зарекся Воробей. – Кто его знает, как он прыгает.

– Да у них лапы видел какие слабые?

– Значит, тебе нечего бояться, – подбодрил Воробей.

– Попробуем его отвлечь, – смирился Ник. Рюкзак плюхнулся на балку, мальчик нащупал под голубыми кафтанами корку батона, бросил вниз. Как только оттуда донеслось жадное чавканье, он свесил ногу, дотянулся носком до задвижки, тремя ударами сбил ее. Одна створка ворот отъехала с громким скрипом. Молли испуганно покосилась на окна, не разбудил ли звук хозяев.

– А с виду такой кроха, – пробормотал Воробей, пальцем трогая подошву.

Девочка оглянулась. На дороге появился черный комок. Он бодро улепетывал от ворот, высоко задирая хрупкие, как у котенка, лапы. Спиралька хвоста часто молотила воздух. Ночных нарушителей зверек сразу простил и возвращаться в кирпичную клетку явно не собирался.

Ник ногой прикрыл створку, повис на балке, спрыгнул.

– Пока не спускайтесь, – предостерег он. – Схожу осмотрю.

Его спина растворилась в тени дома.

Раньше самого Верзилы из тени показался край массивной лестницы. Под ее тяжестью мальчик сгибался в три погибели.

– Спускайтесь, – шепотом велел он. – На первом этаже все заперто. Зато вот что нашел.

В одиночку приставить к стене такую громадину оказалось непросто. Лестница с грохотом опрокинулась бы на кирпичный забор, если бы ее не успели подхватить еще три пары рук. Совместными силами лесенку приставили к балкончику на чердаке. Первым полез Ник. Перебравшись через перила, Верзила легонько толкнул фиолетовую дверцу.

– Есть! – прошептал радостно. Его голова пропала в открывшемся проеме, задержалась там. Потом мальчик высунулся, поманил остальных.

В доме ощущалось тепло и уют. Чердачное помещение от пола до потолка было устлано коврами. Даже в темноте Молли различила, что после мальчишек на дорожке ковры остаются грязные следы. В комнате напрочь отсутствовала мебель, вряд ли это было жилое помещение, оно скорее играло роль перехода между башнями. В темных нишах друзья нащупали несколько дверей, все были заперты, кроме одной, ведущей на винтовую лестницу. Но Ник направился не к ней, а в одну из темных ниш. Там виднелась дверь, которая напоминала вход в бомбоубежище или в одну из камер хранения Изумрудного банка. В отличие от других, она была обита толстым листом стали. Ник подергал ручку, заглянул в замочную скважину.

– Ставлю сотню мер, что Глаз там, – сказал убежденно. – Надо найти ключ.

Молли подумалось, что задачка не из простых, ключ от подобной комнаты любой хозяин будет держать как можно ближе к себе. Перед единственной незапертой дверью Ник приложил палец к губам, шагнул через порог.

Винтовая лестница вела на второй этаж. В доме чувствовалось присутствие жизни. Как и у каждого дома, у него был свой, неповторимый запах. В зависимости от внутренних ощущений, запах чужого жилища всегда воспринимается по-разному. Сейчас он заставлял сердце девочки биться чаще, а внутренности сворачиваться в узел до ощущения дурноты. Сопля за спиной громко шмыгал, после каждого звука девочку окатывало волной холода, с замиранием прислушивалась. Невозможно было отделаться от мысли, что сейчас из-за угла, зевая, выйдет хозяин или хозяйка.

Сойдя с лестницы, ребята услышали далекий храп. В конце коридора из открытой двери была полоска света. Молли затея нравилась все меньше, но цепочка грязных следов на ковре потянулась туда. Если все пройдет удачно, утром хозяева получат возможность проследить весь путь воров.

Возле двери храп усилился, стало различимо невнятное бормотание. В желтую полоску света попали ботфорты Ника. Мальчик двумя пальцами взялся за ручку, медленно надавил. Комната оказалась не спальней, а небольшой библиотекой. Окна выходили во внутренний двор, поэтому ребята не увидели свет со стороны ворот. Вдоль стен были расставлены шесть книжных шкафов с толстыми томами на полках. Больше комната не вместила бы. В центре стояло кресло, из-за его спинки выглядывала темноволосая, с проседью, макушка.

Ник на цыпочках вошел внутрь. Воробей помялся всего мгновенье, шагнул следом. Для Сопли разных жизненных ситуаций не существовало, он вошел как обычно, громко шаркая ногами. Лишь с удивлением водил глазами по полкам с книгами, словно пытался сообразить, как очутился в таком странном месте. Молли неохотно переступила порог. Остаться одной в темном коридоре было еще страшнее.

В кресле, запрокинув голову, спал худой мигун лет пятидесяти. Тонкие белые губы нервно подрагивали, причмокивали как-то беспокойно и капризно. На животике лежала раскрытая книга. Молли прочла золотистые буквы на обложке: «Волшебные деяния Гуррикапа и их анализ». Под расстегнутым воротом кафтана виднелась щуплая безволосая грудь, на которой вместо дорогого украшения покоилась обыкновенная веревочка. Слишком простая для такого богача. Ник указал на веревку глазами, Воробей кивнул понимающе. Молли застыла от страха, когда поняла, что они собираются делать.

Ребята с двух сторон склонились над спящим, ноготками подцепили оба конца веревки, медленно потянули кверху. Из-под книги показался кончик отполированного до зеркального блеска ключа. Не успели они обменяться ликующими взглядами, храп вдруг оборвался, богач свел узкие плечи так, будто поежился от щекотки, рука его поднялась и прихлопнула корешок книги, едва не съездив Воробью по носу. Сам он перевернулся на бок, книга начала соскальзывать с

живота. Ник бросил ключ, подхватил книгу у самого пола.

В комнате все замерло в причудливых позах, как в музее восковых фигур. Бледный, как полотно, Воробей так и не выпустил веревочку, теперь со стороны казалось, будто он обнимает спящего. Хозяин подвигал сухими губами, подложил руку под щеку. Через минуту в библиотеке снова послышалось мерное посапывание. Мигун сам упростил воришкам работу, ключ выскользнул из-под ворота и лежал теперь на согнутом локте.

Ник опустил книгу на пол, на столике с лампой нашел нож для бумаги, осторожно перепилил веревку. Когда ключ оказался у него, Ник разжал пальцы онемевшего Воробья, взял со стола зажженную лампу. Молли пропустила друга, с облегчением выскользнула из библиотеки. Воробей подтолкнул Соплю, рассматривающего незнакомое лицо.

Наверху Верзила передал лампу Молли, вставил ключ в замок стальной двери. Раздался щелчок, еще один, дверь грузно приоткрылась.

Это была самая большая и самая высокая башня в доме. Потолок терялся в тени, свет от лампы до него не дотягивал. Сквозь единственное окошко снаружи проглядывали толстые прутья решетки. Складывалось ощущение, что друзья попали в какую-то картотеку. Вдоль стен до самого потолка возвышались деревянные шкафы с сотнями, а то и тысячами выдвижных ящиков. Примерно половина ящиков были подписаны, на остальных под стеклом белела пустая бумага. Эти еще дожидались своего содержимого.

– Это все волшебные предметы? – изумился Воробей. Он уже прикидывал, во сколько могла обойтись такая гора покупок.

Ник почесал затылок.

– Будем делиться. Мы с Молли идем в эту сторону, вы с Соплей – в ту.

Лампу Ник пристроил на стремянку в центре комнаты, чтобы света всем досталось одинаково. Два отряда медленно тронулись вдоль рядов ящиков. Молли замороженно читала пометки на бумагах: «Гвоздь кузнеца Рамона» – ниже помещалось разъяснение: «уклоняется от молотка»; «Прячущиеся чернила – видит только написавший». Изумруд, который всегда возвращается к хозяину, рогатка, бьющая точно в цель, фуражка, делающая невидимой голову. Девочку так и подмывало каждый предмет достать и опробовать. Она шла и думала, сколько же еще волшебных вещей в этом мире, которых ей никогда не удастся увидеть. Ник выборочно выдвигал ящики, содержимое их было упаковано в разного рода коробки, свертки, футляры.

– Вон там, смотри, – вдруг произнес он, – оно?

Верзила указывал на один из ящиков на высоте пляшущей полутени. Молли с сомнением пожала плечами:

– Не видно.

Вдвоем они перенесли стремянку к стене. Ник с лампой полез наверх.

– Многоликая маска! – послышался восхищенный голос Воробья. – Давай посмотрим.

За скрипом отодвигаемого ящика последовал звук, похожий на шелест фоль-

ги. Воробей уже разворачивал сверток с волшебным предметом. Молли увидела у него в руках какую-то тряпку телесного цвета на резинке.

– Ну-ка, иди сюда. – Воробей скинул с Сопли шляпу, тот послушно подставил голову. Резинка щелкнула его по затылку. Тряпка безжизненно повисла на лице мальчика, а потом вдруг начала подтягиваться к коже, облепила черты лица. Изумленная Молли наблюдала, как лицо мальчика начало преобразовываться, кожа на глазах высыхала, прорезалась морщинами, нос вытянулся, по лбу побежали трещины.

– Она мокрая, – пожаловался Сопля. Первое слово он произнес еще своим голосом, а второе закончил каким-то незнакомым, неприятно-каркающим, высоким и режущим слух. Спустя миг на Воробья смотрело лицо богача из библиотеки. Мальчик со смесью восторга и испуга пялился на впалый подбородок и нервические губы, издавшие чужие звуки. Отличить подделку можно было разве что по тоненькой резинке за ушами.

– Скажи еще что-нибудь, – живо попросил Воробей. – Скажи: Сопля дурак!

– Э-э, – обиженно каркнул хозяин дома. Воробей скорчился от беззвучного смеха.

– Это он, – полголоса сказал Ник. Молли отвлеклась от необычного зрелища, приняла из его рук шкатулку. Под крышкой она обнаружила самое настоящее глазное яблоко, с виду мягкое, скользкое. Оно было посажено в круглую рамку, как какой-нибудь глобус. Сохранивший зеленый цвет зрачок уставился прямо на девочку. От этого взгляда Молли стало дурно, она поспешно закрыла крышку.

– А как он работает? – спросила она, чтобы скрыть испуг.

Ник отмахнулся:

– Покажу потом... Ух ты, я слышал об этом...

Он выдвинул соседний ящик, выдудил футляр в форме длинного цилиндра, наподобие тех, с какими ходят художники. Отвинтив колпак, Верзила перевернул цилиндр. Из него выскользнул и воткнулся в ногу мальчика рулон выцветшей заплесневелой ткани. Футляр отправился обратно в ящик, Ник развернул рулон перед умолкшими друзьями. Глазам предстал древний прохудившийся ковер размером с обеденный стол. А судя по узорам, это был не цельный ковер, а часть его, всего лишь угол гигантского ковра.

– Смертельный номер, – с улыбкой сказал Ник и вдруг подбросил ковер в воздух, а сам прыгнул со стремянки. Молли в испуге зажала рот, представив, сколько шуму он наделает, когда сбрыцает пятками о пол. Но Ник, подогнув ноги, плюхнулся на падающий ковер... и повис на уровне стремянки. Ковер парил над головами, колыхаясь так, будто его удерживал на весу поток воздуха снизу. Середина чуть прогибалась под коленями пассажира.

Из-за края высунулась физиономия Ника, он улыбался еще шире.

– Летящий ковер Арахны, – объяснил мальчик. – Знать бы, как он управляется.

Молли горящими глазами смотрела на зависший кусок ткани. Чем-чем, а по-

летами на ковре мама похвастать не могла.

Ник подполз к краю ковра, взялся за углы, несильно потянул на себя. Ковер начал мягко взмывать. Под самым потолком Ник выровнялся, потянул уголки книзу. Ковер послушно качнулся к полу, будто провалился в небольшую воздушную ямку.

– Я понял, – из-под потолка негромко сказал летун, – тут главное самому отклоняться. Смотрите.

Снизу видно было, как его фигура сильно накренилась вбок, словно у велосипедиста на повороте. Послушный ковер резко рванул в указанную сторону. Ник сообразил, какую ошибку совершил, не испытал сперва чувствительность управления, и тут же поплатился за нее. Плечо с силой врезалось в верхние ящики шкафа.

Как выяснилось, здоровенные конструкции стояли не вплотную к стене. Шкаф покачнувшись от удара, стукнулся о стену и начал медленно, как подрубленное дерево, заваливаться внутрь комнаты. Ник струхнул не на шутку. Упираясь коленями в ковер, он попытался удержать верхний край шкафа, но чуть не перевернулся вместе с зыбкой опорой. Катастрофа была неизбежна, Верзила вцепился в углы ковра и направил его к друзьям.

Внизу Воробей сориентировался первым, схватил Соплю за плечо, оттащил к стене, поближе к выходу. Молли метнулась туда же. Шкаф с грохотом ударился о противоположный, тот наклонился и уперся в стену. От могучей встряски половина ящиков распахнулась, вниз устремился целый дождь из коробок, катулок, свертков. Частой дробью этот град из волшебных предметов обрушился на пол. На миг все четверо оступели от страха и потрясения, их застывшие фигуры вновь напомнили восковые.

– Луиза! – донесся снизу приглушенный крик. Ребята узнали голос, которым говорил Сопля. – Луиза! Что ты там делаешь? Ты же знаешь, я не переносу любой шум, когда работаю в библиотеке! Ты же знаешь это, Луиза! Луиза, где моя лампа?.. – Не получив ответа, он позвал Луизу еще громче, и на сей раз в голосе его промелькнули нотки страха.

– Дорогой? – наконец откликнулся женский голос. – Что у тебя случилось? Я сейчас подойду.

Женщина говорила намного ближе. Видимо, поднималась по лестнице. Услышав жену, хозяин заговорил еще капризней и резче:

– Зачем ты решила помучить меня, Луиза? С годами ты все больше превращаешься в свою мать. Не понимаю, почему моя лампа? Зачем тебе понадобилась моя лампа, Луиза? Ты хотела, чтобы я разбил лоб в темноте?

– Будет тебе наговаривать, я вообще спала.

– Тогда что это был за шум?

– Я тоже слышала. Сейчас посмотрю.

– Посмотри в первую очередь мою галерею.

– Тогда мне нужен ключ, дорогой.

– Ключ? – взволнованно переспросил хозяин. – Ты ведь можешь посмотреть

в замочную скважину.

- Ой, ладно, – поморщилась Луиза, – посмотрю я в твою скважину.
- Возьми с собой стражу, я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.
- Хорошо, хорошо...

Ник пустил ковер вниз, лихо развернулся перед друзьями. И не скажешь, что секунду назад не знал, как с волшебным летуном управляться.

- Быстро, прыгайте!

Молли уговаривать не пришлось, она плюхнулась на коленки позади мальчика. Воробей залез с опаской, прощупывая руками сомнительную опору. Сопля с лицом хозяина и с шляпой под мышкой устроился в хвосте. Под весом четверых детей ковро стало ощутимо тяжелей, Ник направил его в раскрытую дверь.

На лестнице уже мелькал свет лампы, друзья промчались по коридору с нишами. Возле двери балкона Молли почудилось, что углы ковра затрепетали, как живые, от дуновения свежего ветра.

- А ну пригнись! – крикнул Верзила, больше не скрываясь.

Дверной проем промелькнул мимо, выбросив четверку друзей в ночь, как ядро из жерла пушки.

ГЛАВА 21

ГЛАЗ БАСТИНДЫ

Поначалу полет показался не таким увлекательным, каким представлялся. Внизу проплывала черная бездна, глубину которой угадать было невозможно. Старая полуистлевшая тряпка выглядела до смешного ненадежной опорой над этой бездной, прогибалась и кренилась при каждом движении. Воображение живо рисовало картину, как прохудившиеся места начинают расползаться под острыми коленками, и девочка ухает вниз. А за ней катятся остальные. Но когда город остался позади, и ничего страшного не случилось, Молли уже восторженно вертелась, с удовольствием подставляла лицо прохладному встречному ветру.

Ник оглянулся на шкатулку, похлопал по рюкзаку за плечами.

- Можешь убрать сюда, – сказал он, перекрикивая ветер.

Молли послушно развязала тесемки, аккуратно пристроила шкатулку поверх скомканных кафтанов.

– Ник, ты такой красавчик! – вдруг произнес со вздохом ее собственный голос. Молли рывком развернулась и встретилась лицом к лицу со своим отражением. Только вместо длинных пшеничных волос на голове у отражения топорщилась непокорная шевелюра Воробья.

Недолго думая, Молли схватила резинку у мальчика за ухом, натянула и отпустила.

- Ау!..

Воробей с ворчанием снял маску, передал Молли. Девочка сунула ее вслед за шкатулкой.

На безопасном от города расстоянии ковер приземлился в лесу. Остаток

ночи друзья ухитрились поспать у костра. С рассветом над лесом вновь пролетел дракон. На сей раз Ник был уверен, что не по их души. Вряд ли в том хаосе из волшебных предметов уже вскрылась пропажа ковра, никому не придет в голову искать воров так далеко от города. Страна мигунов, похоже, регулярно патрулируется с воздуха.

Спустя несколько часов друзья вышли в поле. Утренняя дымка рассеялась, над далекими шапками гор повис желтый диск солнца. На возвышенности Ник остановился, огляделся.

– Привал. Попробуем здесь.

Он сбросил рюкзак, нащупал в ворохе тряпья деревянную шкатулку. Друзья сгрудились вокруг него.

– Ну и уродство, – оценил Воробей, заглянув под крышку. Ник кончиками пальцев взял круглую рамку, поднял глаз на уровень лица. Молли с трудом сдержалась, чтобы не отвернуться. Возникло ощущение, что зеленый зрачок опять уставился прямо на нее, словно чуял связь девочки со своим главным врагом. Ник со смущением повертел в пальцах волшебный предмет.

– Кто хочет первый?

Желающих не нашлось.

– Мы же не знаем, как он работает, – нашелся Воробей.

Ник вздохнул.

– Ну, в общем, все просто, подносишь как можно ближе и смотришь в него, как в подзорную трубу. Вот так. – Ник закрыл один глаз и поднес глазное яблоко ко второму так близко, что оно коснулось ресниц. У Воробья от этого зрелища с утробным звуком дернулся кадык. Глаз Бастинды вдруг ожил, встрепенулся и теперь совершенно определенно вперился в лицо девочки.

Молли поспешно покинула отступила в сторону, за ней откатились и Воробей с Соплей. А зеленый зрачок, словно потеряв ориентиры, начал хаотично метаться по главному яблоку. Ник понаблюдал с минуту, опустил руку.

– Да, сломан. Голова закружилась.

Он передал рамку Воробью. Тот осторожно заглянул в глаз с расстояния вытянутой руки. Зрачок остался неподвижным. Тогда мальчик медленно, с опаской приблизил его. Едва зеленый зрачок дернулся слева направо, Воробей протянул волшебный предмет Молли, заключил с облегчением:

– Сломан.

Девочка и сама убедилась. Зрачок носился со скоростью, при которой горы, леса и поля сливались в цветные полосы. Разглядеть хоть что-то в этом мельтешении было невозможно, она молча вернула предмет. Наступила тишина. Видя, как вытянулось лицо подруги, Верзила сказал утешающе:

– Ладно, ничего страшного, будем придерживаться первого плана. Зато у нас теперь есть ковер. Надо позавтракать. Глянь, что там у нас осталось.

Пока Воробей возился с рюкзаком, Ник поворачивался в разные стороны и продолжал подносить глаз к ресницам.

– Ой, он остановился, – вдруг произнес Ник. Рассевшиеся было друзья мигом

вскинули головы. Зеленый зрачок в глазном яблоке действительно замер и внимательно смотрел в противоположную от гор сторону.

– Что-то видно? – полюбопытствовал Воробей.

– Вижу льва...

У Молли екнуло сердце.

– Льва? – коротко переспросила она.

Ник выглядел озадаченным.

– Ну да, лва. Странно... Глаз вроде бы должен показывать то, о чем я подумаю. Ни о каком лве я точно не думал.

Он отодвинул глаз проморгался. Молли вскочила с колен.

– Дай посмотрю.

Вывхватив волшебный предмет, она повернулась в ту же сторону. Недавнее отвращение было забыто в секунду, девочка поспешно прильнула к глазу. Вместо льва она увидела все то же непрерывное мельтешение. Девочка не сдавалась, пока от головокружения к горлу не подступила тошнота.

– Ничего не изменилось, – наконец протянула разочарованно. Волшебный предмет вернулся к Нику. Мальчик долго глядел в него, со стороны видно было, как мечется в разные стороны зеленый зрачок.

– Ничего не понимаю, – пробормотал Верзила. – Опять сломался?

Он развернулся к горам, потом на север, а когда вернулся в исходную позицию, зрачок волшебницы снова сузился и остановился на одной точке.

– Опять лев! – воскликнул Ник удивленно.

– Ну-ка, дай и мне взглянуть, – поднялся Воробей, – может, девчонкам он не подчиняется.

– А Бастинда кем была? – съязвила Молли.

В руках Воробья глаз тоже отказался подчиняться. Молли лихорадочно ображалась, в работе волшебного предмета явно прослеживалась какая-то закономерность. Эту закономерность заподозрил и Ник. Когда после Воробья глаз в который раз не мог сфокусироваться, мальчик повторно проделал процедуру с разворотами. Стоило поднести рамку к глазу в четвертый раз, зеленый зрачок тут же выхватил цель.

– Ну вот, опять... Зачем он показывает какого-то спящего льва? И почему на четвертый раз? Попробуй четыре раза повернуться, – обратился он к Воробью, – может, тебе что-то другое покажет.

– Что это с ней? – не к месту спросил Воробей, кивая на Молли. Он словно до сих пор считал зазорным обращаться к девочке напрямую. А та и правда переменялась, лицо окаменело, взгляд прилип к одной точке. Вид у девочки был такой, будто боялась лишним движением спугнуть подбежавшую к ногам мышку.

– Посмотри еще раз, – медленно проговорила она.

Мальчики переглянулись.

– М-м... Что?.. Ты в порядке?

– Глаз, – затаив дыхание повторила Молли, – посмотри в него еще раз. Кажется, я поняла...

– Поняла? Что поняла? – Ник вопросительно посмотрел на Воробья: – Ты что-нибудь понял?

Тот не успел даже плечами пожать, Молли перебила, начиная терять терпение:

– Просто посмотри в глаз, так сложно, да?

– Ладно, ладно, – сдался Ник. – Не надо нервов.

Воробей хмыкнул с таким видом, мол, ему-то с ней давно все понятно.

В этот раз с глазом произошли новые изменения, зрачок медленно пополз слева направо, словно прощупывая каждый куст на пути. Ник так же медленно начал поворачиваться вслед за движением зрачка.

– Он что-то ищет, – сообщил мальчик, посерьезнев, – раньше такого не было. Как ты узнала?

– Глаз ищет тех, на кого в последний раз была направлена его волшебная сила! – с победным видом выложила догадку девочка. Она сразу поняла, что за льва видел Ник, таких совпадений не бывает. Из маминой книги следует, что последними были сама Элли с друзьями. Бастинда использовала Глаз, когда следила за их перемещениями. Судя по всему, попадая к новому владельцу, глаз снова и снова начинает выискивать виновников гибели хозяйки. Тотешку он найти уже не сможет, а мама и Страшила сейчас за границей Волшебного мира. Отсюда первые три неудачные попытки! А на четвертую глаз находит льва, который сейчас, видимо, где-то в лесах Фиолетовой страны. Кто будет пятым, догадаться нетрудно...

– Он остановился, – тихим от волнения голосом сказал Ник.

– Что ты видишь? – в тон ему отозвалась Молли.

– Кругом горы. Я вижу вход в пещеру, глаз смотрит прямо на него. Что это может значить?

– Это значит, – от волнения Молли не сразу сдала с голосом. – Это значит, что мы летим туда.

Ник оторвался от волшебного предмета, внимательно посмотрел на подругу.

– Уверена?

Молли твердо кивнула.

– Откуда ей знать, – недоверчиво скривился Воробей, – мы слетаем в такую даль, а там просто пещера!

Девочка проигнорировала замечание. Нужно было проверить свою теорию. Она протянула руку.

– Дай посмотрю.

– Подожди, теперь я кое-что проверю.

Ник в последний раз прильнул к глазу. Зрачок волшебницы сдвинулся вбок и остановился. Молли поняла не имела, что он увидел, но зрелище произвело поразительное действие. Мальчик в одночасье перестал дышать и весь обернулся в камень. Одна рука так и висела вдоль тела, не шелохнувшись, другая так же неподвижно и бесконечно долго сжимала рамку с глазом. Верзила, казалось, напрочь забыл о друзьях и обо всем, что его окружает.

– Ну, что там? – нетерпеливо спросил Воробей.

Ник не реагировал. Молли почему-то сразу почувствовала, лучше не мешать вопросами. Она видела его взгляд. Взгляд человека, который сейчас далеко. Тело осталось болтаться тут, а сам Ник, все его существо устремилось и стало пленником волшебного глаза. В этом плену заключалось что-то далекое и болезненное.

– Я вижу... наших родителей, – наконец вымолвил он хриплым голосом.

Воробей резко переменялся в лице. В течение нескольких минут стояла гробовая тишина, потом Ник медленно, будто вытягивал собственное глазное яблоко, отодвинул волшебный предмет, протянул другу, опустив невидящий взгляд в землю.

– Шесть раз подряд, – добавил он глухо. – На шестой он ищет то, что нужно тебе.

Безуспешно пряча дрожь в руке, Воробей схватил глаз. Ник подошел к рюкзаку и принялся бесцельно перебирать вещи внутри. Глаз в руке растрепанного мальчишки не успевал даже метнуться из стороны в сторону – так быстро он подносил его пять раз. На шестой зрачок сразу выискивал цель. Молли слышала, как мальчик издал судорожный вздох.

– Мамка! – невольно вырвалось у него. Воробей тут же прикусил язык, быстро скосил взгляд на Молли – слышала ли, – надолго умолк. Молли деликатно отвернулась. Ей впервые пришлось в голову, что ребята были не младенцами, когда у них отняли семью, уже тогда понимали, какое зло с ними совершили. Все это время они не просто хотели восстановить справедливость, они действительно помнили и тосковали по родителям.

Почувствовав, что пауза затянулась, Воробей не оборачиваясь отдал ей глаз, отошел в сторонку, изредка проводя по лицу рукавом. У Молли самой защипало в глазах, ее-то родители еще дальше, и как к ним вернуться девочка пока не представляла. Хотя, конечно, ей не понять, каково это, когда у тебя отнимают родителей на несколько лет.

– Я тоже хочу посмотреть, – нарушил тишину Сопля.

– Конечно, бери. Вот так, двумя пальцами. – Молли сама вложила рамку в маленькие пальцы, не задумываясь сейчас, сколько раз за последний час эти пальцы побывали над верхней губой. Сопля поднес волшебный предмет к лицу, зеленый зрачок всколыхнулся, принялся метаться как сумасшедший. С минуту Сопля бессмысленно наблюдал за мельканием лесов и городов, потом вернул глаз, словно получил желаемое.

Девочку пронзила жалость. Что сейчас происходит в этой голове? Она бы с удовольствием научила Соплю пользоваться предметом, но как? Может быть, Ник и знает, как и в какой момент достучаться до друга, для Молли эта голова оставалась тайной, сокрытой во мраке.

Общее оцепенение разрушил встревоженный возглас Ника:

– Драконы!

Друзья все как один повернули головы. На фоне снежных шапок гор обозна-

чилились три темные точки. Недолгого взгляда хватило, чтобы понять, точки растут. Ник вытащил из рюкзака скомканный ковер, с хлопком расправил. Ковер повис на уровне коленей, тихонько колыхаясь углами.

– Прыгайте! – велел Ник и первым подал пример. Как только все уселись, ковер помчался в сторону леса. Подниматься в небо Ник не рискнул, летящий объект наездники на драконах точно заметят, ковер скользил над самой землей. Сквозь тонкую ткань Молли чувствовала, как верхушки высоких трав хлещут по коленкам.

– Это за нами? – крикнула она.

– Вряд ли, они же с другой стороны летят.

Но случай точно был из ряда вон. Насколько Ник успел заметить, в патруль драконы отправляются по одному. Три зверя враз ничего хорошего не сулили. Деревья ребята достигли, когда головы чудищ выросли до размеров бочонка. Уворачиваясь от веток, Ник подлетел к дереву со странной ярко-оранжевой корой. Крона у дерева была густой, раскидистой, хорошее укрытие от взглядов сверху.

– Интересно, ковер смог бы обогнать дракона? – возбужденно дыша, полюбопытствовал Воробей.

Ребята соскочили на землю. Три желтых брюха пролетели над лесом, завихрения от взмахов крыльев всколыхнули кроны. Ни один из драконов не свернул, не стал кружить над беглецами. Ник скомкал ковер, затолкал в рюкзак.

– Там недалеко я видел дорогу. Пока рисковать не будем, пройдемся пешком.

– Смотрите! – воскликнул Воробей, указывая вверх, на ветви дерева. Среди листьев гроздья висели плоды, похожие на апельсины. Такие же оранжевые, они сливались с корой, поэтому дети увидели их не сразу. – Вкусные, наверное, надо набрать с собой.

Словно услышав просьбу, один плод сорвался с ветки. Воробей поймал его в прыжке. Кожура у фрукта оказалась настолько мягкой, что лопнула от удара о ладони. Воробей заорал в ужасе, отшвырнул дар дерева. Фрукт с влажным шлепком разбился о корень. Вместо нежной оранжевой мякоти ребята увидели, как из-под кожуры в разные стороны расползаются полчища не то слизней, не то червей размером с фалангу пальца. Молли передернуло от омерзения. А щедрое дерево не иначе решило угостить каждого гостя, с ветки сорвалось еще три плода. Ребята отскочили в разные стороны.

Отвратительные шлепки разбросали червей под ноги. У Молли волосы на затылке встали дыбом, когда осознала, сколько этой дряни висит сейчас над головами. Понял это и Ник.

– Давайте-ка выбираться отсюда, – пробормотал он ошалело.

Но дерево как чувствовало, что предыдущие дары пропали впустую, на землю шлепнулось еще четыре плода, за ними следующие четыре. Воробей завопил пуще прежнего, когда один фрукт разбился о носок ботинка. От его воплей самообладание отказало всем.

– Бежим! – крикнул Верзила.

Друзья бросились наутек, уворачиваясь от набирающего силу града. Как маленькие бомбочки фрукты разбрасывали червей по прошлогодней листве.

– Мне что-то за шиворот попало! – орал Воробей. – Оно шевелится!

Мальчишку скрутило от омерзения, он на бегу сдергивал кафтан, лапал себя по голой спине, по шее. Его неудача подстегивала остальных, ребята не могли остановиться, пока не выбились из сил. Оглянувшись, Молли обнаружила, что оранжевый ствол давно пропал из вида.

Воробей долго не мог успокоиться, тщательно осматривал и ощупывал одежду, хоть никакого червя так и не нашел. Наученные опытом, путешественники вертели головами и меняли курс, если замечали впереди малейшее подозрение на что-нибудь оранжевое.

Над лесом вслед за первой пролетела следующая тройка драконов. На сей раз еще ниже, от взмахов гигантских крыльев верхушки деревьев раскачивались, стволы поскрипывали. Можно было рассмотреть брюхо, чешуя которого напоминала позолоченный доспех.

– Куда это они? – озадаченно вопрошал Ник. – Война, что ли?..

Впереди показался просвет. Ник в одиночку отправился на разведку. Как только его спина скрылась за густой листвой на опушке, друзья услышали крик:

– Дорога! Можете выходить.

Но стоило остальным приблизиться к опушке, Ник с треском проломился сквозь кусты обратно.

– Прячемся, прячемся!..

Он бросился под прикрытие ближайшего дерева, Молли спряталась за соседним. Воробей зачем-то вскарабкался на ветку, а Сопля задрал голову смотрел, как его пятка болтается среди листвы. Ник дернул нерасторопного друга за руку, усадил рядом с собой.

ГЛАВА 22

ПЕЩЕРА

По дороге что-то двигалось. Молли услышала нестройные шаги, глухие покашливания, от которых несло холодом и сыростью подземелий. Вслед за звуками на дороге показался отряд из двух десятков человек. Одежда на всех была землистого цвета, с такими же, словно вываленными в грязи колпаками. На поясах болтались длинные кинжалы, которые при ходьбе тихонько шлепали по бедрам. Эти люди не были похожи ни на мигунов, ни на жевунов, одинаково тонкие и высокие, в строю они напоминали щербатый забор из досок. По бледной коже и затемненным, закрывающим треть лица очкам, Молли узнала подземных рудокопов.

Неторопливо и не в ногу отряд прошествовал мимо. Дети не рискнули раньше времени покинуть укрытие, и скоро предосторожность оправдала себя. За отрядом следовала вереница шестилапых. Каждое животное тянуло телегу, груженую большим сундуком. Вокруг сундука на лавках сидело по четверо вооруженных рудокопов.

– Перевозят добытые изумруды, – шепнул Ник.

Молли и сама догадалась, что такое сопровождение не выделяют для абы какого груза. После десятой телеги шествие замкнул еще один отряд пеших рудокопов.

– От кого такая охрана-то? – подал голос Воробей, когда дорога опустела. Вопрос повис без ответа.

Теперь было ясно, что драконы являлись просто конвоирами. В ближайшее время они едва ли полетят обратно, можно было рискнуть продолжить путь по воздуху. Главное, глядеть в оба. Верзила взмыл на ковре над деревьями, полетал кругами, осматривая небо.

Когда ветер вновь свистал в ушах всей четверки, Ник достал Глаз, сверился с курсом, чуть подался вправо. Молли наконец лично опробовала волшебный предмет. Старый исхудавший лев лежал на полянке. Ощущение было такое, что девочка стоит перед ним на расстоянии десяти шагов и видит собственными глазами. Веки льва были прикрыты, но одним глазом он лениво присматривал за резвящимися на поляне лвятами, которые в пылу сражения то и дело грозили нарушить его покой. В поредевшей с возрастом гриве прятался золотой ошейник, начинающий терять блеск. Подарок мигунов, как помнила из книги Молли. Знание, что этот зверь когда-то путешествовал и разговаривал с мамой, приводило девочку в легкое волнение. Но при этом выглядел он как самый обыкновенный лев, ничего особенного. Если не знаешь, то и не заподозришь богатого прошлого.

По примеру Ника Молли отодвинула глаз и заглянула еще раз. Ее моментально перенесло ко входу в пещеру. Почти физически Молли ощутила, как из черной дыры дохнуло холодом. Внутренности пещеры были скрыты непроницаемой пеленой, будто вход занавесили черной шторой. Усилием воли Молли попыталась направить глаз внутрь, но не сдвинулась и на сантиметр.

Земля перед входом поросла травой – девственной, нетронутой, без единого следа ног или колес. Молли опустила руку, гоня неутешительные выводы. Потом вспомнила, что никто из них не подумал про Ривза и остальных из группы. Неплохо было бы выяснить, где они, как с ними обошлись.

В ответ на мысленный запрос волшебный Глаз показал темную каморку, в которой Молли тут же узнала приютский карцер. На единственной лавке согрившись сидела фигурка мальчика. В попытках согреться он обнимал себя и помахивал в воздухе ногами. Ник был прав, детей временно определили в один из местных приютов. Губы мальчика шевелились. Звуков глаз не передавал, да Молли и так догадывалась, что тот с привычным брюзжанием обвиняет во всех бедах сбежавшую часть группы. Наверняка не в первый раз, учитывая, сколько у него сейчас свободного времени.

Картинка начала размываться, на ее месте образовывалось размытое черное пятно. Молли решила было, что от ветра на глазах выступили слезы, сморгнула. Пятно не исчезло, в центре его появилась белая точка, которая стремительно расширялась и вскоре заполонила все изображение. Через несколько

секунд девочка видела только безжизненную белизну глазного яблока. Волшебный глаз ничего больше не показывал. Она убрала его в шкатулку, снова достала – никакого результата.

– С глазом что-то случилось! – крикнула она. – Перестал работать.

Ник не оборачиваясь протянул руку, Молли вложила рамку в его ладонь.

– Даже мелькать перестало, – подтвердил он. – Убери в рюкзак, потом посмотрим.

Казавшиеся такими близкими, горы надвигались бесконечно долго. Склоны вырастали полого, незаметно. Однако стоило оглянуться, выяснялось, как далеко внизу осталась равнина. Среди холмов как покладистые ручейки петляли желтые ниточки дорог, изредка тут и там встречались деревушки в несколько домов. На одном из перекрестков Молли увидела нечто вроде постоянного двора. Что бы ему делать на окраине мира, если бы не близость рудников. По вечерам внутри, наверное, не протолкнуться. Даже сейчас, среди бела дня, во дворе здания виднелось несколько экипажей, мелькали крошечные точки человечков.

Ник правил ковер туда, где на склонах заканчивалась лесистость и начинались оголенные скалы. Молли первой заметила, что Ник вдруг начал странно метаться, выглядывать вниз, за край ковра. Чуть позже заметил и Воробей.

– Что там? – крикнул он. Верзила обернулся с встревоженным видом.

– Деревья приближаются, видишь?

– И что это значит?

– Ковер больше не поднимается. Может, высоко для него?

Не успел мальчик договорить, ковер вдруг провалился на несколько метров. Дети завопили в ужасе, схватились друг за друга.

– Что это было? – в страхе закричал Воробей, когда ковер выровнялся.

Ник не ответил, он задирает углы летательного аппарата так, что рюкзаком навалился на Молли. Ковер отказывался слушаться и вместо того, чтобы подниматься, ухнул еще глубже. Ребята издали новый вопль. Складывалось ощущение, будто они сползают по гигантской воздушной лестнице, падают со ступеньки на ступеньку, приближаясь к кронам деревьев.

– Надо спускаться! – испуганно посоветовала Молли.

Ник с бледным лицом кивнул. Он уже понял, падение неизбежно, ковер стремительно терял скорость. Насколько возможно быстро он ринулся вниз. Дважды спуск переходил в свободное падение, в такие моменты края ковра захлестывались детям на плечи. Молли визжала, глядя на растущие кроны деревьев. Перед самыми верхушками Ник рванул края вверх. Ковер с натугой засопrotивлялся силе тяготения, по инерции опустился еще на десяток метров и остановился лишь когда коленками Молли почувствовала кончики веток.

Это усилие, похоже, отобрало у волшебного предмета последние силы. Повисев мгновенье, он безвольно рухнул вниз. Над лесом разнесся дружный вопль нескольких глоток, послышался треск ломаемых веток. Молли от страха закрыла лицо ладонями, ударившая под дых ветвь вышибла из девочки дух. Рядом шлепнулся Ник. Медленно, как тряпка со стола, мальчик соскользнул с ветки, повис на

ней, как гроздь. Воробей вытянулся вдоль другой ветки в такой позе, будто уснул на лавке лицом вниз. Сопля сидел верхом на нем и с удивлением озирался. Он отделался одной царапиной на щеке.

Какое-то время все молчали, прислушиваясь к себе.

– Выжившие есть? – наконец нарушил тишину Ник.

– Сопля точно в порядке, – глухим голосом откликнулся Воробей. Молли участвовала в переключке болезненным стоном.

– Молли, если можешь ползти, то лучше ползи. Я не знаю, сколько еще смогу провисеть!

Девочка приподняла голову. Ник держался за ветку обеими руками, лицо его покраснело от потуг. Дыхание не восстановилось после удара, но девочка героически поползла к стволу. Перемещая ладони лилипутскими движениями, Ник двинулся за ней.

До земли оставалось метров пять. Молли спускалась держась за ствол и переставляя ноги по веткам. Ковер мертвой тряпкой валялся возле корней, рядом были разбросаны все четыре шляпы. Молли оглядела халат. Каким-то чудом ветки не изорвали его, только на животе остались зеленые пятна от листьев. Под ребрами она нащупала болезненный синяк, но кости уцелели, иначе боль наверняка была бы невыносимой.

Когда все благополучно спустились на землю, Ник подобрал ковер, расправил в воздухе и отошел на шаг. Ковер мягко спланировал на землю и затих.

– Теперь ни глаза, ни ковра, – констатировал он. – Спасибо, что хоть живы остались. Это горы на них так влияют?

– Не знаю, – ответила Молли. – Странно все это. Может, мы истратили их последние запасы волшебства? Чуть-чуть оставалось у глаза, чуть-чуть у ковра.

Воробья загадки волшебных предметов сейчас не сильно заботили, он осторожно ощупывал шишку на лбу, спрятал ее под шляпой. Потом еще осторожной потрогал ребра, отвесил Сопле подзатыльник.

– Э-э, – обиделся тот.

– Значит маску будем беречь для особых случаев, – проворчал Воробей, оправив кафтан.

– Ты и маску прихватил? – удивился Ник.

– Не я, а Сопля. Это он в ней на ковер залез.

Путь до пещеры пролегал вверх по крутому склону. Ценой собственной жизни ковер поднял седоков достаточно высоко в гору – туда, где лес начинал редеть. Прошлогодняя листва под ногами вскоре сменилась голыми камнями. Впереди просматривались кривые низкорослые деревца, которые выстраивались все дальше друг от друга. Здесь пришлось взбираться почти на четвереньках, а из цепочки перестроиться в шеренгу, чтобы в лицо не сыпались камни из-под ног впередиидущих. После последнего, начисто лишеного листвы дерева мальчики обернулись на возглас подруги:

– Смотрите, там кто-то ездил!

Наперез путникам по склону полого поднималась едва осязаемая дорога.

Даже не дорога, а две колеи, две тоненькие, как нитки, вмятины на россыпи камней. Сердце девочки радостно встрепенулось, словно один этот факт уже служил счастливым предзнаменованием. Она перегнала остальных, уверенно пошла туда, угадывая колеи почти интуитивно.

Дорожка привела друзей к высокой стене из оголенных белых глыб. Над головами висело единственное дерево, оно как тугими пальцами вгрызлось в камень серыми корнями, изогнутый саблей ствол тянулся высоко к небу. Под деревом дорожка терялась в сплетениях ежевики. Пройдя вдоль стены до конца, Молли вросла в землю. Глазам открылось углубление в скале, которое она уже видела несколько часов назад. Оттуда на непрошенных гостей холодно смотрел черный зев пещеры.

– Это она! – подтвердил Ник.

Взволнованные друзья сгрудились перед входом. Теперь Молли воочию ощутила дуновение холода из таинственных глубин. До цели осталось сделать шаг, а радостное волнение сменилось нерешительностью. Надежды и сомнения, боровшиеся в душе, сейчас достигли пика, лишили девочку сил и воли. Видя заминку подруги, Ник первым исчез в темном проеме.

– Тут и лампа есть! – эхом долетел его голос.

Внутри заплясали желтые блики. Воробей потянул Соплю на свет, девочка осталась снаружи в одиночестве.

– Молли! – наконец позвал Ник.

– Иду!..

ГЛАВА 23

ПИСЬМО ДРУГУ

Неискушенным глазом было видно, что пещера искусственного происхождения. Стены от пола до потолка были изрыты сколами и щербинами – следами инструментов. Кто-то изрядно потрудились, выдалбливая лаз в скале. А Молли прекрасно помнила, кто способен трудиться без усталости день и ночь.

При свете лампы не удавалось определить, насколько глубоко в скалу уходит пещера. Друзья неустанно вертели головами, каждую секунду ожидая увидеть что-нибудь необычное. Но всюду их окружали только голые камни. С трудом верилось, что пещера может быть чьим-то жилищем.

– Там что-то есть! – предостерег Воробей. Его голос эхом унесся в утробу пещеры и вернулся оттуда искореженным, пугающим.

Тоннель впереди делал крутой поворот, а на углу действительно темнело что-то большое, раздутое. Ребята остановились перед двумя громадными бочками. Воробей шагнул к одной, со скрежетом откинул крышку, заглянул внутрь.

– Пусто, – гулким эхом послышалось из бочки.

На каменный пол упала вторая крышка, Воробей встал на цыпочки, заглянул за край, сунул туда руку и вытащил на всеобщее обозрение указательный палец. С пальца свисала желтая, как янтарь, нить.

– Масло! – оповестил он с торжествующим видом, словно продемонстриро-

вал особо удачный фокус.

Сердце Молли стучало в грудь как молот кузнеца. Воробей вытер палец о штанину, крышка вернулась на место. Никто не спросил вслух, зачем понадобилось тащить бочки с маслом так высоко в горы, Ник с лампой молча свернул за угол. Остаток пути слышались только шаги и взволнованное дыхание друзей.

Коридор привел к массивной дубовой двери. У порога даже Ник остановился в нерешительности. Дверь была приоткрыта, в узкой щели таились мрак и тишина, оттуда несло сквозняком со странным чужеродным запахом. Мальчик посмотрел на Молли, та коротко кивнула.

Полукруглая рукоять на двери оставляла впечатление, будто предназначалась не для руки человека, а для лапы медведя. Ник взялся за эту массивную дугу, толкнул. Раздался пронзительный долгий скрип, от которого у всех четверых рассыпались мурашки по коже. Плохой знак, учитывая, что рядом стоит целая бочка масла.

– Есть тут кто-нибудь? – сипло спросил Ник.

Темнота хранила мертвую тишину. Ник осторожно вошел внутрь. Молли как прилипшая льнула к его плечу. Помещение представляло из себя небольшую камеру, неуютную и непригодную для жизни. Как и в самой пещере, пол и стены здесь были из голого камня. В углу были брошены кирка и здоровенный топор, вряд ли кто из мигунов способен орудовать таким. На единственной полке стояла масленка. Ник взвесил ее в руке, чуть наклонил. Из носика пролилась тягучая струйка.

– Почти полная, – прошептал он.

Не выпуская масленки, мальчик повел лампой из стороны в сторону и тут вздрогнул так, как если бы чья-то ладонь неожиданно легла на лампу поверх его руки. У Молли из груди вырвался судорожный вздох. К дальней стене был приставлен массивный стол, а за столом спиной к гостям сидел... железный человек. Спинка стула наполовину скрывала похожее на бочонок тело. Тонкие, собранные из труб руки лежали на столешнице, стальная шляпа в форме конуса нависала над столом, открыв взглядам склоненный затылок. Железный человек не шевелился, но создавалось ощущение, будто он пишет и так поглощен этим занятием, что не услышал гостей. Но мог ли железный человек писать в темноте? Молли обратила внимание на потухшую лампу на стене.

За спиной раздался пораженный вздох Воробья, даже Сопля засопел громче обычного.

– Как, говоришь, его зовут? – одними губами спросил Ник.

– Железный Дровосек, – тихо, не поднимая глаз, ответила Молли.

– Э-э... господин Дровосек... – неуклюже поздоровался он.

Бочкообразная спина не шелохнулась. Ник медленно обошел стул, приблизил лампу к склоненному лицу.

– У него глаза закрыты. Похоже, он нас не слышит.

Молли не сдвинулась с места. До этой секунды она сама не понимала, насколько верила и надеялась на маминого друга. То, что вопреки доводам разума

продолжало тлеть и согревать, как последний уголек в печи, в одночасье остыло и погасло. В один миг девочка ощутила себя опустошенной и усталой.

Воробей обошел неподвижную Молли, встал рядом с другом, разглядывая стальной профиль со смесью страха и восхищения. Трубочатые пальцы прижимали к столу письмо, рядом с другой рукой лежала опрокинутая склянка с чернилами. По столешнице растеклось черное пятно, почти не заметное под толстым слоем пыли. Воробей ткнул пальцем в бумагу.

– Тут письмо.

– Вижу, – отозвался Ник. Он отложил масленку, с трудом приподнял неподвижную руку. Шарнир на плече отозвался скрипом, от которого Молли испытала почти физическую боль. Ник встряхнул лист бумаги, лампа утонула в вихре пыли.

– Читай вслух, – попросил Воробей.

Ник какое-то время с удивлением рассматривал каракули. Если первые строчки располагались более-менее ровно, книзу они расплзались кто куда, буквы становились все крупней и неуверенней. К концу письма создавалось впечатление, что за перо взялся ребенок, впервые пробующий скопировать содержимое букваря. Рука будто отказывала хозяину.

– «Милый друг Страшила, – наконец начал он, – прости за эти мокрые пятна на бумаге. Знаю, тебе тяжело видеть мои слезы, но сердце мое обливается кровью. Тебе ли не знать, какие настали времена... Лишняя пара слез уже ничего не изменит. Да, мой друг, как ты и предсказывал в письме, тело изменяет мне. Я лишь уповаю на то, что мое многострадальное сердце не утратит чувствительность раньше... раньше, чем ум мой сможет это осознать.

Жаль, что твое письмо я получил слишком поздно. Все произошло в точности, как ты и рассказывал, меня тоже нагло обогнали. Негодяи смели заявить, будто я долгие годы подло эксплуатировал свой народ! Я, который души не чаял в подданных, я, который день и ночь не покладая рук трудился во благо народа и страны! Уверен, все это козни проклятого Ларса Купера. Я допустил большую ошибку, когда много лет назад простил ему воровство. Теперь этот подлец – законно избранный правитель Фиолетовой страны, а я, как какой-нибудь преступник, вынужден прятаться в сырой пещере, такой вредной для моего тела!..

О друг мой, представь себе, как невыносимо было для моего чувствительного сердца видеть ненависть на лицах подданных! Как легко они поверили речам клеветников!.. Но поздно сокрушаться о былом, силы покидают меня, и я не имею права истратить последние, жалуясь на судьбу. Тем более когда, быть может, сообщу тебе нечто важное и полезное.

Еще в бытность свою правителем ты, помнится, разыскивал пропавшую бригаду шахтеров во главе с инженером Руггеусом. Если тебе до сих пор неизвестна их судьба, я могу поделиться кое-какими сведениями.

Несколько верных подданных продолжали навещать меня и после изгнания, привозили масло, смазывали мои ржавеющие конечности, пока я не велел им прекратить посещения. Слишком это опасно и, что уж скрывать, бессмысленно.

Один из этих достойнейших людей и рассказал мне историю, как он навещал старого друга в стране жевунов. Вот что он узнал: несколько лет назад в деревушке Алтасте поселился человек, назвавшийся Мораном. Он занял в деревне брошенный дом, вел скрытный образ жизни, с соседями не общался, дел по хозяйству не вел. За несколько лет соседства его ни разу не видели на улице днем. Дом и сейчас выглядит так, будто там никто не живет. Односельчане давно решили бы, что он ушел, если бы иногда, после дождливых ночей, не обнаруживали следы, ведущие к калитке дома. А однажды утром друг моего подданного нашел в грязи медаль. Мой подданный видел ее. Это была твоя медаль, дорогой друг. Медаль за достижения в механике, врученная на имя Руггеуса Грина! Ты подозревал, инженеру стало что-то известно о происходящем, так что, надеюсь, эти сведения пригодятся тебе.

Рука совсем перестает меня слушаться. Не знаю, дойдет ли когда-нибудь это письмо, не знаю даже, сможешь ли прочесть его, или к тому времени тебя постигнет та же участь, что и меня. Однако...» – Ник умолк, повертел лист перед лампой. – Это все.

Он сложил письмо пополам, пристроил его на краю стола. Молли угрюмо молчала. Она хотела и не смела подойти, взглянуть в безжизненное лицо того, о ком столько слышала, о ком читала все детство. Зато Воробей кружил вокруг Дровосека не стесняясь, заглядывал под каждый винтик, с восхищением постукивал костяшками по пустотелому корпусу. Тот отзывался гулким эхом.

– Жаль, что он умер, – наконец изрек мальчишка, – с таким здоровяком мы бы ничего не боялись!

Ник громко шикнул на него, постучал пальцем по виску.

– Чего я такого сказал-то? – не понял Воробей. – Так по нему не видно, что ли?

– Да помолчишь ты, нет?

Но было поздно, роковое слово было произнесено. Молли почувствовала, что в глазах начали закипать слезы, смахнула кулаком выступившую каплю.

– Надо его смазать, – упрямо заявила она. Еще раз провела кулаком по лицу и оглядела всех с вызовом, всем видом давая понять, что если они не согласятся, она останется тут одна и доведет дело до конца.

– Конечно, – согласился Ник таким тоном, будто именно этим и собирался заняться. – Вот это видела?

Он взвесил в руке полную масленку. Воробей закатил глаза и отошел в сторону, мол, делайте-ка сами бессмысленную работу. Однако, как только работа закипела, был уже тут как тут, сам взялся раскачивать каждый палец, запястье, предплечье, пока Ник поливал масло на шарниры. Не каждый сможет похвастать, что прикасался к стальному правителю.

С большим трудом вчетвером они развернули стул, чтобы добраться до колёшек. Молли нашла промасленную тряпку, принялась бережно оттирать рыжие дорожки, бегущие от глаз до подбородка. Дело нашлось даже для Сопли, ему поручили отскабливать ржавчину с внутренней стороны колпака.

Воробей нащупал на груди какую-то выемку, подцепил ногтем. С пронзительным скрежетом в области сердца открылась квадратная дверца. Мальчик заглянул туда, сунул руку. Наружу вылезла розовая подушка в форме сердца.

– Это еще что за ерунда такая? – недоуменно спросил он и бросил находку через плечо в угол комнаты.

– Нет! Что ты делаешь? – воскликнула Молли и опрометью кинулась в угол.
– Это же его сердце!

Воробей с удивлением воззрится на Ника. Тот пожал плечами и капнул масла на петли дверцы. Молли бережно отряхнула тряпичное сердце, вернула на место. Дверцу тем же манером раскачивали, поливали маслом, пока не перестала скрипеть.

Вся работа отняла не меньше часа. Потом Молли тряпкой вытерла масляные потеки, водрузила колпак на голову. Ребята молча наблюдали, как она неестественно долго, стараясь ни на кого не смотреть, укладывает грязную тряпку в несколько слоев. Дровосек теперь выглядел еще более безжизненным: руки как плети висели вдоль тела, голова была опущена на грудь, ноги в железных ботинках вытянуты во всю длину.

Никто не знал, что теперь говорить и что делать. Складывать тряпку бесконечно было невозможно, Молли отложила ее на краешек стола, отступила на шаг и так и застыла, продолжая поедать тряпку взглядом.

Когда пауза стала невыносимой, Ник негромко кашлянул в кулак:

– Молли, надо идти, мы сделали все, что могли.

Вместо ответа девочка шагнула к стулу, обняла маминого, а теперь и своего друга.

– Я спасу тебя, – шепнула она в железное ухо, – и Страшилу. И всех-всех.

Деликатно отвернувшись, Ник вытолкал друзей из комнаты и сам исчез за ними.

ГЛАВА 24

ПОСТОЯЛЬНЫЙ ДВОР

На коротком совещании было решено спуститься к постоялому двору, виденному с ковра. Украденных в городе денег должно было хватить на ночлег и на скромный ужин. А утром, хорошенько выспавшись и отдохнув, можно будет отправиться на рудники.

Письмо Дровосека Молли взяла с собой, вдруг удастся передать адресату. По пути она время от времени запускала руку под халат, пошупывала письмо в кармане платья, будто некий источник душевных сил. В какой-то момент пальцы наткнулись на маленький кожаный сверток. Как вспышка молнии ее пронзило озарение – донесение Страшиле! Вот почему имя инженера показалось смутно знакомым, она уже видела его подпись!

Девочка поспешно выудила сверток, вынула бумажную трубочку, протянула развернутую полоску Нику.

– Прочитай.

– Что это? – Ник взял бумагу, прищурился, разглядывая мелкий шрифт, зачитал вслух:

«Страшили Трижды Премудрому. Все инструменты взбесились и сбежали, покалечив рабочих. Шахту затопило. Работы в Западной пещере прекращаем. Гл. Инженер Руггеус».

– А! – воскликнул Верзила. – Тот самый инженер! Откуда это у тебя?

– Нашла в карцере на одной из мышей. Она так и не доставила донесение.

– А! – снова повторил он. – Интересно. И... что?

Молли смутилась. Действительно, что им дает это донесение кроме знакомого имени?

– Надо будет его найти, – промолвила она.

Ник помог подруге соскользнуть с валуна, следом лихо сиганул Воробей. Соплю спускали под мышки вдвоем.

– Найдем, – невозмутимо кивнул Ник. – Этим и займемся, когда переправим родителей в долину Марранов.

– В долину Марранов?

– Там они будут в безопасности, Марраны не выдают беглецов. Поживут какое-то время, пока мы не вернемся за ними.

На дорогу друзья вышли уже затемно. Постоялый двор угадывался издали по огням за оградой и по зеленоватому свечению у ворот. Ник поднял руку, призывая остановиться. Уставшие друзья даже не заметили, налетели друг на друга.

– Шестилапый, – объяснился виновник столкновения.

Воробей выглянул из-за спины Молли.

– Точно. Патруль?

– Не знаю, на всякий случай обойдем сзади.

На заднем дворе уличные фонари отсутствовали. Друзья в темноте перелезли через забор, прокрались между хозяйственными постройками. Из окон на первом этаже лился тусклый свет. Ник с Молли привстали на цыпочки возле ближайшего. В просторном зале царил полутьма, на стенах металась причудливые тени. Столы с лавками пустовали, только за одним ужинали запоздалые постояльцы. Такие же высокие и бледнолицые как те, кто сопровождал сундуки с изумрудами. За прилавком толстый хозяин в фартуке протирал тарелку и сонно позевывал.

– Ну что там? Что там? – нетерпеливо топтался за спинами низкорослый Воробей.

– Это не патруль, – успокоил Верзила, – это рудокопы. Вижу у одного плеть. Надсмотрщики. Достань из рюкзака маску.

Вместо того, чтобы потянуться к рюкзаку, Воробей отступил на шаг, спросил удивленно:

– Хочешь потратить последнее волшебство на такую ерунду?

– Может и не последнее, мы же не знаем. А дети без взрослых ночью в подобном месте точно вызовут подозрения.

Воробей нехотя, бурча что-то под нос, достал маску. Ник подергал резинку,

задумался.

– Надо кого-то такого, кто точно не мог здесь бывать, кого местные никогда не видели.

– Давай Билля, – с энтузиазмом предложил Воробей.

– И как ты себе это представляешь? У меня голова будет вдвое шире плеч!

Еще чуть поразмыслив, он натянул резинку на затылок, маска повисла на лице. Молли во второй раз наблюдала, как телесного цвета материал начал подтягиваться к коже и искажать черты хозяина. Через секунду перед друзьями возникло коричневое, как перепрелая груша, лицо старика. Видимо узнав физиономию, Воробей прыснул, а Молли, едва взглянув на перевоплощение, вдруг окаменела. Она открыла рот, но не сумела вымолвить ни слова. Из-под шляпы Верзила на нее смотрело лицо старика Рольфа. Того самого, с фермы «Кукурузный рай», над которым она подшучивала все детство. В другой жизни, дома, в Канзасе...

Ник надвинул шляпу поглубже, чтобы скрыть не по-стариковски густую шевелюру, пожевал беззубым ртом, удивительно точно копируя манеру старого Рольфа – того и гляди, сейчас выплюнет кукурузное зернышко. Потом сгорбил плечи и проговорил скрипучим, до боли знакомым голосом:

– Вперед, я захожу первым, вы – за мной. Если что, обращайтесь ко мне «дедушка».

– Один в один! – с восхищением признал Воробей.

Ник самодовольно ухмыльнулся сморщенными губами, развернулся и тронулся в обход здания, старчески шаркая ногами. Молли наконец вышла из оцепенения, схватила его за руку.

– Где ты видел это лицо? – воскликнула она неблагоприятно громко.

Ошарашенный, Ник остановился.

– Ты чего? Хочешь, чтобы нас услышали?

– Этот старик, где ты его видел? – повторила девочка ничуть не тише.

Ник недоуменно переглянулся с Воробьем.

– На ярмарке в Гиларе, мы у него иногда кукурузу... одалживаем. А что, ты его знаешь?

Молли проигнорировала вопрос, бешено помотала головой.

– Это невозможно, вы не могли...

Она осеклась, вспомнив, что ребята до сих пор знать не знают про Большой мир. Верзила неверно истолковал ее молчание.

– Да мы совсем по чуть-чуть. У старика этой кукурузы куры не клюют, он и не замечал. Ну что, можем идти дальше?

Немного помолчав, Молли кивнула. Мысли в голове бурлили как в кипящем котле. Она столько грезилась о Волшебном мире, а сумасшедший Рольф по соседству давно знал о его существовании? Быть того не может! Однако еще невероятней выглядела мысль, что в Канзасе и в Волшебном мире существуют два совершенно одинаковых человека и оба занимаются кукурузой. Получается, старому Рольфу известен некий проход, которым он регулярно пользуется. Те-

перь понятно, куда пропадала вся его кукуруза.

– Когда вернемся в страну жевунов, отведишь меня к нему? – горячо зашептала Молли.

– Ладно, если хочешь. – Ник остановился на освещенном крыльце. – Готовы? Тогда заходим. – И толкнул дверь.

Головы всех присутствующих как по команде оборотились к вошедшим. Рудник живет своим распорядком, к ночным посетителям тут не привыкли. В полной тишине друзья двинулись через зал, выбирая стол. Под пристальными взглядами шаркающая походка Ника стала сбивчивой, неуверенной. Полотенце в руках хозяина двигалось до неприличия медленно, он делал вид, будто всецело занят посудой, но каждый чувствовал, что из-под полуопущенных век его тщательно прощупывают. До ближайшей деревни десяток верст, да и там хозяин наверняка знал всех. Во двор никакой экипаж не въезжал. Откуда и куда ночью пешком ведет детей старик, который сам на ладан дышит? Ник покусывал губу от досады, почему эти вопросы не пришли в голову минуту назад? Теперь отступить было поздно.

Выяснилось, что из окна они видели не всех посетителей. В темной углу за столом сидела сгорбленная фигурка в розовом балахоне с капюшоном. Хозяин весь вечер с неудовольствием поглядывал в этот угол и готов был поклясться, что фигурка ни разу не шевельнулась, не издала ни звука. Однако, как только вошли ночные посетители, голова ее встрепенулась, капюшон чуть повернулся. В отблесках света Молли успела разглядеть подбородок и губы древней старухи. И сразу голова снова упала на грудь, словно старуху без конца одолевала дремота.

Кряхтя и покашливая, Ник уселся за самый дальний от рудокопов стол, «внучата» приземлились рядом. Хозяин продолжал делать вид, будто занят посудой, и подходить к гостям не спешил. Рудокопы быстро потеряли интерес к пришельцам, на их стол со стуком упал стеклянный камень. Послышался звук отодвигаемых лавок.

– Поддай нам завтрак пораньше, – велел один из них, – завтра новая партия рабочих придет.

Хозяин отмахнулся:

– Знаю уже, слышал.

Когда один из рудокопов вышел на улицу, а другой поднялся на второй этаж, Ник с лицом старого Рольфа вздохнул с явным облегчением. Хозяин закинул полотенце на плечо, неторопливо проследовал к опустевшему столу. Стеклянный камень утонул в безразмерном кармане, хозяин собрал посуду, вернулся к прилавку и, как ни в чем не бывало, продолжил тереть тарелки полотенцем. На посетителей он теперь даже не смотрел, словно напрочь про них забыл.

У Молли в голове не укладывалось, как может так себя вести торговец. Разве ему не нужны деньги? Лицо старого Рольфа тоже выглядело растерянным.

– Чего это он? – шепотом спросил Воробей.

Ник пожал плечами. Когда слушать скрип полотенца о тарелки стало выше

его сил, Верзила пожевал губами на манер старого Рольфа, прокашлялся и спросил громко:

– А что, есть ли у вас свободные комнаты?

Полотенце на миг замерло, затем поползло еще медленней прежнего.

– Кажется, что-то оставалось, – наконец произнес он так, будто комнат у него на втором этаже сотни, сразу и не упомнишь. – Двух хватит?

– Вполне, – кивнул Ник удовлетворенно.

Снова пространство заполонил скрип полотенца, в продолжение которого хозяин всячески избегал столкнуться взглядом с постояльцами.

– Желаете на одну ночь? – через какое-то время уточнил он.

– На одну.

Дети уже начинали ерзать и нервничать, неужели тут ко всем чужакам относятся с таким недоверием? Спустя бесконечно долгое время тарелка все же опустилась на прилавок. Хозяин неохотно подошел к гостям, этим же полотенцем небрежно смахнул крошки со стола. Желая прояснить ситуацию, Ник рискнул спросить в лоб:

– Путешественники бывают тут редко, да?

– Нечасто, – нехотя признал хозяин, делая вид, что не смотрит на собеседника только потому, что заметил грязное пятно на полотенце. – Желаете что-нибудь на ужин?

– Хлеба и сыра, – не раздумывая брякнул Ник.

Толстяк наконец поднял глаза.

– И все?

– Каждому, – добавил Ник.

Хозяин вновь вернулся к разглядыванию полотенца, принялся оттирать пятно.

– Желаете что-нибудь из напитков?

– Воды.

– Каждому? – не без сарказма уточнил он.

– Пожалуй.

Полотенце взлетело на круглое плечо, хозяин вразвалочку направился к двери в кухню.

– Ждите, – бросил на ходу.

Ник крикнул вдогонку:

– И конфетку моей внучке Теодоре, если найдется.

– Поищем, – буркнул тот в ответ.

Молли не смогла сдержать улыбки, хоть и не разделяла проснувшийся задор друга. Ее не покидало безотчетное чувство тревоги.

Едва дверь за хозяином закрылась, в углу, где дремала старушка, послышался шорох одежды. Мальчишки не обратили внимания – какую угрозу могла представлять старуха? Но Молли краем глаза стала наблюдать за ней.

Скрючившись так, будто у нее свело живот, старуха проковыляла к выходу, взялась за ручку и помедлила, словно собираясь с силами. Розовый капюшон повернулся к переговаривающимся шепотом друзьям. У Молли по спине пробежал

холодок, она готова была поклясться, что глаза в тени капюшона посмотрели прямо на нее. А в следующий миг она точно также готова была поклясться, что голова старухи кивнула ей на дверь.

– Видели? – возбужденно прошептала Молли, как только странная старуха исчезла. Ник с Воробьем умолкли.

– Что видели?

– Эта старушка! Кажется, она позвала меня. Она кивнула на дверь.

– Эта старуха? – с сомнением переспросил Воробей. – Да ты ее видела? У нее, наверное, от старости голова трясется.

Молли невольно отметила, что мальчишка хотя бы перестал делать вид, будто обращается к ней напрямую ниже его достоинства.

– Я пойду проверю, – заявила она, вставая.

– Я с тобой, – вызвался голос старого Рольфа.

– Я не останусь с этим толстяком, – встревожился Воробей, – я тоже иду.

Сопля, разумеется, потянулся за остальными.

Сгорбленная фигурка старушки сидела на лавке возле забора и, как показало, опять дремала. Друзья сделали вид, будто направляются к воротам, а сами во все глаза тарачились на затихшую фигуру. Молли уже не была так уверена, что ей не привиделось, со смущением представила, как ее поднимут на смех, если прогуляются до ворот и ни с чем вернутся обратно. Но как только девочка поравнялась с фонарем у въезда, старуха тяжело подняла голову и произнесла дребезжащим, как телега на ухабах, голосом:

– Я ждала вас.

Друзья замерли, сбившись в кучу, как стайка напуганных ягнят.

– Вы нас ждали? – тупо переспросил Ник.

– Не вас, – поправилась старуха. Ей тяжело было говорить, после каждого слова требовалась пауза, чтобы отдышаться. Ее рука медленно, будто к ней была привязана гиря, поднялась, из рукава выглянул сухой, с раздутыми суставами палец. Палец нацелился на Молли. – Ее.

Молли невольно отступила.

– Меня?

– Подойди, – вместо ответа поманила старуха. – У меня кое-что... есть... для тебя. – Так же медленно старуха расстегнула одну пуговицу, полезла рукой за пазуху. – Это поможет.

Молли неуверенно посмотрела на Ника, тот подтолкнул ее локтем.

– Иди.

– Вы меня знаете? – спросила девочка, с опаской подбираясь к лавке.

– Я читала... о тебе.

Ответ еще больше озадачил девочку. Где эта бабушка могла читать про нее, если сама Молли совсем недавно попала в Волшебный мир?

– Кто вы? – наконец решилась она спросить.

– Меня зовут... Стелла.

Молли испытала такое чувство, будто где-то вдалеке зажглась искра, кото-

рая моментально разрослась и взорвалась озарением. Она вспомнила и ужаснулась. Стелла – это фея Розовой страны, фея, знающая секрет вечной молодости. А на лавке сидела глубочайшая старуха.

– Вы фея? – спросила Молли голосом тихим от потрясения.

Старуха кивнула, продолжая шарить за пазухой. Когда Молли остановилась перед ней, из-под розового ворота вылез сверток размером с чайное блюдце. Дрожащей рукой старуха протянула сверток, и Молли вновь ужаснулась, глядя на иссохшие пальцы, увитые толстыми, как червяки, венами.

– Это поможет, – повторила старуха.

Трое мальчишек подошли ближе, с любопытством разглядывая подарок. Сверток зашуршал в руках Молли.

– Э, она пропала! – вдруг произнес Сопля, указывая на лавку.

Молли подняла глаза от свертка. На лавке вместо старухи лежал скомканный балахон, под откинутым капюшоном возвышался холмик не то песка, не то золы. Воробей обалдело поскреб шевелюру:

– Ниче се!

– Она что, рассыпалась? – в тон ему отозвался Верзила.

А Молли восприняла исчезновение со странным спокойствием, удивившим ее саму. Она испытала только тихую грусть, какую испытываешь, когда происходит неизбежное. Конечно, какая еще судьба ждала Стеллу, если волшебство ушло... Что-то ей подсказывало, фея держалась из последних сил ради этой встречи.

– Ты ее знала? – спросил Ник.

Молли ответила рассеянно:

– Это была фея, которая знала секрет вечной молодости.

– Тогда это была худшая фея на свете, – пробормотал Воробей. – Я бы не хотел завладеть ее секретом!

– Помолчи лучше, дурак! – накинулась на него девочка. – Ты даже не понимаешь, о чем говоришь!

Воробей шарахнулся от нее как от прокаженной, хотел было что-то сказать, но, наткнувшись на взгляд Ника, смолчал, лишь покрутил пальцем у виска. Верзила нетерпеливо кивнул на сверток.

– Что там?

Бумага снова зашуршала в руках Молли. Когда из складок показалось содержимое, лицо Ника разочарованно вытянулось. Старуха передала самую обыкновенную фляжку. Воробей только хмыкнул, еще бы что-то ценное передала сумасшедшая старуха сумасшедшей девочке.

– Открой, что там внутри? – не теряя надежды Ник.

Вдруг задрожавшей рукой Молли медленно отвинтила крышку. Точно такую же флягу она уже видела недавно. У Страшилы...

Несколько прозрачных капель упало на ладонь девочки, она коснулась их кончиком языка и подняла сияющие глаза на Верзилу.

– Вода!

Лицо Ника вытянулось еще больше.

– Вода? Она думала, мы умираем от жажды?

Воробей торжествовал. Молли бешено замотала головой.

– Не просто вода, это волшебная вода!

Сама девочка ни секунды в этом не сомневалась, не могла фея ждать ее из Большого мира, чтобы вручить обыкновенную воду. А уж как ее использовать Молли видела. Вопрос лишь, оживит ли вода того, кто давно потерял силу. Но раз Стелла не единожды повторила, что это поможет, какие у нее основания сомневаться?

– И в чем ее сила? – с сомнением спросил Ник.

Молли смотрела на друга с сияющей улыбкой.

– Завтра мы вернемся в пещеру и попробуем оживить Железного Дровосека!

– Хочешь влить ее в человека из железа? В человека, который не переносит воды?

Молли радостно рассмеялась, представив, как нелепо это звучит.

– Именно так мы и сделаем! – И со смехом бросилась к крыльцу постоянного двора.

За дверью веселье улетучилось. Хозяин стоял возле их стола с подносом и глядел на вошедших с подозрением. Ник, вбежавший сразу за подругой, запоздало спохватился, сгорбил, шаркающей походкой потянулся к лавке.

– Выходили подышать свежим воздухом, – пояснил он, с кряхтением усаживаясь на место.

– Ясно, – коротко буркнул тот. Поднос небрежно приземлился на стол, хозяин вернулся за прилавок, бессменное полотенце принялось натирать дно деревянной кружки. Оголодавшие друзья взяли за черствый хлеб и начинающий плесневеть сыр. Не успел поднос опустеть, хозяин снова подошел и бросил на стол ключи с нацарапанными на бирках номерами 7 и 9.

– Ваши комнаты.

– Благодарю, – кивнул Ник. Затем полез в карман, протянул две полумеры.

– Этого хватит?

Взгляд, брошенный хозяином на ладонь с камнями, был быстрым, как всполох мышиного хвоста, и тут же его вновь заинтересовали пятна на полотенце.

– Более чем, – сказал он и не глядя забрал плату.

Молли сидела как вбитый в лавку гвоздь и с ужасом смотрела на ладонь друга.

– Твои руки, – прошептала она.

Ник проследил за ее взглядом и сам похолодел. Кожа на руках была кожей подростка, никак не глубокого старика. Он быстро убрал руку под стол, с тревогой зыркнул на хозяина.

– Он видел?

Молли медленно кивнула.

– Уверена? Он не выглядел удивленным. Почему он не выглядел удивленным?

Лицо старого Рольфа закусало губу. Мальчик лихорадочно соображал, то и дело косясь на безучастного с виду толстяка. Вдруг спина его распрямилась,

страхнув старческую сутулость, взгляд прилип к откушенному ломтю сыра.

– Второй рудокоп, – пробормотал Ник, – куда он ушел?

– Чего? – растерялся Воробей. – А мы-то откуда знаем?

Ник разъяснил шепотом:

– Один из них сказал: «Поддай нам завтрак пораньше». Нам! А потом второй встал и вышел. Куда? Прогуляться перед сном?

На сей раз озарило Воробья:

– Шестилапый пропал! За воротами не было зеленого света!

Молли не знала, способна ли волшебная маска менять цвета, но ей показало, что коричневое лицо Рольфа побледнело.

– И что это значит? – спросила она.

– Это значит, что нам надо убираться отсюда. Как можно быстрее. – Ник откашлялся, встал из-за стола и заговорил громко: – Спасибо вам за сытный ужин и за гостеприимство, но, кажется, наши планы немного изменились...

Полотенце остановилось.

– Изменились? – настороженно переспросил хозяин.

– Да, – как можно небрежней отмахнулся Ник. – Видите ли, мы и так опаздывали и решили, что ночная прогулка нам не повредит.

– Но комнаты уже готовы.

– Да, – повторил Ник, начиная пятиться к выходу. Остальные тоже повылазили из-за стола. – Жаль, что доставили вам лишние хлопоты. За причиненные неудобства можете оставить плату себе.

Хозяин отложил кружку, стал бочком протискиваться в зал.

– Я верну вам хотя бы половину.

– Нет-нет, что вы, – замахал руками Ник, – не стоит беспокоиться.

– И все же я настаиваю, – произнес толстяк вкрадчиво. Приближаясь, он чем-то напоминал упитанного кота, крадущегося к добыче.

– Опасно ночью разгуливать в горах, – вдруг раздался в помещении третий голос. На лестнице показался тот самый рудокоп, который якобы отправился спать. За его спиной мелькали еще двое незнакомых. – Немудрено заблудиться или встретить дикого зверя.

Ник натянуто рассмеялся, продолжая пятиться.

– Я старый путешественник и не раз сталкивался с обеими напастями. Мы сумеем за себя постоять.

У Молли подкосились коленки от страха, она явственно услышала, как в голосе старого Рольфа начали проскальзывать высокие нотки подростка. Рудокопы вслед за хозяином медленно подвигались к гостям. Первый рудокоп притворно улыбнулся:

– Ни секунды в этом не сомневаемся. Но с вами дети, было бы легкомысленно...

Он осекся, удивленно заморгал. Ник почуял неладное, лапнул себя за лицо. Уголок маски сползал со лба, как плохо проклеенная полоска обоев. С минуту в помещении висела гробовая тишина, взрослые пялились на детей, а дети – на

взрослых.

– Бежим! – гаркнул Ник.

Впечатление было такое, что команду он отдал всем присутствующим, все сорвались с места одновременно. Ник с Молли вылетели за порог благополучно, только Сопля, которого тянул за руку Воробей, замешкался в дверях. На его плече сомкнулись пальцы рудокопа. С воплем страха Воробей швырнул ему в лицо недоеденный кусок сыра. Тот отшатнулся, инстинктивно закрылся руками. Воробей выдернул освобожденного Соплю на крыльцо.

ГЛАВА 25 ЖЕЛЕЗНЫЙ ДРОВОСЕК

– Ведь они сразу, как только мы вошли, решили задержать нас, – задыхаясь на бегу, рассуждала Молли. – Почему? Что мы им сделали?

Крики преследователей отставали, но среди деревьев еще мелькал факел одного из рудокопов.

– Сразу раскусили меня, – уверенно сказал Ник. – И хотели передать полицейским. Дети, использующие волшебство, это вообще нечто невероятное. У нас о таких случаях докладывают напрямую начальнику стражи. Откуда у ребенка волшебный предмет? Украл, разумеется. Зря мы туда сунулись, теперь точно полиция на уши встанет.

– Еще и маска потеряла силу, – проворчал Воробей, – а я ведь предупреждал.

– Тебе бы только ворчать, – укорила Молли. – Почему ты вечно недоволен?

Уязвленный, Воробей подтянул Соплю и демонстративно поменялся с ним местами, став замыкающим.

Крики стихли вдали. Ребята карабкались по склону до середины ночи, и только тогда решились устроиться на ночлег – попали, обессилевшие, кто как стоял, и уснули без задних ног, не рискнув развести костер. А раньше, чем рассвело, проснулись, дрожа от холода, и продолжили путь.

Когда из-за хребтов выглянуло солнце, над лесом пронеслась пара драконов. Теперь уже не приходилось сомневаться, с какой целью. Драконы до полудня кружили над самыми верхушками деревьев, ребята прятались в кустах при каждом их приближении, а потом продолжали пробираться там, где сквозь кроны не проглядывало небо. Ник был уверен, по лесу уже рыщут полицейские, останавливаться было нельзя.

Главная трудность поджидала впереди. Драконы чаще всего маячили там, где лес начинал редеть, где путники оказывались как на ладони. До полудня друзья как мышки в норке пересидели в дупле ветвистого дерева. Нетрудно было догадаться, что так они и будут летать, пока цепь полицейских не вскарабкается до каменистых россыпей. Но когда Верзила в очередной раз выглянул вслед пронесшимся хвостам, то успел заметить, как драконы вдруг развернулись и устремились в сторону равнин.

– Они улетают! – сообщил мальчик с нескрываемой радостью.

Воробей высунул голову из дупла.

– Все, поиски закончены?

– Смотри как удирают. Похоже, что-то их спугнуло.

Его предположение оказалось пророческим. Над горами разнесся резкий орлиный клеток, вслед за которым из-за хребта появилась птица. Молли вылезла наружу и неотрывно следила за царственным полетом. Раскинув крылья, орел, казалось, неподвижно завис в воздухе. Лишь удаляющийся хребет указывал на огромную скорость.

– Хочешь сказать, их напугала какая-то птица? – с сомнением спросил Воробей.

– Это не просто птица, – возразила Молли заворуженно, – это гигантский орел!

Воробей скептически скривился.

– Не очень-то похож на гигантского.

Орел не собирался разубеждать мальчишку, его силуэт размером с обычную птицу накренился и устремился в ту же сторону, что и драконы.

– Будем надеяться, что гигантский, – злорадно ухмыльнулся Верзила, – тогда у этих патрульных большие неприятности!

Такой удачей грех было не воспользоваться, друзья поспешно ринулись вверх по каменистому склону. Сколько Молли ни напрягала глаз, вчерашняя дорожка словно испарилась. Если бы Ник не заметил вдалеке знакомое скальное оголение с торчащим деревом, решили бы, что вышли не туда. Но даже приближаясь к одинокому дереву, они время от времени наталкивались на свои вчерашние следы, а дороги как не бывало.

– Ничего не понимаю, – бормотал Ник, – привиделась она нам, что ли?

– Это Стелла нас привела, – негромко озвучила догадку Молли.

На сей раз даже Верзила с неловкостью кашлянул в кулак. Они с Воробьем переглянулись, но смолчали. У входа в пещеру девочка вытащила из кармана флягу, решительно шагнула внутрь.

Дровосек восседал на стуле в той же позе, в какой его оставили. Стальные ноги были вытянуты, как у натруженного за день работника. Совместными силами Ник и Молли открыли ему рот, дрожащими от волнения пальцами девочка открыла фляжку, приблизила горлышко к ровному ряду зубов. Слышно было, как струйка воды потекла в пустую утробу. Друзья отступили на несколько шагов и стали ждать. Даже Воробей, скептически настроенный к старухе и ее подарку, жадно пожирал глазами неподвижное существо.

От первого, еле слышного скрипа все подскочили так, будто сдвинулись каменные стены пещеры. Металлическая коленка чуть вздрогнула, подтянулась к стулу. Размером с пятилитровую канистру голова встрепенулась, медленно поползла в сторону стола. Ожившая рука приподнялась и взялась за опрокинутую чернильницу.

– О нет, это была последняя склянка, – вдруг прокатился под сводами гулкий, как из бочонка, голос, – опять все моя неловкость. Что же теперь делать?

У мальчиков от корней волос до пяток по всей коже рассыпались иголки, это чувство было сродни священному трепету. Сопля растерянно моргнул и так и замер с пальцем в носу. Молли зажала рот ладонями и не смела выдохнуть.

Вторая нога дровосека подтянулась к первой, с легким скрипом корпус его повернулся к гостям спиной.

– Куда я дел письмо? – послышалось недоуменное. – Странно. – Ножки стула шумно заскребли по камням, Дровосек сунул голову под стол, осмотрелся там. – Ничего не понимаю...

– Оно у меня, – обронила Молли, не отнимая рук ото рта.

Дровосек вздрогнул от неожиданности, ударился головой так, что стол прыгнул. Железная шляпа съехала на глаза. Он неуклюже выбрался из-под столешницы, поправил колпак, удивленный взгляд остановился на гостях.

– Ох, детишки... Как вы сюда попали?

– Мы... э... – начал было Ник и умолк, не зная что сказать. Но железному человеку, похоже, не нужен был ответ.

– Подождите, тут от моих подданных оставалось печенье, сейчас я вас угощу.

Он поспешно, словно каждая секунда детского ожидания была для него пыткой, выдвинул ящик стола, достал оттуда деревянную доску. На доске лежало несколько сморщенных почерневших кругляшков. Каждый из них был укрыт грубой шубой из зеленой плесени.

– Угощайтесь, тут каждому хватит.

– М-м... спасибо, – промямлил Ник, – мы не голодны.

Сопля сделал было шаг навстречу лакомству, но Ник схватил его за руку. Дровосек озадаченно посмотрел на доску.

– Ничего не понимаю... Когда мне их принесли? – Расстроенный, он убрал печенье на место. – Может быть тогда хотите, чтобы я вас покатал на плечах?

Сопля снова подался вперед, Ник оттащил его на два шага. Глядя на ожившего друга мамы сияющими глазами, Молли помотала головой.

– Мы пришли не за этим.

– Нет? Зачем же? – Дровосек изучающе поглядел на собеседницу. – А мы с тобой уже виделись, верно? Никак не припомню где. Только чувствую, что сердце начинает биться чаще. Оно у меня, знаете, чутко к таким, никогда не обманывает. – Дровосек сдвинул колпак, зачем-то почесал макушку, задумчиво посмотрел в потолок. – Кого же ты мне напоминаешь?

– Может, Элли? – недвусмысленно намекнула Молли.

При одном упоминании этого имени глаза Дровосека заволочло туманом.

– О Элли... Знали бы вы, детишки, сколько это имя значит для меня... Садитесь поудобней, я расскажу вам о наших с ней приключениях.

Дровосек явно был уверен, что про фею, убившую Гингему и Бастинду, в Волшебном мире до сих пор знают все, и ничуть не удивился, услышав о ней от незнакомцев.

– Я знаю о ваших приключениях все, – скромно призналась Молли, – потому что Элли – моя мама.

Дровосек резко повернул громадную голову.

– Что ты говоришь? Элли? Наша Элли – твоя мама?

Молли с улыбкой кивнула. Дровосек подался вперед, все его крупное тело задрожало от волнения, отчего шарниры начали нестройно поскрипывать.

– Ну конечно, как я сразу не догадался, – протянул он, вперившись взглядом в лицо девочки, – мое сердце, оно же чуюло... Те самые глаза...

Он вдруг порывисто вскочил на ноги, решительным шагом ринулся на гостей. Ребята в ужасе шарахнулись в стороны, одно неосторожное движение гиганта могло размазать любого из них по стенке. На месте осталась только Молли. Металлические руки сомкнулись у нее на спине, девочка взлетела в воздух с радостным визгом, но тут же осеклась. Гигант и правда не умел рассчитывать силы, его объятия могли выжать воду из ствола дуба.

– Я так давно не получал хороших вестей! Какое утешение для моего истерзанного сердца! Уверен, мы станем настоящими друзьями, ничуть не хуже, чем с самой Элли!.. Видел бы нас сейчас Страшила...

На уровне живота Молли раздался утробный всхлип.

– Неси масленку, – прохрипела Молли Нику.

– Нет-нет, я справлюсь, – запротестовал Дровосек. Он поставил девочку на пол. – Как тебя зовут?

– Молли.

– Молли... – эхом повторил гигант. – Это почти как Элли...

Он отвернулся, и как ни силился подавить наплыв чувств, дети вновь услышали всхлип. Ник уже подкрадывался сбоку с масленкой. Когда лицо гиганта оборотилось к гостям, по щеке его предательски скатывалась слеза размером с горошину. Слезка добралась до челюсти и исчезла среди зубов. Следом тут же исчезла капля масла.

– О, благодарю, – с чувством сказал Дровосек. – Простите меня за это. – Он шагнул к Молли. – Расскажи, как жила все эти годы наша Элли, как Тотошка? Они тоже скучали по нам? Ну конечно скучали, о чем я спрашиваю! Расскажи скорее, все ли у них хорошо?

Молли помедлила, размышляя. Ее друзья до сих пор не знают ничего ни о ней, ни о Большом мире, но рано или поздно узнают от Железного Дровосека. Похоже, пришло время раскрыть тайну.

И она начала рассказ. Начала с мамы, как и хотел гигант. Про то, как мама стала учительницей, как учила саму Молли, про ее книгу о Волшебном мире. О смерти Тотошки девочка решила умолчать, чтобы избежать потоков слез. Упомянула лишь то время, когда пес был полон сил и энергии, когда бегал за воронами и гонял соседских собак.

– О Тотошка! – воскликнул Дровосек с шутливой укоризной. – Он ничуть не меняется!

Рассказала Молли и про то, как мама скрывала существование Волшебного мира, чем повергла Дровосека в глубочайшее уныние. Рассказала про собственные попытки найти сюда проход. Когда речь зашла о первой встрече со

Страшилой, Дровосек подался вперед с пылающим взором.

– Ты его видела? Когда это было? С ним все в порядке?

Любопытство Дровосека было тут же удовлетворено, он из первых уст узнал историю посещения Страшилой дома Элли. Не забыла Молли упомянуть и волшебную воду, поддерживающую жизнь соломенного существа.

Мальчишки слушали подругу разинув рты.

– Вот откуда ты столько всего знаешь! – невольно вырвалось у Ника. Видимо, кое-какие подозрения иногда возникали в его голове, но мальчик держал их при себе.

Краснея от стыда, Молли призналась, как оставила Страшилу без возможности вернуться, надев серебряные башмачки. Дальше последовала история ее приключений уже в Волшебном мире. Воробей посмотрел на девочку с невольным уважением, когда услышал, как она сперва разворотила сад Гуффало Бинга, а после разъезжала по ярмарке на крыше его экипажа.

С того места, где гостя из другого мира встретила будущих друзей, мальчишки знали историю не хуже ее, но все равно слушали, боясь упустить хоть слово. Теперь те события виделись совсем в ином свете, и собственная роль в них тоже выглядела по-другому. Ник смущенно почесал затылок, когда речь зашла о потере башмачков, словно чувствовал в этом часть своей вины.

Нынешнее положение жевунов привело Дровосека в полное смятение, он то расхаживал в гневе, поскрипывая шарнирами, то падал на стул и подолгу сидел без движения, обхватив голову. Ник и Воробей с готовностью подливали масла в огонь. О положении в Голубой стране они знали куда больше Молли и наперебой бросились рассказывать о произволе богачей, о нищете и запуганности простых жевунов. Ребят будто прорвало, наконец-то нашлись уши, которым можно излить наболевшее, которые не оставались равнодушными. Не умолчали они и о многих детях, чьи родители были отданы в рабство.

– Страшила, друг мой, – причитал Дровосек, – как же мы допустили такое? Мы обязаны вернуть его, уж он бы точно придумал, что теперь делать.

– Мы вернем его, – пообещала Молли.

– Да, но как? Даже если вернуть серебряные башмачки, они могут перенести только одного.

– Нам поможет дядя Рольф и его кукурузная ферма.

– Старик-кукурузник! – осенило Верзилу. – Поэтому ты про него спрашивала? Он тоже... оттуда?

– Спятивший кукурузник? – недоверчиво переспросил Воробей.

Молли кивнула.

– Его ферма по соседству с нашей. Я знаю его с самого детства. – Девочка повернулась к Дровосеку. – Только нам понадобится твоя помощь.

И дети рассказали о своих похождениях в стране мигунов и о конечной цели здесь. Едва они закончили, Дровосек сокрушенно покачал головой:

– Бедная Стелла... Мы с ней виделись несколько раз, обсуждали государственные дела. Кто бы мог подумать... – Дровосек взял из рук Молли фляжку с

водой. – Однажды я пользовался такой, вместе со Страшилой... Сколько времени прошло, пока меня... не было?

Молли пожала плечами.

– Несколько лет, наверное.

– Несколько лет? – ужаснулся Дровосек. – Что ж, не удивительно, что нас все забыли.

– Не забыли, – твердо возразила девочка. – Просто боятся говорить.

Дровосек уныло опустил голову.

– Лучше бы и вам последовать их примеру. Боюсь, зря вы сюда пришли, мне нельзя показываться на улицах. Это может быть опасно и для вас, и для любого, кто встретится у нас на пути. Столько невинных людей пострадают...

– Мы ведь можем идти тайно, – сказал Ник.

Дровосек с надеждой воззрился на мальчика.

– Тайно?

– Да мы через всю страну пробрались тайно, – поддакнул Воробей. А Ник продолжил как можно убежденней:

– До рудника полдня пути, уже сегодня вечером мы могли бы освободить родителей, а обратно, в страну жевунов, двигались бы по ночам.

– По ночам, – эхом отозвался гигант, околдованный перспективой. Он вскочил и пустился взволнованно мерить шагами комнату. – Думаете, у нас получится?

– Ну конечно!

– И ни одна живая душа нас не увидит?

– Ни единая! – отрезал Ник.

– Что ж, – дрожащим от волнения голосом пробормотал Дровосек, – может быть, это и вправду сработает.

– Так ты с нами? – с замиранием спросила Молли.

– Признаться, эти стены с первого дня действуют на меня угнетающе, только я не знал, что делать дальше. А если вы говорите, что невинные не пострадают...

– Ура! – завопила Молли, даже не дослушав.

– Ура! – подхватили ребята.

– За родителями! – выкрикнула девочка.

– За родителями!

– За Страшилой!

– За Страшилой!

Воробей чуть не прыгал от возбуждения, а Дровосек рухнул на стул и разрыдался.

ГЛАВА 26

К РУДНИКАМ

Соскучившись по движению, Дровосек мерил лес семимильными шагами, дети едва попевали за его длинными ногами. Сопля с удобствами устроился на железных плечах и с отстраненным любопытством оглядывал проносящиеся

стволы деревьев.

– Большой мир, надо же, – рассеянно бормотал Ник. Воробей, начисто забыв о своем высокомерии к девчонкам, всю дорогу кружил вокруг Молли и засыпал вопросами.

– А в этом вашем Большом мире тоже пропадает волшебство?

– Там его никогда и не было.

– Не было волшебства? – поразился Воробей. – А волшебные предметы?

– Не говори ерунды, какие могут быть волшебные предметы, если нет волшебства?

Но Воробей не сдавался и упрямо пытался найти хоть какие-нибудь признаки «нормальности» ее мира, спрашивал, много ли у них драконов, шестилапых, какие есть необычные растения и как люди из большого мира справляются с оранжевыми деревьями, полными червей. Через полчаса от его вопросов у девочки разболелась голова.

Следов полицейских Ник по пути не заметил, да и направление они выбрали такое, чтобы выйти от постоянного двора как можно дальше. Всего раз над деревьями пролетел дракон, но и тот не кружил, как утренние патрули, а промчался на восток, в сторону Фиолетового города.

Покрытый лесом склон вывел путешественников к широкой дороге, вымощенной булыжником. На опушке Верзила схватил Дровосека за локоть, потянул назад. Тот даже не почувствовал, придорожные кусты затрещали под тяжелыми ступнями, мальчика поволокло как стадом шестилапых. Воробей тут же вцепился во второй локоть, уперся пятками в землю.

– Стой, – зашипел Ник с натугой.

Дровосек обернулся, удивленный.

– Что случилось?

Ник ткнул пальцем во что-то темное на дороге. Молли различила сквозь крытую повозку, в которую был впряжен шестилапый. Башня на мохнатом чудище пустовала.

– Ох, простите, – виновато пробормотал Дровосек. – Я так увлекся, что совсем потерял бдительность.

Вместо ответа Ник приложил палец к губам и бесшумно выбрался из кустов. Хозяева шестилапого обнаружили в двадцати шагах позади повозки. Там посреди дороги виднелся задок богатой коляски. Пользуясь минутой передышки, на дышлах повис раскрасневшийся мигун. В роскошном, похожем на трон кресле валяжно восседал другой мигун, чистенький и ухоженный. Он громко со вкусом разглагольствовал, а двое рудокопов выслушивали в смиренных позах, изредка бросали друг на друга смущенные взгляды.

Ник подкрался к повозке с шестилапым, приподнял краешек тента. Внутри штабелями были уложены бревна, у ближнего к мальчику борта грудой валялись кирки и лопаты. Повозка определенно направлялась к шахте. От внезапно возникшей мысли у Ника даже пересохло во рту. Испуганный собственной наглостью, он обернул круглые глаза к остальным, махнул следовать за собой.

Друзья с ужасом наблюдали, как он отгибает тент и скрывается внутри. Воброй опомнился раньше других. Чувствуя, как от страха ослабели мускулы, он вылез из кустов, опасливо покосился на рудокопов и тенью шмыгнул к борту повозки. Молли повернула испуганное лицо к Дровосеку, шепнула:

– Пошли.

Гигант осторожно опустил Соплю, взял его за руку.

Как Дровосек ни старался вести себя тихо, под огромными ступнями кусты потрескивали как поленья в костре. При каждом шаге Молли с замиранием бросала взгляды на рудокопов. Благо, богач болтал без умолку, с упоением, его певучие модуляции могли бы перекрыть треск падающего дерева.

Двое мальчиков внутри аккуратно перекладывали инструменты на бревна. Когда места освободилось достаточно, Ник кивнул Молли.

– Залезайте.

Едва Дровосек встал одной ногой на перекладину, повозка опасно накренилась. Ник поспешно лег грудью на гору инструментов, чтобы они не посыпались обратно. Шестилапый повернул голову и стал с любопытством наблюдать за манипуляциями незнакомцев.

Повозка более-менее выровнялась, когда железные пятки скрылись под тентом. Молли помогла забраться Сопле и в тот момент, когда сама взялась за борт, шестилапый, желая обнюхать происшествие, потянулся к ней. Повозка начала разворачиваться, скребя колесами по камням. Девочка вспугнутой птичкой юркнула под тент.

Высокий голос богача на миг оборвался.

– Что это с вашим животным?

В ответ дети услышали голос глуше, в нем едва можно было разобрать слова:

– Шестилапые нетерпеливы, не умеют подолгу стоять без дела.

Рудокоп явно старался поскорей избавиться от общества собеседника.

– Вам есть чему у них поучиться. – Богач коротко хохотнул над своей шуткой.

– Ладно, идите, а то доставит груз без вас. Орбус тогда задумается, не зря ли вам платит! – Он снова хохотнул и крикнул мигуну: – Пошел!

После короткой паузы донесся его удаляющийся крик:

– Передайте инженеру мои слова, через неделю загляну, проверю, что у вас получилось!

С Дровосеком в повозке сразу стало тесно, пришлось уложить его вдоль борта, сами дети расселись на бочкообразной спине. Ник схватил охাপку черенков от лопат, пристроил справа от себя, чтобы хоть как-то прикрыться от глаз проверяющих.

– Тебе не тяжело? – озабоченно спросила Молли, поправив колпак на макушке Дровосека.

– О, не беспокойся, я вас совсем не чувствую.

Даже несмотря на то, что гигант говорил шепотом, дети ощутили под собой вибрацию в пустой утробе.

Снаружи послышался скрип камней под сапогами.

– Я б тоже не прочь сидеть в коляске и раздавать советы, – произнес один рудокоп так близко, будто сидел рядом, в повозке. – Нашелся советчик. Сам-то небось не пробовал ворочать этикие бревна.

– Да пусть себе болтает, – отмахнулся второй, – не нам же ворочать.

Развернувшуюся телегу поволокло влево. Ушей коснулся натужный скрип веревочной лестницы. У девочки отлегло от сердца, рудокопы полезли на шестипапого, не посчитав нужным проверить груз. За ударом кнута последовало недовольное ворчание шестипапого. Повозка вздрогнула и поползла по дороге.

После бессонной ночи монотонная тряска быстро сморила детей. Сквозь дрему иногда слышались короткие фразы, брошенные рудокопами, и кашель, от которого веяло затхлостью подземелий. От вороха прислоненных к бревнам черенков то и дело какой-нибудь отделялся и ударял Ника по голове. Мальчик всякий раз сонно отодвигал его, на большее сил не хватало. Когда дорога взяла круче вверх, черенки перестали донимать, и мальчик провалился в глубокий сон.

Как разряд тока всех четверых привел в чувство негромкий голос Дровосека:

– О нет, это просто ужасно!

Дети спросонья заозирались в испуге. Молли наклонилась к железному коляску, спросила встревоженно:

– Что? Что случилось?

– Я видел, как колесо раздавило маленького жука. Бедная букашка, такая беззащитная...

Девочка примолкла в замешательстве. Ник пихнул Воробья локтем, прошептал восхищенно:

– Вот это сердце!

Воробей пробурчал что-то, приподнял полог и выглянул наружу. Небо начинало темнеть, на склоны гор опускались сумерки. Увидев что-то на дороге, Воробей вдруг отдернул руку, распрямился, как струна.

– Стой! – раздался впереди громкий окрик.

Повозка замедлилась и остановилась.

– Рух, ты что, издеваешься? – узнали дети голос одного из своих рудокопов.

– Сегодня приказ останавливать всех, – объяснил Рух. – Что в повозке?

– Бревна, выработку укреплять. Вчера двоих завалило, слышали? – При этих словах Ник с Воробьем побледнели, быстро взглянули друг на друга. Молли нетрудно было понять их тревогу. – Что на этот раз случилось?

– Детей по пути не встречали? Ночью на постоялом дворе видели четверых с волшебным предметом. Какие-то беспризорники украли маску из коллекции Годрига Флетча. Сегодня тут весь день полицейские крутились. Своих забот у нас мало, еще детей ловить.

– Давно пора всех этих беспризорников к нам на рудник. Нет, мы никого не видели.

– Все понятно. Ну что, осмотреть вас, что ли?

– Хоть заосматривайся.

Молли почувствовала, как рука Дровосека взялась за топор на поясе. Верзила медленно, не дыша поправил ворох черенков.

– Ладно, езжай, – отмахнулся Рух. – Если что, я тебя досмотрел.

Повозка тронулась с места. Прямо перед носом у мальчиков по тенту дважды чем-то постучали. Испуганные, дети вжались в бревна, но досмотр на этом был закончен, шестилапый благополучно провёл груз мимо поста.

Дорога забирала все круче вверх, вдали слышались отголоски криков, звонкие удары. Рудник приближался. Ник все чаще с тревогой выглядывал наружу, собственная затея уже не казалась такой удачной. Залезть-то они залезли, а как теперь незаметно выбраться? Сейчас шестилапый привезет их в самое сердце вражьего стана, и начнется разгрузка. Если сами дети могли бы соскочить в любом месте, то малейшее движение тяжелого Дровосека точно привлечет внимание рудокопов. Мальчик утешал себя мыслью, что в горах темнеет быстро, рабочий день скоро должен подойти к концу. По пути уже попадались первые освободившиеся работяги. В такие моменты повозка отклонялась, пропуская встречный транспорт, снаружи доносились приветствия рудокопов между собой. Вскоре повозка начала замедляться и остановилась перед двумя болтающими мужчинами.

– Что-то вы припозднились, – поприветствовал один прибывших.

– С погрузкой были проблемы.

– Ладно, загоняй в ангар.

Ник вздохнул с облегчением. Похоже, сегодня все-таки никто не планирует заниматься грузом.

Сперва передние, а потом задние колеса повозки ударились о какой-то выступ, и сразу посторонние шумы и голоса стали доноситься приглушенным эхом. Судя по всему, детей привезли в просторное пустое помещение.

ГЛАВА 27

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Боясь шелохнуться, друзья слушали возню и ругательства рудокопов, распрегавших шестилапого. Прохудившиеся места в тенте отливали красным от света факелов.

– Куда пошел, глупое животное, – прикрикнул рудокоп. – Сюда, сюда, за мной давай!

Свет факелов начал удаляться, с лязгом хлопнула стальная дверь. Ангар погрузился в тишину.

Ник зашевелился, высунул из укрытия голову. Помещение напоминало холст, залитый чернилами, во всем ангаре не было ни единого окна. Невозможно было сказать ни каких он размеров, ни в какой его части пристроилась повозка.

– Надо выбираться, пока нас тут не заперли, – вполголоса сказал мальчик.

Друзья одновременно ожили, соскочили на усталый досками пол. Дровосек внутри начал подниматься на ноги, и только Молли подумала, что не помешало бы его предостеречь быть осторожным, как на дно повозки со звоном посыпа-

лись инструменты.

– Простите, – виновато пробормотал гигант, – все этот топор.

Повозка со стоном накренилась, оставшиеся инструменты грудой обрушились вслед за первыми. Их грохот эхом разлетелся по всему ангару. У ребят оборвались внутренности, если рядом с ангаром находился хоть один не глухой рудокоп, они пропали. Дровосек распрямылся рядом с Молли, сокрушенно покачал головой:

– Я точно всех нас выдам. Не понимаю, на что я надеялся, с моей-то неуклюжестью.

Друзья настороженно прислушивались к звукам на улице. Казалось невероятным, что никто не бежит сюда с криками.

– Надо искать выход, – наконец промолвил Ник.

В темноте ребята сами не заметили, как начали расползаться в разные стороны. Их остановил голос Дровосека, прозвучавший шагах в двадцати.

– Что вы делаете? – недоуменно спросил он. – Ах да, вы же видите в темноте намного хуже меня. Двигайтесь на мой голос.

Ник остановился, смущенный, хорошо же они выглядели, вода растопыренными руками по воздуху.

– Я могу приоткрыть дверь, чтобы впустить немного света, – предложил Дровосек.

– Не нужно, – поспешно заверил Ник, – мы сейчас подойдем.

В предвечерней серости шкуры шестипалых начинали светиться нездешним зеленым огнем. В узкую щелку Ник внимательно осматривал большую площадь перед ангаром. Между постройками сновали шестипалые с седоками и пешие рудокопы. В дальнем конце площади вверх по склону убегала хоженная тропка, которая вела к россыпи низеньких убогих домов. В одном из этих строений и проведут ночь их родители. Надо спрятаться так, чтобы видеть, в какой именно дом их отведут. Иначе придется по очереди проникать в каждый.

Площадь постепенно пустела. Большинство животных двигалось в ту сторону, откуда прибыла повозка с детьми. Среди гомона голосов и смеха Ник отчетливо разобрал далекий крик:

– Бомино, сколько можно трепаться, ты ангары закрыл?

– Уже иду!

Мальчик похолодел, приоткрыл дверь пошире, быстро огляделся. Ленивой походкой, словно издеваясь, очередной шестипалый прошагал мимо ангара. Дождаться, пока он скроется из виду, времени не было, мальчик махнул друзьям следовать за собой, выскользнул в проем и рысцой припустил вдоль стены. Молли успела заметить только, как за его спиной сомкнулись заросли молодняка. Коротко оглядевшись, она припустила за ним. Дровосек, придерживая бряцающий по бедру топор, шумно дышал в затылок. Последними в кусты ворвались Воробей с Соплей. Растрепанный мальчик поздно спохватился, что второпях забыл прикрыть дверь.

Лесок оказался небольшим островком среди голых камней. Когда компания

добралась до противоположного его края, позади раздался возмущенный крик, обращенный в пустоту:

– А что, двери за собой закрывать не надо?

Воробей подавил внезапный порыв извиниться. Послышалось эхо от удара металлической двери.

На опушке Ник раздвинул тонкие, как прутики, стволы, высунул голову. Впереди расстилалось открытое пространство, даже в сумерках пять фигур будут здесь как на ладони.

– Дальше придется ползти, – шепотом сообщил мальчик.

Молли неохотно застегнула халат на все пуговицы, чтобы не испачкать платье. Ник занял позицию на животе, его подошвы вынырнули из зарослей. Молли присоединилась к другу, неумело перебирая локтями под телом.

– Что будем делать дальше, у тебя есть план?

– Будем ждать, – уклончиво ответил Ник.

Локти Дровосека скребли по камням с таким звуком, будто кто-то урывками таскал по земле тяжелые трубы. Гигант вздыхал горестно:

– Было время, когда правитель мигунов скорее умер бы, чем позволил себе перемещаться таким образом. Как быстро все меняется... Какое счастье, что меня сейчас не видят бывшие подданные...

Ник добрался до ближайшего валуна высотой в человеческий рост. Отсюда открывался вид на пологий склон, усеянный такими же выступающими глыбами. Он подождал, пока все соберутся за камнем, указал рукой вниз. Там по дороге устало плелись три человека. Грязные, небритые, каждый из них катил перед собой пустую тележку, одежда на всех выцвела, висела грязными лохмотьями. Скорее не по кафтанам, а по жующим челюстям и мигающим глазам Ник распознал двух жевунов и одного мигуна. Дорога вела к круглому черному отверстию в скале. Нетрудно было догадаться, это и есть рудник. Возле входа на камне сидел рудокоп с кнутом. Он следил за бредущими рабочими с раздражением, словно подозревал, что они намеренно тянут его время.

– Пошевеливайтесь, если не хотите работать в темноте, – услышали дети его команду.

Рабочие друг за другом исчезли в черном лазу, откуда еще доносились звонкие удары. Верзила внимательно оглядел окрестности и не нашел ни одной возможности тайно пробраться отсюда к домам. Похоже, опередить возвращающихся рабочих не удастся. Разве что надсмотрщик действительно задержит их до ночи. Тогда под прикрытием темноты можно будет перебежками проникнуть в жилую зону, спрятаться за одним из домов. А уж вблизи они родителей узнают.

Вскоре трое рабочих снова вышли из пещеры. Их телеги были доверху нагружены изумрудами. Верзила с Воробьем разинули рты, такого богатства они сроду не видывали. Возглавлявший шествие мигун от напряжения покусывал губы, его плечи как-то странно дергались. Ник быстро разгадал причину: деревянное колесо в телеге под тяжестью заваливалось то на одну сторону, то на другую. Не успел он подумать, что долго колесо не протянет, как раздался треск.

Телега рухнула на бок, гора изумрудов рассыпалась по земле. Жевуны ахнули в испуге и остановились.

Надсмотрщик взвился на ноги как ужаленный.

– Это еще что такое? Портить имущество господина Орбуса?!

Перехватив кнут поудобней, он ринулся на провинившегося. Тот попытался, залепетал в ужасе:

– Простите, это вышло случайно. Я ведь еще вчера предупреждал вашего сменщика, что с телегой что-то не так.

Надсмотрщика оправдания не интересовали, кнут засвистел в воздухе, кончик его вильнул мигуну за спину и хлестко лизнул кожу между лопаток. Маленький человечек заверещал от боли, рухнул на колени, пытаясь руками достать ушибленное место. Дровосек за камнем отшатнулся так, будто удар пришелся ему в грудь, железная рука схватилась за пронзенное сердце. Надсмотрщик в бешенстве повернулся к жевунам, рукоять кнута ткнулась в дальнего из них:

– Ты, спускайся в шахту и зови всех наверх, будете носить изумруды руками! Я вас научу ценить расходы, которые несет из-за вас господин Орбус!

– Мы ценим, правда, очень ценим, – униженно пробормотал жевун, – но... мы ведь тогда и за ночь не управимся.

– А вы что, куда-то торопитесь? – рявкнул надсмотрщик.

Другой жевун робко вступился за товарища:

– Просто утром нам опять выходить на смену, мы не сможем работать совсем без сна.

Надсмотрщик заскрипел зубами. Последствия и для него будут не самые приятные, если по его вине на целый день упадет производительность. Рудокоп быстро придумал выход, позволяющий сохранить лицо:

– Будете таскать руками, пока этот олух не починит телегу!

Он вновь замахнулся кнутом на поверженного мигуна. Тот вытянул перед собой руки, взмолился:

– Не надо, пожалуйста.

Прикинув, что в таком положении удар все равно смажется, надсмотрщик хмуро сунул кнут за пояс.

– За работу!

Жевун шустро умчался в пещеру. Мигун подполз к телеге, утирая слезы рукавом, перевернул ее и начал возиться с колесом. Оставшийся без распоряжений жевун просто стоял и смотрел на свой груз, боясь лишним движением навлечь гнев надсмотрщика.

Железный Дровосек шатался как пьяный. Ник всячески гнал мысли, что и с его родителями за любую провинность поступали так же. Сейчас во что бы то ни стало нужно было сохранять голову холодной.

– Если это затянется надолго, – произнес он рассеянно, – то план вот какой...

– План? – вдруг взревел Дровосек. – Ты говоришь о плане?! – Друзья обмерли, чувствуя, как в животах образуется безмерная пустота – голос гиганта гулким раскатом разнесся по подножию скал. – Эти негодяи отняли родителей

у детей, издеваются над ними день и ночь, а ты говоришь о плане?! Они забыли, как должно обращаться человеку с человеком? Они забыли, к чему приводит зло в Волшебном мире? Они забыли, кто такой Железный Дровосек?! Так я им напомню! Или я не достоин буду носить в груди такое сердце!

С этими словами Дровосек грохнул кулаком в грудь. Звук был такой, будто огромной кувалдой ударили в стальную дверь.

Ник с Воробьем смотрели на гиганта в священном ужасе. Эту тираду во всем лагере не услышал бы только мертвый. И верно, мигун с жевуном подняли головы и удивленно оглядывали склон, ища источник звука. Собиравшийся сесть на камень надсмотрщик замер на согнутых ногах.

– Эй, что там происходит? Вы тоже слышали?

А Дровосек, не добавив ни слова, ринулся вниз по склону, как веслами рассекая воздух длинными руками. Воробей и Ник ошалело смотрели ему вслед, потом повернули лица друг к другу. Их взгляды встретились всего на миг, и вдруг оба, не сговариваясь, обогнули камень с разных сторон и потянулись за гигантом. Молли поняла, что уже бессмысленно звать к здравому смыслу и напоминать об осторожности. Она осталась в укрытии и с трепетом ждала, что же теперь будет.

Что-то явно переворачивалось в сердцах мальчишек. Поначалу они двигались неторопливо, старались держаться на безопасной от гиганта дистанции, но их фигуры все больше напоминали снежные комки, набирающие скорость под силой тяжести. Постепенно они догоняли Дровосека. Сопля какое-то время следил, как удаляются спины друзей, потом сам поплелся вниз, бестолково озирая россыпь гигантских валунов вокруг.

Ребята впереди, подражая Дровосеку, уже размахивали руками как заправские лыжники. Несмотря на большую разницу в росте, они умудрились догнать и перегнать гиганта. В обоих будто демон вселился, который мальчишек подстегивал и оберегал. Просто чудо, что никто из них до сих пор не споткнулся и не расшиб голову. Девочка видела, как Воробей все чаще проводит рукавом по лицу. Виной тому встречный ветер, или нет, глаза Ника тоже опухли и покраснели. У нее мелькнула тревожная мысль, что случится с мальчишками, если они первыми доберутся до рудокопа?

А тех, похоже, эта мысль не только не беспокоила, но радовала.

– Эй ты! – вдруг крикнул Ник каким-то чужим голосом и, в исступлении не найдя других слов, добавил: – Никуда не уходи!

– Эй ты! – тут же подхватил Воробей с истеричными нотками в голосе. – Стой на месте!

Удивленный, рудокоп распрямылся, во все глаза вглядывался в сумрак, застилающий склон. Взгляд его наконец выловил мелькнувшие среди камней тощие фигурки подростков.

– Что такое? – произнес он угрожающе и медленно потянул из-за пояса кнут.

А детей будто прорвало, они орала как оглашенные, выкрикивали угрозы, ругательства, чем сами приводили себя в еще большее исступление.

– Бледная кочерыжка? – повторил рудокоп, багровея. – Кто это такие? – рванул он на сбившихся в кучку мигуна с жевуном. Те молчали, растерянные и напуганные.

– Мамку мою бил? – с надрывом кричал Воробей. – Бил, да?

Двое мальчишек выскочили на дорогу, ломанулись навстречу рудокопу. От влаги в глазах дорога перед ними расплывалась. Почти синхронно друзья смахивали слезы рукавами, но те сразу возвращались. Интуитивно надсмотрщик ощутил, странные дети сейчас жалеют лишь о том, что не могут добраться до него еще быстрее, в один прыжок. Он на мгновение ступешался, остановился, однако, разозлившись на свой испуг, рывком расправил кнут, прорычал:

– Проклятые беспризорники! Я научу вас, как проникать на рудники!

Внезапно он осекся, рука с кнутом замерла над плечом. Из-за валуна на дороге вылетела неестественно долговязая фигура. Отполированное тело поблескивало и в густых сумерках, голые пятки на бегу высекали искры из камней. Железное лицо было перекошено от ярости, один взгляд на него мог обратить в бегство целую роту полицейских. Надсмотрщик почувствовал, как от страха подкосились колени, кнут отяжелел, медленно опустился.

– Что это?.. Как это?.. – пролепетал он бледными губами.

– Распустились?! – как раскат грома пророкотал Дровосек.

В три могучих прыжка он обогнал детей. Рудокоп попятился, губы его задрожали, словно пытались что-то ответить на странный возглас. Стальная рука сцапала его за грудки и как тряпичную куклу швырнула через голову. С диким воплем рудокоп пролетел несколько метров, врезался спиной в каменную глыбу, сполз головой вниз и затих. Рабочие стояли возле телег ни живы ни мертвы, думая, наверное, что с гор на их головы спустилась сама кара небесная в облике стального великана.

Не сбавляя шага, Дровосек направился к тоннелю. Дети мигом забыли про бесчувственного рудокопа, кинулись за ним.

– Да что у вас там происходит? – послышался из темного лаза раздраженный голос. Наружу с кнутами наготове выбежали еще двое рудокопов и остолбенели, столкнувшись лицом к лицу с разъяренным стальным чудищем.

– Напомнить?! – проревел Дровосек в ошеломленные физиономии. Он схватил каждого за шиворот и столкнул головами. Рудокопы без звука попадали в разные стороны, прямые, как стрелки часов. Дровосек растворился в темноте тоннеля. Мальчики с кровожадным удовлетворением пнули сапоги, перегордившие дорогу, нырнули следом. Над их головами молча, как манекен, пролетела длинноногая фигура. По самые плечи фигура воткнулась в гору изумрудов, тележка опрокинулась, похоронив под россыпью камней верхнюю часть туловища.

Крики мальчишек в тоннеле перемежались воплями страха и боли, которые удалялись до тех пор, пока совсем не стихли в недрах скалы. Молли по-прежнему не решалась покинуть укрытие. В лагере наверняка осталось немало рудокопов, они в любой момент могли сбежаться на шум.

Из пещеры показались первые бледные мордашки. Рабочие тесно жались друг к другу, бросали по сторонам испуганные взгляды. Под толстым слоем грязи и пыли их лица казались удивительно одинаковыми, кафтаны на всех были усыпаны каменной крошкой. Сопля уже спустился со склона, остановился посреди дороги и, шмыгая носом, взирал на ручеек шахтеров, который возле телег сбивался в растущее озеро. Среди кафтанов Молли заметила и розовые, значит, страна Стеллы терпит те же бедствия, что и мигуны с жевунами. Девочка насчитала не меньше двух десятков рабочих, а поток все не кончался.

Маленькие жители Волшебного мира с испугом косились на бесчувственные тела надсмотрщиков, перешептывались, спрашивали друг у друга, что происходит. Молли наконец вышла из-за камня, поспешила вниз, чтобы успокоить потерянных человечков:

– Все в порядке, мы пришли, чтобы помочь.

Впрочем, сама она понятия не имела, как теперь помогать такой ораве. И через мгновение пожалела, что бросила укрытие: со склона девочка увидела зеленое свечение на дороге. К шахте приближался шестилапый. В башне у него отплясывали два огонька факелов, по бокам в круге зеленого света вышагивали еще четверо рудокопов.

– Почему покинули шахту без разрешения? – угрожающе крикнул кто-то с башни. – Что за шум вы устроили?

Шахтеры в страхе попятились, задние ряды развернулись, потянулись обратно ко входу. Но и тут на пути возникло препятствие. Железная фигура гиганта выросла из недр земли как мстительный дух, разбуженный людскими пороками. Стальное тело уже не блестело под слоем пыли, с головы на плечи стекали ниточки песка и крошки. Дровосек глазами отыскал новых врагов, ринулся мимо группы шахтеров пружинящим шагом.

– Это ведь Железный Дровосек! – потрясенно ахнул кто-то в толпе. По плотным рядам прокатился шелест, который тут же сошел на нет. Слишком долго это имя было под запретом. Произнесенное вслух, оно подействовало на людей пугающе и магически.

В сгущающейся тьме рудокопы не сразу разглядели железное тело, их озадачили рост и походка незнакомца. В Волшебном мире едва ли найдется человек, способный двигаться столь стремительно.

– Кто там идет? Стой на месте! – донеслась с башни команда.

– Забыли?! – громыхнул Дровосек так, что пешие рудокопы замерли в растерянности. Не успели люди в башне опомниться, гигант нырнул под громадную морду животного, уперся руками в мохнатую грудь. И тут, к изумлению всех присутствующих, передние лапы животного начали отрываться от земли. Рудокопы на башне судорожно вцепились в борта, один факел шлепнулся на землю и погас.

– Что там происходит? – выкрикнул тот же голос, в котором не осталось и тени гнева. Дровосек шагнул глубже под грудь зверя, от земли оторвался второй ряд лап. Ничего не понимающее животное оглушительно ревело и мотало голо-

вои так, что седоков швыряло друг на друга.

– Что вы стоите, хватайте его! – выкрикнул командир уже с откровенным страхом.

Потрясенные, рудокопы не сдвинулись с места. Кто-то один достал кнут, неловко взмахнул им. Кнут ударил по лапе зверя и выпал из непослушных пальцев.

Животное распрямлялось и пятилось на задних лапах, будто цирковой слон, пока наконец не начало заваливаться на спину. Седоки с ругательствами повыпрыгивали из башни. Земля вздрогнула под весом рухнувшего зверя, башня с треском развалилась. Дровосек рывком развернулся к оставшимся врагам. Бледные, как восковые куклы, те переглянулись и явно готовы были дать стрекача.

– Ловите их! – вдруг раздался среди шахтеров одинокий возглас.

Самый решительный из маленьких человечков отделился от толпы, пошагал к Дровосеку. За ним неуверенно последовал еще один, потом еще несколько. Задние стали подталкивать передних, плотная группка стала растягиваться, напоминая червяка, подтягивающего кольца.

Рудокопы переводили взгляды с Дровосека на шахтеров и обратно и в конце концов не выдержали, бросились наутек. С победным кличем передние шахтеры ринулись вдогонку. Вскоре ряд за рядом вся толпа перешла на бег. Маленькие человечки торжествовали, видя страх своих мучителей. По всему лагерю разносились возгласы их тонких голосов, полные праведного гнева и восторга перед лицом свободы.

Сопля потянулся туда же, куда все. Но когда ликующая толпа чересчур отдалась, остановился и стал наблюдать, как поверженное животное молотит лапами по воздуху.

Дровосек отыскал под обломками башни веревку, связал притихших наездников. Молли догадалась, что оба только притворяются бесчувственными. Когда пути с силой врезались в грудь, один из них громко застонал. Посадив связанную парочку под камнем, Дровосек могучими прыжками устремился вдогонку за рабочими.

Площадь перед рудником опустела. Молли с мальчишкой остались недалеко от перевернутой телеги и ждали. Вдалеке испуганные вопли рудокопов сменялись то ликующими криками толпы, то ревом железной утробы. Шестилапый перекатился на бок, неуклюже взгромоздился на лапы и словно тут же забыл о происшествии. Он с любопытством обнюхал разрушенную башню, огляделся и с невозмутимостью слона поплелся куда глаза глядят.

Ник с Воробьем пока не показывались из пещеры. Наверное, среди поднявшихся рабочих не было родителей и ребята продолжали поиски.

Раньше, чем на дороге замелькало множество огней, девочка услышала веселый смех и гомон. Все было кончено. По обочинам в два ряда шагали возбужденные рабочие с факелами. Недавние мучители, теперь связанные, будто каторжники цепью тянулись посередине дороги, затравленно косились на своих конвоиров. На их лицах отчетливо читался страх перед грядущей расплатой,

каждый отчаянно пытался припомнить, не было ли среди его злодеяний добрых дел, за которые можно выбить если не помилование, то поблажку. Дровосек с бесчувственным рудокопом на плече возглавлял процессию. Молли с удивлением отметила, как быстро меняется настроение гиганта, лицо его сияло, железная рука приветливо помахала Молли.

В одну минуту все пленники были согнаны в плотную группку и стянуты веревкой, как обручем. Тех, кто не мог стоять на ногах, разместили в середину, их держали плечи товарищей. Как только закончили с пленниками, маленькие человечки обступили Дровосека.

– Да здравствует Железный Дровосек! – крикнул кто-то из мигунов. – Да здравствует наш настоящий правитель!

Крик немедля был подхвачен десятками глоток. Одна женщина с перепачканной щекой не выдержала и разрыдалась. За ней как по команде разрыдались все остальные. Дровосек возвышался над жителями Волшебного мира как колосс, как нерушимая цитадель из металла, но плакал громче всех. Его пальцы с трогательной осторожностью поглаживали непокрытые головы. Гулко шмыгая, гигант приговаривал с раскаянием:

– Бедные, бедные мои подданные, это все моя вина. Я не должен был идти на поводу у клеветников. Обещаю вам, больше такого не повторится. Мы все исправим, скоро все будет как раньше, обещаю.

– Сыночек! – вдруг прорвался сквозь общий плач пронзительный женский голос. – Лала! Это же наш Лалечка!

Услышав этот крик, Сопля замер с пальцем в носу, медленно повел глазами по скоплению чумазых рабочих. Молли заметила какое-то движение среди голубых и фиолетовых кафтанов. Оттуда вынырнула темноволосая женщина, крошечная даже по меркам Волшебного мира. Женщина тащила за руку ничего не понимающего мужчину, который превосходил ее ростом едва ли на полпальца.

Выбравшись на дорогу, женщина отпустила руку мужчины и что было сил бросилась туда, где стоял Сопля. Мальчик мгновение смотрел на приближающуюся пару, в озадаченных глазах его мелькнуло нечто, похожее на узнавание. Палец выпал из ноздри, мальчик сделал шаг навстречу, затем еще один. Рот его начал перекашиваться. Молли догадалась, что сейчас услышит, округу огласил рев, схожий с набирающим силу воем сирены. Женщина неслась к сыну раскинув руки, Сопля по ее примеру вытянул руки перед собой и побежал каким-то неуклюжим шагом младенца, который только-только научился вставать на ноги.

– Это его имя, Лала Коул, – услышала Молли за спиной. Она вздрогнула от неожиданности, обернулась и увидела перед собой улыбающееся лицо Верзилы. По бокам от мальчика стояли мужчина и женщина. Мужчина был взрослой копией сына, такой же высокий, темноволосый, но куда более грузный. Изнурительная работа не до конца согнала следы брюшка, придающего фигуре солидности, прямоугольные очки делали его похожим на какого-нибудь крупного директора или инженера. Если бы не грязь и каменная крошка на одежде, Молли не поверила бы, что этому человеку приходилось работать под кнутом наравне

со всеми. Мать Ника с виду была самой обыкновенной жевуной самого обыкновенного роста. Она прижималась щекой к руке сына и поглаживала его по плечу, для чего руку приходилось поднимать над головой.

Отец Ника сдвинул запыленные очки на нос, поглядел на Молли поверх стекол.

– А эта юная леди у нас...

– И есть Молли из Большого мира, – закончил Ник с оттенком гордости и смущения.

Отец Верзилы протянул руку, произнес так, будто месяц пробыл с сыном в подземелье:

– Наслышаны. Баркер-старший. – Пожав хрупкую руку, мужчина обвел взглядом место побоища. – Навели вы тут переполох, нечего сказать. Что дальше, сын?

Верзила помедлил в замешательстве. Вопрос был явно не из тех, каких ожидаешь после долгой разлуки.

– Дальше?

– Именно. Какие наши дальнейшие действия? – Баркер-старший сдвинул очки еще ближе к кончику носа, добавил строго: – Только не говори, что ты заварил всю эту кашу, не имея хорошо продуманного плана, Баркеры так не поступают!

Молли тактично отвернулась, делая вид, что не заметила, как покраснел мальчик. Ей ли не знать то чувство стыда, когда тебя отчитывают перед друзьями.

– План у меня был, – смущенно сказал Ник. – На берегу реки есть деревушка Рыболовная-1, там есть лодочник, который за умеренную плату готов переправлять беглецов в долину марранов. Только вот... освободить мы должны были вас и еще несколько человек. Тихо и незаметно. А в последний момент все пошло наперекосяк. – Ник кивнул на полтора десятка пленников и большую группу освобожденных рабочих. Те как раз собирались поднять железного спасителя на руки, но не рассчитали сил и Дровосек с грохотом рухнул на камни. Из гущи тел послышались его успокаивающие слова:

– Все в порядке, не плачьте. Я совсем не чувствую боли.

Без пояснений было очевидно, что такой компанией уйти от преследования невозможно. Да и пленников оставлять нельзя, по всему Волшебному миру вмиг разлетится весть о возвращении Железного Дровосека.

Баркер-старший коротко кивнул, вернул очки на переносицу.

– Побудь с матерью, она соскучилась. Я буду думать.

И, заложив руки за спину, он пустился расхаживать вдоль перевернутых телег. Оставшись наедине с сыном, мать тут же взялась за него:

– Застегни воротник, здесь по ночам холодно.

– Мама! – с выражением сказал Ник.

– Простудишься!

Мама сама потянулась к пуговице пуговицу, долговязый Ник чуть склонился, опять едва заметно покраснев. А внимание Молли привлек новый голос, донес-

шийся из пещеры:

- Ужас, просто ужас! Как же так можно, где твоя расческа?
- Я не ношу расчески, я же не девчонка!

Из темного тоннеля корчась и отбрыкиваясь вышел Воробей. Над его голо-
вой колдовала крохотная темноволосая женщина. Она запускала пальцы в не-
покорные пряди и пыталась их разгладить, как гребнем. Пряди от этого только
больше начинали топорщиться. С другого боку от Воробья показался его отец,
ни на дюйм не выше сына и с точно такими же непокорными прядями. Если бы не
грязная одежда да пыль в волосах, со спины их было бы не отличить. Молли не
могла избавиться от ощущения, что на дорогу приземлилось пернатое семейство
из трех особей. У всех троих движения были одинаково шустрые, резкие, как у
птиц.

- Да мама, больно же! – поморщился Воробей, отталкивая ее руку.
- Ничего, потерпишь.
- Пап, скажи ей!
- Не перечь матери, – бросил отец рассеянно. Он что-то высматривал в толпе
рабочих и замер, когда наткнулся взглядом на фигуру гиганта. – Так это правда,
– пробормотал потрясенно, – он вернулся...
- Конечно вернулся, – обиделся Воробей, – думал, я все сочинил?
- Можешь нас познакомить?

Воробей с нарочитой небрежностью пожал плечами:

- Могу и познакомить, мы с ним друзья.

Отец возбужденно схватил сына за руку и поволок в гущу рабочих. Мать
семенила за ними, не выпуская из рук голову мальчишки, нельзя же предстать
перед легендой Волшебного мира в растрепанном виде.

Не избежал опеки родителей и Сопля. Вдоволь наобнимавшись, его мама
вытащила грязный засаленный платок и принялась утирать измазанные ноздри.
Сопля покорно стоял и шмыгал носом.

В этот казалось бы счастливый момент Молли острее ощутила свое одиноче-
ство. Семьи радовались воссоединению, жители Волшебного мира радовались
своему избавлению и возвращению легенды, а про нее все забыли. Девочка
скромно ютилась в сторонке, думая о том, что ей-то еще не скоро суждено встре-
титься с родителями.

Однако долго тосковать девочке не позволили. Дровосек склонился к голо-
вам маленьких человечков и что-то заговорщицки втолковывал. Едва он догово-
рил, все головы как одна повернулись к гостю из Большого мира. Молли опом-
ниться не успела, как взлетела в воздух, чувствуя спиной десятки маленьких рук.
Огни факелов замелькали в опасной близости от волос. На сей раз хвалу вы-
крикивали «спасительнице из-за гор», «дочке Феи Спасительной Воды». Саму
Молли моментально окрестили Феей Оживляющей Воды. Вновь оказавшись на
земле, девочка улыбалась и смеялась. Как бы кто ни старался, далеко не все в
Волшебном мире забыли про Элли, Дровосека и Страшилу...

Темнота густела с каждой минутой. Буря эмоций после чудесного освобо-

ждения поутихла, пора было решать, что делать дальше. Тут за дело взялся отец Ника. Он развернулся и решительным шагом направился к Дровосеку.

– Баркер-старший, – представился родитель, протягивая руку, – отец того молодого человека, который привел вас сюда.

Дровосек поспешно схватил его ладонь:

– О, это большая честь, вы вправе гордиться сыном.

Баркер-старший кивнул так, будто услышал очевидное, и сразу перешел к делу:

– Я все тщательно обдумал и пришел к выводу, что ситуация приняла для нас наилучший оборот.

– Наилучший? – удивился Дровосек.

– Совершенно уверен. Дело в том, что деревянные крепления в выработках и в штреках давно требуют замены. На днях во второй выработке произошла авария, задавило двоих наших товарищей... – При этих словах стоявшие поблизости жевуны притихли, скорбно опустили головы. А Баркер-старший многозначительно посмотрел на гигантский топор Дровосека: – Если бы мы могли устроить еще одну аварию, куда более серьезную, это не вызвало бы подозрений. Рудокопы решат, что нас всех засыпало, а пока будут вестись спасательные работы, мы выиграем достаточно времени, чтобы покинуть страну.

– Как складно вы придумали, – восхитился Дровосек. – Слышал бы вас один мой старинный друг... Уверен, вы бы поладили. Я возьмусь за дело немедленно.

В доказательство готовности гигант потянул из-за пояса топор.

– А как быть с рудокопами? – вклинился Верзила. – Оставлять их нельзя, а пропажа всего лагеря уж точно нас выдаст.

– Неужели ты думаешь, сын, что твой отец упустил такую важную деталь? После обрушения дежурившие в тот день надсмотрщики тоже бесследно исчезли. Господин Орбус, хозяин рудника, известен своей вспыльчивостью. Особенно когда дело касается убытков. Всей смене грозила замена кнута на кирки и буры, и они сбежали. Коллеги искали беглецов не очень охотно. Разумеется, никого не нашли. Едва ли кто удивится, если после большой аварии рудник опустеет.

– Да, это может сработать, – признал Ник. Затем вдруг метнулся к перевернутой телеге, схватил горсть изумрудов. – А чем расплатиться с лодочником мы найдем!

Едва он договорил, на лицо Баркера-старшего словно напозла туча.

– А что, – хмуро произнес он, – разве Баркеры теперь берут то, что им не принадлежит?

Улыбка сползла с лица Ника, изумруды посыпались из ладоней. Мальчик отступил в тень, смущенно пожал плечами:

– Просто предложил первое, что пришло в голову.

– С помощью господина Дровосека и его топора мы сами сумеем соорудить плот, – так же сурово продолжил Баркер-старший. – И не придется подвергать риску кого-то постороннего.

– Об этом не стоит беспокоиться, – уже из подземелья донесся голос гиганта,

– у меня огромный опыт по части плотов!

Рабский труд, очевидно, нисколько не надломил характера отца Ника, Молли сделала для себя заметку, что лучше помалкивать о том, как жил сын без родителей.

Вскоре из недр земли стал слышен далекий стук топора. Каждый раз, когда стук сменялся грохотом обвала, девочка втягивала голову в плечи, фантазия против воли рисовала картину погребенного под грудой камней Дровосека. Но всякий раз стук возобновлялся, подбирался все ближе к выходу.

По распоряжению отца Ника группа жевунов выкатила из ангара крытую повозку. В нее погрузили связанных пленников и собранную провизию. Каждый пленник лишился рукавов, которые были переоборудованы в кляпы. Пока маленькие человечки подготавливались к отправке, стук топора приблизился к самому выходу. Раздался оглушительный грохот, из темного проема хлынуло облако пыли, которое вместе с камнями выбросило удирающего Железного Дровосека. Горстка мигунов тут же кинулась натирать оторванными рукавами запыленный корпус правителя. От проявлений такой заботы Дровосек вот-вот готов был расчувствоваться, Молли с масленкой наготове заняла позицию по правую руку от него.

Разрушения в руднике были катастрофическими. Баркер-старший бросил в проем факел, осмотрел завал и кивнул удовлетворенно:

– Теперь они тут надолго увязнут. Можем выдвигаться.

ГЛАВА 28

РАССТАВАНИЕ

Путь к реке пролегал на юг, через засеянные поля. Беглецы держались дальше от деревень и поселков, но оставалась опасность быть обнаруженными с воздуха. Совместными силами повозку обложили пшеничной соломой, сами путники обвязались сеном так, что открытыми остались только лица. За световой день единственный раз в небе показался дракон. Большой стог соломы в пшеничном поле не вызвал подозрений у наездника, дракон не меняя курса пролетел мимо.

Молли всю дорогу не оставляли в покое, раз за разом ей приходилось пересказывать историю собственных походов в Волшебном мире. Любопытным слушателям этого показалось мало, и Молли была вынуждена в подробностях рассказать историю походов и своей мамы. Однако быстро отбросила эту затею, теплые воспоминания выбили Дровосека из колеи настолько, что какое-то время он не мог тянуть повозку, процессия остановилась на незапланированный привал.

Друзья Молли поведали родителям о жизни в приюте. Как девочка и ожидала, история оказалась вымышленной от начала до конца. Со слов Ника, о них там заботятся, кормят, одевают, преподаватели и воспитатели умные, добрые, обучают их ремеслам и наукам, с учениками строги, но справедливы. Нетрудно было догадаться, мальчик просто хотел успокоить родителей, облегчить расста-

вание.

О скором расставании родители узнали ночью у костра. Если отцы восприняли новость более-менее спокойно, с пониманием, то матерям трудно было объяснить, что это необходимо, что когда под завалом не найдут тел, пропавшие будут объявлены в розыск, для самих детей безопасней будет остаться одним. Еще труднее было объяснить про добровольно взваленный на себя долг перед Волшебным миром. Немало слез было пролито этой ночью и теперь матери ни на шаг не отходили от сыновей, дорожа каждой оставшейся до разлуки минутой.

Деревушка Рыболовная-1 показалась на горизонте к вечеру следующего дня. Караван свернул в лесок неподалеку. Здесь наконец-то можно было избавиться от маскировки, от которой у каждого зудело все тело. Солому с повозки сбросили в яму и для верности закопали. Никогда не устающий Дровосек сразу взялся за топор. Предстояло нарубить бревен для двух плотов. Баркер-старший решил, что и дети должны отправиться в страну жевунов по воде. С таким гребцом, как Железный Дровосек, путь займет в разы меньше времени, чем по суше. Да и вероятность наткнуться на полицейских обращается в нуль.

Двоих жевунов переодели в одежду рудокопов и отправили дежурить на окраину деревни. На случай, если местные жители услышат стук топора в лесу. Хотя Молли сомневалась, что кто-то перепутает жевунов с рослыми бледнокожими рудокопами.

Отец Воробья вился вокруг Дровосека как привязанный. Общество знаменитой персоны явно льстило маленькому жевуну, он робел, не смел заговорить, зато всюду лез помогать, отчего лишь мешал и путался под ногами. А добрый Дровосек знай благодарил за помощь, заставляя жевуна краснеть от удовольствия.

С наступлением темноты перед повозкой выросла гора бревен высотой в рост Молли. С повозки сняли тент и соорудили из него два импровизированных паруса. Дровосек привел в восторг всех мигунов, умудрившись огромным топором вытесать несколько пар весел, на которых при всем старании не найти было небрежной зазубрины.

Все оборудование в темноте погрузили в повозку, пленников посадили сверху на бревна. Переодетые жевуны доложили, что во всех окнах свет погас, деревня уснула.

Грузно подпрыгивая на корнях, повозка выбралась из леса. Беглецы выстроились парами и тронулись в сторону реки. Деревню проходили в полной тишине, будто и себе рты закрыли кляпами. Деревянные колеса негромко постукивали по камням, у Молли мелькнула неуместная мысль, не укладывал ли в свое время и эту дорогу сам Дровосек?

Черные домишки по бокам выглядели какими-то игрушечными, карточными, как в панорамной книге. Наученные опытом, дети напряженно всматривались в окна, в поисках малейшей искорки, случайного огонька. Поэтому только они и заметили темную фигуру возле крайнего дома. Фигура стояла за калиткой и молча наблюдала за пришельцами. Когда повозка прехала мимо калитки, не

остановившись, фигура развернулась и старческой шаркающей походкой удалилась в дом. Окна в доме так и не зажглись.

Ник обернулся к подруге, шепнул взволнованно:

– Это он, тот старик, о котором я говорил. Вон старое колесо на заборе, мне про него писали.

– Он нас не выдаст?

– Вряд ли. Зачем? Наверное, нас ждал со дня на день.

В ста метрах за деревней слышался плеск волн о песчаный берег. У причала были привязаны несколько рыбацких лодок. Дровосек развернул повозку к реке задом. Началась безмолвная разгрузка. Пленные рудокопы подавленно наблюдали за работой, теперь они окончательно убедились, что отпускать их не намерены. На месте своих пленителей рудокопы не задумываясь отдали бы вчерашних угнетателей в рабство марранам, в оплату за приют. Лишь на том берегу им суждено было узнать, как легко умеют прощать мигуны, жевуны и болтуны.

Сборка плотов заняла больше часа. Работали в таком же молчании, бревна стягивали веревками, взятыми в одном из ангаров. Немного подумав, Дровосек приладил оба паруса к большому плоту, убедив всех, что может грести без уста-ли хоть месяцами.

И вот оба плота выстроились в ряд на песке в небольшом отдалении друг от друга. Пришло время прощаться. Дровосек заверил бывших подданных, что это ненадолго, скоро они вернутся домой, нужно лишь вернуть Страшилу, а уж с его-то головой друзья точно что-нибудь придумают. Загружаясь на плот, подданные ударились в слезы, больше всего слез пролили матери, расстающиеся с детьми. Освободившись из объятий своей мамы, Ник подошел к отцу, протянул записку с инструкциями куда идти и к кому обратиться в стране марранов. Тот положил руку на плечо отпрыска, сказал скупно:

– Сын, теперь я вижу, что из тебя вырос достойный Баркер. Может быть, самый достойный. Не посрами и дальше фамилию.

И, отвернувшись, взошел на плот, как и сын избегая неловкости сентиментальных моментов. Воробей делал вид, что носком ботинка отковырял в песке нечто любопытное, пока его родители устраивались на связке бревен.

Рудокопов усадили в центре, под главным парусом, по краям расположились гребцы, остальные распределились на носу и на корме. Ник подошел к Сопле и, совсем как только что отец, положил ему руку на плечо.

– Сопля, ты сделал все что мог. Можешь управляться с родителями. Твоя помощь не будет забыта.

Стоявшая рядом мама поспешно потянула Соплю за рукав.

– Пойдем, сыночек, поплыли с нами.

Поскольку Сопля только смотрел и хлопал глазами, мать беспрепятственно затянула его на край плота. Когда все отплывающие заняли свои места, Желез-ный Дровосек взялся за край плота. Бревна зашуршали по гальке, все, кто стоя-ли на носу, попятнулись к парусу, спасаясь от хлынувшей через край воды. Дро-восек не рискнул переступить черту, до которой дотягивалась волна, подтолкнул

плот. Бревна мягко нырнули и выровнялись.

– В добрый путь, друзья мои, – огорченно напутствовал гигант, – помните, скоро мы вернемся за вами!

Под прощальные крики родителей дети развернулись и понуро пошагали к своему транспорту. Сопля сперва непонимающе смотрел им вслед с приоткрытым ртом, а потом поднял глаза на родителей, бросил коротко:

– Мне пора.

Услышав лаконичный приговор, его мама судорожно вобрала воздух, как если бы вдруг окунулась в ледяную воду, сразу разрыдалась. Сопля прыгнул в воду по голень и пошлепал пятками, не заботясь о промоченных ботинках.

– Хорошо, сынок, мы понимаем, – сквозь слезы сказала мама. – Береги себя. – Потом прижалась лицом к груди мужа и добавила: – Наш мальчик совсем взрослый стал...

Сопля догнал друзей, Ник одной рукой обнял его за плечи, покачал головой и произнес с ноткой восхищения:

– Сопля, Сопля...

Воробей ткнул его кулаком в плечо и обнял с другой стороны. Так родители и смотрели вслед троице друзьям, бредущим в обнимку, пока тех не объяла темнота. Молли обняла за пояс Дровосека и по пути оторванным рукавом утирала набухавшие в его глазах капли.

ГЛАВА 29 ПРАВИТЕЛЬ ИЗУМРУДНОГО ГОРОДА

Полуприропленная повозка прицепом тянулась за плотом. Чтобы не оставлять следов, ее забрали с собой и среди ночи сожгли на пустынном берегу. Из колес Дровосек соорудил своеобразные уключины для весел. Друзья дремали под размеренный скрип, прижавшись спинами друг к другу. Спать приходилось сидя, под весом Дровосека нос плота то и дело загребал воду, особо не полежишь, если не хочешь промокнуть насквозь.

Путь по реке до Тигрового леса занял два дня. Всякий раз, когда в небе обозначалась темная точка, плот спешно приставал к берегу, друзья ныряли в кусты и пережидали. Но все точки либо пролетали мимо, не увеличиваясь в размерах, либо оказывались обыкновенными птицами. Видимо, завал еще не разобрали, никто беглецов не ищет.

Вечером второго дня Ник с радостным криком указал на знакомую пристань, откуда их забирала шхуна. В сумерках плот пристал к берегу. Дровосек топором разрубил скрепляющие веревки и пустил бревна по течению.

Ночь предстояла бессонная. Ник хотел пробраться в город до рассвета, чтобы снова не прятаться с железным гигантом в полях и не вздрагивать от каждого шороха. Встал вопрос, где разместить столь заметного гостя в многолюдном городе. Хотя бы на первое время.

– В стране жевунон есть сейчас только один человек, которому я могу доверять как самому себе, – сказал на это Дровосек.

– Да? Кто же?

– Прем Кокус, конечно. Готов ручаться, старый друг будет рад меня видеть.

– А, тот старик, – протянул Верзила, не сумев скрыть разочарования. – Да, мы знаем его. Ладно, попытаться стоит.

«Если трухлявый пень еще способен отличить день от ночи», – словно закончила за него кривая улыбка Воробья.

Чтобы не терять времени, через лес друзья шли по дороге. Кроме них вряд ли кто рискнул бы идти здесь без огней, так что встречные путники будут замечены издали. Особенно с глазами Дровосека. С железным гигантом и его топором дети чувствовали себя куда спокойней, чем когда проезжали эти места в прошлый раз. Его расслабленная прогулочная походка словно говорила о том, что теперь им бояться нечего. Только Молли, глядя на безмятежную физиономию из железа, спрашивала себя, знает ли он об одичавшем зверье, утратившем связь с людьми?

На обоих мостах через трещины железное лицо вообще принимало ностальгическое выражение.

– Давно я не был в этом лесу, – приговаривал гигант, – сколько воспоминаний! Как бьется сердце при мыслях, что тогда его еще не было в груди!

Преисполненный каким-то возвышенным восторгом, он поведал детям, как возле таких же оврагов на них с Элли напали саблезубые тигры. С этого момента спокойствие изменило детям, они шагали как по иголкам, теснее прижимались к холодным железным бокам и напряженно всматривались в темноту под кронами. К счастью, никакие тигры из мрака не бросались, лишь изредка эхо доносило далекое рычание да уханье филина.

Несмотря на спешку, когда вышли из леса, над полями и лугами уже брезжил рассвет. План пробраться в город ночью провалился.

Верзила подал знак остановиться, сбросил с плеч рюкзак. Мальчики переоделись в родные кафтаны жевунов. Шляпы мигунов пришлось выбросить, из-за своей формы в рюкзак они не влезали. Молли наконец избавилась от рабочего халата, разгладила на боках мягкое платье. За неимением лучшего, Дровосека завернули в волшебный ковер, чтобы случайный прохожий издали не распознал знакомую всему миру фигуру. Чувствуя, что теперь не может пошевелить руками, как младенец в пеленках, Дровосек только вздыхал горестно:

– Я понимаю... Раз это необходимо, я понимаю...

Взглянув на дело своих рук, Верзила с Воробьем согнулись от смеха, гигант напоминал полинялый рулон на тонких ходулях, вершину которого зачем-то накрыли железным колпаком. Молли чуть подогнула край ковра, освобождая бедолаге глаза, сочувственно погладила то место, где должно было быть плечо:

– Не волнуйся, это ненадолго, мы что-нибудь придумаем.

– Может повторить трюк с сеном? – с надеждой спросил Дровосек. Под ковром гулкой голос его звучал глухо.

– Как только доберемся до засеянных полей, – пообещал Ник. – А потом раздобудем на ярмарке ткань и сошьем тебе что-нибудь стоящее.

– Что ж, это радует. Но по нынешним временам... не будет ли это стоить слишком дорого? Я не хочу быть вам в тягость.

– Мы разберемся, – расплывчато заверил Верзила.

Пока окончательно не рассвело, друзья продолжили путь по пустынной дороге. Дровосеку было велено глядеть в оба, сами дети после бессонной ночи на ходу зевали и клевали носами. Молли умудрилась не сбиваясь с шага увидеть короткий сон. Разбудила ее какая-то перемена в окружающих звуках. Собравшись с мыслями и прислушавшись, девочка поняла, что больше не слышит стука железных пяток о камни. В голове промелькнула догадка, что Дровосек шлепнулся, ковер смягчил удар, а несчастный страдалец теперь не может подняться. Но не успела так подумать, как услышала над ухом его озадаченный голос:

– Э-мм... Кажется опять началось... Твоя вода, она перестает действовать, я уже не чувствую ног.

Молли повернула к нему заспанное лицо, и сон как рукой сняло. Дровосек словно вырос еще на полголовы, а железные ступни барахтались в воздухе, не касаясь камней. Края ковра трепыхались, как при сильном ветре, хлестали Дровосека по голове.

Молли возбужденно толкнула Ника в плечо:

– Ковер ожил!

Эти слова стряхнули сонное оцепенение не хуже пушечного выстрела. Все взгляды одновременно обратились к Дровосеку, округу огласил радостный вскрик. Друзья окружили порхающего гиганта, со всех сторон принялись щупать трепещущую под пальцами ткань.

– Больше тебе эта вода не понадобится! – с широченной улыбкой сказала Молли.

– Приятно слышать, – не мог не признать гигант. – А все-таки что-то не так с моими ногами. Пусть я сделан из железа, но это мои ноги, я достаточно хорошо их изучил.

– Сейчас исправим, – деловитым тоном пообещал Воробей. Он подцепил заправленный угол ковра, с силой потянул на себя. Дровосек как танцор крутнулся вокруг своей оси и неуклюже приземлился на ноги, едва не потеряв равновесие. Выровнявшись, он постоял, прислушиваясь к ощущениям, постучал пятками по камням.

– Да, теперь все в порядке, благодарю. Что это было?

Вместо ответа Воробей с хлопком расправил ковер, отступил на шаг. Как сорванный с ветки лист, ковер мягко спланировал, завис на высоте колен. Его углы мелко колыхались, будто пропускали сквозь себя скопившийся в воздухе ток.

– Вон оно что, – пробормотал Дровосек. – Какой стыд, уж я-то должен был узнать этот ковер!

Сопля, увидев знакомую ситуацию, не задумываясь подошел и коленями вскарабкался на ковер.

– Соображаешь, Сопля! – похвалил Верзила. Затем обернулся к остальным, улыбнулся: – В нашей стране драконы не летают, понимаете? Мы поднимемся

так высоко, что снизу нас примут за птицу. И тогда – пожалуйста, летайте сколько угодно и куда угодно!

Радость оказалась преждевременной. Самих детей ковер с натугой, но держал, а когда рядом присел Дровосек, тряпку как гвоздем прибило к камням, одни углы беспомощно трепыхались в воздухе.

Растерянные, дети по очереди сошли на дорогу. Оставшегося Дровосека ковер кое-как сумел оторвать от земли.

Ник почесал затылок.

– Ладно, придется менять план. Ты сможешь сам найти дом Према Кокуса?

– Смогу ли я? – как будто даже обиделся Дровосек. – Да я найду его с закрытыми глазами!

– Тогда сделаем так: ты лети один, а мы придем к вам вечером. Там и решим, что делать дальше.

Подумав, Дровосек кивнул:

– Наверное, так будет правильно.

– Только убедись, что рядом нет зевак, когда будешь приземляться.

– Можете на меня положиться. Вот только разберусь, как управляться с этой штукой...

Дровосек осторожно пощупал край ковра, потянул вверх. Ник по себе знал, как отзывчив ковер на любое движение. Будь гигант полегче, его бы понесло вверх со скоростью пикирующего орла, но с таким седоком он начал взмывать медленно, тяжело. На высоте трехэтажного дома наблюдатели снизу заподозрили неладное. Верхний край ковра задирался все выше, становился перпендикулярным земле, показалась спина Дровосека. Молли с ужасом поняла, что незадачливый летун переворачивается. Спустя секунду глазам детей представился железный колпак на голове седока. Гигантский топор соскользнул с пояса и устремился вниз. Острое, как бритва, лезвие со звоном высекло искры из мостовой перед ногами оцепеневшего Сопли. Дровосек повис, сжимая одной рукой угол ковра, а тот как пойманный за хвост зверек, извивался в воздухе, пытаясь вырваться из ловушки.

– Все в порядке, не беспокойтесь за меня! – крикнул Дровосек с плохо скрытым страхом в голосе. – Это легко исправить, вот увидите.

А сам продолжал висеть неподвижно, как кукла на прищепке. С земли лицо его разглядеть было почти невозможно, но Молли показалось, будто гигант всеми силами пытается изображать невозмутимость, мол, все идет по плану, надо только собраться с силами.

– Как думаешь, он сможет ходить, если свалится с такой высоты? – спросил Воробей.

Ник не оборачиваясь постучал костяшками по макушке друга, крикнул:

– Лови его второй рукой!

– Так и поступлю! – донеслось сверху. И свободная рука Дровосека принялась метаться за увертливым краем. Со стороны занятие выглядело безнадежным, железным конечностям не хватало ловкости. Бедняга мог бы промучиться

весь день, но тут ковер решил изменить тактику. Раз не получается уйти из ловушки вверх, он резко бросился вниз. Дровосек поспешно обнял его обеими руками. Ковер выровнялся и затих, успокоенный привычным положением. Дровосек теперь лежал на нем грудью и вставать, похоже, не собирался. Он руками нащупал углы, ковер неровно, как раненая птица, полетел в сторону города.

Дети молча смотрели ему вслед.

– Кто понесет топор? – тупо спросил Ник.

Второй раз Молли попала в город Гилар. И опять, как и в первый, на улицах было необычайно многолюдно. Причину такого оживления в обычный вроде бы выходной день ребята объяснить не могли, но сейчас это было им на руку. В толпе горстке беспризорников проще не попадаться на глаза лигашам. А выглядели друзья подозрительней некуда: один с большим рюкзаком за плечами, что само по себе недопустимо в глазах местных стражей – откуда у беспризорников имущества на целый рюкзак? Да и сам рюкзак, собственно, не входит в список личных вещей беспризорника. Другой и того хуже, обливаясь потом, тащит нечто громоздкое, завернутое в рабочий халат мигунов. Обыска им бы точно не миновать.

На ярмарке было не протолкнуться. Ник целенаправленно проталкивался сквозь людской поток к овощному ряду. Только высокий рост позволял ему в такой толчее не потерять ориентиры.

Что-то смутно знакомое то и дело проскальзывало в жужжании сотен голосов. Какое-то слово или слова, набор звуков, которые в общем шуме ускользали, как бабочка от сачка, но тревожили что-то далекое в памяти Молли.

Первый же лоток в овощном ряду заставил девочку забыть про голоса.

– Ничего себе! – пробормотала она удивленно. На прилавке в ряд лежали огурцы размером со взрослого гнома. Многодетная семья за неделю не управилась бы с одним таким. Зная себе цену сегодня, продавец сиял и улыбался, с воодушевлением зазывал покупателей. Его голос, казалось, парил над шумной толпой и с легкостью покрывал голоса соседних торговцев. Он водил глазами по потоку голубых кафтанов, выискивая чужие глаза. Достаточно ухватить случайный взгляд, а там уж дело техники, там уж он не отпустит!

Взгляд его встретился со взглядом Молли. Продавец расцвел.

– Подходите, не стесняйтесь! Вы только попробуйте... – он осекся, обнаружив непокрытые головы. Как по волшебству елейные глаза зло сузились: – Никак огурчиков захотелось? Знаю я, зачем ваш брат тут ошивается. Убирайтесь, проклятые воришки, не то позову стражу!

Привыкшие к такому обращению, ребята даже не обратили на него внимания. Но Молли остановилась, возмущенная и готовая ответить что-нибудь обидное. Ник с силой утянул подругу за руку. И правда ведь заверещит, только этого не хватало.

Когда лавка осталась позади, девочка проворчала, кипя от злости и обиды:

– Зачем было вообще сюда идти, тут не продают ткани.

– Ты ведь хотела увидеть старого кукурузника, помнишь?

Сама не зная почему, Молли вдруг оробела:

– Что, сейчас?

– Зачем откладывать? Когда еще выпадет возможность?

Ник уверенно проталкивался туда, где овощной ряд упирался в площадь. Молли с волнением глазела по сторонам, каждую секунду ожидая увидеть знакомую лысую макушку среди початков кукурузы. В какой-то момент сзади вдруг раздался пронзительный женский вопль:

– Убивают!

Воробей как вспугнутая птица юркнул у подруги под мышкой, прикрылся ее спиной. Лезвие топора хорошенько ткнулось в чей-то пухлый бок. Прохожие заозирались, ища причину переполоха, но детей уже след простыл.

Возле самой площади Ник поманил Молли, указал рукой поверх океана шляп. Девочка и без него заметила впереди нагромождение ящиков с кукурузой. Ящиками было заставлено буквально все, от пола до крыши, на прилавке в прямом смысле слова початку некуда было упасть. Для себя торговец оставил лишь узкую щель между двумя стопками, куда с трудом можно было протиснуться бочком.

Что-то странное происходило там, за ящиками. Сперва Молли услышала громкую ругань, затем одна из стопок на прилавке вздрогнула, будто по ней ударили с другой стороны. Верхний ящик соскользнул и рухнул едва не на головы прохожих. Жевуны с испуганными криками рассыпались в стороны. Перед лотком кукурузника образовалось пустое пространство. И очень кстати, второй удар, куда более сильный, потряс соседнюю стопку. Вся конструкция начала медленно, как подрубленное дерево, клониться к земле. Раздался треск, золотые початки разлетелись под ноги изумленных жевунов.

В образованную на прилавке брешь вскочил человек, при виде которого Молли приросла к земле. Она сразу узнала папин домашний халат с вышитым маминой рукой цветком на груди. Но конечно, это был не папа. Погромщик был куда ниже ростом и гораздо полнее. Под мышкой он сжимал короткую трость, пухлые руки в перчатках придерживали края капюшона, а из-под капюшона выбивалась... прядь соломы.

Человек даже не взглянул по сторонам, поспешно и неуклюже скатился по разбитым ящикам и ринулся в сторону площади. За ним через прилавок сиганул старый Рольф. Его фигуру с широкими костлявыми плечами и крошечной головой спутать было невозможно.

Размахивая обломанным кукурузным стеблем, старик кинулся вдогонку за человеком в халате.

– Я тебя научу, как топтать мою кукурузу! – в бешенстве кричал он.

Молли вцепилась ногтями в руку Ника так, что тот побледнел и пискнул.

– Это Страшила! – воскликнула она, забыв об осторожности. – Быстро, за ним! Не потеряйте его!

И, не дав друзьям опомниться, она со всех ног бросилась к площади. Не успе-

ла девочка удалиться от овощного ряда и на десять метров, как угодила прямоком в распахнутые объятия стража в голубой фуражке.

Молли оцепенела от страха. Ник за плечом издал какой-то захлебнувшийся звук.

– Ой-ей, – прозвучал запыхавшийся голос Воробья. И даже Сопля испуганно шмыгнул.

Но страж, как оказалось, не смотрел, кто угодил ему в руки. Он и целая цепь его сослуживцев раздвигала толпу в стороны, освобождая проход.

– В сторону! В сторону! – слышались их команды.

Ник пришел в себя первым, оттащил окоченевшую подругу за спины жевунов. Поняв, что опасность ложная, Молли принялась вертеть головой. Низкорослого Страшила в толпе было не видно, зато хорошо выделялся коричневый затылок Рольфа и раскачивающийся над шляпами стебель.

– Разойдись! – продолжали распорядиться лигашаи. – Дорогу! Дорогу правителю Изумрудной страны! Эй, вам что, отдельное приглашение? В сторону! Не видите, едет сам... – и тут Молли услышала то, что смутно тревожило ее в голосах толпы: – ... Урфин Джюс!

От удивления девочка на секунду забыла про старого Рольфа и перевела взгляд на площадь.

Стражи разрезали толпу на две части. В образовавшийся коридор вступил экипаж, сопровождаемый отрядом в зеленых формах. В отличие от местных лигашей с дубинами, эти были вооружены настоящими кинжалами. Шестеро носильщиков выглядели усталыми, сбивались с ног, толстый слой пыли осел не только на одеждах, но и на лицах. Создавалось ощущение, что они без сна и без сменщиков волокли экипаж от самого Изумрудного города.

Кресла, которые Молли видела в экипажах богачей, не шли ни в какое сравнение с этим. На плечах носильщиков высился самый настоящий трон изумрудного цвета. И уж тут-то невооруженным глазом было видно, что это не подкрашенное стекло. Трон выглядел так, будто скульптор выдолбил его из цельной глыбы изумруда. На спинке трона с высокомерным видом восседал филин. Если филины бывают высокомерными, то этот был самым ярким представителем. Молли сразу вспомнился Гуамоко, бессменный пернатый спутник Урфина Джюса.

Филин был преисполнен гордостью и чувством собственной значимости. Изредка из-под опущенных век он оглядывал толпу, словно проверяя, достаточно ли вокруг почтения к его персоне. Поворачивать при этом голову он явно считал ниже своего достоинства. Вытянутый в струнку, с начищенными до блеска перьями, филин источал куда больше великолепия, чем сам правитель Изумрудной страны.

Урфин Джюс имел вид человека в концертном зале, который испытывал смертную скуку от зрелища на сцене. Скрючившись на неудобном сиденье, он подпер щеку ладонью и хмуро смотрел в одну точку. Происходящее вокруг, казалось, не интересовало его совсем.

Шум на площади сам собою затих, жевуны молча смотрели на процессию.

Лишь из первых рядов раздавались жидкие выкрики:

- Да здравствует Урфин Джюс!
- Слава правителю Изумрудной страны!
- Слава Владыке Урфину Первому!..

Трудно было избавиться от подозрений, что эти люди специально поставлены поближе к экипажу. Никто в толпе не спешил поддерживать восхваления.

Когда последние восхваления стихли, филин нагнулся и словно что-то шепнул правителю. Словно участь всех остальных птиц и зверей обошла его стороной. Урфин Джюс поморщился, отмахнулся, едва не съездив птице по клюву. Филин всполошенно замахал крыльями, теряя достоинство, но уже через секунду снова сидел с закрытыми глазами и источал потрясающую невозмутимость, недоступную простым смертным.

Молли не знала, состарился ли Урфин Джюс со времен Феи Спасительной Воды. Если годы и наложили отпечаток, то незначительный, волосы и кустистые брови его сохранили угольно-черный цвет, при всем старании парикмахер не сыскал бы на этой голове признаков седины. Глубоко в зарослях волос сидела корона, вся усыпанная изумрудами, на плечах красовалась изумрудного цвета королевская мантия. Однако, вопреки описаниям в маминной книге, новый правитель не был похож на человека, который упивается властью. Он выглядел измотанным и еще более угрюмым, чем можно было представить. Черные маслины глаз смотрели мрачно и недружелюбно.

Кто-то в первых рядах с криком «Да здравствует Урфин Первый» бросил навстречу экипажу букет цветов. Цветы рассыпались по головам носильщиков, один угодил правителю на плечо. Тот снова поморщился, щелчком отправил цветочек на мостовую.

Недалеко от Молли один жевун поднял над головой карапуза.

– Господин Урфин Первый, это мой сын, посмотрите. Он хочет быть похожим на вас, когда вырастет!

Правитель Изумрудного города даже не взглянул в его сторону. Но потом, словно что-то вспомнив, сунул руку в карман и протянул малышу какой-то замызганный выцветший фантик.

Пораженный, жевун на секунду потерял дар речи. Когда он обернулся к толпе, в глазах блеснули слезы умиления.

– Он дал моему сыну конфету! – проревел ослесчастливленный отец. Затем развернул к толпе малыша, торжествующе продемонстрировал зажатый в крошечной ладони фантик: – Вы видели? Он угостил моего сына конфетой!

Урфин Джюс закатил глаза, еще ниже сполз по спинке трона, практически повиснув щекой на ладони.

Экипаж проследовал мимо, двигаясь в сторону главного здания Лиги Цветочников, а Молли продолжала стоять как громом пораженная. Теперь все встало на свои места. Оказывается, у беды, которая приключилась с Волшебным миром, есть вполне определенное имя. И имя это – Урфин Джюс. Неугомонный склочник опять взялся за старое...

Андрей Телепнёв

Крысоловы

Для участия в конкурсе молодых литераторов студентке Инге Калининой предстоит написать книгу на криминальную тему. За помощью она обращается к ветерану МВД. Он рассказывает ей об известном киллере, за которым безуспешно охотился много лет. Работая над книгой, она, сама того не подозревая, становится мишенью для неуловимого киллера.

1.

Я обожаю книжные магазины. Да, именно так. Мне безумно нравится ходить вдоль полок, стеллажей, брать наугад книгу и с ходу погружаться в сюжет. Особая атмосфера, запах свежей типографской краски, бумаги, безумное количество интересных историй на страницах сотен книг, описание жизни великих людей – все это навеивает на меня особое, благостное настроение. А русская классическая литература? А иностранная? Сколько сейчас новых, роскошных изданий, собраний сочинений! Насколько это все красиво и качественно сделано – только не ленись, читай! Я прекрасно понимаю, что сегодня любое литературное произведение можно найти и прочитать в интернете. Но, вот, хоть убейте меня, я не понимаю, как можно читать и чувствовать стихи Цветаевой или Ахматовой, глядя на экран смартфона? Как можно читать «Евгения Онегина» и постоянно переживать, что «уровень зарядки меньше десяти процентов»? Ни один компьютер, или планшет, или смартфон не дает такого удовольствия от чтения, как книга. Напечатанная на хорошей бумаге, в красивом, добротном переплете, хорошим шрифтом! А если еще в книге есть иллюстрации – это же настоящее сокровище! Но иногда, к сожалению, встречаются книги, сделанные очень неряшливо. Напечатанные на дешевой, серой бумаге мелким, «слепым» шрифтом, в аляповатом переплете с броскими картинками на обложке. Стоят они, конечно, гораздо дешевле. Но даже самый гениальный роман, самые лирические стихи, заключенные в такую безобразную «упаковку», теряют всю свою прелесть, и оставляют читателю только недовольство и разочарование.

Такому трепетному моему отношению к книгам есть одна, но очень веская причина – они окружают меня всю жизнь, с самого раннего детства. У моих родителей собрана отличная библиотека, часть которой перешла им от деда. Мама говорит, что читать и говорить я начала одновременно. Родители, заметив мой интерес к книгам, не стали ограничивать меня, а помогли быстро освоить алфавит, навыки чтения и вуаля! К первому классу я уже читала не просто быстро, а бегло. Наша домашняя библиотека стала бешеными темпами пополняться дет-

скими книгами. И, хотя я читала практически все, что мне попадалось, больше всего мне нравились сказки! Русские народные я пропустила через себя довольно быстро и возвращалась к ним впоследствии исключительно в рамках школьной программы. А вот европейские сказки захватили меня по-настоящему. В то время широкому кругу читателей были доступны, в основном, сказки Андерсена, братьев Гримм, Шарля Перро.

Практически все их сказки я знала буквально наизусть. Иногда я начинала выдумывать и что-то добавлять, что-то менять в сюжете. В итоге, сказка уходила далеко от оригинала и становилась очередным моим шедевром. Возможно, именно это послужило причиной тому, что став взрослой и поступив в университет, я стала сочинять детские сказки и небольшие рассказы. Разумеется, о писательской карьере я и не помышляла, считая свое творчество таким легким хобби, увлечением. Творения свои я начала размещать на некоторых интернет-ресурсах для молодых авторов и у себя в блоге. А тогда, в начальных классах, я просто записывала «свои» сказки в блокноты, тетради и читала подружкам, родителям и их друзьям, когда они бывали у нас в гостях. Учеба давалась мне легко, и тут, видимо сыграла роль та самая наследственность, в моем случае – гремучая смесь гуманитария и технаря. Мама много лет работала искусствоведом и реставратором картин, а папа в научно-исследовательском институте. Когда я спрашивала его, чем он занимается на работе, он смеялся и, обычно, отшучивался, что «делает кастрюли и раскладушки». Мне запомнились его частые командировки в какие-то неизвестные мне города – в Обнинск, в Саров, в Северодвинск, в Мурманск. Казалось, это где-то очень-очень далеко, на другой планете. Мама тоже уезжала по работе, но очень редко. Иногда, она брала меня с собой на работу, и я видела, как работают реставраторы. От мамы я унаследовала любопытство, оптимизм, интерес к искусству, истории. Она знает три иностранных языка и часто общается с зарубежными коллегами. А вот от папы я унаследовала твердую психику, логику, методичность и уверенность в своих силах. А еще фигуру. Папа у нас очень худой и высокий. Примерно с третьего класса я обогнала по росту всех девочек и многих мальчиков в классе. Учительница физкультуры уговорила мою маму показать меня тренеру по волейболу. В итоге, я до восьмого класса играла в школьной команде, а потом родители перевели меня в школу с углубленным изучением иностранных языков. Помимо основного английского, я стала изучать немецкий и французский. Тогда же я начала экспериментировать и пытаться переводить тексты. И, удивительно, стало получаться. Именно в то время моя будущая профессия, до этого так и не определенная, стала принимать хоть какие-то смутные очертания. К окончанию школы я твердо была уверена, что моя работа будет связана с литературой, иностранными языками, возможно, преподаванием. Спортом я профессионально больше не занималась, но та подготовка, которую мне дал волейбол, очень пригодилась. Выносливость, терпение, умение рассчитать свои силы – все это мне очень помогло, как в старших классах, так и в дальнейшем. Но, так получилось, что помимо «морально-воле-

вых», спорт оказал влияние и на мою фигуру, что вместе с наследственностью дало определенный результат. Наиболее успешно разрушил все мои иллюзии по поводу моей внешности один придурок из параллельного класса. На каком-то школьном спортивном мероприятии он посмотрел на меня, одетую в облегающие спортивные брюки и майку и громко, так, что все услышали, изрек: «Вот это дааа! Доска, два соска!». И все наши оболтусы заржали в один голос. Девчонки тоже было начали хихикать, но, в конце концов, женская солидарность победила и кто-то стал меня утешать, а кто-то ругаться на этого остряка. И, хотя я действительно близко приняла это к сердцу, виду не подала. Таким образом, к окончанию школы я подошла с отличными знаниями, спортивной закалкой, ростом в сто восемьдесят сантиметров и сорок первым размером обуви.

2.

– Аттестат об общем среднем образовании с отличием и медаль за особые успехи в учебе вручаются Калининой Инге Витальевне!!!

Это я. Наша директриса, вручив мне аттестат и медаль, еще жмет мне руку и говорит какие-то напутственные слова, но я половины не слышу из-за громкой музыки, криков и аплодисментов. Смотрю со сцены в зал и вижу, как мама вытирает слезы, а папа хлопает в ладоши и широко улыбается. Вручение аттестатов проходит в актовом зале нашей школы и выход на сцену каждого выпускника встречается буквально шквалом аплодисментов и громкими радостными криками. Когда я шла к сцене, мне показалось, что сквозь общий шум я слышала мамин крик: «Ура!!!». А дальше поздравления, суета, ночная дискотека и банкет на теплоходе, и плавание по Москва-реке. Традиционная встреча рассвета. Гудящие ноги, не привыкшие к туфлям на шпильке, буквально, адский утренний холод на палубе теплохода и уютные теплые пледы, заранее приготовленные нашими родителями. Легкая головная боль, взбудораженные одноклассники, клятвы в вечной дружбе и запоздалые признания в любви. Выпускание в небо воздушных шариков, грустная песня по то, что детство закончилось, слезы, сопли, напутствия родителей и учителей. Заплаканные мамы собрались в кружок, и выясняют, кто куда решил поступать. Почему-то все вдруг решили обменяться номерами телефонов и «поддерживать связь». А папы тоже объединились, за столом. Знай себе, попивают коньяк да разные истории из жизни рассказывают. У них, почему-то, нет всей этой напряженности и обеспокоенности. Все это было ведь совсем недавно, а такое чувство, что прошло уже лет сто. Помню, что самой большой для меня проблемой в тот период, был поиск туфель для выпускного. Не подготовка к экзаменам, не сдача и боязнь, что провалюсь, а именно туфли. Платье, украшения, укладка-маникюр-педикюр – мы с мамой все это заранее обсудили и согласовали, а вот туфли купили в самый последний момент – размер ножки у принцессы оказался не самый распространенный. Но, в итоге, все получилось просто замечательно. Медалистов у нас в выпуске оказалось трое: я, еще одна девочка и мальчик. Честно, говоря, я представляла себе медаль совсем по другому. Что-то наподобие олимпийской, на красивой ленте. В итоге, мне вручили маленькую коробочку, а медаль в ней больше напомнила мне большую

золотую монету. Ну да ничего.

А потом были вступительные экзамены в университет, списки, опять волнение родителей. И вот я студентка первого курса. Лекции, семинары, консультации. Везде успеть, постараться все запомнить и ничего не упустить. Первый семестр был, конечно, непростым, но потом как-то все само собой настроилось, и учеба, словно река, потекла размеренно и плавно, главное было все делать вовремя, не допускать «хвостов». Новые знакомства, новые друзья, новые интересы и, конечно же, шумные студенческие вечеринки. Пока еще все вместе, большой компанией. Некоторые из моих одногруппников приехали поступать из других городов и, оказавшись вдалеке от родительской опеки, отрывались по полной и были, как правило, основными заводилами. Естественно, были первые эксперименты с курением, кальянами, крепкими напитками, а иногда и травкой, но это все прошло очень быстро, кого-то зацепило, кого-то нет. Постепенно мы стали отдаляться друг от друга, образовывать свои «кружки по интересам», и примерно на втором курсе учебы я оказалась в компании, где встречались музыканты, художники, поэты. Мы вместе ходили на какие-то самодеятельные выставки, квартирники, ездили за город на какие-то стихийные концерты на лесных полянах, где начинающие музыканты показывали свои творческие эксперименты.

Именно здесь я встретила Анютку. Так ее все называли. Она была постарше меня, лет на пять-шесть. Бросив в свое время учебу в институте, Анютка перепробовала несколько занятий и, в конце концов, нашла себя. Работая обычным аниматором и изображая на детских праздниках героев всяких мультиков, она решила «работать на себя, а не на дядю». Заняла где-то денег и открыла собственную фирму по организации праздников. Являясь директором, она тут же могла быть тамадой на свадьбе, и ведущей какого-нибудь корпоратива, а иногда и бабой Ягой где-нибудь на утреннике в детском саду. В отношении бизнеса, ее любимой присказкой было: «Москва большая, всех прокормит. Только шевелись!». И она шевелилась, и дела у нее пошли. В общем, молодец! Трудяжка! Попадая в компанию, она сразу становилась как бы Солнцем в солнечной системе, а остальные превращались в планеты и спутники. Невысокая, полноватая, с огромной гривой огненно-рыжих волос она прямо-таки излучала вокруг себя какую-то особую, светлую энергию, заряжала всех хорошим настроением, позитивом, дарила надежду. Кто-то не выдерживал такого напора и быстро уставал от общения с ней, а я вот наоборот, всегда радовалась ее появлению. Узнав о неприятностях у кого-то из нас, она тут же спешила на помощь. Я помню несколько случаев, когда она помогала людям деньгами абсолютно безвозмездно. Мы с ней сначала держали дистанцию, но постепенно сошлись, что называется «совпали». Теперь она моя лучшая подруга. Я безуспешно пытаюсь убедить ее бросить курить, но безрезультатно.

Однажды, на какой-то тусовке, я заметила в нашей компании смешного ма-

ленького человечка. На голову ниже меня, круглый весь, обритый наголо, и в то же время с косматой рыжей бородой. Этакий гном, или эльф из скандинавских сказок. Черная футболка с какими-то таинственными не то иероглифами, не то рунами, черная кожаная жилетка, просторные брюки цвета хаки и ботинки с высокой шнуровкой. Но главное – это татуировки. Руки от запястий до плеч были покрыты какими-то сложными орнаментами с кельтскими крестами, черепами и прочей прелестью. На теле, по-видимому, тоже были рисунки, и часть их заходила сзади на шею. Человечек был всегда угрюмого вида, смотрел исподлобья, говорил неторопливо, и имел привычку постоянно кивать, слушая собеседника. Пашка. Мне его именно так представили в первую нашу встречу. Не Павел, не Паша. Несмотря на весь этот угрожающий антураж, Пашка оказался на редкость добрым малым. Вскоре я стала замечать повышенное внимание с его стороны и все признаки очень неуклюжего ухаживания. И не только я одна! Шутки о его влюбленности в меня стали постоянными. Пашка вначале дико смущался, но потом понял, что на шутки не стоит обижаться, а лучше отвечать тем же. «У нас с Калининой любовь платоническая, вам, примитивным, не понять!». Он всегда называл меня только по фамилии, говорил в своей обычной, чуть ворчливой манере. «Ты, Калинина, меня слушайся! Эти дикобразы тебя плохому научат!». Оказалось, Пашка был весьма знаменит в наших кругах. Обладая хорошим художественным вкусом, он был довольно успешным мастером, работал в тату студии где-то на юго-западе. Все друзьям он «бил татухи» за какие-то смешные деньги, но только в свободное от работы в студии время. Мне он тоже не раз предлагал набить татушку, но я никак не могла решиться. «Ладно, Калинина, как надумаешь – скажи!». Маленький, пузатый, бородатый, а на деле – настоящий рыцарь, очень надежный и преданный друг. Я знала, что могу положиться на него всегда, в любой ситуации, и он меня не подведет.

3.

А вскоре, в нашей семье случилось очень важное событие. Произошло то, о чем мои родители говорили уже несколько лет, но все так и оставалось на уровне разговоров. Итак! Мои мама и папа наконец-то решились переехать жить в деревню. Дедушка с бабушкой оставили нам прекрасный дом, совсем недалеко от Москвы, полтора часа на машине. Настоящий дом, из толстых бревен. Дедушка, папин папа, сам его построил, когда собирался жениться. Большой, крепкий, высокий и светлый, он всегда поражал меня своей основательностью, простотой и тем состоянием покоя и надежности, которое он дарил всем, кто в нем жил. Последние годы мы использовали его, как дачу и часто приезжали по выходным. Дом внешне, сильно изменился. Мы заменили шифер на крыше на красивую черепицу, бревенчатые стены обшили фасадными панелями, поставили новый забор, вместо колодца пробурили скважину – в общем, внесли много нового, но суть дома, его основа остались прежними. Большие и светлые комнаты, толстые, прочные стены, высокие потолки. Но главное сокровище, чем гордились мои родители – настоящая русская печь. Огромная, с большой топкой, с полатями, на которые я залезала, когда была маленькой. Понятно, в доме давно устроено

отопление, висит газовый котел, но печь решили не разбирать, оставить. Иногда папа кладет в топку несколько поленьев, разжигает огонь. И тогда мы все садимся пред печкой, смотрим на разгорающееся пламя, на потрескивающие дрова, ощущаем тепло и дом наполняется тем особым уютom, который не встретишь в городских квартирах.

После того, как на семейном совете было принято решение о переезде, папа сказал, что нам нужно будет поменять нашу машину. Дело в том, что дороги там не очень хорошего качества, зимой не всегда чистятся и на нашей красавице Вольво туда ездить будет не совсем удобно. Прозвучала мысль, что нам нужен внедорожник. Мама мысль одобрила и доверила папе выбор новой машины. Папа сказал, что уже выбрал, осталось продать нашу машину и, добавив денег найти подходящий вариант. Новый внедорожник мы не могли себе позволить, но на вторичном рынке можно выбрать вполне себе приличный автомобиль в хорошем состоянии. Когда он приехал к дому на новой машине, мы вышли во двор. Старомодный дизайн, какие-то угловатые, рубленные формы. Папа сказал, что это «ленд крузер». На что мама, оправившись от шока, ответила, что это «не ленд крузер, а какой-то кукурузер!». Но, поездив на нем в деревню, и оценив возможности машины, все же привыкла и даже полюбила. А уж после того, как во время сильных снегопадов, они с папой помогали соседям и вытаскивали машину из сугробов их модные современные джипы, стала утверждать, что лучше машины не бывает. Как раз в тот момент «кукурузер» плавно превратился в «кукурузник», да так и остался. Папа еще вспомнил, что есть такой маленький, но очень надежный самолетик, способный взлететь и сесть там, где большие мощные самолеты бессильны. В общем, переселение в деревню произошло успешно. Поначалу, конечно, родители часто приезжали, и ко мне и чтобы купить что-нибудь нужное в деревню, но постепенно они обжились, устроились и мы стали видеться один-два раза в месяц, при этом созваниваясь чуть ли не каждый день.

Ну, а в моем полном распоряжении осталась трехкомнатная квартира и я, наконец, почувствовала себя по-настоящему взрослой и самостоятельной. Учеба не доставляла мне каких-то особых хлопот, я начала подрабатывать, делая за других переводы, рефераты, курсовики. Подумывала о репетиторстве. В принципе, при моих довольно скромных запросах, на жизнь хватало. Я продолжала потихоньку писать свои рассказы и сказки для детей, иногда писала на заказ отзывы, поздравления, аннотации, небольшие сценарии. Несколько раз работу мне подбрасывала моя Анютка – просила придумать и проработать программы для детских праздников, реплики персонажей, какие-то речевки и считалки. Со временем все это стало меня не то, чтобы тяготить, просто я осознала, что нужно сделать что-то большее, что-то более масштабное. Возможно, написать книгу. Но какую? О Чем? Временами, я даже начинала делать какие-то наброски, но быстро остывала. Неопределенность, неумение самореализоваться – все это вызывало у меня осознание того, что время идет, что надо двигаться, расти, что-то предпринять. В такие моменты я заходила в книжные магазины и проводила

там много времени. Покупка двух-трех новых книг отвлекла меня от грустных мыслей, но ненадолго. А тут еще мама стала вдруг все чаще и чаще интересоваться моей личной жизнью! Личная жизнь.... Здесь у меня было спокойно и без потрясений. Было, конечно, несколько встреч, увлечений, но ни одно из них не заставило мое сердце биться чаще. Видимо у моего принца где-то белый конь захромал, и он тащится пешком. Я, почему-то, всегда думала, что все должно получиться само собой, в свое время. В общем, вот в таком вот душевном состоянии я подошла к началу последнего курса. Летом удалось съездить с друзьями в Прагу, потом две недели мы провели в Крыму, ну и под занавес, остаток каникул я жила у родителей, в нашем деревенском доме. В универе я сразу ринулась в учебу. На горизонте маячила защита диплома, но с темой я давно определилась, начала заранее собирать материалы. Мысли о книге, о писательстве ушли на второй план и я, возможно, долго бы еще к ним не вернулась, если бы однажды, в конце сентября, у меня не зазвонил телефон.

– Алло! Инусь, привет!

– Анютка! Привет! Ты куда пропала? Не звонишь, не пишешь!

– Закружилась! Слушай, я там тебе на почту отправила кое-что. Ну, там конкурс опять какой-то для молодых писателей. А ты же у нас пишешь? Пишешь! Вот и дерзай!

– Да хватит тебе! Что я там пишу! Сказки да рассказы для детей. Их даже печатать никто не хочет.

– Неважно! А ты как хотела? Сразу тираж пятьсот тысяч?

– А почему нет? Я не против!

– Слушай, я к тебе вечером приеду, поговорим! Окей?

– Окей!

– Все, пока, до вечера!...

Я машинально открыла сообщение, пробежала глазами, закрыла и чуть не отправила в спам. Минуту погодя снова открыла и теперь уже прочитала очень внимательно. Так. Ассоциация молодых литераторов... Издательство... Союз писателей.... Угу. В общем, проводится ежегодный конкурс среди начинающих авторов, желающих попробовать свои силы. Особенность в том, что все представленные произведения должны соответствовать заданному жанру. В прошлом году была «Историческая проза», в позапрошлом «Ироническая проза». А вот в этом « Детектив. Криминальная проза». Вот так! Ни больше, ни меньше! Честно говоря, не вдохновило. Что я могу написать на криминальную тему? Про «ментов, братву и проституток» я писать не хотела в принципе – уж больно далекая от меня тема, да и слишком много всего такого вокруг в последнее время. По телеканалам такие сериалы один за другим, книжные полки в магазинах ломаются от такой вот «мужской литературы». Детектив? Это уже интереснее. Вообще, я считала детективы одним из самых сложных жанров. И самым изящным. Хороший, добротный детектив доставляет удовольствие не меньше, чем любовные и

приключенческие романы. Но здесь очень важно вначале создать интригу, затем провести увлекательное расследование и, в конце, обрушить на читателя непредсказуемую развязку, финал. Любая неточность в этой цепочке сразу бросается в глаза, вызывает у читателя чувство недоверия и фальши. Опять же, преступление должно быть не рядовым, особенным. Да и где найти материалы для написания? Нужно же от чего-то отталкиваться, на одной фантазии далеко не уедешь! Все это как то быстро промелькнуло у меня в голове, и я все же закрыла сообщение с информацией о конкурсе.

А вечером ко мне, буквально, ввалилась Анютка с огромными пакетами из супермаркета, по-другому она не умеет, мы вместе приготовили ужин и потом допоздна сидели и болтали обо всем на свете. В том числе и о конкурсе. Все мои сомнения она решительно отвергла. « А вдруг, это твой шанс? Надо пробовать! Надо с чего-то начинать! Завтра же отправляй заявку на участие!». В общем, я решила попробовать.

4. С чего начать? Я уже давно уяснила, что в основе любого успешного рассказа, романа или повести почти всегда лежит какая-нибудь реальная история. Автор что-то где-то увидел, что-то подметил, на что-то обратил внимание. Это показалось ему необычным, стоящим того, чтобы об этом рассказать другим людям. Ну, а дальше дело техники. Подобно тому, как какой-нибудь бриллиант в диадеме окружается камнями попроще, история обрастает героями, событиями, какими-то описаниями, комментариями и, в конце концов, превращается в увлекательное повествование. Главная задача – найти ее, эту историю. Историю, не похожую на тысячи других. Но где ее искать? Нужен был какой-нибудь источник информации, причем такой, каким не пользуются другие. Это как в написании рефератов – все студенты используют одни и те же учебные пособия, справочники, методички. Оттого и рефераты очень похожи друг на друга. А вот если посидеть в читальном зале, покопаться в архивах, а еще лучше пообщаться с авторами научных публикаций и использовать эту информацию, ваша работа будет резко выделяться на фоне остальных.

Итак, мне, в идеале, нужен человек, обладающий нужной мне информацией. И такой человек у меня есть! Да какой человек! Целый генерал полиции! Это наш дядя Витя. Одноклассник и бывший ухажер моей мамы, а теперь просто друг нашей семьи. Эту историю я слышала много раз. В десятом классе самый красивый парень в школе, разбивший не одно девичье сердце, Витька Колесников влюбился в недоступную красавицу Нелли. Тут были и букеты цветов, и завывания ночами под гитару, и разбитые носы и выбитые зубы соперников. Но, увы! Нелли была из профессорской семьи очень строгих правил. После школы она поступила в институт, а Витька ушел в армию. Вернувшись, пошел работать в милицию, поступил заочно на юрфак и карьера его стремительно пошла в гору. И все это время он не оставлял попыток ухаживания за Нелли. А она познакомилась с очень умным и симпатичным Виталиком Калининым, который учился в Бауманке и занимался серьезной научной работой. В итоге, Витька так и остался

просто другом семьи, вскоре женился на красавице Марине. Потом появились на свет Инга Калинина и Глеб Колесников. С тех пор дружба между нашими семьями нерушима, все праздники мы отмечаем вместе. Дядя Витя уже генерал, но это никак не сказалось на его характере – он все такой же весельчак, балагур и бабник. Ростом под два метра, с крупными чертами лица, громким голосом он в любой компании словно дуб среди осин. Когда-то мы отдыхали на природе и папы сделали нам с Глебом луки со стрелами. Мы тут же перемазались золой, и стали изображать разбойников. С тех пор он меня так и называет, «разбойница». Вот к нему-то я и решила обратиться за помощью. Уж кто, как не он может рассказать что-нибудь интересное по моей теме? В начале октября у моей мамы был день рождения, и она собирала гостей в нашем доме. Были и Колесниковы. Я тогда подошла к дяде Вите, и мы договорились созвониться через несколько дней. Он обещал помочь.

– Алло! Дядя Витя, это Инга! Привет! Не отрываю?

– Привет, привет, разбойница! Срочное что-то?

– Да нет! Я по поводу консультации звоню. Помните, мы у мамы на дне рождения разговаривали?

– А, да-да! Слушай, сейчас времени вообще нет! Меня в срочную командировку отправляют, не получится встретиться, поговорить. А хочешь, могу кого-то из ребят попросить. Проконсультируют в лучшем виде!

– Да, нет, я хотела с вами поговорить! У них тоже ведь работа, отрывать как-то неудобно.

– Слушай, Инга! Мне тут такая мысль в голову пришла. А давай-ка я тебя познакомлю со своим учителем, а? Он сейчас на глубокой пенсии, живет один – его точно от работы не оторвешь. А уж рассказать, подсказать и проконсультировать лучше него никто не сможет, уж поверь!

– А кто он?

– Кошкин Вячеслав Николаевич, наша легенда. Мой учитель, наставник.

– Ну, не знаю. А как я ему представлюсь?

– Не переживай! Я ему позвоню и замолвлю за тебя словечко. Мужик он строгий, но правильный, старой закалки. Ну, так что, поедешь к нему?

– Ладно.

– Давай так: я ему сейчас позвоню, и, если он согласится тебя принять, я тебе его номер SMSкой пришлю, лады?

– Хорошо!

– Все, мне надо бежать! Пока, разбойница, удачи тебе!

Сообщение пришло только на следующий день. Номер телефона и «Кошкин Вячеслав Николаевич». Ну, что? Звоню. Ответили почти сразу.

– Да, слушаю.

– Вячеслав Николаевич?

– Да, это я.

Голос довольно высокий, негромкий и чуть сдавленный. Но так часто бывает у пожилых людей.

– Здравствуйте! Меня зовут Инга Калинина. Ваш номер мне дал Виктор Сергеевич Колесников. Я работаю над книгой, и он сказал, что вы можете проконсультировать меня по некоторым вопросам.

– Да, он мне звонил. По правде говоря, я не совсем понял, что именно вам нужно?

– Я надеялась, что вы расскажете мне о каком-нибудь громком преступлении, о расследовании, об интересных случаях из вашей работы.

– Это можно. Есть только одно обстоятельство. Я сейчас живу на даче и в ближайшее время приезжать в Москву не планирую. Вы можете приехать ко мне? Это не так далеко, час на электричке.

Ну, думаю, можно и съездить ради такого дела. Разок. Заодно и прогуляюсь.

– Да, я приеду. Но на неделе у меня занятия в университете. Смогу приехать только в субботу.

– Хорошо, буду ждать в субботу! – Кошкин продиктовал название станции, и с какого вокзала нужно выезжать. – Как только выйдете из электрички, наберите мне, я подскажу, как найти мой дом.

– Хорошо, договорились. Большое спасибо!

– Да пока не за что! Честь имею!

Надо было подготовиться к встрече, набросать список вопросов. А что спрашивать? Дядя Витя сказал, что Кошкин их легенда, наставник и учитель. Ему наверняка есть, о чем мне рассказать. Только вот захочет ли? Обычно пожилые люди говорят о том, о чем считают нужным и если собеседник пытается перевести разговор в другое, нужное ему, русло они обижаются, либо становятся немногословными. Еще я опасалась, что Кошкин начнет говорить о политике, о «развале СССР, о том, что все продали и растащили!». Эта тема тоже была мне абсолютно не интересна. В общем, я решила ни к чему особо не готовиться, а действовать по ситуации, импровизировать. Такой подход нередко оказывается самым правильным и эффективным! Я купила новый блокнот для записей, тащить с собой ноутбук не хотелось. Честно говоря, я уже начала сомневаться и немного пожалела о решении участвовать в конкурсе. Слишком далекой от меня была тема криминала, полиции, преступников. Но, я уже побеспокоила людей, поэтому надо было ехать. А передумать и отказаться от работы над книгой никогда не поздно. Если что, просто извинюсь перед дядей Витей и его учителем. Примерно так я рассуждала, когда ехала в субботу утром на вокзал. Уже сидя в вагоне, я пыталась представить, какой он, этот легендарный Кошкин? Наверное, такой же, как дядя Витя, только старше. Этакий супермен на пенсии. В молодости, но наверняка стрелял без промаха из любого оружия и мог одним ударом сбить с

ног самого опасного преступника. «Мужик он строгий, старой закалки». Видимо, как все начальники, чуть-чуть самодур, любит, чтобы окружающие всегда помнили о его положении и заискивали перед ним. Пока я была погружена в свои мысли, погода за окном совсем испортилась, и пошел сильный дождь. А я, как назло, забыла зонт. Ой, как не хотелось выходить из вагона, но вскоре я уже шла по платформе и на ходу набирала номер Кошкина. Он кратко объяснил, как пройти к его дому. Дождь усиливался, и я быстрым шагом отправилась в путь.

5.

Дорога к даче Кошкина шла через редкий лес. Или старый запущенный парк. В глубине виднелись редкие крыши домов. Было абсолютно безлюдно и тихо. Я слышала только шуршание опавшей листвы под ногами и равномерный шум дождя. Скоро я увидела нужный мне дом. Из трубы на крыше поднимался дым. Открыла калитку и по дорожке пошла к дому. Успела заметить, что дорожка подметена. На крыльце, под навесом, стоял человек и смотрел на меня. Видимо, я выглядела довольно жалко – куртка насквозь промокла, ботинки – тоже.

– Здравствуйте, Вячеслав Николаевич!

– Здравствуйте-здоровствуйте! Проходите скорее в дом!

Он проводил меня через довольно просторный коридор и распахнул дверь в комнату. Как же здесь было хорошо после дождливой и слякотной улицы! Светло, тепло и очень уютно. Кошкин повесил мою куртку для просушки рядом с печкой, потом приказным тоном велел разуться и мои ботинки так же отправились сушиться. Мне он выдал толстые шерстяные носки. Я немного опешила от такого приема, но решила не сопротивляться – уж больно замерзла по дороге от станции. Теперь, постепенно согреваясь, я могла, наконец, подробно рассмотреть хозяина дома. Совсем не такой, как я представляла! Ростом чуть ниже меня, худой, как подросток, но очень стройный, прямой. На худом, треугольном лице сильные очки, увеличивающие внимательные серые глаза. Очень густые седые волосы, аккуратная стрижка. Идеально выбрит. Выражение лица чуть насмешливое, но чувствуется тяжелый, непростой характер. Одет в классическую, клетчатую фланелевую рубашку, меховую безрукавку, джинсы. На ногах короткие, обрезанные валенки.

– Ну, давайте знакомиться? Кошкин Вячеслав Николаевич, полковник. Пенсионер.

– Калинина Инга! Студентка филфака.

– Вы уже согрелись? Сейчас самовар поспеет, будем чай пить!

– Да, спасибо! Я вот бисквит привезла, специально к чаю.

– Очень хорошо. Для начала расскажите немного о себе, о книге, о чем вы хотите написать?

Пока я говорила, Кошкин поставил на стол большой самовар, достал из буфета чашки, блюдца, корзинки с сушками и печеньем, разрезал на кусочки мой бисквит. Несмотря на дела, он очень внимательно слушал, и, я уверена, не про-

пустил ни слова. Поставил на стол небольшие баночки с вареньями и широким жестом пригласил за стол. Налил ароматного и очень горячего чая. Мне в чашку, а себе в стакан в подстаканнике. Сел напротив меня и терпеливо, не перебивая, дал мне закончить.

– Ясно. Вы хотите написать книгу, но тема абсолютно не знакомая и вы не знаете с какой стороны подступиться, с чего начать, верно?

– Да. Совершенно верно.

– Я вот что подумал. Рядовые преступления, даже успешно раскрытые, особо никого не интересуют. Бытовые убийства, грабежи, кражи в магазинах – этим сегодня никого не удивишь, об этом мы слышим постоянно. И если писать об этом, шансы на успех минимальны. Согласны?

– Абсолютно!

– Что ж, думаю, я смогу вам помочь. Только у меня три условия. Первое: абсолютно все имена, названия городов, улиц, и так далее я не назову. Так же я не назову точное время, когда произошли события. Здесь вам предстоит самой все придумать. Второе условие: не упоминать мое имя. И третье условие: для начала я опишу один случай, дам минимальный объем исходной информации. Вы опишите его так, как если бы это были главы вашей книги. Если мне понравится ваш стиль изложения, мы продолжим работу, если нет – значит, нет! Устраивает?

– Очень неожиданно! Я ведь еще никогда не писала на такие темы.

– Понимаю. Но, видите ли, Инга, речь пойдет об очень важных вещах. Многие участники событий до сих пор живы. Как в рядах органов охраны правопорядка, так и в криминальном мире. Неаккуратное, неряшливое изложение, возможно, заденет кого-то из них. Поэтому, я и настаиваю на том, чтобы продолжать работу только после выполнения вами своеобразного теста на профпригодность. Итак, ваше решение?

Я поставила чашку и взглянула на Кошкина. Немного тревожно все это звучало. Я была уверена, что поразить его своими литературными способностями мне вряд ли удастся. Но в его взгляде я увидела какую то поддержку, что ли. Словно он хотел сказать: « Давай, не бойся! У тебя получится! Я помогу!». Эх, была – не была!

– Знаете, Вячеслав Николаевич, а давайте попробуем!

– Молодец. Учись принимать сложные решения. Это одно из самых нужных умений по жизни. Погоди, я сейчас.

Как-то незаметно он перешел на «ты», но слух это не резало, а выглядело очень органично. Встав из-за стола, он подошел к шкафу и стал перебирать папки, стоявшие на полке. А у меня появилась возможность еще раз осмотреть комнату, теперь уже более подробно. Комната была огромная. Я не могла точно оценить размеры, но точно знала, что она раза в два больше самой большой комнаты в моей квартире! Высокие потолки, большие окна – все это еще больше расширяло пространство. Под потолком большая старинная люстра. Посреди

комнаты стол, за которым мы пьем чай. После городских столов на кухнях и в тесных комнатах, этот выглядит просто великаном. Думаю, человек десять-двенадцать расположились бы за ним без проблем. Стулья, на которых мы сидим особые, с высокими спинками и подлокотниками. Очень удобные. У окна, рядом со шкафом стоит письменный стол, тоже старинный, покрытый темно-зеленым сукном. На столе открытый ноутбук, принтер, несколько папок с бумагами, стакан с карандашами. Большая настольная лампа с зеленым абажуром. Старый телефон с диском и цифрами на лицевой стороне. Интересно, работает? Тут же несколько блокнотов, еще одни очки. Вообще, стол выглядит не как мебель, часть интерьера, а именно как рабочее место. Чувствуется, что Кошкин проводит за ним много времени. Рядом со столом дверь в соседнюю комнату, скорее всего, в спальню. Другие помещения в доме, насколько я успела понять, Кошкин не использовал, да и зачем ему одному такое количество комнат? Вся мебель очень старая, но крепкая, вызывающая ощущение надежности и какого-то спокойствия. На стенах – черно-белые фотографии. На некоторых угадывается Кошкин, еще молодой, с очень красивой темноволосой женщиной. На одном фото Кошкин в парадном мундире с наградами. Ого! И меня у дедушки-фронтовика столько же было. Фото, где Кошкин с другими офицерами. Отдельно висят два очень старых портрета Ленина и Сталина. А вот фотографий детей, родителей я не увидела. Но главное украшение комнаты стоит справа от входной двери. Огромная печь. Такие, обычно, показывают в фильмах про русских крестьян, про царские времена. Сбоку особое отверстие, куда вставляется труба от самовара, когда он топится. Напротив печи, слева, за небольшой ширмой, большой кухонный стол, на нем газовая плитка. Видимо, там хозяин дома готовит еду. Обстановка довольно спартанская, чувствуются, что в доме нет женщины. Наконец, Вячеслав Николаевич нашел нужную папку и вернулся за стол.

– Еще чаю? Давай не стесняйся! Где ты еще такого чаю попьешь? Чай из самовара особенный! Тем более из такого самовара!

– А что же в нем такого особенного? Обычный деревенский самовар!

– Не скажи! Видишь ли, этот самовар, эта мебель достались мне вместе с домом. А раньше он принадлежал... ну, не важно! Скажу так: одному высокопоставленному чиновнику из НКВД. Так вот некоторые люди, свидетели того времени, утверждали, что здесь неоднократно бывал сам товарищ Сталин и пил чай вот из этого самого самовара! Представляешь? Хотя, скорее всего это просто легенда. Но самовар, однозначно, много повидал на своем веку! Теперь, давай вернемся к нашему делу.

Кошкин взял папку и, пока не открывая ее, снова строго и внимательно посмотрел мне в глаза.

– Ты, конечно, слышала о так называемых заказных убийствах? Слышала. Ну и схему примерно представляешь. Заказчик-организатор-исполнитель. Я хочу рассказать тебе об одном таком исполнителе. Их называют киллерами. Это те, кто за вознаграждение устраняет конкретного человека. Или несколько чело-

век. Как правило, киллер не знает причину, по которой принято решение об устранении, он просто получает заказ и выполняет свою работу. В любой сфере деятельности специалисты различаются между собой. По специфике, по уровню квалификации. Очень много значит репутация. Так и у киллеров. Большинство из них не обладают сколь-нибудь серьезной подготовкой, и вся их работа заканчивается после первого же эпизода. Их задерживают или обезвреживают сотрудники органов, либо их устраняют заказчики, чтобы убрать лишних свидетелей. Работают такие киллеры очень топорно, допускают массу ошибок. Они находятся на самой низшей ступени киллерской профессиональной лестницы. Не буду тебя утомлять промежуточными персонажами, там мало чего интересного. Перейду сразу к элите. Это настоящие профессионалы. Как правило, бывшие военнослужащие из спецподразделений. Именно там они получают очень качественную практическую и теоретическую подготовку. В обучение каждого такого специалиста государство вкладывает много денег. Уйдя из армии, некоторые из них попадают в криминальную среду. К сожалению, в наше время их навыки очень востребованы и хорошо оплачиваются. Несмотря на то, что все такие специалисты состоят на строгом учете и в органах и в министерстве обороны, некоторым из них удается сохранять инкогнито. Вот об одном из таких киллеров я и хочу тебе рассказать. Я вижу, ты приготовила телефон с включенным диктофоном? Это лишнее. Открывай блокнот и делай заметки.

Я, сконфуженно, отключила и убрала телефон в карман. Открыла блокнот. Когда снимала колпачок с ручки, он предательски упал на пол. Кошкин наблюдал за всей этой моей суетой и терпеливо ждал, когда я буду готова.

– Так, Инга. Прежде, чем мы начнем, на первой странице, вверху крупно напиши имя нашего героя. «Крыса».

6.

– «Крыса?».

– Да. Крыса. Именно так.

– Записала. А он кто?

– Слушай. С середины восьмидесятых годов в нашей стране начались бурные изменения, которые в свою очередь повлекли всплеск преступности, появление множества ОПГ, передел сфер влияния и проникновению криминала в структуры власти. Все это часто приводило к кровавым разборкам, убийствам, в том числе и заказным. Тогда появилось очень много киллеров всех мастей, для них было много работы. Именно тогда мне поручили возглавить группу по расследованию заказных убийств. Мы обратили внимание на то, что среди множества эпизодов, выполненных грубо, топорно, встречаются и те, что выполнены безупречно, с ювелирной точностью. В первом случае жертвами становились мелкие коммерсанты, бандиты средней руки, всякая мелочь. А вот во втором случае рыба была уже покрупнее – крупные бизнесмены, лидеры ОПГ, чиновники, сотрудники милиции и так далее. Было ясно, что здесь работает, или работают, специалисты высокого уровня. Некоторые преступления я объединил по схожим признакам,

по почерку исполнителя. И, в конце концов, по обрывкам различных данных, показаниям свидетелей, информации от осведомителей, слухам и личным наблюдениям мне удалось-таки собрать более-менее цельную картину. Мы уже примерно знали, кого ищем. Итак: возраст — примерно 35-40 лет, рост — от 175 до 185 см., телосложение стройное, слегка склонен к полноте, волосы — короткие, темные, от черных до темно-русых, часто использует грим, меняет внешность. Основная специфика — стрелок-снайпер. Основное используемое оружие — отечественные винтовки, но в некоторых случаях использовал пистолет АПС. Тщательно планирует все операции, сводя риск к минимуму. Судя по всему, прошел ни один курс специальной подготовки и являлся в прошлом бойцом одного из элитных спецподразделений. Имеет на территории страны несколько точек базирования: Питер, Ростов-на-Дону, возможно Казань, и ближнее Подмосковье. Скорее всего, есть пара точек на территории Евросоюза. Работать предпочитает в одиночку, хотя в нескольких операциях у него были помощники. Имя, фамилия — неизвестны. Место и дата рождения — не установлены. Так же абсолютно неизвестно, где и когда он служил и проходил подготовку, хотя, как я уже сказал, специалисты такого уровня все на строгом учете. Возможно, это происходило за пределами Российской Федерации. В общем, такое впечатление, что он появился ниоткуда, вдруг взял и возник на ровном месте. Призрак. Что особо важно, имеет доступ (сам лично или через посредников-подрядчиков) ко многим базам данных силовых структур. При всей дерзости и жестокости, совершаемых им преступлений, не пострадало ни одно гражданское лицо кроме тех, кто был «в заказе».

– Вячеслав Николаевич, перебью, извините! А почему именно «Крыса»? Это вы дали ему такое прозвище, или он сам так себя назвал?

– Мы такого прозвища ему точно не давали, а вот в криминальных кругах его упоминали именно так. Дело в том, что таких специалистов почти никто не знает в лицо, заказ и оплата проходят обычно через систему тайников или через третьих лиц, посредников, которые ничего не знают и выполняют лишь функции «почтовых ящиков». Но имя «Крыса» прочно за ним закрепилось. Есть две легенды, откуда оно взялось. Легенда первая. Однажды, во время одной из операций в Москве его засекла охрана жертвы, и началось преследование. Основной вариант отхода был через станцию метро «Театральная». К преследователям оперативно подключилась милиция, возникла угроза провала. Поэтому пришлось уходить по тоннелям метро, а после и вовсе уйти в московские подземелья. Через какое-то время он потерял ориентацию, попросту заблудился. Без источника света, без еды он бродил по подземельям целых шесть дней. Шесть дней в кромешной темноте! Как он не сошел с ума и не погиб! В конце концов, он выбрался в канализационный коллектор, кишасший крысами. Тут был слабый свет из нескольких решетчатых канализационных люков, выходящих на поверхность. Но к тому моменту он окончательно обессилел и рухнул на колени, привалившись к стене. Крысы тут же обступили его, стали обнюхивать, но вели себя не агрессивно. Именно в этот момент грохнула крышка одного из люков, и в

сумрак подземелья ворвался луч мощного фонаря. Кто-то сверху заглянул, но крыс было так много, что спускаться не стали. Снова грохнула крышка, снова полумрак. А крысы, вот они рядом. Дождавшись ночи, выбрался наружу, еще сутки отсиживался в подвале жилой пятиэтажки, а затем покинул город. Вроде тогда он и решил для себя, что именно крысы спасли его, отпугнули преследователей – если бы они спустились тогда вниз, то у него не было бы никаких шансов. Легенда вторая очень напоминает первую, только действие происходило не в Москве, а во время войны, в Югославии. И он бродил не по подземельям, а по старым горным выработкам и шахтам. Я в эти легенды не верю. Скорее всего, это такой фольклор, бандитская романтика. Что ты улыбаешься? В криминальном мире тоже есть свои герои, свои кумиры. Но, боюсь, правдивую историю о происхождении прозвища мы так и не узнаем.

Пока Кошкин рассказывал, я торопливо записывала в блокнот отдельные фразы. Время пролетело незаметно, и Кошкин предложил сделать перерыв на обед. Мои уверения, что я не голодная, что не стоит беспокоиться, он пропусти мимо ушей.

– Так, иди за письменный стол, там удобнее, и, не торопясь приведи в порядок свои записи, чтобы ничего не забыть. А я пока обед соображу.

Так и поступили. Я вспоминала какие-то эпизоды, фразы. Изредка что-то переспрашивая у Кошкина, я исписала страниц десять. Внезапно поймала себя на мысли, что вот, началась полноценная работа над книгой. Было ощущение, что я включилась в какой-то очень сложный, трудный, но очень увлекательный процесс. И, черт возьми, мне это нравилось. Потом Вячеслав Николаевич позвал за стол. Салат из квашеной капусты, вареная картошка, сосиски и кисель. Вроде, все очень просто и незатейливо, но до чего же вкусно! От чая я отказалась, и мы продолжили нашу беседу.

– Еще один очень важный момент. В начале двухтысячных ему приписали убийство крупного бизнесмена, имевшего большие политические амбиции и участвующего в выборах. Повторяю: на Крысу повесили убийство, которого он не совершал! Это, скорее всего, и послужило толчком к тому, что он стал самостоятельно выбирать цели. Видимо, к тому времени Крыса уже не нуждался в деньгах. Его визитной карточкой стало предупреждение потенциальной жертвы. Это добавляло всем операциям дополнительного риска, заставляло жертву помучиться, и, видимо, доставляло Крысе особое удовольствие. Ясно было одно: с психикой у него явно не все в порядке. И хотя, возможно, он считает себя таким «Робингудом», или «санитаром леса», все равно Крыса был и есть безжалостный убийца, преступник, палач, спятивший вооруженный маньяк. Но, что интересно, в списке его последних жертв, которых он определил самостоятельно, персонажи, совершившие различные злодеяния и уверенные в своей абсолютной безнаказанности – криминальные авторитеты, крупные бизнесмены, сделавшие большие деньги на крови, а еще и коррумпированные чиновники высокого ранга. Словом, всякая мразь. Успеваешь записывать?

– Да-да! Успеваю! Вячеслав Николаевич, можно вопрос? Вы, когда говорили о моем тестовом задании, имели в виду вот это все, о чем мы говорили?

– Нет, Инга, нет. Я расскажу тебе один реальный случай, когда Крыса ликвидировал главу одной ОПГ. Имена, названия потом придумаешь. Можешь что-то дополнить, приукрасить. Посмотрим, что получится. Открывай чистую страницу в блокноте и слушай...

Я, как прилежная ученица, перелистнула страницу и приготовилась записывать «с красной строки». Кошкин, в своей неторопливой манере, стал рассказывать про одного криминального авторитета, про его жизнь, окружение. Про полученное от Крысы предупреждение о скором убийстве. Иногда он настаивал на том, чтобы отдельные фразы я записывала дословно, часто делал паузы, чтобы я ничего не упустила.

– Ну, на сегодня хватит! У тебя теперь есть исходный материал, есть с чего начать.

– Дааа! Столько всего нового, боюсь, половину забуду! В голове просто каша какая-то!

– Просто надо сделать перерыв. Ты, когда сегодня домой приедешь, сразу за работу не принимайся, отдохни до завтра.

– Хорошо, Вячеслав Николаевич, я так и сделаю! Спасибо, что уделили время!

– Да, Инга, вот еще что. Я тут прочитал несколько твоих детских рассказов...

Я, видимо, от удивления открыла рот, да так и сидела!

– Да нет, не переживай, все замечательно. Мне больше всего понравилась сказка, где ежик, мышонок и белка строили мост через ручей! А медвежонок над ними смеялся! Это очень здорово, что ты пишешь для детей.

– Спасибо... А как вы узнали, что я пишу?

– Ты забыла, что я почти полвека отработал в органах? Мне звонит незнакомый человек, просит о помощи – должен же я был знать, кого буду поить чаем?!

– Вы все обо мне знаете?

– Ну, не все, только основное: семья, учеба. Опять же, ты пришла от Вити Колесникова, а это тоже о многом говорит. Я вот что хотел сказать: понимаешь, писать про киллера-одиночку, про преступных авторитетов это не то же самое, что писать про утят и медвежат. Надо поменять слог, стилистику, или как там это называется у вас, у писателей?

Несмотря на удивление, я рассмеялась.

– Да, ладно вам, Вячеслав Николаевич, какой я писатель?!

– А ты все-таки подумай. Вроде ведь мелочь, но из них, из мелочей, складывается общая картина!

– Хорошо, подумаю!

Дело было к вечеру, я стала собираться домой. Вячеслав Николаевич снял с печки сухие, теплые ботинки. Пока обувалась, снял с плечиков такую же теплую куртку. Вышел проводить на крыльцо. Были уже сумерки. Дождь прекратился, но пахло сыростью, мокрой листвой. Прощаясь, Кошкин попросил меня быть осторожной и аккуратной – путь до станции хоть и недалекий, но идет через лес и дачи. Чувствовалось, что он был рад нашему знакомству, хотя и вида не подавал. Договорились встретиться ровно через неделю, в следующую субботу.

– Если у меня будут вопросы, можно я вам позвоню?

– Нет, по телефону не стоит. Лучше записывай вопросы и в следующий раз мы все обсудим. А вот если не сможешь приехать в субботу, то, пожалуйста, позвони, предупреди, чтоб я не ждал. Лады?

– Лады! До свидания, Вячеслав Николаевич! Спасибо за все!

– Давай, Инга, до встречи!

Я вышла за калитку, обернулась и помахала рукой. Кошкин тоже поднял руку, кивнул и показал пальцем на часы, дескать, поторопись, на электричку опоздаешь! Я бодро зашагала по уже знакомой дороге, усыпанной листьями. Голова немного побаливала после целого дня разговоров и обилия новой информации. Но свежий воздух и ходьба сделали свое дело и, подходя к станции, я чувствовала себя превосходно. Сидя в вагоне и глядя на проплывающие мимо сумеречные подмосковные пейзажи, я попыталась подвести какие-нибудь итоги моей поездки. Итак! У меня теперь есть материал для книги, есть от чего отталкиваться. Я познакомилась с очень интересным человеком, который, судя по всему, не против помочь с написанием книги. В принципе, съездила очень удачно! Снова и снова вспоминала разные моменты из рассказов Кошкина. Сколько же он всего знает, сколько увлекательных историй может рассказать! Ему бы самому сесть за книгу! Может, за мемуары? Надо в следующий раз намекнуть ему. Уже дома, отдыхая от поездки, я вдруг поняла, что все это, конечно, хорошо, но это не главное. Главное, что я избавилась, наконец, от того гнетущего чувства неуверенности и слабости, которое временами накатывало на меня! Я теперь четко знала, чего хочу и как этого добиться! И это было здорово!

7.

Я все-таки не послушалась совета Кошкина и сразу же уселась за компьютер. Нужно было перенести записи из блокнота. Попутно в голове уже стали возникать какие-то смутные наброски, отдельные фразы, детали сюжета. Информация, предоставленная Кошкиным, как раз и была той самой историей, основываясь на которой предстояло построить все повествование. Так, а что там с моими сказками и рассказами для детей? Кошкин посоветовал изменить стиль изложения, сделать его чуть грубоватым и сухим. А как это сделать? Надо будет подумать. Итак. У нас есть киллер, его цель, место преступления, подробное описание позиции стрелка и еще несколько небольших, но важных деталей. Кошкин намеренно не стал давать мне полную картину, оставил мне возможность самой все придумать и описать. Прежде всего, я решила добавить сильного персонажа

в противовес киллеру Крысе. Всю историю следовало преподнести, не как обычное преступление, а как некий поединок между двумя равными противниками. Главный мафиози на эту роль никак не подходил, слишком уж он был взбудоражен предупреждением о предстоящем убийстве. Поэтому возник образ спокойного, волевого начальника службы безопасности. И еще, почему-то, я захотела включить в сюжет некий, слегка комичный персонаж. Он будет второстепенным, но, безусловно, сыграет очень важную роль. Я сразу придумала ему прозвище. «Леха-зима». Некоторое время размышляла над именами главного мафиози и начальника службы безопасности. Перебрала несколько вариантов. И так, постепенно, постепенно я погрузилась в работу. В голове возникали образы, ситуации, фразы, а пальцы бегло барабанили по клавишам. Я сразу решила не останавливаться на истории Крысы, его подробном описании. И, главное, я была твердо убеждена, что в конце книги Крыса должен быть наказан, добро должно было победить, иначе бы я не смогла. Этому я планировала посвятить отдельные главы. Потом. Сейчас же я описывала отдельный, конкретный эпизод. Возможно, он будет не единственный. Мне просто надо доказать Кошкину, что я могу писать. Надо заинтересовать его и продолжить работу над книгой. Было уже очень поздно, когда я, наконец, оторвалась от компьютера и устало откинулась на спинку стула. Пробежала глазами несколько последних абзацев. В принципе, неплохо. Я уже точно знала с чего начать и чем закончить, уже смутно вырисовывалась вся картина. А еще, я вдруг ощутила дикую усталость. Все-таки, столько всего произошло за последние сутки! Мне пока все нравилось, ни что не вызывало тревоги или сомнения. Наоборот, появился некий легкий кураж, драйв. Но, я решила не форсировать события, как следует отдохнуть, выспаться. Иногда это нужно делать вовремя, чтобы не отпугнуть удачу. Я сходила в душ, потом погасила свет и залезла под одеяло. Почему-то, вспомнила Анютку. Вот она никогда не отдыхает. Ей постоянно звонят клиенты, сотрудники и она готова в любой момент включиться в работу, погрузиться во все тонкости и нюансы. Хотя, с ее то характером и энергичностью это совсем нетрудно. Надо будет позвонить ей завтра и позвать в кино. А потом посидеть где-нибудь в кафе, поболтать, посплетничать. Может, Пашку позвать? Нет, лучше устроить девичник. Но, Пашка потом обидится, скажет, не позвали! А мы ему не скажем! Я вдруг вспомнила, что за все время знакомства с Пашкой, я так и не узнала его фамилию, все Пашка да Пашка! Вот Анютка – Краснова! А Пашка? Надо будет узнать. Просто интересно, как его фамилия будет соответствовать образу, который он старательно поддерживает – брутальный, бородатый викинг, весь в татуировках, амулетах. А окажется какой-нибудь «Малышкин» или «Одуванчиков»? Я даже рассмеялась! Вот Анютка – точно «Краснова!» Красный – цвет энергии, опасности! Неспроста некоторые люди меняют фамилии. А что, если... Я даже откинула одеяло и села в кровати! А что, если мне писать книгу под псевдонимом? Представиться мужчиной, а? Ведь одно дело, когда про киллера пишет девочка, студентка филфака. И совсем другое, если пишет брутальный мужчина! И условиями конкурса, если мне изменяет память, это не возбраняется! А ведь это мысль! Все, теперь точно спать!

А утром, прекрасным воскресным утром, когда я хотела выспаться, меня разбудил телефонный звонок.

– Калинина? Доброе утро! Прошу прощения за столь ранний звонок, срочные обстоятельства!

Только его мне сейчас не хватало! Станислав Ильич, мой научный руководитель

– Да, Станислав Ильич, доброе утро!

– Меня отправляют в командировку, на конференцию. Буду отсутствовать несколько дней. Поэтому, внеплановую консультацию по дипломным работам решил провести сегодня. Жду вас на кафедре в двенадцать тридцать. Спасибо!

Вот так! Позвонил рано утром в воскресенье, поставил перед фактом. Делай, что хочешь! Интересный он, наш Станислав Ильич. Совсем молодой, чуть старше тридцати. Очень робкий и стеснительный, особенно, когда приходится общаться со студентками. Свою робость он старательно прячет за излишним официозом и напускной строгостью. Зато никогда не ведет себя высокомерно по отношению к студентам, всегда готов помочь, подсказать. Мы на факультете между собой зовем его просто Ильич. И как меня не тянуло еще поспать, пришлось вставать – подводить Ильича мне совсем не хотелось. Душ, овсянка с фруктами, кофе. С этой книгой ни в коем случае нельзя забывать про учебу. Потерять контроль очень легко, потом придется нагонять, а времени может не хватить. И, хотя я еще ни разу не была в такой ситуации, примеров вокруг было предостаточно. Не получается у меня полноценно отдыхать в выходной! Ну, и ладно, не смертельно! Пока собирала в универ материалы по диплому, взгляд упал на вчерашний блокнот с записями. Машинально открыла и пробежала глазами несколько строк. Хотела уже было включить ноутбук и почитать мои вчерашние вирши, но вовремя себя одернула – вечером. Сейчас собираюсь и еду в универ. Учиться, учиться и учиться! По пути позвонила Анютке. Она с радостью поддержала мою идею на счет кино и девичника. В универе все прошло как-то быстро, буднично. Ильич задал мне несколько вопросов, мы обсудили некоторые спорные моменты в моей работе, подправили пару формулировок. Потом я немного прогулялась по центру, выпила кофе с круассанами. До встречи с Анюткой еще оставалось больше двух часов, ехать домой не было смысла, и я решила заняться своим любимым делом. Я пошла в книжный магазин! Так, что там Кошкин говорил на счет моего стиля изложения? Надо писать жестче, по-мужски? Посмотрим... Фолкнер, Сэлинджер, Фицджеральд... Я взяла несколько книг, открыла наугад. Так, дальше. Оруэлл, Хемингуэй. Уже теплее. Все это уже давно читано-перечитано, хотя... «Острова в океане». Хемингуэй. Надо же.... А вот это я как-то пропустила! Прочитала пару страниц и поняла, что куплю эту книгу. Зазвонил телефон.

– Алло, ну ты где?

Анютка. Смотрю на часы. Как быстро время пролетело! Уже бегуууу! Кино оказалось так себе, обычное, проходное недокино, которое забудется через три дня. Видя мое разочарование, Анютка подмигнула и сообщила, что дальше

берет все в свои руки и весь дальнейший вечер за ее счет. На вопрос, что случилось, лишь хитро подмигнула! И, лишь сидя уже за столом в кафе и разливая по бокалам мартини, она призналась, что одна богатая компания сделала ей крупный заказ на новогодний корпоратив, новогодний же утренник для детей, и проведение свадьбы у дочери одного из топ-менеджеров! И это помимо того, что Анюткина фирма итак завалена заказами в преддверии Нового года. Я в свою очередь похвасталась, что работа над книгой идет полным ходом, про свою идею с псевдонимом.

– Только вот осталось придумать. Надо что-то такое не пафосное, и в то же время не «Ваня Иванов».

– А что тут думать?! «Павел Краснов»! В честь меня и Пашки! Мы же твои самые лучшие друзья!

– Слушай, а ведь, правда! Неплохо! «Павел Краснов»!

– За это надо выпить!

Потом она опять рассказывала про свою работу, про подготовку к Новому году, про пошив новых костюмов для аниматоров, про своих новых сотрудников, которых надо успеть научить премудростям профессии, про аренду машин, про новую музыкальную аппаратуру, про поиск нового помещения под офис, потому, что в старом уже тесно, и много еще о чем.... С особой гордостью, Анютка, пока по секрету, рассказала, что следующим летом планирует открытие филиала своей фирмы в Питере. Я смотрела на нее и видела человека абсолютно счастливого. Она действительно любила свою работу. С постоянными стрессами, суетой, почти без выходных и отпусков. Да она, по-моему, и не считала это именно работой. Это была ее жизнь. Молодец, она, все-таки! Трудяжка! Потом Анютка вспомнила, как два года назад перед новогодними праздниками у нее внезапно заболел сотрудник, который должен был играть деда Мороза на утреннике в одном из детских садиков. Заменить было не кем, ну хоть плачь! Предложила Пашке. Тот согласился. Проблемы начались, когда Пашку стали наряжать. Белая накладная борода ну никак не хотела ложиться на рыжую бороду викинга и стояла колом. Пашка предложил работать без накладной бороды, но дедов Морозов с рыжей бородой не бывает! Одна девочка костюмер предложила покрасить Пашкину бороду краской, которой рисуют узоры на стеклах и она потом легко смывается, но Пашка категорически отказался. Тогда решили просто напудрить бороду. Но Пашка ехал на праздник под снегопадом, и борода была влажная, а просушить не догадались! В итоге вся пудра слиплась комками, а борода оказалась не белая, не рыжая, а какая-то пегая! Повезло, что дети были ясельного возраста, им кроме подарков, особо ничего не нужно было! В итоге дети в восторге, родители и воспитатели тоже, а наш викинг был просто в ярости! После своего триумфа, он выбежал из зала, сорвал с себя красную шубу, шапку, рукавицы, запихал все в мешок. Потом что-то прорычал, погрозил Анютке кулаком и убежал «отстирывать свою драгоценную бороду»! Так Анютка и сказала! Пока она рассказывала, изображала Пашку, я хохотала. Потом Анютка тоже рас-

хотелась и мы никак не могли остановиться! Люди за соседними столиками, официанты, смотрели на нас и тоже начинали улыбаться, а кто-то и посмеивался! Я понимала, что пора остановиться, но как только представляла Пашку с пятнистой бородой и его выражение лица, на меня накатывала новая волна хохота! Наконец, мы успокоились. У меня от хохота болел живот, Анютка, вся красная, махала ладонями на свое лицо, пытаюсь прийти в себя. Потом она рассказала, что на следующий день помирилась с Пашкой, а он взял с нее обещание, что она никому не расскажет об этом случае. Уже вечером, вернувшись домой, я снова вспоминала Анюткин рассказ и хохотала. Как, все-таки, хорошо, что у меня есть такие замечательные друзья!

8.

Я на даче у Кошкина. Сегодня мне предстоит сдать тест на профпригодность, как в прошлый раз выразился Вячеслав Николаевич. Всю неделю я работала по вечерам над рукописью, что-то переписывала, что-то удаляла, меняла местами абзацы, но, в конце концов, справилась. И вот, мои труды распечатаны, переплетены и лежат на столе, ожидая оценки строгого и предвзятого судьи. Но мы пока пьем чай. К моему приезду Кошкин натопил печь, поставил свой легендарный самовар. А еще он испек пирог. С малиной.

– Это вы сами испекли, Вячеслав Николаевич?

– Сам, конечно! Жена в свое время научила, Катя.... Тут за домом большой малинник, я ягод набрал, наморозил, варенье сварил. Нравится?

– Ммм... Вкуснотища!

– Ешь, сил набирайся! Они нам потребуются!

– И чай у вас какой-то особенный, очень вкусный!

– Это верно. Все дело в воде. Для хозяйственных нужд я использую воду из скважины. А вот для приготовления еды — из родника. Тут недалеко. Даже из Москвы сюда за водой приезжают. А еще ученые доказали, что чай из самовара, из настоящего самовара, гораздо вкуснее, чем из чайника или куллера!

Но, нам надо заниматься нашим основным делом. Кошкин взял мою рукопись, перешел за письменный стол, зажег лампу.

– Ну-с, поглядим...

Наступила тишина. Только настенные часы тикали да в печке изредка потрескивали угли. Я поставила на стол чашку.

– Вячеслав Николаевич, извините, отвлеку. Можно я пока дом посмотрю, в сад схожу?

Не отрываясь, махнул рукой – делай, что хочешь. Я потихоньку обулась, взяла куртку и вышла в коридор. Да, здесь прохладно. Эту жилую часть дома от остальных помещений Кошкин отгородил обычным брезентом, устроил что-то наподобие театрального занавеса поперек коридора. Отвернув край брезента, я увидела продолжение коридора и несколько дверей. Сумрачно, пахнет пылью

и сыростью. Ну, что? Классическая подмосковная дача, построенная в начале двадцатого века. Высокие потолки, просторные комнаты, стеклянные филе-чатые распашные двери, настоящая русская печь, а в гостиной и спальнях три печи-голландки. Огромные зеркала, уже пошедшие пятнами, массивная деревянная мебель, буфет, комод. А вот это — кабинет, ну или библиотека. Вдоль стен высокие книжные шкафы со стеклянными дверцами, в центре большой письменный стол. Напротив — кожаный диван и такое же кресло. Все такое большое, добротное, прочное. Все создает атмосферу покоя, надежности и какого-то особого уюта. И это несмотря на то, что комната много лет пустует. Книжные шкафы пустые, над диваном когда-то висела картина, теперь от нее осталась лишь веревка. На полу, скорее всего когда-то лежал ковер — его тоже нет. Зато есть пыль. На всем. В одной из спален у стены два старых велосипеда, детские санки-салазки, гряда каких-то коробок. Большая плетеная корзина с детскими игрушками. Игрушки очень старые. Сверху лежали самолетик с красными звездами на крыльях, лошадка на колесиках и маленький кораблик. Видимо, все это принадлежало тем, кто жил здесь еще до Кошкина. Да, когда-то тут кипела жизнь. Люди приезжали на дачу на все лето, большой семьей. Наверняка, в доме играл патефон, собирались компании, звучал детский смех.... А сейчас здесь царили упадок, запущение, забвение... Как-то грустно здесь было и тягостно. Я вернулась в коридор, закрыла брезентовый занавес и вышла на крыльцо. Накануне выпал первый снег, но сейчас выглянуло солнце, потеплело и от снега не осталось и следа. Я обошла вокруг дома и увидела небольшой, бревенчатый домик с красной крышей и двумя крохотными окошками. Оказалось, это — баня. Пошла по дорожке вглубь сада. Яблони, груши, вишни. А вот здесь когда-то был небольшой огород. Остатки большой теплицы. Какой все-таки большой сад! В глубине вижу какой-то навес. Точно! Беседка. Большой стол, а по бокам от него широкие лавки. Здесь же друг на друга поставлены несколько плетеных стульев. Все уже давно сгнило и готово развалиться при малейшем прикосновении. А это что? Ух ты! Маленькая детская карусель и качели! А дальше, за остатками изгороди начинался крутой спуск в овраг. Где-то там, в глубине, в зарослях, слышалось журчание воды. Видимо, ручей. Надо было возвращаться, Кошкин, наверное, меня уже потерял!

– Ну, как? Нагулялась? Выпей еще чаю, согреешься. Да с пирогом!

– Спасибо!

– Ну, как тебе моя фазенда?

– Ну... Как-то все... Запущено, заброшено.

– Это верно. Видишь ли, дача эта раньше была служебной и мне досталась уже в таком состоянии. До нас тут много лет никто не жил. Что-то подремонтировали, что-то подлатали. Мы ведь вдвоем с женой сюда ездили. Детей у нас никогда не было, я все время на работе, в командировках, а Катя болела часто. Такой дом для двоих слишком большой. Вот мы и использовали только эти две комнаты. А вот баню — мы построили!

– Вячеслав Николаевич, простите, а это ваша жена на фотографиях?

– Да, это моя Катя. Она умерла несколько лет назад. Как раз перед тем, как я наконец-то на пенсию вышел. Надо было, конечно, раньше – может, все по-другому бы вышло. Но, сначала не отпускали, потом я сам время тянул – все хотел поймать нашего с тобой знакомого... Так, ладно, вернемся к нашим делам!

– Прочитали?

– Прочитал. Ты знаешь, неплохо! Да, неплохо! Несколько сумбурно, есть несколько ляпов, неточностей, но в целом неплохо. Я там карандашом отметил, потом посмотришь, подправишь. Кстати, я смотрю, ты над стилем своим явно поработала! Прямо такое ощущение, что писал мужчина, серьезно!

– Вячеслав Николаевич, я решила использовать псевдоним. «Павел Краснов». Правила конкурса позволяют и я решила, что так будет лучше.

– Почему нет? Это твоя книга, ты принимаешь решения.

Отрывок рукописи.

1. Дядя Коля был одним из самых известных и влиятельных людей в Ленинске. Один из «отцов города», известный бизнесмен, меценат, почетный гражданин, почетный член, почетный председатель всего и прочая, и прочая, и прочая.... А в недавнем прошлом — глава одной из самых крупных преступных группировок юга России. При Советском Союзе Николай Викентьевич Голуб был простым мастером на стройке. Звезд с неба не хватал, подворовывал помаленьку, но не зарывался, заводил нужные знакомства, помогал, кому надо с ремонтом, строительством, но всегда был осторожен и осмотрителен. Попутно с трудовой деятельностью занимался спортом. Еще в юности увлекшись самбо, в армии он стал мастером спорта и теперь регулярно посещал борцовский зал, хотя о спортивной карьере никогда всерьез не задумывался. После развала СССР, Николай Викентьевич, ушел со стройки и, объединив вокруг себя таких же бывших и молодых борцов-каратистов-боксеров, создал свою «бригаду». По началу все было, как и везде. Доили мелких предпринимателей, рынки, брали дань с проезжавших через область транзитных фур. Постепенно бригада разрослась и уже контролировала соседние регионы. «Голубята», боевики Николая Викентьевича, наводили ужас на всю округу. Группировка отличалась особой дерзостью, жестокостью. С ними предпочитали не спорить. Но отшумели лихие 90-е, постепенно все улеглось, и теперь Николай Викентьевич стал просто «дядей Колей». Ларьки, рынки, барыги — все осталось в прошлом. Теперь были в ходу другие термины — зерно, мука, производство сахара, поставки нефтепродуктов, мясо-молочное производство — все это теперь контролировалось людьми дяди Коли. Вопросы теперь решались не на «стрелках», а кабинетах городских и областных чиновников, начальников всех уровней и т.д. Сам же дядя Коля теперь был образцовым меценатом, отцом города. Ужасы 90-х постепенно стерлись из памяти простых

людей. Дядя Коля, передав ведение дел своим подопечным, теперь осуществлял лишь общий контроль и лично подключался крайне редко. Теперь он в полной мере мог отдаться своим страстям, коими были спорт и женщины. Дядя Коля был не женат. Высокий, плотный, с легкой сединой, он в свои неполные шестьдесят весьма и весьма привлекал женский пол, и у него, конечно, были сожительницы. Но они менялись так быстро, что охрана и прислуга не успевали к ним привыкнуть. Причина столь частой смены было пристрастие дяди Коли к молоденьким девушкам, очень молоденьким и соответственно ревность со стороны очередной гражданской жены. Это все повелось еще с 90-х, когда любую симпатичную девушку бандиты могли среди бела дня просто силой посадить в машину и несколько дней развлекаться с ней в доме «хозяина». Некоторые пленницы после таких развлечений пропадали бесследно, но милиция предпочитала не копать глубоко и просто объявляла девушек в розыск и «пропавшими без вести». Всех своих любовниц дядя Коля поддерживал деньгами, помогал с жильем и т.д. Всех детей от этих женщин он пристраивал в столичные ВУЗы, помогал с работой. В общем, типичный «крестный отец» мафии. И все же главной страстью дяди Коли был спорт. Ни одно соревнование на местном уровне не обходилось без его поддержки. На его деньги был построен новый спорткомплекс и большой футбольный стадион. Причем стадион был прямо перед окнами трехэтажного особняка дяди Коли и наблюдать за соревнованиями и матчами он мог прямо с большого балкона. А, напротив, с другой стороны стадиона, располагалось здание городской прокуратуры — мрачная серая четырехэтажная коробка, перед которой стояли многолетние голубые ели. Эти деревья были посажены давным-давно и теперь своими густыми ветвями практически полностью укрывали фасад здания.

Все шло хорошо, бизнес процветал, дядя Коля был всем доволен и о прошлых грехах предпочитал не вспоминать. Поэтому, когда сорока на хвосте принесла новость, что дядя Коля «в заказе», он не столько испугался, сколько удивился. Со всеми конкурентами он давно решил все вопросы, все было поделено и договорено. С властями и ментами тоже все гладко. Кто же решил убрать его? Служба безопасности начала «усиленно копать» и выяснила, что дядю Колю приговорил Крыса, сумасшедший киллер-одиночка, играющий теперь в Робин Гуда и сам себе определяющий цель.

Немного полегчало. Все-таки одиночка — он и есть одиночка, в поле не воин. Были усилены меры безопасности, милиция контролировала всех приезжих в Ленинск. Но все было тихо и спокойно, никто не стрелял и не взрывал, и дядя Коля понемногу успокоился. К тому же у него появилось весьма важное дело — организация и проведение чемпионата по футболу среди юношеских команд всех соседних регионов. Дядя Коля лично связался с именитыми игроками и тренерами ведущих российских команд и пригласил их в качестве почетных гостей. Многие дали согласие. За всеми хлопотами дядя Коля почти не вспоминал о Крысе. С недавних пор, помимо усиленной охраны, в особняке хозяина постоянно находился начальник службы безопасности, либо его первый заместитель. Ситуация полностью была под контролем, время шло, ничего не происходило

и дядя Коля про себя решил, что пронесло, Крыса передумал или испугался. А зря...

2. Однажды жарким летним утром в ворота особняка дяди Коли постучали. Охранник, взглянув на монитор камеры наблюдения, усмехнулся и приоткрыл стальную дверь. Перед ним стоял известный во всей округе Леха-зима. В свои неполные пятьдесят Леха был таксистом, бомбилкой. Он практически жил в своем жигуленке и катался уже очень давно. Прозвище «зима» прилипло к нему из-за того, что и летом и зимой он ездил в шортах и майке. Правда, в морозы он накидывал на плечи кожанку, но даже не застегивал молнию. В шапке его ни разу не видели. Жигуленок всегда был на ходу, печка в машине была зверь, включена всегда на максимум. Леха был балагур и шутник, его знал весь город и окрестности. Небольшого роста, коренастый с короткими, широко расставленными ногами, ходил всегда вразвалку и крутил на цепочке ключи от машины. Когда-то давно он работал на стройке под началом дяди Коли и беспросветно пил. Потом была перестройка, смерть жены, белая горячка и с тех пор Леха пить бросил и стал бомбить. Жители Ленинска хорошо знали Лехину «копейку» и с удовольствием пользовались его услугами — за проезд Леха брал по-божески и всю поездку травил байки и анекдоты. Питался он, как правило, в кафе для дальнобойщиков на выезде из города, на автотрассе. Всегда в приподнятом настроении, насвистывающий что-то веселое он стал настоящей городской знаменитостью. Вот почему охранник дяди Коли, отворив ворота, слегка удивился. Леха стоял, сам на себя не похож. Весь как бы пришибленный, подавленный, руки дрожат.

- Какие люди! Тебе чего, Леха?
- Мне...это...к дяде...к дяде Ккколе... очень...
- Да ты толком скажи, что надо?
- Срочно... надо...

В свете последних событий у охраны были особые указания. Охранник завел Леху во двор и вызвал по рации начальника службы безопасности. Через несколько минут Леха стоял посреди большой комнаты, рядом стоял охранник, а напротив, за столом, сидели сам дядя Коля и его начальник службы безопасности, бывший полковник ФСБ Кирилл Иванович Мазур. Леха совсем струхнул и говорил сбивчиво, повторяясь. Его никто не перебивал, все слушали очень внимательно. Из Лехинога рассказа следовало следующее. Вчера, примерно в обед, Леха, как обычно, поджидал клиентов у центрального рынка. Внезапно задняя левая дверь открылась, и кто-то быстро сел в машину. Леха абсолютно не удивился, только сделал музыку потише и спросил:

- Куда едем?
- Пока прямо, потом покажу, – последовал ответ. Голос у пассажира был какой-то сиплый, сдавленный.

Не успел Леха отъехать и пару кварталов от рынка, как пассажир scomандовал

– Здесь налево и метров через тридцать тормози.

– Как скажешь! – отозвался Леха, прикидывая в уме, сколько попросить за столь непродолжительную поездку.

Машина остановилась у частных домов, в тени больших тополей и кленов. Леха уже открыл рот, чтобы озвучить цену поездки, как пассажир скомандовал:

– Так, тихо! Слушай внимательно. Завтра утром пойдешь к дяде Коле и скажешь, что его хотят завалить. Дело будет на открытии футбольного чемпионата.

– А.... – попытался что-то сказать Леха

– Не перебивай! Скажешь, что предупредил его тайный доброжелатель, что прятаться бесполезно, потому, что Крыса уже давно в городе и хорошо подготовился. Хочешь спасти дядю Колю? – неожиданно спросил пассажир.

– Д... Да... – у Лехи пересохло в горле.

– Тогда делай, что говорю. И вот тебе за труды — пассажир что-то бросил на коврик к Лехиным ногам.- Я сейчас выйду, ты мне вслед не смотри, понял?

– Д...Да...

– Бывай.

Хлопнула дверь. Леха, как не старался, не смотреть, как не было ему страшно, а все-таки краем глаза увидел в зеркале удаляющегося пассажира. Потом посмотрел под ноги и, нагнувшись, поднял с коврика стодолларовую купюру. Присвистнув от изумления, Леха еще несколько минут сидел неподвижно. Он решил обязательно сходить к дяде Коле.

Когда Леха окончил рассказ, пару минут в комнате висела тягостная тишина. Первым заговорил Мазур

– Описать его сможешь?

– Ну... мужик... лет сорок-сорок пять, не толстый, не худой... обычный. Голос сиплый.

– Рост?

– Ну... примерно, во... – Леха поднял ладонь над головой

– Метр семьдесят пять-метр восемьдесят. Во что был одет, цвет волос, усы, борода — говори, все что помнишь!

– Ну... одет в джинсы и футболку, светло-серую. На голове бейсболка, темные очки. Волос почти не видел, но вроде темные. Да я его и видел то пару секунд, не больше!

– А почему он к тебе именно сел? – впервые подал голос дядя Коля.

– Вот это вот я не знаю...

– А может ты все выдумал? Пил вчера? – Мазур, поднялся и подошел вплотную к Лехе..

– Да что вы... я ж не пью... давно...выдумать такое... что мне, жить надоело?...

– Ладно. Влад,— Мазур обратился к охраннику. – Бери этого красавца, и к ментам, в управление. Я позвоню сейчас, скажу. Фоторобот пусть попробуют составить, ну, в общем, они знают, что надо делать. Да!, – снова Лехе, – а купи-ра с собой? Давай, выкладывай, вернем потом.

Леха дрожащими руками вытащил из кармана шорт скомканную бумажку. Мазур аккуратно взял ее и передал охраннику: «Пусть глянут». Когда Влад и Леха скрылись за дверями Мазур снова сел за стол. Помолчали.

– Ну? Что будем делать? – тихо спросил дядя Коля.

– А ничего особенного. Меры безопасности у нас сами знаете, муха не пролетит, подождем, что менты скажут.

– Я уж думал, что пронесло, передумал Крысеныш, ан нет!

– Главное не пороть горячку. Если это действительно Крыса, то он сам дал нам фору — указал время и место покушения. Мальчик любит непростые задачи, это его стиль, кайф от этого ловит. Менять свои планы он не станет. У нас есть время для подготовки, десять дней. Думаю, все будет в порядке, и Крысу поймаем.

– Только живьем мне его...

– Тут уж как получится.

– Кирюх, – дядя Коля заговорил очень тихо, глядя Мазуру в глаза, – Ты знаешь, я своих не бросаю. Сделай все как надо, и я твой вечный должник, слышишь?

– Да не волнуйтесь так, Николай Викентьевич, все будет в порядке.

Выйдя от дяди Коли Мазур поехал к себе в офис и сделал несколько телефонных звонков местным силовикам и еще кое-кому. Потом он собрал своих помощников, вкратце обрисовал ситуацию, дал необходимые поручения. Когда помощники разъехались, Кирилл Иванович откинулся в кожаном крутящемся кресле и, обращаясь к стоящему у него на столе бюсту Дзержинского, тихо сказал: «Все сделаем, дядя Коля. Ты только сейчас дров не наломай...».

3. Начался обратный отсчет. Подготовка чемпионата легла полностью на плечи помощников дяди Коли. Сам же он продержался ровно два дня после появления Лехи-зимы и на третий день напился в одиночку и уснул в сауне. Хорошо еще, что по приказу Мазура рядом всегда находились два охранника, и дядю Колю успели спасти. «Ладно, пусть еще пару-тройку дней побухает, здоровье позволяет, а глупостей ему парни не дадут сделать. Хоть нам сейчас мешать не будет.» – думал Кирилл Иванович. Уж больно ему хотелось поймать Крысу и привести к хозяину. Снова и снова он проверял всю систему безопасности. Судя по всему, Крыса будет стрелять из снайперской винтовки, это его конек. В этом он профессионал. Но для удачного выстрела нужна выгодная позиция. Присутствие дяди Коли на торжественном открытии чемпионата обязательно, отменить нельзя. Можно отменить приветственную речь участникам или, поручить кому-нибудь другому прочитать. «Сделаем так. Оповестим публику, что дядя Коля получил легкую травму в спортзале и поэтому наблюдать церемонию открытия он будет с балкона своего дома. Народ поймет. Так, теперь балкон.»

Мазур открыл стеклянную дверь и вышел на просторную террасу, с которой открывался вид на стадион. Дядя Коля обычно наблюдал за соревнованиями сидя в кресле, стоящим под солнцезащитным тентом. Рядом столик, на котором обычно стояли любимые напитки хозяина и ваза с фруктами. Кирилл Иванович опустился в кресло, надел солнцезащитные очки и стал неторопливо осматривать окрестности. Получалось, что самая выгодная позиция для стрельбы — крыша здания прокуратуры, стоящего точно напротив, через стадион. Слева от здания — хрущевская пятиэтажка, справа — небольшая автостоянка, газон и территория городской больницы. Еще очень удобно было бы стрелять с мачт освещения стадиона, но на них стрелок — как на ладони, скрыться после выстрела — никаких шансов. «Туда он вряд ли полезет, он не самоубийца. Так, в радиусе пятисот метров все люки канализации заварить, все подвалы-чердаки закрыть, на крыши поставим наших людей. Менты пусть контролируют периметр...», — размышляя, таким образом, Мазур внимательно, буквально сантиметр за сантиметром ошупывал взглядом территорию стадиона, жилые дома, здание прокуратуры. Вскоре он вызвал по рации своего помощника и дал несколько поручений, указывая, где поставить дополнительно людей, где повесить камеры наблюдения. Решив обезопасить максимально место, где дядя Коля будет находиться в «день икс», Кирилл Иванович распорядился по обе стороны кресла установить две прозрачные пуленепробиваемые ширмы.

Была мысль установить третью ширму прямо перед креслом, но тогда получалось, что дядя Коля будет сидеть как в аквариуме, а это явно ему не понравится.

Ширмы было решено установить в самый последний момент, чтобы хоть как-то, возможно, повлиять на планы Крысы и создать ему дополнительные неудобства. С учетом всего этого, получалось, что самая выгодная позиция для стрельбы по-прежнему была расположена в здании прокуратуры, либо на его крыше. «Помещения и окна будут контролироваться милицией, а вот на крышу я своих спецов поставлю. Вроде ничего не упустили.» Кирилл Иванович снял темные очки, и устало потер глаза. «Ловушки будут расставлены, где надо, к встрече мы подготовимся. Останется только ждать гостя».

А тем временем, вот уже несколько дней сотрудники милиции совместно с людьми дяди Коли усиленно проверяли всех прибывших в Ленинск за последние полгода, на всех въездах в город ДПС осматривала практически весь транспорт, въезжающий в город. Несколько патрулей контролировали окрестные проселочные дороги, посадки, фруктовые сады и дачные кооперативы. Но, увы, результатов все это пока не принесло. Горожане, конечно, видели эту суету, но списали все на подготовку к чемпионату и на антитеррористические мероприятия. Накануне «дня икс» дядя Коля и Кирилл Иванович сидели в плетеных креслах во дворе дома, возле небольшого декоративного прудика. Хозяин в очередной раз слушал доклад о мерах безопасности и планах по поимке Крысы. Только вот слушал он очень рассеяно, думая о чем-то своем.

– У меня все, – закончил доклад начальник службы безопасности

– Да, Кирилл Иванович, спасибо..., – растеряно отозвался дядя Коля.

– Да не переживайте вы так! – Мазур, уже в который раз, попытался успокоить хозяина, – Практически каждый сантиметр в радиусе километра под нашим контролем, менты и федералы тоже свое дело знают, уж вы мне поверьте. наших людей задействовано будет около сотни. Двух ребятишек-снайперов я поставил. Один на опоре освещения стадиона, на верхней площадке, оттуда все как на ладони, другой – в чердачном окна вашего дома. Муха не пролетит, мышь не пробежит!

– Мышь может и не пробежит, а Крыса сможет! – зло отозвался дядя Коля, – Ты же знаешь, какие небылицы рассказывают о его прошлых подвигах, это же не человек, это призрак какой-то. Помнишь, как он Васятку-Гусятку устрепал?

– Как не помнить?! Потом почти час с себя его кровь смывал.

Сказав это, Кирилл Иванович невесело усмехнулся. Тот случай произошел в конце 90-х. Василий Васильевич Гусятников (для своих Васятка-Гусятка), был фигурой того же калибра, что и дядя Коля, и рулил в соседнем регионе. Являясь племянником высокопоставленного московского чиновника, он быстро пришел к власти и богатству. Его основной страстью были дружеские и любовные отношения с известными артистками. Почти каждые выходные в его личном ресторане «Фламинго» выступали звезды тогдашней эстрады. Ресторан располагался на набережной и шикарнейшей трехэтажной террасой выходил прямо на реку. Когда люди Васятки предлагали выступить в этом ресторане какой-нибудь известной певичке, та поначалу отказывалась. Но увидев сумму гонорара, с радостью соглашалась. Правда, ей намекали, что после концерта будет еще, так сказать, неофициальная часть, – Васятка предлагал звезде совместный поход в баньку, за отдельное вознаграждение. Отказывались очень немногие. Получив весточку от Крысы, Гусятников впал в жуткую депрессию, которая сопровождалась истериками и запоями. Выстрел намечен был на День Рождения Васятки. Форсаж был месяц. Не имея своей четко организованной службы безопасности, Гусятников доверился местным ментам. Пару спецов прислал дядя из Москвы. Торжество проходило во «Фламинго». Естественно, приехали многие звезды эстрады, много гостей из Москвы и регионов, тут же городская властная верхушка. Было оцеплено все вокруг, на противоположном берегу реки была устроена засада на случай, если Крыса решит стрелять оттуда. На реке дежурили несколько быстроходных катеров с вооруженными людьми. Выстрел произошел в тот момент, когда Васятка-Гусятка поднялся из-за стола и благодарил за поздравления гостей. Была свидетельница, которая случайно увидела, как метрах в тридцати от берега из воды что-то показалось и после выстрела опять исчезло. На все ушло около пяти секунд. Крыса использовал легководолазное снаряжение и специальное оружие. Сразу после выстрела погас свет, и ресторан погрузился во тьму. Началась неизбежная в таких случаях, паника. Правда, неполадки устранили быстро и когда свет опять включили, все увидели, что Васятка лежит на столе, а в груди у него огромная сквозная дыра. Все и всё вокруг оказалось забрызгано кровью, в том числе и дядя Коля с Кириллом Ивановичем. Они были среди гостей и сидели

почти рядом с виновником торжества. Вспомнив все это, Мазур тряхнул головой и негромко, но очень твердо сказал:

– Он человек, и он может допустить ошибку, выдать себя, а уж мы не дадим спуска, поверьте!

– Ладно, – потухшим голосом сказал дядя Коля, – будь, что будет. От судьбы не уйдешь. Бронезилет одевать не буду!

– Это очень не разумно!

– Сказал, не буду! – неожиданно рывкнул хозяин, он уже успел изрядно выпить утром.

– Вам решать. Хозяин-барин, – невозмутимо отреагировал Мазур.

– Кирюх, не обижайся... Я всю ночь не спал, все думал. Ты ведь меня знаешь как облупленного, я не боюсь никого и ничего... Мы с тобой столько всего повидали... Мы убивали, нас убивали... Но это была война, настоящая война, сколько братьев полегло, подумать страшно. Но тогда мне все понятно было, кто, кого и за что валил. А тут я не понимаю! Какой-то Крысеныш, сученок, приговорил меня! Меня!!! Я его знать не знаю, а он вдруг решает, жить мне или не жить! Да кто он такой?! Господь Бог?! Вот, что меня бесит! И я его не боюсь! Поймай его, Кирюх, поймай гада, и мы его на собачий корм пустим! Лично его удавлю, вот этими руками!

– Поймаем, не сомневайтесь! Только вот не даю гарантию, что живьем возьмем. Все будет хорошо, я уверен! – Кирилл Иванович поднялся, – Николай Викентьевич, я пойду, дел еще много. А вас попрошу сегодня и завтра утром больше не пить, сами понимаете, такое дело.

– Да-да!!! – внезапно развеселившись, дядя Коля тоже вскочил с кресла, – не переживай! Не буду! Я вот лучше сейчас двух комсомолок вызову, да в баньку с ними пойду! – и, насвистывая что-то веселое, пошел в дом.

Кирилл Иванович несколько секунд внимательно смотрел ему вслед, а потом жестом подозвал стоящего поодаль Влада, своего ближайшего помощника.

– Влад, глаз с него не спускай, чтоб ни выпивки, ни наркоты. Девок, как приедут, проверь. Головой за него отвечаешь!

– Не переживайте, Кирилл Иванович! Все сделаем, не впервой!

– Не подведи меня... – Мазур надел темные очки и, выйдя за ворота, сел в свою машину, темно-серый Прадо. Он решил еще раз объехать окрестности, еще раз все проверить лично. Через час у него была назначена встреча с местными силовиками. – Ну что, Крыса, завтра потанцуем, – усмехнувшись, он мельком посмотрел в зеркало заднего вида и нажал на педаль.

4. А на другом конце города в эти дни происходили не очень заметные, но крайне важные события. Здесь не было стадионов, трехэтажных особняков, прокуратуры и других достопримечательностей. Здесь была граница новостроек и района старых частных домов. Старые дома сносили, людей расселяли в новые

девятиэтажки, число которых все увеличивалось. Там, за старыми частными домами был глубокий овраг, который служил свалкой для мусора, и со стороны казалось, что девятиэтажки напирают на ветхие домики и хотят поскорее столкнуть их в это овраг. На другой стороне оврага находился огромный гаражный кооператив, который и являлся основным поставщиком мусора. Часть домов уже была заселена, другие достраивались ударными темпами. Кроме переселенцев из ветхого жилья в этих домах проживало довольно много приезжих с севера, решивших поменять место жительства на регион с более теплым климатом. Некоторые квартиры были куплены и сдавались в аренду квартирантам, многие вообще пустовали. Примерно за два месяца до вышеописанных событий, одну из квартир арендовала супружеская пара, приехавшая с крайнего севера. Он — офицер-подводник, вышедший в отставку, она — верная офицерская жена, следующая за мужем по всем местам службы. Дети у них жили в Москве, а они решили приехать в Ленинск, пожить какое-то время и подыскать хороший дом с земельным участком, чтобы уже переехать окончательно. Хозяйке квартиры они сразу понравились, к тому же заплатили сразу за полгода вперед. Взяв деньги и отдав ключи, хозяйка со спокойной душой уехала к себе в деревню, где проживала постоянно. Квартиранты жили довольно уединенно, с соседями общались мало, иногда пропадали на несколько дней. Потом они, вроде присмотрели дом, и жена уехала на север, готовить имущество к переезду, а муж остался. Никто не обращал на них особого внимания. Именно с момента отъезда жены в округе стали происходить разные необъяснимые события.

5. Как-то раз в том самом гаражном кооперативе, двое алкашей из окрестных частных домов, слонялись между гаражных боксов. Они приставали к автомобилистам, копающимся под капотами машин, прося мелочь на выпивку, но взаимопонимания практически не встречали. Чаще в их адрес раздавались угрозы и пожелания пойти куда подальше. Устав от грубости и невежества окружающих, красавцы решили передохнуть и уселись на железобетонные плиты, привезенные кем-то для строительства очередного гаража. Закурили. Затем один из них сунул руку в свою грязную сумку и вытащил недопитую пластиковую бутылку пива. Сделав несколько глотков, молча передал товарищу. Тот тоже отпил немного и поставил бутылку рядом с собой, на плиту. Им хорошо был виден спуск к оврагу, кучи мусора и легкий пешеходный мост на другую сторону. Там, виднелись крыши стареньких домов, утопающие в зелени, а еще дальше — виднелись новые высотные дома, светлые, новые, сверкающие на солнце. Алкаши, как зачарованные смотрели на эти дома, резко отличающиеся от гниющих и ветхих лачуг окрестных улиц. Из оцепенения их вывел громкий хлопок, раздавшийся совсем близко и заставивший их вздрогнуть. Обернувшись, они увидели, что причина хлопка — взорвавшаяся недопитая бутылка. Минуту они молча разглядывали то, что осталось от бутылки. «Че, от жары что-ли взорвалась? Так вроде на жарко сегодня...», — сделал попытку объяснить произошедшее один из них. Затем оба слезли с плит и побрели к частным домам в надежде найти товарищей и, объединившись, таки, купить в ближайшем шинке бутылку самогона. Скоро

они нос к носу столкнулись с уличкомом, Ниной Ивановной, которая каждый раз ругала их за пьянство и грозилась «сдать, куда надо». Но в этот раз Нина Ивановна лишь махнула рукой, «не до вас». Мысли уличкома занимали более важные проблемы. Всего две недели назад Горэлектросеть заменила все лампы в фонарях освещения на их улице, но судя по всему, лампы оказались бракованными, так как стоило фонарям зажечься в сумерках, лампы взрывались одна за другой. Именно взрывались, а не гасли, как было раньше. Сначала подумали на мальчишек с рогатками, но вскоре сняли обвинение — несколько человек видели, как лампы лопаются, когда никаких мальчишек рядом не было. С озабоченным лицом Нина Ивановна шла по улице и иногда поднимала глаза и смотрела на обломки ламп и разбитые плафоны фонарей. «Это же с какой силой они взрываются, чтобы еще и плафон разбить!». Затем она взглянула на новые девятиэтажки и тяжело вздохнула «У них, небось, таких проблем нет. Ладно. Еще раз напишу заявление, пусть меняют на нормальные лампы. Если опять будут взрываться — буду жаловаться в городскую администрацию!». Через несколько дней приехала автовышка, и рабочие поменяли лампы и разбитые плафоны. После этого взрывы ламп прекратились. Помимо этих происшествий, было еще много загадочных эпизодов, произошедших без свидетелей. Иногда на свалке мусора ни с того, ни с сего вдруг с хлопком разрывались на части старые фляги из-под масла, пивные и водочные бутылки, старые канистры. Но, примерно за неделю до спортивного городского праздника, все происшествия прекратились и все успокоилось. Внимательный и дотошный наблюдатель обратил бы внимание, что во время всех этих случаев в ближайшей девятиэтажке открывалось окно в одной из квартир на четвертом этаже.

б. И вот, наконец, наступил тот самый день. Точнее утро. Дядя Коля проснулся около семи часов. Накануне, в бане, он расслаблялся с двумя девчонками, снимал нервное напряжение, так сказать. А те свое дело знали и отработали на все сто. Как бы там ни было, но всю ночь дядя Коля спал, как убитый, если уместно такое сравнение в данной ситуации. Проснувшись и вспомнив, какой сегодня день, он сделал традиционную зарядку, принял холодный душ и сел завтракать. Перед ним на столе стояла большая тарелка овсяной каши, в плетеной корзинке — свежий горячий хлеб, на отдельной тарелочке — пара яиц, сваренных всмятку. Рядом ваза с фруктами, кофейник и любимая чашка. Вроде, все как обычно, но сегодня он почувствовал особый голод. Все дело было в особом настроении, которого он не испытывал уже много лет. Какая-то веселая злость, азарт и кураж. Примерно так он чувствовал себя в лихие годы, перед опасными встречами-стрелками с конкурентами, когда зачастую разговор переходил в рукопашную или даже в стрельбу. И, что интересно, страха он не испытывал. Ни тогда, ни сейчас. Но вот постепенно к азарту и куражу стала подступать холодная, неумолимая ненависть. Ненависть к Крысе. Раньше, да, в принципе, и сейчас дядя Коля сам решал, кому жить, а кому нет. Он был хозяин положения. И ему это нравилось. А теперь, какой-то человек, сямка, крысеныш решил все изменить, решил наказать его, Николая Викентьевича Голуба, причем сделать

это показательно, на людях. Предупреждая, Крыса хотел поселить страх и панику, хотел, чтобы дядя Коля подольше помучился, может даже руки бы на себя наложил от страха. «Да вот хрен тебе, мразь! Твоя маза здесь на пляшет! Поглядим, чья возьмет!», – подумал дядя Коля, допивая кофе. Вошел Влад и доложил, что Кирилл Иванович ждет. «Да, да, Владик, уже иду», – Николай Викентьевич сделал последний глоток, поднялся из-за стола и направился в свой кабинет, где его дожидался начальник службы безопасности.

Кирилл Иванович поднялся со стула, когда дядя Коля вошел в кабинет, но тот махнул рукой: «Да сиди ты». Очень спокойно и подробно начальник службы безопасности доложил о ситуации. Доклад на этот раз дядя Коля слушал внимательно, иногда задавая вопросы и делая комментарии. Доклад ему явно понравился, и, если все обстояло действительно так, как говорит Мазур, действительно у Крысы не было ни малейшего шанса на успех. Пока они разговаривали, на террасе установили две защитные прозрачные ширмы. По просьбе Мазура, городская ГИБДД временно запретила стоянку и остановку автомобилей перед зданием прокуратуры, расставив вдоль бордюров оранжевые конусы. Здесь же дежурил экипаж ДПС, не позволяя задерживаться транспорту. Все это, по мнению Мазура, могло повлиять на планы Крысы.

– Все спокойно? Ничего подозрительного? – спросил дядя Коля.

– Да нет, Николай Викентьевич, все спокойно, все под контролем. Вчера, правда, вечером перед прокуратурой загорелась старая машина, неполадки с проводкой. Водитель, дедок, еле успел выскочить. Пожарные прибыли через шесть минут, через час уже все убрали и навели порядок. Проверили все досконально. Все чисто.

– А когда это произошло? Почему я ничего не заметил?

– А вы в это время в бане отдыхали, и я приказал вас не тревожить по пустякам.

– А если это проделки Крысы?

– Исключено. Я же говорю, все проверили, все чисто.

– Ну, лады.

Дядя Коля и Мазур встали и подошли к окну, смотрящему на стадион. Стекло было затонировано, поэтому, снаружи их не было видно.

– Гости приехали? – спросил хозяин.

– Да, почти все. Встретили, разместили, все в порядке. Команды тоже все прибыли.

Дядя Коля пристально вглядывался в окружающие дома, в здание прокуратуры.

– Где-то там притаился, гаденыш.

– Пусть только шевельнется, сразу возьмем, вы моих ребят знаете, не зря хлеб едят.

- Да-да, Кирилл Иванович, парни твои молодцы, не раз выручали...
- И сейчас все будет хорошо.
- Поскорее бы уже.

7. Начался долгожданный спортивный праздник. Скопление народа, машин, приветственные речи. Торжественная музыка, у всех зрителей и участников прекрасное настроение... А выстрел все-таки состоялся. Во время исполнения гимна. Все стояли, как положено. На большом плазменном экране в этот момент показывали патриотический ролик — российский флаг, лицо президента, известных спортсменов. И внимание всех было обращено на этот экран. Выстрела никто не слышал, но стоило взглянуть на дядю Колю в этот момент, и можно было бы увидеть, как рядом с его головой вдруг взметнулось небольшое алое облачко, и через мгновение вместо дяди Коли на кожаное кресло рухнул окровавленный куль. Красно-буря слизь забрызгала защитные ширмы и безупречно отглаженную белоснежную рубашку Кирилла Ивановича, который стоял рядом. Через минуту на стадионе, в помещении под трибунами, где располагался легкоатлетический манеж и тир, возникло интенсивное задымление и пришлось сворачивать торжество и эвакуировать зрителей. Возникла давка и паника. Многие зрители, покинув стадион, садились в свои машины и стремились как можно скорее уехать. Естественно возникли пробки, несколько мелких ДТП. В общем, полная неразбериха. Гаишники бегали взад-вперед и пытались хоть как-то организовать движение. Естественно, тревога оказалась ложной. Задымление было связано не с пожаром. Едкий дым создавали специально заложенные устройства, причем заложенные рядом с датчиками пожарной сигнализации. Как эти устройства попали туда попали — неизвестно. Позиция, с которой стрелял Крыса, была обнаружена только на следующий день, после просмотра записей камер видеонаблюдения, расположенных на здании прокуратуры. За день, до покушения, там, перед прокуратурой, произошло возгорание старого автомобиля, водитель успел остановить машину и покинуть салон. Пожарники приехали быстро, потушили. Потом погрузили то, что осталось от машины на эвакуатор и увезли. Тут же две машины из коммунальных служб отмыли место происшествия. Так вот на записи камер видно, как во время тушения, из-под одной из пожарных машин появился человек и скрылся за кустарником, разделяющим тротуар и газон перед прокуратурой. Кустарник — туя, довольно высокий, около метра и очень густой. Осмотр показал, что стрелок расположился на одной из голубых елей, растущих перед фасадом прокуратуры, на высоте около трех с половиной метров. Пожар произошел вечером, было довольно темно, к тому же возникло некоторое задымление. Крысе удалось беспрепятственно проникнуть за кустарник и занять позицию. На еловых ветвях были закреплены несколько синтетических строп, образующих своеобразный гамак-кресло. Пожар возник в 20.03, а выстрел состоялся в 10.10. Соответственно, Крыса провел на дереве почти 14 часов. Тут же на дереве отдельной стропой была привязана винтовка с оптическим прицелом и с глушителем. В магазине было еще три неиспользованных патрона с разрывными пулями. Здесь же, под деревом нашли гильзу. Дальше, опять же на

записях видеокамер, видно, как из-за кустарника появляется человек в форме ДПС, с жезлом, и начинает регулировать движение машин, при этом лицо его ни разу не попало в камеры наблюдения. Потом человек постепенно перемещается вдоль улицы и покидает зону, которую контролируют камеры. Больше ни на одном из мониторов он не появляется. Возможно, в какой-то момент он изменил внешность, снял форму сотрудника ДПС. И все. Пропал. Покинул ли он город сразу, или еще какое-то время выжидал — неизвестно. Как он ранее попал в город — неизвестно. Как он устроил возгорание автомобиля перед прокуратурой — неизвестно. Как он установил устройства, вызвавшие задымление на стадионе — неизвестно. Неизвестно, неизвестно, неизвестно... Через несколько дней следователи нагрянули в квартиру, которую снимал отставной подводник. Абсолютная пустота, абсолютная чистота, ни волоска, ни пылинки, ни одного отпечатка пальца. Но! На подоконнике окна, выходящего на овраг и гаражи, стоял, построенные в линейку, полтора десятка гильз. Крыса все-таки не удержался и немного пошутил напоследок. Гильзы оказались идентичными той, что нашли на месте преступления на стадионе. Личность женщины, изображавшей «жену подводника» установить не удалось. Зато был, наконец составлен портрет Крысы. Точнее портреты. Возраст изображенного мужчины — от 40 до 60, Волосы — от светло-русых до темных с проседью. То бородка, то усы, то все вместе, то вообще ничего. Глаза то карие, то серо-зеленые. Участвовали в составлении соседи подводника по дому, хозяйка квартиры и Леха-зима. Получились несколько разных изображений. Очевидно, Крыса часто использовал грим и менял внешность.

А дядю Колю похоронили через несколько дней. Было объявлено, что смерть наступила в результате сердечного приступа. Панихида проходила в здании бывшего ДК «Строитель».

Венки от властей, от братвы, от бизнесменов, море цветов — все, как положено. У простых горожан, пришедших попрощаться с Николаем Викентьевичем, невольно возникал вопрос: если человек скончался от сердечного приступа, то почему его хоронят в закрытом гробу?

9.

Опять на даче у Кошкина.

– Кстати, хочешь посмотреть на Крысу? Да, да, да! Есть его четкое изображение. Видео с камеры наблюдения в кафе, где он ликвидировал одного из криминальных авторитетов, имя которому, ну скажем, Бугай! Сейчас, покажу. Долго открывается... компьютер древний... старше меня, видимо... Ага! Вот! Смотри. Исторические, уникальные кадры!

Черно-белое изображение. Камера установлена, скорее всего, в углу и охватывает весь зал. Интерьер довольно приятный — видно, что не дешевая забегаловка, а тихое, уютное место для любителей расслабиться, посидеть в обволакивающей атмосфере дорогого, престижного заведения. Кафе расположено на центральной улице и от шума и городской суеты посетителей отделяет массивная

стеклянная дверь, украшенная причудливым орнаментом. Попав за нее, человек словно оказывается в другом измерении. По центру зала небольшой фонтан в мраморной чаше, вокруг него несколько небольших круглых столиков, вдоль стен — глубокие кожаные диваны и тоже столики, но уже совсем невысокие, вроде журнальных. Тут же такие же глубокие кресла. На стенах картины, в основном городские пейзажи. В особых нишах с подсветкой — небольшие бронзовые скульптуры. В углу — небольшая эстрада и по вечерам там наверняка звучит живая музыка, но не громкая и токсичная попса, а блюз, джазовые композиции. Свет приглушенный, можно сказать полумрак. Редкие посетители, вышколенные официанты. Добротное, дорогое кафе не для всех. На некоторых столиках стоят таблички «Столик забронирован». Я такое уже видела — какой-нибудь богач может приехать сюда в любой момент, и его будет ждать персональный столик. Посетители в таких заведениях, как правило, постоянные, многие знают друг друга, случайные люди заходят нечасто. Все это поддерживает своеобразную «клубную» атмосферу. Так, а что же Крыса? Где он?

– Сейчас... терпение... еще несколько секунд... Вот он!

Входная дверь открывается, и я вижу мужчину в костюме. Задержался при входе на несколько секунд, давая глазам привыкнуть к полумраку после яркой, солнечной улицы, а мне давая возможность его рассмотреть. Рост — чуть выше среднего. Лица не видно, но по ощущениям, возраст — 45-50. Средней полноты, не сутулится. Аккуратная стрижка. Костюм, галстук, светлая рубашка. В левой руке дипломат, правой поправляет очки в тонкой металлической оправе. Неспешно идет вглубь зала и располагается на одном из диванов, несмотря на то, что тут же, на столике стоит табличка «Столик забронирован». Посмотришь на него и сразу ясно: либо успешный бизнесмен, либо какой-нибудь солидный адвокат. Сняв пиджак, ослабив узел на галстуке и расстегнув верхнюю пуговицу рубашки, он с видимым наслаждением откинулся на спинку дивана, положив руку на широкий подлокотник. Окинув взглядом зал, пристально смотрит на входную дверь. Потом, не сводя глаз с двери, резко выпрямляется и даже немного наклоняется вперед, словно пытаясь что-то получше рассмотреть сквозь толстое тонированное дверное стекло. Снова откидывается на спинку дивана и в этот самый момент перед ним предстает один из тех самых вышколенных официантов. Держа левую руку за спиной и слегка наклонившись вперед, официант что-то говорит посетителю и показывает рукой на соседний диван. Видимо, речь идет о том, что здесь столик забронирован, но можно пересесть на соседний диван, за соседний столик. Посетитель что-то отвечает. Снова говорит официант. Наконец, посетитель, снисходительно пожав плечами, поднимается, берет пиджак, дипломат и располагается за соседним столиком, на таком же точно диване. Дальше ничего интересного. Официант предлагает меню, но посетитель сразу делает заказ. Как вскоре оказалось, просто чашка кофе. Потом с удовольствием долго смакует, пьет маленькими глотками. Чувствуется, что ему не хочется уходить, хочется побыть здесь подольше. Так же с любопытством смотрит по сторонам, рассматривает детали интерьера, других посетителей. Но чаще

всего смотрит на входную дверь. Наконец встает, надевает пиджак. Достает из внутреннего кармана портмоне, оставляет на столе деньги. Берет дипломат и не спеша, даже нехотя, идет к выходу. Дверь плавно закрывается, но сквозь толстое тонированное стекло угадывается его смутный силуэт. Несколько секунд он стоит, потом уходит. Все.

– Это единственное более-менее четкое изображение нашего парня. Есть, конечно, записи с уличных камер наблюдения, но там качество плохое. Ролик есть и в полиции, и в ФСБ, и у братвы — все его искали, наперегонки. Но!... Никакого результата. Никакого. Ноль...

– А почему вы решили, что человек на видео — непременно Крыса? Может, случайный посетитель? Совершенно посторонний человек?

– Сейчас поймешь. Есть еще одно видео. С этой же камеры. У тебя как с нервишками?

– Да вроде все в порядке.

– Ну, добро, добро...

Опять долго открывается очередной видеофайл. То же самое кафе, тот же зал. Посетителей заметно больше. На диване, куда сначала сел Крыса, теперь расположилась компания из трех человек. Точнее, на диване двое, а третий — напротив, в кресле. Трое мужчин внушительных габаритов. На столе — несколько бутылок, большое блюдо с фруктами, несколько тарелок с сыром, овощами и прочая, и прочая, и прочая... Едят, кажется, мясо. Тут же стоят соусники, на отдельном блюде лаваш. Идет неспешная беседа, время от времени выпивают. В общем, ничего необычного, просто «бандиты спокойно перетирают свои темы». Человек, сидящий там, где раньше сидел Крыса, очень полный. Одет в просторную белую рубашку с короткими рукавами. Ножом и вилкой не пользуется, берет мясо с тарелки прямо руками. Иногда он берет салфетку и вытирает губы и подбородок. Говорит, в основном, он, собеседники внимательно слушают и согласен кивают. Чувствуется, что он тут главный. Так же, как Крыса, он откидывается на спинку дивана и кладет пухлую руку на подлокотник. Атмосфера в кафе такая, какая и должна быть — люди отдыхают, официанты снуют с подносами между столиков. Обычный вечер в обычном дорогом заведении. Кто-то приходит, кто-то уходит. Вот открывается входная дверь — очередные посетители. Две девушки и мужчина лет тридцати. Пропуская спутниц вперед, он придерживает тяжелую дверь. Сразу идут вглубь зала, дверь плавно закрывается, я смотрю на них и боковым зрением замечаю какое-то движение. Здоровый мужик, который только что сидел, развалившись на диване, теперь как то неловко завалился на бок и не шевелится.

– Можно еще раз этот момент?

Кошкин проматывает запись немного назад, и я теперь смотрю только на Бугая. Вот он опять вытирает салфеткой губы и тянется за рюмкой. Внезапно что-то его буквально подбрасывает на спинку дивана, потом он сползает вниз, заваливается на бок и больше не шевелится. Его друзья пару секунд не могут понять, что

произошло, потом вскакивают из-за стола. Начинается обычная паника, суета — дольше смотреть неинтересно. Чувствую, что Кошкин наблюдает за мной, но не вмешивается. И только, когда я повернулась к нему, насмешливо спрашивает:

- Видала?
- Что это?... Как?!
- Красиво, согласна?
- Ужас какой...

– Стрелял с 40 метров. Практически в упор. Вот, смотри. Это фотографии с места преступления. Видишь? Напротив кафе, через дорогу старый двухэтажный дом. В нем никто не живет и не снесли его только потому, что это — памятник архитектуры. Власти запланировали реконструкцию, а пока что дом просто обнесли забором из профлиста. Местные бомжи изредка наведываются, подростки иногда собираются — в общем, обычный пустующий старый дом. Первый этаж, полуподвальный, окна второго на уровне почти двух метров от земли — их даже забор не перекрывает. Крыса выбрал позицию для стрельбы в одной из комнат, окна из которой выходят аккуратно на кафе. Видишь Гелендваген на тротуаре прямо перед входом? Это машина Бугая, он всегда так делал — заезжал на тротуар и ставил машину прямо перед входом в кафе. Машина частично перекрывает проем входной двери, поэтому из двух окон для стрельбы подошло только одно. Стрелял в тот момент, когда откроется дверь и Бугай будет на линии огня. Мое мнение — Крыса планировал сделать выстрел в момент, когда Бугай будет вылезать из машины, или садиться в нее. Но, что-то ему помешало. Возможно, проезжающий автобус или троллейбус, не знаю. Вариант стрельбы через открытую дверь, видимо, был запасным и, как видишь, он сработал. К тому же в этом случае у Крысы были дополнительные пара-тройка минут для отхода. Ну, а дальше как обычно. Отпечатков пальцев нет. Гильзы нет. Пуля разрывная — шансов у Бугая не было, умер почти сразу. Опрос свидетелей ничего не дал. Убийство Бугая спровоцировало конфликт между местными ОПГ. Ситуация была очень напряженная, но постепенно все улеглось. Через некоторое время кто-то вспомнил, что Бугаю звонил какой-то сумасшедший, назвавшийся Крысой, и угрожал. Никто тогда всерьез это не воспринял, отнеслись как к шутке. Это был первый случай, когда Крыса предупредил жертву о предстоящем покушении и именно после этого в криминальной среде быстро поползли слухи о том, что киллер Крыса окончательно свихнулся. Попытались его вычислить, но безуспешно — он как воду канул. Все попытки вызвать его на связь, чтобы якобы дать новый заказ, ни к чему не привели. Может, еще чаю?

– Можно, спасибо. Вячеслав Николаевич, я одно понять не могу. Зачем он приходил в кафе и устроил этот спектакль с официантом?

– Думаю, что-то его смущало. Какая-то деталь плана не давала ему покоя. Но точно ответить на твой вопрос сможет только он сам. Ясно одно: он четко знал, что Бугай часто бывает в этом кафе, что за ним всегда забронирован столик, что он всегда сидит на одном и том же месте. Я не сомневаюсь, что Крыса тщательно

готовился, наблюдал за Бугаем, подмечал все детали его распорядка дня, привычки. Я уверен, что Крыса и раньше приходил в кафе в тот момент, когда там отдыхал Бугай, и обратил внимание на то, что, хотя Бугай и сидит в глубине зала, но в то же время находится напротив входной двери. Видимо тогда и созрел план покушения. Мы, кстати, просмотрели все записи с камер наблюдения в кафе за два месяца до даты покушения, но, к сожалению, Крысу не опознали — изменил внешность паразит! И скорее всего, был не один, а с кем-то в компании. Профессонал с большой буквы «П»!

Кошкин закрывал на компьютере файлы, а я вдруг решила задать очень важный вопрос. Глубоко вдохнув, выпалила скороговоркой:

- А можно мне на флешку скопировать ваши материалы по этому делу?
- Нет, нельзя.- Кошкин пристально посмотрел на меня поверх очков.
- Очень жаль, извините...

Кошкин еще несколько секунд смотрел мне в глаза, потом на монитор компьютера, снова на меня и вдруг усмехнулся.

– Давай свою флешку! Все материалы я тебе предоставить не могу, но вот тебе оба видео из кафе. И, раз! И, два! А в качестве бонуса — вот, папка со всеми фотороботами Крысы. И, три! Вдруг, где его встретишь!

Говоря это, он быстро водил мышкой, копируя драгоценные для меня файлы. Потом отсоединил от компьютера флешку и протянул мне. Я хотела взять, но он не разомкнул пальцы и мы как бы тянули флешку каждый сам на себя. Опять этот взгляд в упор.

– И помни, Крысу так и не нашли. Он может быть где угодно. И он сумасшедший. Ты теперь знаешь о нем, у тебя есть его изображение. Распоряжайся информацией очень аккуратно и будь осторожна. Удачи тебе, Агата Кристи!

10.

Снова на даче у Кошкина.

– Давай, похозяйничай! Чай, варенье, а вот мед, настоящий — у моего товарища здесь недалеко своя пасека. Печенье вот, сыр — не стесняйся. Что бы еще тебе поведать?

– Расскажите про того бизнесмена, убийство которого на Крысу “повесили”. Расскажите?

– Ну...Только в общих чертах. Слишком мало времени прошло, сама понимаешь... Ни имен, ни дат, ни названий городов, никаких подробностей. В архивах покопаешься, покумекаешь — может сама и дойдешь до истины. В общем, был такой, назовем его “Фрукт”, персонаж. Успешный бизнесмен, как теперь модно говорить “олигарх”. И вот скучно стало ему просто деньги зарабатывать, потянуло его в политику, во власть. Большие деньги, большие амбиции. Намекнули ему, мол, не лезь, тут и без тебя все схвачено и поделено. Нет, упрямый оказался, попер напролом, как танк сквозь березовую рощу. Еще раз, прямо

уже сказали ему, остановись, или на ноль умножим, большим людям ты поперек горла встал, соскочи, пока не поздно. А ему это как красная тряпка для быка, еще больше раздухарился. У меня, говорит, на этих самых больших людей такой компромат имеется, что пусть только икнут в мою сторону – размажу! Такой вот фрукт. Надо сказать, что действительно, связи он имел серьезные, и с властями и с братвой. Поэтому его устранение вело к возрастанию напряжения в определенных кругах, ну сама понимаешь, не маленькая. Поэтому-то и решили использовать имя Крысы, списать все на сумасшедшего киллера-одиночку, призрака. Причем убрать его надо было публично, чтобы была куча свидетелей и максимальный резонанс. Для этого, как нельзя лучше, подходило какое-нибудь мероприятие вроде митинга, или встречи с избирателями. Так и сделали. Была встреча со студентами одного из крупных ВУЗов. Фрукт получил две пули, когда выходил из своего лимузина. В грудь и в шею. Выстрелов никто не слышал, стрелок использовал глушитель. Фрукт просто внезапно дернулся и неловко завалился на асфальт, прямо пол ноги охраннику. Тут же приехала скорая, повезли в больничку. Но не довезли, умер. Место, откуда стрелял киллер нашли почти сразу – окно полуподвального помещения в соседнем здании. Тут же нашли и винтовку и гильзы. Сохранилась любительская видеозапись, на которой видно момент убийства. Фрукт делает три-четыре шага от машины и вдруг, резко дернувшись, хватается рукой за грудь и наклоняется в бок. И в этот же момент видно второе попадание – в район ключицы, почти в шею. Потом он падает и начинается характерная паника. На следующий день, в новостях показали и момент выстрелов, и то, как фрукта на носилках тащили из скорой в больницу. В кадр случайно попала голова Фрукта – правой половины лица практически не было. Я, когда это увидел, сразу смекнул: что-то не так. Что-то не так! Ходил, думал, курил и все мучился – что же не так? И вдруг осенило! Второй выстрел на первой записи – в ключицу, а на второй записи, судя по повреждениям, прямое попадание в голову! Как такое может быть? А? И я решил еще раз все проверить. Поехал на место. Двухэтажное здание, откуда стрелял снайпер, в тот момент ремонтировалось. На обоих этажах было довольно много рабочих, в цокольном этаже работы пока не начались, но существовала весьма большая вероятность быть обнаруженным и поставить под угрозу срыва всю операцию. Позиция для стрельбы была крайне невыгодная. Все осмотрев, я перешел на то место, где Фрукта настигли пули. И опять неувязки. В день покушения на встречу с Фруктом пришло довольно много студентов и площадку, на которой остановился лимузин, было очень многолюдной. Изучив еще раз фотографии с места преступления и сопоставив их с моими наблюдениями, я пришел к выводу, что снайперу пришлось стрелять сквозь толпу людей, причем стрелять дважды. Согласись, это нереально: стрелять со ста десяти метров по восходящей траектории, сквозь густую толпу людей, никого не ранив и при этом точно поразить цель. Но самое интересное я обнаружил, когда, уже наверное в сто первый раз, пересматривал видеозаписи. Сейчас покажу. Сейчас... Сейчас... Ноутбук старенький, еле фурычит. Ага! Смотри внимательно! Вот! Вот Фрукт хватается за грудь правой рукой.

Обрати внимание, на запястье видны небольшие, аккуратные часы на черном кожаном ремешке, видишь? А вот тут Фрукта волокут на носилках из скорой в больницу. Из под простыни свесилась левая рука и на запястье видны массивные золотые часы с браслетом. Видишь? Это как? Он что, двое часов носил? На обеих руках? Еще раз первая запись. Вот Фрукт вылезает из машины и сам правой рукой закрывает дверь. Часов нет! Ты понимаешь, какая ерунда?

И вот тогда я первый раз подумал о том, что все это спектакль, шоу, инсценировка. На встречу со студентами приехал двойник, а настоящий Фрукт, возможно, был уже мертв. Имитация попаданий пуль и падение актера-двойника дело не такое уж сложное. А потом прилетает скорая, двойника грузят и увозят, а в больничку привозят уже настоящего Фрукта. Возможно, даже было две машины скорой помощи. Для двойника и для Фрукта. Но, к сожалению, это мне выяснить не удалось. Все быстро замаяли, труп повесили на Крысу, все остались довольны. Кроме Крысы. История не закончилась. Он вычислил, кто заказал и “исполнил” Фрукта. И убрал. Причем предупредив жертву заранее. Вот именно с этого эпизода Крыса перестал брать заказы и стал выбирать цели самостоятельно. Псих.

11.

Пока работала над книгой, еще несколько раз ездила к Кошкину на дачу, много раз говорила с ним по телефону. Правда, в этих случаях говорил он неохотно, отделялся общими фразами. Что-то изменилось в его отношении ко мне. Как и раньше не называл имен, фамилий, названий городов, где происходили события. Информацию теперь он давал очень выборочно, отвечал на вопросы не спеша, взвешивая каждое слово. Мне даже показалось, что он жалеет о предоставленных мне в первую нашу встречу файлах. Но в любом случае он стал более сдержанным, как-то закрылся что ли. Но вот в нашу последнюю встречу, Кошкин был в отличном настроении, много шутил. Когда я поинтересовалась причиной его веселости, он ответил, что скоро, наконец, выходит его книга, над которой он работал несколько лет.

– Мемуары?

– Нет, не мемуары. Учебник для студентов, которые хотят в нашей системе работать. Тираж ограниченный, гриф ДСП — для служебного пользования. В магазине такую книжку не купишь. Давно собирался собрать воедино и хоть как-то систематизировать свои наработки — надо новые кадры воспитывать, знаниями, опытом делиться.

– А вам не предлагали преподавать?

– Как же, как же, звали! Только я не хочу — старый уже лекции читать. Так, изредка консультирую, подсказываю.

По уже сложившейся традиции Кошкин, ожидая моего приезда, разжигал свой знаменитый самовар и все наши разговоры проходили за столом. Я всегда привозила к чаю бисквит или пирожные, но Кошкин ничего этого не ел — традиционно пил чай с любимыми сушками и все сладости-лакомства доставались мне. Книга моя была еще в зачаточном состоянии — материала вроде много, но

предстояло еще свести все воедино. Выстроить логически и последовательно сюжет, поработать над характерами персонажей, привести все в законченный вид — все это требовало большого количества времени, энергии, нервов и уж точно никак не способствовало написанию диплома в университете. И, кроме того, у меня еще было несколько вопросов к Кошкину.

– Вячеслав Николаевич, вы можете припомнить, когда Крыса «сломался», перестал работать, как традиционный, классический киллер? Вы рассказывали про то, как на него «повесили» убийство того бизнесмена, Фрукта. Но ведь это наоборот должно было послужить для Крысы своего рода рекламой в определенных кругах. Ведь наверняка и ему свойственна такая вещь, как профессиональное тщеславие. Может, на его решение повлияло еще что-то? Вспомните, пожалуйста. Наверняка что-то было.

– А ты не промах! Надо же! Прямо чутье у тебя! Да, действительно, за несколько дней до Фрукта, Крыса должен был исполнить одного бизнесмена, но в последний момент все пошло не так, как обычно.

– Расскажите?

– Только в общих чертах. Этот бизнесмен, назовем его, скажем, «Вол», личность очень незаурядная, но об этом позже. Кое-что из материалов у меня осталось.

– ?

– Нет, Инга. Это я тебе показать не могу. Слушай, запоминай. Делай записи, если надо, но диктофон не включай. Может, чаю еще? Самовар еще горячий! Нет? Ну, ладно. Итак. Все, как и всегда, произошло из-за денег. Очень больших денег. Жили-были три товарища. Один из них как раз Вол. В лихие девяностые создали они сперва кооператив, потом ТОО, потом ООО. Занимались поставками компьютерной техники из Европы. Главным инициатором создания и «мозгом» фирмы был наш Вол. Фирма стремительно развивалась, увеличивался штат сотрудников, открывались филиалы в других городах, прибыль была такая, что и государству отдавали, что положено, и с братвой делились, и себе оставалось очень даже неплохо. У ребят появились большие деньги и возможность их тратить. Началась неизбежная в таких случаях карусель — дорогие машины, новые квартиры, поездки за границу. Компаньоны Вола расслабились, стали постепенно отходить от дел. Вол же продолжал «пахать». Начались мелкие шероховатости в отношениях, которые со временем переросли в открытый конфликт. Вол настаивал на том, что надо идти вперед, не останавливаться на достигнутом, что конкуренты не дремлют, что нельзя расслабляться. Он предлагал осваивать новые направления в бизнесе, заниматься недвижимостью, строительством и т.д. Но, увы! Товарищи его не поддерживали — они чувствовали себя довольно комфортно, жизнь была налажена, проблем не наблюдалось. В конце концов, Вол согласился работать один, без их помощи в обмен на их полное невмешательство в процесс. Те согласились. Компания развивалась, Вол «пахал», его товарищи отдыхали, всех все устраивало. Так продолжалось некоторое время. Од-

нажды эти двое решили повернуть очень сомнительную сделку с оружием. Риск, конечно, был, но и прибыль маячила просто колоссальная. Это тебе не компьютерами торговать. В общем, что-то они упустили, может, кто-то их подставил, но в итоге влетели ребята на огромные бабки. Остались должны одной, как теперь принято говорить, «этнической» ОПГ. Где взять деньги? Они приехали к Воле, все ему рассказали и предложили продать компанию, чтобы погасить свои долги. Тот, естественно, ни в какую — компания была его детищем, смыслом жизни. Обстановка накалялась, сроки поджимали, нужно было что-то решать. Вот тогда, видимо, и пришла им в голову мысль о ликвидации Вола. Долю в компании в случае его гибели наследовала его жена, а с ней можно было договориться — у Вола было трое детей, если что — можно было надавить. А ответственность за убийство можно было свалить на конкурентов по бизнесу. Дело стало за исполнителем. Как они вышли на Крысу, я так и не понял, но он взял заказ. Время ему дали всего две недели, соответственно, он за срочность запросил гораздо больше денег. Причем в виде предоплаты. Всю сумму целиком.

– А сколько, не скажете? Ну, хоть примерно!

– Нет, не скажу. Привыкай к тому, что всегда будет информация, которая тебе недоступна. Ладно-ладно, не дуйся. Сумма была в долларах, с пятью нулями. Устраивает? Идем дальше. Крыса, конечно же, сразу начал подготовку. Что это значит? Ну, во-первых, он приехал в этот город, скорее всего не стал селиться в гостиницу, а снял квартиру, и стал собирать информацию о клиенте, наблюдал за ним, за его семьей. Думаю, именно в этот момент у него появились первые сомнения. Все его прежние цели были либо отъявленными бандитами, отморозками, коррумпированные чиновники, словом всякая мразь, нечисть. А здесь он видит человека, который мало того, что на своих плечах несет всю компанию, так еще и не замешан в грязных делах. Семья, опять же, дети. Самому младшему было два года. Но! Это все мои домыслы, предположения. Что там было на самом деле мы, боюсь, никогда не узнаем. Очень примечательный факт — незадолго до окончания оговоренного срока Крыса связался с заказчиками и попросил еще несколько дней. Они согласились — у них выбора не было. А знаешь, что было потом? А потом Крыса просто исчез. Растворился с деньгами заказчиков. Как тебе такой фортель?

– Как? В смысле?

– Да-да-да! Взял и исчез, паршивец! Но, перед этим сдал нам с потрохами своих заказчиков! Оказывается, он и за ними следил! И когда только успел!

– Вот это да! А дальше?

– А дальше случилось то, что иногда случается в нашей профессии — заказчиков мы задержали, но в тот же день получили приказ передать их и все материалы по их делу в руки ФСБ — там ведь дело было связано с торговлей оружием, следы вели на Кавказ, сама понимаешь. Что дальше с ними было, я не знаю, да мне, честно говоря, и не интересно. Интересно другое, а именно поведение Крысы. Что произошло? Почему он передумал убивать Вола и, мож-

но сказать, пожалел его? Ведь этим своим поступком он ставил жирный крест на своей репутации, а значит, не будет больше заказов, не будет больше денег. Кроме того, такие дела в криминальной среде не остаются безнаказанными — «кинувший» заказчика обречен, его жизнь не стоит и копейки! Я много раз думал над этой загадкой, но у меня так и нет четкого ответа. Почему? Может возраст стал сказываться, усталость накопилась? Или действительно имели место нарушения психики? Ясно было одно: Крыса сломался! А после истории с Фруктом, когда на него повесили громкое убийство, он, вероятно, совсем «съехал с катушек». В итоге, что мы имеем? Абсолютно непредсказуемый, неуправляемый индивид с больной психикой и очень серьезными навыками профессионального наемного убийцы. В тот самый момент, когда он передумал убивать Вола, он на сто восемьдесят градусов повернул свою жизнь. Не исключаю, что он решил примерить образ этакого «санитара леса». Раньше он за деньги убивал, кого скажут, теперь он убивает за идею тех, кого он сам выбрал и приговорил. Он стал на порядок, на несколько порядков опаснее! А значит, еще хитрее, еще осторожней. Я, если честно, очень не завидую его будущим оппонентам... Такие вот дела... В дальнейшем, я не раз задумывался, где он берет деньги на жизнь, на подготовку очередных своих операций, на оружие, на снаряжение... Ведь он лишился богатых заказчиков. Скорее всего, он еще какое-то время работал в ближнем зарубежье. Именно за деньги. Может, вложил накопленные средства в какой-нибудь бизнес — не знаю... А Вол, кстати, переехал с семьей в Европу, у него все хорошо. Еще чаю? Давай, хозяйничай, наливай. Кстати, Крыса в тот раз успел приготовить себе позицию для стрельбы — это просто шедевр, а не позиция. Мы об этом узнали совершенно случайно — просматривали записи камер наблюдения и обратили внимание на некоторые детали. Но, обо всем по порядку! Он сразу решил стрелять в то момент, когда Вол будет дома. Из здания напротив окна квартиры были как на ладони. Достаточно было поймать момент, когда Вол будет проходить мимо окна, а дальше уже дело техники.

Кошкин вдруг замолчал, словно что-то вспомнил, хитро посмотрел на меня поверх очков и поднял указательный палец. Затем поднялся, подошел к шкафу и стал перебирать папки, раскрыл одну и аккуратно вынул из нее какой-то рисунок, или схему. Убрал папку, вернулся к столу и протянул мне лист бумаги — обычный А4, а на нем какой-то план города или что-то такое похожее.

— Это план места, где планировалось убийство Вола. Смотри: вот эта серая громада — торгово-развлекательный центр. Вот это — дом, где находилась квартира. Дистанция от ТРЦ до стен дома чуть меньше ста метров. Смотри, она включает в себя край парковки, газон, проезжую часть улицы, еще газон, еще одна небольшая парковка, тротуар, еще один газон, видишь? Все понятно?

— Да все понятно, только там ведь наверняка на ТРЦ куча камер наблюдения, и Крыса наверняка знал об этом. Как же он хотел остаться незамеченным?

— Вот! В этом то и есть весь фокус. Дело в том, что само здание ТРЦ — не вновь построенное, а реконструированное здание бывшей трикотажной фабрики еще советских времен. Огромное, четырехэтажное. Так часто бывает, когда на ме-

сте бывших городских промзон строят новые жилые районы, а промышленные здания не сносят, а переделывают подо что-то другое, под ТРЦ например, как в нашем случае. На первом этаже там теперь продуктовый супермаркет, на втором — супермаркет электроники, третий и четвертый этажи отданы под небольшие магазины, бутики, кафе и кинотеатр. Особенностью здания являлось то, что на лицевом фасаде размещалось довольно много кондиционеров, выводов вентиляции, воздушных коробов и т.д. Мы тогда называли это «техногенкой». Сейчас, конечно, это все убрали, перенесли, и отделали фасад красивой плиткой. А тогда все это безобразие портило внешний облик здания, и собственники ломали голову, как все исправить, не вкладывая много денег. На помощь пришло руководство супермаркета электроники. Они предложили разместить на фасаде огромный рекламный баннер и закрыть им всю эту «техногенку». Договорились практически сразу. Как это выглядело? На фасад установили множество поперечных металлических балок, к ним закрепили каркас будущего рекламного баннера. Работы по установке заняли почти месяц. Баннер состоял из нескольких частей, но после монтажа выглядел, как единое целое. Торговый центр сразу стал выглядеть совершенно по-другому. Вместо грязно-серой стены с какими-то трубами, металлическими коробками и штырями, теперь было ярко желтое полотнище в красными, зелеными и голубыми надписями. Тут же были изображены ослепительная блондинка и атлетический красавец, приглашающие посетить магазин электроники, ну и, собственно, весь торговый центр. То есть образовалось закрытое пространство между стеной здания и рекламным баннером, шириной примерно чуть больше метра. Снизу это пространство было не закрыто, и подойдя вплотную к стене и посмотрев вверх, можно было увидеть всю скрытую «техногенку». Расстояние от тротуара до низа всей этой конструкции было около трех метров. Вот именно там, в хитросплетении этих труб, вентиляционных коробов, среди гудящих кондиционеров Крыса и оборудовал позицию для стрельбы. Аккуратно прорезав с внутренней стороны баннер, он устроил что-то типа маленькой «форточки», которая открывалась перед выстрелом, и закрывалась и заклеивалась скотчем после. Здесь у Крысы произошел легкий казус. Мы потом долго смеялись. Дело в том, что с внутренней стороны баннера не видно, что изображено на внешней. Когда Крыса сделал первый разрез, первую «форточку», она попала как раз на ослепительно белые зубы той самой блондинки, нарисованной на баннере, то есть на белом зубе появлялось черное пятнышко. И при открытой «форточке» казалось, что у нее один зуб гнилой! Представляешь? Крыса это вовремя заметил. Как заметил? Ну, видимо, первый раз открыв «форточку» внутрь, он обратил внимание на белый цвет наружной стороны баннера. И сразу сообразил, что может быть обнаружен из-за такой досадной мелочи. Думаю, он некоторое время ползал по всем эти трубам и коробам, делал небольшие надрезы и смотрел наружный цвет баннера, а заодно и свое расположение относительно окон квартиры Вола. Наконец он нашел идеальный маскирующий фон — в черной шевелюре того самого атлетического красавца, друга блондинки. Высоковато, конечно — до земли метров

пятнадцать, но зато прямо напротив окон квартиры Вола. И так, идеальная позиция для стрельбы была выбрана.

– Но, минуточку! Вячеслав Николаевич! Это же торговый центр, там есть охрана, куча видеокамер внутри и снаружи. Как ему удалось незаметно сначала залезть туда, а там, на секундочку, три метра высота, без лестницы не забраться, а потом так же незаметно спрыгнуть? Помимо камер, там же всегда много людей — посетители торгового центра, мимо идущие пешеходы, рядом (вот, видите на схеме?) автобусная остановка. Почему его никто не увидел?

– Ну, может и видели. Он мог легко прикинуться ремонтником, электриком, мастером по кондиционерам, поставить лестницу и с умным видом там ползать. Кстати, я говорил с охранниками. Они подтвердили, что иногда приезжают ремонтники, но только по вызову. Я все же думаю, что он использовал другой вариант. Дело в том, что все камеры наблюдения имеют так называемые слепые зоны. Чтобы этого не было, ставят больше камер, которые взаимно перекрывают свои зоны наблюдения. В итоге то, что не видно с одной камеры, видно с другой. Опытный человек быстро определит, сколько камер, куда они направлены, есть ли слепые зоны. Отключать их — дело хлопотное и рискованное. Я думаю, он пошел другим путем. Видишь на схеме, ближе к углу здания, два небольших прямоугольника? Это два павильона, где продаются всякие там пирожки, пиццы, гамбургеры — из головы вылетело, как это называется?

– Фастфуд!

– О, точно! Фастфуд. Павильоны стоят почти вплотную к стене торгового центра, расстояние там не больше метра. А вот с крыши этих павильонов запросто можно проникнуть в пространство за баннером. Дальше. Вот здесь, видишь? Рядом с крайним павильоном, тем что ближе к углу здания, ворота, через которые на внутреннюю территорию торгового центра заезжают под разгрузку машины с товаром, мусоровоз и так далее. Эти павильоны попадают в зону наблюдения одной камеры, но не целиком, а лишь частично. Крыса наверняка наблюдал за торговым центром, видел камеры, видел, как заезжают и выезжают из ворот грузовики, фургоны, мусоровозы. Кстати, на воротах тогда не было никакой охраны. Это сейчас установили шлагбаум, поставили будку с охранниками, а тогда ничего подобного не было, сэкономили на всем. Моя версия такая: пользуясь прикрытием одной из грузовых машин или мусоровоза, Крыса спрятался за павильоном, залез на его крышу, а оттуда проник в пространство с «техногенкой». Сделал он это один раз, когда выбирал позицию. Оружия при нем, естественно не было. Наверняка был какой-то сценарий на случай обнаружения или даже задержания. Обычно задействуют «классику жанра» — притворяются бомжами или местными алкашами. А вот второго визита уже не было по известным нам с тобой причинам. Так что случай сам по себе очень интересный, несмотря на то, что убийства не произошло, и никто не пострадал.

12.

– Уфф... Просто голова кругом идет! Сколько же всяких тонкостей! И это ведь

все надо знать и помнить, учитывать кучу факторов. Это — как проводить сложнейший научный эксперимент с кучей данных, на сложнейшем оборудовании, правда?

— Только в отличие от научного эксперимента, если он, конечно, не связан с большим риском для экспериментаторов, здесь каждая, даже самая маленькая, ничтожная оплошность может привести к провалу и гибели. И не забывай, что научные деятели всегда работают на законных основаниях, а киллер вне закона. Постарайся понять. Он против всех и все против него. Больше половины киллеров, после выполнения заказа, гибнет от рук других киллеров — заказчики следы заматают. Так что, если тебя не обнаружила охрана, не поймала милиция, ФСБ, всегда есть вероятность, что тебя ликвидирует твой заказчик, сам или руками такого же киллера. Поэтому их период работы, в большинстве случаев, очень недолгий. Специалисты такого калибра, как Крыса — большая редкость. Их осторожность, хитрость, способность предугадать, терпение — просто уникальны. Я бы даже сказал, что они уже не совсем люди, в обычном понимании. Это, своего рода, киборги какие-то. Каждый их шаг, каждое действие, каждое слово продуманы и имеют глубокий смысл. Ни одного лишнего движения. Цена любой ошибки — жизнь. Добавь к этому, что они обычно живут под чужой личиной, притворяются, изображают другого человека. Почти все они не имеют семьи, не знают, что такое любимое дело, увлечение, хобби. Они не способны наслаждаться искусством, творчеством, созиданием. У них нет друзей. Они никому не доверяют и со всеми окружающими «держат дистанцию». Это все оказывает на психику гигантскую нагрузку. Именно поэтому они часто сходят с ума, кончают жизнь самоубийством, или допускают грубую ошибку, ведущую к провалу. Как видишь, никакой романтики, только боль, страх и пустота...

— А как вы думаете, Вячеслав Николаевич, где сейчас Крыса?

— Никто не знает. Уже несколько лет о нем ни слуху, ни духу. Я предполагаю, что он все же отошел от дел и живет, ну, или, по крайней мере, пытается жить, как простой, обычный человек. Очень может быть, что он уехал из страны и осел где-нибудь в Европе. Ты не забывай, ему уже за пятьдесят. Он, конечно, еще многое может, но концентрация, реакция, выносливость уже не те. Все больше и больше вероятность совершить ошибку, оступиться, недоглядеть. Да... Время берет свое. Через пару-тройку лет Крысу забудут и только старые уголовники и бандиты будут рассказывать молодым и тупым бычкам, что когда-то был такой неуловимый киллер, который держал в страхе всех. И, кстати, в нашей системе ветераны тоже будут рассказывать о нем зеленым курсантам-лейтенантам. Каждый рассказчик будет чуток привирать, добавлять что-то от себя, чтобы приукрасить рассказ, заинтересовать слушателей. А какая-то шустрая девчонка соберет все эти рассказы, систематизирует, да и напишет книгу! И прославится! Я даже знаю, кто это будет!

— Скажете тоже, «прославится»! Но идея мне нравится! А знаете, о чем я подумала? Вот бы найти его! Да-да, найти и поговорить!

– И тебе не страшно?

– Страшно, конечно, но жутко интересно!

– «Не желай, а то сбудется», так вроде говорят? Жизнь такая сложная штука, всякое может быть. Если когда-нибудь найдешь его, передай ему от меня привет и напомни, что он мне должен.

– В каком смысле «должен»? Вы что, знакомы с ним?!

– Я много лет охотился за ним и за такими, как он. С ним у меня установилось такое незримое противостояние. Такое случается, когда долгое время сыщик охотится за преступником. В мировой литературе много таких примеров — они сравниваются с какой-то игрой, с шахматной партией, с битвой двух интеллектов. На самом деле все гораздо проще и банальнее. Просто, это — своеобразный поединок. Долгий поединок сильного и слабого соперников. Но! Сильный соперник со временем теряет силу, а слабый, наоборот, копит. Сильный оставляет следы, совершает какие-то ошибки, допускает неточности, а слабый это видит, подмечает, учитывает при планировании следующего шага. Наконец, наступает момент, когда их силы равны. С этого момента сильный обречен. Единственный его шанс спастись — уйти. Навсегда. Спрятаться до конца жизни. Но вот незадача, очень немногие чувствуют наступление этого самого момента и из-за этого проигрывают. У Крысы, при всех особенностях его натуры, звериное чутье. Волчьё! И он, видимо, почуял, что пора остановиться. Что нельзя переходить черту, потому, что за ней — смерть, крах. Я, к сожалению, его так и не поймал. Но поймал много других, и мне, не скрою, есть чем гордиться. И все же, есть некое разочарование, что его нет в коллекции моих трофеев. Я бы считал его поимку блестящим завершением своей карьеры.

– Вы сказали, что Крыса вам «должен». Расскажите?

– Не сейчас. Потом. Это тема отдельного разговора.

Кошкин замолчал, и в комнате на несколько минут повисла тишина. Он что-то вспоминал, а я обдумывала его слова. Внезапно он встрепенулся:

– О! Милиционер родился! Знаешь такую примету? Если все замолчали — родился милиционер! Родился и вырастет большим и сильным. И, может, будет, как и я ловить преступников. Да... Время идет, приходят новые люди, новые герои, а старики незаметно уходят и забываются. Но это нормально, так и должно быть. И надо стараться, чтобы после тебя осталась память о тебе, о том, что ты делал, чего добился. Ты думаешь, чего я такой радостный был сегодня? Из-за книги моей. Останется память. Кстати, можешь потом дядьку своего попросить — достанет и даст почитать. Что-то мы с тобой сегодня в философию ударились! А? Сейчас самовар поставлю, растоплю, а то остывать уж начал за разговорами то!

– Нет, спасибо, Вячеслав Николаевич, мне уже пора. Боюсь опоздать на последнюю электричку.

– Давай-ка я тебя, голубушка провожу — темно уже на улице, а до станции идти не близко.

– Нет, не стоит, Вячеслав Николаевич! Что вы будете потом один по темноте возвращаться!

– Я настаиваю! Не спорь!

Мы выходим на крыльцо, и я с наслаждением вдыхаю морозный воздух. Когда-нибудь я куплю себе такую же дачу в лесу, буду по вечерам собирать друзей, мы будем сидеть перед камином, пить красное сухое вино и спорить о всякой всячине. А еще я буду писать книги. Там, на даче. Я точно это знаю.

Мы не спеша идем к станции, говорим о всяких мелочах. Кошкин рассказывает про своего товарища, который разводит пчел и снабжает всех соседей медом, про то, что тут недалеко есть ферма, где держат лошадей и можно покататься верхом. Тут же, шутя, заставляет меня пообещать ему, что приеду сюда летом, и мы совершим конную прогулку. Как-то незаметно я взяла его под руку, и мы так и идем — он что-то рассказывает, а я рассеяно смотрю под ноги и наслаждаюсь морозным воздухом и каким-то покоем, окутавшим меня. И мне совсем не хочется уезжать.

– Вячеслав Николаевич, мое почтение! — навстречу нам, прихрамывая, идет какой-то странный человек. Таких, обычно, называют бомжами, или бичами. Косматая борода, из под спортивной шапочки выбиваются спутанные пряди темных волос. Одет в яркую, желтую с оранжевым, спортивную куртку, очень старую и драную. На ногах валенки с галошами.

– Здравствуй, Гена, здравствуй! Как сам? — Кошкин снимает перчатку и жмет ему руку.

– А ничего, нормально! Дочка ваша? — кивает в мою сторону.

– Дочка! — смеется Кошкин. — Ты вот что. Зайди ко мне как-нибудь, хорошо?

– Заметано, товарищ командир!

– Ну, давай, пока. А то мы на электричку опаздываем!

– Всех благ, Вячеслав Николаевич! И Вам, дочка, тоже! — и, прихрамывая, идет дальше.

Кошкин натягивает на руку перчатку, я опять беру его под руку и мы продолжаем наш путь.

– Это Гена. Наша местная знаменитость. Родственники его из дома выгнали. Вот, теперь бомжует. Живет здесь, на станции, в здании заброшенном. Там раньше котельная была. Комнатку себе оборудовал, печку поставил. Я его к себе звал, дача огромная пустует, места вагон, жил бы как человек. Нет, говорит, гордость не позволяет. Работает здесь же, на дачах, да в поселке — кому дров наколет, кому снег почистит, траву летом косит — в общем, без дела не сидит, молодец, не опустился. А главное, чтобы копейку лишнюю взял, или стащил чего — боже упаси. Все-таки сохранил достоинство свое, человеческое. Мечта у него есть. Купить джип, обязательно зеленого цвета, и поехать на море. Это он мне по секрету рассказал.

Я молчу. Мне очень понравился этот короткий разговор. Мне сейчас вообще очень спокойно и хорошо. Но вот и станция, платформа, распахнутые двери электрички. Я сажусь у окна и машу рукой. Вячеслав Николаевич в ответ тоже сдержано слегка поднимает руку. Одинокий человек на пустой платформе. Поезд трогается. Кошкин поворачивается и не спеша, не оглядываясь, уходит. Я смотрю ему вслед и почему-то знаю, что уходит он навсегда, и я его больше никогда не увижу.

13.

– Алло?

– Инга? Кошкин беспокоит. С наступающим!

– Здравствуйте, Вячеслав Николаевич! С наступающим!

– Я тебя не отрываю от срочных дел?

– Нет-нет, все в порядке!

– Как собираешься встречать Новый год? Где?

– В гостях, нас пригласили. Дядя Витя и тетя Марина. Ну, Колесниковы!

– А, Витька Колесников... Хорошо вам всем отдохнуть, передай ему мои поздравления!

– А вы, Вячеслав Николаевич? На даче будете, или в город приедете?

– Нет, я тут, с товарищами. Ну, помнишь, я тебе про них рассказывал — один лошадей держит, другой пчел разводит. А я все за грызунами охочусь!

Кошкин громко рассмеялся в трубку. Странно, я никогда не слышала, как он смеется, так громко и заливисто.

– Слушай, а ты в мою сторону не собираешься в ближайшее время? Как, кстати, продвигается с книгой?

– Времени не хватает, Вячеслав Николаевич! В университете запарка — диплом надо форсировать! Ничего не успеваю, как обычно! А вы хотели, чтобы я приехала?

– Да, надо поговорить. Ну, ты уж прямо сейчас не срывайся, а вот после Нового года жду, самовар поставлю!

– Давайте я на Рождество приеду?

– На Рождество?... Ну, хорошо. Только предварительно мне позвони, как соберешься.

– Все! Договорились! На Рождество буду!

– Добро... И еще... Всегда, Инга, помни, что ты мне обещала! Всегда! Ну, ладно, не буду отвлекать! Еще раз с Наступающим! Честь имею!

– Пока!!!

Положив телефон, я снова вернулась к своим конспектам, таблицам и графикам, но, сколько не пыталась, не могла сосредоточиться. Что-то мешало, не отпускало. Какое-то новое чувство, раньше такого не было. Легкая тревога, бес-

покойство. Нервы? А причина? Не успеваю с дипломом — ну, да, завал. Но не критично, не в первый раз, прорвемся. А что еще? Я вдруг поняла, что напряжение появилось после звонка Кошкина, там надо искать! А что не так? Ну, позвонил. Ну, поздравил с наступающим, поболтали немного о том, о сем — обычное дело. Но, что-то не так... Вот! Точно! «Всегда, Инга, помни, что ты мне обещала! Всегда!». Эта фраза! Она как-то не укладывалась в общий контекст разговора, словно в коробке с белыми шариками вы видите один черный. «Обещала!». А что я ему обещала? Быть осторожной и аккуратной! Хорошо, я это умею. А все-таки странный он, этот Кошкин. Может, возраст берет свое, а может одиночество — сидит, как сыч, один на полузаброшенной даче, почти ни с кем не общается. Родственников, семьи у него нет, помню, рассказывал. Тут кто угодно начнет потихоньку сходить с ума! Так, ладно, за работу!

Я вернулась к своим делам. Есть у меня одно свойство характера, одна черта. И мне она очень нравится. Какая бы не предстояла большая, трудоемкая работа, я твердо уверена, что справлюсь, сделаю. Постепенно, шаг за шагом, методично, но сделаю. Главное не делать больших перерывов. У меня не «идет голова кругом», не «сносит крышу», нет. Я прекрасно могу работать ночами, делая короткие паузы на чашку кофе, а утром спокойно ехать в универ на пары. Правда, потом мне надо выспаться, я же не робот, не автомат какой-нибудь. Сейчас просто время такое — предновогоднее и помимо основных дел, связанных с учебой, я хотела еще много чего успеть: уборку сделать, квартиру нарядить, елку поставит, в конце концов! Пусть здесь на Новый год никого не будет, но я заранее решила создать здесь новогоднюю обстановку, точнее, настроение! И, когда я вернусь от Колесниковых, здесь меня будет ждать продолжение праздника. Анютка в гости придет, Пашка, Прохор со Светланой, Иринка с Ильей, может, еще кто обнаружится. Так, перебирая в уме рабочие и праздничные моменты, я отключилась и забыла на время про Кошкина.

14.

Такси остановилось перед шлагбаумом. Из будки вышел охранник и попросил опустить стекло.

- Куда направляетесь?
- К Колесниковым.
- Фамилию назовите, пожалуйста.
- Калинина Инга Витальевна.
- Знаете, куда ехать?
- Да, конечно, я здесь не первый раз.
- Хорошо, проезжайте. С наступающим!

Шлагбаум поднялся, и мы въехали на территорию большого коттеджного поселка. Здесь, конечно, красиво. Вдоль центральной аллеи высокие ели, все в снежных шапках, а сама аллея подсвечена зеленоватым светом. Через несколько минут мы подъехали к воротам дома Колесниковых. Нас уже ждали! Видимо,

охрана предупредила. Мои папа и мама, дядя Витя и тетя Марина вышли меня встречать. Приветствия, поцелуи, объятия, поздравления! Гости уже съехались — во дворе припарковано несколько машин. Снег звонко хрустит под ногами, ноздри обжигает морозный воздух, а еще я чувствую запах дыма. Значит, в доме разожгли камин и баню затопить не забыли. Все, как я люблю! В прихожей я сталкиваюсь с Глебом Колесниковым — сыном генерала. Высоченный, худющий, нескладный, с бесформенной шевелюрой темных волос. Неловко жмет мне руку и чмокает в щеку

– Вот... сказали поухаживать.

Помогает мне снять пуховик, вешает его на плечики в шкаф. Туда же определяет мою шапку, шарф и перчатки. Еще раз, хмуро взглянув на меня сквозь стекла круглых очков, куда-то исчезает. Поухаживал, кавалер! Я прохожу в гостиную и у меня захватывает дух! Первое, что прямо бросается в глаза, ну, конечно же, елка! Огромная, под потолок! Живая! Украшена красными и серебряными шарами, какими-то фигурками, гирляндами — надо подойти поближе и внимательно рассмотреть! Но мне не дают. Гости обступают меня и опять приветствия, поздравления. Некоторых я знаю, кого-то вижу впервые. Все, в основном, ровесники хозяев дома. Одна молодая пара, моего возраста и с ними трое детей. Один совсем маленький, не больше годика, и две девчонки-двойняшки лет пяти. Эти две носятся по всему дому сломя голову, громко кричат и путаются у всех под ногами. Но на них никто не ругается! В доме царит новогодняя суета, звучит музыка, громкие голоса, хохот! У камина, в глубоких кожаных креслах два почтенных господина курят сигары и потягивают коньяк. Хотя, нет. Сигару курит только один, а второй пыхает трубкой. Приглядевшись, я узнаю его. Это Крестовский, писатель. Точнее, самый гениальный писатель. Именно так он себя преподносит, когда речь заходит о литературе. Автор нескольких заумных философских книг. Я пыталась как-то осилить одну из них, но, честно, не смогла. Как я поняла, аудиторией, для которой он пишет, являются богатые люди, не совсем старые, которые хотят сойти за интеллектуалов. В их среде считается неким шиком упомянуть, про то, что они «просто бааалдеют от Крестовского». В своем творчестве он, видимо, всю практикует метод, который когда-то предложил Хемингуэй, «пиши пьяным, редактируй трезвым». Мешки под глазами, землистый цвет лица явно говорят в пользу этого. Но, усы, а-ля Сальвадор Дали, небольшая козлиная бородка и черные, длинные, зачесанные назад, волосы выдают в нем натуру творческую, аристократичную. И одевается он соответственно. Сегодня его облачение составляют темно-коричневый замшевый пиджак, белая сорочка, оранжевая жилетка, черные, плотно облегающие длинные костлявые ноги, брюки и зеркального блеска остроносые ботинки с металлическими пряжками. «Вишенка на троте» — нелепая, ярко-красная бабочка. Перстни на пальцах, неизменная трубка в зубах и, черт возьми, трость с костяным набалдашником. Вот такой вот светофор. Впрочем, для новогоднего праздника — самое то! Завсегдаей столичных тусовок творческой богемы (как они сами себя называют), великий болтун и, несомненно, человек далеко неглупый, он мог бы быть крайне интересным со-

беседником. Но меня всегда отталкивал его чудовищный апломб и самомнение. Окружающих он делил на две группы: просто люди и мерзкие людишки. Просто люди — это обычные, занятые своими делами и заботами, не касающиеся мира литературы. Мерзкие людишки — это те, кто осмелился однажды заподозрить в себе способность написать на бумаге больше трех слов. Этих людишек Крестовский на дух не переносил и при всяком удобном случае подвергал их беспощадным нападкам. Как он попал на сегодняшний праздник в дом Колесниковых, для меня осталось загадкой и я предпочла держаться от него на расстоянии.

А праздничная суэта, тем временем, набирала обороты. До боя курантов осталось совсем немного, и стали поступать первые предложения «проводить Старый год». Ну, а дальше все традиционно! Бой курантов! Ура!!! Тосты, пожелания. Громкая музыка, танцы, крики и хохот. Фейерверк во дворе. Приготовление мяса на углях. Для желающих — баня с бассейном. Вот, если честно, я от всего этого очень быстро устаю. И стараюсь забиться куда-нибудь в угол и наблюдать за окружающими. Так и сейчас. Взяв бокал сухого красного вина и маленькую шоколадку, я уютно устроилась на диване. Почему-то вспомнился Кошкин. Как он там сейчас? Сидят, наверное, с друзьями да вспоминают былые денечки бурной молодости. Там, конечно, нет всех этих фейерверков, громкой музыки, криков и хохота. Там, я почти уверена, царит атмосфера спокойствия и тишины заснеженного леса. Надо будет обязательно купить ему какой-нибудь небольшой подарок. И, пользуясь случаем, подготовить новый список вопросов. Ведь, сколько уже с ним общаемся, а вопросы не заканчиваются. А эти его намеки на то, что «Крыса ему должен»? А их личная встреча? А тот самый таинственный сообщник в системе МВД? Понятно, что все карты на стол он не выложит, но, может, даст какие-нибудь зацепки, новые факты... И надо больше работать именно над книгой — время пролетит незаметно. Надо только все четко и грамотно спланировать. И тогда все получится, я все успею. Господи, только не это! Неет!

— А вот и наша великая писательница!

Задумавшись, я не заметила, как ко мне подошли Колесников с Крестовским.

— Попалась, разбойница! Я вот рассказал Яну Феликсовичу про тебя, что ты хочешь в конкурсе участвовать. Ну, и он любезно согласился тебя проконсультировать, так сказать!

Великий был уже изрядно пьян, его покачивало. Колесникова он называл «ВиктОр», делая ударение на второй слог. Опираясь на трость, он вскинул вверх указательный палец и громко, по-театральному трагично, молвил:

— ВиктОр! Не забывай, мои консультации ооочень дорого стоят! Но, для юной леди, я, пожалуй, сделаю исключение! Матушка, радость моя! Вас то куда понесло? Вами то что движет? Это ведь все не просто так! Это ведь какой-никакой талантишко надо иметь, чтобы вот так врываться!!! И откуда вы только беретесь, все лезете и лезете, как тараканы! И каждый мнит себя великим!!! Ну, хорошо, хорошо!!! Вот вам, матушка, моя визитка. Позвоните как-нибудь. Посмотрим, что вы там «пишите»!

С этими словами Крестовский, покачиваясь, пошел в направлении прихожей. Видимо решил выйти на улицу, освежиться. Колесников, широко улыбаясь, смотрел ему вслед. Потом сел рядом со мной на диван.

– Не обращай на него внимания! Видишь, он уже нахрюкался! Не расстроилась?

– Вот еще! Я его вообще всерьез не воспринимаю! Надо же, визитку дал! Снизошел!

– Ну, ладно-ладно, не кипятись. Я просто подумал, что он может быть тебе полезен. Он же среди всех этих писателей, издателей, как рыба в воде! К тому же, вроде книжки его покупают. Я думал, он тебе совет какой дельный даст.

– Спасибо, дядя Витя! Но я уж лучше сама как-нибудь.

– А кстати, как твоя книга? Кошкину звонила?

– Не только звонила, а даже встречалась. Несколько раз к нему на дачу ездила.

– Да ты что! Ну, и как он? Как поживает? Жив-здоров?

– Ну... Старый он уже. Живет безвылазно на даче. Один. Я для него как подушина — как приеду, часами говорим. Самовар свой каждый раз разжигает.

– Ну, про этот самовар легенды ходят. Из него, говорят в свое время, чуть ли не сам товарищ Сталин чай пил! Хотя, вряд ли, конечно... Так, а что книга? О чем будешь писать? О карманниках, карточных шулерах, или медвежатниках, что железные сейфы, как орехи вскрывают, а?

– Нет, о Крысе.

Из-за громкой музыки Колесников не сразу понял.

– Как? О чем?

– О Крысе! Об известном киллере! — я попыталась перекричать музыку.

Колесников, как мне показалось, был ошеломлен.

– О чем?! О ком?! О Крысе?! Вот это дааа!!! — он громко расхохотался. — Умеет наш старичок позабавить девушку! Он бы тебе еще про Джека Потрошителя рассказал! Или про Дракулу! Сказки все это! Ему ли не знать?! Ну, попроси его рассказать тебе про настоящих преступников! Надо мне выкроить немного времени и реальные дела тебе показать, живые! А дед-то наш, ишь чего выдумал! Задурил тебе голову сказками!

– Дядя Витя, а он ведь всерьез верит. У него и факты есть. Он видел Крысу, встречался с ним. И про его сообщника в милиции он тоже знает. Мне кажется, что тут все реально, не выдуманно.

Колесников какое-то время внимательно смотрел мне в глаза. Он уже не хохотал, но легкая усмешка все же была на его лице.

– Ну-ка, пойдём со мной!

– Куда?!

– Пойдем-пойдем! Здесь слишком шумно, толком не поговорить!

Мы вышли из шумной гостиной и дядя Витя привел меня в кабинет. Настоящий кабинет с письменным столом, с книжными шкафами, с кожаными креслами. И с классической зеленой настольной лампой.

– Садись.

Сам он присел на краешек стола, закурил, придвинул пепельницу.

– А теперь, Инга, дорогая моя разбойница, выкладывай все по порядку!

Я не спеша стала рассказывать ему все с самого начала. Про звонок Анютки, про конкурс, про первый разговор с Кошкиным, про мои поездки к нему на дачу. Колесников слушал очень внимательно, не перебивал. Зажженная сигарета дымилась в его пальцах, но он словно забыл про нее. Наконец, пепел не ней надломился и упал прямо ему на брюки.

– Дядя Витя, сигарета!

– А, черт! Ладно, ерунда! Ты продолжай, продолжай! – Он ладонью отряхнул пепел с брюк и тот час же закурил новую сигарету, сделал глубокую затяжку.

Так, постепенно, шаг за шагом, довольно подробно я все рассказала. Колесников молчал, смотрел на меня и курил.

Вдруг в дверь кабинета постучали. Дверь приоткрылась и, хитро улыбаясь, к нам заглянула тетя Марина.

– Что замышляете? А, разбойники? Вить, там Ингу мама с папой ищут, торт сейчас резать будем! Ну, ребята, успеете наговориться! Завтра весь день в вашем распоряжении!

– Мариночка, милая! Еще пару минут, ладно?

– Пару минут! Засаекаю время! – и дверь закрылась.

Дядя Витя опять глубоко затянулся, потом смял окурочек в пепельницу, подошел ко мне. Опустился на корточки и, взяв мои ладони в свои, очень тихо и очень серьезно, глядя мне в глаза, сказал:

– Инга! Все, о чем ты сейчас сказала, очень серьезно. И очень важно. Речь идет об опасном преступнике, за которым Кошкин со своими людьми охотились почти двадцать лет. Если все, о чем вы беседовали, о чем он тебе рассказал, будет подкреплено фактами, то это создаст эффект взорвавшейся бомбы. И еще. Эта информация довольно опасна, поэтому будь очень осторожна. Никому пока об этом не рассказывай. Если будут спрашивать про книгу — отделивайся общими фразами, тебе понятно?

– Да, конечно, дядя Витя! Кошкин меня сразу предупредил!

– Слушайся его! Вот что! Я сам свяжусь с ним и поговорю обо всем. Ты когда к нему собираешься?

– На Рождество! Мы уже договорились!

– Угу. Давай так. Ты съезди, а я потом ему позвоню, ладно? А то сейчас нач-

нем суетиться, напугаем старика! И еще. Мне надо посмотреть все твои материалы по книге. Вдруг там промелькнет зацепка какая. Ты не против?

– Да нет, конечно! Текст у меня с собой, на флешке. Там же фотороботы Крысы и два видео из кафе.

– Где флешка?

– В сумке. Там в прихожей.

– Сейчас пойдем и отдашь. Верну через два дня. Лады?

– Лады!

– Главное, будь осторожна и лишнего не болтай. Договорились?

– Договорились!

– Ну, айда торт лопать! Нас там все уже потеряли! Праздник все-таки, а мы все о делах!

15.

Когда мы вернулись к гостям, торт уже был разрезан и разложен на красивые фарфоровые тарелочки. Тетя Марина, подмигнув, протянула мне кусок торта, а потом еще один. На мой немой вопрос со смехом ответила:

– Кавалеру своему отнеси, а то так и просидит весь праздник один и без угощений!

Я только сейчас поняла, что за весь вечер ни разу не видела Глеба, не считая нашей встречи в самом начале. Тетя Марина помогла мне поставить на поднос тарелки с тортом, две кофейные чашки и серебристый кофейник. И вот, с этим подносом я и пошла искать по дому своего ухажера-кавалера. Комната Глеба была на втором этаже в самом конце коридора. Подойдя к двери, я слегка наклонилась вперед и прислушалась. За дверью — тишина. Руки у меня были заняты, поэтому я легонько постучала в дверь носком ботинка. Сразу послышался какой-то шорох, дверь распахнулась, и Глеб удивленно уставился на меня.

– Вот! «Сказали поухаживать!».

– А.. Ну, это... Проходи.

Он принял у меня из рук поднос, а вот куда его поставить так и не нашел — стола, как такового у него в комнате не было. Был компьютерный — на нем стоял ноутбук. Кроме того, тут же лежали наушники, клавиатура, несколько коробок с дисками, какие-то провода и масса всякой другой компьютерной ерунды. Над столом возвышался огромный монитор, а по бокам от него два поменьше. Правда, мониторы сейчас не работали — лишь на ноутбуке был набран какой-то текст. А перед столом стояло шикарное, ярко-красное кресло с подголовником и подлокотниками. Вот мне бы такое раздобыть!

– Ну? Так и будешь с подносом стоять? Давай, принимай гостью!

– Слушай, может, на подоконник поставим?

– А давай!

Я сдвинула в сторону кипу каких-то журналов, буклетов и брошюр в сторону и Глеб аккуратно поставил поднос. Затем подкатил красное кресло и сделал приглашающий жест рукой:

– Прошу.

– А ты чего весь вечер тут сидишь? Праздник все-таки! Вышел бы, повеселился со всеми!

– Не, я это... Не люблю... – Глеб очень аккуратно, боясь расплескать, налил кофе и протянул мне чашечку на блюдечке.

– Ну, Новый год, все-таки! Разок можно побыть с родителями. Они там такие счастливые, радостные, а ты здесь один в темноте сидишь.

Разговор явно не клеился, Глеб сильно напрягался. Я решила сменить тему, перевела разговор на учебу, компьютеры. Это сработало. Глеб немного оживился и неловкость исчезла. Помимо учебы в МФТИ, он подрабатывал написанием сайтов, программного обеспечения. Благодаря отцу он мог бы построить карьеру в силовых структурах, но это его абсолютно не интересовало. Математика, наука, компьютеры — вот его мир. И, несомненно, он собирался посвятить этому всю свою дальнейшую жизнь. Я тоже рассказала ему об учебе, о дипломе, о моих литературных экспериментах. Мы вспоминали какие-то моменты из нашего детства, рассказывали смешные случаи, много смеялись. Видимся мы с ним очень редко, и поговорить вот так никогда не получалось. А он оказывается не такой уж зануда и тихоня! И довольно симпатичный. Приятная улыбка, голубые глаза.

– Глеб, а помнишь, как наши родители раньше говорили, что мы с тобой в будущем будем женихом и невестой?

– Да, ну их! Они вечно хотят меня то женить, то с кем-то познакомиться!

– Ну, а ты чего?

– А чего, я? Сказал, что когда надо будет — сам найду! Надоели!

Мы хохочем! От былой неловкости не осталось и следа. Потом он хитро смотрит на меня сквозь очки:

– Ну, а ты как? Есть жених какой, или как?

– Мой принц скачет ко мне на белом коне на огромной скорости! Только там дорогу ремонтируют, и его гаишники в объезд отправили!

Опять хохочем. За окном уже светает, новогодняя ночь пролетела незаметно. Торт уже съеден, кофе выпит, а мы все говорим, говорим... Я все таки беру его за руку и буквально силой тащу за собой в гостиную. Кто-то из гостей уже уехал домой, кто-то сидит за столом. Дядя Витя сдвинул все кресла к камину, расставил их таким полукругом и позвал всех посидеть у огня, а тетя Марина подкатила сюда же тележку с напитками и фруктами. Глеб не стал наливать себе вино или коньяк — взял пару бутылок пива и, кивнув мне, опять улизнул в свою компьютерную пещеру. А меня взяли под белы ручки мои родители, усадили на диван и

мы какое-то время болтали обо всем. Они планировали побыть у Колесниковых пару дней и стали уговаривать меня тоже задержаться, но, увы. Мне надо писать диплом, мне надо работать над книгой. Дядя Витя, узнав, что я хочу ехать домой, даже слышать ничего не хотел!

– Не-не-не! Не пушу! Сейчас идешь спать, потом завтрак, а потом сафари на снегоходах! Ездил когда-нибудь на снегоходе? Да по зимнему лесу? Глеб тебя прокатит! А потом, может, и сама попробуешь! Оставайся, разбойница, а?

– Не могу, дядя Витя! Вот, хоть режьте меня, не могу! Диплом горит, каждый день на счету! Извините! Давайте в следующий раз?

– Ну, как знаешь!

Я вызвала такси, попрощалась с Глебом, с гостями. Провожали меня в том же составе, что и встречали. Я обнялась с родителями, с тетей Мариной, а дядя Витя галантно распахнул передо мной дверь машины.

– Пока, разбойница! Помнишь, о чем мы говорили? Удачи! И будь начеку!

16. – Вам помочь? – девушка-продавец, вытянувшись в струнку, замерла рядом. Обычно, я сразу начинаю злиться, чувствуя, что мне хотят что-то «впарить». Но сегодня не тот случай.

– Да, если можно. Я ищу что-нибудь в подарок своему знакомому. И никак не могу определиться.

– Вы хотите сделать личный подарок или сугубо деловой?

– Скорее, личный.

– Можно узнать возраст Вашего знакомого?

– Это человек преклонного возраста, но ведет довольно активный и здоровый образ жизни.

– Возможно, Вас заинтересует что-нибудь из нашей новой коллекции изысканных настольных игр. Шахматы ручной работы. Слоновая кость. Или вот, нарды. Обратите внимание на искусную инкрустацию снаружи футляра. Комплекты для игры в покер, преферанс. Ручная, авторская работа. А вот здесь у нас представлена новая коллекция наборов для гольфа. Опять же авторская работа. Возможен индивидуальный заказ с учетом особенностей фигуры Вашего знакомого.

Девушка продолжала щебетать, а я украдкой взглянув на ценники, уже мечтала убраться поскорее из этого магазина. На мое счастье зазвонил телефон. Посмотрев на дисплей и сделав вид, что это очень срочный звонок и мне надо поговорить, я вышла из магазина.

– Алло?

– Калинина Инга Витальевна?

– Да. Кто это?

– Майор Беглов. Я звоню по поручению генерала Колесникова. Он просил вам кое-что передать.

– Я сейчас не дома.

– Скажите, куда подъехать.

Ну, я и сказала. Если люди так настойчиво хотят облегчить тебе жизнь, не стоит им отказывать. Пока «майор Беглов» ехал ко мне, я зашла в ближайшее кафе, взяла кофе с мороженым. Расположиться я решила за длинным столом, идущим вдоль окна. Приятно сидеть в тепле, пить кофе и смотреть на жизнь зимнего заснеженного города. Не прошло и десяти минут, как прямо перед окнами кафе остановилась черная «камри», из нее вышел невысокий мужчина лет сорока и уверенно направился в мою сторону. Через минуту он стоял передо мной и протягивал мне мою флешку.

– Спасибо. Быстро вы доехали! Как будто заранее знали, где я!

– Работа у нас такая, все про всех знать!

– В смысле?– Я не поняла, что он имел в виду. Он что следит за мной? Среднего роста, волосы темные, но уже пробивается седина. Под короткой кожанкой угадывается внушительная мускулатура. И вообще, он весь такой, как сжатая пружина, неосторожно заденешь – мало не покажется. Но, главное глаза. Темно-карие, взгляд исподлобья, в упор. Он не смотрит, а видит насквозь, до самого дна, до самого тайного уголка. От него ничего не утаить.

– Да, шутка, Инга Витальевна, шутка! Я просто был в этом районе. Случайное совпадение! Вот ваша флешка, возьмите. Виктор Сергеевич просил вам напомнить о вашем с ним разговоре. И еще он просил вас позвонить ему, сразу как вы вернетесь от Кошкина. Всего доброго!

Он поворачивается и идет к двери. Меня как кольнуло что-то:

– От какого Кошкина, вы о чем?

На секунду задержавшись, он поворачивается, смотрит на меня и, усмехнувшись, уходит.

Садится в машину. Я вижу, как он с кем-то говорит по телефону. Еще секунда и «камри» исчезает. А я так и сижу — в одной руке чашка с кофе, в другой флешка. Очень мне все это не понравилось. Решаю позвонить Колесникову. Занято. Минут через десять сам перезванивает. Рассказываю, что случилось.

– Не волнуйся, Инга! Беглов — мой помощник, моя правая рука. У меня времени, как обычно не хватает, вот я его и попросил. Извини, что не предупредил, каюсь! Больше такого не повторится! Ну, пока?

– Пока.

Допиваю остатки кофе, убираю в сумку флешку. В принципе, ничего страшного. Колесников — ученик Кошкина. Беглов — правая рука Колесникова, а значит, он ему доверяет. Надо будет спросить у Кошкина, знает ли он этого Беглова? Так, а что с подарком делать? Вот, почему у меня всегда так? Как только

мне надо придумать подарок мужчине, на меня находит ступор. Не знаю, что дарить! Каждый раз одно и то же! С женщинами все понятно — можно подарить духи, бижутерию, сертификат в СПА-салон, сеанс массажа, да мало ли что еще! А Кошкину что дарить? В СПА-салон его отправить, или тот набор для гольфа за миллиард долларов ему подарить? Я вдруг представила Кошкина, играющего в гольф у себя на даче и громко рассмеялась. Нет, ну правда, что он любит, какие у него увлечения? Да никаких! Чай он любит пить, да самовар разжигать! Эврика! Меня осенило! Я быстро собралась, вышла из кафе. Иногда решение проблемы лежит на поверхности, просто надо чуть-чуть подумать! В общем, я купила ему в подарок чайный сервиз. На шесть персон. Чашки и блюдца украшены ярко-красными цветами на белом фоне. Рядом с самоваром они будут смотреться очень ярко и нарядно. Сразу вспомнила чашки на даче у Кошкина — все старые, с трещинами и сколами, потемневшие от времени. Сам он, правда, всегда пил чай из стакана с подстаканником. Сразу стало легко — одной проблемой меньше. Кстати, Рождество уже послезавтра, надо позвонить Кошкину, он же просил заранее предупредить. Хм, абонент недоступен. Еще раз. Нет, никак. Может, телефон у него разрядился. Так, а это что? У меня голосовое сообщение. Пришло ночью, в 2.10. А я не слышала, странно. Знакомый голос. Включаю еще раз. Потом еще. « Инга! Будь умницей! Помни, что ты мне обещала!». Все. Кошкин отправил мне это сообщение в два часа ночи? Зачем? Он же знает, что я приеду к нему послезавтра! Или что-то случилось? Почему он не позвонил, а оставил сообщение? Я помню, что я ему обещала! Быть аккуратной и осторожной! Он мне все уши прожужжал! Да еще Колесников тоже добавил! Нет, что-то не так.

– Алло! Дядя Витя! С Кошкиным, наверно, что-то случилось! Он прислал мне странное сообщение и не отвечает на звонки! Что делать?

– Ну, во-первых, успокоиться! Я сейчас ему позвоню. Если не дозвонюсь, попрошу местных ребят наших подъехать посмотреть, все ли в порядке.

– Хорошо! Только вы мне потом позвоните, ладно!

– Обязательно! А ты мне пока перешли его сообщение, договорились?

– Да, хорошо...

Я еще много раз пыталась дозвониться, весь день. Не получилось. У меня даже мелькнула шальная мысль бросить все и поехать прямо сейчас! А смысл? Колесников взял ситуацию под контроль, обещал позвонить. Надо только подождать, потерпеть, попытаться отвлечься. Как? Очень просто. Я села за стол и погрузилась в учебу.

А потом, уже часов в восемь вечера, позвонил генерал Колесников. Дядя Витя.

– Инга?

– Да, дядя Витя! Ну? Все нормально?

– Нет... Все плохо...

– Что... Что случилось?

– Вячеслава Николаевича больше нет.

– Как нет? Он.. Он что, умер?

– Убит... Ночью. Скорее всего, была попытка ограбления. Грабители, видимо, не ожидали его застать дома. Я сейчас нахожусь здесь, на даче. Все вверх дном, все перевернуто. Украли наградной пистолет, награды, деньги, ружья охотничьи... Группа работает, свидетелей опрашивают, может еще что всплывет. Я в их работу не вмешиваюсь, не моя епархия.

– Как его убили?

– Точно эксперты скажут, но я думаю, был сильный удар тупым предметом по голове.

– А мне теперь что делать? Меня вызовут?

– Пока ничего. Я попрошу, чтоб ребята к тебе заехали, расскажешь им все, как было. Если дойдет до рукописи, если затребуют — предоставь. А вот про догадки Кошкина, про его голосовое сообщение — ни слова. Мы тут проводим кое-какие мероприятия, проверки. Слушай, я тебе завтра в течение дня наберу, встретимся, поговорим. А сейчас извини, работа.

– Пока, дядя Вита...

Какое-то время я сидела неподвижно, глядя в одну точку. В голове не укладывалось, что человек, с которым разговаривала совсем недавно, теперь исчез, не живет. И каким скотом надо быть, чтобы убить старика? Ну, залезли в дом, ну наткнулись на хозяина, могли бы просто запугать, связать, но убивать то зачем? Этих гадов быстро найдут, надеюсь. Мой взгляд упал на яркую коробку с сервизом. Вот и сделала старику подарок! Зазвонил телефон.

– Да, алло...

– Алло! Инуська! Привет!!! Ты куда пропала? Мы тут все толпой на катке, давай к нам! Покатаемся, потом поедем, культурно посидим!

– Анютка, привет... Я не могу, не поеду..

– Ты что, заболела?! Ну ка тихо, ничего из-за вас не слышно!!! Инусь, ты что, заболела?

– Нет, то есть... Не могу. Не сейчас, ладно?

– Так, все понятно! Еду!

– Нет, Анют, не надо!... — уже отключилась. Она приедет. Без вариантов. Не смотря ни на что. Проверено. При всей ее взбалмошности, клокочущей энергетике, она способно в секунду бросить все и ехать среди ночи за тридевять земель. Так, надо привести себя в порядок. Я поплелась в ванну, умылась холодной водой и, упершись руками о край раковины, долго потом смотрела в глаза своему отражению в зеркале. Потом, все таки решаю принять душ. Да... такие вот дела. Был человек и нет человека... Мог ли он, Кошкин, легенда, предполагать, что окончит свой жизненный путь, попав по руку обычным грабителям? Он, который полвека боролся с преступностью, который воспитал не одно поколение

хороших сыщиков. Я почти уверена, что он не сдался без боя, какое-то время сопротивлялся. Хотя, в его возрасте, какое может быть сопротивление... И вроде посторонний, чужой человек, а как все-таки жалко его! Эх... Звонок в домофон, пара минут и вот на пороге квартиры Анютка, да не одна, а с Пашкой. У него в руках два пакета из супермаркета. Попав в квартиру, он сразу исчезает на кухне, начинает там шуровать, гремит сковородками, тарелками и еще бог знает чем. А мы с Анюткой сидим на диване, и я рассказываю свою историю. Она слушает, не перебивает, изредка гладит меня по плечу. Пашка принес нам по бокалу красного сухого вина и опять исчез на кухне. Потом он зовет нас ужинать. Жареные мясные стейки, овощи, зелень, сыр, ароматный свежий хлеб — все это на столе. Тут же початая бутылка красного и коньяк. И только сейчас я понимаю, что последнее, что я ела — то мороженое, в кафе. Когда ждала майора Беглова. Чувство голода заглушает во мне все мои печали, и я набрасываюсь на еду. Анютка, подмигнув Пашке, радостно хлопает в ладоши:

– Вот! Главное — хорошо поест! Тогда и на проблемы смотришь по-другому! Пашка, наливай!

Я постепенно прихожу в себя, все уже не кажется таким уж трагичным, и мы вполне себе спокойно сидим и обсуждаем произошедшее. Я, естественно не говорю о Крысе, о догадках Кошкина. Разговор постепенно выходит на орбиту «книга-диплом-планы на будущее» и начинает ходить по кругу. У Анютки звонит телефон и она («это по работе, я час!») уходит поговорить в комнату, а мы с Пашкой остаемся одни. Странно, за весь вечер он произнес пару-тройку слов, а так больше молчал и слушал.

– Ты, Калинина, вот что. Если нужна какая помощь, сразу звони! Я все что надо... в любое время... сама знаешь!

– Эх, Пашка! – Я глажу его по затылку и чмокаю в рыжую бороду на щеке. – Спасибо тебе, ты настоящий друг! Верный мой оруженосец Пашка!

– Слушай, а ты когда с этим своим генералом встречаешься?

– Обещал завтра позвонить, договоримся. А что?

– А можно я тебе потом позвоню? Расскажешь, что да как?

– Господи, Пашка, да конечно можно! Звони!

– Ладно.

– А вот и я!!! – Анютка вернулась.- Соскучились без меня? Так, Пашка! Почему бокалы пустые? Я тебе!!! Давайте еще по одной, и мы поедем! Тебе, Инусик, надо как следует выспаться!

Они быстро собрались и, уже в дверях, Анютка скомандовала:

– Закрываешь за нами дверь и спать! Пообещай!

Обещаю. Обещаю. Опять обещаю. Коньяк, все-таки, хороший душевный доктор. Я падаю на постель и мгновенно проваливаюсь в глубокий омут.

Я на даче. Длинный, темный коридор, в конце приоткрыта дверь. Там светло, играет тихая музыка — не то радио, не то телевизор. А еще я слышу, как кто-то размешивает сахар в чае — ложечка стучает о стекло стакана. Мне здесь, в конце коридора, очень страшно и очень холодно. Пахнет сыростью и пылью. Я пытаюсь идти к светлой комнате, но каждый шаг дается с великим трудом, будто к ногам привязаны резиновые канаты и они растягиваются при каждом моем движении. Внезапно, я чувствую какое-то движение у себя за спиной. Обернувшись, вижу темный силуэт человека. Он приближается. Я бегу от него на свет, но как же мне тяжело! Я кричу, ору от страха, как бешеная, но сама себя не слышу. Наконец я вваливаюсь в светлую комнату и захлопываю за собой дверь! Прислушиваюсь. За дверью тишина. Оборачиваюсь. За столом, спиной ко мне, сидит Кошкин, пьет свой любимый чай и смотрит старенький телевизор. Ставит на стол стакан в подстаканнике и, не оборачиваясь, говорит:

– Ты хорошо помнишь, что мне обещала?! Хорошо помнишь?!!

И поворачивается ко мне. Все лицо его в крови, но он не замечает этого, улыбается и смотрит насмешливо поверх очков! Я опять кричу и... просыпаюсь!...

Рядом на тумбочке трезвонит мой сотовый. Хватаю его трясущимися руками.

– Алло!

– Калинина Инга Витальевна?

– Да, это я!

– Это из полиции беспокоят. Извините за ранний звонок — служба. Капитан Николаев. Вы могли бы уделить мне немного времени и ответить на несколько вопросов по поводу гражданина Кошкина?

– Да, конечно. Когда?

– Я могу к вам подъехать через час. Устраивает?

– Да, приезжайте.

– Спасибо.

Я бросила телефон и, обхватив голову руками, рухнула на подушку. Бешеное сердцебиение и мелкая дрожь. Такие кошмары мне еще не снились! Никогда! Уф... Надо вставать. Душ, кофе. Я почти успокоилась, осталось лишь легкое волнение в ожидании предстоящего разговора с полицией. Звонок в домофон. На пороге двое. Капитан Николаев, этаким наш Том Круз с белоснежной улыбкой, и его помощница — младший лейтенант Павлюк. Девушка на вид младше меня, длинные светлые волосы, голубые глаза. Прямо как из Голливуда оба только что приехали. Показывают удостоверения, но я не всматриваюсь и жестом приглашаю их пройти. Располагаемся на кухне — там просторно, большой стол — есть, где разложить бумаги.

– Кофе?

– Нет, спасибо!

Они, конечно, изо всех сил делают вид, что отношения между ними сугубо

деловые. Но я всёёё вижу! Улыбки, переглядывания. Тоже мне, служебный роман! Николаев все время улыбается, задает вопросы очень тактично, не перебивает. Павлюк записывает и молчит. Они, скорее всего, получили указания, что генерал Колесников попросил как можно меньше беспокоить гражданку Калинину. Я рассказала как, где и при каких обстоятельствах познакомилась с Кошкиным, сколько раз была у него на даче, о чем мы беседовали. Сказала еще, что ничего и никого подозрительного не заметила. Все прошло как-то быстро и легко.

Когда Николаев и Павлюк уехали, я налила себе еще кофе и стоя с чашкой у окна, задумалась. Надо же, быстро работают, оперативно! Так, наверное, и должно быть. Поскорее бы нашли этих гадов! Опять телефон!

– Инусик, привет! Ты как?

– Привет, Анютка, все хорошо! Полиция только что приезжала!

– Ну? Как все прошло?

– Отлично!

– Ладно, давай, пока, целую! Еще позвоню!

Не успела положить телефон, снова звонок!

– Доченька, здравствуй!

– Мама! Привет!!

–Я тебя не разбудила? Мы с папой сегодня в Москве, надо кое-что купить, хотели к тебе заехать. Ты дома?

– Да, мам, приезжайте! Я все с дипломом своим никак не закончу!

– Ну, давай-давай, мы к обеду заедем!

Так, надо какой-никакой порядок организовать! Посудомойка — раз, стиралка — два, бумаги на столе аккуратно сложить — три, пыль протереть, полы пропылесосить, корочке, ноги в руки и вперед! Сегодня, кстати, должен позвонить дядя Витя, обещал. За домашними делами я как-то отвлеклась от всей этой истории с Кошкиным, вспомнила вдруг Глеба, как мы с ним болтали в новогоднюю ночь, как он возмущался, когда родители подыскивали ему невесту, как «заставляли ухаживать!» Потом стала думать об Анютке, Пашке — это мои самые близкие друзья. Есть, конечно, еще Прохор и Светлана, Иринка и Илья, но с ними мы видимся редко, они уже люди семейные. У Иринки скоро будет маленький — вообще времени для общения с друзьями будет мало. И, тем не менее, у меня самые лучшие, самые верные друзья и я знаю. Что всегда могу на них положиться. Собственно, как и они на меня!

Ну, что? Порядок я навести успела, родители приехали, как и обещали, к обеду. Мама привезла с собой свой фирменный пирог с ягодами. Пока мы с ней готовили все к чаю, папа носил из машины банки с варением, банки с огурцами-помидорами, маленькую банку с маринованными грибами, большую корзину с картошкой, пакеты с морковкой, с луком, с чесноком. Под кухни оказалось заставлено банками! Все-таки дом в деревне и свой огород великое благо! На-

конец, сели за стол, папа разрезал пирог, я разлила чай по чашкам. В этот момент у меня зазвонил телефон, уже который раз за этот день!

– Привет, разбойница!

– Здравствуйте, дядя Витя!

– Ну, как настроение? Боевое?

– Боевое! Ко мне тут мама с папой приехали, сидим, чай пьем с пирогом!

– Отлично! Молодцы! Привет им от меня и поздравления с Рождеством!

– Спасибо!

– Не буду отвлекать от семейных дел! Завтра позвоню! В общем, есть у нас зацепки. Скоро, думаю, все закончится!

– Отлично! Пока!

Родители, конечно, слышали разговор. Я передала им привет от дяди Вити и поздравления с наступающим Рождеством. Мы еще посидели, поговорили о каких-то бытовых вопросах — особых новостей не было, мы ведь почти каждый день созваниваемся. Про книгу, Кошкина и все мои приключения я решила им не говорить, не хватало еще их впутать в эту историю! Скоро они засобирались — ехать не близко, снегопад, пробки на дорогах. И вот я уже машу им в окно рукой. Они садятся в наш старенький «кукурузник» и я еще долго вижу, как он невозмутимо, очень медленно по рыхлому снегу выбирается из нашего тесного, заставленного машинами двора и вскоре исчезает за углом.

18.

Прошло несколько дней. Колесников не звонил. Видимо, никаких новостей для меня у него не было. Я засела за диплом и даже стала, как бы забывать всю эту историю. Учеба заняла все мое пространство, и я здорово продвинулась за это время. Из дома я практически не выходила, лишь пару раз ездила в универ. Я почти не вспоминала о Кошкине, О Крысе, о моей книге — мне стало казаться, что все это не имеет смысла, что все это какая-то никчемная возня, на которую не стоит тратить время и нервы. Короче, я решила не писать книгу и не участвовать в конкурсе. Лучше я как следует поработаю на дипломом, подумаю о будущей работе, о том, как жить дальше. Еще осенью я, в порядке эксперимента, отправила свое резюме в несколько компаний. И, да, были отклики и предложения по работе. Так, что если плотно заняться, можно было найти вполне неплохой вариант. Но сначала — диплом! Денег на жизнь пока хватало — хорошие переводчики всегда нужны, а запросы мои были более, чем скромны. Так бы все и закончилось, так бы и забылась вся эта история, если бы в один прекрасный день мне не позвонил генерал Колесников, и я не пригласила бы его на чай. Когда он вошел, я поразилась, как он постарел за эти дни. Вместо огромного, всегда в отличном настроении, румяного и шумного красавца, передо мной на кухне за столом сидел усталый, поникший, рано стареющий человек. Он рассказал мне про похороны Кошкина. Все было на высшем уровне. Много народу пришли проститься, даже министр приехал, торжественные речи, много венков и целое

море цветов. Скоро будет готов памятник и его установят на могиле. Рассказывая, дядя Витя несколько раз доставал из кармана свою фляжку с коньяком и делал несколько глотков. Мне не предлагал («ты еще маленькая!»).

– Да, а как твоя книга? Скоро закончишь?

– Дядя Витя, я решила бросить это дело. Не, знаю, как-то душа не лежит.

– Душа не лежит? Ну, смотри. А то может, передумаешь? Вот бы Виктор то Николаевич был доволен, если б книжка получилась! Да... Не уберегли... Я еще выпью, ты не ругайся.

– Что вы, я и не думаю.

Он уже довольно пьян. Скорее всего, еще до приезда ко мне, где-то хорошо выпил. В прихожей, в кармане его пальто зазвонил телефон. Он посмотрел в сторону прихожей, потом на меня. Я поняла все без слов, и принесла ему телефон.

– Да. Колесников слушает. А, Марина, ты... Да, да, еду. Я тут к нашей разбойнице заехал, к Инге Калининой. Сидим вот, чай пьем... Да нет, я сам... Меня Костя отвезет, он меня внизу в машине ждет... Угу, позвоню... Пока...

Он встает из-за стола, его качает, я его таким никогда еще не видела.

– Костя меня отвезет, Беглов... Помнишь такого?

– Еще бы, конечно помню. Неприятный тип!

– Неприятный? Не бойся, он у меня вот где! – поднимает гигантский кулак. В прихожей с трудом обустраивается, натягивает пальто.

Потом вдруг смотрит на меня, словно внезапно вспоминает о чем-то очень важном.

– Да!!! А ведь поймали того урода, что Кошкина убил, поймаали! Я б его своими руками... Все нашли: и награды, и ружья и другие вещи. Пистолет вот только наградной успел гад продать. Представляешь? Наградной пистолет отдал за ящик водки! Говорит, мужик какой-то незнакомый купил! Мразы! Ой, извини... И, главное, рядом он был все время, под носом! Бомж один. Жил там, рядом с дачей Кошкина. В какой-то заброшенной котельной, что-ли... Сам признался! Чистосердечно! А потом, представляешь? Поездили его в СИЗО, а он на конвой напал. Ну... Пришлось стрелять. Наповал. Отомстили за Вячеслава Николаевича... Земля ему пухом... Ты меня прости, что я вот так... Ладно?

– Ну, что вы, дядя Витя! Бывает. Не переживайте! Может, вас до машины провезет?

– Нет, я сам... Давай, пока...

В окно я видела, как он покачиваясь вышел из подъезда и упал. Беглов выскочил из машины, помог генералу подняться и усадил его на заднее сидение. Уехали. В прихожей и на кухне висел тяжелый запах перегара, и я поскорее открыла окно. Не люблю. Попадет ему теперь от тети Марины. Она, при всей своей мягкости и дружелюбии, держит генерала Колесникова в кулаке! Стоит ему только подумать, как бы с друзьями в баню завалиться или адюльтер, какой

замутить, она уже в курсе! Чутье у нее феноменальное. А что он там про Кошкина говорил? Нашли убийцу? И он погиб? Так ему и надо! Развелось всяких... Хороших людей грабят, убивают... Так! Стоп! А не тот ли это бомж, которого мы с Кошкиным встретили, когда шли на станцию? Как его звали?... Гена! Точно, Кошкин назвал его Геней! И он говорил, что Гена живет в здании заброшенной котельной, оборудовал там комнату. И Колесников про котельную сказал! Неужели это тот самый, вежливый знакомый Кошкина? Да ну, не верю! Тот бы никогда не смог такое совершить! И Кошкин сказал, что Гена малый честный, а уж он то в людях разбирался! Может, там еще какой-нибудь бомж обитал в котельной? Не знаю... Размышляя, я ходила по комнате, потом вернулась на кухню. Вроде, все правильно, все логично. Но, что-то не давало мне покоя. Что-то не так. Я еще раз постаралась вспомнить тот вечер, когда Вячеслав Николаевич провожал меня до станции. Вспомнила Гену. Их разговор. Он тогда еще меня назвал «дочка»! А сколько ему лет было? Конечно, младше Кошкина, но не молод. Пятьдесят? Да, где-то пятьдесят-пятьдесят пять. Хромал. С здоровьем, по все видимости, не очень. Наверняка знал, что Кошкин — ветеран МВД, что в доме может быть оружие. Стал бы он так рисковать? И еще я, вот хоть убейте меня, не представляю, как Гена мог напасть на конвой! В принципе, для его ситуации, он довольно неплохо себя чувствовал — нашел себе какое-никакое жилье, имел хоть и маленький, но стабильный доход, люди его не обижали, а наоборот, давали ему заработать... Стал бы он грабить, да еще и убивать? Бред какой-то! От этих мыслей у меня стали закипать мозги, что со мной бывает крайне редко. Я почувствовала, что мне надо на свежий воздух, надо пройтись и проветриться. Я оделась, вышла на улицу и пошла, куда глаза глядят. Мысли вихрем носились в моей голове, я чувствовала, что надо что-то сделать, принять какое-то решение. Мне нужно было с кем-то посоветоваться, выговориться. Но с кем? С Анюткой? При ее импульсивности и взрывоопасности все могло еще больше осложниться. Родители? Нет, только не это. Пашка? Пашка! Точно. Вот кто мне сейчас нужен! Его холодная голова, его вечная невозмутимость и простодушная натура! Тааак! Где мой телефончик?

- Пашка, привет!
- Калинина? Здорово! В кои то веки ты мне позвонила!
- Слушай, ты работаешь сегодня?
- Ну, как обычно, до двадцати одного ноль-ноль, а что?
- Поговорить с тобой нужно, очень!
- Очень, говоришь? Ну, раз очень, то приеду.
- Нет, давай лучше я к тебе, к концу дня. И погуляем потом, а?
- Калинина, у тебя все нормально?
- Да, нормально все! До встречи?
- Ну, давай!

Ехать предстояло через всю Москву, на юго-запад, но я успела. Пашка пога-

сил свет в студии, закрыл на замок двери и повернулся ко мне.

– Я готов. Пошли?

– Пошли!

Какое-то время я молчала, не знала с чего начать.

– Калинина, ты говорить то будешь? Или помолчать приехала?

– Сейчас... Вот слушай!

И я стала довольно сумбурно рассказывать про Гену, про котельную. Но Пашка был человек опытный, знал меня не один год. Он вдруг резко остановился, поднял обе ладони и довольно резко оборвал меня:

– Калинина, стоп! Значит так. С самого начала, по порядку, не спеша. Тебя же никто не гонит!

– Извини, Пашка, значит так...

Он слушал очень внимательно, смотря под ноги и сцепив руки за спиной, под рюкзаком. В какие-то моменты он кивал головой, словно отмечая для себя важные вещи в моем рассказе. Про Крысу и догадки Кошкина я не стала говорить, но все остальное описала довольно подробно.

– Все?

– Да, вроде бы, все...

– Так! Что мы имеем! Мы имеем абсолютно правильную, правдоподобную и логичную историю. Но одна деталь нас сильно смущает. Что нам делать? Вариант номер один: плюнуть на все, и жить, как раньше жили. Вариант номер два: попробовать во всем разобраться. Но для этого у нас не хватает информации. Выход: либо трясти твоего генерала, чтоб все подробности рассказал, либо самими что-то придумать. Какой вариант выбираешь?

– Пашенька! Я бы с радостью выбрала первый, но чувствую, что выберу второй. Я ведь спать не смогу, пока не пойму, что меня смущает!

– Тогда звони завтра генералу. Сама ты ведь не сможешь получить информацию по этому делу?

– Не смогу, верно. Но и звонить не хочу. Может, позже...

– Тогда вспоминай, может еще какие детали всплывут? Знакомые Кошкина, соседи, может он имена какие называл? Тут ведь самая ничтожная деталь может быть ключом от всех тайн! Вспомни Пуаро!

– Ну, я ему обещала быть осторожной и аккуратной! И он потом мне об этом напоминал несколько раз!

– Осторожной? А тебе что, что-то угрожало?

Я поняла, что чуть не проговорила, но вовремя нашла лазейку.

– Да нет, особо ничего. Просто каждый раз, когда уезжала от него, приходилось идти на электричку через дачи и лес. Вот он и переживал за меня.

– Нет, это не годится! Надо что-то еще.

Было уже довольно поздно. Я хотела поехать домой сперва на метро, а потом на маршрутке, но мой Пашка сказал, что не допустит, чтобы я ехала поздним вечером на перекладных, и вызвал мне такси. Заранее расплатился с водителем и, придерживая заднюю дверь, подождал, пока я устроюсь.

– А вообще, Калинина, в отпуск тебе надо! Хоть на недельку. А то ведь с ума сойдешь! Ты на себя в зеркало посмотри – как лошадь загнанная! Ладно, пока. Я подумаю, и ты подумай! Завтра созвонимся и мыслями поделимся. Пока!

Он захлопнул дверь, и я поехала домой. Все таки хорошо, когда рядом есть такой спокойный и рассудительный человек. Я смотрела на пролетающие мимо огни фонарей, на оставшуюся еще с Нового года иллюминацию и вдруг почувствовала, что удача где-то совсем рядом, буквально под носом! Вот она, только руку протяни! Тихо... Тихо... Не вспугнуть... Я даже выпрямилась и немного наклонилась вперед. О чем мы говорили? Есть! Ура!! Эврика!!! Я нашла! Откинувшись на спинку сиденья, я весело рассмеялась! Водитель испуганно посмотрел на меня в зеркало. Где мой телефончик?!

– Алло! Пашка!

– Калинина! Опять ты!

– Пашка, знаешь, кто ты?

– Ну?

– Ты гений!

– Сумасшедшая!

– Нет, Пашенька, я большая умница!!!

– Это еще почему?

– Потому, что у меня есть такой замечательный друг! Ты, Пашка! Пока!

19.

Все-таки, занятная это штука — память человеческая. На нас каждый день обрушиваются мегатонны информации. Мы постоянно что-то видим, что-то слышим, мы ощущаем запахи, прикосновения. И все это наша память старательно собирает в какие-то кладовочки у нас в голове, чтобы в нужный момент предоставить то, что нужно и важно. Правда и барахла в этих кладовочках много. И чтобы добраться до важного и нужного, иногда приходится брать лопату и разгрести весь этот мусор. И еще наша память хороша тем, что после первой неудачной попытки найти то, что надо, она не останавливается, а сама, потихоньку, ходит себе по кладовочкам, перебирает залежи информации и в конце концов приносит искомое. Даже тогда, когда мы уже не ждем этого. Вот и сейчас. Расставшись с Пашкой, я развалилась на заднем сидении такси и смотрела на огоньки. День сегодня какой-то тяжелый, суетной. Опять вспомнился мой кошмарный сон. «Обещала!». Да что ж ко мне прилипло это «обещала»? И Пашка еще напоследок комплимент сделал, сравнил меня с загнанной лошадью! Лошадь, лошадь... Стоп! Лошадь! Я вдруг со все ясностью вспомнила, как обещала

Кошкину приехать и покататься с ним на лошадях! Пообещала в тот самый день, когда он проводил меня на станцию, и мы встретили Гену! Как же я могла забыть!? Тут же позвонила Пашке. Так, дальше. Предположим, что Кошкин, каждый раз напоминая мне об обещании, имел в виду не мою осторожность и аккуратность, а именно лошадей! Появилась даже не зацепка, а так, маленький намек на зацепку. Но это лучше, чем ничего! Думай! Мы шли на станцию, Кошкин рассказал сначала о друге-пчеловоде, потом перешел на лошадей. Потом я пообещала приехать. А потом мы встретили Гену. Наш разговор он не слышал и про лошадей ничего не знал. Или знал? Да конечно знал! Он же жил там и знал, что неподалеку есть конюшня. Может, даже подрабатывал там. И что нам это дает? А ничего! Итак, подытожим: у нас есть Гена, которого обвиняют в убийстве Кошкина. Кошкин настойчиво напоминал про мое обещание по поводу лошадей. Винодность Гены вызывает у меня очень большие сомнения. И мне абсолютно непонятна настойчивость Кошкина. Какая-то каша получается! А может, позвонить завтра Колесникову и все рассказать? А смысл? Никакой конкретики. Нет, надо сначала попробовать самой разобраться. Дома я забралась в горячую ванну и, строя перед собой какие-то немыслимые фигуры из пены, снова и снова возвращалась мысленно в тот вечер. Я вспомнила то чувство, когда села в электричку и помахала Кошкину рукой. У меня тогда промелькнуло какое-то нехорошее предчувствие, что я его больше не увижу. Но ведь так оно и получилось! Моя интуиция меня не подвела! А что сейчас говорит моя интуиция? А сейчас моя интуиция пока отдыхает. После горячей ванны, я немного успокоилась. Пошла на кухню, налила бокал красного сухого вина. Подошла к окну. Было уже далеко за полночь и только в нескольких окнах ближних домов горел свет. Тоже не спят. Интересно, почему? Тоже какие-то тайны разгадывают? Снова пошел снег и рядом с каждым фонарем образовались светящиеся конусы из летящих хлопьев. И на даче Кошкина сейчас тоже снегопад. Никто завтра не почистит дорожки к дому, не смахнет снег со ступенек крыльца. Как-то грустно совсем. Я подняла бокал и сделала большой глоток. Нельзя все это так оставлять, нельзя бросать. Можно не дописывать книгу, черт с ней, но в этой истории надо разобраться до конца. Хотя бы из уважения к Кошкину. А если появится хоть какая-то информация, сразу позвонить дяде Вите Колесникову. Но что же делать сейчас? Какой следующий шаг? Еще глоток вина. Следующий шаг... И тут моя интуиция, видимо отдохнув и взбодрившись, дала о себе знать. Я вдруг поняла, что должна ехать. Ехать туда, на дачу. Пока непонятно зачем, но я должна быть там! Вот он следующий шаг! Надо ехать, а там по ситуации! Мне стало как-то легко и весело и я одним большим глотком допила остатки вина. Завтра еду! Хотя, нет, завтра консультации в универе, надо много чего по учебе сделать. А вот послезавтра точно поеду! А теперь спать!

20.

Двери вагона закрылись, и электричка через минуту исчезла. Только отдаленный гул напоминал о ней. Я стояла на той самой платформе, где видела Кошкина последний раз. Еще утро, около девяти. Безлюдно, лишь двое мужчин

в оранжевых жилетах счищают с платформы остатки снега. Я закинула на плечи рюкзак, натянула на руки перчатки и тронулась в путь. Довольно морозно. Заранее смотрела прогноз погоды — день должен быть солнечным и безветренным. До дачи Кошкина можно пройти по обочине дороги, где ездят машины, а можно по тропинке через дачи и лес. Первый вариант короче и быстрее, а второй дольше и интересней. Выбираю второй. Торопиться мне некогда, одета я тепло, в рюкзаке термос с горячим кофе, бутерброды. В общем, я подготовилась к вылазке. Накануне разговаривала с Пашкой. Изложила ему свою теорию про лошадей. Одобрил, но посоветовал еще проработать версию, что убийцей был не Гена, а другой человек. Я кстати об этом и не думала. А как это узнать? Да очень просто! Надо найти Гену. Наверняка кто-нибудь знает, где он. Но сначала на дачу. Дорожку уже кто-то почистил от снега, и идти легко. Вокруг меня довольно густой лес. Деревья стоят в снежных шапках. В гуще леса угадываются очертания крыш. А некоторые дачи здесь стоят прямо рядом с тропинкой. Новых домов почти не встречается, в основном старые, построенные в прошлом веке. Многие заброшены, заколочены. Кошкин рассказывал, что за лесом есть еще один поселок. Вот там уже идет активное строительство, много новых, современных домов. А здесь пока тишина и покой. В некоторых домах топят печи и из труб поднимаются белые столбы дыма. Очень тихо. Тишину нарушает только скрип снега под моими ботинками. Вот и дача Кошкина. Я подхожу к калитке. Так и есть. Все замечено снегом. На калитке и кустах вдоль дорожки до сих пор висят обрывки ленты, которой ограждали место происшествия. На входной двери, приглядевшись, различаю наклеенную бумагу или что-то похожее. Видимо, дверь опечатана. Здесь, стоя у калитки, вспоминаю, как приезжала в гости к Кошкину, как открывала эту калитку, а он уже стоял на крыльце в валенках и меховой безрукавке и поднимал в приветствии руку. Как провожал меня в большую светлую комнату, выдавал мне такую же, как у него безрукавку. Как каждый раз заставлял переобуться — мои ботинки ставил на печку, а я надевала особые такие сапожки из овчины и ходила в них по дому. Как он гордился своим самоваром, как мы пили чай бесконечное количество раз. Как я волновалась, когда привезла ему почитать черновик одной из глав моей книги. Вроде, было это все совсем недавно, а Кошкина уже нет, дом заброшен, книги моей не будет. От грустных мыслей меня вдруг отвлекает скрип снега под чьими-то шагами. Обернувшись, я вижу пожилую женщину, которая везет на деревянных санках несколько пластиковых бутылок с водой.

– Здравствуйте!

– Здравствуй, здравствуй, дочка...

Остановившись и сняв рукавицу, поправляет прядь волос, выбившуюся из под шапки.

Я не знаю, что мне говорить и, улыбнувшись женщине, опять поворачиваюсь и смотрю на дом. Снова скрип снега — подошла ко мне, встала рядом и тоже смотрит. Тяжело вздыхает:

– Хороший был человек...

– Кошкин?

– Кошкин, Кошкин... А ты родственница его, или знакомая какая?

– Знакомая. Я в университете учусь, а Вячеслав Николаевич меня консультировал. Я сюда несколько раз приезжала.

– А! А я то думаю, откуда я тебя знаю? Я тебя в окно видела пару раз, вон дом то мой, напротив.

Я смотрю туда, куда она указывает рукой и, действительно, вижу в маленькой березовой рощице небольшой аккуратный домик.

– Красивый!

– Красивый, красивый. А ты что же, по делам сюда, или просто погулять?

– Ну, как сказать..

– Ну-ка, давай, за мной! Чаем хоть тебя напою!

– Что вы, не стоит!

– Пойдем, говорю! Расскажу тебе кое-что!

Меня прямо как кольнуло что-то. Ее окна выходят на дачу Кошкина, может, что и видела в ночь убийства?

– Давайте я вам помогу, ...?

– Валентина Николаевна я.

– Очень приятно! А я Инга.

– Инга? Ишь... Красивое имя. Редкое.

А взялась за веревку, и санки легко заскользили за мной. Валентина Николаевна шла впереди. – А воду вы издалека возите?

– Это я на родник ходила. Тут родник недалеко. Он и зимой не замерзает. А уж вода до чего хорошая! Если на стирку, или в баню, так это мы из скважины воду берем. А уж для чая или еще какой готовки — только из родника.

Через несколько минут мы уже сидели за столом в жарко натопленной комнате. Самовара у Валентины Николаевны не было, воду кипятила в обычном электрочайнике. Разговор, как я и предполагала, пошел о семье, о детях, что редко приезжают, о пенсиях, что могли бы быть и побольше и так далее. Я решила перехватить инициативу:

– Валентина Николаевна! А я вот не верю, что какой-то бомж вот так вот, запросто забрался на дачу к Кошкину, да потом еще и убил его!

Валентина Николаевна, немного обескураженная такой резкой сменой темы разговора, обиженно посмотрела на меня. Но, видно что-то вспомнив, вдруг по-добрела и, наклонившись ко мне, заговорщицки прошептала:

– Видела я его!

– Кого?

– Ходил тут один! Все высматривал!

– Бомж? Гена?

– Нет! Гена то наш — божий человек! Этот, который ходил, наверное, потом на Генку все и свалили! Ох, и страшный был!

– А вы с ним разговаривали?

– Нет, что ты! Я, видишь, одна живу. Мужа прошлым летом похоронила. Так вот, накануне, как соседа то убили, видела я человека. На улице столкнулись. Я на станцию шла, в магазин. Я тут всех знаю. А этот, сразу увидела, чужой! А смотрит — ну, прям, сатана! Сам невысокий, коренастый — бандит, одним словом! А потом его в окно видела — мимо дома соседского проходил, да все в окна заглядывал. Я перепугалась, свет не включала, будто нет меня! А потом ночью, как убили, сначала крик слышала, а потом смотрю, побежал кто-то! Вроде похож, а вроде и нет! Со страху чуть не померла! Только когда милиция приехала, в себя пришла! Натерпелась!

– А вы полиции сказали про него?

– Нет, что ты! Испугалась!

– Так надо сейчас сказать!

– Нет! Ты что! Он же за мной тогда придет! Господи помоги! Гену то нашего уже не вернешь, соседа тоже! Нет! Боюсь!

– Валентина Николаевна, а вы не подскажите, как мне на конюшню пройти? Тут вроде недалеко?

– А чего там, на конюшне?

– Хотела лошадок посмотреть, может прокатиться, если разрешат.

– Конечно, разрешат! Там начальник Петр Петрович. Мужик хороший. С моим соседом дружил. Я тебе сейчас покажу.

Мы оделись, вышли на улицу. Она объяснила, как найти конюшню, а я поблагодарила ее за чай. Снова в путь. Я снова прошла мимо дачи Кошкина, углубилась в лес, перешла по мосту замерзший ручей, прошла еще около километра по лесной дорожке и вышла на открытое пространство. Дальше, в поле, стоял тот самый новый поселок. Большие, красивые коттеджи, черепичные крыши, шум строительной техники, люди в касках, самосвалы — атмосфера была уже совсем другая. Но я свернула вправо, пошла вдоль кромки леса и скоро увидела конюшню. Большой длинный ангар, просторная площадка, обнесенная изгородью, под навесом — тюки сена, большая куча. И, конечно, запах! Запах лошадей ни с чем не спутаешь! Но самих лошадок что-то не видать, видимо все внутри. Рядом с ангаром — небольшой строительный вагончик. На пороге стоял молодой паренек с сигаретой в зубах и с интересом наблюдал, как я, свернув с тропинки, по колее в снегу, пробиваюсь к конюшне. Не могли снег почистить! Наконец я одолела снежную целину и подошла к вагончику.

– Здравствуйте!

– Привет! – его физиономия растянулась в довольной улыбке.

– А Петр Петрович здесь?

– А он вам зачем?

– Мне с ним поговорить надо.

– Можете со мной поговорить! Вы покататься хотите? Так это вам ко мне! Или просто лошадей посмотреть? Опять ко мне!

– Мне Петр Петрович нужен!

– А зачем?

Я уже была готова треснуть его по голове, как вдруг дверь, ведущая в ангар открылась, и вышел высокий грузный мужчина, одетый в теплый комбинезон. На ногах кирзовые сапоги, на голове вязаная шапочка. Мельком взглянув на меня, он пальцем поманил моего собеседника:

– Иди-ка сюда!

Парнишка сразу весь подобрался, ухмылка исчезла с лица. Бросив в снег окуроч, он чуть ли не бегом, метнулся к ангару.

– Стоять! Вернись и подними окуроч! Я тебе сколько раз говорил, чтоб чистота была?!

Бедный парнишка поднял окуроч и бросил его в больше ведро у вагончика, потом подбежал к «командиру».

– Ты почему не сделал, что я тебя просил? А?! Я тебе еще вчера сказал! Ну-ка, бегом!!! И чтоб в последний раз такое!

Парнишка исчез в ангаре, а здоровяк, не обращая на меня внимания, пошел в вагончик. Уже на входе обернулся и вопросительно посмотрел на меня.

– Петр Петрович?

– Он самый!

– Я бы хотела с вами поговорить.

– Покататься хотели? Так это не получится. Сейчас ветеринар придет лошадак смотреть.

– Я не по поводу лошадей. Я хотела с вами о Вячеславе Николаевиче поговорить.

– А чего о нем говорить? Хороший был человек. Убили недавно. Убийцу задержали. Вы вообще кто? Из полиции? Слишком молодая. Журналистка? Что вы хотите?

Огромный, жесткий. Седой весь. Усы и небольшая бородка. Похож на моржа из мультфильма.

– Понимаете, Вячеслав Николаевич консультировал меня. Я пишу книгу.

– А звать тебя как? Имя то есть?

– Инга. Инга Калинина.

– Инга... Так и есть. Инга. – Он сразу как-то смягчился, подобрел, хотя и виду не подает. – А ты из Москвы приехала? Сегодня? Ну-ка, погоди! Подожди здесь пару минут.

Он снова заходит в ангар, потом возвращается и манит за собой.

– Ну, поехали.

– Куда?!

– Ты же поговорить хотела? А здесь какой разговор? Поехали.

Оказывается, за вагончиком стоит его машина, огромный, темно серый внедорожник. Через минуту мы уже выехали на дорогу, обогнули вокруг конюшни и поехали обратно в лес. Тропинка, по которой я шла, идет где-то слева, параллельно дороге. Вот и замерзший ручей. Только здесь уже не деревянный мостик, а пара бетонных плит, перекинутых с берега на берег. Снова дачи. Развилка. К даче Кошкина, на станцию — направо. Мы поворачиваем налево и через несколько минут останавливаемся у ворот высокого забора. Вылезаем из машины. За забором лай собак и веселое тьяканье, какая-то возня. Оказывается, в доме живет несколько собак и щенки. Весело. Петр Петрович пригласил в дом. В прихожей нас встретила, судя по всему, жена хозяина, а с ней девочка, лет двенадцати. Кроме того в прихожей на вешалках много одежды, на полу — около десятка пар обуви. Чувствовалось, что здесь живет именно семья, как потом и оказалось. Девочка была внучкой Петра Петровича, а дети, дочь с зятем, уехали в Москву на несколько дней. Но это все я узнала позже, а пока он, молча, провел меня в дальнюю комнату, крикнул жене: «Танюша, нам поговорить надо!», и плотно закрыл за нами дверь. Небольшая комната, что-то вроде кабинета. Складной диван, стол, пара стульев. На столе ноутбук, принтер. Несколько папок. Все скромно, по-спартански.

– Есть хочешь?

– Нет, спасибо.

– Может, хоть чаю выпьешь?

– Спасибо, я недавно уже пила.

– Где это?

– У Валентины Николаевны.

– А! Соседка Славкина! Уже познакомились? О чем ты хотела поговорить?

– Мне кажется, что с убийством Кошкина что-то не так.

– Поясни.

Я рассказала про наши с Кошкиным встречи, про таинственного незнакомца, которого видела Валентина Николаевна, выложила свои соображения о нестыковках в истории с убийством. Петр Петрович закурил и сквозь дым сигареты внимательно смотрел мне прямо в глаза, не мигая. Когда я закончила, он спросил:

– А тебе это зачем? Что ты хочешь узнать? Кошкина не вернешь.

Мне очень редко приходится говорить такие слова, они мне трудно даются, но тут, прямо само собой все получилось:

– Я, конечно, не так хорошо, как вы, знала Вячеслава Николаевича. Но за то время, пока мы общались, он рассказал мне очень много интересного, очень помог с книгой. У меня сложилось впечатление, что он очень честный и порядочный человек. Про полицию сейчас много чего говорят, но я уверена, что он был... как бы это сказать... ну, правильным, что ли, полицейским, настоящим, понимаете? Настоящим офицером! И я хочу разобраться до конца в этой истории, докопаться до истины!

Петр Петрович слушал очень внимательно. Сначала на его лице промелькнула улыбка, но потом он стал очень серьезным.

– Петр Петрович, а можно я кофе попою?

– Валяй.

Я достала из рюкзака термос и налила в кружку-колпачок горячего кофе.

Он внимательно посмотрел на мои манипуляции, усмехнулся:

– Да у тебя все с собой? Молодец, подготовилась! Ладно, пей свой кофе и слушай. Нас было трое приятелей. Славка, я и Никита. Ну, пчеловод. Кошкин тебе про него рассказывал? Ну вот. Славка был мент, я из конторы, Никита — из армейских. Три полковника. Три пенсионера. Моя жена нас в шутку назвала «трио бандуристов»! Никита сейчас в санатории, сердце барахлит. Решил он на старости лет пчел разводить, и стало у него получаться. Сейчас, зимой, он вроде как особо не занят, вот и поехал здоровье поправить. Я — ну, сама видишь. Лошадей люблю с детства, всегда мечтал о своей конюшне. В городе жить не могу. Сначала сюда на дачу ездили, потом решили постоянно жить. Дом перестроил, кое-что доделал, вот, живем. Ну и конюшню завел, уже почти десять лет как лошадей держим. Только вот Славка у нас в этом плане странный оказался. Как жена у него умерла, так он и переселился сюда, а квартира в Москве, на Соколе, пустая стоит. А у него ведь ни детей, ни родственников. Мы его пытались расшевелить — то на лошадях покататься, то на рыбалку, то на охоту — он даже ружья себе купил. Но что-то его держало, не давало расслабиться и радоваться жизни. Сидел за своим стареньким компьютером всеми вечерами, письма какие-то отправлял, получал. Иногда уезжал на несколько дней. Говорил, по делам. Какие у него могли быть дела на пенсии?.. Мы с ним были не то, что друзьями закадычными, но товарищами, вполне... Тут ведь видишь какая тонкость — работали мы в таких ведомствах, где годами учат не доверять никому, даже самым близким. Поэтому мы досконально друг о друге все не знали, но того, что знали, нам было достаточно. Ну и в душу мы друг другу не лезли. Так, иногда, за рюмкой трепались понемногу.

– Извините, перебыю. А что вы думаете насчет убийства? Вас ничто не смущает?

– Смущает. И твои соображения, твои сомнения вполне обоснованы. Но, к

сожалению, изменить что-то уже невозможно. Дело закрыто и ушло в архив. Через пару лет никто не вспомнит о нем.

– А вам самому, неужели не хочется узнать правду?

– Правду? Видишь ли, Инга, мы работали в такой системе, где учат четко понимать, где можно копать, а где не стоит. Поэтому, я для себя решил оставить все, как есть.

– Вы намекаете, что к убийству Кошкина могут быть причастны спецслужбы?

– Я не на что не намекаю. Кошкин мне про тебя рассказал. Ты умная девочка, сама все понимаешь. Слушай, мне надо на конюшню ехать, там сейчас ветеринар приедет.

– Да, поняла! Собираюсь.

– погоди. Сядь. Еще есть немного времени. Последний раз мы с Кошкиным виделись после Нового года, четвертого января. Здесь, у меня. Он был очень напряжен чем-то. Я спросил, в чем дело. Он сказал, что надо поговорить. Мы пришли сюда, в эту комнату. Он сидел там же, где ты сейчас. Слава поручил мне одно дело. Он сказал, что это очень важно. Он сказал, что если с ним что-нибудь случится, чтобы мы с Никитой не дергались. Еще он сказал, что если придет Инга, задать ей один вопрос. И, в зависимости от ее ответа, сделать кое-что еще. Ты готова услышать вопрос?

Я замерла. Такого поворота я точно не ожидала.

– Ты готова услышать вопрос?

– Да...

– Почему он всегда просил тебя быть осторожной и аккуратной?

Вот это да... Что делать? Рассказать ему про Крысу и про догадки Кошкина? Или не рассказывать? Петр Петрович сидел и смотрел на меня в упор. Он, конечно, видел, что я лихорадочно соображаю, что ответить на этот, казалось бы, простой вопрос.

– Мне повторить вопрос?

– Нет, не надо. Вячеслав Николаевич очень переживал, когда я поздно от него уезжала, и мне нужно было идти одной через дачи и лес на станцию. Вот он каждый раз и просил меня быть осторожной и аккуратной.

Петр Петрович усмехнулся:

– Ответ правильный.

– Что дальше?

– Ничего. Сиди здесь, я сейчас приду.

Он вышел. Вернулся через несколько минут и положи передо мной на стол какой-то сверток. Прямоугольной формы. Размером чуть меньше обувной коробки. Что-то обернуто бумагой и многократно перемотано скотчем.

– Вот. Кошкин для тебя оставил.

– А что там?

– Не знаю и знать не хочу. Здесь не открывай, дома посмотришь.

– Тяжеленький... А скажите... Если бы я ответила по-другому, что бы вы сделали?

– Ничего. Закопал бы под деревом и забыл бы про него. И еще. Слава почему-то тебе очень доверял. Он попросил меня поговорить с тобой, посмотреть на тебя, послушать. И отдать тебе сверток, только если ты мне понравишься, если ты покажешься мне человеком неглупым и стоящим того, чтобы с тобой иметь дело. Вот так. Забирай. И последнее. Об этом свертке знаем только мы с тобой. Если меня кто-то, когда-нибудь спросит о нем, я все буду отрицать. Если тебя спросят, можешь сказать, что тебе его Кошкин отдал лично. Сюда больше не приезжай. Теперь клади его в свой рюкзак. Я тебя отвезу на станцию.

Минут через десять мы уже сидели в машине рядом с платформой. Петр Петрович всю дорогу молчал. Потом, о чем-то вспомнив, он засунул руку в карман куртки и достал настоящую подкову.

– На. На удачу.

– Спасибо большое!

– Иди. Твоя электричка.

Я пожала ему руку, вылезла из машины и быстрым шагом направилась к ступенькам, ведущим на платформу.

– Инга!

Я обернулась. Петр Петрович стоял рядом с машиной.

– Ты молодец! Удачи тебе!

Сел в машину и, не глядя на меня, уехал. А еще через полтора часа я была уже дома и опять сидела в горячей ванне. Таинственный сверток лежал в моем рюкзаке, а я улыбалась и вспоминала последние слова Петра Петровича. Да, я молодец! Я большая умница!

21.

Все представляют, как обычно догорает костер, огонь в камине или в печке. Пламя постепенно сходит на нет, лишь редкие языки его, словно не соглашаясь смириться с близким концом, изредка пробиваются сквозь пепел. Угли еще пышат жаром, еще играют малиновыми отблесками, еще отдают последнее тепло, но всем ясно, что скоро конец. Холод и темнота. Но, стоит бросит на угли маленький кусочек бересты, несколько сухих щепок, и через несколько секунд снова трещит веселый огонь, раздавая вокруг тепло и свет. Так и с моей историей. Книга, Кошкин, дача, мифические киллеры и прочее — все это должно было затухнуть, затихнуть и постепенно забыться. Я бы с головой ушла в учебу, возможно, стала бы развивать какой-нибудь другой литературный проект, искать что-то новое, необычное, строила бы планы на будущее. Но, передо мной на столе лежит таинственный сверток. Это тот самый «кусочек бересты», который

возродил, всколыхнул уже почти погасший костер событий. Я пока не знаю, что внутри. И еще. Я не знаю, надо ли мне рассказать обо всем Пашке — он звонил десять минут назад. Видимо, ему не терпится узнать, как я съездила вчера на дачу Кошкина, есть ли какая-нибудь новая информация? Я не стала отвечать на его звонок. Что-то меня остановило, видимо, опять моя интуиция подключилась. Вчера, после приезда с дачи, я долго грелась в горячей ванне. У меня было отличное настроение и сознание того, что я сделала что-то очень важно. И еще мне очень понравился разговор с Петром Петровичем. Его слова, что я «умная девочка», что со мной «можно иметь дело». Ну, и его прощальные слова на станции. А в свертке может быть что угодно. И я решила отложить его до утра. Не хотела чем-то перебивать свой маленький, личный триумф.

За ночь я отлично выспалась и сейчас, допивая кофе, смотрела на этот «таинственный артефакт». Хотела сначала просто разрезать скотч ножницами, но испугалась, что могу повредить содержимое. Взяла канцелярский нож и самым кончиком острого, как бритва, лезвия стала аккуратно надрезать упаковку. Наконец, скотч и несколько слоев серой толстой бумаги лежали грудой на полу, а передо мной на столе стояла обычная картонная коробка. Я подняла и отложила в сторону крышку. Сверху лежал обычный CD-диск в тонком прозрачном футляре. Прямо на нем маркером было написано одно единственное слово. «Инге». Под диском — еще стопка из пяти таких же дисков, перетянутая резинками. На дне коробки — какой-то бесформенный предмет, завернутый в белую ткань. Я взяла его в руки. Тяжелый. Аккуратно развернула ткань. Пистолет. Настоящий черный пистолет! На нем надпись: «Вячеславу Николаевичу Кошкину за многолетнюю безупречную службу». Аккуратно положила его на стол и, обхватив голову руками, откинулась на спинку стула. Уф... В моем доме появилось оружие. Спасибо вам, Вячеслав Николаевич, удружили!... Так, надо его куда-то спрятать. Сейфа у меня нет, тайников тоже. Ага, вот. Пусть пока полежит в книжном шкафу, за книгами. Я снова села за стол. И вдруг, словно ведро ледяной воды кто-то вылил на меня! Я вспомнила слова генерала Колесникова, когда он приезжал ко мне. Что он там говорил про пистолет? «Пистолет вот только наградной успел гад продать. Представляешь? Наградной пистолет отдал за ящик водки! Говорит, мужик какой-то незнакомый купил!». Точно! Именно так он мне и сказал, когда рассказывал про задержание убийцы. То есть, что получается? А то, что Колесников сказал мне неправду. Или ему сказали неправду, а он передал ее мне. Что мне делать? На глаза попался диск с надписью «Инге». Притащила из комнаты ноутбук. Через минуту на экране я увидела Кошкина. Он сидел за столом. Как всегда, серьезный и собранный. Одет в знакомую мне безрукавку, а вот под ней не традиционный свитер, а вполне приличная темно серая рубашка. Он пока молчит и что-то делает с компьютером, отчего изображение иногда дрожит и сдвигается то вправо, то влево. Наконец он садится прямо, смотрит в камеру. Перед тем, как начать говорить, подносит ко рту свой стакан в подстаканнике, с чаем, и делает несколько глотков. Ставит стакан на стол, и я слышу, как звякает ложечка. Начинает говорить... Я слушала его голос и постепенно понимала, что

влипла в очень, очень, очень неприятную историю. Мне стало страшно и очень одиноко. Появилось чувство полной, абсолютной незащищенности и бессилия. Иногда мне хотелось просто выключить запись, собрать все диски, пистолет и выкинуть к черту, и все забыть! Но я досмотрела до конца и потом долго-долго сидела неподвижно и смотрела в одну точку.

22.

« Инга, здравствуй. Два момента. Плохой и хороший. Плохой — это то, что я, видимо, уже закончил свой жизненный путь. Хороший — это то, что ты смотришь эту запись. Это значит, что мой расчет оказался верным, и я в тебе не ошибся. Я знал, что ты правильно пойдешь по следу, что тебе хватит сообразительности и смелости. Сейчас я закончу запись, упакую диски и пистолет в коробку, и отнесу моему другу Пете. Здесь, в доме оставлять все опасно. Видишь ли, я обнаружил, что за моей дачей следят. Не буду объяснять тебе подробности, но это так. Я хочу тебе рассказать о том, о чем не успел, о чем собирался рассказать позже, да видимо, теперь, не получится. Это касается Крысы. Да-да, все дело в нем. Я хочу рассказать, как однажды встретился с ним. Лично. Это было в конце нулевых. Крыса неожиданно позвонил мне на домашний номер и предложил встретиться. Голос у него был какой-то сдавленный, шипящий. Встретится предложил на следующий день. В Питере. Там на Васильевском острове на девятой, по-моему, линии есть небольшое кафе, где подают блюда грузинской кухни. Вот название кафе не помню, извини. Крыса предложил там встретиться при условии, что я буду один и не буду делать никаких попыток его задержать. Я понимал, что он предпринял все меры предосторожности и что убивать меня он не собирается. Он мог это сделать уже много раз. Поэтому я решил играть в открытую. На встречу поехал один, без оружия, без поддержки, без всяких камер и микрофонов. Даже мое руководство ничего не узнало об этой встрече. Крыса предусмотрел все и назначил встречу на выходной день. Он сказал, что заказал столик на мое имя, представляешь, какой наглец? Я приехал в Питер утром, немного побродил по городу, потом взял такси и поехал на Васильевский. Кафе нашел сразу. Оно мне очень понравилось — небольшое, уютное. Столик, заказанный на мое имя, был в углу, у окна, за небольшой ширмой. Я приехал чуть раньше назначенного времени. Официант сразу принес бутылку Саперави, два бокала и хачапури — такой пирог грузинский. Все это было очень кстати, я устал с дороги и замерз, пока гулял по городу. Я пошел в туалет помыть руки, а когда вернулся, Крыса был уже за моим столиком. Я поздоровался, сел напротив него. Пару минут мы просто молча смотрели друг другу в глаза.. Точнее это он смотрел мне в глаза, а я смотрел на стекла его темных очков, которые он не снимал. Темно-серая кепка, зеленая куртка, похожая на армейскую. Небольшая рыжая борода и усы. Потом он заговорил. Меня опять поразил его голос — тихий, сдавленный, почти шепот. Он поблагодарил меня за то, что я приехал, и за то, что приехал один. Потом он разлил вино по бокалам, и мы выпили « за встречу», как он выразился. Честно говоря, я опасался, что Крыса не пойдет на встречу, а пришлет кого-то вместо себя. Но чутье подсказало мне, что это он, тот самый зверь, за который я веду

охоту уже много лет. Я спросил, что у него с голосом. Он ответил, что горло повреждено. Он еще задал несколько дежурных вопросов, вроде «как доехали?» и «как самочувствие?». Я решил перейти к делу и прямо спросил, чего он хочет? Зачем он вызвал меня в Питер? Он ответил не сразу. Налил еще вина. Потом он сказал, что решил отойти от дел, завязать. И исчезнуть навсегда. Но его очень сильно заботит то, что мы идем по его следам, и круг постепенно сужается. Он сказал, что уже не молод, силы уже не те. Кстати, Инга, помнишь? Мы с тобой об этом как-то говорили! Я в то время еще курил. Достал пачку сигарет, предложил ему. Он, молча, жестом отказался и показал на свое горло. Потом он предложил мне сделку. Он сдает мне своего сообщника в нашем ведомстве, причем не просто называет имя, а предоставляет не убиваемые улики, а я максимально сокращаю активность по поиску, торможу процесс и со временем просто кладу его дело на полку. Я сразу отказался. Дальше он сказал, что хотел предложить мне деньги, крупную сумму, за мое бездействие, но уже не видит смысла. Я спросил его, зачем он все это делает, зачем убивает людей по собственной инициативе? Знаешь, что он ответил? Что ему скучно. И что он больше ничего не умеет. Что ему нравится взять в разработку какого-то бандита или чиновника, и потом его «исполнить». Так и сказал, «исполнить». Я спросил, почему он до сих пор не убил меня? И не закрыл навсегда вопрос? Он ответил, что это слишком просто, что я сильный противник, а он уважает сильных и честных противников. А потом усмехнулся и добавил, что всегда успеет это сделать. В любой момент. Потом я спросил про его сообщника. Ведь если мы работаем успешно, значит, его крот бездействует, не помогает ему? Он ответил, что крот стал слишком жадным и обходится все дороже. К тому же, он в последнее время все активнее использует свое служебное положение в личных целях и есть риск провала. Очень рискованный и неосмотрительный. Потом я спросил, что он будет делать дальше? Какие у него планы? Он в ответ мог сказать мне, что угодно. Но сказал, что у него осталось одно очень важное дело и все, он уходит. И еще добавил, что если он поймет, что ему грозит реальная угроза, то он уберет всех, кого сочтет нужным убрать. Включая случайных, посторонних людей. Как свидетелей. Мы выпили еще вина и несколько минут молчали. Я сказал, что ни смотря, ни на что, все равно его поймаю, рано или поздно. А он в ответ расхохотался. Только смех его, из-за горла, больше был похож на громкое шипение. «Нет, - говорит, - ничего у тебя не получится, Кошкин. Ты – Кошка. Ты разве не знаешь, что есть обычные кошки, что ловят мышей, лягушек, мух, а есть крысоловки? Элита. Их очень мало. Они не размениваются на мелочь, они охотятся за главным трофеем! А ты – обычная кошка. У тебя нет таланта, я тебе не по зубам!». Я эти его слова хорошо запомнил.

Потом он сказал, что ему пора. Его последние слова были о том, что он оценил мое благородство. Я мог заблокировать хоть весь район, накрыть кафе и взять его, но я этого не сделал, а сдержал обещание и пришел один. Он сказал, что «теперь он мне должен» и при случае не забудет об этом. Потом вдруг взял со стола мою зажигалку, внимательно рассмотрел и положил в карман куртки.

Сказал «на память!». Я сказал, что не могу отдать ему зажигалку, это очень дорогая для меня вещь. А он усмехнулся, встал и просто ушел. И все. Больше я его не видел. Я, в принципе, догадывался, что разговор может так сложиться. Вот чего мне точно жалко, так это зажигалку! Память. Жена подарила на юбилей свадьбы. Такая блестящая, с крышкой. С одной стороны звездочка красная, а с другой гравировка «Моему Славику с любовью!». Да... Ну, а дальше я вернулся в Москву. А потом убили того самого «дядю Колю», про которого ты писала. Помнишь? Мы всей группой летали в... «Ленинск», так ты назвала тот город? Где «дядю Колю» исполнили? А потом меня стали активно провожать на пенсию. Я какое-то время сопротивлялся, потом Катя умерла, жена... Плюнул я и ушел. А через год примерно, мне на дачу подбросил кто-то пакет, а в нем диски. А на дисках те самые улики на крота, о которых говорил мне в Питере Крыса. И все я сразу понял. Все стало на свои места. Я и раньше подозревал, а теперь... Дальше, Инга, слушай меня очень-очень внимательно! Крот — это человек, которого ты очень хорошо знаешь. Это генерал Колесников Виктор Сергеевич! Мой ученик, мой сотрудник, мой бывший подчиненный. Скорее всего, это именно он способствовал моему уходу на пенсию. Он после меня возглавил группу по поиску Крысы и, естественно, постепенно остановил всю работу. Возможно, Крыса его шантажировал, и не убирал его только потому, что ему очень был нужен такой человек в нашем ведомстве. Ты очень умный человек, Инга, и должна понять, что голословных обвинений я бы делать не стал. Можешь посмотреть то, что на других дисках. У меня еще есть доказательства, но предоставить их я уже не успею. Думал собрать полноценную доказательную базу и сдать Колесникова, но видишь, как получилось? Не хватило времени. Дальше у тебя два пути: либо избавиться от улик, все забыть и жить как жила, либо... В общем, тебе решать. Ты взрослая, очень умная и очень смелая. И не спорь! Я за свою жизнь научился разбираться в людях. Теперь по поводу пистолета. Можешь от него избавиться. Можешь оставить, но с соблюдением максимальных мер осторожности. С собой не носи без надобности, смотри, чтобы посторонние не увидели случайно. Каждый раз после того, как прикасаешься к нему, тщательно протирай тряпкой, чтобы на нем не оставались твои отпечатки пальцев. Тогда, в случае чего, сможешь сказать, что тебе его подбросили. Помни, что во многих местах массового скопления людей установлены металлоискатели, заранее планируй маршрут. Кстати, извини за тот небольшой спектакль с контрольным вопросом, который тебе задал мой друг Петя! Если бы ты стала говорить о реальной опасности, о наших с тобой соображениях, он не должен был отдавать тебе коробку. Я не знаю, что ты ответила, но если ты меня слушаешь, значит, ты ответила правильно, не разгласив важную и опасную информацию. И запомни самое главное: пока о содержимом этой коробки знаешь только ты, ты в полной безопасности. Как только ты дашь ход этой информации, ты в опасности, будь максимально осторожна и аккуратна! Так, кажется все... Ничего не упустил... Да, спасибо тебе, Инга, за все. И прости, что втянул тебя в эту историю! Честь имею!».

Он встал из-за стола, вышел из кадра. Изображение опять дрогнуло, и за-

пись кончилась.

23.

Первая в этом году оттепель. На улице около нуля, сырость. На меня в такие периоды сразу нападает какое-то простудное, тягостное состояние. Вроде, радоваться надо — скоро весна! Но я уже несколько дней живу, словно на автопилоте. Ем, сплю, езжу в универ, добиваю диплом, захожу в магазины, отвечаю на редкие телефонные звонки. Но все это происходит как будто не со мной, а с моим двойником, репликой. Мое сознание как бы разделилось на две части. Одна часть живет обычной, повседневной жизнью, с делами и заботами, какими-то бытовыми мелочами, а вот вторая часть замерла и постоянно вопрошает: как такое может быть? Что мне теперь делать и как жить дальше?! Я понимаю, что сейчас я стою перед очень сложным выбором. И мне надо принять решение, от которого, может быть, зависит вся моя дальнейшая жизнь. Я первый раз в такой ситуации и я не знаю, как мне поступить! Я не могу ни с кем посоветоваться, ведь придется рассказать все, что мне известно. А это значит, что я могу подставить под удар других людей. Подвергнуть их жизни опасности! Я не готова брать на себя такую ответственность. Можно, конечно, постараться и в одиночку попытаться что-то разузнать. Но как? Что, что я могу? Я даже не знаю, с какой стороны подступиться! Обратиться в полицию? А смысл? Если Колесников действительно замешан в этом деле, то... А как же тетя Марина, Глеб? Что будет с ними? Я вообще, имею моральное право вот так вот вламываться в их жизнь и менять ее? Или же я могу оставить все как есть, избавиться от улик и продолжать жить, как ни в чем не бывало, стараясь все позабыть, как ночной кошмар. А как быть с дядей Витей? С тем, что он, по словам Кошкина, предал его? А следовательно, может быть причастен и к его убийству? Как я смогу смотреть ему в глаза, разговаривать с ним? И еще. Я все же не была до конца уверена в виновности Колесникова. Ну не укладывалось у меня такое в голове! Может, поэтому я тянула время и ходила по кругу... Все это безостановочно кружилось у меня в голове и я, уже который раз, была вынуждена признаться самой себе, что я не знаю что делать! Каждый мой дальнейший шаг казался мне неверным. Это была самая настоящая безвыходная ситуация, в которой любое решение ошибочно и опасно. И я прекрасно понимала, что бесконечно это продолжаться не может, что я просто сойду с ума, если на чем то не остановлюсь! Чтобы принять решение, мне нужна была какая-то точка опоры, какой-то якорь, основа. От чего можно было, спокойно все взвесив, оттолкнуться и двигаться дальше! Но за что мне зацепиться, где найти твердую почву под ногами, где на время укрыться от неуверенности, слабости, неопределенности? Где набраться сил? А ведь еще каких-то полгода назад я и подумать не могла, что попаду в такой переплет! Писала себе в блог детские рассказы и стишки, делала переводы богатым заказчикам, помогала студентам-лоботрясам с курсовиками и рефератами. Как же было хорошо, спокойно! Но ничего не происходит просто так. Это все просто очередной жизненный этап. Надо просто через него пройти, пережить, перетерпеть. И все будет хорошо! Но сейчас надо принять решение! Сегодня или никогда! Откладывать

больше нельзя! Надо закрыть вопрос и никогда к нему не возвращаться!..

Я поплелась на кухню, надо было поесть, выпить кофе. На улице уже вечерело, в воздухе висела та самая противная влажная дымка, которая бывает в городах во время оттепелей. Сквозь нее размытыми желтыми и оранжевыми пятнами пробивался свет фонарей. Под столом, вдоль стены стояли банки с соленьями-вареньями, которые недавно привезли мне родители. Я опустила на корточки, и, осмотрев свои запасы, выбрала баночку маринованных грибов. Отрезала кусочек хлеба и ложкой, прямо из банки стала есть. Почему-то, вдруг, вспомнила, как в детстве ездили с родителями за грибами. Объявлялось шутовское соревнование, кто больше наберет. Я, конечно же, всегда выигрывала! Правда, потом мама тайком выбрасывала половину моих грибов — среди них было много поганок и мухоморов. А самые красивые, самые большие грибы почему-то всегда попадались папе. Да, давно это было... Я уже съела почти половину всех грибов, как вдруг мне пришла мысль позвонить папе. Да, именно ему! Обычно, я звонила маме, и мы с ней обсуждали все вопросы, делились новостями. Но сегодня сейчас я чувствовала, именно что папа может мне помочь! Только надо заранее решить, что и как говорить, о чем спрашивать.

– Пап, привет!

– Ооо! Привеет! Привет, детеныш!

– Как дела, чем занимаетесь?

– Мама в доме — там к ней подруга в гости приехала, а я вот у себя, в гараже. Увидел в интернете, как самому сплести рыболовную сеть и вот, пробую. А летом испытаем вместе, хочешь?

– Ага, здорово!

– Только ты никому! Молчок! А то еще обвинят в браконьерстве!

– Клянусь молчать!!

– Ну, молодец! Как у тебя дела?

– Да, вот, все учеба, учеба...

– Потерпи! Немного осталось!

– Слушай, хотела с тобой посоветоваться. Есть время?

– Да, конечно! Слушаю тебя!

– Представь ситуацию, что ты попал в безвыходное положение. Точнее, не совсем безвыходное, а есть только два возможных выхода. Но оба тебя не устраивают. Оба не подходят. Возможности найти третий выход нет. Твои действия?

– Вот это ты вопросы задаешь... Что-то случилось? У тебя все в порядке?

– Да, нет! Все в порядке! Просто мы тут с друзьями поспорили, что правильно, а что нет.

– Можно чуть конкретнее? Исходных данных маловато!

– Предположим, что один мой очень хороший знакомый, мой друг, скрылся

с места ДТП, которое произошло по его вине и серьезно пострадали люди. Полиция его не нашла, и он живет, как ни в чем не бывало. А я случайно узнаю, что он виновен и ко мне, опять же случайно, попадает видеозапись аварии, где все четко видно. У меня есть два выхода. Первый — ничего не говорить и продолжать общаться с ним дальше, осознавая, что он виноват в страданиях, а может даже и гибели людей. Либо просто взять и сдать его полиции, зная, что его, скорее всего, посадят на долгий срок. Это, как бы модель ситуации! Ты не подумай, что что-то произошло, просто спор такой вышел! Как бы ты поступил?

– Тут надо смотреть, почему он скрылся с места ДТП? Ведь, согласишься, есть разница, когда, испугавшись, убегает мажор, который под воздействием алкоголя или наркотиков на дорогой папиной машине сбил пешеходов, либо простой трудяга, который ехал домой после суток работы и осознавший, что если его посадят, то его семья окажется на грани нищеты. Твой знакомый ближе к какому типу?

– Ну... Примерно посередине.

– Как бы я поступил... Как бы я поступил... Знаешь, я бы собрал, как можно больше фактов об аварии, узнал о состоянии пострадавших и очень серьезно бы поговорил с этим человеком. Доносить на него я бы не стал. Я бы отдал ему запись и постарался бы его убедить самому честно во всем признаться. А если бы не получилось — порвал бы с ним все отношения. Вот так бы я поступил.

– То есть, ты нашел третий выход из ситуации!

– Ну, может и так! У тебя точно все хорошо?

– Все отлично, спасибо тебе большое!

– Да не за что, детеныш! Когда к нам приедешь?

– Пока никак! Может, на майские.

– Ну, смотри. Особо себя не перегружай, не забывай про отдых, гуляй на свежем воздухе.

– Хорошо-хорошо, папуля! Я побегу, ладно? Дел куча!

– Не смею задерживать. Мы тебя целуем!

– Пока!

24.

Хм... А, в принципе, почему бы и нет? Все-таки попытаться что-то разузнать, а потом поговорить с дядей Витей. Ну, не станет же он меня убивать, если виновен! Как свидетеля! Или станет? Эх, дядя Витя.... Так, ну хорошо, а что делать дальше? С чего начать поиски? Как там говорил Пашка в прошлый раз? «Думай, вспоминай, каждая мелочь может быть очень важной». А что я, собственно ищу? Подтверждение виновности Колесникова? Все, что у меня есть — несколько дисков с видеозаписями, где Колесников встречается с незнакомыми мне людьми и получает от них деньги. У меня есть запись, где Кошкин обвиняет генерала и ссылается на какие-то «важные доказательства, которые он не успел предья-

вить». Но этого не достаточно. Нужно что-то еще, более весомое. Может, Пашке позвонить? Но тогда придется ему все рассказать, в том числе и про пистолет. Пистолет! Я вдруг вспомнила, что говорил Кошкин. Достала пистолет из-за книг, развернула тряпку и несколько минут рассматривала его. Надо же, настоящий пистолет! Я не удержалась и немного покривлялась с ним перед зеркалом! Девочки есть девочки! Надо будет научиться с ним обращаться, стрелять, заряжать. Я тщательно протерла пистолет тряпкой, в нее же завернула и убрала поглубже за книги. Потом пошла на кухню и сварила кофе. Так, про работу Колесникова с Кошкиным я ничего не знаю. Про взаимоотношения Крысы и Колесникова я знаю, очень мало и то, только со слов Кошкина. И здесь пытаться что-то самой разузнать бесполезно. Так, что еще? Убийство Кошкина. А вот здесь, пожалуй, можно поискать. Я, со слов Колесникова, знаю общую картину. Это раз. Я знала жертву. Кошкина. И общалась с ним за несколько дней до убийства, а в ночь убийства он прислал мне голосовое сообщение. Это два. Я сама видела главного подозреваемого, Гену. Это три. Я говорила с соседкой Кошкина по даче. Это четыре. Здесь надо копать, как сказал Петр Петрович. Я еще раз вспомнила, как мы пили чай с Валентиной Николаевной. Ее аккуратный уютный домик, пироги, ее рассказ про соседа и про то, как она испугалась накануне и в ночь убийства. Ее напугал незнакомец, который крутился возле дачи Кошкина. А почему напугал? «А этот, сразу увидела, чужой! А смотрит — ну, прям, сатана! Сам невысокий, коренастый — бандит, одним словом!» Я вспомнила ее слова и попыталась его представить. И вдруг!.. Мама дорогая!.. А не Беглов ли это был?! Невысокий, коренастый, взгляд исподлобья, пристальный, немигающий... Очень похож. Тихо... Тихо... Предположим, что незнакомец это Беглов. Это что же получается? На Новый год Колесников узнает от меня про догадки и опасения Кошкина. Опасаясь разоблачения, он дает задание Беглову изъять улики с дачи Кошкина. Беглов следит за домом и его видит соседка. На следующую ночь бомж Гена проникает в дом и устраивает там обыск, маскируя все под обычный грабеж. Но его застает Кошкин и Гена его убивает. Гену задерживают, находят украденное, получают его чистосердечное признание и он гибнет по дороге в СИЗО. Вот такая получается схема. Но меня смущает два момента. Какая связь между Бегловым и Геной? Они что, знакомы? И я очень сомневаюсь, что Гена был способен на убийство. Нет, что-то не получается, что-то не так... А если предположить, что именно Беглов проник в дом, устроил там обыск, убил Кошкина, когда тот его застал? Потом взяли первого попавшегося под руку бомжа и повесили все на него? А потом убили по дороге в СИЗО? Вот тогда все складывается в единую картину. Это как пазлы! Признание Гены? О том, что оно вообще было, я знаю только со слов Колесникова. Может, его и не было вовсе! Кто там будет слушать оправдания какого-то бомжа? Тем более если ситуация находится под контролем генерала МВД Колесникова? Да, пожалуй, все так и могло произойти! И еще один момент: голосовое сообщение от Кошкина в ночь убийства. Скорее всего, он почувствовал опасность и решил что-то мне сообщить, но времени не хватило. А почему не хватило? Потому, что все произошло быстро.

Предположим, что откуда-то возвращается и, не заходя в дом, слышит шум, видит свет фонарика. Ясное дело, что он не стал бы лезть на рожон, а вызвал бы полицию. Предположим, что он зашел в дом и только потом увидел грабителя. Тогда бы у него точно не осталось времени на сообщения. Что же остается? А вот что! Кошкин был в доме, когда грабитель стал открывать дверь, и, услышав шум, успел отправить мне сообщение. Потом, видимо, была короткая схватка и он был убит... Да. Теперь все точно встало на свои места. Осталось только проверить, что незнакомец это точно Беглов. Есть только один человек, кто скажет, так ли это. Соседка Кошкина. Надо показать ей фото Беглова. Но где его взять, это фото? Можно в интернете поискать! Я села за ноутбук и ввела в поисковик «Майор Беглов». Интернет выдал мне массу разных физиономий, но все не то. Так, попробую «Константин Беглов». Опять не то. «Майор Константин Беглов», «Майор Беглов Москва», «Костя Беглов», «Беглов Костя», попробовала даже «Костян Беглов». Весь остаток вечера я убила на то, что искала фото Беглова по всему интернету, в соц.сетях. Тысячи физиономий, а нужной я не увидела! В итоге у меня дико разболелась голова, и я решила пойти прогуляться. Надо было сделать небольшой перерыв, перевести дух. Это часто помогает, когда заходишь в тупик. Решила заодно зайти в супермаркет, купить какую-нибудь вкусняшку. Почему-то очень захотелось мороженого.

25.

Оттепель немного отступила. Сейчас, поздним вечером, вернулся легкий морозец. Ветра не было и погода была просто замечательная – как раз для прогулок, чтобы проветрить голову и успокоиться. Я пошла дворами в сторону большого торгового центра, где в цокольном этаже был большой супермаркет, работающий круглосуточно. Торопиться мне было некуда. Я не спеша обходила не до конца еще замерзшие лужи и с наслаждением вдыхала морозный воздух. Вдруг вспомнила, что за весь день не было ни одного телефонного звонка. Так и есть, телефон разрядился. Ведь хотела после разговора с папой хотела поставить на зарядку и забыла. В голове все же крутились отдельные мысли. Беглов или нет? Где взять его фото? Может, подкараулить его у работы и тайком снять на телефон? Рискованно. Наверняка заметит. Попросить у дяди Вити? Сразу начнет интересоваться зачем. Тоже не вариант. Может, глупость, конечно, Валентину Николаевну сюда привезти и показать ей Беглова издалека? Она очень сильно напугана, ни за что не поедет. Размышляя таким образом, я дошла до магазина и долго стояла перед витриной, выбирая мороженое. Решила взять большой брикет самого обычного пломбира. Очень удобно. Достоешь его из морозилки, отрезаешь, сколько тебе надо и пожалуйста! Хочешь с ягодами, хочешь с вареньем, хочешь с шоколадной посыпкой, а хочешь просто так, без всего! Кроме мороженого купила молока, овсяных хлопьев и десяток яиц. С утра либо овсянку сварю, либо омлет приготовлю. Уже дома, поедая мороженое, вдруг представила реакцию Анютки, если бы она сейчас меня увидела! «Сумасшедшая! Мороженое на ночь! Ты что, хочешь стать как я?» Помимо фанатичной преданности своей профессии, Анютка так же самоотверженно сражается с лишним весом.

Но ей постоянно мешают. То в кафе друзья позовут, то в гости. То корпоратив какой, то презентация. Так и сражается на оба фронта! А у меня такой проблемы нет, и я не спеша смакую каждый кусочек. Мммм... Как же давно я не ела мороженого... Последний раз – еще в Новогодние каникулы. Точно, в кафе, когда ждала этого «майора». И тогда он тоже меня немного напугал. Эх, вот тогда бы его сфоткать на телефон незаметно... Но, кто ж знал? Так! Стоп! В кафе наверняка есть камеры наблюдения и, возможно, сохранились записи. Вот откуда можно добыть его изображение! Ура! Все-таки расследование продолжается! Я доела мороженое, сходила в душ и легла спать с сознанием, что голова у меня все-таки соображает и я потихонечку, шаг за шагом, но двигаюсь вперед! Через пять минут: нет, все таки, голова у меня дырявая. Телефон забыла поставить на зарядку! Встаю, иду в прихожую, достаю из кармана пуховика телефон. Потом ищу зарядник. Вот. Теперь точно все. Спать.

26.

Утром пью кофе и жду, пока сварится овсянка. Изучаю список вчерашних пропущенных звонков на телефоне. Пашка опять звони, Анютка два раза набирала, руководитель моего диплома — вот это важно! Ого, он еще и два сообщения мне прислал. Ждет меня сегодня в одиннадцать. Надо ехать! А потом в то самое кафе и попытаться раздобыть записи. Я позавтракала, собралась и поскакала. В универе пришлось задержаться — кое-что в дипломе требовало дополнительной проработки, но мой руководитель, Ильич, очень интеллигентный и совсем еще молодой дядечка, быстро вник в детали и мы расстались, договорившись о следующей встрече. Теперь в кафе. Пока ехала в трамвае, думала, как же все устроить? Но, в конце концов, приняла решение действовать по ситуации, импровизировать! Я на месте. Заказываю капучино и сажусь за то же столики, что и в прошлый раз. Вскоре ко мне подходит официант, очень стеснительный парень и очень осторожно ставит передо мной чашку. Я прошу его на минутку задержаться и помочь мне. Объясняю, что в прошлый раз, когда я была здесь, у меня пропала папка с документами. Молодой человек сразу переводит стрелки на администратора. Прошу позвать. Женщина лет сорока с очень тяжелым, недоверчивым взглядом. Объясняю ситуацию. Интересуюсь, можно ли поднять записи и посмотреть. Выясняется, что «записей тут нет. Они все в офисе. Из всех наших кафе». Постепенно понимаю, что есть некий офис, где сидит руководство всей сети этих кафешек. И там же, по все видимости, есть что-то вроде сервера, куда поступают данные со всех камер, из всех кафе. То есть какой-нибудь директор, или управляющий в любой момент может подключиться к любому кафе и посмотреть, сколько посетителей, как их обслуживают. Администратор предупредила, что все данные с камер руководство дает только по официальному запросу полиции. Вот так! Приплыли. Я допиваю свой капучино, выхожу из кафе и медленно бреду в сторону метро. Опять тупик. А может, все же съездить к ним в офис и попытаться так, без полиции, решить вопрос? Может денежек там дать программисту или менеджеру какому-нибудь? Нет, рискованно. Так, а что, если... Я даже остановилась внезапно и идущая за мной женщина едва не вре-

залась в меня. А что, если, как в кино? Найти хакера, который взломает систему и добудет, что мне нужно? Интересно, это возможно или нет? Но где мне взять такого хакера? Есть, конечно, в интернете масса предложений по добыче информации, но за это, обычно, просят слишком много денег и часто обманывают. Да и посвящать посторонних в свои дела мне очень не хотелось. Я перебирала в уме всех своих знакомы, кто более-менее соображает в компьютерах, но все они казались мне не достаточно «продвинутыми». Так, а Глеб? Глеб Колесников, вот кто мне нужен! Но я тут же осеклась. Как-то не очень этично привлекать его к поиску улики против его же отца. Но женский ум — страшная вещь, я тут же нашла лазейку.

– Алло, Глеб, привет! Это Инга Калинина!

– О!... Привет...

– Ты что, спишь? Я тебя разбудила?

– Да не, я так... немного..

– Слушай, мы тут с друзьями поспорили, можно ли с удаленного компа получить данные с камер наблюдения, которые хранятся на сервере?

– Не понял... как это «камеры на сервере»?

– Да не камеры, а данные с камер. Ты, давай, просыпайся!

– Ну, я думаю, можно.

– А ты не знаешь, есть такие спецы? Может, у тебя кто из знакомых?

– Очень надо? – Глеб, похоже, проснулся.

– Очень.

– Телефон не отключай. – И все.

Я недоуменно пожала плечами, еще минуту подождала, вдруг он перезвонит. Нет, тишина. Я поехала домой и всю дорогу пыталась понять, что он имел в виду? «Телефон не отключай». То есть, мне надо всегда быть на связи, в зоне доступа. Он, наверное, с кем-то сейчас свяжется, узнает, можно ли помочь? Ладно, наберемся терпения. Я приехала домой и стала делать то, что делаю крайне редко, а именно готовить еду. Настоящую. Не фастфуд, не то, что привозит курьер, а настоящую, домашнюю еду. Я решила сварить хороший куриный суп-лапшу. Вообще, готовить я люблю, но в последнее время делаю это крайне редко. За готовкой совсем не заметила, как пролетело время. Ближе к вечеру зазвонил телефон. Незнакомый номер.

– Алло?

– Это вам нужна помощь с компьютерами? – голос совсем юный. Будто школьник-старшеклассник.

– Да.

– Мне уже объяснили что нужно. Адрес, где установлена камера? Дата и время? Что ищем?

Я назвала название кафе — точного адреса не вспомнила, примерное время встречи. Так же сказала, что нужно четкое изображение мужчины, который разговаривает с девушкой за столиком у окна.

– Сколько я вам должна?

– Нисколько. Друзья моих друзей — мои друзья. Нужно видео, или скриншот будет достаточно?

– Как получится.

– Понял. – Отключился.

Нда... Компьютерщики немногословны. Вообще, интересные люди. Они, словно, срстаются со своими железяками и становятся наполовину роботами. Возможно, тело еще напоминает человека, но вот мозг точно превращается в мощный процессор. В бытовых, каких-то жизненных ситуациях такие люди часто беспомощны, но как только их пальцы касаются клавиатуры — они всемогущи. И это, кстати, касается не только хакеров. Сколько примеров в истории, в литературе, когда гениальные ученые, врачи, композиторы в повседневной жизни ведут себя практически, как дети. Они рассеяны, не могут сделать какие-то элементарные вещи, часто замкнуты и неразговорчивы. Но, стоит им очутиться в своей среде, как им нет равных! И... это здорово! Да, здорово, что есть такие чудачки, которые своей некоторой нелепостью, экстравагантностью разбавляют общую серую картину. Мои размышления прервал телефон. Пришло сообщение. С какого-то неизвестного номера. Открываю вложенные файлы. Несколько изображений. Оперативно! Вот я сижу одна за столиком. Вот разговариваю с Бегловым. А вот снимок с камеры, которая стоит на входе в кафе. Здесь Беглов в тот самый момент, когда заходит внутрь. Лицо крупным планом. Камера чуть выше и левее, но ошибиться невозможно. Точно он. Перекинуть файлы на ноутбук и распечатать — дело одной минуты. Ну, что, теперь дело за малым. Надо показать эти снимки соседке Кошкина. И если она опознает в Беглове человека, который следил за дачей Кошкина накануне убийства, то ... А что тогда? Пока не знаю. Но сделать это надо обязательно и чем быстрее, тем лучше! Завтра надо ехать.

27.

Надо ехать. А как же с моим обещанием быть осторожной и аккуратной? Первое мое появление на даче Кошкина как-то еще можно объяснить приступом ностальгии, грустью после смерти знакомого человека. Повторное же мое появление может вызвать подозрение, что я пытаюсь что-то разнюхать. Говорил же мне Петр Петрович, чтобы я больше не приезжала, а он зря слов на ветер не бросает. Видно, что-то подозревает, понимает, что в истории с убийством слишком много нестыковок. Как там они говорят: «Шито белыми нитками?». Соседи Кошкина все друг друга знают и наверняка поползет слух, что я приезжала и что-то пыталась разузнать. Та же Валентина Николаевна, женщина очень общительная, проболтается, а когда буду идти от станции до ее дома, многие увидят меня в окна. Но ехать надо. Не обсуждается. Как быть? А может, кого-нибудь вместо себя отправить? Да, видимо в этот раз мне не обойтись без посторонней

помощи. А кандидатура на роль помощника у меня была только одна.

– Алло! Пашка, привет!

– О! Калинина объявилась! Где пропадала?

– Да все дела какие-то, диплом штурмую, все бегом-бегом, времени не хватает!

– Ну, как я и сказал, загнанная лошадь! А кстати, как ты тогда съездила? Узнала что-нибудь? Я ей звоню, звоню, а она даже перезвонить не соизволила! Не стыдно?

– Стыдно, Пашка, ой как стыдно!

– Ладно, я на тебя не обижаюсь! Ну, чего накопала?

– Да, практически, ничего. Все то же самое. Подтверждается официальная версия.

– А чего тогда звонишь?

– Паш, ты мне друг?

– Допустим.

– Паш, мне помощь твоя нужна.

– Ага, ясно. Слушай, Калинина, вот что ты за человек? Просто так позвонить — не дождешься! А как хвост тебе прищемит — сразу «Паша!». Ладно, говори, чего надо сделать?

– Надо завтра скататься в область. Выручишь?

– Ну, в принципе, у меня два дня выходных, можно. А что там, в области?

– Ну, по телефону не могу объяснить, не совсем удобно...

– Ладно, вечером заеду. Только с тебя ужин!

– Все, договорились!

Как все-таки хорошо, что существуют такие люди! А еще лучше, когда они — твои друзья! Пашка, мой самый лучший друг! Надежный, безотказный, прощающий мне все мои выходки! Что бы я без тебя делала? Приехал, как всегда невозмутимый, протянул пакет из супермаркета.

– Что это?

– Зашел, пива себе взял. У тебя ведь дома только вино да коньяк, а мы люди простые.

Стоит на коврике в прихожей и недовольно смотрит на меня из под вязаной шапочки, надвинутой до бровей. На голову ниже меня, полноватый, с рыжей косматой бородой он походил сейчас на какого-нибудь эльфа из фильма. Меня всегда удивляла его манера носить в зимние морозы не пуховик, не куртку, а обычный овчинный полушубок — у меня у папы такой, в деревне. А вот в межсезонье и во время оттепелей Пашка с гордостью носил настоящую военную шинель, правда, без погон. Почему он сделал именно такой выбор, для меня всегда оставалось загадкой. Когда он снял шинель и аккуратно повесил на вешалку,

то предстал в своем традиционном облики. На шее арафатка, черная кожаная жилетка, опять же черная футболка с какими-то не то рунами, не то иероглифами. Темно-зеленые брюки милитари, с большими накладными карманами. Ботинки с высокой шнуровкой снял, осторожно поставил у самой двери, чтобы посреди прихожей с них не натекло — на улице опять сыро и грязно. Раздевался и разувался он не торопясь, изредка угрюмо поглядывая на меня.

– Руки где можно помыть?

– А то ты не знаешь?! Давай, мой и за стол, у меня все готово!

Пашка сходил в ванну, помыл руки и, стоя в дверях кухни, очень серьезно и внимательно осматривал накрытый стол. Придуривается! Я успела к его приходу поджарить мясо, сварить картошку, открыла банки с огурцами и помидорами, достала грибы. Все это разложила по тарелочкам. В плетеной корзинке — свежий хлеб. Я стояла в сторонке с кухонным полотенцем в руках и изображала хозяйку, которая хлопотала на кухне и переживала, чтобы все было в порядке.

– Ну, как?...

– Годится!

Я не выдержала первая, громко расхохоталась и хлопнула его по заднице полотенцем!

– Живо за стол!

Пашка тоже было рассмеялся, но быстро успокоился. Налил мне красного сухого, а себе пива.

– Давай, Калинина, рассказывай. Только, по-порядку!

Я заранее решила не посвящать Пашку до конца во все тонкости этой истории. Во всяком случае, пока. Просто, я не знала, как он себя поведет, узнав про Крысу, про Колесникова, про пистолет. Может, он станет отговаривать меня довести дело до конца, или наоборот, станет форсировать события. Я этого не знала. Поэтому сказала, что есть одно маленькое предположение, и его надо проверить. Есть фото человека. Надо показать его одной женщине и посмотреть на ее реакцию. Не надо задавать вопросов, что-то выяснять — просто посмотреть, как она отреагирует на фото. И все. И домой. Пашка, как обычно, слушал внимательно, не перебивал. Когда я закончила, он подлил мне вина, а себе налил пива.

– А легенда у меня какая?

– В смысле?

– Ну, вот я приеду, и что я ей скажу? Просто молча покажу фото и все? Надо ведь как-то разговор начать.

– Вот это я не знаю... Может, ты сам что-нибудь придумаешь?

– Ладно, соображу. Слушай, Калинина! Знаешь, что меня больше всего смущает во всей этой истории? То, что ты мне чего-то не договариваешь. Может, расскажешь?

– Паш, не могу. Вот, честно, не могу! Давай, когда все закончится, мы пойдем в самый твой любимый бар, сядем, и я тебе все-все расскажу, «от» и «до»!

Пашка, поднял бокал и неторопливо, большими глотками, выпил до дна.

– Ладно, Калинина, черт с тобой! Но условие! Ты мне все потом расскажешь, а я тебе татуху набью! Договорились? А то не поеду!

– Ну... ладно! Договорились! Только маленькую, не как у тебя!

– Как скажешь! Я тоже с маленькой начинал, а теперь сама видишь! Пора и тебе в люди выходить! Ладно, давай адреса, пароли, явки.

Я подробно ему рассказала, как доехать до дачи Кошкина, где найти Валентину Николаевну, и отдала ему фото Беглова. Пашка пару минут смотрел на изображение, потом на меня, снова на фото. Мне показалось, что он что-то хотел сказать, но передумал. Договорились, что он позвонит сразу поле встречи с соседкой Кошкина и расскажет, как все прошло. Уходя, уже в дверях, Пашка вдруг обернулся и важно изрек:

– Знаешь, Калинина, я на тебе никогда не женюсь! И не уговаривай!

– Почему, Пашенька?

– Да потому, что с тобой не семейная жизнь получится, а сплошной триллер какой-то, шпионские страсти!

Мы опять расохотались, и Пашка пошел вниз по лестнице. Я подошла к окну и увидела, как он неторопливо вышел из подъезда, остановился, достал из кармана фото Беглова и еще раз внимательно взгляделся. Вспомнила, как он первый раз взглянул на снимок, а потом на меня. Тут зазвонил телефон. Я отвернулась от окна, чтобы ответить. Обычный рекламный звонок, девушка звонким голосом стала рассказывать про скидки, но я не стала дослушивать, сбросила. Когда снова подошла к окну, Пашки уже не было. Теперь ждать. До завтра. Я убрала со стола, помыла посуду, прибралась. Что-то опять меня тревожило, какая-то маленькая иголочка засела в подсознании и не давала расслабиться. Да, поняла. Реакция Пашки на фото. Что-то не так. Возможно, Пашка уже раньше видел Беглова, может, случайно встречал. Завтра обязательно спрощу. А пока, я решила заняться «шпионскими страстями». У меня в доме было боевое оружие, а пользоваться им я до сих пор не умела. Надо было исправлять это упущение. Оставшийся вечер я смотрела на ютубе ролики, как обращаться с пистолетом Макарова, как снять с предохранителя, как вставить обойму, дослать патрон в патронник, как целиться, как стрелять. И все думала про Пашку. От его завтрашней поездки решится очень многое. Да, надо ждать.

28.

– Алло! Пашка! Ну? Говори, не тяни!

– Поздравляю тебя, Калинина! Это он!

У меня внутри все прямо так и рухнуло. В принципе, я была готова это услышать, но все же, где-то в глубине души, надеялась на чудо. На то, что ни Колесни-

ков, ни Беглов не причастны к смерти Кошкина. Какое-то время мы оба молчали, и я слышала, как тяжело дышит Пашка.

– Калинина, ты еще здесь?

– Да, Паш, я думаю. А ты чего так дышишь?

– На станцию иду. Тут ведь не Москва – плитки тротуарной нет. А в шинели скакать по лужам не очень.

– Как все прошло?

– Слушай, давай я сейчас приеду и все расскажу, окей?

– Окей. Только я сейчас не дома, в универе. Через час освобожусь.

– Ну и нормально, я как раз доеду. Давай подгребай в Макдональдс, на Тверскую.

– Хорошо, буду.

Именно сегодня я с прискорбием обнаружила, что в моей дипломной работе появились некоторые неточности, ошибки. Руководитель, Станислав Ильич, удивленно и с сожалением посмотрел на меня.

– Калинина! Что происходит? Вы что, переутомились? Возьмите себя в руки! Ну, нельзя же так! Одна из лучших работ на курсе и такое отношение! Делайте, что хотите, но чтобы через неделю все было исправлено! Если вам нужны дополнительные консультации, вы только скажите, я выкрою время! Но так нельзя! Работайте, времени осталось не так много!

– Я работаю, Станислав Ильич! Я наверстаю!

– Идите, Калинина, и наверстывайте! Не подводите меня!

Я вышла из аудитории злая, взяла в автомате стаканчик кофе, и как раз в этот момент позвонил Пашка. Надо плотно заниматься дипломом. Это очень и очень серьезно. Вся история с генералом может подождать, куда он не денется. Кошкина не вернешь, то, что Беглов следил за его дачей уже установлено. Дальше надо взять паузу и как следует все обдумать. Не спешить, не суетиться. Но, теперь на первом месте для меня диплом. За все время учебы в универе меня никто и никогда не попрекнул, что я что-то не успеваю, что-то не дорабатываю и сегодняшние слова Ильича были весьма ощутимым ударом по моему самолюбию. Надо собраться и работать, не отвлекаясь ни на что. Но сейчас надо встретиться с Пашкой. Когда я приехала в Макдональдс, то не сразу его нашла. Пашка расположился в самом дальнем от входа углу. На столике стоял полный набор – стаканы с коллой и соком, два стакана кофе, два громадных чизбургера, два салата, две упаковки картошки фри, соусы. На отдельной салфетке лежали шоколадные маффины. Пашка, видать, сильно проголодался за время поездки, поэтому не дождался меня и уже всю лопал. Увидев меня, издали помахал рукой. Я подошла и первым делом протянула ему салфетку – в рыжей бороде у викинга застряли кусочки салата.

– На, поросенок!

– Привет, Калинина! Налетай, угощаю! Небось, с утра как рванула на учебу, так ничего и не ела? А ты чего такая злая? Случилось чего?

– По диплому косяки, надо исправлять. Ну, рассказывай!

И Пашка, не отрываясь от трапезы начал неторопливое повествование о своих подвигах. Иногда он понижал голос и заговорщицки осматривал соседние столики – как бы кто не подслушал! На дачу он приехал без проблем. А вот Валентину Николаевну дома не застал, поэтому решил немного прогуляться, посмотреть на дачу Кошкина.

– Кто-то смотрит за домом. Дорожки почищены. Помнишь, ты говорила, что там обрывки лент ограждения были? Тоже убрали.

Поголял он и пошел обратно к дому соседки, а тут как раз и она возвращается из магазина. Пашка представился ей прорабом строителей. Сказал, что его бригада строит коттедж в соседнем поселке. И что какой-то паразит украл перфоратор. И что есть «фоторобот» злодея. Так и сказал, «фоторобот». Для солидности. Валентина Николаевна, как на зло, была без очков, поэтому позвала Пашку в дом. Надев очки и взглянув на «фоторобот» она вздрогнула и запричитала: « Он! Он, антихрист! Так это, значит, он по всему поселку шарит! И куда только милиция смотрит?! Там украл, здесь убил! Да что это такое?! Если наш участковый ничего не делает, я президенту буду писать!!!». После этого, она скомкала «фоторобот» и бросила в печь.

– Насилу ее успокоил. Сказал, что сам позвоню в полицию и еще раз все расскажу. Чаю она мне не предложила, видно я такого доверия у нее не вызвал, как ты. Разговаривали в прихожей. Рассказала про ночь, когда Кошкина убили. Я спросил, кто за его дачей смотрит? Оказалось – она. Сама решила там порядок навести. Сказала, чтобы видели, что дом под присмотром и чтоб больше никто не залез. Нормальная тетка. Когда от нее вышел, смотрю – к даче Кошкина машина подъехала, и дверь в дом открыта. Ну, я подождал пару минут, никто не выходит. Я и пошел на станцию.

– А какая машина? Что ж ты ее не сфотографировал? Или номер бы хоть запомнил? Эх, Паша..

Пашка с серьезным видом полез в карман, достал телефон, что-то там нажал и положил передо мной.

– Ты, Калинина, думаешь одна такая умная?

Я посмотрела на экран телефона. Снимок дачи Кошкина и машина рядом. Черный Рейндж Ровер. Увеличив изображение, прочитала номер. Что-то знакомое. А, может, показалось. Не спрашивая Пашкиного разрешения, тут же переслала картинку на свой телефон. Пашка ничего не сказал – рот был забит едой, а лишь картинно покачал головой, дескать, вот такая наглая, без разрешения делает, что хочет!

– Молодец, Пашка! Ты очень хорошо все сделал! Настоящий суперагент!

Пашка опять молча развел руками – что есть, то есть! Он уже прожевал и

через трубочку жадно пил колу. У меня остался последний вопрос.

– Обещай, что скажешь правду, только правду и ничего, кроме правды!

– Калинина! Хватит придуриваться!

– В тот раз, когда я показала тебе фото Беглова, ты ведь узнал его? Только честно! В глаза смотри!

– Ну, узнал... Я тогда, помнишь? За пивом зашел в магазин. А к твоему дому подхожу, смотрю – а он в машине сидит. Я его почему запомнил – взгляд такой, что прямо парализует. Ну, я значения не придавал, мало ли кто там сидит. А потом ты мне фотку то показала, я и вспомнил!

– Машина какая была, помнишь?

– Черная. Может камри... Да, вроде тойота камри.

– Точно он! Но что он делал у моего дома? Следил?

– Вот это я тебе сказать не могу. Да, ладно, не напрягайся ты так! Может, просто совпадение? Лучше вот, поешь. Давай-давай! Слушай! Что дальше будем делать? У тебя есть какой-нибудь план?

– Плана нет. Я решила пока все отложить, надо диплом форсировать. Сейчас все силы брошу на него. А с этим всем потом буду разбираться. Надо все как следует обдумать.

– Ну, как знаешь. Слушай, Калинина, мне ехать надо – один клиент срочный заказ сделал. Придется в выходной пахать. Если что – звони. Давай, ешь, вот маффины, специально для тебя взял, сок апельсиновый, ну?

– Да я только у универе кофе попила, пока больше ничего не хочу.

Пашка вылез из-за стола, деловито собрал и уложил в рюкзак нетронутый чизбургер и маффины, допил колу и стал натягивать свою шинель.

– Ну, пока, что-ли?

– Пока...

Пашка неспешно побрел к выходу. Я, опомнившись, окликнула его:

– Пашка! Спасибо тебе огромное!

Не оборачиваясь, махнул мне рукой, дескать, не стоит, обращайся, если что! Я смотрела ему вслед, на его забрызганную грязью шинель и вдруг решила, что когда все закончится, я куплю ему самую крутую куртку. Милитари, как он любит. Вместе с ним поедem в магазин, и пусть сам выберет. Он, конечно, будет сопротивляться, отказываться, но я его уломаю. А эту свою шинель пусть в музей революции отдаст – там ей самое место!

29.

Итак, теперь все встало на свои места. Беглов, накануне убийства, следил за дачей Кошкина. У Кошкина были материалы, доказывающие связь генерала Колесникова с киллером Крысой. Возможно, так же у него были материалы о коррупционных действиях генерала. Теперь Кошкин убит, компромат на Колес-

никова у меня, точнее малая его часть. Остальные материалы Кошкин так и не успел подготовить. Они, скорее всего, так и остались где-нибудь на даче. Но дом наверняка уже осмотрели. Если материалы не нашли, то, видимо, они где-то в тайнике. Может, съездить и поискать? Нет, нельзя. Если те, кто убил Кошкина, ничего не нашли, то за домом могут наблюдать. А может, и за мной! Я покосилась на окно, выходящее с кухни во двор. А ведь Пашка видел Беглова рядом с моим домом! Неужели все действительно настолько серьезно? Ну, хорошо, а дальше что они будут делать? Не будут же они меня похищать и пытаться, что мне известно? Обыщут мою квартиру? Установят слежку? Да нет, вряд ли. Что они знают обо мне? То, что я пишу книгу о Крысе и что Кошкин мне намекнул про свои опасения. И все. Про посылку Кошкина они не знают, это точно. Я вспомнила про те видеозаписи на дисках. Колесников и какие-то люди. Передают ему свертки, возможно с деньгами. Звук очень плохой, слышны только отдельные слова. И все. Я опять вернулась к тому, от чего так стремилась уйти. Мне снова надо принимать важное решение. Решение, которое касается не только меня, но и других людей. И это не какая-то бытовая проблема, уже погибли два человека. Мне теперь нельзя ни с кем советоваться, просить кого-то о помощи. Я теперь сама должна выбрать, по какой дороге идти дальше. Либо все оставить как есть и со временем забыть, либо довести всю эту историю до конца! А как довести? Отправить все эти диски в полицию или ФСБ? Я представила что будет, если дядю Витю посадят. Что будет с тетей Мариной, с Глебом? А что будет с моими родителями? Для них ведь Витя Колесников очень близкий человек! Как они расстроятся, как будут переживать. И это все произойдет только потому, что я решу докопаться до истины! Имею ли я моральное право так поступить? Или же поступить так, как однажды папа посоветовал? Вызвать Колесникова на откровенный разговор, раскрыть все карты, отдать ему диски и будь что будет? Но как он себя поведет? Одно дело вместе отмечать праздники, дружить домами. И совсем другое – обсуждать такие темы! Когда на кону спокойствие семьи, карьера, богатство. Какое решение он примет? Я не знала. И я по-прежнему до конца не верила в его виновность в смерти Кошкина. Вот не верила и все! Ну не мог наш дядя Витя, которого я знаю всю свою жизнь, которого любят мои родители взять и приказать убить человека! Нет, тут что-то еще есть! То, чего я пока никак не могу понять. Чем дольше я думала, взвешивала все «за» и «против», тем яснее мне становилось, что я не оставляю все, как есть, что я буду встречаться и говорить с генералом Колесниковым и буду доводить это дело до конца. Да, именно так. И дело здесь не только в моем душевном спокойствии. Я должна была пройти все до конца ради Кошкина. Ради Вячеслава Николаевича. Ради памяти о нем. Сделать все, чтобы его гибель не была напрасной и убийцы не остались безнаказанными! « Делай, что должно и будь, что будет! ». Все! Я приняла решение. И я твердо знала, что не поверну обратно. И еще. Я почувствовала, что во мне, прямо сейчас, зародилась какая-то новая сила, уверенность. Я абсолютно не испытывала страха, он ушел вместе с неуверенностью и слабостью. Я была готова к борьбе, хладнокровная, сильная и расчетливая. Такой, по крайней мере, я сама

себе казалась! И я решила не откладывать, действовать!

– Да, Колесников!

– Алло! Дядя Витя! Здравствуйте! Инга Калинина!

– Привет, разбойница! Как жизнь молодая?

– Спасибо, хорошо! Дядя Витя, поговорить надо! Очень!

– Очень? Ну, раз надо, так надо! Только я сейчас в командировке, буду завтра утром. Разговор терпит, или прямо сейчас поговорим?

– Терпит.

– Набери мне завтра в обед. Встретимся и все решим. Лады?

– Лады.

– Ну, пока!

Так, первый шаг сделан. Теперь не отвлекаться, не раскисать. Главное теперь было – не упустить это чувство осознания своей силы. И тогда у меня все получиться. Это как в волейболе, тогда в детстве. Как там наша тренер, Наталья Николаевна, говорила? «Девчонки! Да, соперники сильнее! Но мы с вами проделали большую работу! Покажите характер! Не робейте! Вперед, задайте им жару!». И ведь срабатывало, всегда! Так, теперь нужно было подготовиться к встрече. Я сразу решила, что не буду говорить про видеозапись Кошкина ко мне и пистолет. Не буду упоминать про соседку Кошкина и Петра Петровича. Скажу, что диски мне отдал сам Вячеслав Николаевич. И про Беглова сразу скажу. А дальше, по ситуации. А на следующий день выглянуло яркое солнышко, потеплело. Я думала встретиться с генералом в кафе, но он предложил прогуляться по набережной: «Погодка то какая! Красота!». Мы, неторопясь, шли навстречу теплому весеннему ветерку, и дядя Витя дышал полной грудью и радовался теплу и свету. Он бы в отличном настроении. Улыбающийся, румяный, в элегантном пальто – он вырвался из душного кабинета и теперь наслаждался свободой. Спросил, как у меня с дипломом.

– А я с тобой посоветоваться хотел. У Глеба тоже ведь защита. Хотим ему с матерью на окончание института подарок сделать. Он о мотоцикле мечтает. Ты как думаешь?

– Я думаю, он очень обрадуется. Только скажите ему, чтобы ездил аккуратно.

– Это мы скажем, конечно! Как там, кстати, родители? Все в деревне? Надо как-нибудь всем нам собраться и махнуть куда-нибудь на море, а? Ты как?

– Я не против, очень даже не против!

– Ладно, что-нибудь придумаем! Так, а о чем ты хотела поговорить?

У меня еще была возможность все отменить, отказаться от своего плана. Я смотрела на этого огромного, красивого, сильного и абсолютно счастливого человека и понимала, что все в моих руках. Но я уже приняла решение.

– Дядя Витя! Мне надо вам сказать очень многое. И это очень важно. Давайте

так: я все вам расскажу, а вы потом спрашивайте, хорошо?

– Как все загадочно! Ну, давай, разбойница, будь по-твоему!

– Это касается Вячеслава Николаевича Кошкина. Дядя Витя, помните, тогда, на Новый год, я говорила, что Кошкин уверен, будто у Крысы есть сообщник? Помните? Так вот, я тогда вам не все сказала. Кошкин был уверен, что сообщник – это вы. Он сказал мне, что у него есть неопровержимые улики против вас, но он пока не готов их предоставить. Кошкина убили вскоре после нашего с вами разговора. И еще. Я знаю, что накануне убийства за дачей Кошкина наблюдал человек, как две капли воды похожий на вашего помощника, майора Беглова. И я знаю, что Беглов следил за мной. Я думаю, что именно Беглов убил Кошкина в тот момент, когда по вашему поручению искал на даче компромат против вас. А бомж вообще был не при чем. И последнее. Кошкин передал мне диски с видео-записями. Там какие-то люди передают вам пакеты, видимо с деньгами.

Я замолчала. Колесников очень внимательно выслушал все, что я сказала. Он уже не смеялся и не шутил, но на его лице сохранилась легкая ухмылка.

– Ну и ну! Нет, я знал, что у людей в старости бывают проблемы с психикой, но чтоб настолько! Вот это он тебе голову задурил! Неужели ты всерьез это все говоришь?

– Дядя Витя, я много думала об этом. И я очень не хочу, чтобы это все оказалось правдой, но факты все складываются один к одному. Опять же эти диски с записями.

– А можно мне взглянуть на эти таинственные записи?

– Да, конечно.

Я на секунду остановилась, сняла рюкзак и достала стопку дисков. Положила в протянутую широченную ладонь.

– Вот.

– Копии сделала?

– Нет. Правда. Может, у Кошкина еще были копии, но я не делала.

– Если все так серьезно, почему сразу не отправила, куда положено?

– Я хотела сначала с вами поговорить.

Колесников какое-то время держал диски на вытянутой руке, словно взвешивал. Потом сунул их в карман пальто, подошел к парапету, закурил. Я подошла и встала рядом.

– Дядя Витя, я не собираюсь ничего никуда отправлять. Но я разобраться хочу. Для меня это очень важно.

– Все не так, как тебе кажется. Все гораздо сложнее. Давай дойдем до машины, у меня там ноутбук лежит. Посмотрим записи. Потом продолжим разговор. Хотя, нет. Мне надо подумать... Давай завтра еще раз встретимся и поговорим, идет?

- Идет.
- Тебе Кошкин еще что-нибудь передавал?
- Нет, только диски.

Мы пошли в обратную сторону, к машине генерала. От его былой веселости не осталось и следа. Молча смотрел прямо перед собой, курил сигарету за сигаретой. Заговорил первый.

- Кто еще об этом знает?
- Никто. Только я.

Подошли к машине. Огромный сверкающий Рейндж Ровер. Черный. А, ну понятно!

– Мы тщательно осмотрели дачу и квартиру Кошкина. Нет никаких материалов против меня. Скорее всего, это просто вымысел.

- Я знаю, что вы обыскали дачу.
- Откуда?

Я, молча, достала телефон и показала Колесникову то самое фото, которое сделал Пашка возле дачи Кошкина. Машина та же самая. Вглядевшись, генерал удивленно поднял брови, потом перевел взгляд на меня.

- Откуда?
- Случайно так вышло.
- И ты мне не скажешь?
- Нет...

Какое-то время он смотрел мне в глаза, потом отвел взгляд. Судя по всему, он теперь тоже стоял перед тяжелым выбором.

- До завтра.

Сел в машину и, не глядя на меня, быстро уехал. Теперь, как говорится, мяч был на его стороне. Мне оставалось только ждать.

30.

О чем я думала в тот вечер? Станет ли генерал Колесников лихорадочно замечать следы, или будет придумывать для меня правдивое объяснение всех этих событий? Он бы мог уничтожить диски, и притвориться, что остальное просто вымысел, большие фантазии старого человека, маразм. Поведение Беглова он вполне мог бы объяснить. Например: Майор вовсе не следил за дачей Кошкина и за мной, а наоборот охранял. Единственный серьезный аргумент не в его пользу – те самые, ненайденные пока, материалы Кошкина. Может они в тайнике? А может, Кошкин так же передал их кому-то, как и мне? И попросил пустить в ход, в случае его смерти? Полное спокойствие у Колесникова будет только тогда, когда он убедится, что материалов не было и нет, либо он найдет материалы и уничтожит. После того, как я отдала ему диски, у меня не осталось никаких

доказательств, только слова. Ничем не подкрепленные слова. Как свидетель я была абсолютно неопасна. Да, скорее всего он сейчас будет искать. Было уже довольно поздно. Я чувствовала сильную усталость – сказывалось нервное напряжение в течении всего дня. Нужно было поспать, восстановиться. Набраться сил. Долго ворочалась в кровати, не могла уснуть. В голову лезли всякие мысли. Потом, вроде, начала засыпать. Где-то очень далеко зазвонил телефон. Мелодия, точь-в-точь, как у меня. Звук, как сквозь толщу воды, очень-очень далеко. Во сне я вздрогнула и открыла глаза. Схватила телефон. Колесников. Посмотрела время. Начало первого.

– Да! Алло!

– Приезжай на дачу. Прямо сейчас.

И все. Какая дача? Что происходит? Набрала номер генерала. Гудки идут, но он не отвечает. Так, что делать? Если Колесников позвонил среди ночи и попросил приехать, значит это срочно, откладывать нельзя. Что-то случилось! А если плюнуть, и поехать утром? Но тут включилась моя интуиция. И не прошептала, не сказала, а буквально прокричала, что нельзя медлить, надо спешить! А может полицию туда вызвать? Нет, так я могу все испортить. Надо самой ехать. Вскочила, быстро оделась. Вызвала такси. Пока ждала, успела сварить и выпить чашку кофе. Так, все, такси у подъезда. Уже в дверях, споткнулась, на секунду задумалась, вернулась в комнату. Достала из-за книг пистолет и сунула в карман пуховика. Все, теперь можно было ехать. Таксист, веселый кавказец, всю дорогу пытался разговорить меня, но, в конце концов, отстал. Машин ночью на дорогах было мало, доехали быстро. Я попросила высадить меня не у самого дома, а в начале улицы. « Не боишься одна ночью здесь бродить? ». Я не ответила, молча вылезла из машины и захлопнула дверь. Такси уехало. Я стояла одна посреди темного дачного поселка. Ни одного огонька. Ни души. Только ветер шумит в кронах деревьев. В Москве снега почти не осталось, а здесь почти ничего не изменилось, появились лишь редкие проталины вдоль дороги. Стараясь не поскользнуться и ступать тише, я пошла к даче Кошкина. Вскоре увидела очертания дома. Рядом с калиткой стояла машина Колесникова. Я подошла к калитке и прислушалась. В доме ни огонька, ни звука. Вернулась к машине, заглянула внутрь, никого. Вдруг стало очень страшно. Что там в доме? Я вспомнила, какой сильной и смелой я казалась самой себе еще совсем недавно. Надо было идти. Я толкнула калитку и медленно пошла по дорожке к дому. Перед крыльцом остановилась, прислушалась. Тишина. Тихо-тихо поднялась по ступеням. В этот момент мне показалось, что краем глаза я видела в стороне какое-то движение. Я отпрянула к стене, непроизвольно вскинула для защиты обе руки и снова замерла, вглядываясь в темноту. Вроде, никого. Показалось. Открыла дверь. Достала телефон и стала себе подсвечивать, как фонариком. Дверь в комнату была распахнута. Я на цыпочках подошла и заглянула внутрь. Никого. Все вверх дном. От былого уюта не осталось и следа. Книги, бумаги – все валялось на полу, ящики стола вытащены и брошены. Несмотря на разруху, почему-то обратила внимание, что не вижу легендарного самовара. Вернулась в коридор. Вдруг заметила,

что край брезентового занавеса отодвинут и оттуда, из глубины дома пробиваются какие-то слабые отблески. Стараясь не скрипеть половицами, подкралась и заглянула вглубь коридора. Точно! Дверь в соседнюю комнату была приоткрыта, и в щель пробивался слабый свет. Я замерла. И вдруг...

– Да ты проходи! Не стесняйся! Мы тебя уже заждались!

От неожиданности я вздрогнула и выронила телефон! Мелькнула какая-то тень, дверь широко распахнулась. Передо мной стоял майор Беглов. Собственной персоной. В руке пистолет.

– Как доехала, писательница? А?

Я итак была сильно напугана, а этот громкий, хамоватый голос меня просто парализовал.

– Ну, чего молчишь? Язык проглотила?

Я с трудом сделала шаг назад.

– А... А где дядя Витя?

– Дядя Витя? Здесь дядя Витя! Да ты проходи, че встала?

Он посторонился, уступая мне дорогу. Я вошла в комнату и сразу увидела Колесникова, сидящего на стуле посередине комнаты. Руки были связаны за спиной, рот заклеен широким серым скотчем. На лице синяки, кровь. Видимо он приехал сюда в костюме, но сейчас сидит в рубашке. Пиджак скомкан и лежит на полу. Ту же на каком-то ящике стоит керосиновая лампа и освещает комнату тусклым желтоватым светом. Колесников был как-то сгорблен, смотрел на меня исподлобья и громко сопел носом. Мне вдруг стало его ужасно жалко, я хотела подойти к нему, но грубый окрик остановил меня.

– Стоять! Отошла к стене! Значит так! Делать только то, что я скажу! Я задаю вопросы, вы отвечаете! Ясно?!

– Да...

– Генерал?!

Колесников кивнул. Беглов подошел к нему и резким движением содрал скотч с его лица.

– Я так думаю, что нам надо кое-что объяснить девочке, верно? Слушай сюда! Когда ты ему про Кошкина рассказала, он послал меня сюда. Приказал Кошкина ликвидировать, найти нужные бумаги. Первое я сделал, а вот второе нет. Если компромат на него всплывет, выйдут и на меня! А на мне, помимо всего прочего, теперь еще и труп. Усекла? На генерала наплевать, а вот мне пожизненное светит! И мне терять нечего! Значит так! Сейчас вы оба дружно будете вспоминать, где могут быть эти бумаги! Я вот уже спросил дядю Витю, но он не хочет мне помочь! Твой выход писательница!

Колесников негромко кашлянул и сплюнул на пол кровавой слюзью-

– Она ничего не знает! Я тебе уже сказал! Баран...

Беглов посмотрел на меня, улыбнулся, спрятал пистолет в кобуру под куртку. Подошел к Колесникову. Глядя ему в глаза, медленно поднял руку, сжал в кулак и, через секунду, молниеносно, очень сильно ударил генерала по лицу. Я вскрикнула и зажмурилась, а генерал вместе со стулом повалились на пол. Беглов неспешно поставил стул, подхватил под мышки генерала и усадил его обратно. Оторвал кусок скотча и снова заклеил Колесникову рот. Подошел ко мне. Господи, как же страшно!

– Начнем все сначала, девочка. Итак. Ты много раз разговаривала с Кошкиным. Он рассказал тебе много чего интересного. Подумай, где бы мог быть тайник? Ну? Давай вспоминай.

– Я... Я, правда, ничего не знаю... Честно!...

– Ответ неправильный. Попробуй еще раз. Ты, пойми, Инга. Ты ведь Инга, да? Так вот. У нас ведь вся ночь впереди. Соседей вокруг никого, я проверил. Стульев здесь достаточно. Я посажу тебя, как дядю Витю, и буду спрашивать по-другому. А еще в соседней комнате кровать имеется. Хорошая, большая. Если здесь не вспомнишь, перейдем туда. А хочешь, сразу туда? Не? Тогда вспоминай. Вспоминай, тварь!!!

И сильно, ударил по лицу. Я отлетела назад, стукнулась о стену и сползла вниз, на пол. В глазах потемнело. Я смутно увидела, как на мой пуховик падают капли крови, все чаще и чаще. Поднесла руку к лицу, но так и не поняла, нос разбит или губа. Лицо после сильного удара не то чтобы болело, а как-то онемело, и я его не чувствовала. Подняла глаза. Беглов стоял рядом и смотрел на меня сверху.

– Пока отдохни, а я с дядей Витей продолжу.

Снова подошел к Колесникову. Достал из кармана большой складной нож. Медленно, перед лицом генерала, раскрыл.

– Это, чтобы помочь вам вспомнить. Стрелять я не буду – сам знаешь, генерал, сколько потом мороки. Пули, гильзы, следы пороховых газов. Я, генерал, знаешь, чего подумал? Ты ведь мне теперь не нужен. Если бы знал, где тайник, то давно бы рассказал. Верно? Ну, вот. А раз ты мне не нужен, то можно тебя на ноль умножить. Верно? А мы с писательницей продолжим! Верно, писательница?!

Я уже пришла в себя. Последний раз так сильно я получала по лицу в школе, когда на соревнованиях по волейболу неудачно сделала переднее падение, отбивая мяч. Тогда хорошо припечаталась об пол. А сейчас я смотрела на дядю Витю, на этого выродка Беглова, и думала, неужели все? Неужели все вот так и закончится? Я вдруг вспомнила по пистолет. Беглов стоял ко мне вполборота. Я потихоньку расстегнула молнию на кармане и вытащила пистолет.

– Ну, давай, генерал! Передавай привет Кошкину! Ну, и студентку эту ждите, скоро она к вам прибудет!

Левой рукой он надавил генералу на лоб, а правой поднес нож к его горлу.

– Не двигайся, мразь!

Я даже не узнала свой голос. Какой-то хриплый, чужой, нетвердый. Беглов на секунду замер, повернул ко мне голову, увидел пистолет в моих, чуть дрожащих руках. Опустил нож, повернулся.

– Это что? Откуда у тебя ствол? Ах ты, тварь! Ты мне будешь угрожать оружием? Мне! Офицеру! Да я тебя!...

Он рванулся в мою сторону. Я как зачарованная смотрела на его перекошенное от ярости лицо и ничего не делала. Но, вдруг... Легкий, почти неслышный хлопок со стороны коридора. Беглов дернулся, отлетел к противоположной стене, завалился на бок и замер. На груди его быстро росло темное пятно. Стеклообразные глаза смотрели прямо на меня. Я вскрикнула и посмотрела на Колесникова. Он тоже резко выпрямился и смотрел то на меня, то на Беглова. Наступила тишина.

31.

Мы оба были словно в каком-то оцепенении. А потом я услышала шаги. Очень легкие. В комнату вошел человек. На голове черная маска с прорезями для глаз и рта. Такие маски я видела у омовцев, по телевизору. Человек посмотрел на меня, на Колесникова, подошел к Беглову и вытянул руку с пистолетом. Я отвернулась. Легкий хлопок. Потом человек взял с тумбочки не то старое одеяло, не то плед и накрыл тело майора. Взял свободный стул, поставил перед нами и сел. Мы молча смотрели на него, он изучал нас. Вдруг, легко поднявшись, подошел к Колесникову и аккуратно снял с его лица скотч. Вернулся на свой стул. Молча. Ни одного звука. Дядя Витя первый нарушил тишину.

– Ты еще кто такой?

Незнакомец молчал. Повернувшись ко мне, смотрел мне в глаза. Мне стало как-то жутко. Эти глаза могли принадлежать кому угодно, но не человеку. Пустые, холодные, изучающие. Наверное, такие глаза у змей или акул. Эти глаза не знают ни жалости, ни сочувствия, ни сострадания. Жертва обречена. Других вариантов нет. Вдруг меня осенило!

– Крыса? Вы Крыса?

– Узнала.... А как узнала? Догадалась?

Голос тихий, сдавленный. Даже не голос, а шипение какое-то, или шепот.

– Мне Кошкин про вас рассказывал.

Опять легко поднялся со стула подошел ко мне. Я вся съежилась, ожидая удара. Но он просто протянул мне мой телефон.

– Это не твой? В коридоре поднял.

Я взяла телефон левой рукой, а в правой у меня был пистолет. Я про него совсем забыла. Крыса легко, безо всякого усилия забрал у меня оружие и опять вернулся на свой стул. Теперь он смотрел на Колесникова.

– Вот и свиделись. А то все только по телефону общались. Как живешь, генерал? Вижу, неплохо?

– Как ты здесь оказался?

– Беглов сообщил. Я ему однажды много денег пообещал за такие вот важные сообщения. Вот и сообщил.

– Что тебе надо? Отпусти девчонку, она не при чем!

– Ну, как же, как же... Она ведь всю эту кашу заварила, она...

Я слушала этот свистящий шепот, видела, как начинает нервничать Колесников. Появившаяся было надежда на спасение, быстро таяла. Я решила еще на один отчаянный шаг.

– А может вы и не Крыса вовсе? Может, он сообщника прислал?

Повернулся, внимательно смотрит мне в глаза. Видимо, просчитывает ситуацию на несколько ходов вперед.

– Ну, а кто же я, по-твоему?

– Да кто угодно! Если и вправду Крыса, верните то, что забрали у Кошкина тогда, в Питере!

Никакой реакции. Молча смотрит немигающим взглядом. Потом очень аккуратно положил мой пистолет на пол и сунул руку в карман.

– Тебе это нужно? Лови!

Я не смогла поймать брошенную зажигалку и она, брякнувшись о стену, упала на пол. От красной звездочки отлетел один лепесток.

– Что ж так неаккуратно? Теперь убедилась, что я это я?

– Убедилась...

Колесников, до этого молчавший, вдруг заговорил очень твердым, но тихим голосом.

– Послушай, как там тебя? Что ты хочешь?

Крыса, все еще смотревший на меня, медленно повернулся к генералу.

– Что я хочу? Я хочу все закончить и исчезнуть. Навсегда. Обо мне знали три человека. Кошкин, Беглов и ты. Теперь еще и она. Беглов убрал Кошкина. Я убрал Беглова. Остались вы двое. Я вложу вам в руки свой пистолет и пистолет Кошкина. Все будет выглядеть, словно вы здесь все друг друга перестреляли. Там в подсобке у Кошкина припасены баллоны с газом, а в сарае я нашел канистру с бензином. Я оболью все бензином, открою вентили на баллонах, брошу зажигалку. У меня будет несколько минут, пока газ дойдет сюда. Выйду из дома, сяду в твою машину и уеду. Даже если тайник с документами в доме, он погибнет при взрыве и пожаре. Кошкин, старый лис, наверняка там что-то и на меня накопал, не только на вас с Бегловым! Я ответил на твой вопрос, генерал?

Колесников не ответил. А у меня вдруг появилась такая ненависть к этой шипящей рептилии! И она, эта моя ненависть, полностью подавила чувство страха. Мне вдруг стало все равно, что со мной будет дальше. Я решила тянуть время, а там будь, что будет!

– Крыса, послушайте! Вы же все равно нас убьете, ответьте на пару вопросов!

Опять этот взгляд. Но я уже могла с собой справиться.

– Скажите, кто та женщина, которая изображала вашу жену? Ну, когда вы на стадионе работали, с дерева стреляли? Она случайный человек или действительно ваша жена?

В ответ молчание. Крыса смотрел в упор, не мигая. Он снова просчитывал ситуацию и, наверняка понял, что я тяну время.

– И еще вопрос. Зачем вы тогда приходили в кафе? Когда стреляли через дверь. Я просто книгу пишу про вас, и мне надо понять смысл ваших действий.

Крыса вдруг рассмеялся. Но это был не смех, а какое-то свистящее шипение.

– А ты мне нравишься! Ты хорошо держишься и не теряешь хладнокровия. Не то, что эти!

Он кивнул на Колесникова.

– Ты много обо мне знаешь. Что тебе еще Кошкин рассказал?

– Немного, еще пару эпизодов и про вашу встречу в Питере. Он просил вам напомнить, что вы ему должны. Вы ведь сами так сказали, тогда, в Питере?

– Да. Так и сказал. Слушай, а если нам с тобой на пару книгу дописать, а? Я тебе, вместо Кошкина буду рассказывать! А этого здесь оставим. Ты ведь для меня никакой угрозы не представляешь, у тебя ничего нет против меня! Вот и верну Кошкину должок – напишем, какой он был герой, а?

– Я подумаю. Вы лучше расскажите, как вы заставили работать на себя Белова и Колесникова!

– Какая теперь разница? Я не буду отвечать на твои глупые вопросы. У меня мало времени. Теперь слушайте меня. Оба. Говорю один раз.

Я повернулась к генералу и увидела, что он пристально смотрит на меня, словно пытается что-то сказать. Он что-то придумал!

– Девочка, вставай. За дверью канистра. Неси сюда.

Я медленно поднялась и на нетвердых ногах подошла к двери. В коридоре стояла большая канистра. А еще почувствовала еле уловимый запах газа. Я уцепилась за ручку, но не смогла поднять ее, втащила в комнату волоком.

– Там газом пахнет.

– Да. Это я открыл заранее вентили. Наконец-то и до нас дошло. Еще минут пять и газ наполнит и эту комнату. Открывай канистру и лей бензин на пол.

Я попробовала открыть, но крышка была очень туго завинчена. Крыса, навядя пистолет на генерала, подошел ко мне и легко открутил. В эту минуту Колесников опять заговорил.

– Почему не убьешь нас сразу? Зачем весь этот спектакль?

Крыса махнул мне рукой, дескать, давай, лей и повернулся к генералу.

– Ты же меня знаешь. Я растягиваю удовольствие. И мне интересно, неужели вы вот так сдадитесь, и не будете сражаться за свои жизни? Может, стоит попы-

таться? А, генерал? Погоди, я дверь прикрою, чтобы газ пока не зашел.

Он на секунду отвернулся, но этого хватило, чтобы дядя Витя мне подмигнул. Вдруг меня осенило. Я выронила канистру, и закричала, показывая в угол:

– Смотрите! Беглов еще живой!

Крыса резко повернулся и, практически не целясь, стал стрелять в одеяло, которым был накрыт майор. А дальше все полетело с какой-то просто космической скоростью. Дядя Витя вдруг вскочил и, наклонившись, бросился вперед. Через секунду он головой ударил Крысу в живот и, буквально, впечатал того в стену! Крыса вскрикнул и сполз на пол, а генерал ударил ногой по руке с пистолетом, и стал наносить удары по голове, по животу. Через несколько секунд Крыса корчился на полу и стонал. Его пистолет отлетел в сторону.

– Инга, руки!

Я лихорадочно искала, чем перерезать скотч, стянувший руки генерала и вдруг увидела нож Беглова. Схватила с полу и подбежала со спины к дяде Вите. Крыса делал попытки поднять голову, но генерал каждый раз мощным ударом ноги отправлял его в очередной нокаут. Маска на лице Крысы пропиталась кровью он уже не стонал, а громко хрипел. И этот хрип уже переходил в какой-то сумасшедший хохот.

– Нееее! Не все так просто!!! – с этими словами Крыса ударил ногой по ящику, на котором стояла керосиновая лампа. Та покачнулась и стала падать. Я смотрела на нее, как зачарованная, а дядя Витя схватил меня за руку.

– Инга, бежим! За мной!

Я рванулась за генералом, но в какую-то долю секунды успела наклониться и схватить мой пистолет. Лампа упала на пол, стекло разбилось, горящий керосин стал растекаться и подбираться с бензиновой луже в центре комнаты. А мы бежали с генералом по коридору к выходу. Сзади доносился истошный, безумный хохот. Выбегая на крыльцо, я запнулась о какую-то коробку и рухнула на пол. Дядя Витя сгрел меня в охапку, закинул на плечо и так и бежал до самой калитки.

– В машину! Сразу пригнись!

Двигатель взревел в тот самый момент, когда раздался взрыв. Я сидела, согбившись и закрыв голову руками. Меня швыряло из стороны в сторону, а Рейндж Ровер задом, сметая мелкие деревца, кусты, заборы уносился по улице от горящего дома. Я увидела Колесникова, яростно крутящего руль и лихорадочно смотрящего то на дом, то в зеркала. А потом я подняла голову и невольно зажмурилась от того яркого зарева, которым было залито все вокруг. На месте дачи Кошкина была какая-то огненная стена, сверху падали обломки, какие-то доски. Наконец, машина остановилась. Дядя Витя продолжал сжимать руль и тяжело дышал, глядя на пожарище. Мы были в безопасности.

32.

Я вздрогнула и открыла глаза. Колесникова в машине не было. На улице уже начинало светать. Мы, видимо, свернули на парковку, к придорожному кафе. Я

попыталась вспомнить, что произошло. После взрыва мы несколько минут сидели, словно в оцепенении, потом генерал молча что-то искал в навигаторе, потом мы долго ехали через лес, какие-то деревни. Мы не разговаривали. Наконец, выехали на трассу и повернули в сторону Москвы. В этот момент я видимо, уснула. Нет, не так. Я просто отключилась. После сильного стресса мой организм решил восстановиться, и я словно провалилась в какой-то темный омут. А что случилось с Крысой? Где мы сейчас? И где, черт возьми, дядя Витя? Дверь кафе распахнулась и я увидела его. В одной руке бумажный пакет с едой, в другой – два стакана с кофе.

– Проснулась? На, держи. Кофе. А здесь блины. Еще горячие. Ешь.

Я пила кофе маленькими глотками и пыталась прийти в себя. Есть не хотелось. Дядя Витя, наоборот, стал есть. Молча. Мы не знали, что говорить. Я отвернулась к окну. Потом увидела пятна крови на пуховике, опустила солнцезащитный козырек и посмотрела на себя в зеркало. Нда... Губа разбита, все опухло. А вот нос цел, уже хорошо. Дотянулась до рюкзака, достала салфетки. Надо было привести себя в порядок. Колесников молча ел, изредка поглядывая на меня. Допил кофе, достал сигарету и вышел из машины. Так и курил, в грязной рубашке, весь в синяках. Я вдруг вспомнила про пистолет. Его нигде не было. Ни в карманах, ни в рюкзаке, ни рядом на сидении. Дядя Витя бросил окурочку и еще несколько минут просто стоял спиной к машине, засунув руки в карманы брюк. Потом резко повернулся, распахнул дверь и сел рядом со мной.

– Ну?... Что молчишь? Нам ведь все равно придется поговорить.

– Дядя Витя, где мой пистолет?

– Это пистолет Кошкина. И это не игрушка. Я не могу его тебе оставить, извини...

Я вдруг страшно рассердилась. Очень тихо и каким-то чужим, злым голосом я прошипела:

– Немедленно. Отдай мой пистолет.

Я первый раз перешла с ним на «ты» и говорила таким тоном. Он внимательно посмотрел на меня. Видимо в моих глазах появилось что-то, чего он раньше не видал. Помедлив, он повернулся, дотянулся до заднего сидения и протянул мне пистолет.

– Обойму!

– Послушай, Инга...

– Я сказала, обойму!

Все патроны были на месте. Я вставила обойму в пистолет и положила его в карман пуховика. Потом отвернулась и стала смотреть в окно.

– Инга, я тебя хорошо понимаю. Но нам надо поговорить. Нам надо решить, что делать дальше. Я тебе сейчас все расскажу, а уж ты решай, как поступить. Я не приказывал Беглову убивать Кошкина. Ему надо было выбрать момент, когда

Кошкина не будет дома и осмотреть дачу. Но он решил по-другому. В дом он полез ночью, думая, что Кошкин спит. Когда взламывал дверь, видимо, разбудил Кошкина и тот оказал сопротивление. Ну, а дальше сама знаешь... Потом этого бомжа подставил.

– Дядя Витя, что же вы его сразу не сдали?

Генерал Колесников ответил не сразу

– Не мог. Я тебе сейчас расскажу. Много лет назад, еще в конце девяностых, Беглов, тогда еще лейтенант, привел ко мне знакомых бизнесменов. Им нужна была крыша, защита. По деньгам быстро договорились. Потом были еще люди. А Беглов все эти разговоры, оказывается, записывал. Это как раз те самые записи, что он потом подкинул Кошкину, по приказу Крысы.

Я не знаю, в какой момент Крыса вышел на Беглова и завербовал его. Когда он понял, что возможностей Беглова не хватает, поручил ему начать меня шантажировать, чтобы заставить работать на них. Я рассказывал ему о нашей работе, о Кошкине. И я никогда раньше его не видел. Мы общались только по телефону, каждый раз с новых номеров.

Кошкин стал подозревать меня. Он добился, чтобы Беглова перевели в другое подразделение, установил за мной наблюдение. Мне приходилось постоянно придумывать, как не провалиться. Потом он ушел на пенсию, и я занял его место. Вернул Беглова. На него у меня, кстати, тоже был компромат. Он однажды насмерть забил подозреваемого. А потом появилась ты со своей книгой. Тогда, на Новый год, я сразу понял, что Кошкин затеял свою игру. Он знал, что я тебя не трону, не смогу ничего с тобой сделать. Поэтому он и подкинул тебе эту тему с Крысой, потом рассказал о сообщнике Крысы. Он знал, что ты расскажешь мне, и я начну действовать, а следом и Крыса забеспокоится. Я думаю, что не было никакого тайника с документами. Это такая ловушка была, приманка. А ведь сработало! Только вот одного он не учел. Беглова. Тот как узнал от меня о тебе и Кошкине, как с ума сошел. Очень боялся, что меня поймут, а следом и его. Вечера вечером он позвонил мне, и велел привезти материалы на дачу. Угрожал, что убьет жену и сына. Когда я приехал и вошел, он оглушил меня и связал. А когда я очнулся, он с моего телефона набрал твой номер и приказал вызвать тебя на дачу. Я вначале отказался, как видишь. Но он умеет уговаривать. Я просто очень боялся за Марину и за Глеба.

Дядя Витя замолчал. Достал сигарету, опустил стекло, закурил. Я ни разу не видела, чтобы у него так дрожали руки.

– И Крысу вчера тоже он позвал. Они думали, что ты знаешь, где тайник с документами. Инга, послушай! Я совершил много плохих поступков. И мне сейчас очень стыдно перед тобой. И я готов ответить, даю тебе слово! Но я не убивал Кошкина, я не отдавал такого приказа! Клянусь тебе! Что мне сделать, чтобы ты мне поверила?

Он заплакал и закрыл ладонями лицо. Я не знала, что мне ему ответить. Слишком много всего произошло за последние несколько часов. Я мчалась сре-

ди ночи на заброшенную дачу где-то в глуши, меня били, на моих глазах убили человека, меня саму чуть не застрелили и не сожгли, при мне взорвался дом и погиб еще один человек, я разгадала тайну Крысы, для меня открылась вся подноготная генерала Колесникова. А теперь я еще должна решить, что делать дальше. Я смотрела на генерала, слушала его исповедь и вспоминала умницу тетю Марину, смешного и нескладного Глеба. И я знала, что я люблю этих людей, что они мне очень дороги. Я положила руку дяде Вите на плечо.

– Дядя Вита я вам верю. Правда. Отвезите меня домой, пожалуйста.

– Ах, ты моя хорошая, разбойница! – он крепко обнял меня и уже разрыдался прямо в голос. Ну а там и меня прорвало. А когда подъехали к моему дому, Колесников, очень серьезно глядя на меня, тихо сказал:

– Пока... И спасибо тебе. Ты ведь мне жизнь спасла!

– Я?

– Да, ты. Когда Беглов мне нож к горлу приставил, помнишь? Еще секунда и все!

– А вы меня из того дома на себе вынесли, и от Крысы спасли!

Я вылезла из машины, захлопнула дверь и усмехнулась. Несколько вмятин, глубокие царапины, трещины на стекле – от бывшего блеска не осталось и следа. Интересно, что он скажет тете Марине?

33.

Памятник совсем небольшой, но строгий. На черном мраморе портрет Кошкина, фамилия, имя, отчество, даты... Кошкин изображен в парадном кителе с наградами. Взгляд, как всегда строгий, внимательный. Кажется, совсем недавно пили чай из самовара, часами говорили обо всем и вот, памятник, цветы, венки. Пока я укладывала и поправляла букет гвоздик, Пашка деловито налил из фляжки водки в три маленьких рюмки. Одну поставил к памятнику и положил сверху кусочек черного хлеба. Потом молча, протянул мне мою рюмку.

– Давай, Калинина, помянем Вячеслава Николаевича. Я его не знал, но судя по твоим рассказам, хороший был человек. Давай. На вот, сок, запей.

Еще несколько минут стояли молча.

– Паш, ты иди, я догоню.

Пашка пожал плечами, убрал рюмки и фляжку в рюкзак и побрел к выходу с кладбища. Я опустилась на корточки рядом с памятником и поставила рядом с рюмкой маленькую блестящую зажигалку. С одной стороны красная звездочка с одним отлетевшим лепестком, а с другой надпись: «Моему Славику с любовью!».

– Вячеслав Николаевич, вы все-таки победили!

Прошла уже неделя с той самой ночи. Я окончательно пришла в себя, вернулась к делам и учебе. С Колесниковым больше не общалась. Пашка прислал ссылку на сайт с новостями. Там рассказывалось, что на одной из заброшенных дач в Подмоскowie произошел взрыв газового баллона. При этом погибли два

человека, скорее всего бомжи, которые забрались в чужой дом и решили погреться. Странно. Должны были найти как минимум два пистолета и нож, а это уже совсем другая история, не про бомжей. Но, судя по всему, никто не собирался «копать». Меня полиция не беспокоила. Три дня я пробыла дома. Отсыпалась, стирала пуховик и джинсы, к книге не прикасалась. Я решила не писать про Крысу. И не участвовать в конкурсе. Пашку я не стала посвящать до конца во все хитросплетения всей этой истории. Увидев, что я не хочу выкладывать все до конца, он махнул рукой.

– Ладно, Калинина, не парься! Книгу напишешь потом, там все и прочитаю!

Звонили родители, интересовались, куда я пропала, почему не звоню. Как обычно сослалась на занятость, на диплом. А еще мама сказала, что к ним в гости приезжали Колесниковы, что дядя Витя попал на машине в аварию и пострадал. Машина у него была в ремонте, приезжали на машине тети Марины. Привезли в подарок огромный старинный самовар. Дядя Витя сказал, что из него, возможно, сам товарищ Сталин чай пил. Договорились, что приеду на майские праздники.

Однажды, совершенно неожиданно позвонил Петр Петрович. Поинтересовался здоровьем, осторожно спросил «как вообще дела?». Сказал, что того самого Гену, бомжа, вроде хотели сначала похоронить где-то на казенном кладбище, где всех таких хоронят и неопознанные тела тоже, но жители поселка написали коллективное письмо и его похоронили на местном поселковом кладбище. В ближайшие выходные мы с Пашкой поехали туда. К пепелищу подходить не стали. Свежую могилу нашли сразу. Простой деревянный крест, цветы. На табличке надпись: «Здесь похоронен Гена. Очень хороший человек». И дата смерти. Больше о нем никто ничего не знал. Я привезла цветы, а Пашка достал из кармана маленькую машинку, зеленый джип. И поставил рядом с рюмкой. На этом история могла бы, и закончиться, да только вот уже осенью, через полгода, мне в дверь позвонили. На пороге стояли Петр Петрович и еще какой-то человек, его ровесник. Невысокий, лысый с седыми усами. Это был тот самый Никита-пчеловод. Привезли мне ведро меда. Пили чай, вспоминали Кошкина. Перед уходом, Петр Петрович достал из кармана бумажный сверток и протянул мне.

– Это тебе. От Славки. Еще посылка. Он, оказывается, свою квартиру на Соколе мне завещал и велел продать, а деньги на три части. Мне, Никите и тебе. Мы об этом только летом узнали, адвокат позвонил. Держи.

– Я не могу! Нет, не возьму!

– Давай, не дури! Самой не надо – потратить на благое дело. Славка так хотел. Бери.

И последнее. Я все-таки сдержала данное Пашке обещание и набила татушку. Маленькая черная кошка. Не пушистый ути-пути котенок, а взрослая, сильная и мудрая кошка. Она никогда не спит, она смотрит и наблюдает, она все знает наперед. Она будет оберегать меня всю мою жизнь, что бы ни случилось.